

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧУВСТВА ПРИРОДЫ.

(Die Entwicklung des Naturgefühls).

АЛЬФРЕДА БИЗЭ.

Переводъ Д. Коробчевскаго.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1890.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 1-го Июля 1890 года.

Типо-литографія Мѣснака и Римана. Бассейная ул., 48.

В В Е Д Е Н И Е.

Природа, съ ея вѣчно неизмѣнными и въ то же время вѣчно мѣняющимися формами явлений, неразрывно связана съ человѣкомъ. Все его существование зависитъ отъ нея; не только физическая, но и умственная особенности его испытываются въ различныхъ видахъ вліяніе природы. Характеръ страны отражается въ характерѣ ея населенія; общее міровоззрѣніе обитателей сѣвера, въ силу климатическихъ условій, иное, чѣмъ у жителей юга. Между тѣмъ какъ робкій, первобытный человѣкъ, смотрящій со страхомъ на угасаніе дневного свѣта и на приближеніе ночной темноты, болѣе боится природы, чѣмъ любить ее, или преклоняется передъ ея явленіями съ почтительнымъ страхомъ; культурный человѣкъ стремится приподнять покровъ, окутывающий ея таинственные формы, и путемъ научного изслѣдования и эстетического наслажденія, постичь и разгадать ея внутреннюю сущность и внѣшнюю красоту. Изслѣдователь старается прослѣдить ея законы, чтобы познать внутреннее содержаніе міра; благочестивый наблюдатель усматриваетъ во всемъ лишь отраженіе всемогущества и благости Творца, другой погружается съ пантеистической пѣжностью въ жизнь и дѣятельность всего, чего онъ чувствуетъ себя только частью; художникъ ищетъ воспроизвести впечатлѣніе, полученнное его душой, въ словѣ или образѣ, или въ садахъ и паркахъ возсоздасть живой пейзажъ въ уменьшенномъ видѣ, болѣе или менѣе подчиняя его искусству.

Радостное чувство, вызываемое природой во всѣ времена, было свойственно каждому съ нормально развитыми душевными способностями; но понять дѣйствіе, производимое природой, и сдѣлать его понятнымъ для другихъ—дано не всѣмъ, и предполагаетъ всегда достаточную высоту умственнаго и

душевного развитія. Природа лежитъ какъ раскрытая книга передъ нашимъ внимательнымъ взоромъ, но сколько разнообразныхъ народовъ и поколѣній прошло по землѣ, столько же различныхъ толкований придавалось тому, что написано въ этой книгѣ неизгладимыми чертами. Прекрасное въ природѣ подобно прекрасному въ искусствѣ. Каждый человѣкъ, надѣленный чувствомъ, испытываетъ притягательную силу благозвучной музыкальной пьесы, картины, съ красиво подобранными красками, или величественной статуи, но только знатокъ, при помощи своего специального пониманія, можетъ проникнуть въ сущность художественного произведенія и постигъ тайну художника.

Природа — величайшая художница, и чѣмъ съ болѣшимъ удивленіемъ или пониманіемъ мы созерцаемъ ея произведенія, чѣмъ глубже научнымъ или эстетическимъ путемъ мы вникаемъ въ ея явленія, тѣмъ болѣе мы получаемъ отъ нея, тѣмъ сильнѣе возрастаєтъ нашъ восторгъ, наше наслажденіе.

Что же придаетъ языкъ неодушевленной природѣ? Что составляетъ эстетическое, связующее звено между ею и нами? Прежде всего это — дивная способность человѣка, отъ которой онъ никогда не можетъ отрѣшиться, — вносить свое физическое и умственное «я» въ предметы вѣнчанаго міра. «Человѣкъ никогда не даетъ себѣ отчета, насколько онъ антропоморфиченъ», говоритъ Гёте въ одномъ изъ своихъ изречений. И, дѣйствительно, при созерцаніи и высшаго и низшаго, человѣкъ никогда не переступаетъ за предѣлы своей человѣчности; если онъ хочетъ представить себѣ или понять конкретное существо, хотя бы и высшее, онъ никогда не можетъ вполнѣ отрѣшиться отъ самого себя; для человѣка только человѣкъ служить мѣрою всѣхъ вещей; въ собственномъ смыслѣ человѣкъ, основательно понимаетъ только самого себя. Все прочее становится ему понятнымъ или яснымъ, когда онъ ко всему вѣнчаному примѣняетъ себя, въ физическомъ или духовномъ смыслѣ, придаетъ другому свое собственное существо и видѣть въ другомъ самого себя. Эта способность, или вѣрѣніе, врожденная необходимость, этотъ процессъ приспособленія и внесенія своего чувства, простирается на лица такъ же какъ и на неодушевленные предметы. Какой глубокій смыслъ имѣтъ наше слово « состраданіе »! Когда мы сочувствуемъ горю друга, мы перемѣщаемъ себя въ него, представляемъ себя въ его положеніи и настроеніи, т. е. стра-

аемъ вмѣстѣ съ нимъ. Состраданіе и страхъ обусловливаютъ впечатлѣніе, производимое на насъ трагедіей, которое, главнымъ образомъ, заключается въ перенесеніи нашего «я» на другое лицо. Но и каждое пониманіе прекраснаго вообще предполагаетъ подобный же переносъ, который, при гармоническомъ отношеніи среднаго между нами и вѣшнимъ міромъ ведеть къ эстетическому наслажденію.

Извѣстное выраженіе греческой философіи *бюоису ծոսօս սուսակտաւ*, «подобное узается только черезъ подобное», означало у піеагорейцевъ, что математически устроенный разумъ есть органъ познанія математически построенного Космоса. Но оно становится также и основнымъ положеніемъ эстетики. Прелестъ самой коротенькой лирической пѣсеньки заключается въ перенесеніи нашего «я» на изображаемое поэтомъ положеніе или настроеніе, на взаимной связи субъекта и объекта, на сокровенномъ соотношеніи между зрителемъ и зрѣлищемъ. Въ жизни духа все основано на согласованіи. Вниманіе, размыщеніе, сочувствие, возбуждается въ насъ лишь то, что приводить въ колебаніе родственную струну въ нашемъ внутреннемъ мірѣ. «Ты развелъ духу, которого ты понимаешь». Произведеніе искусства, музыкальное, пластическое, поэтическое или живописное, доставляетъ намъ истинно пріятное чувство, когда симпатія связываетъ наше чувство съ предметомъ нашего созерцанія, когда прекрасное, вложенное художникомъ въ его произведеніе, проникаетъ въ нашу душу, какъ электрический токъ, и приводить въ созвучіе разнородные элементы нашей души. Какое сладкое чувство испытываетъ любитель музыки, слушая прекрасную композицію, и какъ глубоко охватываетъ насъ впечатлѣніе драмы или пѣсни, если струны нашей души дрожать и звучать согласно съ ними. Если для смертнаго чистѣйшую радость составляетъ творчество въ искусствѣ или наукѣ, когда высшій духовный свѣтъ освѣщаетъ его, если природа сама непрестанно творить въ душѣ художника тѣ живыя возбужденія, которыя ему самому кажутся вдохновеніями, то поэту и пассивное воспріятіе прекраснаго даетъ наслажденіе, но лишь тогда, когда мы активно слѣдимъ за мыслью художника, возсоздаемъ его произведеніе.

Selbst erfinden ist schön; doch glücklich von
andern Gefundenes,

Fröhlich erkannt und geschatzt, nennst du
das weniger dein? ¹).

спрашивавшъ Гете въ «Четырехъ временахъ года» и подтверждаясь то же въ своихъ афоризмахъ: «Мы ничего не знаемъ о миРѣ виѣ его отношенія къ человѣку, и хотимъ, чтобы искусство было лишь отраженіемъ этого отношенія», и далѣе: «Если вы будете искать въ себѣ, вы все найдете, и въсѣ будеТЬ радовать, если виѣ васъ, какъ бы вы это ни называли, окажется природа, которая будеТЬ приговаривать «да» и «аминь» всему, что вы нашли въ себѣ».

И дѣйствительно, природа даетъ человѣческому духу для сочувствующаго, возсозидающаго пониманія гораздо менѣе, чѣмъ искусство, поэтому человѣкъ долженъ главное здѣсь пополнять самъ. Хотя пейзажъ въ его красивыхъ очертаніяхъ, въ его богатствѣ красокъ и формъ съ пѣнитительно дѣйствующими на глазъ и ухо впечатлѣніями свѣта и полутѣни, то новъ и звуковъ, даже и простому чувству можетъ казаться прекраснымъ и привлекательнымъ и вызывать чувство удовольствія въ зрителѣ и слушателѣ, но полную прелестъ онъ приобрѣтаетъ для насъ тогда, когда мы видимъ въ немъ отраженіе нашей души, нашего настроения, какое мы вложили въ него. «Человѣкъ видить только самого себя въ зеркалѣ природы, и она повторяетъ ему лишь то, что онъ у нея спрашиваетъ», говоритъ Рюккертъ, а Эберстъ объясняетъ: «Да, вложите въ вѣчную природу все лучшее изъ вашего духа и сердца и она возвратить вамъ все, все въ тысячу кратъ щедрою рукою». А Фишеръ говоритъ въ своихъ «Критическихъ мысляхъ» ²): «Даже самое величественное въ природѣ не настолько велико, чтобы оно могло дѣйствовать на насъ, если состояніе нашего духа не содѣйствуетъ тому». Каждый пейзажъ можетъ быть прекраснымъ или привлекательнымъ, если его украшаетъ человѣческое чувство. Мы должны имѣть способность придавать ему духъ, душу, настроеніе. Только тотъ видитъ въ немъ отраженіе своего «я», видитъ въ немъ сочувствующаго друга, только тотъ погружается въ него съ симпатическимъ наслажденіемъ и созерцаеть его съ умиле-

¹ Прекрасно самому находить новое; но развѣ ты менѣе считаешь своимъ то, что счастливо отыскано другими, радостно признано и оѣнено?

² Neu Folge, V р. 182.

ицемъ и одушевленіемъ, кто умѣеть въ силу своего умствен-
наго и душевнаго развитія связать міръ идей и настроеній
съ міромъ явлений. Только волшебный жезлъ поэтической фан-
тазіи оживляетъ природу и согрѣваетъ ее, какъ согрѣвался
камень у сердца Шигмалиона.

Въ пѣснѣ поэта лѣса, стремительные потоки, быстрые
вѣтры живутъ; природа невольно подчиняется божественному
шѣву, какъ это лучше всего символизировано въ сказании
объ Орфѣѣ, который сладкими звуками струнъ увлекаетъ за
себой лѣса, рѣки и животныхъ, которые слушаютъ его. Тотъ,
въ комъ хотя отчасти не живеть художникъ, ничего не уви-
дить въ природѣ, кромѣ листьевъ, деревьевъ, горъ, кромѣ
неба, земли, воды и т. п.

Научное изученіе природы не ограничиваетъ чувства на-
слажденія ею, но дѣлаетъ его разнообразнѣе и тоньше; болѣе
развитое пониманіе природы оживляетъ вызываемый ею во-
сторгъ; чѣмъ значительнѣе и глубже познаніе отдѣльныхъ мел-
кихъ чѣртъ въ жизни природы, оптическихъ и акустическихъ
законовъ, геологическихъ и метеорологическихъ условій, бо-
гатства жизненныхъ растительныхъ и животныхъ формъ на
землѣ и въ морѣ, тѣмъ сильнѣе, обширнѣе и глубже стано-
вится любовь къ природѣ. Короче сказать, интенсивное чув-
ство природы обусловливается всегда достаточною высотою
культурности, достаточнымъ развитіемъ ума и сердца. Только
цѣльному человѣку открывается природа въ своемъ цѣломъ
и развитіе чувства природы идетъ путями аналогичными об-
щему развитию культуры.

Такъ какъ каждой націи и каждой эпохѣ принадлежитъ
особый, свойственный ей образъ мыслей, и такъ называемый
духъ времени подверженъ постоянному превращенію, то и
эстетическое возврѣніе на природу, такъ же какъ теоретическое
мировозрѣніе, постоянно измѣняется; каждый вѣкъ видитъ при-
роду по своему. Мы непрестанно переносимъ на природу нашъ
образъ и напу душу, стараясь постигнуть и изобразить ее. Нѣть
возможности отдѣлить созерцаніе природы отъ одушев-
ленія ея,—какъ говоритъ Фишеръ¹):

¹) N. Kritische Gänge 5. Heft p. 142, сравн. Rob. Vischer, Ueber
den optischen Formsinn, bes. p. 20 ff., Carl du Prel, Psychologie der
Lyrik, p. 94 ff.

«Дѣйствие, въ силу которого мы въ неодушевленномъ находимъ нашу душевную жизнь, имѣть въ основѣ простое сравненіе. Физически ясное уподобляется умственно ясному, смутное, мрачное, душевно смутному и мрачному; тогда мы прямо прилагаемъ наше душевное настроеніе къ неодушевленному предмету и говоримъ: эта мѣстность, эта перспектива, этотъ колоритъ цѣлага, веселый или меланхолический и т. д.». Такъ скала кажется намъ гордо поднимающеюся въ воздухъ; мы мыслимъ и чувствуемъ себя въ ней, приспособляемъ себя къ ней и намъ не только кажется, но для насъ она дѣйствительно возвышается съ гордостью. Такъ, ручей спѣшитъ намъ навстрѣчу съ горы, дерево страстно протягиваетъ руки къ небу или меланхолически склоняетъ ихъ къ землѣ; дождь рожаетъ тяжелыя слезы черезъ зелень деревьевъ; огонь съ простыю набрасывается на строеніе, и воды, съ ликующей радостью освобожденныя отъ льда, несутся черезъ душистые, свѣтлые и смыюющіеся весеніе луга. Мягкій, теплый, лѣтній вѣчеръ съ лучами заходящаго солнца, съ возвращающимися съ зеленѣющіхъ пастбищъ стадами къ деревенскимъ домикамъ, скрытымъ въ зелени, имѣть въ себѣ иѣчто мирно-идиллическое; сѣрое осеніе небо со стонущими на вѣтру, плачущими отъ дождя изами, представляя собою иѣчто элегическое, меланхолическое; горы со своими, поднимающимися къ небу сѣговыми вершинами, блестающими ледниками, низвергающимися потоками, величественны, свободны, горды и т. п. Но вѣнчаная природа не могла бы сдѣлаться символомъ человѣческой души, если бы не существовало тѣснаго сродства между внутреннимъ міромъ человѣка и вѣнчанымъ міромъ природы, если бы передъ нами во всей природѣ не обнаруживался скрытый въ ней духъ, который вполнѣ говорить намъ и близко связанъ съ пашимъ собственнымъ духомъ. Если прекрасное есть одушевленная форма, то прекрасное въ природѣ одухотворяется душою, которую влагаетъ въ нее зрителъ, которую онъ предчувствуетъ и чтитъ въ ней. Природа и духъ вѣчно обмѣниваются дарами другъ съ другомъ.

Мы прослѣдимъ вѣратцѣ ходъ развитія, какому чувство природы слѣдовало въ древности. Пантеизмъ во всѣ времена давалъ начало особенно иѣжной любви къ природѣ, и поэтому въ поэзіи индусовъ мы встрѣчаемъ самое горячее отношеніе человѣка къ природѣ, въ особенности къ растеніямъ и животнымъ. Чувство природы выражено въ Ведахъ съ са-

мымъ возвышеннымъ подъемомъ религіознаго одушевленія, но уже и тамъ человѣкъ видить въ природѣ глубочайшую связь съ его вѣшней и внутренней жизнью — все равно, изображаетъ ли онъ утреннюю зарю съ ея величественной простотой, или воспѣваетъ «золоторукое» солнце. Но чѣмъ болѣе на мѣсто общей природы въ ея цѣломъ, съ ея обширными пространствами неба, земли и воды, выступала опредѣленная мѣстность смотря по требованію историческаго сказанія или драмы, чѣмъ больше вырабатывался браманизмъ со своей пустыннической жизнью, глубоко коренившійся въ созерцательной натурѣ индуза, тѣмъ богаче и ярче становились описанія соотвѣтственно величию или блеску самаго пейзажа.

Человѣкъ и природа, какъ выраженіе одной и той же божественной жизни, родственны и близки между собой и первый представляется себѣ послѣднюю надѣленную жизнью и сочувствующею ему, радующеюся его счастью и отзывающеюся на его горе. Изображенія природы занимаютъ значительное и самостоятельное мѣсто въ эпосѣ и природа играетъ роль и въ драмѣ. Человѣкъ предполагаетъ участіе и сочувствіе къ себѣ во всѣхъ отдѣльныхъ явленіяхъ природы. Когда Дамаянти, блуждая въ лѣсу, ищетъ потеряннаго Наля и видѣть возвышенного стражи лѣса царя горъ, она спрашиваетъ его о своемъ царѣ:

О владыка
Горъ первозданный, спокойно-блаженный, прохладно-росистый,
Тучеподобный, земли подпиратель
Мнѣ давный богами
Спутникъ, покинулъ меня и разставшись съ нимъ, я разсталась
Съ жизнью. Нынѣ къ тебѣ прихожу, многоглавый властитель
Горъ, съ высоты все объемлющій окомъ, скажи: не видалъ ли
Наля? Отвѣтствуй, могучій созданія пѣрвенецъ; словомъ
Сладкой надежды утѣши сироту, какъ отецъ утѣшаетъ
Дочь сокрушенную: гдѣ мой возлюбленный?

И когда она приходитъ къ дереву Азокѣ, она умоляетъ его:
Блаженное дерево, чудный
прекрасный

Гореусладъ, благовонный Гореусладъ, услади ты
Горе мое; цвѣтущій Азбка, скажи, не видалъ ли
Ты моего супруга, царя Нипадскаго Наля?

Въ эпопѣ «Смерть Сизушалы» Магасы, растенія и животныя ведутъ такую же жизнь любви, какъ и полногрудыя дѣвы съ ихъ пламенными возлюбленными. «Гора Райватака тысячами главъ соприкасается съ эфиромъ, тысячами ногъ

сь землею; птицамъ, утомленнымъ ласками ихъ подругъ, она даетъ тѣнь подъ кровомъ изъ листьевъ лотуса... Кто во всемъ мірѣ не удивляется, когда видитъ царя горъ, покрывающаго своей тѣнью далеко простирающіяся страны свѣта и эфиръ, стоящаго съ высоко подымающимися могучими, острыми скалами, на концахъ которыхъ дрожитъ серигъ мѣсяца». Въ «Урвасѣ» Калидасы, покинутый, отыскивая свою жену, спрашиваетъ у водяныхъ птицъ, у хребтовъ горъ, не видали ли они его милой подруги. Когда онъ спускается на берегу горнаго потока, онъ спрашиваетъ себя — откуда исходить воссторгъ, доставляемый ему этимъ потокомъ. На самомъ дѣлѣ: «Его волны — это брови, стаи робкихъ птицъ это — поясъ, а высоко вздымаящіяся пѣна — волнующаяся одежда. Такъ же, какъ возлюбленная онъ шумитъ и кипитъ; да она въ своемъ гнѣвѣ, очевидно, превратилась въ рѣку! Оставь же свой гнѣвѣ, о, рѣчка, зачѣмъ пугать озабоченныхъ птицъ, зачѣмъ бѣжать отъ меня къ морю, шумя, какъ летящій рой пчель!» Блуждая послѣ того, онъ встрѣчаетъ вѣтеръ, приводящій его въ странное восхищеніе; онъ стремится обнять его, находя въ немъ сходство со своей возлюбленной: «Посмотри мое сердце разбито, о, вѣтеръ! Видно судьба такъ хотѣла, чтобы тебя я нашелъ вместо возлюбленной; будь миѣ такъ же миль, какъ моя подруга!» Тогда вѣтеръ превращается въ Урваси.

Въ извѣстной сценѣ произведенія того же автора «Сакунтала», прекрасная дѣвушка поливающа деревья сада не только по приказанію отца, но потому, какъ говорить Сакунтала, что она чувствуетъ къ нимъ любовь сестры. Предполагая такое же расположение къ ней въ манговомъ деревѣ, она восклицаетъ: «Миѣ кажется, манговое дерево своими пальцами — я разумѣю его колеблемыя вѣтромъ вѣтки — что-то миѣ говорить». И подъ скромностью дѣвушки обнаруживается ея стремление къ любви, когда она приписываетъ его растеніямъ: «Посмотри на эту «навамалику», какъ она выбрала себѣ «сангакару» въ супруги. Какъ прекрасно время, дающее столько восторговъ этой древесной парѣ. Какъ очарователенъ союзъ этой четы растеній. О, моя подруга, осыпанная новыми украшениями изъ цвѣтовъ, стоитъ она исполненная юности; онъ также готовъ къ наслажденію». Подруга говоритъ ей: «Сакунтала, ты совсѣмъ забыла Мадгавильяни!» «Если-бѣ я это сдѣлала, я бы забыла самое себя», отвѣчаетъ та, и т. д.

Облака ¹⁾), птицы и волны переносятъ у индусовъ любовныя привѣтствія, вся природа грустить, прощаюсь со своимъ любимцемъ. Такъ, когда Сакунтала разлучается со своимъ лѣсомъ, говорится: «Посмотри, въ какомъ состояніи лѣсъ, готовящійся разстаться съ тобою: антилона роняетъ свой кормъ и павлинъ простоянавливаетъ свои страстныя движения, а его крылья, ослабѣвшія отъ печали, подобны ползучимъ растеніямъ и т. д.

Эти пріувеличенныя одушевленія и олицетворенія, которыя имѣютъ, однако, нѣчто трогательное въ ихъ образной и искренней симпатіи человѣка съ вѣнчанимъ міромъ, находятся въ тѣсной причинной связи такъ же, какъ и съ ихъ несоразмѣрно развитой фантазіей. Въ особенности стихотворенія, посвященныя описанію природы, представляютъ смѣлый одушевленія. Я укажу только на описание дождливаго времени въ «Собраниі времень года» того же Калидасы:

«Облака спускаются со своей тяжестью, сопровождаемые жаждущей стаей птицъ; со сладкимъ для слуха шумомъ распространяютъ они понемногу свои богатые дары... Тихіе потоки подобно дѣвамъ обнимаютъ съ любовью береговыя деревья, толпящіяся кругомъ нихъ и быстро спѣшатъ къ океану... Усталое облако говорить: тамъ, выше, я найду себѣ покой, и оно спускается мягкимъ дождемъ па горы Випдія, складываетъ свою тяжелую ношу и, гдѣ оно поконится, оно освѣжаетъ гору послѣ тѣжкаго солнечнаго зноя». Не менѣе многочисленны и привлекательны, хотя иногда и напыщены образы и сравненія этой поэзіи. Такъ въ Сакунталь говорятъ:

¹⁾ Такъ въ элегіи Гатакарпарама жена, тоскующая о супругѣ, который далеко отъ нея, такъ говорить облакамъ: «Скажите страннику, вы, облака, когда встрѣтите его покрытаго пылью, потому что онъ идетъ скоро по открытой дорогѣ: теперь ты долженъ оставить красоту чужихъ полей; развѣ ты не слыхалъ, какъ горюетъ тамъ твоя возлюбленная! Теперь стремятся о, мой супругъ, веселыя стаи фламинговъ, туда, куда сердце, пѣжная любовь ихъ зоветъ, а также и хатакасъ (кукушка); ты одиѣ только, страпникъ, забываешь твою горюющую жену. Посмотри, какъ милая трава поднимается съ пѣжнымъ призывомъ. И какъ пѣсть хатакосъ пебесный напитокъ, какъ павлины радостно привѣтствуютъ облака своимъ крикомъ; неужели ты можешь теперь быть весель безъ твоей супруги»... Сравн. Das alte Indien v. Böhlen, II р. 384, Cotta, Kommentar zu Humboldt's Kosmos, 1850, II р. 74, тамъ же II р. 38 ff. л 114 ff.

рится: «Богъ любви быль причиною моихъ страданій, и теперь онъ даетъ мнъ силы, такъже, какъ облачный, день освѣжаетъ людей, когда пройдетъ знойное время»... «Даже когда ты уйдешь отъ меня, моя прекрасная, ты не оставишь моего сердца подобно тому, какъ вечеромъ тѣнь не оставляетъ корней дерева, лежащаго на востокѣ» и т. п.

Пантезизмъ индусовъ служить источникомъ этого чувства симпатии къ природѣ, этого сердечного общенія съ міромъ явленій; ихъ міросозерцаніе составляеть діаметральную противоположность монотеистическому воззрѣнію евреевъ. Хотя и для индуза единичное существо передъ единымъ Брамой не представляеть ничего прочнаго, но божественное начало проникаеть у нихъ весь міръ, освѣщаетъ его и придаетъ ему извѣстную цѣнность; между тѣмъ передъ Іеговой все прочее—ничто, только прахъ. Индусъ погружается съ тихимъ созерцаніемъ въ жизнь и дѣятельность природы и въ своей поэзіи изображаетъ ея со всѣмъ ея разнообразіемъ и широтою ради нея самой, а еврей лишь ради Творца. Она имѣеть для него значеніе не сама по себѣ, а лишь по отношенію къ Богу. Его фантазія облетаетъ на крыльяхъ утренней зари, вѣтра или облаковъ, небо и землю, но нигдѣ не останавливается ея взглѣдъ, ея полетъ стремится въ безпредѣльность, ни на минуту не отрывая взора отъ Всевѣдущаго, для Котораго свѣтъ служить одеждой, кровомъ—небо, подножіемъ—земля. Воображеніе Псаломиѣца обнимаетъ небо и землю, сушу и море, горы съ ихъ дикими мѣстами и лѣсами, равнины съ плодовыми деревьями, цветами и травой; но все это онъ кладеть къ подножію Господа, передъ Которымъ колеблется земля, горы прыгаютъ, какъ овны, и холмы, какъ молодые ягната. «Небеса проповѣдуютъ славу Божію и о дѣлахъ рукъ Его вѣщаетъ твердь. День дню нерадеть рѣчъ и ночь ночи открываетъ знаніе (Псал. 18). Да веселятся небеса и да торжествуетъ земля; да шумитъ море и то, что наполняетъ его. Да радуется поле и все, что на немъ, и да ликуютъ всѣ дерева дубравныя предъ лицомъ Господа, ибо идетъ, ибо идетъ судить землю (95); да шумитъ море и что наполняетъ его, вселенныя и живущіе въ ней; да рукоплещутъ рѣки, да ликуютъ вмѣстѣ горы передъ лицемъ Господа (97). Возвышаютъ рѣки, Господи, возвышаютъ рѣки голосъ свой, возвышаютъ рѣки волны свои. Но паче шума водъ многихъ сильныхъ волнъ морскихъ, силенъ въ вышнихъ Господь! (92)». Такъ же, какъ человѣкъ,

и природа боится Бога: «Море увидѣло его и побѣжало; Иорданъ обратился назадъ; горы прыгали какъ овны (113); видѣли Тебя, Боже, воды, видѣли Тебя воды и убоялись и встрепетали бездыны (76)». Всѣ эти столь возвышенныя одушевленія безжизненной природы характеризуютъ отдѣльныя явленія не по ихъ конкретной, индивидуальной сущности, но по ихъ отношенію къ Всевысшему, къ Творцу. Природа есть только книга, въ которой можно читать о чудныхъ дѣлахъ, о всемогуществѣ и всевѣдѣніи, о вездѣсупци и вѣчности Бога; лишь透过 Него все получаетъ свои границы и свое назначение; ничто само по себѣ не служатъ цѣлью. Поэтому еврей не могъ погружаться въ природу съ симпатическимъ чувствомъ, любить се ради нея самой. Она для него лишь откровеніе Божіе, дѣла Котораго столь велики, Который все мудро устроилъ и наполнилъ землю Своей благостью. Съ какимъ пламеннымъ воодушевленіемъ прославляется величіе Іеговы въ природѣ: «Благослови, душа моя, Господа! Господи, Боже мой! Ты дивно великъ, Ты облечень словою и величіемъ. Ты одѣваешься свѣтомъ, какъ ризою, простираешь небеса, какъ шатерь; устроилъ надъ водами горніе чертоги Твои, дѣлаешь облака Твою колесицю, шествуешь на крыльяхъ вѣтра. Ты твориши ангелами Твоими духовъ, служителями Твоими огонь пылающій. Ты поставилъ землю на твердыхъ основахъ: не поколеблется она во вѣки и вѣки. Бездною, какъ одѣяніемъ, покрылъ ты ее; на горахъ стоять воды. Отъ прещенія Твоего бѣгутъ онѣ, отъ гласа грома Твоего быстро уходятъ. Восходятъ на горы, нисходятъ въ долины, на мѣсто, которое Ты назначилъ для нихъ. Ты положилъ предѣлъ, Котораго не перейдутъ, и не возвратятся покрыть землю. Ты послалъ источники въ долины, между горами текутъ (воды): поять всѣхъ полевыхъ звѣрей; дикие ослы утоляютъ жажду свою. При нихъ обитаютъ птицы небесныя, изъ среды вѣтвей издаются голосъ. Ты напояешь горы съ высотъ Твоихъ, плодами дѣлъ Твоихъ насыщается земля. Ты произрашь траву для скота, и зелень на пользу человѣка, чтобы произвестъ изъ земли пищу. И вино, которое веселить сердце человѣка, и елей, отъ Котораго блестаетъ лицо его, и хлѣбъ, который укрѣпляетъ сердце человѣка. Насыщаются древа Господа, кедры Ливанскіе, которые Онъ насадилъ... Онъ сотворилъ луну для указания временъ, солнце знаетъ свой западъ. Ты простираешь тьму и бываетъ ночь: во время ея

бродятъ всѣ лѣсные звѣри... Восходитъ солнце, они (львы) собираются и ложатся въ свои логовища. Выходитъ человѣкъ на дѣло свое и на работу свою до вечера... Это море великое и пространное: тамъ пресмыкающеся, которымъ иѣтъ числа, животныя малыя съ большими... Да будетъ Господу слава во вѣки: да веселится Господь о дѣлахъ своихъ! Призирасть на землю, и она трясется; прикасается къ горамъ, и дышится. Буду пѣть Господу во всю жизнь мою, буду пѣть Богу моему, доколѣ есмь» (Псал. 103). Укажемъ здѣсь еще на 38 гл. Іова и 40 гл. изъ Исаи.

Такимъ образомъ міръ представляется еврейскому поэту какъ могучее цѣлое: по взглѣдѣ, устремленный въ безпредѣльное пространство не останавливается на подробностяхъ, на индивидуальной виѣнности и на сущности отдѣльныхъ явлѣній. Тотъ же характеръ имѣютъ и метафоры; они задуманы величественно и поэтично, но сами по себѣ не характерны. Такъ уныніе, наполняющее душу, сравнивается съ водами: «Всѣ воды Твои и влны Твоя прошли надо мною (41); спаси меня Боже, ибо воды дошли до души моей; я погрязъ въ глубокомъ болотѣ и не на чемъ встать: вошелъ во глубину водъ и быстрое теченіе ихъ увлекасть меня (68)». Образы часто заимствуются изъ міра животныхъ: крѣпость льва и быка, дикость осла и т. п. Однимъ словомъ, возврѣніе евреевъ ¹⁾ на природу предпочитаетъ ее въ общемъ видѣ или беспокойно блуждаетъ отъ одного явленія къ другому, подчиняя ихъ высшему понятію Божества. Природа настолько имѣть значенія, насколько она дѣло Божіе, и воображеніе человѣка поднимается къ престолу Іеговы и съ высоты его обозрѣваетъ твореніе.

Эллины совершенно иначе относились къ природѣ. Крѣпко сросшись съ своей родной почвой, одаренные фантазіей, удивительно воспріимчивой ко всему прекрасному, съ свѣжимъ чувствомъ и яснымъ взглѣдомъ, смотрѣли они на величественный міръ, окружавшій ихъ, относясь съ живой радостью и сердечнымъ внимательнымъ пониманіемъ, даже къ самимъ мелкимъ его явленіямъ. Прекрасное составляетъ достояніе элинского народа. У него въ первый разъ въ исторіи человѣ-

¹⁾ Ср. Humboldt, Kosmos II р. 45. Schnaase, Geschichte der bildenden Künste II р. 80 f.

чества мы встречаемъ культь прекраснаго въ соразмѣрности формы и содержанія и изумительную гармонію развитія всѣхъ душевныхъ силъ, такъ же какъ и отдѣльныхъ искусствъ. Ничто подобное никогда не повторялось въ исторіи культуры, какъ будто то, что сдѣлали греки въ наукѣ и искусствѣ, достаточно, чтобы во всѣ послѣдующія времена оживлять и двигать человѣчество, давая ему вѣчныя нормы всего великаго и прекраснаго. Влияне античной литературы на средніе вѣка и новое время никогда не прекращалось, становясь съ течениемъ вѣковъ все живѣе и интенсивнѣе; поэтому намъ слѣдуетъ указать границы, какихъ достигъ греко-римскій міръ по отношенію къ чувству природы ¹⁾ для того, чтобы опредѣлить, примыкаютъ-ли средніе вѣка въ органическомъ развитіи умственной жизни къ этой грани, или они отступаютъ отъ нея назадъ, представляя собою время упадка, послѣ котораго пришлося уже послѣ, позднѣйшей эпохѣ продолжать зданіе древнихъ, созиная то, что мы называемъ культурой.

Античный и новѣйшій, наивный и сантиментальный, классическій и романтическій, благодаря Ж. П. Рихтеру и Шиллеру, Гелелю и Фишеру сдѣлались терминами для обозначенія культурныхъ теченій древніаго и новаго времени. Въ себѣ и теперь еще неутратившемъ значенія, содержащемъ много свѣтлыхъ мыслей, введеніи въ эстетику, «Yorschule zur Asthetik», Жанъ Поль Рихтеръ противополагаетъ греческую пластическую поэзію съ ея объективностью, идеальной простотой, яснымъ спокойствіемъ и нравственной граціей, романтической музыкальной поэзіи «разтерзаннаго культурычнаго человѣка» и даетъ слѣдующее характеристическое сравненіе: «Пластическое солнце свѣтилъ однообразно, какъ бодрствованіе; романтическая луна мерцаетъ измѣнчиво, какъ сонъ». Еще болѣе значенія имѣлъ знаменитый трактатъ Шиллера о наивной и сантиментальной поэзіи съ его рѣзкимъ отличіемъ антично-наивнаго, — сущность котораго основана на гармоніи духа и природы, — отъ современно-сантиментальнаго, сущность котораго заключается въ тоскѣ по потерявшему раю. Но Шиллеръ обладалъ лишь ограниченнымъ знаніемъ греческой литературы; въ томъ же 1795 году, когда появился упомянутый трактатъ, откры-

¹⁾ См. подробн. соч. того же автора «Die Entwicklung des Naturgeföhls bei den Griechen und Römern». Kiel 1882—1884.

вавший новые пути, онъ просить В. Гумбольдта дать ему указанія относительно изученія греческаго языка, причемъ его особенно занимаютъ Гомеръ и Ксенофонтъ. Гомеръ ему кажется Грекомъ по преимуществу и кто-же въ этомъ, даже и теперь, не согласится съ нимъ? Греческая миѳология—наивная, одушевленная вѣрой поэзія природы, ясное выраженіе глубокаго чувства жизни въ мірѣ явлений, продуктъ пластического чувства грековъ, внутренней потребности выразить впечатлѣніе природы въ ясномъ, рѣзко очерченномъ гармоничномъ по идеѣ и формѣ, т. е. прекрасномъ образѣ. Точно также и у Гомера чувство природы весьма искренно и выражено въ ясныхъ, наглядныхъ сравненіяхъ и образахъ, но у гомеровскаго героя еще иѣть личнаго отношенія, иѣть сознательнаго влеченія къ природѣ; образы природы объективно противопоставляются, въ видѣ сравненія, дѣйствіямъ человѣка или служатъ рамками для нихъ, для изображенія времени или мѣста. Но эта свѣтлая юношеская пора человѣчества, эта не знавшая рефлексіи наивная гомеровская эпоха, была непродолжительна. Самъ Шиллеръ указываетъ въ своемъ трактатѣ сантиментальныхъ поэтовъ древности—Эврипода, Виргиля и Горация, и это часто упускалось изъ вида, такъ же какъ и другое противорѣчіе, когда онъ такого поэта, какъ Шекспиръ, причисляетъ къ наивнымъ на ряду съ Гомеромъ.

Чувство природы у грековъ было подвержено развитію, которое шло параллельно общему культурному движению; сопрѣменно строго органическому развитію эллинскаго духа, можно ясно прослѣдить процессъ, которымъ наивное, робкое сравненіе явлений нашего духа и явлений природы, объективное сравненіе, сливающее ихъ въ метафору, превращалось въ поэтическое одушевленіе и въ образы, отражающіе настроеніе, причемъ душевное движение приводится въ противорѣчіе или согласованіе съ картиной природы, пока, наконецъ, въ эллинизмѣ пейзажъ, самъ по себѣ, пріобрѣтаетъ значеніе и люди становятся только статистами природы, что замѣтно и въ поэзіи, а также, подобно нынѣшнему времени, и въ ландшафтной живописи.

И эллинство не всегда оставалось наивнымъ: и у него была своя сантиментальная эпоха. Со временемъ софистовъ, процессъ разложения античной литературы происходитъ безостановочно, или вѣрнѣе, въ ней начинается стремленіе къ тому, что мы называемъ новѣйшимъ; вслѣдствіе того, что

было упадкомъ для древняго міра, означаетъ собою прогрессъ въ общемъ развитіи. Мы видимъ то же явленіе во всемъ культурномъ движениі человѣчества: народы выдѣляются, идуть и проходятъ по тѣмъ же путямъ развитія, поднимаясь вверхъ и затѣмъ опускаясь внизъ, и проклятие прогресса всегда заключается въ томъ, что каждое новое явленіе имѣеть свои темные стороны, что возрастающая культура, несмотря на повышеніе и углубленіе умственной жизни, приводить за собой разрушающія начала, какихъ никто не могъ предполагать. Человѣчество должно искунать тяжелыми жертвами каждое новое благо, какимъ явились возрастаніе субъективности и самостоятельности духа, о которомъ мы говоримъ. Чѣмъ болѣе въ древности развивались личность, чѣмъ болѣе вырабатывалась свобода и самостоятельность, тѣмъ болѣе исчезало чувство единенія и самоотверженная любовь къ отечеству, служившія прежде опорами государства, составлявшими высшее народное благо. Но тѣмъ болѣе развиваются зачатки нашего, новѣйшаго духа, въ которомъ индивидуальность уже не знаеть предѣловъ. Тѣмъ далѣе идетъ самопознаніе духа, тѣмъ богаче становится душевная жизнь. Тогда величайшей проблемой для человѣка становится онъ самъ; онъ начинаетъ обращать вниманіе на мельчайшія оттѣнки своихъ ощущеній, намѣренно фиксировать ихъ и размышлять о нихъ. На этомъ раздвоеніи своего «я», на этомъ самоотраженіи основывается то, что мы называемъ теперь сантиментальностью. Однимъ изъ признаковъ ея служить любовь къ уединенію: благодаря уединенію возрастаѣтъ сознательное чувство природы; «всѣ благородныя страсти, всегда образуются въ уединеніи», говоритъ Руссо. Въ то же время сердце признается «драгоцѣнѣйшимъ и рѣдчайшимъ достояніемъ», какъ высказано было въ «Франкфуртской ученой газетѣ» 1772 года, или какъ выражался Руссо: «О, какой неизрѣченный даръ неба составляетъ чувствительное сердце!» и въ другомъ мѣстѣ: «сердца, согрѣтыя небеснымъ огнемъ, находять въ своихъ собственныхъ чувствахъ чистыя и драгоцѣнныя наслажденія, независимыя отъ судьбы и отъ цѣлаго міра». Но еще Эвріпидъ удалялся въ уединеніе, чтобы избѣжать шума города, въ пещеру на Саламинѣ, которую онъ велѣлъ приготовить для себя съ видомъ на море—и оттуда, прибавляетъ его біографъ, заимствовалъ онъ по преимуществу свои сравненія. Поэтому уже Эвріпода, а не Петrarку или Руссо слѣдуетъ считать «от-

цомъ чувствительности». Эврипидъ исходить изъ софистики, которая нанесла первый ударъ древнимъ эллинскимъ представлениямъ, народной вѣрѣ въ боговъ и впервые нарушила непосредственное единение между человѣческимъ духомъ и природой. Но субъективность входитъ въ свои права уже при появлении лирики, изображающей наиболѣе личное, индивидуальное настроеніе, и такъ какъ лирика не можетъ обойтись безъ вѣшней природы, уже древняя лирика проникнута нѣжнымъ, субъективнымъ ощущеніемъ природы; представителями ея являются Сафо, Симонитъ, Пиндаръ и три великия трагика, въ своихъ лирическихъ хорахъ. Эврипидъ и Аристофанъ, болѣзнейший смѣхъ котораго, какъ говорить Драйзенъ, выражаетъ ту же душевную дисгармонію, то же отчаяніе, какъ и глубокая меланхолія Эврипіда, указываютъ только путь къ тому, что достигаетъ вполнѣ яснаго сознанія въ эллинізмѣ. Эллинізмомъ мы называемъ духъ греческаго народа въ его международномъ или космополитическомъ значеніи. Эллинізмъ означаетъ собою сознательное развитіе чувствительности древняго человѣка, освобожденіе его личности отъ племенныхъ и сословныхъ узъ, расширение путей ея дѣятельности. Онъ рождаетъ то сентиментально-идиллическое чувство природы, которое любить природу ради нея самой, съ сознательнымъ наслажденіемъ проникаетъ въ ея тайную прелесть и ради нея самой рисуетъ ее въ идилліи, какъ мы видимъ это у Теокрита: любовь придается этому возврѣнію на природу еще большую искренность, еще болѣе приближаетъ ее къ нашему современному возврѣнію, какъ мы видимъ у Каллимаха. Дальнѣйшее развитіе чувства симпатіи къ природѣ классической эпохи заключается въ томъ, что человѣкъ не только проникается искреннимъ участіемъ къ великому и малому въ природѣ, но и въ томъ, что онъ и ей приписываетъ сердечное сочувствіе его радостямъ и горестямъ.

Ничего не можетъ быть болѣе невѣрнаго, въ неосновательномъ положеніи, повторяемомъ Шиллеромъ, Гервинусомъ и друг., будто греческая древность не знала радости, доставляемой природой, не имѣла къ ней влечения, не вникала въ ея красоту, не любила и не изображала ее ради нея самой, не знала ни ландшафтной живописи, не знала, однимъ словомъ, созвучія между настроеніемъ человѣческой души и природы. Нельзя не признать, что наша современная субъективность чувства, съ ея нынѣшней глубиной и полнотой, въ древ-

ности можетъ быть найдена только въ зачаткѣ, что тогда лишь слабо звучали струны, которыя въ позднѣйшее время дали полные аккорды. Дѣйствительно, чувство природы у грековъ, отчасти, было связано особыми национальными воззрѣніями на міръ и божество, не находило себѣ поддержки въ естествознаніи, въ то время, за исключеніемъ ботаники, находившемся въ колыбели и не знало того новаго душевнаго міра, какой былъ открытъ христіанствомъ. Въ то же время оно, отчасти, сдерживалось въ соразмѣрныхъ рамкахъ строгимъ чувствомъ мѣры, не позволявшемъ ему къ его выгодѣ вдаваться въ излишства бездушныхъ описаний природы, свойственныхъ нынѣшнимъ поэтамъ. Поэтому нельзя ставить въ вину Шиллеру, если онъ, живя въ эпоху крайностей въ описаніи природы и болѣзненій чувствительности, вооружаясь противъ этого направления, пришелъ къ слишкомъ строгому осужденію всякой чувствительности, смѣшивая ее съ напыщенностью чувства своего времени, и съ другой стороны, къ слишкомъ общему возвеличенію античной наивности, которая можетъ относиться только къ Гомеровскому вѣку. Но отъ Гомера до Лангоса совершается процессъ развитія, который отъ наивной радости, доставляемой природой, ведетъ къ сознательному, откровенному восхищению ея красотой, къ сантиментальному наслажденію природой и къ изображенію пейзажа ради него самого въ поэзіи и живописи, хотя послѣдняя и не могла еще преодолѣть многихъ существенныхъ техническихъ трудностей.

Во всемъ, что можно назвать искусствомъ, римляне были учениками грековъ; но хотя они въ области прекраснаго не дали ничего равнаго или подобнаго произведеніямъ эллинскаго ума, проникнутымъ свѣтомъ вѣчной юности, тѣмъ не менѣе въ общемъ ходѣ развитія человѣческой культуры, римляне подошли ближе къ нашимъ современнымъ воззрѣніямъ. Ихъ чувство уже субъективнѣе, сознательнѣе, абстрактнѣе и у поэтовъ блестящаго вѣка мы находимъ болѣе сродное намъ чувство, чѣмъ у поэтовъ классической Греціи.

Правда, чувство природы у римлянъ носить на себѣ слѣды ихъ практическаго, экономического духа; въ ихъ миѳологии все слишкомъ разумно, вѣнчано культь, обрядность, занимаетъ у нихъ слишкомъ много мѣста, но и у нихъ вѣтъ недостатка въ почитательномъ страхѣ передъ силами природы, голоса которой слышатся въ темнотѣ лѣса. Ихъ драмы турги заимствуютъ эффектные образы и метафоры изъ природы; Лукрецій кладетъ

начало болѣе глубокому пониманію природы и это пониманіе придаетъ утонченность его восхищенню природой и изображенію ея; въ поэзіи величайшаго римскаго лирика Катулла зарождается чувство симпатіи къ природѣ, которое превращается въ элегически-сантиментальное у поэтовъ Августова вѣка Тибулла, Праперція, Овидія, Виргилія и Горація. Вмѣстѣ съ развивающимися культурными отношеніями императорской эпохи, возрастаетъ и утонченность чувствъ природы; созерцаніе природы становится утѣшениемъ въ тяжелыхъ обстоятельствахъ того времени; зрѣлище вѣчнаго небеснаго пространства, гдѣ движутся яркія звѣзды въ ненарушенной гармоніи, и темная дубрава, въ которой чувствуется присутствіе божества, сообщаютъ спокойствіе и отраду неудовлетворенной душѣ того времени. Это можно сказать о Сенекѣ, который былъ насквозь проникнутъ пантеизмомъ. Съ мечтательной любовью, какъ современный намъ человѣкъ, Пліній Младшій погружается въ одиночество среди природы, отдастся грезамъ въ тѣнистомъ, прохладномъ покойѣ, въ который съ тихимъ шумомъ плещутъ волны, или же въ лѣсу или у ручья устремляеть взоры вдалъ, чувствуя уже прелестъ цѣлаго въ ландшафтѣ и таинственные эффекти великой художницы природы въ озерахъ и лѣсныхъ источникахъ. Адріаномъ и Апулеемъ начинается эпоха Рококо римской литературы; въ послѣднемъ наскѣ поражаетъ новѣйшій характеръ его симпатій; Авзаній, по глубинѣ и пѣжности своего чувства природы, даже приближается къ германской поэзіи. И культура садовъ и ландшафтная живопись также принимаютъ постепенно симпатический и сантиментально-элегический оттенокъ.

Тѣмъ, кто отрицасть чувство природы у римлянъ, достаточно было бы взглянуть на развалины ихъ виллъ; Г. Ниссенъ справедливо говорить въ своемъ прекрасномъ сочиненіи, (*Italische Landeskunbe*, I р. 135): «Ни одна только мода приковывала римлянъ къ морю и привязывала къ нему самыхъ могучихъ изъ нихъ, начиная отъ старшаго Сципиона Африканскаго и его благородной дочери Корнелии, до Августа, Тиверія и ихъ преемниковъ, какъ скоро ихъ силы ослабѣвали въ борьбѣ на римскомъ форумѣ. Мягкій вѣтеръ освѣжалъ разгоряченное чено, яркія краски, плѣнительныя очертанія тѣшили взоръ, и видъ необозримой поверхности представлялъ людямъ этого племени, рожденного для владычества, подобіе

ихъ собственныхъ стремленийъ. Тотъ, кто проѣзжаетъ теперь по опустѣлымъ, лихорадочнымъ берегамъ Лациума и Кампании, встрѣчаетъ на каждомъ шагу слѣды прежняго великколѣпія. Они показываютъ ему, что отрада, какую море доставляло римлянамъ, исчезла у ихъ потомковъ вслѣдствіе послѣдующихъ тяжелыхъ временъ».

Римляне не только обладали чувствомъ природы, но во многихъ отношеніяхъ это чувство было болѣе развитымъ. Чѣмъ у грековъ: оно выражалось въ пониманіи цѣлаго въ пейзажѣ, дали, живописной прелести свѣта и тѣней въ лѣсу и на водѣ, отраженій и т. п., въ ихъ страсти къ гористымъ мѣстностямъ, къ охотѣ, греблѣ, и проч.

Древнему миру и среднимъ вѣкамъ отказывали вообще въ пониманіи прекраснаго въ природѣ и въ особенности романтической красоты ея. Правда, прелестъ альпійской природы осталась скрытой для римлянъ; доказательство того мы видимъ въ извѣстномъ выраженіи Ливія *foeditas Alpium* и въ изображеніи ужаса, вселяемаго горами, у Амміана. Но это не должно удивлять насъ, такъ какъ и въ новѣйшее время Альпы стали привлекать своей красотой лишь весьма недавно, благодаря возрастанию научнаго интереса къ природѣ. и нашему направлению чувствительности и удобству нынѣшнихъ путешествій, о которомъ не могло быть и рѣчи дѣвъ тысячи лѣтъ тому назадъ; опасности и трудности знакомства съ альпійской природой препятствовали наслаждаться ею, чѣму содѣйствовала и рѣзкая противоположность дикихъ горныхъ пейзажей съ свѣтлыми, очаровательными картинами Италии. Но такъ какъ мы указали уже, что первыя ступени нашей новѣйшей сантиментальности мы можемъ найти въ императорской эпохѣ Рима, то мы можемъ отмѣтить въ ней нѣкоторое чувство романтической красоты горной природы. Пустыни еще пугаютъ Лукреція; позднѣе ужасы ея становятся предметомъ описанія, и Сенека свидѣтельствуетъ (*De tranquill. ap. 2, 13*), что страсть къ путешествіямъ ведетъ не только въ привлекательныя страны, но что нѣкоторые восклицали въ то время: «Пріятныя для глазъ страны миѣ уже надоѣли, ябы хотѣлъ видѣть пустыню; намъ хотѣлось бы проѣхать че-резъ лѣсистыя горы Бруттій и Луканій». Вирочемъ, Сенекѣ эта исключительная склонность къ дикой природѣ кажется болѣзnenной: специфически прекрасными римляне считали ров-

иная, радующая глазъ мѣстности, въ особенности на берегу моря.

Въ предыдущемъ мы указали въ бѣглыхъ чертахъ, такъ какъ сдѣлали это подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, съ одной стороны теоретически, тѣ условія, въ какихъ развивается сознательное чувство природы, и формы, въ какихъ оно выражается, и съ другой стороны ходъ развитія его въ древности у индусовъ, евреевъ, грековъ и римлянъ. Мы ясно могли видѣть здѣсь движеніе къ современному намъ субъективному, индивидуальному, чувствительному воззрѣнію на природу. Мы должны опредѣлить теперь, какое положеніе занимаютъ средніе вѣка въ эстетическомъ отношеніи къ природѣ, и какимъ образомъ наше новѣйшее чувство природы развило исторически, т. е. постепенно, съ разнообразными колебаніями параллельно общему развитию культуры.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Христіанско-теологическое и языческо-симпатическое чувство природы первыхъ десяти вѣковъ.

Отношение человѣка къ Богу и Спасителю, его нравственное назначение и его надежда на Царство Небесное составляютъ проблему, разрѣшению которой средніе вѣка посвящаютъ свои лучшія интеллектуальные силы. Вопросы, поставленные, но не разрѣшенные Ветхимъ Завѣтомъ, догматы новаго вѣроученія—воплощеніе Иисуса Христа, первородный грѣхъ, свобода воли и т. п., вполнѣ занимаютъ умъ и сердце человѣка того времени; жизнь кажется ему лишь мѣстомъ испытанія, переходнымъ временемъ для вѣчной жизни, и онъ бѣжитъ отъ соблазновъ міра съ его раздражающей чувствами красотою. Презрѣніе къ міру и недостатокъ художественного чувства составляютъ характерные признаки этого периода. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы въ твореніяхъ отцовъ церкви мы встрѣчали враждебное отношеніе къ природѣ; правда, въ то время созерцаніе природы не находило себѣ поддержки въ научномъ изученіи ея, но теоретическое презрѣніе къ природѣ усилилось уже впослѣдствіи, когда отдаленіе отъ античнаго міра стало еще больше. Въ твореніяхъ отцовъ церкви мы находимъ религіозное чувство природы; въ особенности тѣ изъ нихъ, кто были греками по происхожденію, любятъ природу не только какъ проявление мудрости и благости Божіей, но и съ личнымъ искреннимъ чувствомъ, какого не знала классическая древность.

Сообразно міровоззрѣнію Псалтири, основной идеей христіанского воззрѣнія на природу является прославленіе Бога въ величинѣ и мудрости Его твореній и благодарность за благо, ниспосланное Имъ землѣ.

Климентъ Римскій объясняетъ въ своемъ обращеніи къ Коринѳянамъ, насколько мудрость Божія отражается даже въ мельчайшихъ частяхъ творенія и насколько милостью Творца создается любовь и согласіе всѣхъ живыхъ существъ: «Посмотримъ, насколько милостивъ Господь ко всему Своему творенію; небеса, движущіяся по Его произволению, мирно подчиняются Ему: день и ночь совершаютъ предопредѣленное Имъ обращеніе, не препятствуя другъ другу. Солнце и луна и хоры звѣздъ пересѣкаютъ взаимно установленные Его волю пути, не переходя своихъ предѣловъ. Плодопосная земля приносить по Его благости въ опредѣленныя времена изобиліе пищи для обитающихъ на ней людей и животныхъ, никогда не отступая отъ Его велѣній. Бездонныя пропасти и невѣдомыя пространства подземнаго міра держатся по Его установленію... Весеніе, лѣтніе, осеніе и зимніе дни мирно слѣдуютъ другъ за другомъ. Неистощимые источники, созданные для пользы и здоровья, безпрерывно утоляютъ человѣка своей влагой. Даже мельчайшія животныя соединяются въ согласіи и мирѣ» ¹).

Творенія трехъ великихъ Клипадокійцевъ, замѣчательнѣйшихъ представителей греческихъ отцовъ церкви и руководителей IV вѣка, вполнѣ разрушаютъ предубѣждение, будто чувство природы было совершенно чуждо среднимъ вѣкамъ. Въ этихъ твореніяхъ мягкое, грустное, чувствительное вниманіе къ окружающей природѣ вмѣстѣ съ религіознымъ умиленіемъ передъ нею находитъ себѣ самое живое выраженіе.

Не аскета и анахорета, отрекшагося отъ жизни и удалившагося въ уединеніе, но глубоко чувствующаго человѣка, обрѣтшаго на рѣкѣ Ирисъ ² мѣсто, соответствующее его стремленіямъ, видимъ мы въ посланіи св. Василія Великаго св. Григорію Назіанзину. Онъ описываетъ красоту открывавшагося передъ нимъ вида. Высокая гора, покрытая густымъ лѣсомъ, орошается съ сѣвера свѣжимъ, не изсякающимъ потокомъ. У подножія горы простирается обширная равнина, плодородная отъ спускающихся на нее тумановъ. Окружающій

¹) Clem. Rom. I Cor. 19—20: Zoeckler. Geschichte der Beziehungen zwischen Theologie und Naturwissenschaft Bd. I, Güttersloh 1877, s. 84.

²) Cp. Vita S. Basili p. XZVI.

льсь, въ которомъ тѣснятся разнообразныя деревья, кажется ему крѣпкимъ замкомъ или островомъ, который особенно понравился бы Гомеру. Глубокія долины съ двухъ сторонъ окружаютъ его. Съ одной стороны пѣнящаяся рѣчка, низвергающаяся съ горы, образуетъ трудно проходимое препятствіе, съ другой входъ замыкается широкимъ горнымъ хребтомъ. Хижина Святителя такъ расположена на вершинѣ, что онъ обозрѣваетъ оттуда обширную равнину и все теченіе Ириса, доставляюще не менѣе удовольствіе, чѣмъ теченіе Стримона, если на него смотрѣть изъ Амениполиса. Стримонъ, задерживаемый медленнымъ теченіемъ, перестаетъ даже быть рѣкою; стремительный Ирисъ вырывается изъ выступающихъ утесовъ и покрытый пѣною низвергается въ пропасть, представляя для зрителя величественный видъ, а для мѣстныхъ жителей великую пользу своимъ изобиліемъ рыбы. Благодѣтельныя пары, выступающіе изъ земли, свѣжій воздухъ, поднимающійся отъ воды, не поддаются описанію. Множество цвѣтовъ и сладко поющіхъ птицъ могли бы изумить каждого, у кого есть досугъ для того, чтобы любоваться ими. Важнымъ качествомъ этой страны Святителю кажется ея благопріятное положеніе для произрастанія плодовъ, но еще важнѣе для него ея спокойствіе, и это не только потому, что она далека отъ городского шума, но потому еще, что она не привлекаетъ никакихъ путниковъ, за исключеніемъ охотниковъ, такъ какъ она питаетъ оленей и стада дикихъ козъ, а не медвѣдей и волковъ... ¹⁾.

Такимъ образомъ къ этому отдаленному, со всѣхъ сторонъ замкнутому уголку высокообразованный отецъ церкви питаетъ такое сердечное влеченіе, что онъ представляется ему давно желаннымъ мѣстомъ и не только ради его полезности и плодородія, но и ради спокойствія, мирнаго уединенія и частью привлекательной, частью дикой природы. По поводу изложенного нами мѣста твореній св. Василія Великаго, А. Гумбольдтъ ²⁾ замѣчаетъ: «Въ этомъ простомъ изображеніи картины природы и жизни лѣса выражаются чувства, которыя для насъ ближе, чѣмъ все дошедшее до насъ отъ греческой и римской древности: изъ одинаковой горной хижины, куда уда-

¹⁾ См. S. Basili Opera omnia. Parisiis 1730 III ср. XIV р. 93.

²⁾ Kosmos II 28.

лился Василий, взоръ его обращается на влажный покровъ зелени нижележащаго лѣса; поэтический и мистический намекъ въ концѣ посланія звучить для нась какъ голосъ, долетающій въ христіанскій міръ изъ другого, прежняго міра. Подобное поэтическое настроеніе мы видѣли у эллинскихъ поэтовъ антологіи и у Младшаго Плінія¹), а Вильменъ спра-ведливо замѣчаетъ: «Эти изящныя картины, эти поэтические намеки ни мало не отзываются монастырской супровостью»²); дѣйствительно, на первомъ планѣ выступаютъ здѣсь не аскетическая, а чисто человѣческія чувства.

Мягкая грусть, которая находитъ отраду въ уединеніи среди природы, выражается и въ другихъ мѣстахъ твореній св. Василія Великаго. По поводу замѣчанія св. Григорія, что все земное ничтожно, св. Василий высказываетъ, что душевный миръ долженъ быть высшою цѣлью человѣческаго стремленія, а къ нему приводитъ только отрѣшеніе отъ міра, уединеніе, усыпляющее всѣ недобрыя движенія души; поэтому ему такъ дорого это тихое мѣсто, гдѣ онъ свободенъ отъ общения съ людьми, гдѣ ничто не отвлекаетъ его отъ исполненія обязанностей религіи, гдѣ созерцаніе природы умиrotворяетъ тревогу души и удерживаетъ въ должныхъ предѣлахъ само-обманъ и самоугоажденіе³).

Сравненія его, заимствованныя изъ природы, исполнены грусти; люди уподобляются блуждающимъ, превращающимся въ ничто облакамъ, колеблющимся тѣнямъ и т. д.

Выраженіе живого чувства природы мы находимъ и въ его гомиліяхъ на Гексамеронѣ: тамъ изображается, какой прекрасный видъ представляеть свѣтлое море, когда оно сковано безвѣтремъ, и прибавляется, что оно не менѣе прекрасно, когда дыханіе воздуха слегка колеблетъ поверхность, показывая зрителю то пурпурный, то бѣлый, то голубой оттѣнокъ, когда оно не ударяетъ съ силой въ берегъ, а ласково обнимаетъ его⁴).

Въ изображеніи звѣздъ, временъ года и проч. соеди-

¹⁾ Biese, *Die Entwickelung des Naturgefühls bei den Griechen und Römern.* Bd. I. p. 93 ff., II p. 162 f.

²⁾ Villemain, *Mélanges philosophiques, historiques et littéraires* 4-ème edition Brux. 1829 p. 33.

³⁾ Ep. II p. 71.

⁴⁾ Homil. IV p. 45 (Op. I. Paris 1638).

няется глубокое христіанское чувство, съ одушевленной любовью къ природѣ. Признаніе Птоломея ¹⁾), что при видѣ звѣздъ онъ чувствуетъ себя поднимающимся къ престолу Зевса, должно казаться слабымъ въ сравненіи съ тѣмъ мѣстомъ гомилій, гдѣ св. Василій Великій говоритъ, что тотъ, кто въ свѣтлую ночь созерцаѣтъ внимательнымъ взглядомъ дивную красоту звѣздъ, невольно долженъ думать о Твориѣ міра, такъ чудно размѣтившемъ и украсившемъ небо вѣчными цвѣтами, давшемъ ему эту красоту и правильность, и думать о томъ, что если этотъ видимый міръ, временный и переходящій, такъ прекрасенъ, то каковъ же долженъ быть вѣчный, незримый нами міръ? ²⁾). Съ близкимъ для каждого истиннаго поэта чувствомъ, видить св. Василій блескъ вѣчности сквозь звѣзды и чувствуетъ, «что величие, жизнь и осмысленность бытія, отражающеся въ пемъ величіе Божіе ироникаетъ въ его душу вмѣстѣ съ небеснымъ свѣтомъ, видимымъ его глазамъ», (Эрстетъ) или, другими словами, если величіе неба превосходитъ мѣру человѣческаго пониманія, то какой же духъ, какой разумъ, можетъ постигъ сущность вѣчнаго?

Св. Григорію Назіанзину природа внушаетъ глубокую грусть. Въ своемъ поэтическомъ произведении «О природѣ человѣка» онъ разсказываетъ, какъ онъ сидитъ, терзаемый грустью, одинъ въ тѣнистой рощѣ, съ сердцемъ, снѣдаемымъ печалью: онъ любить утолять свое страданіе молча, говоря съ собою; вѣтерокъ порхаетъ кругомъ него вмѣстѣ съ сладкогласными птицами, съ вѣтвей спускается сладкая дремота и цикады на деревьяхъ, подруги солнца, наполняютъ своими чистыми голосами всю дубраву; свѣжая вода протекаетъ у ногъ, орошая унылую луговину; но душа, покрытая печалью, не можетъ принимать участія въ радостяхъ природы ³⁾).

Хотя и древніе писатели изображали контрасты между природой и душевнымъ настроеніемъ, какъ напр., Ивикъ въ

¹⁾ Biese, Entw. d. Naturgefühls b. d. Gr. S. 91 and Anm. 100 S. 142.

²⁾ Homil. VI, op. I р. 58. Вильменкъ (р. 36) съ восхищениемъ говоритъ объ этихъ счастливыхъ и правдивыхъ описаніяхъ, которыя возсоздаютъ сильные образы европейской поэзіи, но присоединяютъ къ нимъ чувство теплой любви къ человѣчеству и мягкой энтузиазмъ украшавшій новое ученіе.

³⁾ Hom. II р. 468 с. 14 Paris 1840. (II с. XIII р. 86 Paris 1611).

своей извѣстной весенней пѣснѣ¹⁾), но какое разстояніе отдѣляетъ ихъ отъ этого изображенія печали, сколько въ немъ искренности и самоуглубленія! Св. Григорій развиваетъ дальше эти печальные мысли, сравнивая себя съ облакомъ, скрывающимся и блуждающимъ во тьмѣ, не оставляющимъ даже тѣни послѣ себя, а свою беспокойныя стремленія съ потокомъ мутной воды, который безпрестанно убѣгаѣтъ отъ насъ и черезъ который мы не можемъ перейти дважды. Такъ же какъ и лицо смертнаго не видимъ уже такимъ, какимъ видѣли его раньше²⁾). Его печальное настроеніе облегчается только уединеніемъ. Онъ считаетъ счастьемъ вести одинокую жизнь, созерцать съ высокимъ и чистымъ чувствомъ величие небесныхъ свѣтиль³⁾).

Такою же грустью проникнуты и другія его мысли, образы и сравненія; человѣческая жизнь кажется прахомъ, развѣваемомъ вѣтромъ, плаваніемъ по бурному морю, увядшей травой; власть и богатство представляются ему волнами моря, втягивающими въ глубину⁴⁾.

Прославленіе величія Творца и стройнаго порядка природы у св. Григорія Ниссаго напоминаетъ возвышенный языкъ ветхаго завѣта. Онъ спрашивается: кто простеръ землю подъ его ногами, кто укрѣпилъ сводъ неба, кто зажегъ свѣточъ солнца, кто посыпаетъ источники въ долины, кто приготовляетъ рѣкамъ ихъ пути и кто даетъ ему крылья, когда его духъ поднимается высоко, земля остается внизу, и онъ несется по обширному воздушному морю къ звѣздной вышинѣ, любуясь ея величіемъ, не останавливаясь тамъ, но переносясь за предѣлы всего измѣнчиваго и постигая неизмѣнную природу, неколеблющуюся власть, которая сама себѣ служитъ основаніемъ и все держитъ, и всѣмъ управляетъ, что имѣетъ бытіе⁵⁾).

При чтеніи этаго высокопоэтическаго мѣста, могутъ прийти на память слова Сократа въ Платоновскомъ Федонѣ⁶⁾: «Если бы кто-либо достигъ предѣловъ воздуха или полу-

¹⁾ Biese Entw. d. N. bei d. Gr. S 30.

²⁾ V. 27.

³⁾ C. 17.

⁴⁾ Cp. T. II Paris 1840. p. IX.

⁵⁾ λογ. β 726 C.

⁶⁾ 109 ε, cp. Biese Entw. d. N. bei d. Gr. S. 61.

чилъ бы крылья и полетѣлъ бы вверхъ... тогда онъ позналъ бы истинное небо, истинный свѣтъ и истинную землю; съ презрѣніемъ взглянулъ бы онъ на жалкое земное и удивлялся бы чудному величию небеснаго». Грекамъ была не чужда мысль, что величие и порядокъ природы свидѣтельствуютъ о высшихъ силахъ, которыми все столь мудро устроено. Цицеронъ¹⁾ сохранилъ намъ величественное описание Аристотеля, въ которомъ великий философъ изображаетъ впечатлѣніе, какое видѣ звѣздъ и солнца, сѣмьна времень года и проч. должны были произвести на людей, жившихъ въ подземныхъ жилищахъ и только слышавшихъ о томъ, что есть боги, когда земля раскрылась передъ ними и они увидали все: «тогда они дѣйствительно должны были убѣдиться, что существуютъ боги и что все это величие сътворено богами». Когда мы видимъ, что греческіе отцы церкви, не замѣчая того, развиваются далѣѣ мысли великихъ философовъ классического вѣка въ духѣ новаго ученія, мы должны отказатьться отъ предразсудка, будто античнѣе и новѣйшее міро-созерцаніе вполнѣ исключаютъ другъ друга²⁾. Поэтическій мотивъ возможности подняться въ высъ на крыльяхъ птицъ, вѣтра или облаковъ, исходя отъ древнихъ временъ, развивается въ новѣйшей поэзіи³⁾ и встрѣчается у Григорія Нисского въ своей высшей христіанской формѣ.

Еще болѣе возвышенной грусти, чѣмъ у св. Василия и св. Григорія Назіанзина, мы видимъ у св. Григорія Нисского, когда онъ говоритъ, что при видѣ каждого скалистаго хребта, каждой долины, каждой равнины, съ недавно поднявшейся травой, при видѣ разнообразнаго украшенія деревьевъ и разсыпанныхъ у его ногъ лілій, вдвойнѣ надѣленныхъ природой благоуханіемъ и прелестью красокъ, при видѣ моря вдали, куда стремится пробѣгающее облако,—его духъ проникается

¹⁾ De nat. deor. II 37.

²⁾ Тонкій знатокъ греческой литературы Лерсъ (Lehrs, populären Aufsatzen aus dem Altertum, S. 138) такъ характеризуетъ различіе между античнѣмъ и новѣйшимъ чувствомъ природы: «Свойственное античному звѣту и христіанству чувство природы, выражющееся въ мысли: «природа хвалить своего Творца», не могло быть доступно древнимъ».

³⁾ Cp. Biese, Entwicklung des Naturgefuhls bei den Griechen und Romern I, 25, 40 f., 50 f., 61, 71, 96, 100, 113, 118, 123, II 70.

грустью, которая не лишена сладости. Когда осенью пропадают плоды, падают листья, становятся неподвижны вѣти деревьевъ, лишенныя своего украшенія, тогда человѣческая душа чувствуетъ созвучіе съ силами природы. Тогда человѣкъ чувствуетъ свое ничтожество передъ величіемъ міра¹⁾. Эти мысли, на которыхъ особенно останавливается Гумбольдт²⁾, въ высшей степени замѣчательны для своего времени, такъ много и ясно говоря нашей душѣ. Въ виду ихъ нельзя не удивляться распространенному мнѣнію о чувствѣ природы въ древности и въ средніе вѣка, вродѣ высказаннаго Дюбуа-Реймономъ: «Напрасно стали бы мы искать въ античной, средне-вѣковой и новой литературѣ до прошлаго вѣка, выраженіе того, что мы называемъ чувствомъ природы»³⁾. Неужели чувство природы можетъ быть выражено съ большей чувствительностью и меланхоліей, чѣмъ въ словахъ Григорія Нисского, на котораго мы ссылаемся. То, что мы находили у Эврипида, у Аристотеля и у Сенеки, указываетъ чувства къ прекраснымъ подробностямъ въ природѣ, но оно далеко не имѣть той возвышенной созерцательности,

¹⁾ См. Biblioth. Patrum ed. Par. 1624, Т. II, р. 1180 с.; ср. Humboldt, S. 112.

²⁾ S. 30. Cp. Greg. Nyss. ed. Paris 1615, I р. 49 С, р. 589 D, р. 210 С, р. 780 С, II р. 800 В, р. 619 В, 619 D, 324 D.

³⁾ «Deutsche Rundschau», 1879, «Friedrich II und Jean Jacques Rousseau». (XIX, S. 257); далѣе тамъ говорится: «Правда, Александръ фонъ Гумбольдтъ посвятилъ доказательствамъ прежнаго проявленія чувства природы одинъ изъ отдѣловъ «Космоса». Но если бы въ прежнія времена чувство природы существовало такъ же, какъ и нынѣ, то этотъ фактъ былъ бы на лицо и не требовалъ бы доказательствъ». Такая аргументація должна казаться вдвойнѣ странной въ глазахъ естествоиспытателя, посвятившаго себя наукѣ, блестящій подъемъ которой, по-стѣднее десятилѣтіе, разрушилъ такъ много закоренѣлыхъ предразсудковъ и продолжаетъ ихъ разрушить ежедневно. По мнѣнію Дюбуа-Реймона, древній міръ и средніе вѣка стоять на пизменной точкѣ зрѣнія пользы или вреда: «Гдѣ описанія выступаютъ сами по себѣ, они относятся или къ ужасному и грозному (т. е. вредному), или къ удобному и приятному въ природѣ (т. е. полезному), что наши описанія природы всегда ставятъ на второй планъ...», тогда человѣчеству не доставало способности поддаваться впечатлѣнію природы и, при помощи различныхъ возврѣній на нее, различно настраивать себя». Моя книга о чувствѣ природы у древніхъ на каждой страницѣ опровергаетъ этотъ взглядъ: эллінизмъ и римская императорская эпоха представляютъ изображенія природы ради ея самой, весьма близкія къ новѣйшимъ.

поднимающей человѣка и въ то же время напоминающей ему о его ничтожествѣ, какую мы видимъ у св. Григорія¹). Классическое воззрѣніе подчиняется здѣсь болѣе возвышенному христианскому чувству: даже изображеніе природы въ твореніяхъ отцовъ церкви пребываютъ глубину и сердечность, исходящую отъ новаго ученія.

Однако, свѣтъ классического воззрѣнія на природу исчезаетъ въ дальнѣйшей истории средневѣковой мысли и поэзіи, и на долгое время беретъ верхъ аскетическое отношение къ природѣ и невѣжественное презрѣніе къ ней. Развитіе чувства въ средніе вѣка двигалось не по прямой линіи, но по извилинамъ, то подвигаясь впередъ, то отступая назадъ.

Въ сочиненіяхъ высокообразованныхъ греческихъ отцовъ церкви какъ будто виденъ еще отблескъ заходящаго солнца древняго міра, но въ нихъ уже звучитъ невѣдомая ему возвѣщенія грусть новой религіи. Древній духъ долженъ быть содрогаться передъ безконечностью человѣческаго «я» и передъ неизмѣримой глубиной, какая открылась для человѣчества религіей Христа, религіей духа, не находящаго себѣ ни покоя, ни примиренія, въ стремленія къ Богу съ самоотверженной преданностью въ молитвенномъ поклоненіи. Болѣе глубокіе умы ищутъ единенія, которое рождается у нихъ мысли, поражающія своимъ величіемъ и своимъ непреходящимъ значеніемъ. Какъ говорить Вильменъ²): «есть особенное очарование въ этомъ противоположеніи красоты природы съ тревогами сердца, мучимаго загадкой нашего существованія и ищущаго успокоенія въ религіи. Это не поэзія Гомера: это другая поэзія... Въ этихъ новыхъ формахъ созерцательной поэзіи, въ этой грусти человѣка о самомъ себѣ, въ этихъ стремленіяхъ къ Богу и будущей жизни, въ этомъ идеализмѣ, почти неизвѣстномъ древнимъ поэтамъ, христианское воображеніе могло побѣдоносно бороться съ ними. Отсюда ведеть начало наша поэзія, поэзія размышенія и мечтательности, проникающая въ сердце человѣка, изображающая его самыя сокровенные мысли и самыя смутныя желанія».

Характернымъ обстоятельствомъ того времени можно счи-

¹) Cp. Die Entw. d. N. bei d. Gr. u. R. I 62, II 25, 34 f., 86, 114, 121, 127 ff., 144.

²) Op. cit. p. 59.

тать презрительное отношение къ искусству и возвеличение природы на его счетъ. Все, что сдѣлано рукою чековѣка, можетъ ослѣплять нашъ взоръ, но оно ничтожно, тогда какъ изъ произведений природы мы познаемъ Творца. Культура и природа часто даютъ поводъ для глубокомысленного противупоставленія ихъ¹⁾.

Такъ Иоаннъ Златоустъ совѣтуетъ тому, кого ирѣющають великолѣпныя зданія и величественныя колоннады, взглянуть скорѣе на небесный сводъ и на открытые поля, гдѣ пасутся стада на берегу озеръ. Онъ полагаетъ, что каждый долженъ съ презрѣніемъ смотрѣть на созданіе искусства, если онъ съ миромъ въ душѣ увидитъ восходящее солнце, когда оно изливается на землю свой пурпурный свѣтъ, когда онъ, покоясь въ густой травѣ у ручья или подъ тѣнью густолиственныхъ деревьевъ, устремляеть взоры въ обширную, исчезающую въ туманѣ даль²⁾. Куполь міра величественное всякаго произведенія искусства, созданного человѣкомъ; все видимое есть зеркало невидимаго, подобно того, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ въ 13 главѣ первого посланія къ Коринѳянамъ: «Теперь мы видимъ, какъ бы сквозь тусклое стекло». Въ другомъ мѣстѣ Иоаннъ Златоустъ говоритъ, что Богъ помѣстилъ человѣка въ міръ, какъ въ царскій дворецъ, блестящій золотомъ и драгоцѣнными камнями, но самое дивное въ этомъ дворцѣ это то, что онъ сложенъ не изъ камней, а изъ гораздо болѣе драгоцѣннаго материала; Богъ не зажегъ пламени золотого свѣтильника, но укрѣпилъ свѣтила къ крышѣ дворца для того, чтобы они не только приносили пользу³⁾, но и служили бы источникомъ великой радости, и это Онъ даровалъ даже и тому, кто не сдѣлалъ еще ничего доброго⁴⁾.

¹⁾ Природа и искусство въ противуположеніи у древнихъ писателей—Entw. d. N. bei d. Gr. u. R. I 121, II 37, 97, 115, 135 f. 154 f. 184, 185.

²⁾ Ioann Chrysast. opp. omn. Par. 1838, IX p. 687 A; II p. 82 A und 851 E; I p. 79, Alex. v. Humboldts a. a. O. S. 30.

³⁾ Уже этихъ словъ достаточно, что бы опровергнуть мнѣніе тѣхъ, которые, какъ Диобуа-Реймондъ, видятъ въ описываемую нами эпоху только указаніе полезностей. У грековъ отъ V до III вѣка можно прослѣдить прогрессъ въ описаніяхъ отъ нелепаго еще чувства природы до открытаго признания красоты ея въ отдѣльныхъ явленіяхъ.

⁴⁾ ad Stelechium lib II (Tom I Paris 1718 p. 149 B.); ср. Tom

Такая глубокая мысль и такое скорбное чувство не встречается уже у римскихъ писателей первыхъ христіанскихъ вѣковъ, но и у нихъ умиленіе возбуждаемое, видомъ творенія, ведеть къ описаніямъ природы, имѣющимъ важное значение. Ихъ описанія также, какъ и у греческихъ отцовъ церкви, показываютъ намъ, что природа оцѣнивалась тогда не только изъ религіозныхъ побужденій, какъ создание высшаго художника, но также какъ источникъ чистой радости, и красота ея вызывала къ себѣ личное участіе писателей.

Вполнѣ новые, понятные для насъ мотивы выступаютъ въ проникнутомъ гуманнымъ духомъ «Октави», небольшомъ произведеніи Минуція Феликса, жившаго при Коммодѣ. Это произведеніе представляеть смѣщеніе античной языческой образованности съ христіанскимъ образомъ мыслей. Мѣсто дѣйствія изображается въ немъ съ большою тонкостью и изяществомъ. Друзья, въ мягкое весеннее утро, отправляются къ морю въ «любезную» Остію; «легкій вѣтерокъ освѣжаетъ члены и мягкий песокъ пріятно поддается подъ ногою» ¹⁾. Они радуются при видѣ моря; хотя оно не плещеть въ берегъ сѣрыми пѣнящимися волнами, но и не совсѣмъ спокойно, выказывая изгибающіяся линіи ²⁾; они утѣшаются видя на слегка покатомъ берегу ³⁾ играющихъ мальчиковъ, бросающихъ въ море раковины, такъ, что онѣ подпрыгиваютъ на водѣ. Затѣмъ между христіаниномъ и язычникомъ завязывается оживленный разговоръ. Послѣдній прославляетъ древнюю вѣру, міровоззрѣніе Лукреція: все возникаетъ и исчезаетъ безъ помощи творца, дождь падаетъ, вѣтры дуютъ, громъ гремитъ, молни блещутъ безъ направляющей руки божества. Первый горячо совѣтуетъ поднять взоръ отъ земли на небо съ его звѣздами, съ его величественной красотой и порядкомъ,

IX p. 449 E. (in epist. ad Rom. hom III); ср. съ Georg. Pisid Mundi opificium v. 344 ed. Henr Stephan. ann. 1573.

¹⁾ cap. 2 Placuit Ostiam petere amoenissiman civitatem... itaque cum dilucolo ad mare inambulando litore pergeremus, ut et aura adspirans leniter membra vegetaret et cum eximia volupate molli vestigio cedens harena subsideret.

²⁾ cap 3... et ut semper mare etiam positis flatibus inquietum est, etsi nan coenis spumosisque fluctibus exibat ad terram, tamen crispis tortuosisque ibidem erroribus delectati perquam sumus...

³⁾ molliter curvum litus.

краснорѣчиво свидѣтельствующими о мудромъ Стронгелѣ, Который всему указалъ пути. «Взгляни на море съ его берегами, на землю съ ея деревьями, посмотри на вѣчно бѣгущіе ручьи, на громоздящіяся горы, на воздымающіеся холмы, на простирающіяся равнини — вездѣ замѣчаешь ты порядокъ и закономѣрность; повѣрь, что есть Богъ и Отецъ вселенной... но не ищи для него имени... Если ты назовешь его отцомъ, ты будешь думать о тѣлесномъ; если царемъ — о земномъ владыкѣ; отними всякие атрибуты у Его имени и ты ясно знаешь Его величие!»

Такія обращенія къ творенію нерѣдко встрѣчаются у апологетовъ; но природа уже больше и больше теряетъ свое самостоятельное значение на ряду съ земною жизнью, которая, по учению Кипріана, есть не что иное, какъ ежедневная борьба съ дьяволомъ ¹⁾.

Лирика первыхъ вѣковъ, поэзія гимновъ проникнута искреннимъ умилениемъ передъ природой, исходящимъ изъ прославленія природы, какъ творенія Божія, или изъ примѣненія образовъ ея къ нравственнымъ идеямъ. Эберть ²⁾ замѣчаетъ: «Можно легко усмотрѣть особенность и полную самостоятельность христіанской лирики въ ея изображеніяхъ противоположно антично-римской. Я имѣю здѣсь въ виду не только преобладаніе душевной жизни, высоко поднимающей человѣка и придающей лирикѣ такое искреннее выраженіе чувства, но и отношеніе человѣка къ природѣ, которая доставляетъ краски кисти поэта ³⁾. Природа является здѣсь лишенной своей самостоятельности ⁴⁾ въ простомъ подчиненіи идеальнымъ нравственнымъ силамъ. Она — служительница Бога, ея Творца, повинуется Его повелѣніямъ и является Его орудіемъ для блага человѣка. Но и дьяволъ по временамъ можетъ овладѣвать ею

¹⁾ *De mortalitate cap. 4.*

²⁾ *Geschichte der christlich-lateinischen Litteratur I*, 175.

³⁾ Нельзя отрицать, что нечто подобное можно замѣтить въ греческой и римской лирикѣ если вспомнить Сафо, Симонида, Теокрита, Мелеагра и Катулла, Горация и Овидія.

⁴⁾ Какъ это было въ гомеровскомъ вѣкѣ, когда каждая область природы повиновалась особому божеству и находилась подъ его непосредственнымъ вліяніемъ. Нельзя сказать, однако, чтобы въ поэзіи гимновъ «Метафорическое выраженіе было больше свободнымъ и смѣлымъ»; напротивъ, оно съужено и однообразно.

ко вреду послѣдняго. Такимъ образомъ, природа легко становится символическимъ выражениемъ нравственного міра».

Восходящій свѣтъ дня, передъ которыемъ бѣгутъ тѣни ночи, есть символъ Христа, прогнавшаго тьму зла язычества и сіяющаго, какъ истинный источникъ свѣта, ярче солнца.

«Разливающій свѣтъ, лучезарный,
Перецъ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ котораго,
Какъ скоро почь прошла,
Распространялся ясный день.
Ты истинная утренняя звѣзда міра,
Ты самъ солнце, свѣтъ и день!
Озари въ нашей груди
Сердце Твоимъ чистымъ сіяніемъ ¹⁾).

Иларій признаетъ себя (Гимнъ 2-й) недостойнымъ поднять грѣшные глаза къ яснымъ небеснымъ звѣздамъ, къ образу вѣчности, просвѣчивающей сквозь ихъ сіяніе, и призываетъ все сотворенное, небо и землю, море и рѣки, холмы и поля, розы и лилии и сверкающія звѣзды плакать вмѣстѣ съ нимъ и скорбѣть о грѣховности человѣка.

Изображеніе ранняго утра, въ утреннемъ гимнѣ Амвросія, также имѣть символическое значение: темная ночь удаляется,—блескъ міра возраждается вновь и оживленіе зоветъ душу къ добрымъ дѣламъ. Здѣсь Христосъ опять называется истиннымъ солнцемъ, источникомъ свѣта: да будетъ Онъ свѣтомъ въ нашемъ сердцѣ, да не знаетъ душа сумрака, да превратится стыдъ въ утренний свѣтъ, да сіяеть вѣра, какъ полдень ²⁾. «Ночь, и мракъ, и туманъ, поетъ Пруденцій, ³⁾ разсѣваются, свѣтъ загорается, все освѣщаетъ вокругъ, Христосъ идетъ!» Или: «Птица (пѣтухъ), вѣстникъ дня, возвѣщаетъ о приближающемся днѣ, насть призываетъ къ жизни Пробудитель—Христосъ». Въ девятомъ гимнѣ говорится: «Приливъ и отливъ въ прибоѣ волнъ и сокрушаемый бурею берегъ, дождь, снѣгъ, и морозъ, и жаръ, воздухъ, и лѣсъ, и день и ночь

¹⁾ Hilarius, himnus matutinus: *Lucis largitor splendide, Cuius sereno lumine, Post lapsae noctis tempora Dies refusus panditur: Tu verus mundi lucifer... Toto sole clarior, Lux ipse totus et dies Interna nostri pectoris Illuminans praecordia.*

²⁾ Pudor sit ut diluculum Fides velut meridies Crepusculum meus nesciat.

³⁾ II, Hymnus ad matutinum, im cathemerinan.

отъ вѣка до вѣка всѣ славятъ Тебя ¹⁾). Христосъ для него звѣзда, никогда не заходящая, никогда не скрывающая своего свѣтъ за облакомъ; въ вѣчной родинѣ благоухаетъ земля, покрытая пурпуровыми розами и нѣжными фіалками, тамъ каплетъ бальзамъ изъ стройныхъ деревьевъ и т. д.

Величайшаго представителя своей эпохи мы видимъ въ блаженномъ Августинѣ. Уже у блаж. Иеронима, по замѣчанію Эберта, христіанскій гений перерабатываетъ античную образованность въ такой степени, что его изложеніе, въ особенности въ посланіяхъ, кажется очень близкимъ намъ; ²⁾ его сочиненія ясно свидѣтельствуютъ намъ, насколько христіанскій аскетизмъ содѣйствовалъ углубленію духовной жизни, отражаясь и на индивидуальности языка ³⁾). Но всѣхъ ближе въ эту эпоху стоитъ къ намъ блаж. Августинъ, въ особенности въ его «Исповѣди», изображающей великий умъ, мучимый задачами своего времени.

Искренность сильной личности, вполнѣ сознавшей индивидуальное значение своего «я» и стремящейся освѣтить яркимъ свѣтомъ всѣ стороны своего пламеннааго сердца, выражается повсюду въ «Исповѣди» блаж. Августина.

Послѣ тяжелой внутренней борьбы, достичь онъ свѣта истинной вѣры. Онъ изображаетъ превращеніе своей души смѣлыми образами, заимствованными у природы, замѣчательными по силѣ выраженія, почти не поддающимися переводу... Когда другъ его умираетъ, его ничто не можетъ утѣшить, ни красота природы, ни удовольствія жизни. Онъ говоритъ, что его душа волновалась, что онъ вздыхалъ и плакалъ, нося въ себѣ разбитое, истекающее кровью сердце, и не зналъ, куда идти съ нимъ; оно не успокоивалось ни въ прекрасныхъ рощахъ, ни игрой и пѣніемъ; все въ немъ возбуждало ужасъ, даже дневной свѣтъ ⁴⁾).

¹⁾ *Fluminum lapsus et undae, littorum crepidines, Imber, aestus, nix, pruina, silva et aura, nox dies Omnibus te concelebrent seculorum seculis.* Относительно описаній ср. описание благоуханныхъ садовъ рая *Hymn. III 113 ff.*; происхожденіе злого и уродливаго въ природѣ отъ сатаны объясняется въ *Namartigenia v. 216 ff.*

²⁾ *Ebert, ib. p.191.*

³⁾ См. *Epist. 3, ad Rufin cap. 4.*

⁴⁾ *Aestuabam, suspirabam, flebam, turbabam... portabam enim consciassam et cruentam animam meam impatientem a me portari; at ubi eam*

Августинъ уже ясно выражаетъ, какимъ источникомъ страданія можетъ быть чувствительное сердце; онъ ищетъ утоленія своихъ сердечныхъ ранъ въ уединеніи среди природы, но даже ощущеніе жизни, даже солнечный свѣтъ причиняютъ ему боль.

Пантеистическая вѣра манихеянъ, что все имѣеть душу,—и огонь, и вода, и воздухъ, что смоковница плачетъ, когда отрываютъ ея вѣтви, и стволъ испускаетъ молочно-блѣдныя слезы, что все на землѣ и на небѣ составляеть часть божественнаго,—не могло удовлетворить блаж. Августина; въ силахъ природы ему открывается только личный Богъ, какимъ его прославляютъ псалмы.

Космологический моментъ въ теизмѣ никогда не выражался прекраснѣе, чѣмъ у блаж. Августина: «Что есть Богъ? я спросилъ землю, и она мнѣ сказала—это не я! И все, что на ней, признавало то же самое; я спросилъ море и бездны и все пресмыкающеся и живущее тамъ, и они мнѣ отвѣчали: мы не твой Богъ, ищи его выше настѣ; я спросилъ вѣющіе вѣтры, и весь воздухъ со всѣмъ, что въ немъ живетъ, сказали: «заблуждаются Анаксименъ, я не Богъ! Я спросилъ небо, солнце, луну, звѣзды, и они воскликнули: и мы не Богъ, котораго ты ищешь. И я всѣхъ спрашивалъ окружающихъ мои чувства: они мнѣ сказали о моемъ Богѣ, что это—не они. И они воскликнули громкимъ голосомъ: Онъ настѣ создалъ¹⁾.

Въ другомъ мѣстѣ свое твердое сознаніе бытія Божія выражалъ онъ словами: «Это не сомнѣвающееся, но твердое сознаніе: Боже, я люблю Тебя! Небо и земля и все, что въ ней есть, говорятъ мнѣ со всѣхъ сторонъ, что я долженъ любить Тебя... Небо и земля вѣщаютъ безчувственнымъ (глухимъ) Твою хвалу». Субъективность его возврѣнія вполнѣ выражается въ слѣдующемъ изречении: «Когда я Тебя люблю, я люблю не

ponerem non inveniebam; non in amoenis nemoribus, non in iudis... acquiescebat. Horrebant omnia et ipsa lux IV, 12, ep. VI, 20.

¹⁾ Interrogavi terram et dixit: Non sum, et quaecunque in eadem sunt, idem confessa sunt. Interrogavi mare et abyssos et reptilia animalium vivarum et responderunt: Non sumus Deus tuus, quare super nos? Interrogavi auras flabiles et inquit universus aëris cum incolis suis: Fallitur Anaximenes, non sum Deus. Interrogavi coelum, solem, lunam, stellas... et exclamaverunt voce magna: Ipse fecit nos: interrogatio mea, intentio mea; et responsio eorum, species eorum!

красоту тѣлесную, не блескъ свѣта и т. д., когда я люблю моего Бога, я люблю свѣтъ, голосъ, запахъ, пищу всего моего внутренняго человѣка» ¹⁾.

Мы видимъ что Августину были открыты и тайны душевной жизни такъ же какъ и неизмѣнная красота природы, но главнымъ образомъ, по отношенію къ Творцу; но ему не было чуждо и умиротворяюще дѣйствіе природы для беспокойнаго, волнующаго сердца.

Противоположеніе и отчасти сляніе античнаго и христіанскаго міра ясно выражено въ перепискѣ Авзонія и св. Павлина, епископа въ Ной. Христіанская и языческая поэзія соприкасаются въ ней и дѣйствительно глубокая и прочувствованная дружба облагораживаетъ эти поэтическія порывы.

Авзоній своимъ сантиментальнымъ возврѣніемъ на природу, своими изображеніями мѣстности по теченію Мозеля, обнаруживающими тонкое чувство живописной стороны природы, проникаетъ далеко въ христіанско-германскую эпоху, хотя авторъ еще крѣпко стоитъ на языческо-римской почвѣ ²⁾.

Для послѣдней эпохи языческаго міра весьма характерно, что недостатокъ въ оригиналѣ национальномъ мѣтеръялѣ, который вызывалъ-бы поэтическое одухотвореніе, подобно сказанию обѣ Энеѣ, приводилъ лучшихъ людей того времени къ чувственному погружению въ природу, къ описанію ландшафтовъ и путешествий. Во всей классической римской поэзіи неѣтъ ни одного изображенія, которое такъ краснорѣчиво свидѣтельствовало бы о тонкомъ пониманіи величайшихъ скрытыхъ прелестей природы, какъ небольшая поэма о берегахъ Мозера, опоясанныхъ виноградниками, увѣнчанныхъ городами, залитыхъ солнцемъ, отражающіхся въ кристальной влагѣ. Можно подумать, что на волнахъ нѣмецкой рѣки и въ ея прелестныхъ окрестностяхъ на римлянина повѣяло германской любовью къ природѣ, которая и придаетъ его не всегда пра-

¹⁾ X, VI (8): Non dubia sed certa conscientia, Domine, amo te... Sed et coelum et terra et omnia, quae in eis sunt, ecce indique mihi dicunt, ut te amem, nec cessant decere omnibus, ut sint inexcusabiles... coelum et terra surdis loquuntur lourdes tuas... cum te amo, non speciem corporis nec candorem lucis... amo, sed cum amo deum meum, lucem, vocem, odorem, cibum, amplexum interioris hominis mei... Нос est quod amo, cum Denm meum amo...

²⁾ Cp. Entw. des N. bei den Gr. u. Röm. II 183 f.

вильнымъ и классически законченнымъ стихамъ особое вдохновеніе и настроеніе; иѣмѣцкая земля подѣйствовала на него такъ же, какъ и та молодая женщина, которую онъ воспѣваетъ и сравниваетъ съ розами и лиліями.

Такимъ настроеніемъ проникнуты многія части его поэтическихъ посланий, откуда можно видѣть, что уже въ письмахъ того времени употреблялись длинныя вступленія, посвященные описаніямъ мѣстности и погоды ¹). Симпатическое воззрѣніе на природу и дружественная любовь сплетаются въ истинно-поэтическое выраженіе чувства въ посланіи LXIV, въ которомъ Авзоній жалуется, что Павлинъ не удостоиваетъ его отвѣта, замыкаясь въ молчаніе: «Даже непріязненный варваръ отзыается на привѣтствіе и среди стука оружія звучить: *salve*. Даже скалы отзычаются человѣку и произнесенное слово возвращается пещерами и звукъ—жѣсомъ; берега моря издають шумъ, ручьи журчатъ, шумятъ улей, окруженный гиблейскими пчелами; на берегахъ, покрытыхъ камышемъ, слышится мелодичный шорохъ; дрожа, шелестить на вѣтру зелень писей... Вся природа говоритъ, не молчать ни птицы, ни звѣри; у змѣи есть свое шипѣніе; даже твари морской глубины подаютъ тихій голосъ... ²). Развѣ баекскій горный лѣсъ и сиѣжныя жилища Перинеевъ ожесточили твой характеръ? Лучше пусть Иберію опять опустошать Цувицы. Пусть тому, кто тебя склоняетъ къ молчанию, никогда не доставлять радости пѣсни пѣвцовъ или голоса природы... Пусть онъ, печальный, лишенный всего, устремится въ пустыни и молча блуждаетъ по Альпамъ, какъ иѣкогда больные духомъ люди бродили по мѣстамъ лишеннымъ тропинокъ, согласно сказанію о Белерофонтѣ» ³).

¹) Cp. Ad Paulinum epistol. XIX: Monumenta German. V, 2.

²) Respondent et saxa homini et percussus ab antris Sermo redit et nemorum vocalis imago. Litorei clamant scopuli, dant murmura rivi, Hyblaeis apibus saepes depasta susurrat, Est et harundineis modulatio musica ripis: Cumque suis loquitur tremulum coma pinea ventis: Incubuit foliis quotiens levis eurus acutis Dindyma Gargarico respondent cantica luco. Nil mutum natura dedit, non aëris ales Quadrupedesve silent, habet et sua sibila serpeus Et pecus aequoreum tenui vive vocis anhelat...

³) Tristis, egens deserta colat tacitosque pererret Alpini canvexa iugi... v. 69.

Настоятельнѣе и трогательнѣе нельзя требовать отвѣта; съ какой нѣжностью здѣсь изображены, въ частности звуки природы: эхо горъ, шелестъ листьевъ, шумъ вѣтра, журчаніе источниковъ, мелодическое колебаніе тростника, а въ то же время альпийскія горы представляются мѣстомъ ужаса и не-проходимой пустынѣй. Въ слѣдующемъ посланіи (XXV), онъ опять говорить другу объ ихъ рѣдкой, искренней любви и о прелести общей родины Бурдигалы, такъ же какъ и своего помѣстья, съ холмами, покрытыми виноградниками, плодородными полями, зеленѣющими лугами, тѣнистыми рощами; «но безъ тебя ни одинъ годъ не приносить мнѣ пріятной перемѣны: влажная весна уходитъ безъ цвѣтовъ, раскаляется созвѣздіе Пса, приводящее жаръ, Помона не возбуждаетъ весеннихъ благоуханій, а Водолей орошаетъ дождями зиму... признаешь ли ты свою вину, мой милый? Приди же, цвѣтъ моего сердца, мое украшеніе» ¹⁾). Такимъ образомъ въ отсутствіи друга, весна перестаетъ для него быть весной, лѣто лѣтомъ и т. д.; только съ его приѣздомъ все опять превратится въ доброе и хорошее. Заключеніе письма такъ же сердечно, какъ это привѣтствіе нѣжно. Ему кажется, что его желаніе уже исполнилось: его другъ «уже оставляетъ сѣльговыя города иберовъ, уже проѣзжаетъ черезъ луга тарбелліевъ, уже вступаетъ на Эбромагусъ, уже спускается по рѣкѣ, уже, уже— стучать въ мою дверь! Долженъ ли я этому вѣрить? Или это сонъ, подобный многимъ снамъ любящихъ душъ?» ²⁾).

Все это несомнѣнно превосходитъ античныя произведенія возрастаніемъ сердечности: мягкость дружескихъ чувствъ напоминаетъ даже новѣйшую сантиментальность, проявлявшуюся въ перепискѣ прошлаго вѣка между родственными «прекрасными» душами.

Павлинъ съ трогательной преданностью относится къ своему прежнему учителю Авзонию и вообще обладаетъ нѣжной чувствительной душой. Съ величайшою ревнотью посвятилъ

¹⁾ Te sine set nullus grata vice provenit annus: Ver pluvium sine flore fugit, canis aestifer ardet, Nulla autumnales variat Pomona sapores Effusaque liemem contristat Aquarius unda, Agnoscisne tuam Ponti dulcissime culpam?

²⁾ ... iam ninguida linquit Oppida Hiberorum, Tarbellica iam tenet arva. Ebromagi iam tecta subit... iam labitur amne secundo... iam iam tua limina pulsat Credimus? An qui amant ipsi sibi somnia fingunt?

онь себя христіанскому учению и сдѣлался строгимъ подвижникомъ и епископомъ; отсюда исходить его тяжелая скорбь, что его другъ Авзоній остается погруженнымъ въ язычество, между тѣмъ какъ онь самъ, сдѣлавшись христіаниномъ, чувствуетъ полное перерожденіе: онь простился съ языческой музыкой, его чувствами управляетъ Христость, указавшій ему путь къ истинной жизни и язвившійся для него чистымъ источникомъ спасенія. Творсія св. Павлина исполнены высокой образованности и гуманности, но природа не выступаетъ въ нихъ сама по себѣ, какъ у Авзонія; у первого христіанско-подвижническое возврѣніе на природу, у послѣдняго антично-языческое, какъ и весь его образъ мыслей, но съ сентиментальнымъ и симпатизирующимъ оттенкомъ. Павлинъ ясно видѣть коренное различіе ихъ міросозерцанія, высказывая Авзонію свой взглядъ на уединеніе: его пищутъ не больные душой, а стремящіеся въ удаленіи отъ міра познать въ созерцаніи звѣздъ Бога и глубины истины ¹⁾.

Онъ съ любовью отзыается объ Испаніи, въ которой жить, въ отвѣтъ на похвалы Авзонія своей родинѣ и передко даетъ описание мѣстности и временія года ²⁾, но чистая радость, доставляемая природой, не выражается у него съ та-кою искренностью, какъ у Авзонія, между тѣмъ, какъ онъ не уступаетъ ему въ силѣ дружескаго чувства: «Прежде жизнь вѣдеть изъ моего тѣла, чѣмъ твой образъ исчезнетъ изъ моего сердца» ³⁾. Такимъ образомъ язычникъ внимательнѣе смотритъ на природу и теплѣе ее чувствуетъ, а для христіанского епископа міръ существуетъ только по его отношенію къ Творцу; онъ строго настаиваетъ на томъ, что стихіи не имѣютъ надъ нами никакой власти, а скорѣе мы надъ ними, и препятствія для добродѣтели исходить не отъ звѣздъ, а отъ нашего сердца ⁴⁾.

Жизнь святыхъ и парадизы исторіи творенія составляютъ главные предметы христіанскихъ поэтовъ IV и V вѣковъ.

¹⁾ ep. X, 161: *Non inopes animi neque de feritate legentes Deser-
tis habitare locis, sed in ardua versi Sidera spectantes que Deum veri-
que profunda Perspicere intenti de vanis libera cunis Otia amant.*

²⁾ *Carm. nat VII*—приближеніе весны, сладость пѣяія соловья; *ad
Nicetam* путешествіе изъ Нолы въ Дакію.

³⁾ Ep. XI, 47.

⁴⁾ *Carmen de Provid. divinae.*

Нерѣдко изображенія явленій природы достигаютъ у нихъ высокаго поэтическаго полета и обнаруживаются, вмѣстѣ съ религіознымъ паѳосомъ, чувство возвышенаго и прекраснаго въ природѣ. Драконцій съ большою любовью изображаетъ подробности въ своемъ описаніи рая¹⁾. Вообще, въ эту эпоху часто встречаются восторженныя описанія рая. «Вѣчная весна смягчаетъ воздухъ; благодѣтельное пламя обливается мѣръ своимъ свѣтомъ; всѣ стихіи сияютъ цѣлебнымъ тепломъ; когда тѣни ночью удаляются, поднимается день... тогда крылатая стая быстрыхъ птицъ начинаетъ веселоноситься въ вышинѣ, ударяя въ шумномъ полетѣ крыльями по воздуху, и голоса ихъ раздаются съ очаровательнымъ благозвучіемъ; я полагаю, онѣ славятъ Бога за то, что удостоились быть созданными: эти блестяще снѣжной бѣлизной, тѣ одѣты пурпуромъ; одни украшены шафраннымъ цвѣтомъ, другія золотисто-желтымъ, у третьихъ бѣлыя перья около глазъ, а на шеѣ и груди яркіе цвѣта глациотовъ... сидя на деревѣ, птица вмѣстѣ съ вѣткой, покрытой зеленью, покачивается вѣтромъ²⁾. Въ изображеніи этихъ мелкихъ подробностей изъ жизни природы, нельзя не замѣтить достаточной наблюдательности, но, по большей части, такое идеаллическое чувство уступаетъ мѣсто болѣе возвышеннымъ религіознымъ мыслямъ. Люди должны властвовать надъ природой, пишетъ Драконцій³⁾, надъ всѣмъ, что заключаетъ въ себѣ мѣръ, надъ цвѣтами и травами, какая даетъ землю, надъ свѣжею зеленью, надъ всѣмъ, что даетъ море и источники и т. д. Все твореніе, звѣзды и времена года, молніи, градъ и бури, землю и море, рѣки и источники, облака, и ночь, и свѣтъ, растенія и животныя, призываетъ онъ къ прославленію Творца⁴⁾, и съ большой смѣлостью воображенія изображаетъ потопъ⁵⁾.

Въ трехъ книгахъ Авита⁶⁾ мы находимъ цѣльное поз-

¹⁾ v. 240: *Exsilit inde volans gens plumea laeta per auras Aera concutiens pennis crepitante volatu: Ac varias fundunt voces modulamine blando. Et, puto, collaudant Dominum meruisse creari. Migne Patrolog. LX.*

²⁾ *Frondibus insidens vento cum fronde movetur.*

³⁾ v. 571.

⁴⁾ II 205, ср. III нач.

⁵⁾ v. 376 f. f.

⁶⁾ Migne Patrol. LIX, I de origine mundi, II de originali peccato, III de sententia dei.

тическое произведение, которое никакъ нельзя назвать простымъ пересказомъ или стихотворными переложеніями Библіи¹); въ этомъ произведеніи замѣчается и стремленіе къ живописному описанію и симпатизирующее чувство. Поэтъ идиллически изображаетъ жизнь первыхъ людей въ раю, заставляя всю природу сочувствовать ихъ любви. «Вѣчная весна охраняетъ тамъ мягкость неба, бурный южный вѣтеръ не долетаетъ туда и на ясномъ небѣ исчезаютъ облака; тамъ не нужно обильныхъ дождей, травы довольствуются росою, безпрерывно зеленѣтъ почва и свѣтится иѣжное лицо влажно-теплой земли; всегда травы одѣваютъ холмы и листья-деревья» и т. д.²). Но когда несчастные должны покинуть рай, земля, несмотря на ея красоту, кажется имъ некрасивой и тѣсной, дневной свѣтъ сумрачнымъ и небо съ его звѣздами—слишкомъ далекимъ³). Ихъ собственная грѣховность и тоска отражаются для нихъ въ природѣ.

Среди антично-языческихъ писателей, отчасти затронутыхъ, но не вполнѣ проникнутыхъ христианскимъ образованіемъ и занимавшихся классическо-риторическимъ описаніемъ природы, выдающееся мѣсто принадлежитъ Аполлинарію Сидонію.

Несмотря на его прерывистую рѣчь, трудную для пониманія и передачи, несмотря на многія безсодержательныя фразы, его стихотворенія и въ особенности письма даютъ множество картинъ, имѣющихъ культурно-исторический интересъ для освѣщенія эпохи, въ которую онъ жилъ (V вѣкъ). Такъ, въ XXII сарм. онъ набрасываетъ яркое изображеніе богатаго помѣстья, *burgus*, Понція Леонтия⁴). Подобно Плинию Младшему⁵), онъ рисуетъ всѣ привлекательныя стороны такихъ виллъ, пользуясь всѣми средствами риторики и выказывая сочувственное пониманіе природы. Слѣдующее вступление положительно не лишено поэтическаго колорита: «Есть такое мѣсто, гдѣ ты, о Гаронна, катящаяся среди влажныхъ, скалъ и ты, о Дуранусъ, (Дордонь) поспѣшно стремящійся къ морю, мимо извилистыхъ, покрытыхъ мохомъ береговъ, соединяете

¹⁾ Ebert, op. cit.

²⁾ Ср. v. 193—299.

³⁾ lib. III.

⁴⁾ Migne patrol LVIII.

⁵⁾ Ср. Entw. d. N. bei den Rom. S. 164 f.

свои течения, постепенно становящіяся все болѣе и болѣе лѣпивыми... тамъ между рѣками возвышается утесь, прорѣзывающій эфиръ вмѣстѣ съ виднымъ издали замкомъ Понція». Онъ изображаетъ также прохладу залъ и гrotовъ, роскошные покой и колонны, но по преимуществу величественный видъ: «Тамъ, на вершинѣ замка, я буду сидѣть и передъ моими взорами будетъ возвышаться гора съ лавровыми деревьями, столь дорогими моей музѣ и козамъ; въ ихъ тѣни буду я бродить и думать, что робкая Дафна подарила меня своей любовью». Природа нравится ему тѣмъ, чѣмъ она свободна, чѣмъ менѣе ея коснулось искусство. Онъ прославляетъ источникъ, «который, стекая съ горы, отънется глубокимъ гrotомъ съ обширнымъ сводомъ; ему не нужно никакой заботы: природа одарила его красотою; главная прелестъ его заключается въ томъ, что ничья рука не трудилась надъ нимъ, что онъ не есть великолѣпное созданіе искусства; никакой молотъ не будетъ сильными ударами расчищать скалы, и мраморныя плиты не замѣстятъ разрушенаго туфа»¹). Противоположность между культурой и природой, между городской роскошью и сельской простотой изображаетъ онъ въ Epist. II, въ которомъ онъ сентиментально описываетъ Данідію, красоты своего скромнаго помѣстья: «Ты подщучиваешь надъ тѣмъ, что я остаюсь въ деревнѣ; я бы скорѣе могъ пожалѣть, что ты остаешься въ городѣ, когда мръ сіяется весеннимъ свѣтомъ, ледь на Альпахъ таетъ и на землѣ появляются извилины сухихъ трещинъ и движется песокъ въ рѣкахъ, иль по берегамъ, пыль на поляхъ: здѣсь нельзя найти ни обнаженныхъ статуй, ни шутливыхъ актеровъ, ни мрамора, ни ипподрома; рѣка шумитъ такъ громко, что могла бы заглушить цѣлые массы людей: изъ столовой, когда ты отдыкаешь послѣ обѣда, ты могъ бы доставить себѣ наслажденіе прекраснѣйшимъ видомъ²) и могъ бы смотрѣть на рыбную ловлю... Затѣмъ тебя можетъ принять укромный уголокъ, мѣсто грезъ, гдѣ всего прохладнѣе въ жаркое лѣто: какое удовольствіе слушать тамъ въ полдень трескъ цикадъ,

¹⁾ ... fante meo, quem monte fluentem umbrat multicavus spatiioso circite foruix. Non eget hic cultu, dedit huic natura decorem. Nil fictum placuisse placet, non pampa per artem Ulla, resultanti non camet malleus ictu Saxa, nec exesum supplebunt marmora tophum.

²⁾ Si quid inter edendum vacas, prospiciendi voluptatibus occuparis.

а когда сумерки простираются надъ землей—кваканье лягушекъ, въ глубокую ночь—крикъ лебедей и гусей и въ мертвый тишинѣ пѣніе пѣтуховъ, сливающееся съ карканьемъ вѣщихъ вороновъ, привѣтствующихъ пурпурный свѣтъ восходящей утренней зари, и въ утреннемъ полусвѣтѣ заливающагося въ кустахъ соловья и щебечущихъ между стропиль ласточекъ¹⁾. Тѣмъ временемъ пастухи играютъ на своихъ свирѣляхъ... Недалеко оттуда роща, двѣ огромныя липы сплелись вѣтвями и распространяютъ тѣнѣ, въ прохладѣ которой мы играемъ въ мячъ, и озеро, вздувающееся въ бурю и грозно наступающее, такъ что оно опрыскиваетъ пѣнной зелень деревьевъ, стоящихъ на краю: его украшаютъ растенія и травы; въ серединѣ—маленький островъ, который служить цѣлью для гребныхъ судовъ; земля эта богата лѣсами, лугами и пастбищами». Онъ изображаетъ (II, 9) Данидію, какъ пріятно онъ проводить время въ своемъ помѣстіи съ двумя друзьями: «Отъ одного удовольствія мы отрываемся для другого; игры, пиршства, разговоры, чтеніе смыняются верховой Ѣздой, купаньемъ и рыбной ловлей» и т. д.

Въ это огрубѣлое время Сидоній остается вѣринымъ сторонникомъ классического образования и гуманности, не измѣня имъ и тогда, когда онъ дѣлается епископомъ. Въ то же время онъ заслуживаетъ вниманія, какъ представитель мягкаго, мечтательнаго чувства природы, какое намъ показываетъ Плиний Младшій, идеаллическаго предпочтенія сельской жизни городской культуры, чувствительности, охотно отдающейся сладкимъ грезамъ въ тишинѣ лѣса или на берегу шумящаго ручья, внимательно прислушивающейся ко всякому звуку, нарушающему молчаливый покой, къ пѣнію птицъ, пастушьей свирѣли и т. п. Но насколько описанія того времени переполнялись и напыщенной риторикой, можно видѣть изъ чутевыхъ описаний Эннодія²⁾, котораго всего скорѣе можно назвать фантазирирующимъ болтуномъ.

¹⁾ *Locuc dormitandi. Hic iam quam volupe est auribus insanare cicadas meridie concrepantes, ranas crepusculo incumbente blaterantes, cyenos atque anseres concubia nocte clangentes, intempesta gallos gallinaceos cancinentes, oscines corvas voce triplicata puniceam surgentis aurorae facem consulatantes; diluculo ante philomelam inter frutices sibilantem, progen inter asseres minurientem: Migne Patrol LVIII, p. 478.*

²⁾ *Carmin. lib. I, 1, 5.*

Болѣе чѣмъ Боецій, этотъ иссомиѣнио чистѣйшій, благороднѣйшій и значительнѣйшій представитель своего времени (VI вѣка) — даетъ для нашего предмета Кассіодоръ, также занимавшій при Теодорихѣ важный государственный постъ; его *Variarum libris* раскрываетъ для насть возврѣнія его времени на природу. Кассіодоръ любить расплывчатыя, напыщенные описанія природы и наслажденія, какія она доставляетъ. Цвѣтистымъ языккомъ онъ прославляетъ красоту ¹⁾ Байи, Лактарія, за ея здоровую мѣстность ²⁾ и подробно описываетъ ³⁾ положеніе Сциллакія, главнаго города Бруттіи въ верхнѣй области Адриатическаго моря: «Съ восхищениемъ смотрѣть онъ на зеленѣющія коля и на голубоватую поверхность моря; онъ видѣть восходящее солнце тамъ, гдѣ приближающейся день возвѣщаются не утренней зарей, но вскорѣ выказываетъ свѣтоть и яркій блескъ, какъ только начинаетъ подниматься. Онъ видѣть радующагося Феба: тамъ блестить онъ яркимъ свѣтомъ, такъ что его скорѣе, чѣмъ Родось, можно признать родиной солнца. Онъ наслаждается яснымъ небомъ, чистымъ воздухомъ, теплой зимой, прохладнымъ лѣтомъ; беззаботно живется тамъ, гдѣ нечего бояться враждебныхъ временъ года; и чувства у человѣка тамъ болѣе свободны, благодаря мягкому климату». Онъ признаетъ важное значение климата и мѣстности для человѣка, объясняя это такъ: «Подъемъ души затрудняется, когда она придавлена тяжелымъ воздухомъ; мы неизбѣжно подчиняемся вліянію такихъ обстоятельствъ, становимся унылы при сумрачномъ небѣ и веселы — при ясномъ». Городъ наслаждается также въ изобилии всѣми удобствами приморской жизни, такъ какъ вблизи его находятся плотины, въ которыхъ ударяются волны моря. «Движеніе, рыбъ, играющихъ въ свободной незѣ южнѣ между бассейнами и гrotами, ожив-

¹⁾ Amoenitas loci: *Variarum libri* Lucduni 1677.

²⁾ XI, 10.

³⁾ XII, 15: *Voluptuose campos virentes et caerulea maris terga respicit... nascentem solem ab ipsis cunabulis intuetur, ubi ventura dies non prae-mittit auroram: sed nox ut oriri cooperit, lampadem suam vibrans fulgor ostendit. Gaudentem respicit Phoebum: propria illuc luminis claritate Solis resplendet, ut ipsa magis solis putetur esse patria Rhodi opinione superata. Fruitur luce perspicua, aeris quoque temperatione dotata, apri-cas hiemes, refrigeratas sentis aestates, et sine aliquo maerore transigitur, ubi infesta tempora non timeuntur. Hinc et homo sensu liberior est...*

ляетъ чувство восхищениемъ и прельщаетъ взоръ удивленiemъ¹); жадно спѣшать онъ къ рукамъ человѣка и хватаютъ пищу».

Городъ богатъ виноградниками, оливковыми садами, привлекательными лугами, хлѣбными полями и пригородными виллами. Но вѣнцомъ красивыхъ мѣстностей считается онъ Комумъ² и Комское озеро; даже и новѣйший путешественникъ не многое могъ бы прибавить къ описанію Кассіодора. Кому случалось быть въ ясный лѣтній день въ этомъ райскомъ мѣстѣ — въ Комо, въ Менаджю или въ очаровательномъ Беладжю, кто любовался сияющей красотой озера, синевой линій, изумруднымъ цвѣтомъ воды, берегами, украшенными виллами и садами, кто видѣлъ эти дивныя картины среди свѣжести утра или вечериомъ, когда мѣсяцъ стоялъ надъ пальмами виллы Сербулани и бросалъ серебрянную полосу на Lago di Lecco, кого убаюкивалъ мечтательный плескъ его волнъ — тотъ подтвердитъ вѣрность чувства и выраженій этого писателя VI вѣка, представителя литературнаго упадка, утратившаго уже живость и гибкость языка. Онъ долженъ будеть отдать ему справедливость за искусство въ изображеніи великолѣпной мѣстности верхнихъ и гальянскихъ озеръ и долженъ судетъ признать съ изумлениемъ тонкое эстетическое чувство, скрывающееся за неловкими формами и периодами. Какъ государственный человѣкъ, Кассіодоръ признаетъ стратегическое значеніе Комума: отдаленный, точно стѣною, отъ плоской Лигурии, лежить онъ позади крутыхъ горъ и обширной площади самаго свѣтлаго изъ всѣхъ озеръ: но хотя городъ служить крѣпостью для этой области, онъ отличается такой красотою, что можно подумать, что онъ построенъ только для того, чтобы вызывать восхищеніе³). Позади его находятся обработанныя поля, удобныя для прелестныхъ прогулокъ и доставляющія въ изобилии средства къ жизни; впереди себя онъ наслаждается на протяженіи 60,000 шаговъ привлекательной картиной прекраснѣйшей водяной поверхности⁴), такъ что душа удовлетворяется живымъ восхищениемъ⁵), и въ то же время мно-

¹) *Delectatione reficit animos et admiratione mulcet optutus.*

²) XI 14.

³) *In tantam pulchritudinem perducitur, ut ad solas delicias instituta esse videatur.*

⁴) *Dulcissimi aequoris amoenitate perfruitur.*

⁵) *Ut et animus recreabili delectatione satietur.*

жество рыбы не отгоняется оттуда никакой бурей. Кассиодоръ, вообще, мало разнообразить свои выраженія, желая передать свое восхищенье и изобразить красоту и привлекательность мѣстности.

«Итакъ, справедливо, говорить онъ, получилъ Комумъ свое имя, такъ какъ онъ украшень столь роскошно ¹⁾), озеро лежитъ въ глубинѣ вѣсма обширной долины, привлекательно напоминающей форму раковины, очертаніемъ которой служить бѣлизна пѣнящагося берега ²⁾). Кругомъ его протягиваются, какъ вѣнокъ, прекрасные подъемы возвышеныхъ горъ ³⁾); край его украшень блистающими виллами и, какъ поясомъ Паллады, опоясанъ вѣчно зелевыми лѣсами. Надъ нимъ густые виноградники поднимаются по бокамъ горы, а самая вершина, увѣнчанная, точно волосами, плотными каштанами, украшена природой ⁴⁾). Ручьи, сверкающіе сѣжжнымъ блескомъ, низвергаются съ высоты въ чистую поверхность озера ⁵⁾). Съ юго-запада притекаетъ къ нему Адда. Въ заключеніе, онъ полагаетъ, что къ обитателямъ такой прекрасной мѣстности слѣдуетъ относиться снисходительнѣе, потому что она слишкомъ привлекательна для тяжелой работы и всякое давление должно быть чувствителнѣе для тѣхъ, которые привыкли къ такой красивой природѣ. «Они бы должны постоянно пользоваться милостями короля для того, чтобы наслаждаться роскошными дарами природы, они чувствовали бы себя осчастливленными щедростью государя» ⁶⁾.

Во всякомъ случаѣ, изъ этого описанія мы несомнѣнно можемъ заключить, что пониманіе прекраснаго въ природѣ не утратилось вполнѣ даже и въ эту грубую эпоху. О немъ нельзя сказать, чтобы оно стояло на одной только точкѣ зрѣнія полезности; при описаніи изобилія страны виномъ и хлѣ-

¹⁾ Tantis letatur comptu muneribus.

²⁾ Spumei litoris albore depingitur.

³⁾ Exselsorum montium pulcherrimae summitates.

⁴⁾ Ornante natura depingitur.

⁵⁾ Huic (apici) rivi niveo candore relucentes in aeream laci altitudine praecepitante descendunt.

⁶⁾ Quapropter incolis harum regionum iure parcitur: quoniam amoena omnia delicato sunt ad labores: et facile onus afflictianis sentiunt, qui uti suavibus deliciis consueverunt. Fruantur ergo munere regali perpetuo, ut sicut gaudent nativis epulis, ita eos exultare faciat munificentia principalis.

бомъ, конечно, не упускается изъ виду, на первомъ планѣ все-таки остается наслажденіе прелестями пейзажа и дѣйствіе привлекательной страны на ея обитателей.

Однако, и эта эпоха, которая была эпохой наибольшаго броженія въ исторіи народовъ Европы, тѣмъ не менѣе произвела истиннаго поэта. Въ его личности и въ его произведеніяхъ не только отражается переходъ отъ языческаго къ христіанскому міровоззрѣнію и слияніе романскаго и германскаго элементовъ, но и выступаетъ чувство природы, какое мы видѣли лишь въ классическо-римскую эпоху у элегиковъ и позднѣйшихъ эпиковъ и какое a priori никакъ неизвѣстно было бы предположить въ описываемую нами эпоху среднихъ вѣковъ. Но априорныя предположенія часто ведутъ къ заблужденію въ культурно-историческихъ вопросахъ. Правда, всѣ поэты этого позднѣйшаго періода латинской литературы представляютъ несомнѣнныи упадокъ по отношенію формы. Однако и въ шероховатыхъ или лишь сравнительно гладкихъ стихахъ, въ вычурномъ и напыщенномъ языкѣ, представляющемъ въ одно и то же время и отраженіе стараго классическаго стиля, и чудовищная новообразованія, можетъ высказываться или таиться истинное, сердечное чувство. Этотъ величайшій и знаменитѣйшій поэтъ VI вѣка — Венанцій Фортунатъ. На немъ, какъ вечерній свѣтъ заходящаго солнца, лежитъ послѣдній отблескъ умирающей литературы. Онъ представляетъ свѣтлое явленіе въ это глухое, тяжелое время, когда въ землѣ франковъ, бывшей второй родиной для поэта, родившагося въ землѣ венетовъ, около Тревизо, меровінги, идя далѣе по стопамъ Клодвига, старались превзойти другъ друга въ грубости и кровожадности. Одиночно возвышается онъ среди современныихъ ему поэтовъ, какъ своимъ талантомъ, такъ и нравственной чистотой и душевной мягкостью. Во многихъ мѣстахъ его произведенія испорчены напыщенностью, многословiemъ и неумѣстной ученостью, но повсюду въ нихъ видна живая наблюдательность вѣнѣній природы и человѣка. Его симпатическое чувство къ природѣ выступаетъ не только въ болѣе крупныхъ пейзажныхъ изображеніяхъ, но и въ сліяній своего душевнаго міра съ міромъ природы.

Такъ, въ одномъ изъ самыхъ большихъ произведеній его «О дѣйственности»¹⁾, любящая женщина высказываетъ же-

¹⁾ Monum. Germ. IV ed. Leolib. VIII, с. 3, 233.

хаше, напоминающее то, что мы находимъ въ нѣмецкихъ народныхъ пѣсняхъ: «О, я бы хотѣла прийти къ нему, если бы спѣшащая колеблющаяся нога могла проложить дорогу по звѣздамъ: теперь безъ тебя около меня распространяется ночь съ темными крыльями и даже солнечный день для меня ночь; лилии, нарцисы, фіалки, розы, ^{ничто} не радуетъ моего сердца; чтобы взглянуть на тебя, я проношуясь (умственно) черезъ облако и любовная тоска проникаетъ жаднымъ взоромъ черезъ облака; смотри, тогда я ревниво спрашиваю шумящіе вѣтры, что мнѣ можетъ сказать воздухъ о моемъ господинѣ, и я бы желала омыть мраморъ у твоихъ ногъ и утереть его моими волосами; что бы то ни было, я буду терпѣть, всякое страданіе для меня пріятно; когда я только увижу тебя, мнѣ не будетъ дѣла до этого мученія: но и ты вспомни обо мнѣ, потому что я стремлюсь къ твоимъ желаніямъ: ты находишься у меня въ сердцѣ, какъ бы и я хотѣла находиться въ твоемъ чувствѣ» ¹⁾.

Чувствительность этихъ строкъ, превосходящая самые нѣжные стихи Катулла и Тибулла, у итальянца того времепи можетъ быть объяснена, съ одной стороны, большей глубиной внутренней жизни, созданной христианствомъ, съ другой, преданностью Фортуната одной германской женщінѣ, которую можно назвать самыи благородныи и чистыи образомъ, образомъ того времени въ странѣ франковъ. Это была Радегунда, несчастная дочь короля Тюрингіи, которой пришлось пережить крушение родного ей престола и сдѣлаться супругой обрызгалиаго кровью побѣдителя, Клотара. Но она не вынесла его грубости и жестокости и уѣхала въ Пуатье, гдѣ постриглась въ монахини и основала монастырь. Агнеса, франкская дѣвушка, благороднаго происхожденія нарекла ее

¹⁾ *Ipsa venire velim, properaus si possit in astris Pendula sidereum
planta tenere viam. Nunc sine te fuscis graviter nox occupat alis Ipsa-
que sole micans est mihi caeca dies. Lilia narcissus violae rosae nardus
anamum. Oblectant animas germina nulla meos. Ut te conspiciam, per
singula nubila pendo. Et vaga per nebula lumina dicit amor. Ecce pro-
cellosos suspecta in terrogo ventos, Quid mihi de domino nuntiet aura
meo. Proque tuis pedibus cupio caementa lavare. Et tua templa mihi
tergere crine libet. Quidquid erit tolerem, sunt amnia dulcia dura:
Danec te videam. haec mihi poena placet. Tu tamen esto memor, quo-
niam tua vota requiro; Est mihi cura tui, sit tibi cura mei.*

и гуменьей, и когда судьба Фортуната привела его въ сосѣдство съ обѣими женщинами, всѣ трое почувствовали такую взаимную дружбу, что Фортунаѣ оставался священникомъ въ Пуатье до самой смерти Радегунды. Его стихотворенія, короткія посланія, записки—эксіромты, исполнены благодарности и любви къ этимъ женщинамъ, которыхъ, со своей стороны, берегли и холили его: онъ любилъ хороший столъ и его одѣяли самыми лакомыми подарками. Всѣ эти произведения свидѣтельствуютъ о самой чистой, трогательной дружбѣ. Въ нихъ можно найти много красивыхъ картинъ природы, много привѣтствий на языкѣ цвѣтовъ. Въ lib. VIII сагт. 6 жалуется онъ Радегундѣ: «Когда время года принесетъ мнѣ бѣлую лилию или распустятся красные розы, я хотѣлъ бы послать ихъ тебѣ; но привѣтствіемъ тебѣ должны служить и пурпурные фіалки»; вмѣстѣ съ 8 стихотвореніемъ (с. 8), посыпаетъ онъ ей цвѣты, такъ какъ золото и пурпуръ не подходятъ къ ней; пусть будутъ ея достояніемъ пурпуръ фіалки и золото крокуса и пусть принесетъ ей удовольствіе ихъ благоуханіе. Когда благочестіе удерживаетъ ее въ кельѣ, его блуждающія мысли слѣдятъ за нею» (с. 9):

Какъ быстро вмѣстѣ съ тобою уходитъ свѣтъ отъ моего взгляда!
Когда тебя неѣтъ со мною, меня какъ-будто давить тяжелое облако...
Когда ты скрываешься даже на недолгое время,
Этотъ мѣсяцъ тянется для меня какъ годъ...
Верлис же къ памъ въ добромъ здоровѣ къ Пасхѣ,
Тогда разомъ для насъ возсіяетъ двойной свѣтъ ¹⁾.
Когда она возвращается, онъ ликуетъ (с. 10):
Ты приносишь назадъ мое счастье, которое взяла съ собою;
Для насъ насталъ двойной праздникъ Пасхи.
Изъ бороздъ едва только входитъ посѣянное сѣмя,
Моя жатва уже пришла, какъ скоро я тебя вижу.
Я уже свизываю снопы, вѣдь лежать уже въ новозѣб.
То, что принадлежитъ августу, мнѣ принесъ апрѣль.
Едва растрескивается почка, едва поднимается виноградная лоза,
Но для меня уже наступила осень, грозы уже поспѣли,
Грушевое и яблочное дерево разливаютъ сладкое благоуханіе
Въ молодой одеждѣ цвѣтовъ, они меня радуютъ своими плодами.

¹⁾ Luminæ quam citius nostris abscondis ocellis, Nam sine te nimium
nube ptemente gravor... et licet hue lateas brevibus fugitiva diebus, Lon-
gior hic mensis quam celer annus erit... Hoe precor, incoluim referant
te gaudia paschæ Et nobis pariter lux geminata redit.

Земля еще обнажена, еще не видно пышности колосьевъ;
Но изобиліе сиять кругомъ: это сдѣлало твое возвращеніе ¹⁾

Если сравненія здѣсь слишкомъ общи и расплывчаты, то самая мысль вполнѣ поэтична и исходить изъ того симпатизирующего взорѣнія на природу, какое мы встрѣчаемъ у древнихъ, когда, напр., Теократъ прославлять прелестную Наису, красота которой увлекаетъ природу и появление которой вездѣ вызываетъ весну. Только присутствіе возлюбленной сообщасть природѣ ея прелестъ: для Фортуната ничто не имѣеть значенія, когда онъ не видитъ Радегунды, хотя небо было бы безоблачно-ясно и день казется ему лишеннымъ солнца, если онъ отнимаетъ у него Радегунду. (XI, с. 2) ²⁾.

Самымъ трогательнымъ выраженіемъ этой дружбы служить стихотвореніе о «Гибели Тюрингіи». «Главныя достоинства этого стихотворенія, говорить Лео ³⁾, сдѣлуетъ приписать личности рассказчицы; нельзя не признать, что покоряющая сила изображенія, видъ свѣжихъ, еще не закрывшихся ранъ, участіе къ скорби, синѣдающей подругу, сообщаютъ этому поэту, лишенному подъема, необычное поэтическое движение; это стихотвореніе—послѣднее выдающееся произведеніе римской элегіи». Съ горячей искренностью жалуется отрѣшившаяся отъ міра, вполнѣ одинокая, единственному оставшемуся въ живыхъ близкому родственнику ея Амалафриду:

Ты для осиротѣлой заступиль мѣсто отца умерщвленнаго
Мать я видѣла въ тебѣ, сестру и брата;
Ты взялъ меня на руки, улыбаясь мнѣ, и держалъ цѣлую меня какъ братъ
И твое ласковое слово растрогало мое дѣтское сердце...
О, еслибы я хотя знала то мѣсто! Напрасно я спрашиваю вѣюще вѣтерки,
Спрашиваю легкое облако, не бѣжитъ-ли оно по небу оттуда,
Если-бъ меня не держали въ узахъ священныя стѣны монастыря
Повѣрь мнѣ, я внезапно явилась бы передъ тобою, тамъ гдѣ ты
находишься,

¹⁾ Quamvis incipiant modo surgere semina sulcis Hic egomet hodie te revidendo meto. Colligo iam fruges, placidos compano maniplos... Quamvis nudos ager nullis ornetur aristis, Omnia plena tamen te redeunte nitent.

²⁾ Quo sine me mea lux culis (se) errantibus abdit?.. Cum te non video, sunt mihi cuncta parum. Quamvis sit caelum nebula fugiente serenum, Te celante mihi statu sine sole dies.

³⁾ Въ своей превосходной статьѣ «Венанцій Фортунатъ, послѣдній латинскій поэтъ» («Vennatius Fortunatus, der letzte römische Dichter», Deutsche Rundschau, 1882).

Быстро, съ бушующимъ вѣтромъ переплыла бы я вздымающіяся волны
И весело качалась бы вверхъ и внизъ по бурнымъ волнамъ;
Если бы волны громоздились другъ на друга, я бы вспорхнула на
воздухъ.

И любящая душа не испугалась бы страха мореходца;
Если бы бѣщенный дождь уничтожилъ связи корабля, я ухватилась бы
За доски и море прнесло бы меня къ тебѣ.
Когда бы я увидѣла тебя, дорогой, я забыла бы тягости пути,
И твое участіе изгладило бы бѣдствіе кораблекрушенія.

Это прекрасное выраженіе тоски и любви почти обходится безъ обращенія къ природѣ, за исключеніемъ облаковъ и вѣтровъ, которымъ предлагается вопросъ о мѣстопребываніи далекаго друга, какъ-будто они принимаютъ участіе въ его судьбѣ, и за исключеніемъ волнъ, которыхъ, даже въ бурю, должны принести тоскующую женщину къ близкому ей человѣку. Тѣмъ не менѣе, мы замѣчаемъ здѣсь настроеніе, общій колоритъ котораго характеренъ для поэта и служить источникомъ истиннаго чувства для его болѣе значительныхъ изображеній природы. Даже и слишкомъ длинное риторическое описание брачной поѣздки Гелесвінты, испанской принцессы, обрученной королю Хильпериху, содержитъ въ себѣ прочувствованная и трогательная мѣста. Съ тяжелымъ сердцемъ разстается она со своей родиной Толедо ¹⁾, переѣзжаетъ черезъ Пиринеи, гдѣ «блестяющія снѣговыя горы поднимаются къ звѣздамъ и остряя вершины выступаютъ за дождевые облака». Подобно тому, какъ Авзаній убѣждаетъ Павлина писать ему, указывая на природу, которая, будучи иѣмою, все-таки говорить тысячами языковъ, сестра Гелесвінты просить ее дать извѣстіе о себѣ: «Я зову тебя, Гелесвінта, источники, лѣса, рѣки и поля взываютъ къ тебѣ—отчего же ты молчишь, Гелесвінта? Отвѣчай такъ же, какъ отвѣчаетъ твоей сестрѣ молчаливая природа—камни, гора, дубрава, волна, небо!» Полная болѣни, спрашиваетъ она у вѣтерковъ, но объ ея сестрѣ все молчитъ ²⁾.

Фортунатъ раздѣляетъ съ Авзоніемъ не одно лишь симпатическое воззрѣніе на природу: онъ такой же виртуозъ въ

¹⁾ Lib VI, carm. 5. v. III.

²⁾ V. 303: Nomine saepa vocans te. Gelesunitha, sororem Hoc fantes silvae flumina rura sanant. Gelesunitha taces? responde, ut muta sorori Respondent: lapides mons nemus unda polus. Avxia sollicitans ipsas interrogat auras: Sed de germanae cuncta salute silent.

изображений пейзажей. У него попадаются длинные описания весны, въ сущности, декоративного характера, но не лишенные отдельныхъ, действительно поэтическихъ чертъ, какъ, напр., въ книжѣ 6 (lib. VI praef.): «когда земля освобождается отъ льда, поле украшается пестрыми лугами,... тѣнистое дерево получаетъ вновь свои зеленые лиственные волосы, вспучивается лоза, гудятъ пчелы, вьются гнѣзда птицы,... и радость вновь возвращается въ міръ» ¹⁾). Приходъ весны изображаютъ также первые 30 стиховъ 3-й книги (lib III, стр. 9), когда «иѣжныя фіалки своимъ пурпуромъ украшаютъ поле, луга зеленѣютъ... и цветы среди дерна смѣясь открываютъ сіяющіе глаза, каждое дерево привѣтливо шумитъ своею листвою, птица вновь начинаетъ свои пѣсни, умолкшія среди зимняго холода» ²⁾.

Въ VII ст., 8, онъ описываетъ жаркій лѣтній день, когда «даже и въ лѣсу нельзя найти прохлады и на раскаленной дорогѣ путникъ томится ища тѣни и прохладца напитка; наконецъ, шумитъ волна кристальнааго ручья, весело сѣпѣтъ онъ туда, протягивается на травѣ и погружаетъ свои члены въ мягкую подушку дерна». Сковывающій зимний холодъ рисуетъ онъ въ ст. II, 26 f.

Стихотвореніе, описывающее красиыя или особенно замѣчательныя мѣстности, приводить насъ отчасти на берега Гароны ³⁾, или Жерса (Egirtcius) ⁴⁾, «который въ жару почти пересыхаетъ, такъ что онъ въ то время ни рѣка, ни сула и въ одинокомъ болотѣ слышится только жалобное кваканье одинокой лягушки, единственной владычицы царства, изъ котораго изгнаны рыбы; но когда низвергается дождь, рѣка вздувается и внезапно становится моремъ то, что недавно было озеромъ».

¹⁾ Vere novo, tellus fuerit dum exuta pruinis, se picturato gramine vestit ager, Longius extendunt frondosa cacumina montes, Et renovat verides arbor opaca comas; Promittens gravidas ramis genitalibus uvas Palmite gemmato vitis amoena tunet... Omnia dum redeunt gaudia mundus hebet.

²⁾ Mollia purpureum pingunt violaria campum, Prata virent herbis et micat herba comis; Paulatim subeunt stellantia lumina florum Arrietque oculis gramina tineta suis... Ad cantus revocatur aves, quae carmine clauso Pigror hiberno frigoro muta fuit.

³⁾ lib I c. 18—20 о красиыхъ бурдигальскихъ виллахъ.

⁴⁾ I c. 21.

Всё это описывается въ изобилии стиховъ безъ особеннаго блеска и съ большимъ паѳосомъ. Всего привлекательнѣе выходитъ у него изображеніе Рейна и Мозеля, напоминающее Альзасія. Наклонность къ пейзажу соединяется здѣсь съ любовью къ природѣ. Таково описание поѣздки по Мазелю къ епископу мецскому (III, 13).

Шире разливается потокъ въ голубоватомъ теченіи Мазеллы,
Обильнѣе посыпаетъ рѣка вишизъ свои воды;
Здѣсь волна, ласкаясь, орошаетъ берегъ, благоухающій свѣже—поднявшейся травой,

И мягко окропляетъ верхушки травъ.

Справа туда подходитъ рѣка, которую они называютъ Салія,

Но волны ея влачатся въ скучномъ ложѣ:

Тамъ, гдѣ она приводить чистыя воды потоку Мазеллы,

Умножаетъ онъ его силы, а сама погибаетъ.

Улыбается роскошное поле въ зелени поднимающихся посѣвовъ,
Здѣсь ты видишь работу поселянина, тамъ замѣчаешь ты розы.

Далѣе, передъ тобой являются возвышенности, одѣтые густыми лозами;
Страна наперерывъ производить самые разнообразные плоды ¹⁾.

Картины природы, поводъ къ которымъ даетъ ему путешествіе по Мазелю отъ Меча до Андернаха на Рейнѣ ²⁾), должны быть поставлены еще выше, отличаясь проницательнымъ, точнымъ наблюдениемъ пейзажа и тонкимъ чувствомъ, различающимъ красивые оттенки его. Путь лежитъ надъ подводными скалами:

Выше, въ узкой долинѣ поднимаетъ тамъ волна свое чело.

¹⁾ Приводимъ это мѣсто въ нѣмецкомъ стихотворномъ переводе Бѣкинга.

Breiter ergieszet die Flut im blaulichen Strome Mosella
Mahliger fordert der Flusz Fülle des Wassers hinab;
Kosend bespült das Gestad', duftreich van sprossendem Grase,
Hier das Gewog' und benetzt linde den Kräutern das Haupt.
Rechts her nahet der Flusz dort, welchen sie Salia nennen,
Aber in dürftigem Bett schleppter die Wellen daher:
Hier wo klare Gewässer dem Strom der Mosella er zuführt,
Mehrt er des anderen Kraft, während er selber vergeht.
Hier ist die prächtige Stadt, die schimmernde Mettis gegründet;
Reich mit Fischen besetzt freut sie sich beides Gestads.
Prachtvoll lacht das Gefild im Grün aufsprossender Saaten,
Sieh hier ländlichen Bau, Rosen gewahrest du dort;
Weiter erblickst du die Höhe umklidet mit schattenden Reben,
Im Wetteifer erzeugt mancherlei Früchte das Land.

²⁾ X, G. De navigiosuo.

Водоворотъ хватаетъ челнъ и быстро проталкиваетъ его туда, онъ почти уже покрытъ пѣною кипящихъ волнъ...

Но я все же счастливо спасся и опять смотрѣлъ на смыющееся поле И по мѣрѣ того, какъ волны убѣгали, приближался къ прекрасному лугу ^{1).}).

Нельзя отрицать что Фортунатъ обладалъ пониманіемъ красоты пейзажа, которое отражается у него въ мелкомъ и нѣжномъ, и въ возвышенномъ далекихъ горизонтовъ и высокихъ горъ, свидѣтельствуя о несомнѣнномъ живописномъ таланѣ, способности тепло передавать свои впечатлѣнія. Пейзажъ служить ему не только для декорации; онъ умѣеть слить его съ своимъ душевнымъ настроеніемъ и описывать его ради него самого, приближаясь въ этомъ отношеніи къ эллинскимъ поэтамъ, хотя и значительно уступая имъ въ искусствѣ и силѣ выраженія. Фортуната называютъ послѣднимъ римскимъ поэтомъ, однако, въ дѣйствительности, онъ принадлежитъ среднимъ вѣкамъ не только потому, что онъ жилъ тогда, когда римскій міръ давно уже лежалъ въ развалинахъ: онъ вполнѣ человѣкъ того времени, когда христіанство и германизмъ слились съ классически-римскимъ духомъ. Правда, въ своихъ лучшихъ стихотвореніяхъ, въ особенности въ элегіяхъ, онъ сохраняетъ отзвукъ античныхъ тоновъ, онъ подражаетъ лучшимъ мастерамъ прошлого и чувствуетъ живую связь съ величайшими представителями предыдущихъ вѣковъ. Тѣмъ не менѣе его образъ мыслей и чувствъ ближе къ намъ, онъ проинкнутъ христіанско-германскимъ духомъ, со свойственными этому духу сердечностью и глубиной. Трогательный дружеский союзъ между Фортунатомъ и Радегундой есть также отраженіе всемирно-исторического слиянія этихъ обоихъ элементовъ, изъ которыхъ возникла наша современная поэзія. Благодаря воздействию чистой женской личности, одушевленной истинно-христіанскимъ воззрѣніемъ, угасающая искра античной поэзіи разгорѣлась еще разъ и живой цвѣтокъ разцвѣлъ на развалинахъ.

Фортунатъ стоитъ на той грани, за которую письменность отдаляется все болѣе и болѣе отъ классической формы античной поэзіи и культура склоняется къ упадку. Въ Галии, такъ же какъ въ Испаніи и Италии, сумракъ приближаю-

¹⁾ Et fugiens pelagus ruris amoena peto.

щейся почти распространялся надь литературной дѣятельностью, надь мыслью и чувствомъ.

Характерное явление латинской литературы заключалось въ томъ, что не только ея выдающіеся представители, но и менѣе значительные поэты позднѣйшаго времени находили восторженныхъ поклонниковъ, и еще чаще бездарныхъ подражателей. Латинская поэзія среднихъ вѣковъ превращается въ воспоминаніе прошлаго или напрасно старается подняться изъ своего жалкаго ничтожества, и наступаетъ такое время, въ которое даже запоздалые представители ея, какъ Фортунатъ, вызывали удивленіе, подражаніе и, по большей части, оставались недосягаемыи образцами. Естественно, что и выраженіе чувства природы часто становится тогда слабымъ и плоскимъ. Въ наблюденіи природы, дидактика и буколика примыкаютъ къ древнимъ. Исидоръ и Беда въ своихъ одинаково озаглавленныхъ сочиненіяхъ «О сущности вещей» столько же опирались на римскіе образцы, какъ и Алкуинъ, воспитавшійся по преимуществу на поэзіи августовскаго вѣка, въ своемъ «Спорѣ весны и зимы» и въ многочисленныхъ отдельныхъ стихотвореніяхъ прямо исходившихъ отъ Биргилія¹). Пріятнѣмъ идеаллическимъ тономъ звучитъ его прощаніе со своей кельей: «О, моя монастырская келья, мое любимое жилище, прощай теперь навсегда. Со всѣхъ сторонъ ращаетъ тебя съ шумящими вѣтвями, деревъ, всегда покрытыхъ цвѣтоносною зеленью; луга съ цѣлебными травами всегда будутъ цвѣсти около тебя, рѣки съ цвѣтующими берегами опоясываютъ тебя со всѣхъ сторонъ, гдѣ рыбакъ весело натягиваетъ свои сѣти; у твоихъ стѣнъ благоухаютъ въ садахъ вѣтви, покрытые плодами, и бѣлые лилии смыкаются съ красными розами; всякая порода птицъ поетъ тамъ утреннюю пѣсню и прославляетъ пѣніемъ Творца»².

Вѣроятно, въ этомъ сердечномъ изліяніи выразилось на-

¹⁾ Monum. German. histor. poet. lat. medii aeve I. Berlin 1881 ed Dünmler, Alcuini carm. 23 (p. 243).

²⁾ Undique te cingit ramis resonantibus arbos, Silvula florigeris semper anusta comis, Prata salutiferis florebunt (viell florescunt) omnia et herbis... Flumina te cingunt florentibus undique ripis Retia piscator qua sua tendit avans. Pamiferis redolent ramis tua claustra per hortos, Lilia cum rosulis candida mixta rubris. Omne genus volucrum matutinas personat odas Atque creatorem laudat in ore deum.

строение, одушевлявшее многихъ ипоковъ, обитавшихъ въ красивыхъ мѣстностяхъ, монастыряхъ, окруженнныхъ лѣсомъ и садами, когда ихъ взглѣдъ изъ душныхъ темныхъ келій обращался на свободный, прекрасный Божій міръ со свѣтомъ и тепломъ, съ красками и тѣнями. Если основою ихъ чувствъ была молитва, хвала и признательность Творцу, то постоянное общеніе съ природой на лугахъ и поляхъ, въ саду и лѣсу должно было при уединенной благочестивой жизни въ возвѣщеніи душахъ возбуждать чувство, въ которомъ соединялось элегическое стремленіе къ мирнымъ впечатлѣніямъ укромной, плодородной мѣстности и кроткое, благочестивое отрѣшеніе отъ міра. Уже самое положеніе пустынь и монастырей свидѣтельствуютъ о живомъ чувствѣ природы ¹⁾.

Упомянутый споръ весны и зимы ²⁾ папоминаетъ собой античныя эклоги въ то же время пропикуть истинно германской весенней радостью ³⁾, и представляетъ собою изображеніе прекраснаго времени, когда высоко въ вѣтвяхъ выкликаетъ кукушка, когда пестрыми красками трава одѣваетъ землю и соловей неутомимо поетъ въ кустарникѣ, прельщая нашъ слухъ своими разнообразными мелодіями ⁴⁾.

¹⁾ Zeeckler, Gesch. der Beziehungen zwischen Theologie und Naturwissenschaft, B. d. I. Güttersloh 1877: «То на высоко поднимающемся скалистомъ утесѣ у моря, то на болѣе плоскомъ берегу, окаймленномъ зелеными дубовыми или буковыми лѣсами, то въ тѣнистыхъ глубокихъ лѣсныхъ чащахъ, то на выдающихся горахъ или на берегу могучихъ рѣкъ встречаются развалины или еще обитаемыя строенія, которыя нѣкогда служили жилищемъ пionерамъ нашей нынѣшней культуры одѣтымъ въ рясы и вооруженнымъ лишь крестомъ. Ихъ удаленіе отъ общественной жизни и шума большихъ городовъ, вовсе не означало удаленія отъ красоты природы». Послѣднее только относительно справедливо. Въ періодъ процвѣтанія монастырской жизни, привлекательная, красавая природа считалась однимъ изъ средствъ искушенія. Тѣмъ не менѣе, при основаніи нѣкоторыхъ монастырей принималась во вниманіе и красота мѣстностей.

²⁾ С. 58

³⁾ Споръ между весною и зимою исходитъ изъ древнегерманского возврѣнія на борьбу этихъ временъ года; нельзя не замѣтить германского характера его даже въ позднѣйшихъ проявленіяхъ, когда дѣло касается зимы; ср. Grimm: Deutsche Mythologie, 4 ausg. S 563, 650.

⁴⁾ Suscitat et vario nostras modulamine mentes Inde fessa satis rutilis luscinia ruscis; ebenso 61; Tu mea dulcisanis implesti pectora muisis Atque animum maestum carmine melliflue; 65,4 сравниваетъ онъ

Къ числу ученыхъ, которыхъ собралъ около себя Карлъ Великій, принадлежалъ также Ангильбертъ. Виргилій и вмѣстѣ съ нимъ Фортунатъ вдохновляютъ его поэтическое творчество, которое выражается у него въ болѣе легкой формѣ, чѣмъ у многихъ его современниковъ. Довольно живыми красками, съ понимашемъ живописной стороны природы, изображаетъ онъ лѣсъ и паркъ въ Ахенѣ и блестящую охоту, которая устраивалась тамъ могущественнымъ королемъ и его свитой ¹⁾). Въ этой мѣстности встречаются то большія лѣсныя дубравы, то зеленѣющіе луга съ ручейками,—надъ рѣкой порхаютъ всякия породы птицъ и всякая дичь скрывается въ обширной лѣсной чащи ²⁾). Къ своимъ живописнымъ изображеніямъ поэтъ примѣшиваетъ уже придворно-условный элементъ прославленія своего великаго свѣтскаго властителя и «чувственно романтическую склонность» къ красотѣ женственности, склонность уже «далеко отстоящую отъ аскетизма монастырской поэзіи» (Ebert): бѣлизна женскаго тѣла сравнивается у него со снѣгомъ или молокомъ, а румянецъ съ розами и т. д. ³⁾).

Виргилій подражалъ Теократу, Кальпурній и Немезіанъ подражали Виргилію, а Назопъ Муадоринъ подражалъ послѣднимъ. Въ стихотворномъ діалогѣ между старцемъ и мальчикомъ (с. 2) первый изображаетъ, съ живописными эффектами, тѣнистую прохладу лѣса, въ противоположеніи полуденному солнечному зною, а отрокъ прославляетъ того, чиѣ пѣсни, какъ вѣкогда пѣсни Орфея, покорно слушаютъ животныя и дикия, и кроткія, одинаково очарованныя его свирѣлью; подъ конецъ прославляется Карлъ Великій, уже вначалѣ именуемый вторымъ Августомъ, какъ основатель новаго золотого вѣка.

Въ этомъ каролингскомъ возрожденіи литературнаго вѣка

писателя кладущаго по окончаніи работы перо, съ мореплавателемъ, который, избавившись отъ разъяренныхъ волнъ, весело входитъ въ гавань; точно также Walahfried въ своемъ Hortulus L VIII.

¹⁾ Dünmler VI, Carolus et Leo papa.

²⁾ Non procul excelsa nemus est et amoena virecta, Luces ab urbe virens et prata recentia rivis Obtinet in medio multis circumsita muris. Hic amnem circumvolitat genus omne voluerum.

³⁾ Такъ в. 184. Liutgardis: Fulgida colla nitent roseo simulata colore, и Gisela: Splendida colla nitent roseo inflammata rubore.

Августа, первое мѣсто занимаетъ епископъ орлеанскій Теодульфъ. Онъ описываетъ въ формѣ, которая болѣе не повторялась, съ нѣкоторымъ юморомъ, по образу Фортуната, высыханіе Ларты въ февралѣ 820 года ¹⁾), легко и живо изображаетъ борьбу птицъ ²⁾ и съ большою яркостью красокъ—рай ³⁾). Подобно тому, какъ Виргилій рисуетъ скромное и въ то же время полное счастье кориційскаго земледѣльца, Овидій съ трогательными подробностями изображаетъ довольство и миръ благословеній старой четы Филемона и Бавкіды, Валафрида ⁴⁾ въ своемъ много читавшемся Hortulus доводить до высшаго выраженія идиллию монастырскихъ садовъ.

Несмотря на заимствованія у Вергилія и Колумеллы, несмотря на фармацевтическое отношеніе къ растеніямъ, въ этихъ 444 гекзаметрахъ заключается достаточная доля поэтическаго возврѣнія на природу. Въ нихъ изображаются и времена года, и травы, и цветы, и сообщаются рецепты, и рассказывается отъ лица трудолюбиваго садовника — какое удовольствие доставляетъ ему весною вскапывать землю, очищать ее отъ сорныхъ травъ и уравнивать мѣста, изрытыя кротами, съ неутомимой заботой ухаживать за растеніями, защищать ихъ отъ ливней и отъ солнечнаго зноя, въ то время, когда гряда украшается уже нѣжною зеленью ⁵⁾ и увядши вновь оживаетъ. Не лишены поэзіи и отдѣльныя черты въ его описаніи растеній, напр., руты ⁶⁾, лили ⁷⁾. Довольно граціозно и заключеніе, въ которомъ онъ приглашаетъ Гримальду прочесть его книжку, «въ то время, какъ опь будетъ сидѣть подъ персиковымъ деревомъ, а его маленькие уче-

¹⁾ Lib IV с. 6.

²⁾ С. 7 и 8.

³⁾ С. 74.

⁴⁾ Walahfridi. Strabi De cultura hortorum im Tomus II der poett. latt. med. aevi ed. Dümmler, Berlin 1884.

⁵⁾ V. 62, germinibus vestitur tota tenelis.

⁶⁾ Hoc nemus umbriferum pingit veridissima rutaе Silvula ceruleae, foliis quae predita parvis Umbellas iaculata breves, spiramina venti Et radios Phoebi caules transmittit ad imos Attactuque gravis leni dispergit odores.

⁷⁾ Lilia quo versu candardentia, carmine quove Jeiunae macies satin efferat arida Musae? Quorum candor habet nivei simulacra nitoris, Dulcis odor silvas imitatur flore Sabeas...

ники, въ веселой шумной игрѣ, будуть отбирать большие нѣжно-пушистые плоды, которые они едва могутъ обхватить одной рукой». Въ стихотворномъ посланіи мірянину Руодберну (100 гекзаметровъ), авторъ изображаетъ трудности и опасности путешествія по Альпамъ; вражескія засады, бурная, измѣнчивая погода, неисчислимые затрудненія пути не могли дать мѣста восхищению горной природой, которое должно было сдѣлаться достояніемъ послѣдующаго времени. Съ нѣжнымъ чувствомъ рисуетъ авторъ, въ стихотвореніи, написанномъ въ сафическомъ размѣрѣ, тоску по прекрасномъ Рейхмау, какую онъ испытывалъ въ холодную зиму. Но о немъ можно сказать то же, что и о большинствѣ его предшественниковъ и, въ особенности, преемниковъ: они съ трудомъ справляются съ формой, выраженіе у нихъ часто не соотвѣтствуетъ внутреннему содержанію мысли. Изъ послѣднихъ слѣдуетъ упомянуть только Вандальберта, монаха прюмскаго монастыря, въ своемъ прибавлении къ *conclusio Martirologia* довольно граціозно изображающаго полевья и садовья работы и охоту.

Изъ всего этого мы можемъ видѣть, что идиллическое, мирное наслажденіе красотами природы и простыми удобствами сельской жизни было такъ же свойственно монастырямъ, какъ и занятіе научной и античной литературой.

Но въ ту эпоху, о которой мы говоримъ, мы царапасно стали бы искать глубокаго, проникнутаго возвышенной грустью возврѣнія на природу, какое мы видѣли у греческихъ отцовъ церкви, и той религиозной силы и благочестиваго восторга передъ твореніемъ Божіимъ, какої показываетъ намъ блаженный Августинъ. Даже время описаній природы, изображенія пейзажнаго характера ради самихъ пейзажей, что мы находили еще у Авзонія и у Фортуната, тогда стало уже достояніемъ прошлаго. Сантиментальное и симпатизирующее, космологическое и догматическое возврѣніе на природу выродились въ мелкое идиллическое восхищеніе садовыми цвѣтами, цлоскимъ Ахенскимъ пейзажемъ и т. п.; самая способность передавать впечатлѣніе ландшафта ослабѣваетъ и блекнетъ, такъ же, какъ и чувство природы,—и мракъ уничтоженія спускается надъ латинской литературой, въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Что касается германской литературы, то до XI вѣка латинская поэзія беретъ въ ней значительный перевѣсь надъ национальной. Въ то время въ ней одиноко возвышаются величия христіанскія дидактическія поэмы «*Heliand*» и «*Krist*».

Въ нихъ нечего искать определенно выраженного чувства природы.

По всемъ вѣроятіямъ первая обработка германского животнаго эпоса предшествуетъ XII вѣку и родиной ея должна считаться Франкопія. Въ животномъ эпосѣ, такъ же, какъ и въ латинской поэзіи карловингской эпохи, мы находимъ добродушное отношение къ жизни растений и сочувственное наблюдение міра животныхъ. Тамъ выступаетъ дѣтская внимательность къ ихъ индивидуальнымъ различіямъ и ихъ свойствамъ, порокамъ и добродѣтелямъ, такъ похожимъ на тѣ же качества у людей, кроткое и наивное отношение ко всему живому въ природѣ, благодаря которому человѣкъ надѣляетъ животныхъ своими собственными слабостями и желаниями, очеловѣчиваетъ ихъ, и полная непосредственность, уничтожающая всякое различіе между человѣкомъ и животными, съ замѣчательной проницательностью отличающая все характерное въ движеніяхъ, голосѣ и поступкахъ животныхъ и находящая для всего этого поэтическое выражение.

Для насъ должно иметьъ значеніе и то обстоятельство, что впослѣдствіи животный эпосъ пустилъ особенно глубокіе корни въ той странѣ, которой всегда была свойственна склонность къ мирной жизни и къ наслажденію природой, а именно во Фландріи, гдѣ впослѣдствіи появилась на свѣтѣ ландшафтная и жанровая живопись.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Наивное воззрѣніе на природу въ эпоху крестовыхъ походовъ.

Для внутренняго развитія и расширенія кругозора отдѣльного лица ничто не приноситъ такой пользы, какъ столкновеніе съ людьми другихъ воззрѣній, мыслей и чувствъ. И въ воспитаніи человѣческаго рода, въ постоянномъ развитіи его въ цѣломъ, наиболѣе важнымъ факторомъ является соприкосновеніе съ чуждыми, разнородными элементами; ничто такъ не затрагиваетъ лучшія и величайшія стороны народнаго духа, ничто такъ не содѣйствуетъ выработкѣ его активной стороны и умѣнію воспринимать полезное, какъ тѣсное взаимодѣйствіе національностей. Эллинская культура процвѣла тогда, когда походы Александра Великаго открыли эллинамъ новый міръ.

Новый міръ открылся и предъ изумленными взорами крестоносцевъ, тотъ же лучезарный, чудный міръ Востока, но тутъ эта вновь раскрывшаяся культура не была прочна. Чрезвычайныя причины вызвали новое великое движение народовъ, которое направлялось уже не къ Западу, какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ, а къ волшебному, романтическому Востоку. При этомъ различныя національности и характеры соединялись подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ, знаменемъ Креста.

Какъ и слѣдовало ожидать, взаимное соприкосновеніе не только европейскихъ элементовъ между собою, но и западныхъ съ восточными значительно преобразовало нравы и языкъ, науку и искусство, торговлю и промышленность, образъ мыслей и чувствъ и во многомъ содѣйствовало общему развитію, дальнѣйшему движению къ новѣйшей культурѣ. Исчезли узкія грани національности, происхожденія, воспитанія; всѣ почувствовали себя равными передъ руководившей ихъ идеей, и всѣхъ одинаково поражало и изумляло то, что они видѣлъ: новые люди, страны, растенія и животныя. Нѣть ничего удивительнаго, что нѣмецкіе рыцари, возвращаясь домой, соединили историческое съ миѳическимъ и къ пѣснямъ о подвигахъ геросвъ примѣшивали фантастический и сказочный элементъ.

Сильно возбужденная фантазія съ трудомъправлялась со множествомъ могучихъ, неожиданныхъ впечатлѣній; не дисциплинированная сила творчества не могла подняться на одинъ уровень съ чувствомъ, и изображеніе пережитаго или художественное смѣщеніе поэзіи и правды не соотвѣтствовало тому, что наполняло сердца лучшихъ людей. Съ другой стороны, это движение естественно имѣло и свою изнанку; дѣйствительность во многихъ отношеніяхъ не соотвѣтствовала идеалу, священная мантія съ крестомъ прикрывала и многія низменныя побужденія, и въ рядахъ крестоносцевъ оказывалось не мало отбросовъ западнаго міра. Но въ то же время священная цѣль воодушевила и подняла благороднѣйшихъ представителей всѣхъ европейскихъ народностей, и легко себѣ представить, какое дѣйствіе на впечатлительную душу должна была производить новая страна, чуждое небо, невиданный растительный и животный міръ. И если литературныя выраженія этихъ ощущеній кажутся намъ скучными, то мы должны принять во вниманіе, что испытывать какое-либо ощущеніе самому легче, чѣмъ посредствомъ словъ заставлять его испы-

тывать другихъ, что легче чувствовать, чѣмъ воспроизводить чувство въ поэзии или прозѣ, показывая его въ живомъ видѣ другимъ, точно такъ же, какъ легче творить, давая полную волю воображенію, чѣмъ давать художественное и правдивое изображеніе своихъ впечатлѣній. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что лица, оставившія намъ отчеты о видѣнномъ ими, не всегда принадлежать къ числу наиболѣе образованныхъ и не всегда свободно владѣютъ латинскимъ или греческимъ языкамиъ, на которомъ пишутъ въ большинствѣ случаевъ. Вѣроятно по указаннымъ причинамъ ихъ отчеты отличаются бѣдностью пейзажныхъ описаний и недостаткомъ интенсивнаго чувства прекраснаго въ природѣ. Правда, лѣтописца должно прежде всего занимать чисто фактическое и практическое; онъ долженъ изображать мѣстность преимущественно съ точки зреія пользы, какую плодородіе или физическая свойства почвы могутъ доставить идущему походомъ или осаждающему войску, или съ точки зреія затруднений, какія ему могутъ причинять недостатокъ воды, болотистыя или каменистыя чѣста. Но все-таки новѣйшаго читателя не можетъ не удивлять, какъ мало впечатлѣній природа св. земли оказывала на крестоносцевъ. Если даже ихъ занимали другие, болѣе важные предметы, или голодъ, опасности, нужда заставляли забывать все ирочее, все же изображенія природы въ ихъ отчетахъ являются уже въ слишкомъ скучномъ видѣ; по крайней мѣрѣ, въ нихъ мы напрасно стали бы искать интереса къ красотѣ пейзажа ради него самого.

Вильгельмъ Турскій въ своей исторіи Крестовыхъ походовъ предъявляетъ весьма скромныя свѣдѣнія по географии и мифологии; при описаніи Босфора ¹⁾ онъ не говоритъ ни одного слова о красотѣ его. Плодородный и привлекательный—два прилагательныхъ, постоянно встрѣчающіяся у него; такимъ образомъ, рядомъ съ полезностью, онъ отмѣчаетъ и красоту мѣстности, но въ самомъ ограниченномъ видѣ; такъ онъ говоритъ о Дураццо ²⁾: «въ плодородной, богатой лѣсами и лугами и прочими пріятными сторонами мѣстности, провели они самое дурное время года». Тиръ изображается слѣдующимъ образомъ: ³⁾ «Городъ превосходно расположены въ равнинѣ,

¹⁾ II. 7.

²⁾ III. 1.

³⁾ II. 16.

окруженный, однако, многими горами, поля плодородны, почва все даетъ въ изобилии и лѣса оказываютъ разнообразную пользу»; а Антиохія ¹⁾ — «Положеніе ея очень удобно и пріятно; отъ нея идутъ долины, имѣющія превосходную плодородную почву и прекрасно орошенныя источниками и ручьями... Горы, окружающія городъ съ обѣихъ сторонъ, правда, очень высоки, но онъ даютъ вкусную и чистую воду и ихъ склоны, до высочайшихъ вершинъ, отлично поддаются обработкѣ». О красотѣ вида не говорится ни одного слова, кромѣ слѣдующей замѣтки: «На вершинѣ одной изъ горъ можно уже въ четвертую ночную стражу видѣть солнечный шаръ и, если обернуться назадъ, въ то время когда первые лучи освѣщають тьму, то на одной сторонѣ можно увидать ночь, а на другой — день», — но и эта замѣтка отмѣчается только любопытное метеорологическое явленіе. О городѣ Тирѣ говорится въ другомъ мѣстѣ, что «онъ отличается плодородiemъ своей почвы и плодородiemъ своего положенія; автора всего болѣе поражаютъ большия водопроводы, которые даютъ странѣ «замѣчательныя выгоды, вслѣдствіе чего здѣсь распространены не только сады и наиболѣе пріятныя и плодовыя насажденія, но растетъ и тростникъ, изъ котораго приготавляется сахарь, столь полезный людямъ для здоровья и для различнаго употребленія и вывозимый отсюда купцами въ самыя отдаленные части свѣта». И другихъ очевидцевъ, оставившихъ свой отчетъ, восхищаетъ только богатство, плодородіе Востока. «На всѣхъ приходившихъ въ эту землю изъ болѣе холодныхъ и бѣдныхъ странъ запада, богатые рессысы жаркой страны въ сравненіи со скучностью ихъ родины производили впечатлѣніе чрезмѣрного неистощимаго изобилия. Въ восторженныхъ описаніяхъ, какія намъ оставили пѣкоторые наблюдатели этихъ странъ, онъ изображаются въ высшей степени богатыми и благословенными» ²⁾.

Бургвардъ Монте-Сіонъ воодушевляется обилиемъ пастбищъ и садовъ на Ливанѣ, рабской береговой равниной около Триполиса и находить Эздрелонскую равнину самымъ лучшимъ мѣстомъ въ мірѣ; тѣмъ не менѣе его описанія при тщательномъ разсмотрѣніи не идутъ далѣе простого изумленія и по-

¹⁾ IV. 10.

²⁾ Prutz. Geschichte der Kreuzzüge, Berlin, 1883 S. 315.

верхностного указания значительной материальной пользы, какую доставляют плодородные страны своим обитателямъ. Когда Пруць говоритъ: «Страну около берегового укрытия Сканделона, на югъ отъ Тира обрисовываетъ онъ также въ привлекательномъ видѣ», то приходится испытывать большое разочарование, когда въ этомъ мѣстѣ у автора мы читаемъ слѣдующее: «Она (страна) богата лугами, пастбищами, рощами смоковницъ и маслинъ, виноградниками, рѣками и садами» ¹). Бургардъ по большей части ограничивается тѣмъ, что, напр., равнинѣ *la Boneia* придаетъ эпитетъ прекрасная или прелестная и плодоносная — «покрытая прекрасными рощами масляничныхъ деревьевъ, смоковницъ и другихъ породъ и богатая рѣками и пастбищами» ²) а географическое изображеніе Ливана, съ его покрытой снѣгомъ вершиною и плодородными, хорошо обработанными долинами, заключаетъ онъ словами: «Бюроке сказать, они обладаютъ всѣми благами мира»; ³) также прославляетъ онъ и равнину Галилеи ⁴), которая кажется ему «величественнѣе всякой другой страны». Правда, онъ выказываетъ нѣкоторое пониманіе красоты перспективы, когда говоритъ о Севастіи (Самаріи): «Положеніе этого города было прекрасно; взглядъ оттуда достигалъ до моря у Яффы... и черезъ весь хребетъ Эфраимъ до Раматаймы и Кармеля близъ Акконы и видѣлъ изобиліе всѣхъ благъ, какихъ можетъ желать этотъ міръ» ⁵).

¹) *Descriptio terrae sanctae* (написанное между 1271 и 1285) у Laurent, *Peregrinationes medii aevi Lipsiae* 1864, II, 3 (p. 24): *habant autem pratis, pascuis, ficutis, olivetis, vineis, fluminibus et iardinis.*

²) II, 23 (pag. 29) *Planicies ista multa habet casalia et pulchra nemora olivarum et ficuum et arborum aliarum diversi generis et multa ligna...* *Præterea habundat fluminibus et pascuis supra modum.*

³) III, 12 (p. 33) *Valles autem in ipso Libano et Antilibano fertiles sunt et bene cultae, habundantes pascuis, vineis, ortis et primerliis et breviter omnibus bonis mundi.*

⁴) VII, 4 (p. 50) *Ita quod videtur mihi quod terram non viderim meliorem, si demeritis et peccatis nostris non impedientibus eam possent colere Christiani.*

⁵) VII, 17 (p. 54) *Situs huius civitatis valde pulcher erat; erat enim prospectus usque ad mare Ioppes et Antripatridam et Cesaream Pales-tinæ, per totum quoque montem Effraym usque ad Ramathaym Sophim et ad Carmelum maris iuxta Accon. Et habundat fontibus et ortis et olivetis et bonis omnibus, quae riquirit mundus iste.*

По мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы признали въ немъ впечатлительность къ оттѣнкамъ красиваго, величественнаго ландшафта, когда онъ говорить: «Надо также замѣтить, что отъ истока Йордана у подошвы Ливана до пустыни Фаранъ, рѣка съ обѣихъ сторонъ представляеть широкія и привлекательныя равнинны, а за ними поля окружены очень высокими горами до Краснаго моря» ¹⁾.

Благочестивое одушевлѣніе оттѣняеть у него пейзажъ на второй планъ въ изображеніи Геесиманскаго сада ²⁾ и Масличной горы ³⁾.

Однимъ словомъ, мы видимъ, что въ этихъ описаніяхъ обѣтованной земли, на первомъ мѣстѣ изображается ея богатство и изобиліе, и только на второмъ—ея красота и притомъ въ блѣдныхъ и скудныхъ выраженіяхъ, указывающихъ не болѣе—какъ восхищеніе ею безъ опредѣленнаго сознанія, въ чемъ именно заключаются ея красивыя стороны.

Почти то же мы находимъ и у Фоки ⁴⁾, посѣтившаго обѣтованную землю въ 1135 году.

Большое впечатлѣніе произвело на него положеніе Антиохіи «съ ея лугами и плодородными садами, съ шумомъ распредѣляющейся по всей мѣстности воды, такъ какъ рѣка отлого огибаетъ городъ и омываетъ башни съ мягкимъ шумомъ волнъ, питаясь горными ручьями Кастальскаго источника.. Но всего замѣчательнѣе гора между городомъ и моремъ, величественное и достойное вниманія явленіе, возбуждающее восторгъ въ пришельцахъ... Орантъ течетъ съ безчисленными извилинами у подошвы горы и изливается въ море» ⁵⁾.

Ливанъ кажется ему достойнымъ хвалы, какая ему воздается въ Священномъ писаніи, и вполнѣ прекраснымъ; его глава покрыта снѣгомъ, какъ кудрями; его долины увѣнчаны ниппами, кедрами и кипарисами; красиво скользятъ холодные ручья по трещинамъ и долинамъ, направляясь въ море, и постоянно таящій снѣгъ придаетъ кристальную чистоту бѣгущимъ водамъ» ⁶⁾.

¹⁾ VII, 33 (р. 57).

²⁾ VIII р. 68.

³⁾ р. 75.

⁴⁾ У Allatius, Symmicta Coeln 1653.

⁵⁾ ib. cap. 2.

⁶⁾ ib. cap. 4.

Тиръ также прославляется за свою красоту; въ особенности «одинъ источникъ, несущійся черезъ луга, вызываетъ удивленіе и восторгъ у чужеземцевъ»; «съ высоты башни можно видѣть пространство плотной растительности и колебание листьевъ, и полуденный зной» ¹). Не менѣе того и равнина Назарета есть «земной рай, радующій взоръ и освѣжающій сердце» ²). Но вообще Фока по отношенію къ пейзажу ограничивается упоминаніемъ богатыхъ плодовыхъ садовъ, тѣнистыхъ группъ деревьевъ, ручьевъ и рѣкъ съ ихъ привлекательными берегами; воспоминанія изъ священной исторіи видимо заслоняютъ для него все остальное.

Епифаній (*Epiphanius Monachus Hagiopolitae*) въ своемъ *Ennarratio Syriae* даетъ лишь сухой путеводитель, такъ же какъ и *Apopnumus de locis Hierosolymitanis*. Пердикка, описывая въ своемъ «*Hierosolyma*» Сіонъ, говорить о немъ, что онъ прекрасно расположень, окруженъ привлекательными возвышеностями, представляетъ прекрасный видъ и украшенъ виноградниками и садами.

Такимъ образомъ эти описанія, изображая Св. Землю, какъ земной рай, въ виду ея плодородія, не идутъ далѣе точки зреінія полезности и ограничиваются лишь выраженіями радости или священнаго одушевленія по поводу ея пейзажей, но всегда въ самыхъ общихъ чертахъ и въ самыхъ бѣдныхъ выраженіяхъ; обѣтованная страна занимала крестоносцевъ болѣе какъ мѣсто земной жизни Спасителя и не увлекала ихъ своей красотой, не возбуждала въ нихъ желанія наслаждаться ея прекрасными видами и описывать ихъ.

И пѣмѣцкій отчетъ о паломничествахъ въ Св. Землю ³) XIV и XV вѣковъ представляетъ лишь сухія замѣтки, какъ мы это видимъ у Якоба Бернскаго (1346—47) и Пфинцинга (1436 и 40). ⁴) Ульрихъ Леманъ ⁵) восхваляетъ Дамаскъ въ слѣдующихъ тяжелыхъ выраженіяхъ: «И городъ имѣть очень веселый видъ, окруженный садами со множествомъ текущихъ ручейковъ и источниковъ снаружи и внутри,

¹) cap. 8.

²) cap. 11; τὸ τῆς φυγῆς αὐτοῦ.

³) Deutsche Pilgerreisen nach dem heiligen Lande von R. Roehricht und Meissner, Berlin 1880.

⁴) ib. 45 ff.

⁵) ib. S. 107.

и въ немъ безчисленное множество народа»¹⁾). Дитрихъ Ф. Шахтенъ такъ изображаетъ Венецию: ²⁾ «Венеция лежитъ у самаго моря; она не гора и не земля, но построена на деревяныхъ столбахъ, что не вѣроятно для того, кто не видалъ этого самъ»³⁾, а Кандю: «Кандія — прекрасный городъ у моря, хорошо построенный и очень плодородный островъ, имѣющій все, что нужно человѣку для жизни». Поѣзду че-резъ Нижнюю Италию (S. 281): «Цѣлый день ѿхали мы изъ Трепальды и проѣзжали черезъ каштановые и орѣшниковые лѣса; довольно сказать, что эти лѣса каждый годъ приносятъ королю 16.000 гульденовъ; затѣмъ ѿхали мы цѣлую нѣмецкую землю черезъ лѣсъ, въ которомъ каждое дерево имѣть свою виноградную лозу, что очень пріятно видѣть, и прибыли въ Нолу».

Неаполь называетъ онъ «очень красивымъ и большимъ» и затѣмъ говоритъ: «Затѣмъ король повезъ насъ къ морю и показалъ намъ ворота моря, красивыя и сильныя своими укрѣпленіями; мы видѣли тамъ также много прекрасныхъ кораблей» и т. д. Трудно сказать, слѣдуетъ-ли здѣсь болѣе удивляться бѣдности языка и мысли или шероховатости и тяжести выраженій, или же полному отсутствию какого бы то ни было индивидуального взгляда; для автора гораздо важнѣе, сколько приносить лѣсъ и какъ защищаются отъ моря, чѣмъ самый лѣсъ и море, и это при описании Неаполя, одного изъ красивѣйшихъ мѣстъ Европы!

Такія описанія надолго остаются типичными для отчета нѣмецкихъ путешественниковъ. То же самое мы видимъ и въ описаніи Альпъ. Географическое изучение этихъ горъ подвигается лишь весьма медленно, тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчи о наслажденіи ихъ красотою. Франкскіе историки (Григорій Турскій и Фредегаръ) заносятъ въ свои хроники лишь короткія замѣтки о нѣкоторыхъ явленіяхъ природы въ Альпахъ; такъ Фредегаръ сообщаетъ о внезапномъ появленіи го-

¹⁾ Und ist die stat vast (d. e. sehr) lustig mit bomgarten ganz umbgen mit fil flussender wasserbâchen und bronnen inwendig und auswendig und dar inn unsäglich fil folks etc.

²⁾ ib. S. 170.

³⁾ Venedig liegt ihnn dem Meere und ist weder berg oder landt, da solches auffgebawet ist, sondern allein auf hölzernen pfeilern, welches doch ohniglaublicheun ist, wer solches nicht gesehen hatt».

рячаго источника въ Тунскомъ озерѣ; Григорій Турскій упоминаетъ объ ужасномъ событіи, о горномъ обвалѣ у подошвы Dent du Midi выше впаденія Роны въ Женевское озеро въ 563 году. Тогда былъ засыпанъ не только замокъ Тауретупумъ, по вслѣдствіе задержки теченія Роны произошло громадное наводненіе, ощущавшесся и въ Женевѣ. Благочестивый епископъ объясняетъ это явленіе, какъ предвѣщеніе другого бѣствія—моровой язвы, вслѣдъ за тѣмъ опустошившей Галлию. Въ житіяхъ святыхъ западной церкви можно найти много разсказовъ о большихъ желѣзныхъ, золотыхъ и серебряныхъ рудникахъ, дикихъ козахъ, каменныхъ баранахъ, скотоводствѣ и горномъ хозяйствѣ въ Regio Montana, какъ напр. въ житіи св. Эммерана. Когда со временеми Карла Великаго установилось политическое общеніе Италии съ Германіей, Альпы болѣе открылись для путешественниковъ, появились новые дороги и взглядъ на всю эту страну долженъ былъ проясниться. Дѣйствительно, уже въ раннюю эпоху среднихъ вѣковъ не только политическое, но и церковное и торговое общество связало своими нитями большинство извѣстныхъ тогда народовъ и Альпы перестали быть *terra incognita* для ихъ близкихъ и дальнихъ сосѣдей.

До насъ дошли отчеты о путешествіяхъ по Альпамъ аббата Майола изъ Клюни (970), Бернарда Гильдесгеймскаго (1101) Ариберта Миланскаго, Аннона Кельнскаго ¹⁾, но въ нихъ нѣтъ никакихъ признаковъ орографіи, никакого указанія на сѣнговые и ледяныя вершины съ физико-географической или эстетической точки зрѣнія; въ нихъ также вовсе не упоминается объ извѣстныхъ господствующихъ вершинахъ, каковы Ортлеръ, Глокнеръ, Юнгфрау и Монбланъ, и поэтому они не имѣли для своего времени ни научнаго, ни практическаго значенія. Разсказчики, кромѣ перечисленія имѣть мѣстности, упоминаютъ только о перенесенныхъ ими трудахъ и опасностяхъ, въ особенности въ зимнее время. Единственное исключение представляеть стихотворное латинское описание извѣстнаго ущелья близъ Вероны, принадлежащее Гюнтеру Лигурійскому и не лишеннемъ поэтическаго подъема и наблюдательности: «Кажется, все это переживаешь самъ, когда чи-

¹⁾ Ср. Oehlmann, *Die Alpenpässe im Mittelalter*, Jahrb. für Schweizer. Gesch., Zürich. III, 1878. IV, 1879.

таешь у Гюнтера описание ущелий Альпъ, поднимающихся до облаковъ съ узкимъ проходомъ, въ глубинѣ котораго бушуетъ рѣка и въ которомъ люди могутъ двигаться только одинъ за другимъ». Въ этомъ стихотвореніи XII вѣка звучитъ запоздалый отголосокъ описаний замѣчательныхъ явлений природы Венанція Фортуната. Всѣ прочіе нѣмецкіе отчеты о путешествіяхъ по Альпамъ, даже въ концѣ XV вѣка, отличаются тѣмъ же языкомъ и тѣми же возврѣніями, какіе мы находили въ упомянутыхъ выше отчетахъ поломниковъ. Такъ, въ описании путешествія Пфальцграфа Александра Цвейбрюкенскаго и графа Іоганна Людвига Нассаускаго (1495 — 96) черезъ Цюрихъ, Рацершвиль и Везенъ на Валленское озеро, мы читаемъ: «Тамъ настоящая Швейцарія; она имѣеть мало деревень — тамъ одинъ домъ, тамъ — другой, — но прекрасные луга, много скота и очень высокую гору, на которой лежитъ снѣгъ, вышавшій вѣроятно до Рождества Христова, потому что онъ тверже всякой скалы.

Посмотримъ теперь, представляеть-ли нѣмецкая литература эпохи Крестовыхъ походовъ въ своихъ значительнѣйшихъ представителяхъ свойственное германскому племени радостное чувство природы? Отразилось-ли это великое движение на творческомъ созерцаніи природы, на одушевленныхъ изображеніяхъ ея, хотя бы въ той мѣрѣ, въ какой пейзажъ можетъ найти себѣ мѣсто въ эпосѣ и пѣснѣ и стоитъ-ли средневѣковая Германия относительно любви къ природѣ выше древнаго міра, какъ это провозглашалось нѣкоторыми новѣйшими писателями? Классическимъ представителемъ подобнаго мнѣнія можетъ служить Гервинусъ. Въ томъ отдѣлѣ своей исторіи нѣмецкой поэзіи, гдѣ онъ говоритъ о различіи восточной и эзоповской басни съ одной стороны и нѣмецкаго животнаго эпоса съ другой, онъ высказывается¹⁾: «Пріемъ, выводившій животныхъ въ басняхъ, требовалъ меньшаго знакомства человѣка съ животнымъ, но для такого точнаго, нерѣдко естественно-научнаго познанія животнаго, какое замѣчается въ нѣмецкихъ сказкахъ, для такого наблюденія интимной стороны животнаго міра, требовалась другая порода людей. Вся древняя эпоха не знала радостей, доставляемыхъ природой, а въ основѣ упомянутыхъ сказокъ лежитъ именно эта радость. Древній міръ знаетъ

¹⁾ Bd. I, Leipzig. 1853. S. 131.

только чудеса природы, но не ея исторію, не имѣя никакой склонности къ ней; онъ не знаетъ ни охоты, ни любви къ охотѣ, что доходило въ средніе вѣка почти до безумной страсти. По смыслу выраженію Грамма, отъ немецкаго животнаго эпоса вѣеть запахомъ старого лѣса; это выраженіе каждый найдеть справедливымъ, кто можетъ воспринять эту поэзію неиспорченной душой, у кого есть чувство свободы и жизни на чистомъ воздухѣ».

Это словоизвержение Гервипуса представляетъ лишь несторый наборъ фразъ и заблужденій. Прежде всего ни одинъ народъ не отоносился наивнѣе и сердечнѣе къ природѣ, въ особенности къ животному миру, чѣмъ восточные народы, а именно индузы и персы. Что же касается эллинского древнаго міра относительно его «радостнаго чувства природы», мы видѣли изъ нашихъ прежнихъ изслѣдований наивное чувство у Гомера и сантиментальное въ эллинизмѣ, который болѣе чѣмъ средніе вѣка искалъ въ охотѣ средства общенія съ природой, предпочитая это общеніе городской суетѣ и излишней культурѣ. Мы увидимъ далѣе, какъ уже долго спустя послѣ окончательного упадка латинской поэзіи, этого послѣдняго отраженія античнаго чувства, европейская литература опять достигла высоты и зрѣлости, искренности и глубины греческаго чувства природы и чувствительности эллинизма и римской императорской эпохи. Мы увидимъ также, насколько германскій духъ, несмотря на свою прирожденную склонность къ свободной природѣ,—къ охотѣ, животнымъ и растеніямъ, и несмотря на свойственную ему искренность и субъективность, былъ въ состояніи пайти художественное выраженіе для своего чувства помимо воздействиія античной поэзіи. Гервипусъ слишкомъ поверхностно зналъ античную литературу и въ своемъ стремлении къ синтетическимъ, остроумнымъ, априорнымъ заключеніямъ, склоности, унаследованной его временемъ отъ Гегеля и къ счастію все болѣе и болѣе исчезающей, онъ бесправедливо относился къ древнему миру и слишкомъ высоко ставилъ средніе вѣка. Онъ дѣлаетъ лишь некоторую слабую уступку, когда говорить въ другомъ мѣстѣ: (S. 132) «Радость, доставляемая природой, свойственная новѣйшему времени, въ противоположность съ древней, которая выражалась въ самыхъ ранніхъ произведеніяхъ всѣхъ средніхъ вѣковъ и которую древняя литература отразила въ себѣ лишь при своемъ паденіи, идя навстрѣчу германскому

духу, эта радость при созерцании природы, растительной и животной жизни, составляет душу этого (животного) эпоса. Древний мир во всей своей поэзии также, какъ и въ пластическомъ искусствѣ, касался только героеvъ и боговъ». Но кто же стоялъ крѣпче на своей почвѣ чѣмъ эллины, кто радостнѣе наслаждался жизнью, безъ всякаго стѣсненія, безъ страха передъ міровыми силами? Для германской литературы потребовался періодъ развитія въ нѣсколько сотъ лѣтъ, прежде чѣмъ она могла сравниться съ эллинской литературой жизненной теплотою чувства и выразительнымъ изображеніемъ прекраснаго въ природѣ.

Только преувеличенная оцѣнка нѣмецкой литературы можетъ допустить сравненіе обоихъ эпопей о Нibelунгахъ и о Гудрунѣ съ Иліадой и Одиссеей. Какъ всегда бываетъ, и въ этомъ случаѣ слишкомъ далеко заходящее сравненіе оказывается вреднымъ. Никто не можетъ отрицать прелести бѣдныхъ словами, но пластическихъ изображеній, рѣзкихъ характеристикъ героеvъ, ужаснаго впечатлѣнія ихъ судьбы въ Нibelунгахъ или призлекательности другого, столь нѣжнаго и гармонического произведенія, возникшаго на Нѣмецкомъ морѣ. И все-таки, и въ построении, и въ изображеніяхъ въ цѣломъ и въ отдельныхъ частяхъ эти эпопеи даже отдаленѣйшимъ образомъ не достигаютъ той чарующей наивности, того высшаго художественнаго совершенства, соединенныхъ съ самой трезвой правдой о природѣ, какая мы находимъ въ греческомъ эпосѣ. Какой жизненной красотой, какой пластической силой исполнены сравненія у Гомера такъ же, какъ и изображенія временъ дня и года, составляющія орнаментъ разсказа! Съ какою ясностью взгляда, съ какою теплотой сердца описывается онъ прелестъ могучихъ и нѣжныхъ явлений природы! И какъ элементарно, скучно и грубо все то, что въ этомъ отношеніи представляетъ намъ поэма о Нibelунгахъ. Хотя и Гомеровскій эпосъ еще не знаетъ симпатического возврѣнія на природу, которое заставляетъ ее грустить и радоваться вмѣстѣ съ нами, которое влагаетъ въ нее свою душу и вглядывается въ нее, какъ въ душу друга, и картину природы прогибуоплагаетъ изображаемому лишь объективно въ формѣ эпического сравненія, но какая тамъ вѣрность наблюденія, какая искренность и какое разнообразіе, обнимающее небо, землю и море!

Во всей міровой литературѣ едва-ли можно найти эпосъ, который быль бы такъ бѣденъ въ изображеніи мѣста и вре-

и мени, какъ пѣснь о Нibelунгахъ; поэтому весьма трудно «нѣмецкое душевное чувство природы» указать въ германскомъ народномъ эпосѣ. Индуы, персы и греки всѣ явленія природы противопоставляютъ человѣческимъ дѣйствіямъ и состояніямъ и вилетаютъ въ разсказъ граціозныя и самостоятельныя жанровыя картинки изъ жизни и природы, изъ міра растений и животныхъ въ формѣ сравненій или обобщающихъ изображеній, — но развѣ это можно найти въ нѣмецкомъ народномъ эпосѣ? Стихійная природа не играетъ никакой роли въ эпосѣ о Нibelунгахъ, даже въ качествѣ рамки. Обозначенія времеми какъ нельзя болѣе сухи: «На седьмое утро въ Вормсъ прибыли уже храбрые» (ав. II), «утромъ въ Троицынъ день отправились они дальше», (V) или: «Передъ наступленіемъ вечера, когда исчезъ солнечный свѣтъ и сдѣлалось свѣжѣе» (X), или: «онъ долженъ былъ вѣстѣ пока свѣтлое утро бросило черезъ окно свой отблескъ». Послѣднее выраженіе еще самое поэтическое; тамъ можно найти и такія: «День кончился, наступила ночь» (XXX).

Никто не будетъ отрицать, что въ этой простотѣ выражений заключается своего рода прелестъ, что она производить иногда сильное впечатлѣніе. Но при сравненіи съ богатствомъ выражений, какое мы видимъ у грековъ, презираемыхъ за недостатокъ чувства природы, эти немногія украшепія едва-ли даютъ право признать здѣсь прославленіе нѣмецкое чувство природы. Не больше индивидуальности находимъ мы и въ изображеніяхъ мѣста: «Отъ Рейна черезъ Гессенъ ѿхали они со своими героями въ землю Саксовъ» (III), «на одной горѣ нашелъ онъ замокъ» (VIII) и т. п. Даже разсказъ объ охотѣ и умерщвленіи Зигфрида весьма блѣденъ и скученъ относительно пейзажа: «У холоднаго родника вскорѣ утратилъ онъ жизнь... былъ слышенъ откликъ въ горахъ и лѣсу... тогда упалъ на цвѣты супругъ Кримгильды... цвѣты стали мокры отъ крови» (XVI).

Здѣсь пѣть ни малѣйшаго слѣда симпатического воззрѣнія на природу, какое мы видимъ въ индійской и греческой поэзіи (Адонисъ) и какое придастъ цвѣтамъ, деревьямъ и горамъ сочувствующую, скорбящую душу, что такъ трогательно выражается въ скандинавской сагѣ, при описаніи кончины Бальдуря.

Животный міръ также не играетъ роли въ эпосѣ; достаточно припомнить сонъ Кримгильды о соколѣ, на которого на-

падаютъ два орла, или о двухъ кабанахъ, бѣгущихъ на Зигфрида, или о множествѣ дичи, за которой герои охотятся въ лѣсу (XVI).

Даже такие образные обороты, какъ иѣжно-бѣлый, красный какъ роза, попадаются очень рѣдко, напр.: «ея прекрасное лицо отъ радости покраснѣло какъ роза» (IV); иѣкоторую иѣжность выказываетъ только сравненіе, относящееся къ прекрасной Кримгильдѣ (XX): «Тогда пришла возлюбленная, какъ утренняя заря выходить изъ мутныхъ облаковъ», и

Какъ свѣтлый мѣсяцъ плыветъ передъ звѣздами
И сияюще его свѣтло и чисто поднимается изъ облаковъ,
Такъ блестала она правдивостью передъ другими женщинами.

Въ пѣснѣ о Гудрунѣ думали найти изображеніе того, какъ вѣеть сѣверный вѣтеръ и какъ шумить Сѣверное море, но это не болѣе какъ красивая фраза. Тамъ обозначаются мрачное, непривѣтливое море, дикия, бездомныя волны, берегъ, мокрый отъ крови убитыхъ, — но это лишь простыя обозначенія. И когда старый волшебникъ говоритъ героямъ, которые вмѣстѣ съ нимъ должны освободить несчастную дочь короля: «Воздухъ такъ ясенъ, такъ богатъ звѣздами и чистъ, и мѣсяцъ свѣтить такъ прекрасно, что это истинно меня радуетъ; оставимъ-же этотъ пустынныи берегъ, дороге витязи», (XXVI)¹⁾ то ему не столько подсказываетъ радость при видѣ прекрасной звѣздной ночи, сколько надежды на наступающее утро.

Мѣстность всегда обозначается коротко, напр.: «это былъ широкій рѣчной островъ, который назывался Вюльпензандъ», или: «когда взошла свѣтлая утренняя звѣзда, они увидали холмъ, возвышающійся изъ моря, и простирающійся передъ холмомъ обширный лѣсъ... свѣжіе, холодные ключи, которые стекали съ горы въ лѣсъ, и тогда обрадовались жаждущіе мужи (XXIII)²⁾.

Первые слѣды симпатического возврѣнія на природу мы

¹⁾ Die Luft ist so heiter, so Sternen reich und klar,
Auch scheint der Mond so prächtig, des freu'ich mich fürwahr,
Nun laszt dies öde Ufer, ihr teuerlichen Helden.

²⁾ Und als emporgegangen der lichte Morgenstern,
Da sehn sie einen Hugel sich heben aus dem Meer,
Und sehen vor dem Hügel weiten Wald sich breiten...
Frische kalte Brunnen, die flossen in dem Taun
Von dem Berge nieder, da stenten sich die wassermüden Männer.

видимъ въ изображеніи дѣйствія, какое производила пѣсня Горанда; подобно Орфею, онъ увлекаетъ за собой природу, по крайней мѣрѣ мелкихъ птицъ и животныхъ: «Онъ запѣлъ величественнымъ голосомъ: отъ этого смолкли пѣсни мелкихъ птичекъ» (VI). «И опять онъ началъ пѣть, и кругомъ смолкли всѣ птички передъ его сладкимъ пѣніемъ».. Дѣвушки «спѣдѣли тамъ и слушали такъ же какъ птички, которыя на королевскомъ дворѣ забыли про свои пѣсни, зѣви въ лѣсу оставили свою пищу, черви, которые должны были ползать въ травѣ, рыбы, которые должны были плавать въ водѣ, остановились на своемъ пути: слѣдовательно его искусство достаточно имъ нравилось» ¹⁾.

Время лишь рѣдко изображается менѣе бѣдно и кратко, чѣмъ въ пѣснѣ о Нibelунгахъ: «Когда ночь пришла къ концу и начало свѣтать» (VI), «Послѣ того на двѣнадцатое утро оставили они страну», или «около времени мая» или «въ одно прохладное утро». Нѣсколько богаче слѣдующее опредѣленіе: «Это было время, когда листья радостно распускаются и всякия птицы всего лучше поютъ свои пѣсни въ лѣсу» (I). Еще опредѣленіе и нагляднѣе изображается время, когда зима уходитъ, и птицы возвѣщаютъ приближеніе весны, когда королевская дочь, вмѣстѣ со своей подругой, несетъ одежды жестокой королевы на берегъ моря: «Это было время когда уничтожалась власть зимы и когда птицы начинали вновь пѣть наперерывъ» и т. д. ²⁾.

При нѣкоторой несомнѣнной пластичности, опредѣленіе времени недостаточно ясно, когда говорится далѣе о наступлении утра освобожденія (XXVI): «Уже утренняя звѣзда поднималась не слишкомъ высоко, когда прелестная дѣвушка выглянула изъ окна въ даль; она слѣдила, не наступило ли время, когда начинать свѣтать, такъ какъ за это радостная

¹⁾ Saszen da und lauschten, wie selbst die Vögelein
Auf dem Königshofe vergaszen ihr Getön,
Die Tier' im Walde lieszen ihre Weide stehn,
Die Würmer, die da sollten in dem Grasse gehn,
Die Fische, die da sollten in dem Wasser flieszen,
Verlieszen ihre Fährte: wohl durft ihn seine Künste nicht ver-
rieszen.

²⁾ Es war die Zeit, wo scheidend des Winters Macht verging
Und wo neu der Vogel Wettgesang anfing...

Гудрунъ должна была щедро вознаградить ее. Тогда увидала дѣва что-то въ родѣ утренняго сіянія и при блескѣ воды, какъ будто сверкающіе шлемы и множество свѣтлыхъ щитовъ. Замокъ уже былъ осажденъ; поле кругомъ засвѣтилось оружиемъ¹⁾.

Сравненія встрѣчаются довольно рѣдко: «Въ волшебника и его приближенныхъ стрѣляли такъ сильно, какъ будто ливень ипалъ съ неба» (XXVIII), такъ же, какъ и образы: «Для Гартмута и его друзей не обратилась въ плодъ эта цвѣтущая надежда, что они должны увидѣть покой на этомъ берегу».

Справедливо говорить Вильгельмъ Гrimmъ²⁾: «Отечественные поэты этой эпохи нигдѣ не отдаются особому описанію природы, имѣющему только цѣлью изобразить яркими красками впечатлѣніе пейзажа на нашу душу. У старыхъ нѣмецкихъ мастеровъ, безъ сомнѣнія, не было недостатка чувства природы; но они оставили намъ лишь такое виѣшнее выраженіе чувства, какое позволяла связь съ историческими событиями», и далѣе: «на вопросъ о томъ, обогатило-ли нѣмецкую поэзію новыми картинами природы соприкосновеніе съ южной Италией, или, во время Брестовыхъ походовъ, съ Малой Азіей, Сиріей и Палестиной, можно отвѣтить только отрицательно».

Въ придворномъ рыцарскомъ эпосѣ сказочный, фантастический пейзажъ, создаваемый возбужденіемъ воображеніемъ поэта, заслоняетъ дѣйствительный, находящійся передъ его глазами. Растенія и животныя, лѣсъ и поле, получаютъ невѣроятные, искаженные размѣры: это баснословный міръ чудесъ, а не дѣйствительности. Такъ, напр., въ сказаніи объ Александрѣ поэть, (Лампрахтѣ) переносится на концы земли и заставляетъ Александра разсказывать своему учителю Аристотелю

¹⁾ Schon war aufgegangen nicht hoch der Morgenstern,
Da trat ein holdes Magdlein in ein Fenster fern;
Sie spahete ob Zeit es wære dasz tagen wollte,
Damit die frohe Mare Trau Gudrun ihr reichlich belohnen solte.
Da ersah die Jungfrau etwas Morgenschein,
Und bei des Wassers Glänzen, wie das muszte sein,
Sah sie Helme leuchten und viele tichte Schilder.
Die Bourg war schon belagert; von Waffen leuchtete rings das Gefilde.

²⁾ См. Humboldt, S. 33.

о видѣнныхъ имъ чудесахъ. Александръ приходитъ со своимъ войскомъ въ темный лѣсъ, въ которомъ высокія деревья далеко простираютъ свои вѣтви, сплетая ихъ между собой такъ, что свѣтъ солнца не можетъ проникать черезъ нихъ. Чистые и прохладные ручи текутъ изъ лѣса въ долину. Сладко-гласное пѣніе птицъ раздается между вѣтвями и отзыается въ тѣни лѣса. Но земля въ лѣсу покрыта необозримымъ множествомъ еще нераспустившихся цветовъ, удивительной величины: они розового и синѣго-блѣдаго цвета, подобны большинству шарамъ и свернуты очень крѣпко; вдругъ открываютъ они свои душистые чашечки, и изъ этихъ раскрывшихся волшебныхъ цветовъ выходятъ румяные, какъ утренняя заря, и блѣдые, какъ ясный день, дѣвушки чудной красоты, лѣтъ около двѣнадцати на видъ, и тысячи этихъ прелестныхъ существъ начинаютъ, состязаясь съ лѣсными птицами, сладкое тысячеголосное пѣніе и порхаютъ съ пѣснями и смѣхомъ прелестными вереницами въ прохладной лѣсной тѣни. Покровы цветовъ, изъ которыхъ они рождаются, розового и блѣдаго цвета; они — дѣти зеленой тѣни и прохладного уединенія лѣса. Если солнце освѣтить ихъ горячимъ лучемъ, эти дѣти цветовъ тотчасъ-же винуть и умираютъ; они — дѣти лѣта и имъ не суждена долгая жизнь такъ же какъ и цветамъ, которыхъ май призываетъ къ жизни, а осень къ смерти: проходятъ три лѣтнихъ мѣсяца и «цветы всѣ гибнутъ, прекрасныя дѣвушки умираютъ, листья падаютъ съ деревьевъ, источники останавливаютъ свое теченіе, птицы прекращаютъ свои пѣсни — все радостное уходитъ. Грустно стало сжиматься мое сердце различными печалями, такъ какъ я ежедневно видѣль, какъ умираютъ прекрасныя женщины и гибнутъ цветы; тогда я удалился оттуда съ моими мужами, съ тяжелымъ сердцемъ».

Безъ сомнѣнія, въ основѣ этого граціознаго сказочнаго описанія лежитъ высоко-поэтическое чувство. Какъ красивы повторяющіяся сравненія утренней зари и свѣтлого дня, какъ глубоко прочувствованъ символизмъ расцвѣтающихъ и затѣмъ увяддающихъ цветовъ, дѣтей тихаго лѣсного уединенія, перепененіе душевной жизни на растительный міръ, это превращеніе душистыхъ почекъ въ красивыхъ дѣвушекъ. Но мы находимъ здѣсь одну изъ первыхъ подготовительныхъ ступеней эстетического одушевленія природы и симпатического воззрѣнія на нее, игру фантазіи, а не конкретное наблюденіе.

Преувеличены и смѣлы также картины, изображающія

битвы. Войска приближаются, какъ ревущее море, стрѣлы летаютъ съ обѣихъ сторонъ, какъ густой сѣть... посль ужасной рѣзни измѣняется даже свѣтъ солнца и луны, и они отворачиваются отъ совершившихъ убийствъ.

Для Гартмана фон деръ Ауе пейзажъ остается чуждымъ. Онъ изображаетъ волшебную природу, существующую только въ его воображении, какъ, напр., въ «Iwein» — дикий лѣсь съ чудеснымъ источникомъ: «холоденъ и чистъ этотъ источникъ; его не касаются ни дождь, ни солнце, его не мутятъ вѣтры, отъ которыхъ его защищаетъ прекраснѣйшая лица. Она такъ высока и толста, что ни дождь, ни солнечный свѣтъ никогда не проникаютъ черезъ нее. Ей не причиняетъ вреда и зима, не портятъ въ ея красотѣ ни одного волоса, она зеленѣеть и цвѣтеть цѣлый годъ... надъ источникомъ стоитъ чудесный камень... дерево было усыпано птичками, такъ что я едва видѣлъ вѣтви, и даже листья почти исчезали. Пріятно звучать сладкая пѣсни и раздаются изъ лѣса, который откликается на эти голоса... Когда я полилъ воду рубинъ, угасло солнце, только что свѣтившее, кругомъ умолкло пѣніе птицъ, распостерлась черная грозовая туча; бурныя облака, мрачныя и тяжелыя, понеслись по небесному своду съ четырехъ концовъ. Ясный день уже болѣе не свѣтилъ... Кругомъ меня, въ лѣсу, всыхивали разомъ тысячи молний... Поднялись буря, градъ и дождь... Буря была такъ губительна, что рушился лѣсь» ¹⁾).

¹⁾ Kalt und viel rein Ist derselbe Bronnen; Ihn treffen nicht Regen noch Sonnen, Noch trüben ihn die Winde, Des schirmt ihn die schönste Linde. Sie ist mächtig hoch und also dick, Dasz nicht Regen noch Sonnenblick Nimmer je hindurch sich drängt; Ihr schadet der Winter nicht Kränkt An ihrer Schönheit er ein Haar, Sie grünt und blüht das ganze Jahr... Über dem Bronnen steht ein wunderherrlicher Stein... Mit Vöglein war der Baum bestreut, Dasz ich die Äste Kaum noch sah Und selbst das Laub verschwand beinah. Anmutig Klaugen die süßen Lieder Und wiedertönend aus dem Wald, Das Sehr zu den Stimmen schallt... Als ich Wasser gosz auf den Rubin, Da erlosch die Sonne, die eben schien, Rings verstummte der Vögel Gesang, Ein schwarzes Gewitter zog entlang; Sturmewolken flogen An den Himmelsbogen Von vier Enden finster und schwer. Es schien der lichte Tag nicht mehr... Es zückten nuu viel balde Riugs um mich her im Walde Viel tauend Blitze zumal... Es erhab sich Sturm, Hagel und Regen... Der Sturm ward also ungefähr, Dasz der Wald zusammenbrach.

Настоящее, личное чувство природы нигде не выступает у него, даже и въ лирическихъ стихотвореніяхъ; то, что онъ зимию тоскуетъ о цвѣтахъ, не имѣть большого значенія, такъ какъ въ «Зимней жалобѣ» онъ находитъ замѣну пѣнія птицъ и весенней радости въ женской любви ¹⁾.

И у Вольфрама ф. Эшенбаха почти нѣтъ изображенія природы; время онъ изображаетъ словами: тогда начались сумерки, или: такъ какъ настушилъ вечеръ... при ясномъ сіяніи утра... такъ какъ день уже склонялся къ вечеру... и т. п. Вообще, во всей рыцарской романтикѣ (сказки о Грааль и др.) дѣйствительность всегда отступаетъ на второй планъ. Если описывается лѣсъ или садъ, онъ украшается всевозможными чудесами, какъ, напр., въ X-й пѣсni «Оргелузы»²⁾: «Гору окружалъ садъ... гранаты, смоковницы, малина и виноградная лоза и другіе плоды, сладкие и пріятные, находились тамъ въ изобилии; источникъ вытекалъ изъ скалы». Но всей этой великолѣпной картинѣ настоящая прелестъ сообщается только женщиной: «Тамъ нашелъ онъ, что было ему довольно пріятно, женщину, такую прекрасную и чистую, что онъ былъ восхищенъ ея видомъ, цвѣтомъ всего прекраснаго въ женщинѣ».

Сравненія у него довольно рѣдки и не всегда поэтичны. Такъ «Herzeleide», II, заканчивается слѣдующимъ образомъ: «Она (Landes Frau) оросила себя росой печали своего сердца; изъ ея глазъ капалъ дождь на ея ребенка... Вздохи и смѣхъ бываютъ на ея устахъ въ одинъ и тотъ же часъ. Рожденіе сына радуетъ ея сердце», и т. д., и X, 514: «Вмѣстѣ съ пріятнымъ это непріятно (bei der SÙsze sauer), XII, 601: «Тамъ стояло много яркихъ цвѣтовъ, но они не могли сравниться съ цвѣтомъ (лица), какое онъ увидалъ у Оргелузы». Но его герои отличаются особенно живымъ чувствомъ къ миру птицъ. Молодой Парцифаль совершенно очарованъ ихъ пѣніемъ.

Во всемъ этомъ нельзя найти слѣдовъ сильнаго, искренняго чувства природы.

Благодаря своей живой образной фантазіи, своей способности видѣть прекрасное, Готфридъ Страсбургскій ³⁾ бо-

¹⁾ Hartmann von Aue, изд. Pfeiffer II Leipzig 1867 12.

²⁾ пер. Simrock, Stuttg. 1861. 505.

³⁾ Tristan und Isolde, Geschichte von Gottfried v. Strassb., übertragen und beschlossen von Hermann Kurtz, Stuttg. 1864.

лѣе своихъ предшественниковъ выказываетъ опредѣленную склонность къ природѣ. Если въ пѣснѣ о Нibelунгахъ едва только намѣщается зеленый цвѣтъ травы и у Гартмана и Вольфрама являются только волшебные сады, то Готфридъ несомнѣнно дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ къ живописному изображенію и симпатическому пониманію пейзажа.

Вирочемъ, и у него обозначенія времени весьма скучны: «И когда дѣло шло къ вечеру», «тогда день уже начался» — и только! Сравненія часто повторяются. Прекрасныя женщины называются волшебными майскими розами, «тоскующей бѣлой розой», Изольда и Изота — солнцемъ и утренней зарей; Брангена, напротивъ, полной луной. Объ испуганной, влюбленной женщинѣ говорится: «ея ротъ, красный какъ роза, поблѣдѣлъ; на ея кожѣ замерли свѣтлые жизненные цвѣта, которыми было украшено ея тѣло, и въ ея ясныхъ глазахъ стало такъ сумрачно, какъ ночь послѣ дня»... Начало поэмы «Ривалинъ и Блапшифлуръ» представляетъ прекрасное, проникнутое радостнымъ чувствомъ природы, изображеніе сладости приближенія весны; прелесть майскихъ дней отражается въ стихахъ, которые поэтъ посвящаетъ этому сладостному мѣсяцу. «Теперь ужъ былъ готовъ прекрасный праздникъ, цвѣтущія четыре недѣли, когда приходитъ свѣтлый май, пока опять уйдетъ назадъ... Тамъ были маленькия лѣсныя птички, доставляющія радость слуху, цвѣты и трава, все, что пріятно видѣть глазу и что радуетъ благородныя сердца, всѣмъ этимъ былъ полонъ зеленый лугъ. Тамъ можно было найти все, чего хотѣлось, что долженъ принести май, тѣнь на солнцѣ, лиши у родника, мягкие, теплые вѣтры... Яркіе цвѣты смыкались изъ росистой травы. Другъ мая, зеленый лугъ сдѣлалъ себѣ изъ цвѣтовъ радостный лѣтній нарядъ... Прелестное пѣніе птицъ, блаженное, прелестное, отрадное сердцу и чувству, наполняло радостью горы и долины. Сладостный соловей, милая птичка, которую всегда надо благословлять, пѣлъ въ цвѣтушихъ вѣтвяхъ, съ такимъ видимымъ удовольствиемъ, что многія сердца получали отъ этого радость и высокое мужество»... ¹⁾).

¹⁾ Nun war das schöne Fest bereit, Angesetzt und besprochen,
Die blühenden vier Wochen,
Wo der viel süsze Mai einzieht, Bis dasz er wieder von hinten flieht,
Bei Finkapol auf grünem Plan, Dasz sich die Festgenossen sahn,

Такимъ образомъ, уже въ первое время нѣмецкой средневѣковой поэзіи раздаются звонкие, радостные голоса поэтовъ, искренне радующіеся пробужденію природы; какъ сердечно звучать эти слова: «сладки май, прекраснос, кроткое время мая, миляя лѣсныя птички», какъ сердечны эти первоначальная одушевлѣція — «смѣющіеся цвѣты» и «зеленый лугъ, другъ мая», и какими благозвучными, прочувствованными словами стремится поэтъ выразить очарованіе зеленѣющаго, смѣющагося, звучащаго весеннаго міра!

Извѣстно его описание грота любви съ его волшебной обстановкой — липами, деревьями, цвѣтами и пѣніемъ птицъ, радующими въ одно и то-же время и зрѣніе и слухъ, но для настъ особенно интересно, насколько поэтъ соединяетъ жизнь природы съ жизнью описываемой имъ романтической любви. Мы видимъ у него вмѣстѣ съ любовью сердца, любовь къ природѣ, къ цвѣтамъ и деревьямъ, къ пѣнію птицъ и шуму ручья, къ тѣни липъ и прохладѣ вѣтерка; любящія сердца всѣмъ

Auf einer wounnevollen Au, Wie sie Kein Aug im Lenzesblau
Zuvor gesehen oder seit. Die süsze saufte Maienzeit
Hatte an sie mit suszer Hand Ihre stüsze Unmäsigkeit gewandt.
Da waren kleine Walayögelein, Die der Ohcen Freude sollen sein,
Blumen und Blüten, Gras und Kraut, und was das Auge gerne schau
Was edle Herzen erfreuen soll, Des war die sommeraue voll.
Man fand da, was man wollte, Was der Mai bringen sollte,
Den Schatten zu der Sonnen, Die Linden bei dem Brounen,
Die sanften linden Winde, Die Markes Hofgesinde
Höfisches Kosen brachten. Die lichten Blumen lachten
Aus dem betauten Grase. Des Maien Freund, der grüne Rase
Hatte aus Blumen sich gemacht so wonnigliche Sommertracht,
Dasz sie die lieben Gäste Empfing mit eignem Teste.
Der Bäume Blust sah jedermaun, der süsze, so süszlachend an,
Dasz Herz und Mut, befangen ganz, sich an den lachenden Blüten-
glaуз

Mit spielenden Augen machte Und ihm entgegenlachte.
Das holde Vogelgetöne. Das selige, das schöne,
Dem Herzen und dem Sinne zu seligem Gewinne
Erfüllte mit Freuden Berg und Thal. Die wonnevolle Nachtigall.
Das liebe susze Vögelein, Das immer soll gesegnet sein,
Das sang ans blühenden zweigen Mit solchem Lustezeigen,
Dasz manches Herz, manch edles Blut Freude gewann und hohen Mut.
Da hatte die Gesellschaft sich In hohen Freuden wonniglich
gelagert auf das grüne Grass... Die Linde gab ein gnüglich Dach,
nd viele barg ihr Zeltgemach Mit blattergrünen Asten.

этимъ радостно наслаждаются ¹⁾). Весело и привѣтственно природа отражаетъ любовь, которой среди пея наслаждаются блаженные сердца, и Готфридъ умѣеть оживить неодушевленное и подчинить любви мертвую природу.

Такимъ образомъ, любовь стала плодородной почвой, на которой расцвѣтаетъ душистый цвѣтокъ искренняго чувства природы — первое начало симпатической формы этого чувства, хотя и остается еще въ очень узкихъ предѣлахъ. Вопроѣъ предстоящій теперь нашему рѣшенію, заключается въ томъ, имѣль-ли Minnesang, (любовная лирика XIII вѣка), зачатки дальнѣйшаго развитія?

Лирика есть настоящая среда, въ которой душа, погружающаяся въ природу съ любовью и пониманіемъ, можетъ найти самое искреннее выраженіе своимъ чувствамъ. Образъ, взятый изъ природы, становится символомъ внутренняго міра, иначе сказать, придается душа виѣшней природѣ, и такимъ образомъ, сливаются природа и духъ. виѣшний и духовный міръ. Въ другомъ случаѣ, пейзажъ, картина лѣта, осени, весны или зимы является только фономъ, рамкой, орнаментомъ. Такъ же какъ нѣмецкій придворный эпосъ почерпалъ свой матеріяль изъ Франціи, и пѣмецкая любовная лирика оживлялась пѣснями провансальскихъ трубадуровъ. При этомъ ясно выступаютъ национальныя различія. У живого, пламеняющаго южнаго француза все чувственno, свѣжо, грубовато, но сильно, мужественно, а у мечтательнаго нѣмца все однообразнѣе. блѣдиѣ, меланхоличнѣе и мягче. Тамъ гордое, отважное отношеніе къ любви, борьба и торжество побѣды, здѣсь — размышеніе, нѣжность и грусть. У провансальцевъ все носитъ болѣе печать случайности, жизненнаго момента, у нѣмецкихъ миннезенгеровъ все стереотипно и монотонно — и картины природы съ изображеніями маи, птичекъ, солнца, жизни луговъ, шума воды и вѣянія вѣтерка, и самое ощущеніе любви съ его тоскливой жалобой.

Скудныя остатки поэзіи трубадуровъ ²⁾ нерѣдко обнаруживаютъ тонкое оживленіе или удачное противоположеніе міра человѣческой души и міра природы въ контрастѣ или въ гармоніи.

¹⁾ См. S. 435.

²⁾ Friedr. Diez, Leben und Werke der Troubadours, Zwickau 1829.

«Осень въ природѣ и осень въ сердцѣ» ясно отражается въ стихахъ Бернара Вантадурскаго (+ 1195): «Вижу-ли я зелень, падающую съ деревьевъ, то, что могло бы огорчить другого — мнѣ это доставляетъ великое удовольствіе; не надо думать, что я желаю листьевъ и цветовъ, съ тѣхъ поръ, какъ она, дорогая, оказалась жестокой ко мнѣ», или наоборотъ: «Холодъ и синѣй превращаются въ цветы и зелень передъ счастливымъ взоромъ». Съ блаженнымъ чувствомъ просыпается счастливецъ ночью, когда его будить призывъ соловья: «Отъ сладкаго пѣнія соловья ночью, когда я спалъ, я проснулся, лишь съ любовью въ мысли, весь потрясаемый сладкой дрожью». Онъ вздыхаетъ въ любовной тоскѣ: «Боже, еслибы я могъ быть ласточкой, носиться по воздуху, прилетѣть въ полночь въ ея комнатку». Отверженный жалуется: «Когда я вижу жаворонка, который радостно возносится къ солнцу и оттуда спускается внизъ, не сознавая, какой сладостью проникнуто его сердце, какую грусть я испытываю, видя существо полное веселья»...

Трогательное, вполнѣ современное намъ симпатическое чувство! Онъ завидуетъ веселости жаворонка, между тѣмъ какъ самъ онъ печаленъ; ему больно отъ этого контраста и онъ не можетъ понять, почему весь миръ не грустить о его потерѣ.

Сляніе любви и весны Бернаръ выражаетъ въ слѣдующихъ стихахъ: «Въ апрѣлѣ, когда лугъ украшается зеленью и цветутъ сады, и свѣжо и чисто двигаются воды, и всѣ птички счастливы,—благоуханія, несущіяся изъ цветовъ, и сладкое пѣніе птичеки, все это вновь восхищаетъ меня. Тогда я намѣренно ищу наслажденія въ сладости любви ¹⁾».

Въ томъ же родѣ поетъ Арнольдъ фонъ-Марюель: «Хорошо, когда вѣтерки меня обвѣхаютъ въ апрѣлѣ, прежде чѣмъ проснется май: тогда сойки и соловьи поютъ ясной ночью, каждая птица весело говорить своимъ языкомъ то, что ей хочется, сидя въ холодкѣ, рано утромъ, вмѣстѣ со своей

¹⁾ In Mond April, wenn grün sich schmückt
Der Anger und die Gärten blühn
Und frisch und klar die Wasser ziehn
Und alle Vöglein sind beglückt;
Düfte, die aus Blüten dringen,
Und des Vögleins süßes singen—
Das ist's was dann mich neu entzückt.
Dann such' ich mich mit Vorbedacht zu freun der Liebe Süßigkeit.

самкой. И такъ какъ все слѣдуетъ своему влечению, когда зелень оживляется, и я не могу уйтти отъ моей любви, раздущей меня» ¹⁾.

Очъ называетъ свою возлюбленную «прелестнѣйшимъ существомъ, какое когда-либо произвела природа, прелестнѣе, чѣмъ это можно выразить, прекраснѣе, чѣмъ прекрасный майскій день, чѣмъ мартовское солнце, лѣтняя тѣнь, майская роза, апельскій дождь,—цвѣткомъ красоты, зеркаломъ любви, ключомъ славы». То же говорить и Бертранъ де-Борнъ: «Меня радуетъ расцвѣтъ сладостной весны, когда листья и цвѣты появляются вновь; меня радуетъ, когда я слышу веселый хоръ птичекъ, молодая пѣсня которыхъ раздается въ лѣсахъ» и т. д.

Эти пѣвцы не только чувствуютъ радость весны, но и воспѣваютъ ее и говорятъ о ней; они признаются, что ихъ ничто такъ не восхищаетъ, какъ майскій день, мартовское солнце и лѣтняя тѣнь.

Нѣмецкіе миннезенгеры ²⁾ также прославляютъ весну съ ея пѣніемъ птицъ и цвѣтами въ связи съ любовью. Лѣтняя радость и зимняя грусть составляютъ основные аккорды, которые постоянно повторяются, но мы нигдѣ не видимъ, чтобы любовь къ женщинѣ углублялась и освѣжалась любовью къ красотѣ природы. Все это производить крайне монотонное впечатлѣніе: вездѣ призываются цвѣты и птички, какъ вѣстники весны, и восхваляется любимая женщина, которая свѣтлѣе солнца, приносить весну зимою и освѣщаетъ пустынность сѣраго, снѣжного дня.

Такъ, Дитмаръ фонъ-Эйстъ привѣтствуетъ весну, когда приходитъ время пѣсень маленькихъ птичекъ, когда широко зеленѣеть лица, когда луга покрываются цвѣтами и т. д. Въ другой пѣснѣ, пѣніе птицъ и расцвѣтъ розъ напоминаютъ ему счастливое прошлое и женщину, которую онъ носить

¹⁾) SÙsz, wenn Lüfte mich umwollen Im April, eh'Mai erwacht,
Höher dann und Nachtigallen singen durch die heit're Nacht,
Jeder Vogel seine Sprache fröhlich spricht, was ihm gefällt,
In der Kühle früh am Tage, seinem Weibchen zugesellt.
Und da alles seinem Triebe Folgt, wenn sich das Grün erneut,
Kann auch ich mich meiner Liebe Nicht entziehn, die mich erfreut.

²⁾) Des Minnesangs Frühling von Lachmann—Haupt, 2. Ausg. von. Wilmanns, Leipzig 1875.

въ сердцѣ. Зимою онъ жалуется, что прошла сладость лѣта, исчезло пѣніе птицъ, время измѣнилось, соловьи умолкли и т. д.

Генрихъ фонъ-Фельдегге говорить по поводу пришествія весны, когда цвѣты поднимаются на лугу и птицы запѣваютъ въ лѣсу, что даже и огорченное сердце должно радоваться. За то разставаніе съ красотою лѣта настраиваетъ его печально. Ульрихъ фонъ-Гутенбургъ соединяетъ въ красивое сравненіе картины природы со своимъ чувствомъ къ возлюбленной. Любовь есть май его сердца: она съѣсть цвѣты на лугу его души. Генрихъ фонъ-Ругге также грустить, что съ пришествіемъ холодной зимы, зеленый лѣсъ обнажился и умолкъ, и страстно желаетъ лѣта. Подобно тому, какъ луна получаетъ свѣтъ отъ солнца, изъ взоровъ возлюбленной падаетъ яркий свѣтъ въ сердце Генриха фонъ-Морунгена. Онъ называетъ ее яснымъ свѣтомъ мая, днемъ свѣтлаго праздника. И Рейнмару становится легче на сердцѣ, когда уходитъ зима, но онъ прибавляется съ глубокою грустью: «Для меня всегда должна быть зима».

Итакъ, мы видимъ: изображеніе природы и символизація ея вращаются у миннезенгеровъ въ очень узкихъ предѣлахъ. У нихъ совершенно отсутствуетъ индивидуальный взглядъ на пейзажъ; у нихъ нѣтъ и чувства природы, которое любить ее ради нея самой; даже сравненія и противопоставленія природы и душевнаго настроенія, въ видѣ контраста или гармоніи, у нихъ однообразно; картины природы у нихъ вообще стереотипны, и какіе-то безжизненные узоры примѣщиваются ими къ изображенію лирическаго ощущенія. Весенняя радость и зимняя грусть составляютъ господствующіе мотивы, и фігурами пейзажа служатъ лѣсъ и цвѣты, яркое солнце, а также и мѣсяцъ и лѣсныя птицы, въ особенности соловей, розы и лилии.

«Миннезенгеры часто и подробно говорятъ о прекрасномъ маѣ, иѣнни соловья, о росѣ, которая блестить на цвѣтахъ луга, но всегда по отношенію къ чувству, которое отражается во всемъ этомъ. Чтобы обозначить печальное настроеніе, они вспоминаютъ о поблекшихъ листьяхъ, объ умоплакихъ птицахъ, о сѣменахъ, умершихъ подъ снѣгомъ». Таково мнѣніе В. Гrimма. Такъ же справедливо замѣчаетъ и Гумбольдтъ: «На вопросъ о томъ, обогатило-ли иѣнмецкую поэзію новыми образами природы соприкосновеніе съ южной Италіей или,—во время Крестовыхъ походовъ,—съ Малой Азіей, Сиріей и Палестиной

можетъ быть данъ только отрицательный отвѣтъ. Ни въ чёмъ не замѣчается, чтобы знакомство съ Востокомъ дало поэзии миннезингеровъ иное направление. Однимъ изъ старѣйшихъ лирическихъ поэтовъ былъ Фридрихъ фонъ-Гаузентъ, который погибъ въ арміи Барбаруссы. Его пѣсни содержатъ многочисленныя указанія на походъ крестоносцевъ, но онъ выражаютъ только религіозное чувство или грусть о разлукѣ съ возлюбленной. Говорить что-либо о самой странѣ не находили новода ии онъ, ни другіе участники Крестовыхъ походовъ, каковы Рейнмаръ, Рубинъ, Нейдгардъ и Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ. Рейнмаръ, новидимому, посѣтилъ Сирию въ качествѣ пилигримма въ свитѣ герцога Леопольда VI Австрійскаго. Онъ жалуется, что мысли о родинѣ не оставляютъ его и отвлекаютъ его отъ религіозныхъ мыслей. У него нѣсколько разъ говорится лишь о финиковой пальмѣ, когда вспоминаются пальмовыя вѣтви, которая благочестивые иилигриммы должны были нести на плечѣ. Я не припоминаю также, чтобы великолѣпная природа Италии возбуждала фантазію миннезенгеровъ, проникавшихъ по ту сторону Альпъ. Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде, который много странствовалъ, видѣлъ только Помѣріи, побывавшій въ Римѣ, замѣчаетъ лишь, что во дворцахъ тѣхъ, которые нѣкогда владычествовали тамъ, теперь растетъ трава» ¹⁾.

Въ дѣйствительности, даже величайшіе изъ миннезингеровъ, не исключая и мастера лирики XIII вѣка, Вальтера, не переступаютъ узкаго круга господствовавшаго тогда воззрѣнія на природу. Въ стихотвореніи этого послѣдняго «Весна и женщина» мы читаемъ: «Когда цвѣты поднимаются изъ травы, какъ будто они улыбаются солицу рано утромъ въ майскій день, и маленькия птички сладко распѣваютъ свои лучшія пѣсни: какую другую сладость имѣеть міръ, которая бы такъ могла радовать? Чувствуешь себя почти въ небесномъ царствѣ. Если вы хотите знать, что съ этимъ можетъ сравниться, я скажу вамъ, что было пріятнѣе для моихъ глазъ такъ же какъ и теперь, когда я это вижу опять: когда благородная, прекрасная девушка выступаетъ парѣдьша, увѣнчанная цвѣтами... оглядываясь кругомъ себя, какъ солнце окружное звѣздами: — май со всѣми своими волшебными дарами

¹⁾ Humboldt ib. S. 36.

не можетъ дать ничего столь сладостнаго; мы оставляемъ всѣ цветы и смотримъ на дорогую женщину»¹).

Мы видимъ здѣсь въ красиомъ выраженіи простую мысль, что прекрасную женщину пріятнѣе видѣть, чѣмъ самое роскошное майское утро. Впрочемъ, онъ умѣеть придать болѣе индивидуальный оттѣнокъ грусти при наступлѣніи зимы въ стихотвореніи «Wintersüberdrusz»: «краснымъ, голубымъ, зеленымъ и блестящимъ былъ свѣтъ въ лѣсу и въ полѣ, маленькая птички пѣли пѣсни. Теперь каркаетъ только ворона. Яркий цветъ замѣнился сѣрымъ; блѣднымъ кажется теперь мѣръ»²).

У него встрѣчается много образныхъ выраженій, много красиыхъ сравненій изъ жизни природы, но и у него перевѣшиваютъ стереотипныя украшенія поэзіи миннезингеровъ — луга, цветы, трава и соловьи. Въ пѣсняхъ Вальтера это принимаетъ иногда весьма привлекательную форму, приближаясь по своей наивности къ народной пѣснѣ и отражая въ себѣ свѣжую радость чистой любви.

Все предыдущее приводить насъ къ слѣдующимъ заклю-

¹⁾ Wenn die Blumen aus dem Grase dringen,
Gleich als lachten sie hinauf zur Sonne,
Des Morgens fr  h an einem Maientag,
Und die kleinen V  glein lieblich singen
Ihre sch  nsten Weisen: welche Wonne
Hat wohl die Welt, die so erfreuen mag?
Man glaubt sich halb im Himmelreiche;
Wollt ihr h  ren, was sich dem vergleiche,
So sag ich, was mir wohler doch
An meinen Augen ofters that
Und immer thut, erschau'ich's noch.—
Denkt, ein edles sch  nes Fr  nlein schreite
Wohlbekleidet, wohlbekranzt hernieder,
.
.
.
Etwas um sich blichend hin und wieder,
Wie Sonne neben Sternen anzuschau:—
Der Mai mit allen Wundergaben
Kann doch nichts so Wonnigliches haben
Als ihr viel wonniglicher Leib:
Wir lassen alle Blumen stehn
Und blicken nach dem werten Weib.

Пер. Зимрака.

²⁾ Walther von der Vogelweide, herausgegeben von Franz Pfeiffer,
Vierte Aufl., Leipzig 1873 S. 8.

ченіямъ: литература путешествій временъ Крестовыхъ походовъ относится къ природѣ лишь съ точки зреінія полезности, ограничиваясь лишь удивленіемъ по поводу плодородія и общаго привлекательного вида страны. Нѣмецкій народный эпосъ рѣдко упоминаетъ объ явленіяхъ природы и даже форма сравненій примѣняется въ немъ весьма скучно. Нѣкоторый прогрессъ замѣчается въ придворномъ, искусственномъ эпосѣ; симпатическое воззрѣніе на природу отчасти выступаетъ въ изображеніяхъ Готфрида, находя для себя въ лирикѣ художественное выраженіе, когда поэтъ сопоставляетъ собственное настроение съ тѣмъ, какое ему кажется въ природѣ; во всемъ остальномъ изображенія природы у миннезенгеровъ крайне однообразны. Прелестъ самой природы, радость, какую она доставляетъ сама по себѣ, еще недоступна для того времени.

Пониманіе прекраснаго въ природѣ отражается не только въ литературѣ, но и въ пластическихъ искусствахъ, въ особенности въ живописи; такъ какъ народный духъ есть цѣльный организмъ, поэзія и живопись въ своихъ основныхъ направленияхъ не исключаютъ другъ друга и не отличаются существенно одна отъ другой, но скорѣе взаимно объясняютъ, дополняютъ и обусловливаютъ другъ друга. Именно, что касается чувства природы, можно признать всегда повторяющимся положеніемъ, что пейзажная живопись развивается лишь тогда, когда природа кажется привлекательной сама по себѣ, и наоборотъ, пейзажъ, даже и въ живописи, играетъ лишь роль чего-то посторонняго, лишь заднаго плана, пока онъ въ поэтическихъ изображеніяхъ литературы служить только орнаментомъ; когда отдельныя составныя части вышняго міра начинаютъ занимать болѣе обширное мѣсто въ прозѣ или поэзіи и сами по себѣ становятся цѣлью изображенія, то этимъ подготавливается и возникновеніе пейзажной живописи. Если мы прослѣдимъ вкратцѣ ходъ развитія живописи, очерченный Вольтманомъ и Вѣрманомъ въ ихъ превосходномъ сочиненіи¹⁾, то мы увидимъ въ немъ замѣчательную иллюстрацію всего сказанаго выше, въ особенности по отношенію къ развитию индивидуальности.

¹⁾ Geschichte der Malerei, Bd. I, Alterthum von Woermann, Mittelalter von Wolmann, Leipzig 1879, сп. S. 145, 218, 240, 342, 358, 402, 426.

Живопись первыхъ вѣковъ находится вполнѣ подъ эгидою христианства. Техника не отличается отъ античной, но христианство иначе относилось къ искусству, чѣмъ классическая древность. Почитаніе изображеній у древнихъ религій бывшее источникомъ и сущностью искусства, противорѣчило христианству, и лишь постепенно проникло въ его культу, подъ влияніемъ древности. Весьма легко объяснить, въ особенности въ виду положенія живописи въ первоначальной родинѣ христианства, что оно не имѣло никакой потребности въ искусствѣ. Это одностороннее воззрѣніе должно было исчезнуть только тогда, когда все специфически-еврейское отпало отъ христианства и къ нему обратились образованные греки и римляне. Въ гробницахъ и катакомбахъ первыхъ трехъ вѣковъ мы встрѣчаемъ чисто декоративное искусство, но вмѣстѣ съ тѣмъ и остатки ландшафтовъ, какъ, напр., въ древнейшей части гробницы Домитиллы въ Римѣ; пастухи, рыбаки и библейскія изображенія на ея потолкѣ.

И въ Византійской живописи ощущается иѣкоторое влияніе античнаго искусства, какъ это можно видѣть въ одной искалти, заключающей въ себѣ четырнадцать большихъ изображеній: Давидъ, въ видѣ пастуха, красавая женская фигура, изображающая мелодію, опирается лѣвой рукой на его плечо, голова нимфи выглядываетъ изъ-за куста, а впереди, подъ скалою, лежитъ въ смѣлой позѣ горный богъ, за нимъ овцы и козы у воды и на послѣднемъ планѣ пейзажъ съ античными зданіями, родниками и горами. Обыкновенный характеръ рисунка въ высшей степени поэтиченъ. Очевидно, это возвращающіяся древнія олицетворенія и они выступаютъ еще съ античной красотой и граціей среди строгихъ христианскихъ изображеній.

Съ концомъ X-го вѣка начинается періодъ романскаго стиля, который заканчивается въ XIII-мъ. Блестящій подъемъ, выражавшійся въ зодчествѣ, открываетъ новые пути и для прочихъ искусствъ; духъ, воспитанный на правильности архитектуры, при изображеніи органической природы также стремится къ правильности и не можетъ уже оставаться при древней неопределенноти и произвольности формъ. Но такъ какъ ему недостаетъ еще самостоятельнаго чувства природы въ болѣе обширномъ смыслѣ слова, то средневѣковое искусство обрабатываетъ явленія, заимствованныя изъ природы, не въ соотвѣтствии съ ихъ настоящимъ свойствомъ, но переноситъ.

на нихъ чувство архитектонической строгости и правильности. Съ развитиемъ готического стиля, начиная съ XIII вѣка искусство становится занятиемъ средняго класса, отраслью промышленности. Художники живутъ среди общества, непосредственно сообщаются съ природой и воспринимаютъ ея впечатлѣнія; ихъ фантазія, благодаря поэзии, наполняется новыми представленіями и ощущеніями и питается наклонностью этого времени къ празднествамъ, которые всѣ события церковной и государственной жизни превращаетъ въ зрѣлища. Стремленіе къ жизненнымъ удовольствіямъ, къ роскошнымъ, а иногда и грубымъ наслажденіямъ проникаетъ всѣ классы и не остается чуждымъ духовному сословію. Прежнее искусство знало въ сущности только одно выраженіе торжественности, церковной строгости, религіозной возвышенности. Теперь оно угасло. Сильное религіозное чувство, проникающее всю эпоху среднихъ вѣковъ, не утратило еще своей власти, даже соответственно настроению времени оно достигло усиленнаго одушевленія; но человѣкъ уже не подчиняется ему слѣпо, отказываясь отъ собственной воли, а относится къ нему сознательно. Правда, познаніе природы остается еще весьма условнымъ; художникъ еще не разгадалъ ее и не овладѣлъ ею, но онъ уже внимательно смотритъ на нее, согласно требованію живого чувства, изъ воспроизведенія котораго онъ исходитъ: предметы дѣйствительности воспроизводятся не ради ихъ самихъ, но какъ средство для выражения опредѣленныхъ чувствованій. вполнѣ аналогично тому, что мы видѣли въ поэзии. Обнаруживаются даже зачатки реализма, хотя индивидуальная струпа, напр., въ изображеніи животныхъ, еще остается недоступной. Съ половины XIV вѣка проявляется новая французская школа. Наблюденіе жизни становится точнѣе и острѣе, направляясь преимущественно на мягкія и привлекательныя свойства ея. Только въ концѣ этого періода художественное пониманіе чувствуетъ потребность разработки задняго плана, обозначеніе реальной обстановки при помощи деревьевъ условной формы, холмовъ, зданій готического стиля и голубого неба, при чемъ является только попытка линейной перспективы, а воздушная перспектива вовсе отсутствуетъ. Въ заглавныхъ буквахъ и въ украшенияхъ на поляхъ книгъ, господствуетъ еще вкусъ прежняго времени; листъ терновника, къ которому постепенно прибавляются раскрашенные цветы, оживляется птицами и иногда ангелами.

Въ концѣ XIV вѣка въ Кёльнской живописи замѣчается уже болѣе субъективнаго воззрѣнія и лирическаго чувства. Поэтическое чувство, въ особенности въ изображеніи мадоннъ, получаетъ часто идиллическій характеръ, находящій для себя замѣчательно грациозныя выраженія. Мадонна изображается не въ царственномъ и не въ торжественномъ видѣ, но сидящею съ Предвѣчнымъ Младенцемъ въ саду, на лугу, усыпанномъ цветами, стебли и вѣнчики которыхъ изображены достаточно правдиво и естественно; однако, задній планъ вместо ландшафта можетъ превратиться въ золотой фонъ, а вокругъ нея стоять святые. Небольшая картина городского музея во Франкфуртѣ-на-Майнѣ представляетъ слѣдующее: въ саду, заросшемъ розами, замкнутомъ стѣною съ зубцами, подъ плодовыми деревьями, оживляемыми птицами, сидить Пресвятая Дѣва и читаетъ книгу; неподалеку отъ нея стоитъ столъ съ яствами и питьемъ. Между тѣмъ, какъ она погружена въ благочестивое созерцаніе, три приближенныя ей женщины предаются хозяйственнымъ работамъ: одна черпаетъ воду изъ колодца, другая рветъ вишни, третья занимаетъ Младенца Иисуса игрою на цитрѣ. Въ цѣломъ, все проникнуто неподѣльнымъ чувствомъ и пейзажъ соответствуетъ значенію изображаемаго.

Такимъ образомъ живопись, насколько она касается пейзажа, несмотря на нѣкоторыя признаки индивидуального и реалистического стремленія, не идетъ далѣе большаго или меньшаго соотвѣтствія заднаго плана главному предмету изображенія, при чмъ деревья, скалы, луга и цветы представляютъ только рамки, только орнаментъ, подобно тому, какъ мы это видѣли въ лирикѣ миннезенгеровъ¹⁾.

¹⁾ Лудвигъ Кеммереръ въ своей клигѣ «Пейзажъ въ немецкомъ искусствѣ до смерти Альбрехта Дюрера» (L. Kaemmerer, Die Landschaft in der deutschen Kunst bis zum Tode Albrecht Dürer's, Leipzig 1880), резюмируетъ слѣдующимъ образомъ сказанное имъ о живописи периода, предшествовавшаго Фаль-Эйку, с. 40: «Детальное изученіе природы уже началось, но попытки слить отдѣльные элементы въ пейзажное изображеніе заднаго плана картины съ глубокой перспективой обнаруживаются лишь петверть и несмѣлость дилетантскаго упражненія въ искусствѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Индивидуализмъ и сантиментальная поэзія природы въ эпоху Возрожденія.

Люди всегда находятъ переходы, время, въ которое живутъ, такъ какъ всегда уходить и умираетъ старое и нарождается новое. На пути развитія общей культуры существуютъ, однако, пограчиные знаки, отмѣчающіе вполнѣ определенную область и проводящіе грань между тѣмъ, что было и цѣнилось до тѣхъ поръ, и тѣмъ, что пріобрѣло значеніе впослѣдствіи. Такой поворотный пунктъ въ древнемъ мірѣ указывается эллинизмомъ, въ средніе вѣка—эпохой Возрожденія.

Весьма поучительно сравнить сходныя стороны обѣихъ эпохъ, не упуская, конечно, изъ виду различій между эллинизмомъ и итальянцемъ, между древнимъ и болѣе новымъ человѣкомъ, впрочемъ, не абсолютныхъ, а лишь относительныхъ.

Эллинизмъ и Возрожденіе выступаютъ съ большей ясностью и рѣдкостью ихъ культурно-историческихъ границъ, если мы проведемъ параллель между ихъ родственными признаками, служившими двигателями своего времени, между прочимъ и по отношенію къ чувству природы.

Это—такія эпохи, въ которыхъ ледяная кора, облекавшая до тѣхъ поръ мысль и чувство человѣчества, распадается какъ будто отъ оживляющаго дувовенія весеннаго вѣтра. Міровозрѣніе, которое начинаетъ господствовать съ того времени, нельзя назвать вполнѣ новымъ, такъ какъ ростъ народной культуры всегда бываетъ органическимъ, но новизна главнымъ образомъ, заключается въ оживленіи и усиленіи разнообразныхъ, прежде существовавшихъ моментовъ, въ которыхъ новое естественно примыкаетъ къ старому.

Іонійско-дорійская Греція расширилась во времена Александра Великаго въ эллинско-азіатское царство; точно также грани германо-романскихъ среднихъ вѣковъ пали въ эпоху Крестовыхъ походовъ и въ периодъ открытий. Эллинизмъ и Возрожденіе послужили переходомъ отъ древняго и отъ средневѣковаго къ тому, что мы называемъ новымъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Наслѣдіемъ эллинизма была эпоха Императорскаго Рима, а наслѣдіемъ Возрожденія—время реформаций; они одинаково имѣютъ свой корень въ прошломъ и даютъ отпрѣски и зачатки, цѣлѣы которыхъ принадлежать будущему.

Въ эллинизмъ восточное сливается съ национально-греческимъ: въ Возрождении народный итальянский духъ, проникнутый германскими элементами, ведетъ къ пробуждению античного духа и, благодаря этому сочетанию, вызываетъ къ жизни новую культуру. «Внѣ Италии», говоритъ Бургартъ¹), при разъяснении важнейшихъ факторовъ переворота, «дѣло идетъ о научномъ, философскомъ пользованіи отдѣльными античными элементами; а въ Италии — о специальному вниманіи ученыхъ и всего общества къ древнему миру вообще, въ которомъ заключалось восхищаніе о собственномъ прежнемъ величіи. Легкая доступность латинского языка, множество еще живыхъ преданий и памятниковъ значительно содѣствовали этому процессу. Изъ этого обстоятельства и взаимодѣйствія нѣсколько иного народного духа германо-ломбардскихъ государственныхъ учреждений, общаго для всей Европы духа рыцарства, прочихъ культурныхъ вліяній съвера, а также вліяній религіи и церкви, развивается пѣчто новое и самостоятельное — новѣйший итальянский духъ, которому предназначено было сдѣлаться типическимъ образцомъ для всего Запада». — На самомъ дѣлѣ, переходъ отъ произведений народныхъ греческихъ художниковъ и поэтовъ отъ Гомера, Софокла и Фидія къ Александрийцамъ Теокриту и Каллимаху и къ пергамскому искусству столь же значителенъ, какъ отъ пѣсни Нibelунговъ и произведений миннезенгеровъ къ Данте и Петраркѣ. Въ обоихъ случаяхъ чувствуется новый міръ, въ которомъ все носить печать превращенія, гдѣ все ново и въ приемахъ возврѣній и чувствъ, и въ политico-соціальныхъ и въ художественныхъ отпопеніяхъ. Возсоздавая картину важнейшихъ историко-культурныхъ моментовъ эллинизма, напр., по превосходнымъ изслѣдованіямъ Гельбига²), нельзя не удивляться тому, насколько почти каждое отдѣльное явление повторяется въ эпоху Возрожденія, мастерское изображеніе которой намъ дано Бургартомъ.

¹⁾ «Die Kultur der Renaissance in Italien», 3 Aufl., von L. Geiger, Leipz., 1877, s. 221.

²⁾ Untersuchungen über die Kampanische Wandmalerei. Leipz., 1873; см. особ. Cap. XVII, Die aüszeren Bedingungen der hellenischen Kunst, XVIII, Die Gesellschaft, XIX, Das Interesse für die Wirklichkeit, XX, Die Anfassung der Mythen, XXI, Die Sentimentalität, XXII, Der Sinnenreiz, XXIII, Das Naturgefühl.

Самый характерный, кореной признакъ обѣихъ эпохъ мы находимъ въ выступлениі личности, въ индивидуализмѣ. Эллинизмъ уничтожилъ племенные и сословные преграды, и такое же освободительное значение имѣло и Возрожденіе. Завѣса, скрывающая вѣрованіе, чувствованіе и мышеніе среднихъ вѣковъ, падаетъ: тонкая ткань, сплестенная изъ мистическихъ сусѣдій и миражей, разрывается; «я» чувствуетъ себя самостоятельнымъ, оправдываемымъ самимъ собою явленіемъ, противуополагающимъ всему остальному — государству, церкви, народу и корпорации, тѣмъ элементамъ, въ которыхъ въ средніе вѣка отдѣльная личность совершенно исчезала.

Въ эллинизмѣ развиваются монархическая государствія; но вѣсъ служить уже не только одному пѣтому: отдѣльная личности начинаютъ, побуждаемыя внутренними или виѣшими интересами, вырабатывать единичныя силы одностороннимъ и концентрическимъ путемъ; вмѣсто преобладавшихъ прежде государственныхъ интересовъ, выступаютъ одновременно частные интересы, частныя потребности личностей; даже наружный видъ тогданиаго поколѣнія носить на себѣ этотъ индивидуальный отпечатокъ. «Междѣ тѣмъ, говорить Гельбигъ, какъ портреты предшествующихъ эпохъ обнаруживаютъ извѣстную общность выраженія, со временемъ Александра Великаго портреты представляютъ уже множество индивидуальныхъ явлений. Современныхъ типовъ, столь различныхъ между собою, какъ мечтательная голова Александра Великаго съ выражениемъ бурной, дѣятельной силы, какъ интеллигентная, ученая физиономія Аристотеля и какъ лицо Менандра, съ свойственій ему чертой иронической наблюдательности, мы напрасно стали бы искать въ предшествующія эпохи»¹⁾. А у Буркгардга мы читаемъ: «Съ конца XIII столѣтія Италия начинаетъ наполняться личностями: преграды, стѣснявшія развивате индивидуализма, рушатся, и безпрепятственно выдѣляются тысячи отдѣльныхъ лицъ; тираническая власть развивается въ высшей степени индивидуальность самихъ властителей кондотьеровъ, а также и покровительствуемыхъ и эксплуатируемыхъ или талантовъ — тайныхъ секретарей, чиновниковъ, поэтовъ, членовъ корпорацій».

Подитическое равнодушие порождаетъ, въ особенности у изгнаниковъ, высочайший космополитизмъ. «Моя родина —

¹⁾ Нейбигъ, §. 185.

миръ», говорить Данте; «лишь тотъ, кто все изучилъ, вигдѣ не бываетъ чужеземцемъ; даже лишенный имущества и друзей, онъ — гражданинъ въ каждомъ городѣ и можетъ безъ страха взирать на превратности своей судьбы», говоритъ Гиберти.

Въ эпоху Возрождѣнія также, какъ и въ эллинизмѣ, обнаруживается въ художественной и научной области стремленіе къ познанію вещей въ ихъ реальномъ значеніи: въ художествахъ обращается большое вниманіе на детали; натурализмъ обнаженного тѣла въ искусствахъ опирается на чувственную утонченность эротического характера; чувственность развивается и выдѣляется въ эллинскомъ искусствѣ не менѣе, чѣмъ во времена Боккаччо. Намѣренное преувеличеніе чувствительности, сантиментальность является выдающейся характерной особенностью эпохи эллинизма; несчастная любовь служить непрерывно повторяющеюся темою поэтовъ, и оттѣнокъ грусти, меланхоліи лежитъ на многихъ физіономіяхъ того времени. Съ другой стороны, и пѣсни Петрарки исходить именно изъ его чувствительности, его мечтательного преувеличенія страданія.

Знакомство съ чужими странами повело въ Греціи къ подъѣму естествознанія въ особенности географіи, астрономіи, зоологии и ботаники; расширение физического и умственного горизонта Крестовыми походами и послѣдующими географическими открытиями пришло на помощь той универсальности, которая была также свойственна индивидуализму Возрождѣнія, какъ и эгоистическое стремленіе къ славѣ. Данте — не только великий поэтъ своего времени, но и астрономъ; Петрарка — географъ и картографъ, и Италія въ концѣ XV столѣтія, благодаря Паоло Тосканелли, Лукѣ Баччоли и Леонардо-да-Винчи въ математикѣ и естествознаніи стояла безусловно впереди всѣхъ народовъ Европы. Обширное распространеніе интереса къ естествознанію основывается, отчасти, на обнаружившемся еще прежде стремленіи къ составленію коллекцій, къ сравнительному изученію растеній и животныхъ; Италія славится первыми ботаническими садами и еще болѣе полезною склонностью владѣтельныхъ особъ и богатыхъ людей собирать въ своихъ садахъ возможно разнообразныя растенія со всѣми ихъ породами и разновидностями ¹⁾.

¹⁾ Buckhardt, II, 10.

Леонъ Баттиста Альберти, соединявший обширные теоретические знания съ техническимъ и художественнымъ умѣньемъ, выказываетъ высоко симпатическое, почти болѣзненное сочувствіе всему окружающему. При видѣ красивыхъ дерсвьевъ и роскошныхъ зрѣлыхъ полей онъ проливалъ слезы; не одинъ разъ онъ исѣялся отъ болѣзни видомъ красивой мѣстности. Красивая дорога, по его опредѣленію, должна представлять «то море, то горы, то проточное озеро или источникъ, то сухія скалы или равнину, то лѣсь и долину» ¹). Онъ любить также перемѣну; весьма любопытно, что онъ горы и скалы, противу полагая ихъ равнинамъ, находить прекрасными.

Во времена эллинизма любовь къ охотѣ, до того времени встрѣчающаяся лишь у македонянъ, становится развлечениемъ, которому знатные люди отдаются съ пышностью азіатскихъ царей въ своихъ *парадесахъ*. Писатели съ особеннымъ предпочтеніемъ заимствуютъ свои сравненія изъ обстановки охоты; но эти сравненія ви у кого не встрѣчаются такъ часто, какъ у Петрарки. Въ эпоху Возрожденія животныя приобрѣтаютъ значеніе символовъ процвѣтанія городовъ, съ суевѣрнымъ значеніемъ, какъ, напр., флорентинскіе львы.

Такимъ образомъ, подъемъ естествознанія, усиленный интересъ къ дѣйствительности и чувствительность послужили въ эллинизмѣ и въ Возрожденіи началамъ сантиментального возврѣнія на природу; красота пейзажа, какъ средство къ самому чистому удовольствію, одинаково признается эллинизмомъ въ древности и Возрожденіемъ въ средніе вѣка; послѣдняя эпоха только распространяетъ и усиливаетъ эллинское чувство природы. Буркгардъ не обратилъ достаточнаго вниманія на то, что уже въ эпоху эллинизма красота пейзажа находитъ цѣнителей и изобразителей, ради нея самой, но онъ совершенно справедливо замѣчаетъ ²): «Итальянцы ранѣе другихъ новѣйшихъ народовъ признали пейзажъ, какъ нѣчто болѣе или менѣе прекрасное, и наслаждались имъ... на вер-

¹⁾ Burckhardt I. c. O. I, p. 198 fin. de re aedificatoria I. VIII, c. 1: *si modo mare, modo montes, modo lacum fluentem fontesve, modo ariam rupem aut planitiem, modo nemus vallemque exhibebit.*

²⁾ Ср. Burckhardt, I S. 222 и S. 323 прим.

шинѣ среднихъ вѣковъ, около 1200 года, является вполнѣ наивное наслажденіе вѣнчаниемъ міромъ и съ живостью выказывается у миннезингеровъ различныхъ націй; они обнаруживаютъ величайшее сочувствіе къ самымъ простымъ явленіямъ, каковы весна и ея цветы, зеленые луга и лѣсъ. Но это только простой, передній планъ картины, безъ всякой перспективы». Если мы и находили слѣды симпатического чувства природы у миннезенгеровъ, если они вполнѣ сознательно воспѣвали природу и ея отдельныя, во всякомъ случаѣ достаточно стереотипныя явленія, то индивидуальное значение ландшафта, характерныя черты его формъ, красокъ, освѣщенія и проч., не затрагиваются у нихъ ни однимъ намекомъ.

Даже *Carmina Burana* идутъ въ этомъ отношеніи не иштимъ далѣе миннезенгеровъ, хотя и заслуживаютъ болѣе близкаго знакомства съ ними.

Всего вѣроятнѣе, что они принадлежатъ еще XII столѣтію; если эти латинскія стихотворенія бродячихъ клириковъ составляютъ общеевропейскій иродуктъ, то лучшія изъ нихъ должны быть приписаны не итальянцу, а французу. Латинская поэзія оживаетъ въ нихъ съ такой свѣжестью, какой она не достигала во время карловнігскаго Возрожденія, правда, въ средневѣковой формѣ, но съ кипучей жизненностью и чувственностью, едва-ли возможной для жителя сѣвера того времени; даже ихъ жизнерадостность и чувство наслажденія нерѣдко вырождаются въ легкомысліе. Но свѣжее дуновеніе, проникающее ихъ, указываетъ приближеніе національной весны, пробужденіе послѣ тяжелой зимней спячки среднихъ вѣковъ. Огромное разстояніе отдѣляетъ возврѣніе на природу, какое мы находимъ въ первомъ періодѣ развитія монастырской жизни, и то, какое обнаруживается въ яркихъ изображеніяхъ этихъ пѣсенъ. Если бы глазъ, привыкшій къ полумраку церквей и къ обнаженнымъ стѣнамъ келій, обладалъ самой усиленной впечатлительностью къ яркой синевѣ неба и къ радостной жизни въ полѣ и въ лѣсу, то постоянная борьба съ чувственностью должна была сдерживать монаховъ; они должны были въ природѣ видѣть болѣе опасность соблазна, чѣмъ величественныя, созданныя для удивленія и восторга творенія Божіи; «оши броили среди природы съ робкой заботой, и напуганное воображеніе рисовало имъ страшные образы или чудесныя избав-

лещя»¹). И если мы видѣли, какъ въ эпохѣ Каролинговъ общаруживалось идиллическое стремлѣніе къ мелкимъ, скромнымъ прелестямъ жизни среди природы, въ особенности въ монастырскихъ садахъ, эти вполнѣ свѣтскія пѣсни *vagantes clerici* показываютъ, что для нихъ природа «давно потеряла свою грѣховность и свободилась отъ всякаго демонического вліянія» и, даже болѣе, что она паселена привлекательными образами древней миѳической поэзии и создана для радости и поклоненія человѣка, въ самомъ обширномъ и наивномъ смыслѣ слова. Хотя и у нихъ весенняя пѣсни всего болѣе занимаютъ мѣста, но ихъ изображенія природы во многихъ отношеніяхъ разнообразнѣе и ярче, чѣмъ у миниезенгеровъ. Всѣ они дышать радостными чувствами жизни и природы.

Такъ, поэтъ²) радуется: «Вотъ начинается весна; весенними цвѣтами разнообразно одѣвается земля; къ радости располагаетъ сердце согласное пѣніе птицъ... это—время веселья»³). Пѣсни 98—118 еще болѣе ликуютъ по поводу того, что не-подвижная зима уже исчезла, что богиня цвѣтловъ раскрываетъ свое лоно, скованное холоднымъ морозомъ, что фавоний привель весну съ сладостнымъ шумомъ, роща одѣвается листвой, опять поетъ соловей, луга вновь пестрѣютъ разнообразными красками: «пріятно бродить по лѣсистой мѣстности, еще пріятнѣе рвать лиліи и розы, но всего пріятнѣе веселиться съ прекрасной дѣвушкой»⁴).

Другая пѣсня даетъ подобное же признаніе — любовь и природа всего лучше настроенные струны на лирѣ этого бродячаго клирика:— «Покойтесь подъ прелестнымъ сводомъ ли-

¹) Cp. Schnaase, «Geschichte der bildenden Künste», IV Bd., 1850, S. 70 ff.

²) «Carmina Burana», Gedichte einer Handschrift des XIII Jahrhunderts aus Benedictbeuren, Bibliothek des litterarischen Vereins zu Stuttgart, 1847, Bd. XVI, S. 117, № 33.

³) *Jam ver oritur, Veris flore variata Tellus redimitur. Excitat in gaudiam Cor coucentus avium Voce relativa... Tempus est laetitiae.*

⁴) *Flora iam pandit gremium vernali lenitate, quod gelu triste clau- serat brnmali feritate; dulce venit strepitu favonius cum vere... fronde nemus iuduitor; Jam cauit philomena, cum variis coloribus iam prata sunt amoena spatiari dulce est per loca nemorosa; dulcissimum est ludere cum virgine formosa,—cp. № 44, 49: Laetabundus rediit Avium coucentus, Ver iv cundum prodiit... Novo flore faciem Flora renovatur. Risu Jovis pellitar Torpor hiemalis.*

ствы, когда жалобно свищетъ соловей, весьма пріятно, но еще пріятнѣе весело проводить время на муравѣ съ прекрасной дѣвой... о, какимъ разнообразнымъ колебаніямъ поднержено любящее сердце! Подобно утлому членоку на волнахъ, лишенному якоря, оно носится между страхомъ и надеждой въ ту и другую сторону¹). Красивая дѣвушка украшается и сравнивается со всѣмъ, что есть самаго прекраснаго въ природѣ; глаза ея свѣтятся, какъ звѣзды, бѣлизна ея соперничаетъ съ лилиями и снѣгомъ, уста — съ розами, поцѣлуй ея прогоняетъ тучу всевозможныхъ заботъ. Въ лѣтнєе время, когда расцвѣтаютъ цѣпѣти, сидѣть въ тѣни развѣистаго дерева, когда птицы поютъ въ рощѣ, и наслаждаться краснорѣчіемъ своей «Тизбы» и бесѣдовать о пріятностяхъ любви, причемъ на колеблющихъ вѣсахъ сердца поперемѣнно поднимаются и опускаются — то легкая и свободная любовь, то цѣломудріе, или благосклонную дѣвушку, цвѣтокъ изъ цвѣтковъ, розу изъ розъ, звѣзду изъ звѣздъ, благодарить за даръ любви — вотъ самыя пріятныя и разрабатываемыя съ особеннымъ разнообразіемъ темы для поэта²). Всего привлекательнѣе стихотвореніе о «Филлидѣ и Флорѣ». Тамъ говорится: «Въ богатое цвѣтами время года, когда небо чисто и лено земли украшается пестрыми цвѣтами, сонъ покинулъ очи Филлиды и Флоры, когда вѣстникъ утренней зари про гналъ звѣзды; обѣ дѣвушки походили лицомъ на утренний

¹⁾ № 6: *Fronde sunt arboris amoena, Dum querens canit philomena, Suave est quiescere, Suavius ludere in gramine Cum virgine speciosa... O in quantis Animus amantis Variatur vaeillantis! Ut vaga ratis per aequora, Dum caret anchora, fluctuat inter spem metumque Dubia sic Veneris militia.* — Тотъ же поэтъ говорить съ сладострастіемъ сибарита: *Dum Diana vitrea Sers lampas oritur Et a fratis rosea Luce dum succenditur, Duleis aura Zephyri, Spirant omnes aetheri, Nubes tollit, Sic emollit Vi chordarum pectora Et inmutat Cor, quod nutat, Ad amoris pignora. Laetum iubar hesperi Gratiorem dat humorem Roris soporiferi Mortalium generi.*

²⁾ 41: *Sic beati spes alitur, Flagraus oris tenelli, Dum acclinat basium Scindit nubem omnium curarum etc.* 43: *Florigero tempore Sub umbrosa residens arbore, Avibus canentibus in nemore... meae «Thisbes» adoptato Fruebar eloquio, Colloquens de Veneris Blandissimo commercio... in trutina mentis dubia Flnetuant contraria Lascivus amor et pudicitia.* 50: *Vidi floram floridam, Vidi florum florem, Vidi rosam madii, Cunctis pulchriorem, Vidi stellam splendidam Cunctis clariorem, Per quam ego degeram semper in amorem.*

Свѣтъ... мягко шумѣлъ вѣтеръ, и тамъ было великолѣпное мѣсто съ зеленою муравою, и по самой муравѣ протекаѣтъ ручей, живой и свободный, съ болтливымъ шумомъ; и для того, чтобы солнечный зной не мѣшалъ дѣвушкамъ, около ручейка стояла стройная пиния, украшенная зеленою листвою, широко распространяющая вѣтви, и жаръ не могъ проникать туда снаружи; тамъ расположились молодыя дѣвы, и трава послужила имъ ковромъ». Затѣмъ «онѣ рѣшились отправиться въ рощу Амура; при входѣ въ нее журчить потокъ, вѣтеръ приносить оттуда благоуханіе мирры и бальзама; слышатся сотни тимпановъ и цитръ; тамъ звучать всѣ голоса птицъ: голосъ дрозда раздается пріятно и нѣжно, и болтливаго жаворонка, и горлицы, и соловья, и т. д. Человѣкъ, который остался бы тамъ, не зналъ бы смерти; каждое дерево радуется своему плоду; дороги благоухаютъ миррой, гвоздикой и бальзамомъ; по этому жилищу можно судить о его господинѣ»¹). Безъ сомнѣнія, здѣсь еще пѣтъ пейзажа въ настоящемъ смыслѣ слова, по какъ прекрасно нарисованы отдѣльныя подробности его, какою свѣжестью чувства проникнуты всѣ эти картины!

Болѣе глубокое впечатлѣніе пейзажа впервые обнаруживается у Данте. Данте и Петрарка продолжаютъ то, что было сдѣлано эллинизмомъ, и такимъ образомъ въ дальнѣйшемъ движении эпохи Возрожденія, такъ же, какъ и въ эпоху эллинизма, но еще индивидуальнѣе и субъективнѣе, находимъ мы сантиментальность любовной страсти въ сочетаніи съ идиллическимъ наслажденіемъ природой, сознательное стремленіе къ уединению

¹) № 65, De Phyllide et Flora: «Anni parte florida celo puriore, picta terrae gremio, vario colore, dum fugarat sidere nuntius Aurorae, liquit somnus oculos Phyllidis et Flora... ambae virgines... respondent facie luci matutinae, 6: Susurrabat modicum ventus tempestivus, locus erat viridi gramine festivus, et in ipso gramine defluebat rivus, vivus atque garrulo murmure lascivus. Ut puellis noceat calor solis minus, fuit iuxta rivulum spatiosa pinus, venustata foliis, late pendens sinus; nec intrare poterat calor peregrinus. Consedere virgines, herba sedem dedit... 59: Ad Amoris destinant ire paradisum... Ad ingressum nemoris murmurat flutum, ventus inde redelet myrrham et pigmentum, audiuntur tympana cytharaeque centum, 63: Sonant omnes volucrum linguae voce plena; vox auditur merulae, dulcis et amoena, corrydalus garrulus, turtur, philomena; 66: immortalis fieret ibi manens homo; arbor ibi quaelibet suo gaudet pomo; viae myrrha, cinnamo fragrant et amomo—coniectari poterat dominus ex domo.

и напыщенное восхищенье мирнымъ пейзажемъ, а также и грусть, и тоску, и поэзю развалинъ и гробницъ. Въ то же время возбуждали мечтательность развалины старого времени, эти нѣмые свидѣтели прошлаго; въ великолѣпныхъ садахъ, ихъ даже создавали искусственно, для усиленія элегического настроенія. Никто со временіи эллипизма не поднимается на высокія горы, ради прелести открывающихся оттуда видовъ, и, изъ болѣе новыхъ людей, Данте сдѣлалъ это первымъ. Въ «Божественной Комедии», поэтъ, блуждающій по небу и землѣ, аду и раю, рѣдко изображаетъ реальную природу, и то лишь въ сравненіяхъ. Но, какъ выражается Гумбольдтъ, онъ, въ концѣ первой пѣсни «Чистилища», неподражаемо описываетъ благоуханіе утра и дрожающій свѣтъ слегка подвижнаго, отдаленнаго зеркала моря (ст. 115) ¹⁾:

«Уже заря долѣла предрассвѣтный сумракъ,
Бѣжавшій передъ ней, и вдалекѣ
Могъ различать уже я колыхалъ моря».

Столь же величественно изображеніе прорыва облаковъ и поднятія рѣчныхъ водъ въ пятой пѣснѣ (109):

... «Воздухъ насыщенный претворился въ воду, И ливень палъ, и хлынули ручьями Землей непоглощенные воды избытки. Ручьи слились въ широкіе потоки И понеслись въ державный Арно Стремительно, ничѣмъ неудержимы».

Также полно поэзии и особенной прелести описание земного рая («Чистилище» XXVIII).

«Я шелъ впередъ, по всюду замедляясь
Мои шаги при взглядѣ на цветы;
Я увидалъ плѣнительное поле
Съ благоуханьемъ вѣчнымъ. Травъ листы
Отъ вѣтра колебались, и все болѣ
Свой разливался сладкій ароматъ,
Мнѣ никогда невѣдомый дотолѣ.
Таинственный какъ будто ожилъ садъ
Отъ ласки тиховѣйнаго зефира,
Но тотъ зефиръ, не вѣдая преградъ,
Былъ вѣженъ такъ, что, не наруша мира
И тишины, чело мое ласкалъ

¹⁾ L'alba vinceva l'ora mattutina. Che fuggia innanzi, si che di lontano, Conobbi il tremolar della marina.

И не смущать торжественного клира,
Которому въ эдемъ я внималъ;
Съ деревьевъ раздавалось птичекъ пѣнье,
Ихъ хоръ какъ бы молитву возсыпалъ
Къ Творцу мровъ въ то самое мгновеніе,
Благословляя въ звонкихъ голосахъ
Зари румяной раннее явленіе,
Когда она зардѣлась въ небесахъ;
И, пѣнья птицъ заслушавшись, дрожали
Зеленые листы на деревахъ
И, словно имъ въ отвѣтъ, благоухали.
Такой же точно шумъ порой идетъ
Въ лѣсу Кіаси, гдѣ мы всѣ слыхали
Эола гулъ, когда, летя съ высотъ,
Сирокко на свободу онъ пускаетъ,
Который мчится дальше и впередъ
И ропотъ свой вездѣ распространяетъ...
... И увидалъ передъ собой я вдругъ
Дорогу; чрезъ нее перебѣгая,
Скользилъ чистѣйшій, искристый потокъ,
Который, лѣвый берегъ орошаю,
Растеніе любое и цвѣтокъ
Лишь нѣжилъ благодатными струями,
Какихъ на свѣтѣ видѣть я не могъ»...

(Перев. Минаева.)

Многочисленныя сравненія, которыя поэтъ заимствуетъ изъ всѣхъ сферъ жизни природы, представляютъ собою небольшія пластическия картины, исполненныя жизненій правды; подобно приведеннымъ выше изображеніямъ, они обличаютъ глубокую проницательность и сердечное воспріятіе впечатлѣній природы. Цвѣты и птицы, море и буря, противополагаясь другъ другу, сближаются между собой. Въ «Аду» (V, 29), говорится:

«Я былъ въ краю, гдѣ смолкли свѣты лучей, Гдѣ воздухъ воетъ, какъ въ часъ бури море, Когда сразятся вѣтры средь зыбей!»

(Пер. Минаева).

Поэзія часто сравнивается съ плаваніемъ по морю, какъ, напр., въ «Чистилищѣ» (I, 1):

«Готовясь плыть по болѣе спокойнымъ водамъ, Мой утлый мысленій членокъ подъемлетъ снова парусъ, Оставивъ позади себя мучительное море».

или «Рай» (II, 1) и «Адъ», (VII, 13).

«Какъ спутавши наудутила Падутъ, какъ скоро мачту ихъ
спесло, Такъ рухнула чудовищная сила»...

Туть встрѣчаются звѣздное небо и солнце:

Чист. (II, 13) «И вотъ какъ часто предъ разсвѣтомъ самыи
Красиѣть сквозь пары густые Марсъ,— На западѣ внизу надъ гладью
моря Такимъ явился предо мной Столъ быстро приближавшійся по морю
свѣть»... Ср. Чист. XVII, 52; XIX. 10;

лѣсь и цвѣты:

«Адъ» IX, 67 «Пропеся трескъ... Такъ вихрь рожденъ борьбой жа-
ровъ изъ праха, Неистовый несется прямо въ лѣсъ И, на него обру-
шивши съ размаху, Ломаетъ вѣти, валитъ ини древесъ». II, 127:
«И какъ цвѣточки, стужею почною Согбенные, въ сребрѣ дневныхъ
лучей Встаютъ, раскрывши съ, на вѣтвяхъ главою,— Такъ я возвигся
добрѣстью моей». III, 112: «Какъ осеню въ лѣсу кружитъ Борей За
листомъ листъ, Доколь его порывы Не сбросяты въ прахъ всей роскопи
вѣтвей»...

(Перев. Минаева).

Пчелы, дельфины, лягушки, сиѣгъ, метеоры, солнечные
лучи сближаются между собою въ качествѣ параллелей, по
большей части, съ индивидуальной окраской, съ яркимъ изо-
браженіемъ деталей ¹⁾.

Но самый крупный шагъ по направлению къ новѣйшей
поэзіи дѣлаетъ Петrarка; значеніе его въ исторіи развитія
чувства природы непонятнымъ образомъ ускользнуло отъ вни-
мания и самого Гумбольдта въ его знаменитомъ очеркѣ во
II-й части «Космоса» и его комментатора Шаллера, такъ же
какъ и Фридлендера. На самомъ дѣлѣ, когда мы обращаемся
отъ эллинизма къ поэзіи Петrarки, намъ кажется, что элли-
низмъ отдѣляется отъ Возрожденія не промежуткомъ времени
въ полторы тысячи лѣтъ, а какъ будто, мотивы, впервые за-
тронутые въ эллинизмѣ, лишь у Петrarки превращаются въ
ясную мелодію. То, что мы называемъ новымъ направлениемъ
въ искусство, произошло отъ освѣжения народнаго духа Ита-
лии XIII вѣка античной поэзіей. Тогда возродилось и чувство
природы и двинулось далѣе на пути своего развитія, какъ
въ отношеніи воззрѣнія на красоту пейзажа, такъ и въ смыслѣ
чувствительности. Многіе мотивы эллинизма, въ томъ видѣ,
въ какомъ они отразились у римскихъ поэтовъ императорской

¹⁾ Parad. XXXI, 7, Inferno XXII, 19, Purg. XXX, 85, Parad. XV, 13, XVII, 123.

эпохи, мы вновь встречаемъ у Петрарки, въ поэзіи котораго сходятся, такимъ образомъ, древній міръ и вновь народившаяся эпоха. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ поэзіи его есть особенность, къ которой примѣшано нечто, едва только звучавшее въ древности и постепенно возникающее вновь: это — новѣйшая субъективность, новѣйший индивидуализмъ, относящійся къ тому, что мы видѣли въ древности, такъ же, какъ вполнѣ распустившійся прѣтокъ относится къ нераскрывшейся почкѣ. Петрарка — одинъ изъ первыхъ дѣйствительно заслуживающихъ имени новѣйшаго человѣка; въ немъ новы — образъ его мыслей и чувствъ, его сантиментальность, его медацхолія; въ немъ ново то, что онъ «болѣе многихъ до и послѣ него, стремится познать себя и познаваемое представить другимъ» (Гейгеръ). Геттнеръ справедливо замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что къ канцонамъ и сонетамъ Петрарки можно бы поставить эпиграфомъ (гетевское?) выраженіе изъ «Франкфуртской ученої газеты» 1772 года: «Онъ открылъ свое сердце». Онъ чувствуетъ съ полной ясностью сознанія, какой счастливый и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастный дарь — чувствительное сердце; онъ прислушивается ко всѣмъ его движеніямъ, онъ убаюкиваетъ его, какъ болѣпое дитя. Теплота и искренность чувства соединяется у него съ неслыханной тщеславной оцѣнкой самого себя, съ фальшивой фразой, съ безмѣрной «свободой духа страсти». Онъ вполнѣ чувствуетъ ту сантиментальную болѣзнь, какую называетъ «acedia», и желаетъ излѣчиться отъ нея. Это слово имѣть свою исторію. Если у грековъ, какъ, напр., у Аполлонія ¹⁾, оно означаетъ беспечность, распущенность и соединяется съ родительнымъ *υδοι* такъ же, какъ *λυει* — огорченіе, по объясненію схолаистовъ, то въ средніе вѣка оно становится «охлажденіемъ къ духовному благу, насколько оно есть божественный дарь», той монастырской болѣзни, которую одинъ монахъ лѣтописецъ опредѣляетъ, какъ «грусть или отвращеніе, происходящее отъ умственнаго заблужденія, или крайнее душевное огорченіе, уничтожающее душевную веселость и заставляющее духъ, какъ бы въ отчаяніи, обращаться внутрь самого себя»; у Данте оно обозначается, какъ такое состояніе, когда «пріятный, лучезарный кругъ воздуха кажется мутнымъ», т. е. охлажденіе къ добруму и прекрасному.

¹⁾ Argan. II, 219, III, 260, 298; ср. Cic. ad Att. IV, 18, 3.

Болѣе новый смыслъ, какой это слово получаетъ у Петрарки превосходно опредѣляетъ Гейгеръ, говоря, что это не грѣхъ въ духовномъ смыслѣ и не страданіе въ свѣтскомъ значеніи слова ¹⁾), но нѣчто чисто человѣческое, свойственное именно самимъ способнымъ людямъ, борьба между сущностью и видимостью, стремленіе наполнить пустоту ежедневной жизни, несчастное состояніе, отчаяніе, являющееся вслѣдствіе сравненія спокойствія большинства и мучительного беспокойства своей собственной души, сознаніе, что результаты, стремленія и созданія не соотвѣтствуютъ усилиямъ, заключеніе, что человѣческая жизнь есть вѣчный недостойный и измѣняющейся круговоротъ, гдѣ худшее идетъ впередъ, а лучшее остается позади, другими словами, пессимизмъ, меланхолія, мировая скорбь». Петраркѣ знакомо и то чувство, какое Гете называлъ «Wonne der Wehmut», *dolendi voluptas*. Такъ, онъ сознается въ 5-й строѣ IV Канцоны:

«Меня радуетъ, когда текутъ мои слезы, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы глаза мои всегда были исполнены грусти, а сердце—страданія Я могу чувствовать отраду лишь тогда, когда во мнѣ обильнѣе течетъ источникъ печали».

И въ 189 сонетѣ: «Вѣчно проливать слезы—моя высшая отрада» ²⁾). Душевное терзаніе вслѣдствіе мировой скорби характернымъ образомъ соединяется у него съ этой наклонностью къ страданію въ 6-й строѣ XX Канцоны.

«О міръ, о пустота суеты! О судьба, куда хотите вы меня увлечь?.. Я почерпаю лишь страданіе изъ любви и вѣрности... Да, если я не заблуждаюсь, скорый конецъ есть милостивый даръ... И все-таки, канцона, я остаюсь на своемъ мѣстѣ; бѣгство и трусливая смерть не благородны; я самъ долженъ порицать себя за такую печаль, такъ какъ меня отрадно облегчаютъ слезы, боль и раны. Невольникъ любви! царства всей земли не имѣютъ того блага, которое равнялось бы моей печали» ³⁾). XXIV Канцону онъ заключаетъ словами:

¹⁾ Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland, Berlin 1882. («Oncken», Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen II, 8). S. 26.

²⁾ Laqrimer sempre ē'l mio sommo diletto.

³⁾ Servo d'Amor, che queste rime leggi, Bon non ha'l mondo, che'l mio mal pareggi.

Увы! ничто, кроме скорби, не прочно на землѣ ¹⁾.

Эта усиленная, въ новѣйшемъ смыслѣ, внутренняя жизнь и въ особенности вполнѣ сентиментальная сердечная жизнь освѣжается всего болѣе непосредственной, совмѣстной жизнью съ природой. Стихотворенія Петrarки полны образами и сравненіями. То любовь ему кажется дыханіемъ весны, разрушающимъ ледъ его сердца (I, 2), то чувствуетъ онъ себя, какъ свѣжо и гордо зеленѣющій лавръ, то олепемъ, отдѣленнымъ отъ міра, безпокойно блуждающимъ изъ одного лѣса въ другой, то пламенемъ, разряженнымъ молniей.

«Разцвѣтъ юности уже прошелъ, и все оковывающій морозъ спустился въ мое сердце; заграждая доступъ каждому пѣжному порыву, онъ держитъ его въ алмазной корѣ... (Стр. 6). И никогда въ солнечныхъ лучахъ такъ не растоплялся снѣгъ, какъ размягчилось все мое существо» ²⁾.

Любовь для него—веселая полуденная синева неба среди сумрака ночи (Канц. IV), или она падаетъ какъ сияющій небесный свѣтъ въ его сердце или, подобно свѣжему лугу, на которомъ пробиваются цветы, послѣ того, какъ міръ былъ долго скованъ покровомъ зимы.

Подобно римскимъ и греческимъ поэтамъ, онъ прибѣгасть къ изображению невѣроятныхъ явлений природы (сон. XLIII).

«Ахъ, скорѣе потеплѣсть и почернѣсть яркая бѣлизна снѣга, море стать безводнымъ и солнце зайдетъ тамъ, гдѣ Тигръ и Ефратъ выбѣгаютъ изъ одного и того же источника, чѣмъ я найду покой и миръ (съ амуромъ).»

Чтобы изобразить безчисленное множество своихъ мыслей, онъ пользуется тѣми же сравненіями, какъ и древніе поэты (VII секстина).

«Не столько животныхъ скрываютъ морскія волны, не столько звѣздъ надъ кругомъ міра видѣтъ самая свѣтлая ночь, не столько птица живеть въ лѣсу, не столько злаковъ прорастасть на влажномъ мѣстѣ, сколько мыслей приходятъ ко мнѣ каждый вечеръ».

Во все времена любовь считается лучшей истолковательницей природы, и при томъ несчастная считается болѣе глубокой,

¹⁾ Ahi null'altro che pianto al mondo dura.

²⁾ Ne giammai nere sotto al Sol disparre, Com'io senti ne tutto venir meno.

чѣмъ счастливая. То же мы видимъ и у Петрарки. Множество его пѣсепъ заключаютъ въ себѣ жалобы на несчастную любовь. Но въ дни блаженнаго наслажденія труднѣе выговаривается слово, изображающее то, что не поддается выражению. Въ глазахъ возлюбленной красота природы отражается въ еще болѣе прекрасномъ видѣ (сонетъ 111):

«Никогда я не видалъ, чтобы солнце такъ царственно благосклонно поднималось на небѣ, когда разсѣиваются туманы, или чтобы, послѣ дождя, небесная дуга выказывала въ воздухѣ такие разнообразные цвета, какъ видѣлъ я, преображенными въ пламень, очи, съ которыми ничто не можетъ сравниться на землѣ» ¹⁾.

Глаза возлюбленной—для него звѣзды (сон. 126).

«Въ прекрасной глубинѣ спокойныхъ рѣсницъ пара моихъ вѣрныхъ звѣздъ блеститъ такъ ярко, что никакой другой свѣтъ не можетъ ни отклонить, не превозмочь того, которому вѣвѣряется высшая любовь» ²⁾.

Онъ завидуетъ цветамъ, на которыхъ она покоится, воздуху, обвѣщающему ея лапиты (сон. 128):

«Блаженны вы, о, цветы, которые часто попираетъ чистая дѣва, о, легкие отпрыски, о, высоты, гдѣ рисуются еще слѣды ея прекрасныхъ ногъ... И ты, тѣнистый лѣсъ, проникнутый солнечнымъ свѣтомъ... Какъ я завидую вашей близости въ прекрасной!..»

Какъ Напса у юнкера, его возлюбленная очаровываетъ природу своей красотой; когда она была еще ребенкомъ, отъ нея исходила новая жизнь на окружающую природу (Канцона XXV, стр. 6):

«Подъ ея еще слабыми, невѣрными шагами уже зеленѣла лоза, блестѣли камни, вода свѣтилась; блескъ и пышность давали лучамъ ея маленькия руки и ножки; ея глазки украшали кругомъ луга цветами...»

То же въ сонетѣ 131:

«Когда ея блестящая нога по свѣжему лугу цѣломуд-

¹⁾ Né così bello il Sol giammai levarsi Quando il ciel fosse più di nebbia scarso, Né dopo pioggia vidi'l celeste arco Per l'acre in color tanti variarsi...

²⁾ Del bel seren delle tranquille ciglia Sfavillan si le mie due stelle fide...

ренно прокладываеть прелестные слѣды, кажется, что вол-
пующіеся цѣѣты и трава выростаютъ изъ-подъ ся ногъ» ¹⁾.

Если она далеко отъ него, о ней говорить и напоминаетъ
всѧ живущая и движущаяся природа (сон. 142):

«Я ее слышу, когда шепчутъ вѣти и листья, когда раз-
даются жалобы птицъ и журчащая вода пробѣгаєтъ по лу-
гамъ. Рѣдко молчаніе и уединеніе тѣнистаго лѣса мнѣ такъ
нравилось» и т. д. ²⁾.

Это уже напоминаетъ стихи Гете:

Ich denke dein, wenn mir der Sonne Schimmer
Vom Meere strahlt,
Ich denke dein, wenn sich des Mondes Flimmer
In Quellen malt...
Ich hör' dich, wenn dort mit dumpfen Ranschen
Die Welle steigt,
Im stillen Haine geh' ich oft zu lauschen,
Wenn alles schweigt... ³⁾.

Точно также и Петрарка признается, что во всѣ времена года
онъ думаетъ о ней, единственно любимой имъ (Канц. XV, 2).

«Когда земля съ юношеской пышностью вновь одѣвается
свѣжею зеленью, я вижу, какъ нѣкогда я бродилъ по ней,
и вижу дѣвочку, которая превратилась въ прелестную жен-
щину. Когда солнце поднимается выше и выше, горячая пора
года сходна съ пыломъ любви, управляющимъ всѣми серд-
цами... Въ то время, когда болѣе частливыя звѣзды пріоб-
рѣтаютъ силу, и холодъ убѣгаєтъ передъ дыханіемъ запад-
наго вѣтра, когда листья и фіалки выступаютъ изъ почекъ,
я вижу только тѣ листья и фіалки, которыми нѣкогда, при
началѣ моей борьбы, амуръ покорялъ меня, и лишь ту пору,
которая прелестно облекала прекрасное тѣло и пѣжные дѣт-

¹⁾ Come'l candido pi  per l'erba fresca J'dolci passi onestamente
move; Virt , ch n torno i fiori apra e rinnove, Delle tenere piante seu
per ch'esca.

²⁾ Parmi udirla udendo i rami, e l'ore; E le frondi e li augel lag-
narsi, e l'acque Mormorando fuggir per l'erba verde. Raro un silenzio,
un solitario D'ombrosa selva mai tanto... (Ср. сон. 160 и 182).

³⁾ Я думаю о тебѣ, когда передо мной блескъ солнца отражается
отъ моря; я думаю о тебѣ, когда сіяніе мѣсяца рисуется въ источни-
кахъ... Я слышу тебя, когда тамъ съ глухимъ шумомъ поднимается
волна; я часто хожу прислушиваться въ тихую дубраву, когда все
молчать...

ские члены. Такъ и всегда я думаю вновь о женщинахъ, исполненной скромности, о почекъ, распустившейся раньше времени, отъ которой произошла моя печаль и передъ которой она исчезаетъ. Если я вижу, какъ нѣжный снѣгъ свѣтится на горахъ въ лучахъ полуночи, я думаю, что такъ же, какъ снѣгъ уступаетъ солнцу, я покоряюсь любви... Всегда, когда я видѣлъ, какъ въ ясномъ воздухѣ, послѣ ночного ливня, сверкаютъ звѣзды, какъ свѣтъ искрится на росѣ, передо мной являлось сияніе прелестныхъ глазъ... Когда гдѣ-либо бѣлые розы, перемѣшанныя съ красными, стоятъ въ золотыхъ сосудахъ, мнѣ кажется, что я вижу ея милое лицо... Но когда дыханіе западнаго вѣтра уносить бѣлые и желтые цвѣты, у меня передъ глазами то мѣсто и тотъ день, когда я узналъ впервые развѣвающіеся золотые локоны и воспламенился такъ быстро... Невозможно назвать число тѣхъ звѣздъ или заключить море въ небольшой сосудъ, и также невозможно на маленькой страницѣ разсказать, сообразно желанію моего сердца, какъ она, цвѣтъ женщины, тысячами лучей во все стороны кругомъ разливается свѣтъ...»

Несмотря на многословіе, съ которымъ поэтъ сопоставляетъ сравненія и описанія, нельзя не замѣтить здѣсь чего-то современного намъ, рефлексиваго. Онъ становится еще краснорѣчивѣе и въ то же время искреннѣе, когда солнце его жизни начинаетъ склоняться къ закату, когда цвѣтокъ начинаетъ увядать.

Для послѣдняго состоянія онъ находитъ все новые и новые образы въ жизни природы, какъ мы это видимъ въ 24 канцонѣ. Стоя у окна, онъ замѣчаетъ, какъ въ его воображеніи возникаютъ посгоянно мѣняющіеся образы. Онъ видѣть дикое животное, разрываемое двумя собаками, корабль, сокрушаемый бурей, стройное, лавровое дерево, падающее въ лѣсу отъ удара молнии.

«Среди кустовъ, выходя изъ скалы, протекалъ чистый источникъ, нѣжныя волны котораго, съ пріятнымъ журчаньемъ, стремились впередъ; въ укрытомъ, тѣнистомъ мѣстѣ не отыхали никогда ни земледѣлецъ, ни пастухъ; тамъ мирно пѣли лишь пимфы и музы—и вдругъ разверзлась пропасть и поглотила и самое мѣсто и источникъ...»

Если въ блаженные дни обладанія, природа отражала его счастіе и вѣнчаній міръ гармонировалъ съ его внутреннимъ міромъ («когда я увидалъ ее, была весна въ природѣ и въ

моей жизни»), то въ пору страданія смѣющійся, звучацій весеній міръ составляеть противуположность его печальному настроенію (сонетъ 268).

«Зефиръ возвращается и приводить съ собою прекрасное время и цвѣты, траву, свою милую семью; болтаетъ дроздъ и плачетъ соловей; бѣла и румяна весна. Луга смѣются и небо ясно; Юпитеръ радуется, видя свою дочь; воздухъ, вода и земля полны любовью; каждое животное проникнуто ею. Но ко мнѣ, увы! возвращаются только вздохи и жалобы; пѣніе птицъ и киванье цвѣтовъ и прекрасныя женскія лица кажутся мнѣ дикой пустыней»¹).

Печальный напѣвъ соловья какъ будто разсказывается ему въ ночной тишинѣ его собственное горе (сон. 269):

«Соловей, который тамъ такъ нѣжно плачетъ, потерявъ вѣрную подругу или дѣгей, въ своеѣ сладкомъ томлениі не хочетъ знать ни неба, ни луговъ; звучно вырываются жалобы изъ его груди и, не прекращаясь всю ночь, какъ будто пересказываютъ мою тяжелую судьбу...» «Кругомъ по долинамъ разносятся мои вздохи, рассказывающіе невзгоды моей жизни», жалуется онъ въ первой канцонѣ, а въ 3 строфѣ VII канцоны онъ восклицаетъ: «О холмы, долины, лѣса, луга, ручьи, бывши свидѣтелями моей скорби! какъ часто вы слышали, что я призывалъ къ себѣ смерть», — и въ заключительной строфи XIII канцоны: «Здѣсь, думаю я, можно было видѣть ея плѣнительное сіяніе! Когда я срываю цвѣтокъ или стебель, мнѣ кажется, что все это возрасло на той землѣ, гдѣ она нѣкогда ходила, гдѣ между рѣкой и холмами она иногда садилась въ зелени, окруженная цвѣтами». Мертвая какъ будто постоянно находится вблизи его (сон. 237): «Когда птички стонутъ, и въ зеленыхъ вѣтвяхъ вздрагиваются съ мягкимъ шопотомъ лѣтніе зефиры, когда съ глухимъ рокотомъ поднимаются легкія волны и боятся въ усѣянный цвѣтами свѣжій берегъ, я сижу и пишу, отдаваясь любви, и ту, которую небо намъ показало, а земля скрыла, я вижу тогда

¹) Zefiro torna, e'l bel tempo rimena, E i fiori e l'erba, sua dolce famiglia; E garris Progne; e pianger Filomena; E primavera candida e vermiciglia. Ridano i prati, e'l ciel si rasserenata; Giave, s'allegra di mirar sua filia; L'aria e l'acqua e la terra, è d'amar piena; Ogni animal d'amorsi ricansiglia.

еще живою, откликающейся издалека на мои вздохи: «Зачемъ было отвеять раньше времени?» говорить она, полная состраданія».

По природѣ въ то же время ободряетъ его, не позволяя слишкомъ предаваться своему горю (сон. 238): «О любви говорить мнѣ все, что я вижу,—ручьи, деревья, птички, рыбы, цветы и трава, все просить, чтобы я любилъ, такъ же какъ и всегда» ¹).

Однако, съ тѣхъ поръ какъ возлюбленной его уже нѣть, міръ кажется для него лишеннымъ солнечнаго свѣта (сон. 293): «Смерть, ты лишила землю солнца... и воздухъ, и море и земля должны грустить».

Такимъ образомъ поэтъ чувствуетъ радость и горе, какъ человѣкъ нашего времени, и во всѣхъ своихъ настроеніяхъ, ликуетъ-ли онъ отъ счастія или плачетъ отъ горя, онъ вводитъ природу въ кругъ своихъ мыслей, находить въ ней гармоніи или противоположенія своему чувству и одушевляетъ ее своею собственною радостью или горестью. Она его подруга, изливающая бальзамъ на болѣвое сердце; ей онъ высказываетъ свое страданіе, и она должна вмѣстѣ съ нимъ оплакивать умершую такъ же, какъ нѣкогда въ ней все было отраженіемъ души, отблескомъ красоты возлюбленной.

Со временемъ эллинизма Петрарка первый съ полнымъ сознаніемъ ощущаетъ прелестъ уединенія въ лѣсу и долинѣ, гдѣ никто его не видить и не слышитъ. Такъ, онъ говоритъ въ сонетѣ 239: «Какъ часто въ сладкомъ уединеніи, убѣгая отъ другихъ и, если бы это было возможно, отъ себя самого, я обливалъ слезами траву и мою грудь» ²).

Мысль Шиллера: «свѣтъ повсюду совершененъ, куда человѣкъ не приходитъ со своимъ мученіемъ» встрѣчается уже у Петрарки въ канцонѣ 17: «Отъ одной мысли къ другой, съ горы на гору меня ведетъ амуръ; всѣ торные дороги не даютъ мнѣ нужнаго покоя. Лишь между холмами у ручья, въ тѣнистой долинѣ, душа наслаждается миромъ... На высокихъ горахъ, въ темныхъ лѣсахъ, нахожу я нѣкоторый по-

¹) L'acque parlan d'amore e l'ora e i rami, E, gli augelletti e i pesci e i fiori e l'erba Tutti insieme pregendo ch'i! Sempr' ami.

²) Quante fiate al mio dolce ricetto Fuggendo altrui i s'esser può me stesso Vo can gli occhj bagnando l'erba e'l petto...

кой; всякое обитаемое мѣсто—смертельный врагъ для моихъ очей...» ¹⁾.

Въ дали отъ мірской суеты онъ съ тоской вспоминаетъ тамъ о возлюбленной; то она представляется ему у чистаго источника, на зеленомъ лугу, такою, какою она явилась ему въ серебристомъ облакѣ, подъ вѣтвями бука, то горе поднимается въ его груди—«тогда я измѣряю взоромъ всю мою печаль, говорить онъ, и слезы, какъ густой туманъ, облекаютъ мое сердце»; думая о разстояніи, какое его отдаляетъ отъ нея, онъ говоритъ: «тамъ назади тѣхъ Альпъ, гдѣ небо весело смеется, ты опять увишишь меня у серебряного ручья, гдѣ надъ покровомъ изъ цвѣтовъ вѣтъ сладкій запахъ съ лавровыхъ вѣтвей; тамъ осталось мое сердце и та, которая его ранила». Кому это не напомнить гетевское «*Kennst du das Land?*»?—Въ сон. 27 поэть ищетъ уединенія, гдѣ не было бы человѣка: «уединенно и задумчиво я прохожу черезъ самыя пустынныя поля медленными и лѣнивыми шагами и оглядываюсь, чтобы бѣжать оттуда, гдѣ человѣческій слѣдъ отпечатался на пескѣ», ²⁾ и въ сон. 220, «Постоянно я всего болѣе искалъ уединенія—объ этомъ знаютъ потоки, поля и кустарники».

Любовь къ уединенію и чувство красоты природы обусловливаютъ или увеличиваютъ другъ друга; у Петрарки, такъ же какъ у Данте, къ нимъ присоединяется еще научный интересъ къ природѣ и возбужденіе къ умственной работе, доставляемое природой. «Наслажденіе природой для него самый желанный спутникъ каждого умственного занятія; сочетаніе обоихъ лежитъ въ основе его жизни ученаго алахорета въ Воклюзѣ и въ другихъ мѣстахъ, его периодическое бѣгство отъ людей и свѣта» ³⁾. Онъ написалъ книгу «О жи-

¹⁾ *Di pensier in pensier di mante in mante Mi guida Amor; ch'ogni segnato calle Provo contrario alla tranquilla vita. Se'n solitaria piaggia rivo o fonte Se'nfra duo poggi siedi ambrosa valle, Jai s' acqueta l'alma sbi gottita... Per alti manti, e per selve aspre travo Qualche riposo; ogni abitato loco E' nemico mantal digli acchj miei...*

²⁾ *Solo e pensoso i piu deserti campi
Vo misurando a passi tardi e lenti;
E gli occhi parto per fuggire intenti
Dave vestigio uman l'arena stampi.*

³⁾ *Burckhardt, S. 16.*

зни одинокаго» (*De vita solitaria*); на берегахъ спокойной рѣчки Сарги въ романтической Воклюзѣ, онъ наслаждался уединенiemъ и красотою мѣстности въ такой степени, что предпочиталъ имъ все великолѣпіе свѣта. Тамъ же онъ пишетъ: «О, еслибы ты могъ угадать, съ какой отрадой я дышу свободный, отрѣшенный отъ свѣта, между лѣсомъ и горами, потоками и рѣчками и между книгами остроумныхъ людей» ¹⁾).

Правда, ему еще рѣдко удаются изображенія природы отдаленно отъ своего личнаго настроенія, каковы, напр. его изображенія залива Спеціи и порта Венеры, въ концѣ VI-й пѣсни поэмы «Африка». Но мы видѣли уже, что горы, при всей своей пустынности, могутъ казаться ему прекрасными; такъ онъ говоритъ о горахъ, ограничивающихъ восточную часть Лигурійскаго моря (*Riviera di Levante*): «Возвышенности, отличающіяся пріятнѣйшей дикостью и удивительнѣйшимъ плодородіемъ» ²⁾.

Красота пейзажа побуждаетъ его, какъ онъ самъ говоритъ, ³⁾ къ продолженію поэмы; онъ изображаетъ яркими красками бурю въ Неаполѣ 1343 г. ⁴⁾, землетрясеніе въ Базель ⁵⁾. И какъ мы ясно видимъ въ одной канцонѣ, онъ мечтаетъ о далекой перспективѣ, открывающейся съ высокихъ горъ. Тамъ съ души его спадаетъ тяжесть, гнетущая ее: въ болѣе лѣкомъ воздухѣ ему дышется свободнѣе и мягче. Въ этомъ отношеніи, онъ одинъ изъ первыхъ предшественниковъ Руссо, но это «романтическое» чувство онъ выказываетъ въ характерномъ для него ограниченномъ размѣрѣ. Въ своемъ письмѣ отъ 26 апрѣля 1335 г., писанномъ къ Діанизіо да Барго Сань-Сеполькро и крайне интересномъ для времени и личности автора, онъ изображаетъ восхожденіе на гору Ванту (*Ventoux*), близъ Авиньона; это восхожденіе онъ предпринималъ 32 лѣтъ и испытывалъ при этомъ чистѣйшее наслажденіе, недоступное для сопровождавшихъ его лицъ; они чув-

¹⁾ VII, 4 epist. famil. ed. Fracasse tti vol. I, p. 367: *Interea utinam scire posses, quanta cum voluptate solivagus ac liber, inter montes et nemora, inter fontes et flumina, inter libros et maximorum hominum ingenia respiro*, ep. p. 316 f., 334 f.

²⁾ Itinerar. syr. p. 571, Burckhardt II, 81, прим.

³⁾ Loci specie percussus, Burckhardt I, 200.

⁴⁾ Epp. famil. I, p. 263.

⁵⁾ Epp. senil. X, 2 и *De rem. utr. fart.* II 91.

ствовали только утомление отъ трудностей пути, даже и тогда, когда увидали облака у себя подъ ногами, между тѣмъ какъ это зрѣлище произвело на Петrarку подавляющее впечатлѣніе. Это письмо говоритъ также, что чувство природы, въ конечномъ результаѣ, доходитъ у него до особаго ощущенія ея, до склонности къ уединенію и тишинѣ лѣса, хотя въ то же время, его привлекаютъ горныя вершины, одиноко возносящіяся къ небу. И онъ не только вполнѣ чувствуетъ наслажденіе подъема на высокую гору, несмотря на всѣ трудности, когда говоритъ: «день былъ длиненъ, воздухъ ласково мягокъ, душа свѣжая, тѣло сильно и ловко; все это помогало намъ въ нашемъ странствованіи, лишь характеръ мѣстности служилъ намъ препятствіемъ», ¹⁾—но онъ наслаждается вполнѣ и прелестью романтическаго вида; «Прежде всего, я стоялъ тамъ въ удивленіи, пораженный необычнымъ дуновеніемъ воздуха и подавленный обширностью открывавшагося вида, я оглядываюсь: подъ моими ногами носились облака; Аѳонъ и Олимпъ казались мнѣ уже менѣе невѣроятными; я обращаю мои взоры въ сторону Италии; близко казались мнѣ покрытая снѣгомъ вершины Альпъ, хотя онъ такъ далеко отсюда... Марсельскій заливъ... сама Рона... лежали передъ нашими глазами» ²⁾). Какъ нельзѧ болѣе ново и то, что обширный видъ горъ, земли, рѣки и моря побуждаетъ его взглянуть на свою прошлую жизнь и свой внутренній міръ; въ его душѣ вновь выступаетъ его юность со всѣми ея безумствами; онъ вспоминаетъ, что въ тотъ же день, десять лѣтъ тому назадъ, онъ выходитъ юношой изъ Болоньи и обращаетъ страстный взоръ къ Италии; ему припоминаются признания блаж. Августина, и его взоръ падаетъ на слѣдующее мѣсто въ десятомъ отдѣлѣ: «И идутъ люди туда, и дивятся на высокія горы, и обширные приливы моря, и на могучія стремящіяся туда рѣки, и на теченіе звѣздъ, забывая лишь при этомъ самихъ себя.» Его

¹⁾ *Dies longa, blandus aer, animorum vigor, corporum robur ac dexteritas... cunctibus aderant, sola nobis obstabat natura loci.*

²⁾ *Primum omnium spiritu quodam aeris insolito et spectaculo liberiare permotus stupenti similis steti; respicio: nubes erant sub pedibus; iamque mihi minus incredibilis facti sunt Athos et Olympus... dirigo dehinc oculorum radios ad partes Italicas... Alpes ipsa rigentes ac nivosa iuxta mihi visae sunt, cum tamen magno distent intervallo... Massiliae fretum..., Rhodanus ipse sub oculis nostis erat...*

брать, которому онъ читаетъ эти слова, не можетъ понять, почему онъ всмѣдь затѣмъ закрываетъ книгу и умолкаетъ.

Уже при первыхъ восхожденіяхъ на горы онъ вполнѣ со-знаеть, что совершаеть нѣчто необыкновенное, даже непонят-ное для его современниковъ (за исключеніемъ Данте); онъ оправдываетъ себя указаніемъ на Македонскаго царя Филиппа V и полагаетъ, что если это не осуждается въ престарѣломъ царѣ, то это можно извинить молодому человѣку средняго со-словія. Но когда онъ, какъ мы видѣли выше, вполнѣ погру-жается въ восхищенное созерцаніе и случайно открываетъ столь подходящее для него мѣсто въ сочиненіи блажен. Ав-густина, онъ останавливаетъ себя и негодуетъ на то, что такъ много восхищается земнымъ, и обращаетъ свой взоръ въ свою душу,¹⁾ и присоединяетъ къ своему письму раз-сужденіе теологическаго характера, соотвѣтственно тому лицу, кому предназначено письмо—его духовнику. Вмѣстѣ съ тѣмъ это письмо, въ которомъ соединяется чистое, новѣйшее на-слажденіе природой,²⁾ и догматико - аскетическое обращеніе внутрь самого себя, раскрываетъ передъ нами сердечную двой-ственность человѣка, стоящаго на перекресткѣ двухъ эпохъ;

¹⁾ Obstupui... iratus mihi met, quod nunc etiam terrestria mirarer, qui iampridem discere debuisse nihil praeter animum esse mira bile, cui magno nihil est magnum.

²⁾ Дюбуа-Рейманъ по справедливости оѣпываетъ это, но вообще не признаетъ чувства природы у Петрарки, когда въ своей статьѣ «Исторія культуры и естествознанія» (Kulturgeschichte und Naturwissen-chaft, Deutsche Rundschau, Bd. XIII S. 225), изобилующей оригинальными мыслями, но вмѣстѣ съ тѣмъ и поверхностными преувеличен-ными сужденіями, желая представить отношеніе человѣка среднихъ вѣ-ковъ къ природѣ, воспроизводить означенное письмо Петрарки и заклю-чаетъ его слѣдующими словами: «Полный стыда и раскаянія, безъ еди-наго слова на устахъ, спускается онъ съ горы. Несчастный, лишь на одну минуту забывъ о спасеніи своей души, отдался невинному наслажденію и, вмѣсто того, чтобы погружаться въ мракъ своей души, бросиль взглѣдь на привлекательный чувственныій міръ. У западнаго человѣче-ства была въ то время такая большая душа, что это могло добросовѣст-наго, чувствительнаго, не слишкомъ сильнаго мыслью человѣка, каковъ Петрарка, привести въ самое болѣзпенное противорѣчіе съ самимъ со-бою». Даже допуская это—хотя оно и изображено у нашего автора слишкомъ трагически—именно тогда, міръ начинай освобождаться отъ тяготившихъ его узъ. Доказательство этого всего яснѣе представляеть Петрарка.

духъ среднихъ вѣковъ въ немъ чувствуется одновременно съ возникающимъ бѣ намъ ощущенiemъ.

Во всякомъ случаѣ, это восхождение на гору, предпринятое съ сознательнымъ наслажденiemъ, есть первое, о какомъ мы имѣемъ подробный свѣдѣнія со временъ эллинизма. До эпохи Александра намъ не сообщается ничего подобнаго о комъ-либо изъ грековъ, а лишь о жителѣ Востока, персидскомъ царѣ Даріѣ, который во время похода противъ скиѳовъ, въ Халкидонской области поднялся на гору, увѣнчанную храмомъ Зевса-Уріоса и откуда наслаждался видомъ Босфора. (Herod. IV 85) въ 181 году до Р. Х. Македонскій царь Филиппъ IV поднимался на Балканы ¹⁾ и Аполлоній Родосскій наглядно изображаетъ панораму, какая открылась аргонавтамъ при восхождении на Диандрианъ, при чёмъ они могли видѣть Фракію, Босфоръ, холмистую Мизію, теченіе Эзипа и Непейскую равнину. Въ другомъ мѣстѣ онъ упоминаетъ о видѣ, открывающемся съ вершины Олимпа ²⁾—это древнійшія пейзажныя изображенія дальнихъ перспективъ, какія представляютъ классическая литература». Къ нимъ непосредственно примыкаютъ упомянутыя выше описанія Петrarки.

Вообще, мы будемъ близки къ истинѣ, если объясненія этого сентиментального и субъективнаго полуудилическаго, полу-романтическаго чувства природы, въ которомъ внезапно и непосредственно проявляется человѣкъ, мы будемъ искать не только въ характерныхъ личныхъ свойствахъ Петrarки, коренящихся во вновь возникающей эпохѣ и существенно поддерживаемыхъ возникающимъ индивидуализмомъ, но если мы примемъ во вниманіе и вліяніе римской литературы, возрожденіе античнаго духа. Воззрѣніе на природу эпохи Возрожденія тѣспо соприкасается съ воззрѣніемъ императорской эпохи и периода эллинизма. На освѣженіи умственнаго направления Италии съ помощью античнаго чувства и основывается фактъ первого появленія людей, отъ которыхъ исходить наше новѣйшее міросозерцаніе, на почвѣ Италии. Прямые аналогіи между Петrarкой и римскими поэтами обнаруживаются во многихъ отношеніяхъ: они раскрыли ему глаза

¹⁾ Liv XL, 22 Helbig, S. 279.

²⁾ Argon. I 1103.

на чудеса природы, у нихъ онъ выучился сочетать между собою образъ и слово, внѣшній и внутренній міръ.

Бокачіо не дѣлаетъ дальнѣйшаго шага на этомъ пути; болѣе всего идеалистійскій характеръ выступаетъ у него въ изображеніи дубравы въ Амето ¹⁾ и въ Фіамметѣ, гдѣ приводится похвала сельской жизни ²⁾ и описание весеннихъ игръ флорентинской молодежи. Въ «Декамеронѣ» находится также изображеніе прекрасной долины ³⁾: «Черезъ иѣкоторое время достигли они Долины женщинъ. Входъ въ нее извидался съ одной стороны черезъ узкое ущелье, гдѣ протекалъ свѣтлый ручей. Долина представляла восхитительный видъ и дышала въ жаркое время года освѣжающей свѣжестью. По-видимому, она была простымъ произведеніемъ природы, но она была настоящимъ кругомъ, какъ будто обведена циркулемъ. Вокругъ возвышались шесть маленькихъ горъ и на вершинѣ каждой стоялъ прекрасный дворецъ, ввидѣ рыцарскаго замка. Сторона уступовъ, обращенная къ солнцу, была повсюду обсажена виноградными лозами, смоковницами, малиничными, миндалевыми, вишневыми и другими плодовыми

¹⁾ Ср. также *De genealogia Deor.* XV II, гдѣ онъ перечисляетъ и прибавляетъ въ видѣ деталей пейзажа деревни, луга, ручьи, стада, хижины и т. д.; эти предметы смягчаютъ душу (*animum mulcent*) и заставляютъ умъ сосредоточиваться въ самомъ себѣ (*meum in se colligere*). Burckhardt II S. 80. прим.

²⁾ О сельскихъ играхъ (*de laude ruris*) съ одушевленіемъ пишеть также Паджіо. Онъ прославляетъ миръ, спокойствіе и наслажденіе природой въ деревнѣ, вдали отъ высоко возвышающихся волнъ политической жизни, вдали отъ городской суеты и испорченности. *Opera* 1513, p. 112, *Poggii Florentini liber epistolarum*: *P. Fl. ornatissimo atque optimo suo Cosmo de Medicis S. P. D.: Sinquam mihi antea rei rusticae cura et vita exercitio dedita iocunda visa est et sua vis: nunc his paucis diebus quibus in solo natali vixi procula Curiae molestiis canstistutus incundissimam ac suavissimam iudicavi: dulcis acii honesti negotii et modestae voluptatis plenam. Cognovi enim hoc vivendi genus, quod multi praeclari veri pasthabitis rerum civilium fluctibus elegerunt quam maxime expetendum: cum in eo vitam quietam liberam honestam frugalitati coniunctam agere voleamus: ut non mirer Horatii ruris vivendi cum in urbe esset cupiditatem... Nam ut amittam quas utilitates ex agricultura percipimus: ut non recenseam quaestus uberrimos quas largitur: quanta voluptas et quies ruris quanta curarum remissio quanta naturalis oblectatio quanta virtus in eius vitae ratione versatur!*

³⁾ По переводу Ортлеппа (Ortlepp., Stutth. 1841 II 243).

деревьями. Другая, лежавшая напротив съвера, была покрыта дубами, буками и другими величественно разросшимися и свѣжо зеленѣющими лѣсными деревьями. Въ самой долинѣ стояли повсюду сосны, ели, кипарисы и лавры въ такомъ прелестномъ сочетаніи и въ такомъ прекрасномъ порядкѣ, какъ будто деревья были посажены по указанію самаго лучшаго пейзажиста и при томъ такъ близко другъ къ другу, что даже въ жаркій полдень солнечные лучи почти не падали на землю, покрытую иѣжнымъ мохомъ и украшенную пурпуровыми и другими цвѣтами.

Украшенію величественнаго зѣлища способствовалъ еще водопадъ, низвергавшійся между двухъ горъ надъ скалистыми утесами и доставлявшій удовольствие слуху своимъ шумомъ. Издалека онъ казался текущимъ серебромъ, брызжущимъ изъ узкаго хранилища жемчужными каплями» и т. д.

Въ этомъ фантастическомъ описании трудно найти что-либо кромѣ изображенія пейзажа ради него самого. Даже и въ лирическихъ стихотвореніяхъ Петrarки, при всей его свободѣ въ выраженіи страсти и преобладающемъ у него ощущеніи счастья и страданія любви, рѣдко представляется случай сравниться въ этомъ отношеніи съ эллинизмомъ. Однако и эта сторона воззрѣнія на природу подвергается дальнѣйшему развитию въ эпоху Возрожденія. Первый, кто изображаетъ красоту дѣйствительнаго, а не фантастического итальянскаго пейзажа, какъ это сдѣлалъ бы современный нашъ писатель, папа Шій II Пикколомини (Эней Сильвіо). Онъ не только восхваляетъ его въ немногихъ строкахъ, но съ искреннимъ наслажденіемъ проникается его чудною прелестью и не только противуполагаетъ его собственнымъ измѣнчивымъ настроеніямъ, но прямо описываетъ его. Эней Сильвіо принадлежитъ къ тѣмъ личностямъ всемирной исторіи, которыхъ какъ въ фокусѣ сосредоточиваются въ себѣ умственныя стремленія и чувства своей эпохи. У него ощущеніе красоты природы доходитъ до энтузіазма простирающагося даже на самыя мелкія явленія и обнаруживающагося въ такой тонкости изображенія, какая не встречается ни у одного народа того времени.

Онъ любить античный міръ и природу съ силою истинной страсти. Его Комментаріи содержать прекраснѣйшія картины природы какія были написаны до Руссо и Гете ¹).

¹) Буркгадтъ первый обратилъ вниманіе на эту сторону въ произвед.

Любовь къ природѣ и родинѣ соединяются въ его одушевленномъ похвальномъ словѣ прелестной холмистой странѣ около Сиены. Огъ пишеть: ¹⁾.

«Началось прекрасное время весны, и около Сиены всѣ холмы имѣютъ смѣющійся видъ, одѣтые зеленою и цвѣтами, и шыши поднимаются посѣвы на поляхъ; даже мѣстность около города представляетъ прекрасное зрѣлище; отлого поднимающіеся, покрытые тамошними деревьями или виноградниками или же вспаханные подъ посѣвъ холмы возвышаются надъ прелестными долинами, въ которомъ зеленѣютъ нивы или луга и бѣгутъ неутолимые потоки; тамъ тянутся такъ же многочисленные лѣса, насажденные природой или искусствомъ, и въ нихъ какъ нельзя слще поютъ птицы, и почти на каждой возвышенности виднѣется великолѣпное загородное помѣстье горожанина. Радостью вѣтъ отъ страны первосвященниковъ».

И все болѣе и болѣе тянетъ старѣющагося папу изъ стѣнъ города, дворцовъ и церквей, изъ круга придворныхъ и лѣстцовъ въ область свободной природы; все чаще и чаще находитъ онъ причины продлить свое пребываніе на дачѣ, не взирая на ропотъ своей куріи, вынужденной жить за дорогу цѣну на постоянныхъ дворахъ или скучать въ мелкихъ мѣстечкахъ, монастыряхъ, гдѣ даже и продовольствие было трудно ²⁾, на возню мышей въ полуразрушенныхъ монастыряхъ и на неплотныя крыши, пропускающія дождь. Монастырская идиллія среди величественнаго пейзажа говорила его

депіяхъ этого великаго человѣка (см. S. 20 и S. 81, прим.); въ моихъ рукахъ было только франкфуртское изданіе 1614 г.: «Pii Secundi Pontificis Maximi comentariorum rerum memorabilium».

1) *Cooperat vernum suave tempus, et circa Senas omnes ridebant colles vestiti frondibus ac floribus, et luxuriantes in agris assurgebant segestes: situs ipse Senensis agri maxime civitati vicinus, supra quam dici possit, amoenum habet aspectum, colles clementer elevati aut domesticis arboribus vetibusque consiti aut ad fruges arati incundissimis imminent vallibus, in quibus vel sata virent vel prata, et rivi decurrunt perennis aquae... Adsunt et frequentes silvae seu natura seu arte paratae, in quis dulcissime modulantur aves, neque tumulus est, in quo cives suburbana praedia non magnifice aedificaverint. Per ea loca laetus transiit Pontifex.*

2) cp. Voigt «Eccl. Silvio de Picoloimmi, als Parst Pius II. und sein Zeit alber, III Bd., Berlin, 1863, S. 569.

сердцу то, что для окружавшихъ его оставалось загадкой. О своемъ лѣтнемъ мѣстопребываніи въ Тибурѣ (Тиволи) онъ говорить (V, 138): «Между вилой и Тибромъ лежать прекраснѣйшіе виноградные и оливковые сады, и въ первыхъ можно найти деревья съ плодами необыкновеннааго размѣра и вкуса. Повсюду кругомъ города простираютъ прекраснѣйшіе зеленые лѣса, въ которыхъ часто прогуливается первосвященникъ съ своими кардиналами, чтобы освѣжить себѣ душу, отдыная то на дерновой скамьѣ подъ оливковыми деревьями, то на зеленомъ лугу у берега Анио, созерцая прозрачныя волны. Въ боковой долинѣ луга прорѣзываются многими потоками; тамъ отдыхалъ Иій у шумящихъ ручьевъ, подъ тѣнистыми деревьями... онъ жилъ въ Тибурѣ у Миноритовъ на холмѣ, откуда могъ окидывать взглѣдомъ городъ привлекательную зелень садовъ, и ничто другое такъ не восхищало его» ¹⁾).

«Въ концѣ лѣта, разсказываетъ онъ (VI, 167), комната Шія находилась въ домѣ высоко надъ Анио; великолѣпный видъ представляется оттуда, такъ же какъ и съ ближайшей горы по ту сторону рѣки, гдѣ зеленѣль еще лиственій лѣсъ; кругомъ по берегу рѣки простирались виноградники или луга; тамъ, недалеко отъ Виковаро, на дорогѣ, пана велѣль приготовить завтракъ у чистаго, какъ кристаллъ, потока—трудно даже повѣрить, что такое множество свѣтлыхъ ручьевъ изливаются въ Анио, что столько неутолимо бѣгущихъ водъ шумятъ на обоихъ берегахъ его... Съ сладкимъ журчащемъ несется туда ручей, вода свѣтла, какъ кристаллъ, прозрачна до самаго дна, свѣжая и вкусна. У этого потока завтракалъ первосвященникъ, черпая свѣжую воду для питья, выѣстъ съ кардиналами... тамъ кормили и толпу, ожидавшую благословленія... и такъ съ особеннымъ наслажденіемъ провелъ онъ

¹⁾ Undique circa urbem aestivo tempore amoenissima vireta, in quaе laxandi animi gratia Pontifex cum cardinalibus saepe exivit et modo in aliquo gramine sub olivis corsedit, modo in viridi prato super Anienis labium, unde spectaret perlucidas aquas. Prata sunt in valle reducta, multis aquarum fontibus rigata... Pius in his pratis et circa scaturientes fontes ac circa umbrosas arbores saepe quievit... habitavit Tibure apud Minores loco edito, unde urbem licebat inspicere et in subiectam planiciem Anienis cursum et hortorum per placida vireta nec aliud erat quod oblectaret.

большую часть своего путешествия¹⁾). Въ маѣ 1462 г. онъ выѣхалъ на купанья въ Витербо: его сердце оживляется чарами весны; въ полной мѣрѣ наслаждается старецъ красотою обновленной, цвѣтущей, поющею весенней природы: «Дорога въ Сарцианумъ шла по прелестнѣйшимъ мѣстамъ; желтые цвѣты цвѣли въ такомъ множествѣ, что часть поля казалась окрашенной шафраномъ, между тѣмъ, какъ другія мѣста его, покрыты разнообразными кустарниками и травами, представляли глазу то пурпурные, то бѣлые, то другіе цвѣта въ безконечномъ множествѣ, это было въ маѣ, и все зеленѣло; тамъ виднѣлось смыюющееся поле, тамъ лѣсь, въ которомъ пріятно распѣвали птицы. Первосвященникъ жилъ въ замкѣ; почти каждый день при первомъ утреннемъ свѣтѣ выходилъ онъ въ поле, что бы, до наступленія дневнаго зноя, подышать пріятнымъ утреннимъ воздухомъ и полюбоваться зеленѣющими посѣвами и цвѣтующимъ лугомъ, который именно тогда, подражая цвѣту неба, наполняло зрителя величайшимъ воссторгомъ... Онъ заходилъ въ монастырь Санть-Маритано; нѣкогда вѣроятно воспѣвали тамъ хваленія Господу; теперь его стерегутъ вороны и дикие голуби, и иногда испускаетъ сова свой жалобный крикъ, предвѣщающій смерть; величественная трапеза еще уцѣлѣла, все остальное разрушено; но мѣстоположеніе въ высшей степени прелестно, кругомъ виднѣются каштановые лѣса, хлѣбные поля и виноградники; взору открывается еще далѣе Сіены гора Аміата и гора Аргентаро²⁾).

¹⁾ Aestate iam tperacta... cubiculum ei in aedibus fuit, quae Aniem supereminunt ex pro pinpue monte trans flumen adhuc viridi et frondose nemore cooperito... non sine ingenti voluptate magnam itineris partem peregit.

²⁾ VIII, p. 206: Sorianum petuit per vias eo tempore amoenissimas, quibus cum genestae ingens vis esset eaque florida crocea magna pars agri videbatur, pars virgultis aliis aut herbis tecta diverxis modo purpureos modo candidos, sive alias mille colores obiecit oculis. Virebant omnia Maio mense et tum agri tum silvae ridebant, in quis aves dulce modulabantur... Primo dilucolo egrediebatur in agros, pergratam, priusquam incalesceret, capturus auram ac virentes spectaturus segestes et florentia lina, quae tum caelestem imitata colorem ingenti delectatione aspicientes afficiebant... p. 211... nunc cornices excubant et palumbae et nonnunquam suos intonat planctus ferali carmine bubo... situs amoenissimus est... Prospectus Senas versus ad Amiatam usque protenditur, inspicit et Argentarium montem in accidentalі plaga.

На равнинѣ свирѣпствуетъ моровая язва; при видѣ людей, стремящихся къ нему, какъ къ Богу, его сердце растрогивается до слезъ мыслью, что лишь немногіе изъ его духовныхъ дѣтей избѣгнутъ страшной смерти. Онъ обращается къ замку, красиво расположенному на Больсенскомъ озерѣ; «виноградникъ оруженъ тѣнистой аллеей подъ густыми лозами; ступени въ скалѣ, отѣненные виноградной зеленью, образуютъ крутой спускъ къ берегу, гдѣ между утесами стоять вѣчно зеленые дубы, всегда оживленные пѣніемъ дроздовъ». Онъ посвящаетъ свое время охотѣ на итицъ, рыбной ловлѣ и греблѣ; изъ своего пышнаго дворца въ Піенціа, онъ видѣть на югѣ Монте-Аміата, представляющую для него «пріятную панораму» ¹⁾: «Если взглянуть на зашадь, видъ на Ильцинумъ и Сіену ограничивается Писторійскими Альпами; съ сѣвера представляется разнообразіе холмовъ и пріятная зелень лѣсовъ, простираясь почти на пять тысячъ шаговъ; еще болѣе острому зрѣнію открываются Апеннинсы и Кортона». Онъ назначаетъ своимъ мѣстопребываніемъ монастырь Санть-Сальваторе на половинѣ высоты этой горы. Въ прекрасной лѣтней прохладѣ, между старыми дубами и каштанами, на свѣжей муравѣ, гдѣ нога не страдаетъ отъ терновника и гдѣ не угрожаетъ никакое насѣкомое или пресмыкающееся, папа пользуется са-мымъ лучшимъ настроеніемъ.

Возможно-ли не признавать въ приведенныхъ нами описаніяхъ выраженіе нашего новѣйшаго чувства природы? Все, что придаетъ прелестъ пейзажу съ восторгомъ замѣчается и описывается—«любителемъ лѣсовъ» (*silvarum amator*), какъ онъ самъ называетъ себя, будуть-ли это зеленѣющіе лѣса, пестрѣющіе посѣвы и хлѣбныя поля, высокія горы, глубоко лежащія озера, шумящіе ручьи, тѣнистая зелень у журчащей рѣчки или контрастъ цвѣтовъ голубаго волнующагося льна и желтыхъ цвѣтовъ, или, наконецъ, дальняя перспектива земли и моря, города, горы и долины. И чѣмъ ближе подвигается старость, тѣмъ у него живѣе становится любовь къ уединен-

¹⁾ IX, 232: *Aspectus gratissimus obicitur... Respicientis ad occidentalem plagam ex altioribus habitaculis prospectus ultra Ilcium et Sienas et in ipsis Pistoriensibus alpibus terminatur. Ad aquilonem perspicuenta varietas collium et silvarum iocunda viriditas sese offert, ad quinque milia passum protensa; fertur et in Appenninum acrius intuentis acies et... Cortonam respicit. Cp. Monte Oliveto X, 263.*

ию среди природы, ко всѣмъ отдѣльнымъ живописнымъ подробнотямъ, на которыхъ основана очаровательность прекраснаго ландшафта. Какъ восхищается онъ высоко царящей надъ виноградниками и масличною рощею горою Тади съ открывающеюся съ нею далью ¹⁾. «Куда ни обратишься, вездѣ открывается прекраснѣйшая перспектива; можно разглядѣть Перузію и всю промежуточную долину съ ея высоко поднимающимися замками, плодородными полями и рѣкою Тибромъ, который, подобно змѣю, многообразными извивами отдѣляетъ Тускію отъ Умбріи, шума въ горныхъ мѣстахъ, какъ будто недовольный тѣмъ, что задерживается его теченіе; внизу города съ удовольствіемъ можно видѣть холмы, покрытые виноградными и оливковыми садами, и неменѣе восхищаются глазъ холмы еще болѣе отдаленные, украшенные лѣсами и ивами; лѣтомъ все зелено, зимой часто все ослѣпительно блестить отъ снѣга».

Приведемъ въ заключеніе слѣдующее мѣсто изъ описанія поѣздки въ Альбанскія горы ²⁾. «До Остии путешествіе было особенно пріятно; берега рѣки зеленѣли тамъ и сямъ, такъ какъ май одѣваетъ все веселой зеленою и пестрыми цвѣтами, за исключениемъ мѣстъ, гдѣ оставались старыя развалины, которыя во многихъ мѣстахъ, какъ стѣны, ограничиваютъ ложе рѣки». Когда онъ приѣхалъ въ Порто, разразилась буря: «Ночью море, которое уже въ предыдуще дни было безшкайно и неудобно для плаванія, начало волноваться болѣе обыкновенного; подуло сильный ураганъ: южный вѣтеръ поднимаетъ воду съ глубины моря; громадныя волны хлещутъ

¹⁾ X, p. 270: *Prospectus quoque te vertas gratissimus occurrit: licet Perusiam videre et omnem quae media iacet vallem castellis referat late patentibus ae frugiferis agris et amne Tiberi nobilem, qui anguis in morem varios agens flexus Tusciam ab Umbria dividit multosque sub ipsa civitate montes ingreditur, per quos murmurans, tanquam invitus coerceatur, ad inferiorem descendit.*

²⁾ XI, p. 301: *Navigationem amoenissimam peregit... Nocte mare... longe plus solito conturbari coepit, tempestas exoritur valida, auster ab imis sedibus pelagi aquos evolvit, fluctus immensi everberant litora, audissemus quasi gemens et ululans mare. Vis tanta ventorum fuit, ut nihil ei resistere posse videretur; saevire inter se ipsos et alter alterum nunc fugare nunc fugere silvas et obstantia quaeque sabvertere, coruscare crebris ignibus aether, intonare caelum et fulgura e nubibus terrifica ruere... nox obscurissima, quamvis crebri micarent ignes...*

въ берега; слышно, какъ море вздыхасть и воеть; вѣтры сталкиваются другъ съ другомъ: то одинъ беретъ верхъ, то убѣгаетъ; лѣса и все, что противостоитъ имъ, они повергаютъ пыцъ; эфиръ сверкаетъ часто огненными лучами, небо дрожитъ отъ грома; несмотря на частыи блескъ молний, черный мракъ ночи удвоившъ ужасъ, и такое множество воды падало съ неба, что это можно назвать уже не дождемъ, а потопомъ, какъ будто Создатель земного круга желалъ вновь, чтобы человѣческій родъ погибъ въ волнахъ».

Этому грандюзому изображенію морской бури служить противоположеніемъ мирная картина горныхъ озеръ, напр., Альбанскаго озера: «Удивительна красота этого озера, окруженнаго довольно высокими скалами, свѣтлаго какъ зеркало; природа, несравненно болѣе могучая, чѣмъ искусство, придавала путешествию особенную пріятность; вода озера Неми, наполняющаго глубокую долину, чистая, какъ кристаллъ, отражаетъ образъ зрителя; спускъ лѣсистъ до самаго озера; далѣе тянутся скалы, но вся равнина и каждая скала до самой вершины покрыты плодовыми деревьями: тамъ видны орѣшники, каптановыя, грушевые и слиновые деревья; подъ ними находятся тѣнистыя аллеи и недоступныя для солница зеленѣющиye луга безъ всякихъ затрудняющихъ движение колючихъ растеній; въ солнечный зной нельзя найти ничего пріятнѣе этихъ тѣнистыхъ зеленыхъ аллей, виолиѣ созданныхъ для поэта; поэтический духъ не пробудится уже нигдѣ, если здѣсь онъ останется пѣмымъ; сдѣль можно искать жилище музъ и нимфъ, или, если есть сказкахъ есть иѣкоторая истина, — скрытое убѣжище Дианы»¹⁾). Онъ посѣщаетъ и другие озера въ величественныхъ горахъ, поднимается на горы, отдыхаетъ на лугу въ тѣни деревьевъ и всего болѣе восхищается видомъ съ Монте-Каво, откуда видны Террачина, озеро Неми, Альбанское море и т. д. откуда можно распознать ихъ настоящую величину и форму; между ними лежать лѣса

¹⁾ XI, 307: *Mira est eius lacus amoenitas, undique rupibus cingitur altioribus... aquae perspicuae... iter natura gratissimum praebuit quamvis arte superior... Nemorensis laeus... aqua in modum vitri perlucida intuentis reddit imagines, vallem profundam occupat, descensus a summo usque ad imum nemorosus... nusquam excitabitur vatis ingenium, hic quod torpuerit: musarum demicilia dixeris nympharumque tecta et si quid inest verum fabulis Dianae lalibula.*

и пестрые луга съ пріятными для глазъ красками; «всего болѣе нравились желтые цвѣты, покрывавшіе большую часть полей; Римъ вполнѣ ясно представляется взорамъ, также какъ и Соренто и Сабинская область и блестящая снѣжная вершина Апеннинъ, и Тибръ, и Пренесто» ¹⁾.

Этого достаточно, чтобы видѣть, насколько чувства Энея Сильвіо близки къ нашимъ! Вполнѣ новѣйшее, современное памъ наслажденіе природой заставляетъ его стремиться къ прекрасной свободной природѣ и хвататься за перо для изображенія того впечатлѣнія, какое производить на его восприимчивую душу, и пріятно-привлекательное и величественно-возвышенное, за исключениемъ лишь дѣйствительно мертвыхъ горъ. Трудно было бы эту способность наслажденія прелестю пейзажа и изображеній его приписывать вліянію античнаго м;ра; кромъ Плінія Младшаго, я не знаю ни одного римлянина императорской эпохи, въ которомъ природа пробуждала бы такую мечтательность, не говоря уже о томъ, что намъ неизвѣстно, насколько римская литература была знакома папѣ Пию II. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать вліянія возвращенія къ классическимъ писателямъ на направление чувства природы; надо признать вообще, что на появление новѣйшаго наслажденія природой въ эпоху возрожденія дѣйствовали самые разнообразные культурно-исторические моменты. Въ родственныя эпохи всегда обнаруживаются родственныя течения; эллинизмъ, Императорскій періодъ и эпоха Возрожденія сходны другъ съ другомъ и по условіямъ своего происхожденія, и по вытекающимъ изъ нихъ явленіямъ; а въ то же время нельзя отмѣтить причинную связь между ними, и вслѣдствіе того они являются самыми значительными этапами на пути нынѣшняго, современаго образа мыслей и чувствъ. Теокритъ и Мелеагръ, Петрарка и Энея Сильвіо могутъ служить для насъ представителями чувства природы, въ его развитіи отъ античныхъ до новѣйшихъ формъ; они родоначальники новѣйшихъ поэтовъ-мечтателей, описывавшихъ природу; они—члены того послѣдовательнаго ряда, который ведеть къ Руссо, Гёте, Байрону и Шелли; они

¹⁾ p. 309... maxime vero genesta placuit, quae flore suo magnam cooperuit camporum partem. Roma deinde in conspectu se tota obtulit et Soracte et ager Sabinus et Apenninum iugum nive candidum et Tibur et Praeneste...

служать переходною ступенью отъ древняго къ новѣйшему созерцанію природы.

Автобіографія Энеа Сильвіо и лирическія признанія Пет-
рарки представляютъ намъ гораздо болѣе, чѣмъ произведенія
другихъ поэтовъ, вѣрную картину настроенія той эпохи, ко-
торое мы можемъ прослѣдить до самаго XVI вѣка. Даже и въ
эпосѣ преобладаетъ настроеніе, близкое къ нашему; у Аріо-
ста выступаетъ несравненно болѣе могучая изобразительная
сила, чѣмъ въ нѣмецкомъ народномъ и искусственномъ эпосѣ.
Вильгельмъ Гумбольдтъ, въ своихъ «Эстетическихъ опытахъ
о Гётеискомъ «Германѣ и Доротеѣ»¹⁾, остроумно отмѣтилъ
различія между народнымъ и искусственнымъ эпосомъ, между
Гомеромъ и Аріостомъ. Оба, говоритъ онъ, вѣрные изобрази-
тели міра и природы, но Аріость привлекаетъ болѣе блескомъ
и богатствомъ своихъ красокъ, а Гомеръ отличается болѣе
чистотою формъ, красотою композиції; Аріость дѣйствуетъ
по преимуществу эффектомъ, а Гомеръ чистотою формъ; у
Гомера выступаетъ наивная, а у Аріоста — сантиментальная
природа; у Гомера выдвигается самый предметъ, и самъ пѣ-
вецъ исчезаетъ,—у Аріоста мы поэта не теряемъ изъ виду:
онъ всегда остается на сценѣ; у Гомера все примыкаетъ одно
къ другому,—Аріость свободно связываетъ свои нити и раз-
рываетъ ихъ по своей прихоти; Гомеръ, въ сущности, никогда
не описываетъ,—Аріость описываетъ всегда.

Сравненія и картины природы у Аріоста, будучи разсчи-
таны на эффектъ, гораздо субъективнѣе, гораздо ярче, чѣмъ
у Гомера. Они неоспоримо обнаруживаютъ извѣстныя на-
строенія въ отношеніи къ природѣ. Оттѣнокъ новизны, трудно
поддающійся опредѣленію въ отдѣльныхъ случаяхъ, распро-
страненъ по всемъ его описаніямъ: это—сочетаніе чувствен-
ности, сантиментальности и рыцарственности. Онъ охотно
изображаетъ прелестные пустынныя лѣсныя уголки, манящіе
влюбленныхъ. Напр., въ «Неистовомъ Роландѣ», онъ говоритъ
(§; 37): «Взглѧни, вблизи кустарникъ указываетъ ей свой
тихій кровъ изъ цвѣтущаго терновника и отпрысковъ розъ.
Закрытый охраною дубовъ отъ солнечнаго зноя, заключенный
въ пространствѣ между ними прохладный лиственныій покой от-
ражается въ серебристомъ ручье и колеблется, окутанный

¹⁾ Braunschweig, 1799.

плотной тьмою тѣни; вѣтви и листья сплетаются въ немъ, и взоръ самаго солнца сквозь нихъ не можетъ проникнуть».

Волшебный конь (въ 6-й пѣснѣ) несетъ Ридигера въ страпу, плѣнительнѣе которой ничего не можетъ быть: «Съ прелестными холмами, прекрасно обработанными пространствами, мягкими лугами и кристальными ручейками; тамъ высятся пальмы, лавры, миры и кипарисы, и въ лиственномъ шокоѣ, съ пѣснями, быстро порхаютъ стаи соловьевъ; розы и лилии украшаютъ мураву, воздухъ всегда освѣженьемъ дуновенiemъ вѣтерка, и въ промежуткахъ (между деревьями) пробѣгаютъ то зайцы или кролики, то олени съ поднятымъ челомъ». Подобное описание встрѣчается и въ XXXIV пѣснѣ, 49: «Стая цвѣтовъ на этихъ веселыхъ лугахъ, рожденныхъ эниромъ и легкие, какъ эниръ, похожихъ на золото, рубинъ и хризолиты, на алмазы, гациты, топазы и сафиры. Зелень злаковъ, если бы ихъ посѣять здѣсь, навѣрно побѣдила бы красоту смарагдовъ. Не менѣе прелестна и зелень на вѣтвяхъ, на которыхъ всегда видны и плоды, и цвѣты. Въ черногахъ изъ зелени поютъ птички, блестяще-блѣлые, красивыя, зеленыя, желтые и небесно-голубые. Кристалы уступаютъ въ чистотѣ тихому озеру, журчащему ручью луга. Нѣжный зефиръ, мягкий и теплый, движетъ воздухъ тихими ударами крыльевъ, и дневной жаръ никогда не бываетъ тягостнымъ» и т. д.

Весьма мѣтко изображены у него различныя времена дня, напр., въ XX, 82: «Еще солнце не сняло темно-срѣдаго покрова съ жесткаго лица зелени, и впукъ Линаона еще не поверотилъ свой плугъ съ небесныхъ нивъ»... Чрезвычайно живописны, исполнены своеобразнаго настроенія, какъ у Сафо и Катулла, его сравненія, въ особенности касающіяся женской красоты, какъ напр., I, 42: «Дѣва походить на молодую розу, которая одиноко, въ вѣрной охранѣ сада, на родномъ кустѣ, огражденномъ нѣжнымъ мхомъ, покоится, неприкосновенная для стадъ и пастуховъ. Тамъ лежитъ ее ласка кроткаго заката и росистая утренняя заря, и земля, и волна; прекрасный юноша, влюбленная дѣвушка жаждетъ украсить ею грудь и чело». Или VII, 10: «Но Альцина сверкаетъ ярче всѣхъ, подобно тому, какъ солнце затмеваетъ всѣ другія звѣзды; ея шея, какъ снѣгъ, а грудь, какъ молоко; первая вполнѣ закруглена, а вторая полна и широка, какъ изъ слоновой кости, поднимается и опускается, какъ

волны у берега при встрѣчѣ вѣтровъ»... Или XI, 65: «Ея прелестное лицо походило на небо, какимъ оно часто показывается весною, когда въ то время, какъ (дождевыя) капли клоняются на землѣ, солнце разрываетъ кругомъ покровъ облаковъ. И такъ же, какъ соловей издастъ тогда въ зеленыхъ вѣтвяхъ свои сладкие звуки, Амуръ погружаетъ свои крылья въ пѣжнья колосья и т. д. Или XXI, 15. «Она спѣшить... подвижная, какъ листья, когда осень отнимаетъ у нихъ все соки, когда холодный вѣтеръ отрываетъ ихъ съ вѣтвей и гонитъ передъ собой съ жестокимъ озлобленіемъ».

Свои образы онъ занимаетъ и у моря, какъ напр., XXI, 53: «Какъ иногда корабль на высокихъ волнахъ, въ страшной борьбѣ съ двумя вѣтрами, гонимый однимъ впередъ, возвращается другимъ на то же мѣсто, и, долго такъ вращаясь по кругу, подъ конецъ уступаетъ болѣе могучей силѣ,— такъ Финляндія, послѣ долгаго колебанія, слѣдуетъ, наконецъ, менѣе тяжелой мысли», или XIV, 9: «Какъ волны моря изъ соленої дали, движимыя съ юга, сперва приходятъ, играя, но за первої слѣдуетъ бѣльшая волна, и еще могучѣе третья, и каждый разъ волны растутъ въ ширину и выше громоздятся на берегъ,— такъ обрушаются на Роландо враги и напираютъ на него, то спускаясь по долинѣ, то поднимаясь въ гору».

Приведенные нами сравненія выказываютъ не только вѣрное и индивидуальное наблюденіе явлений природы: они уже несравненно субъективнѣе, уточченнѣе, чѣмъ, напр., у Данте. То же можно сказать и о сравненіяхъ Тассо. Какія прочувствованыя детальныя изображенія, хотя и сантиментальныя, находимъ мы у него въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ». XVI, 14:

«Взгляни, взгляни, какъ роза расцвѣтаетъ
Въ тиши родной, стыдлива и нѣжна;
Чуть развиласъ, себя полускрываетъ,
Прелестнѣй тѣмъ, чѣмъ менѣе видна;
Вотъ обнажасъ, во всей красѣ блестаетъ;
Вдругъ томная, не та уже она;
Не тотъ цвѣтокъ, который пышно рдѣя,
Быть юношамъ и дѣвамъ всѣхъ милѣ.
На вѣкъ, увы, на вѣкъ отъ наасъ умчится
Пролетнѣмъ днемъ цвѣтъ юности живой».

(перев. Козлова).

Не меньшей субъективностью отличается и 18-я строфа. «Во влажномъ взорѣ блеститъ улыбка, полна желанья, какъ дрожитъ лучъ въ водѣ». Но въ этой поэмѣ всего болѣе прославлены великолѣпные стансы, изображающіе романтически прекрасный садъ въ очаровательномъ пейзажѣ съ такимъ жаромъ и съ такой жизненностью, «что въ нихъ, повидимому, чувствуются воспоминанія о привлекательномъ пейзажѣ Сорренто» ¹). Во всякомъ случаѣ, они показываютъ намъ, что уже и эпическая поэзія того времени стремится къ изображенію пейзажа ради него самого. Для примѣра мы можемъ указать еще 9 строфу XVI пѣсни:

«И вотъ открылся пышный садъ!
Вездѣ живыя воды,
Лужайки расписныхъ прѣтовъ
И строй холмовъ душистыхъ,
И куны молодыхъ кустовъ,
И ропщицъ рой тѣнистыхъ,
И гроты и ковры долинъ...
Искусство не жалѣло
Здѣсь рѣдкихъ красокъ для картинъ
И скрыться въ нихъ умѣло.
Все просто здѣсь, во всемъ видна
Безпечность и свобода;
Казалось, обо всемъ одна
Заботилась природа,
И привыла здѣсь въ первый разъ
За образецъ искусство.
Здѣсь воздухъ, чарамъ покорясь,
На все наѣзжалъ чувство;
Вездѣ могущества слѣды:
Тамъ на древахъ вѣтвистыхъ
Выходять тучные плоды. Изъ за-цвѣтовъ душистыхъ,
Гдѣ не шелохнутся листки, и воды онѣмѣли,
И притаились вѣтерки, Пернатыхъ хоры пѣли».

(перев. Раича).

Впрочемъ, пейзажъ еще окружень здѣсь романтически-фантастическимъ колоритомъ; цвѣты и плоды, воздухъ и животныя проникнуты магическимъ очарованіемъ. Въ развитіи чувства природы Тассо имѣть болѣе значенія, благодаря сво-

¹) Alex. v. Humboldt, I. c., 58.

имъ пасторальныи стихотворенія, которыя нашли таъ
много подражателей.

«Аркадія» Джакопо Саннацаро, появившаяся въ 1504 г., открыла путь для пастушескихъ романовъ; сонеты и эклоги въ ней вплетены въ прозу. Это «произведение обладаетъ настоящей поэтической красотой и еще болѣшимъ литературнымъ значеніемъ» ¹⁾; изображенія пастушеской жизни исполнены чувства и опредѣленного настроенія, хотя нельзя не признать, что многія пѣсни могутъ быть достояніемъ не дѣтей природы, а лишь образованныхъ людей. Авторъ умѣеть пробудить въ слушателѣ и читателѣ любовь къ сельской природѣ краснорѣчивымъ описаніемъ ея, вытекающимъ изъ искренняго, нисколько не искусственного одушевленія; въ заключеніе самъ онъ взыываетъ къ музѣ: «Ты впервые пробудила уснувшіе лѣса и пастухамъ показала искусство налаживать забытая пѣсни». Бембо надписалъ на его могильномъ памятниѣ:

«Усыпьте цвѣтами священный прахъ; здѣсь покоятся Саннацаро. Съ тобою, нѣжныи Виргилій, у него общая музъ и общая могила».

Сельскія дидактическія стихотворенія Виргилія находили много усердныхъ подражателей. Джюваний Ручеллаи (род. 1475) написалъ дидактическую поэму «Пчелы», начинающіяся слѣдующимъ образомъ: «Когда я хотѣль воспѣть возвышенными стихами ваши дары, чистыя дѣственницы, мнѣ явился въ утреннемъ снѣ рой подобныхъ вамъ, и съ языковъ, собирающихъ медъ, послышались слѣдующія слова: ...И я буду пѣть, какъ сладкій медъ, даръ неба, выступаетъ въ воздухѣ на травѣ и цвѣтахъ и какъ прилежныя, трудолюбивыя пчелы осторожно и усердно собираютъ его для себя». Луиджи Аламанни (род. 1495) издалъ дидактическое стихотвореніе «О земледѣліи» (Della coltivazione); между прочимъ, въ немъ заключаются слѣдующія строки (I, 935): «О, счастливъ тотъ, кто живеть мирно и самъ обрабатываетъ свою веселую пажитъ, кто, отрѣшенный отъ общенія съ другими, обязанъ своимъ пропитаніемъ безпристрастной землѣ, и спокойно пользуется этимъ благомъ; если около него нѣть общества, украшенного драгоцѣнными камнями и пурпуромъ,

¹⁾ Cp. Geiger, op. c., 258; Ad. Wolff, «Die Klassiker aller Zeiten und Nationen», I Th., Berlin, 1860.

и его домъ не украшень чужеземнымъ деревомъ и золотыми изваяніями... За то ты живешь спокойно въ бѣдномъ домикѣ, который ты изъ дерева, взятаго изъ близкнаго лѣса, и изъ камней, собранныхъ тобою на мѣстѣ, возвель отъ основанія собственными руками... Ты встаешь при первомъ блескѣ утренней зари и тебя не встрѣчаютъ никакія новости... На зеленомъ лугу, въ тѣни лѣса, на травянистомъ холмѣ или вдоль рѣки, подвигаешься ты степенно или быстро и работаешь по желанію косой, серпомъ, топоромъ или плугомъ... Собственное дерево, которое ты посадилъ съ собственной супругой и родными дѣтьми, доставляетъ во всякое время плоды тебѣ на пользу».

Даже эти дидактическія произведенія, вдохновленныя «Георгіями» Виргilia, ясно выказываютъ склонность къ идиллической, сельской жизни и къ скромнымъ прелестямъ луговъ и лѣсовъ; «Аркадія» Саннацаро въ теченіе одного XVI столѣтія выдержала 60 изданій. Поэтому Тассо отдалъ дань господствующему вкусу, когда онъ своей «Амінтою»¹⁾ усовершенствовалъ искусство драматизаціи романтическихъ идиллий. Все это произведеніе носить на себѣ печать его идеализирующей и романтически мечтательной фантазіи и воплощаетъ въ лирическомъ порывѣ его сантиментальную идею золотого вѣка и міра идеальной природы. «Амінта» даже въ деталяхъ напоминаетъ пастушескіе романы Лонга; она заставляетъ насъ вспоминать даже чувствительныя изліянія Каллимаха и Ноини, когда всей природѣ приписывается возбужденіе любви, какъ, напр., въ словахъ Дафны (Дѣйствіе I, сцена I): «Неужели ты (Сильвія) считаешьъ весну, которая теперь весь міръ и животныхъ, мужчину и женщину поощряетъ къ любви, за враждебное, злобное время года? Развѣ ты не видишь, какъ все одушевлено сладостной любовью. Посмотри на голубя — съ какимъ любовнымъ воркованьемъ, ласкаясь къ своей подругѣ, онъ цѣлуетъ ее! Прислушайся къ соловью, какъ онъ, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку, поетъ: я люблю, я люблю... Даже деревья любятъ. Ты можешь видѣть, съ какимъ влечениемъ, съ какими постоянно возобновляющими объятіями лоза линеть къ своему супругу; ель любить ель, сосна — сосну, ясень горюеть и вздыхаетъ по

¹⁾ «Aminta, favola boschereccia» di Torquato Tasso.

ясени, ива объ ивъ и одинъ букъ о другомъ. И дубъ, ка-
жущійся столь суровымъ и дикимъ, испытываетъ могущество
любовнаго жара, и если бы ты чувствовала и понимала лю-
бовь, ты слышала бы ея тихіе вздохи. Не желая отдаться
влюбленному, неужели ты хочешь стать ниже растеній?»

Кажется, какъ-будто передъ нами Сакунтала бесѣдуетъ съ
своей подругой или слышатся жалобы Аконтія. То же мы ви-
димъ и въ 1-й сценѣ II дѣйствія, когда горюетъ несчаст-
ный: «Скалы и тростники изъ сожалѣнія отзывались на мои
жалобы и древесная листва вздыхала надъ моими слезами,
но никогда я не замѣчалъ состраданія въ жестокой и пре-
красной». Прелестно изображаетъ Аминта Тирсису свою про-
будившуюся любовь. Когда еще онъ былъ мальчикомъ, когда
онъ едва могъ доставать маленькими руками свѣсившіяся
вѣтви деревьевъ, чтобы рвать плоды, онъ уже былъ предметомъ
искренней радости для милой дѣвушки, украшеніемъ лѣ-
совъ. «Въ моей груди возникла, я не знаю откуда, подобно
самому по себѣ пробивающемуся растенію, постепенно, незвѣстная мнѣ склонность, которая меня всегда влекла къ моей
прекрасной Сильвіи, прелестные звуки ея голоса нѣжнѣ жур-
чанія свѣтлого ручья, который по чистому песку катить свои
воды, или легкаго колебанія воздуха въ вершинахъ деревьевъ». Онъ притворяется, что пчела ужалила его въ губу: онъ ви-
дѣлъ, какъ Сильвія излѣчила у одной подруги укушенное мнѣ-
сто, приложивъ къ нему губы,— и она цѣлуєтъ его. «Ни изъ
одного растенія пчелы не вишаютъ такого сладкаго меда, ка-
кой достался мнѣ изъ этихъ свѣжихъ розъ». Въ 1-й сценѣ
II акта жалуется отвергнутый сатиръ, — какъ отвергнутый
Полифемъ или Амариллісъ у Тедекрита — антitezами, напо-
минающими Лоига: «Лѣса скрываютъ подъ своей зеленої
тѣнью змѣй, львовъ и медвѣдей, и въ твоей груди живеть
ненависть, презрѣніе и жестокость. ...Ахъ, когда я приношу
первенцы цвѣтовъ, ты своимъ отбросываешь ихъ, потому,
быть можетъ, что на твоемъ лицѣ цвѣтутъ еще болѣе пре-
красные цвѣты; когда я приношу тебѣ чудныя яблоки, ты
съ гнѣвомъ отвергаешь ихъ, быть можетъ, потому, что они
не могутъ сравниться съ твоей прекрасной грудью... а ко мнѣ
не за что чувствовать отвращенія: вѣдь я видѣлъ себя недавно
въ свѣтломъ, спокойномъ морѣ, когда вѣтры молчали и не
поднималось ни одной волны»...

Такимъ образомъ, даже и сантиментально-идиллическая па-

стущеская поэзия эллинизма является здѣсь въ возрожденномъ и утончено-усиленномъ видѣ, не исключая любимаго александрийскими и римскими поэтами мотива — похвалы блаженному прошлому времени, какъ это воспѣваетъ хоръ:

«О золотое время! тебѣ надо славить
Не потому, что рѣки были обильны,
И молоко, и медъ выступали на деревьяхъ,
Не потому, что никакое желѣзо не бороздило
Землю, которая сама давала плоды,
И змѣи ползали, лишенныя яда...
Нѣтъ, потому только, что... никакой суровый законъ не стѣснялъ
душъ, дочерей свободы,

Кромѣ одного, золотого, написаннаго
Рукой природы: «Слѣдуйте своимъ стремлѣніямъ»...

Будемъ любить такъ, какъ солнце поднимается и опускается,
И послѣ недолгаго сіянія
Скрывается навсегда во снѣ и въ глубокомъ мракѣ».

Насчитываютъ болѣе тридцати пастушескихъ пьесъ, написанныхъ въ Италии въ послѣднюю треть XVI вѣка; наиболѣе удачно подражалъ Тассу Джованни Баттиста Гуарини (род. въ 1537 г.) въ своемъ «Вѣрномъ пастухѣ» (*Il pastor fido*). Какъ образецъ того, что онъ идетъ еще дальше «Аминты» Тассо, мы приведемъ слѣдующее мѣсто изъ 1-й сцены I дѣйствія этой пьесы. Линко говоритъ тамъ: «О дитя, взгляни кругомъ себя, посмотри — красота этого міра есть дѣло Амура. Любить дальнее море; вонъ та звѣзда, лучи которой блестятъ передъ авророй, и она испытываетъ муки любви; быть можетъ, она идетъ отъ возлюбленнаго: смотри, какъ она свѣтится, и какъ сверкаютъ ея лучи! Нѣгъ любви испытываетъ и дикий левъ въ своихъ лѣсахъ; дельфинъ и акула въ своихъ моряхъ — рабы любви, и вонъ та птица, которая поетъ такъ пріятно, такъ беззокойно порхаетъ съ дерева на дерево, могла бы сказать намъ, если-бы знала нашъ языкъ: я люблю, я люблю! Она жалуется свойственными ей звуками, какъ ее научаетъ сердце въ сладостномъ, горячемъ желаніи!»

Лѣсь съ его уединеніемъ прославляется въ 5-й сценѣ I дѣйствія: «Какъ я люблю твое уединеніе, прекрасный лѣсь; ты даешь успокоеніе усталымъ, какъ не даетъ имъ никакое другое мѣсто. Въ этой тѣни покой и миръ. Видѣть тебя вновь — блаженство! И если-бы мнѣ было суждено судьбой — жить

съ самимъ собою, свободно по моему желанію, я не отдалъ бы въасъ, зеленые лѣса, за все великолѣпіе Елисейскихъ полей и за самые прекрасные волшебные сады. Какъ счастлива въ скромной долѣ, какъ богата пастушка»!

Любовная лирика этой позднѣйшей эпохи Возрожденія необыкновенно богата исполненными опредѣленного настроенія и въ то же время сентиментальными картинами природы, изобилиющими тонкую, по большей части, мягкую симпатію къ окружающему пейзажу. Образцомъ для нихъ служить Петрапарка; даже и Витторія Колонна увлекается имъ; и у нея можно найти напыщенные изображенія грустнаго чувства воспоминаній, страданій, жалобъ, въ особенности о смерти супруга: ¹⁾ «Когда я вижу землю прекрасною и богато украшеною тысячами пестрыхъ, душистыхъ цвѣтовъ, которые выступаютъ подобно тому, какъ выступаетъ на небѣ золото звѣздъ, разсыпанное во всемъ великолѣпіи красокъ; когда я вижу робкое лѣсное животное, томимое врожденнымъ могущественнымъ желаніемъ, избѣгающее пещеръ и тѣнистыхъ буровъ и день, и ночь отыскивающее свою подругу; когда я вижу многовѣтвистые члены деревьевъ, покрытые цвѣтами и молодою зеленою, и слышу разнообразныя пѣсни птицъ, жизнерадостныя, сладкія мелодіи и прислушиваюсь вновь къ кроткому журчанью, съ какимъ у цвѣтистыхъ береговъ протекаютъ ручьи, причемъ воспламененная любовью, какъ невѣста, Природа восхищенно любуется своимъ собственнымъ произведеніемъ,—тогда я говорю себѣ: какъ недолговѣченъ, однако, туманный образъ земной жизни! Недавно еще лежала, покрытая снѣгомъ, въ холодномъ уныніи эта долина, теперь столь богатая цвѣтами и прелестна! Въ то время мрачнымъ сырьмъ дыханіемъ зимы было скрыто великолѣпіе небеснаго свода, и эти животныя, столь смѣлые и оживленныя, таились въ скалахъ и кустарникахъ. Тогда не слышно было съ весеннихъ зеленыхъ вѣтвей пѣвучихъ восклицаній пестрыхъ птицъ, суровая ярость сѣвернаго вѣтра заставляла ихъ молчать и срывала съ деревьевъ много засохшихъ вѣтокъ, тогда должны были подчиниться игу льда и обильная водами рѣка, и мелкій ручей, и то, что теперь исполнено жизненной

¹⁾ Rime di Vitt. Colonna, Bergamo, 1760, p. 71, 72. Quando mira la terra ornata e bella, Di mille vaghi et odorata fiori...

свѣжести и радости, томилось тогда, какъ въ смертельной болѣзни».

И въ этихъ стансахъ нельзя не признать ясно выраженной и развитой потребности созерцать и живописать внутренніе образы вмѣстѣ съ картинами природы.

Нѣчто напоминающее жалобные звуки Петрарки (канцоны I и VIII) можно встрѣтить и у Боярдо, напр. въ 89 сонетѣ: ¹⁾ «О, тѣнистые лѣса, столь часто слышавшіе мои жалобы, прерывавшіяся вздохами, о, свѣтлое солнце, видѣвшее съ твоего вѣчнаго пути мои слезы въ теченіе столь многихъ дней; о, пестрыя птицы, робкія животныя, и не видѣли близко раздиравшихъ меня страданій, о, летучій ручей, къ которому я, въ пустынной скалистой долинѣ, столь часто приносилъ мою мечту; вы, постоянные свидѣтели моихъ мрачныхъ огорченій, дайте ей, гордой, правдивую вѣсть о моемъ мученіи: отъ васъ оно не скрыто. Не поможетъ-ли свидѣтельство изъ вашихъ устъ, если ежедневно она видитъ мое тяжкое страданье и, видя, еще не вѣрить собственнымъ глазамъ?»?

Даже великий Лоренцо Медичи (род. въ 1449 г.), который въ особенности наполняетъ свои идилліи роскошными изображеніями природы, умѣетъ аккорды глубокаго чувства сочетать съ основнымъ тономъ истиннаго чувства природы. И у него можно найти «то сладострастіе страданія, то наслажденіе въ изображеніи несчастія и отреченія, тѣ чудные мотивы, которые такъ выгодно отличаются сонеты XIV и XV столѣтій отъ позднѣйшихъ поэтическихъ произведеній» ²⁾). Слѣдующій сонетъ содержитъ нѣжную похвалу женщинѣ: «Откуда, пурпурныя фіалки, богатыя великодѣшемъ красокъ, срываемыя въ зелени ея бѣлой рукой, приходить къ вамъ воздухъ, такъ пріятно украшающій васъ, и роса, подъ которой вы улыбаетесь мнѣ навстрѣчу? Кто далъ солнцу такую волшебную силу? Кто нашелъ ароматъ, освѣжающій намъ чувства, обиліе прелести, восхищающей наше зрѣніе, то, что природа произвела самаго пріятнаго? Любезныя фіалки, та рука, которая васъ среди тысячи другихъ отыскала въ тѣни, она такъ чудесно украсила васъ. Она взяла у меня

¹⁾ Ombrosa selva, che il mio duolo ascolti...

²⁾ См. Geiger, op. c., 186.

сердце, и она же мыслямъ дала высшій полетъ въ счастливые часы. Ее, которая выбрала васъ, ее одну должны вы благодарить» ¹⁾.

Какъ мы видимъ, итальянцы XIII и XV столѣтій вполнѣ проникнуты нашимъ новѣйшимъ духомъ; именно они открываютъ путь для новѣйшаго образа мыслей и чувствъ. Они чувствуютъ и сознаютъ себя личностями, они размышляютъ о своей внутренней жизни, они наслаждаются природой, въ ея пріятныхъ и возвышенныхъ красотахъ, они изображаютъ ее въ поэзіи и прозѣ, какъ для того, чтобы оттѣнить чувство подходящимъ противуположеніемъ, такъ и ради самого пейзажа.

И во всемъ этомъ существуетъ субъективно-индивидуальный духъ, въ отдельности столь трудно поддающейся опредѣлению признакъ нашей современности,—и въ сравненіяхъ, и въ рефлексивномъ противупоставленіи искусства и природы, въ идиллическо-сантиментальномъ изображеніи пастушескаго блаженства и золотого вѣка, въ симпатическомъ слияніи внутренняго и вѣшняго міра или въ исполненныхъ чувства и настроенія пейзажныхъ описаніяхъ съ мельчайшими деталями, съ всей сокровенной прелестью, такъ что легко даже прослѣдить наслажденіе, съ какимъ эти итальянцы подслушивали у матери-природы самыя нѣжныя тайны ея.

Такого развитія ума и сердца, такой культурной высоты, такого ясно-выраженнаго индивидуализма не представляеть намъ остальная Европа того времени.

Поэзія природы эпохи Возражденія дѣлаетъ свой дальнѣйшій шагъ уже гораздо позже.

Теперь мы обратимся къ тѣмъ родственнымъ народамъ, которые, благодаря открытиямъ новыхъ странъ, испытали не только значительный соціально-экономический, но и художественный подъемъ,—къ испанцамъ и португальцамъ, и посмотримъ, какъ и насколько путешествія въ отдаленные и закрытые до того времени части свѣта, своими впечатлѣніями величественныхъ и чудныхъ пейзажей, оказывали возбуждающее и оплодотворяющее дѣйствіе на воображеніе.

1) По переводу ф. Реймента.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Водушевление природой у путешественниковъ-открывателей и отношение католического мистицизма къ природѣ.

Открытие внутренняго міра, всей глубины содержанія человѣческаго существа есть дѣло итальянскаго Возрожденія. Буркгарть по справедливости восхваляетъ эту великую культурно-историческую заслугу, когда говоритъ: «Что касается страстной душевной жизни, то въ средневѣковой поэзіи, правда, можно найти предчувствіе ея (какъ, напр., въ «Тристанѣ» Готфрида), но эти перлы разсѣяны въ цѣломъ морѣ условнаго и искусственнаго, и содержаніе ихъ всетаки остается еще весьма отдаленнымъ отъ полнаго объективированія внутренняго человѣка и его духовныхъ богатствъ». Открытие красоты пейзажа есть необходимое дополненіе къ пробужденію индивидуализма, къ проникновенію въ глубины человѣческой души, такъ какъ природа открывается вполнѣ лишь вполнѣ развитому человѣку; только при созрѣвающемъ сознаніи растетъ и эстетическое пониманіе; только тотъ, кто обладаетъ содержаніемъ мысли и чувства, умѣеть внимательно замѣтить и истолковывать прелести природы и въ этомъ отношеніи получастъ надъ нею власть. Даже и эта мысль высказана была однимъ изъ философскихъ умовъ Возрожденія: ее можно найти у Пико делла Мирандола въ его рѣчи о достоинствѣ человѣка: ¹⁾ «Богъ въ концѣ дней творенія создалъ человѣка для того, чтобы тотъ познавалъ законы мірового цѣлага, любилъ его красоту и удивлялся его величию. Онъ не связалъ его ни съ какимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ, ни съ какимъ опредѣленнымъ дѣломъ, ни съ какими необходимостями, но далъ ему подвижность и свободную волю. «Въ срединѣ міра, говоритъ Творецъ Адаму, поставилъ я тебя, для того, чтобы тѣмъ легче было осматриваться тебѣ кругомъ и видѣть все, что тамъ заключается. Я создалъ тебя существомъ и земнымъ, и небеснымъ, и смертнымъ, и бессмертнымъ, именно для того, чтобы ты самъ направлялъ и побѣждалъ себя; ты можешь выродиться въ

¹⁾ Burckhardt, op. cit., 72.

животное, и можешь вновь возродиться въ богоподобное существо. Животное выносить уже изъ утробы матери все то, что должно быть у него; высшій духъ бываетъ сначала или дѣлается вскорѣ послѣ того тѣмъ, чѣмъ остается вѣчности. Въ тебѣ заключается развитіе, ростъ по твоей свободной волѣ, зачатки всесторонней жизни». — И для такой всесторонней жизни развивались ~~лучшие~~ люди Возрожденія. Для нихъ возникъ не только новый міръ внутри ихъ самихъ, но и открылся отдаленный, давно уже предугаданный, являвшійся въ фантастическихъ мечтахъ, міръ, который съ тѣхъ поръ стали называть «новымъ». Научное изслѣдованіе этихъ дальнихъ частей свѣта есть также великая заслуга итальянцевъ XIV и XV столѣтій.

Хотя побужденія путешественниковъ, дѣлавшихъ открытия, такъ же, какъ и предшествовавшихъ имъ крестоносцевъ, могли быть смѣшанного, даже чисто эгоистического характера, тѣмъ не менѣе, мы легко можемъ представить себѣ — какое впечатлѣніе они должны были испытывать ¹⁾), когда увидали наслаждающихся золотымъ вѣкомъ людей, не знающихъ культуры, одежды, денегъ, законовъ, мѣры и вѣса, судей и книгъ, удовлетворенныхъ благами природы и не заботящихся о будущемъ, когда передъ ними открылись роскошная растительность и великолѣпный климатъ тропическихъ странъ, съ ихъ величественными, таинственными лѣсами, съ безчисленными стаями блестяще оперенныхъ, мелодично поющихъ птицъ, съ бальзамическимъ ароматомъ зарослей пряныхъ растеній и покрытыхъ цветами пространствъ, съ лучезарнымъ блескомъ и ясностью усѣяннаго звѣздами неба.

Однако, одно дѣло — наслаждаться и чувствовать, и другое — это чувство, это наслажденіе выражать и передавать словами. Сами путешественники вполнѣ это сознаютъ и жалуются,

¹⁾ Ср. Pet. Martyr, *De rebus oceanicis*, Colon. 1574, p. 22: «Nudi, sine ponderibus, sine mensura, sine mortifera denique pecunia, aurea aetate viventis, sine legibus, sine columniosis indicibus, sine libriss, natura contenti vitam agunt, de futuro minime solliciti; dec I, 3 p. 45: Aetas est illis aurea neque fossis neque parietibus ant sepibus prae-dia sepiunt. Apertis vivunt hortis. Sine legibus, sine libriss, sine indicibus suapte natura rectum colunt». Ср. далѣе Heronimii Osorii, Lusitani in Algarbils episcopi, *De rebus Emmanuelis Susitaniae regis invictissimi*, *Coloniae*, MDLXXXVI, Lib II, p. 49, описание бразильцевъ p. 63 и слѣд.

что у нихъ нѣтъ достаточно словъ для того, чтобы дать настоящее понятіе о красотѣ зрѣлища, представляющагося ихъ удивленному взору. Ихъ описанія получають особый характеръ, благодаря тому, что эти побольшѣй части скромные, малообразованные моряки, естественно, ставятъ на первомъ мѣстѣ удивляющее ихъ богатство и изобиліе растений и продуктовъ такъ же какъ и ихъ полезность, и съ удовольствиемъ отмѣ чаютъ благопріятное положеніе гаваней и бухтъ, величину и толщину древесныхъ стволовъ, пригодныхъ для кораблестроенія, урожай хлѣба на поляхъ, удобныхъ для земледѣлія и т. д. Правда, и эти неискусные въ изображеніяхъ разсказчики не могутъ не замѣтить прелестей всего новаго и красиваго, чтоб имъ встрѣчается, но они рѣдко идуть дальше скучныхъ выражений: «привлекательный, прекрасный» и т. п., если не обладаютъ такимъ своеобразнымъ и могучимъ умомъ, какъ итальянецъ Христофоръ Колумбъ.

Марко Поло описываетъ свое путешествіе отъ плоскогорья внутренняго Ирана до береговъ Ормуза ¹⁾ весьма просто, хотя и онъ выказываетъ признаки удовольствія, доставляемаго ему своеобразнымъ строеніемъ видимой имъ страны. Такъ, у него есть описание «пріятной равнинныи и города Кормоса»: «Наконецъ приходятъ къ весьма красивый равнинѣ, которая продолжается на два дня пути и называется Прекрасной (переводчикъ переводить здѣсь слово Formosa на германскій языкъ). Въ этой странѣ много ручьевъ и пальмовыхъ деревьевъ. Тамъ есть также много хохлатыхъ итицъ, которыхъ нельзя найти по эту сторону моря. Оттуда приходятъ къ морю Океану; тамъ лежитъ на берегу городъ Кормось, имѣющій хорошую гавань, гдѣ собирается много купцовъ, привозящихъ изъ Индии пряности, индиго, драгоценные камни, шелковые одежды и проч. Въ этой странѣ они сбываются въ зимній мѣсяцъ и въ мартѣ жнутъ и тогда собираются и другие плоды, такъ какъ послѣ марта засыхаютъ листья на всѣхъ деревьяхъ и трава, и во все лѣто нельзя найти ни одного зеленаго листа, развѣ только на водѣ» ²⁾. Въ такомъ

¹⁾ Ruge, «Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen», Berlin 1881 (Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen von Oncken). S. 55.

²⁾ «Von den lustigen veld und von der statt Cormos»: Zu letzterem kommt man zu einm tiberaus hyperschen veldt, das ist zwe tagreisen lang, und heisset das orth die schone. Inn disem land sind vil wasser bâch

же родѣ говорить онъ о видѣнныхъ имъ пейзажахъ; онъ видѣлъ степи Персіи и зеленая плоскогорья и дикия ущелья Бадахшана; онъ разсказываетъ о Японіи, съ ея крытыми золотомъ дворцами, и о Бирмѣ, съ ея золотыми пагодами; впервые изображаетъ райскія остронные луга Зондскихъ острововъ съ ихъ ароматиче скими пряностями, дальнюю Яву и Суматру съ ихъ многочисленными королевствами и т. д. На первомъ планѣ для него, естественно, являются национальныя черты чуждыхъ народовъ, ихъ нравы и обычаи и польза и плодородіе страны. — Епископъ Озоріо даетъ намъ въ своей исторіи Эммануила, короля Португалии, много не лишенныхъ интереса изображений; интересъ ихъ заключается и въ характерной простотѣ, сообразно преобладающей точкѣ зреія полезности, и въ просвѣчивающемъ въ нихъ удовольствии по поводу привлекательности вновь открытыхъ странъ. Такъ, онъ разсказываетъ о спутникахъ Ваксо де Гамы, что ихъ приводили въ удивленіе крайніе берега Африки, такъ какъ они «видѣли тамъ плодородіе вмѣстѣ съ веселую мѣстностью; именно они видѣли громадные лѣса и густыя дубровы, безчисленныя стада скота и множество двигающихся во всѣ стороны людей»¹). Вполнѣ оригинальное впечатлѣніе произвели на нихъ исполинскія пальмы на Мозамбикѣ съ длинными листьями, пріятною тѣнью и огромными кокосовыми орѣхами²).

Мелинда описывается слѣдующимъ образомъ: «Городъ лежитъ на равнинѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ густою зеленою садовъ; онъ богатъ деревьями, особенно лимонами, отъ цвѣтовъ которыхъ далеко распространяется пріятнѣе благо-

und palmen beum. Es seind auch mangerley vügel mit hauffen da, zuvor papageyen werden, die diesset des meeres nicht fünden werden. Von denen kompt man zu dem meer Ocean, do ligt am gestaden die statt Kormos, die hat ein guten port, da viel Kaufleut zusammen kommen, die bringen aus India spezerey, berlin, edelgestein, gewant von seiden u. s. f. Sie seehen inn disem land im Wintermonat, und im Mertzen ernden sie, dann sind auch andere fruchtzeitig abzulesen, dann nach dem Mertzen verdorren alle beum am laub und gras und findet man den gantzen summer kein grieu blat, es sey denu an deu wassern»... «Die New Welt der Landschaften, Insuln etc. Strasburg, 1534, Fol. 107.

¹⁾ Op. cit. p. 23: Cum... situm et fertilitatem cum iucunditate percipereut...

²⁾ Ibid. p. 25.

уханіе. Страна плодородна и изобильна; она богата не только стадами, но и всякаго рода животными, которыя, при посредствѣ охоты и рыбной ловли, употребляются въ пищу» ¹). Точно также изображается островъ Занзибаръ, какъ роскошный и плодородный, привлекательный многочисленными источниками и густыми лѣсами, отстоящій отъ материка почти на 24,000 шаговъ ²); «На немъ растутъ, между прочимъ, на открытомъ воздухѣ очень высокія деревья (*Malimedicae*), отъ цветовъ которыхъ, когда вѣтъ тихій вѣтеръ, даже въ отдаленный мѣста, распространяются пріятнѣйшия ароматы». Бразилия названа «плодородной и прекрасной страной» и «столь здоровой что тамъ почти нѣть нужды въ лѣкарствахъ, и всѣ умираютъ только отъ старости; она орошается многими большими рѣками, имѣетъ безчисленные источники прѣсной и всегда текущей воды и по большой части украшена лѣсами, горами и долинами; лѣса густы и тѣнисты, съ деревьями, которыя раньше были намъ совершенно неизвѣстны, какъ, напр., то, изъ листьевъ котораго приготавляется бальзамъ, или другія, изъ которыхъ добывается красная краска, здѣсь находять также цѣлительныя травы» ³).

Объ островѣ Армуэзѣ (близь Аравіи) говорится: «Онъ сухъ и неплодороденъ, но хотя онъ вообще ничего не приносить, чѣмъ люди могли бы питаться или украшать себя, онъ изобилуетъ столь роскошными древесными и полевыми плодами, съѣдобными вещами и лакомствами, какъ никакія другія мѣста въ Аравіи, Персіи или Индіи, такъ какъ все самое великолѣпное привозятъ туда корабли» ⁴).

На той же, певысокой въ эстетическомъ смыслѣ точкѣ зреянія, въ которой смѣшиваются радостное изумлѣніе при

¹) Ib. p. 29: *Urbs est in planicie sita. Cingitur antem undique multiplici hortorum viriditate. Abudat multis arboribus, in primis autem citreis malis, e quarum floribus odores suavissimi admodum longe diffunduntur.*

²) Ib p. 40: *Zanzibarim, fertilem et optimam, fontibus crebris et densis nemoribus amoena...*

³) Ib. p. 49; объ о. Св. Елены съ ея здоровымъ и столь удобнымъ для пострадавшихъ моряковъ положеніемъ среди океана, ср. p. 62: *Fringivios habet gelidos atque perennes et silvas atque nemora densissima cadumaque salinerrimum; о Малаккѣ p. 186: Arboribus et varies fructidus abundat; Sundae iusulae p. 243 и т. п.*

⁴) Ib. p. 161.

видъ великолѣнія чуждаго міра и восторженное соображеніе о плодородіи страны и возможныхъ отъ него хозяйственныхъ выгодахъ, стоить и Петеръ Мартиръ въ своемъ описаніи путешествій ¹⁾). «Наконецъ, мореплаватели увидали, разсказываетъ онъ ²⁾, съ веселымъ духомъ желанную землю, и когда они вступили на берегъ, раздалось имъ павстрѣчу изъ густыхъ кустовъ соловыиное пѣніе, въ срединѣ ноября, и они дивились громаднымъ потокамъ прѣсной воды и естественнымъ гаванямъ, которыя могли бы вмѣстить въ себѣ цѣлый флотъ, тамъ нашли они лѣсныхъ гусей, голубей, утокъ, блестящаго, синѣко-блѣлаго цвѣта и съ пурпурно-красной головой, желтыхъ и зеленыхъ попугаевъ; у другихъ были смѣшанные голубые и красные цвѣта, разнообразіе которыхъ доставляетъ величайшее удовольствіе» ³⁾). «Безпрестанно поднимаются изъ воды новые острова: частью лѣсистые, съ роскошной травой и красивые на видъ, частью сухіе и каменистые, съ очень высокими скалистыми горами; частью показывали они на голыхъ скалахъ пурпурно-красные цвѣта, частью фиолетовые, частью блестящѣ-блѣлые»... ⁴⁾.

Цѣлую страницу наполняетъ описание чудеснаго изобилия цвѣтовъ, плодовъ и овощей всякаго рода, которые богатая почва даетъ садовнику во множествѣ даже въ февралѣ ⁵⁾). Густота травы въ преріяхъ ⁶⁾), красота рѣкъ, обилие плодовъ ⁷⁾), громадная величина деревьевъ—насколько они полезны, насколько они доставляютъ туземцамъ матеріалъ для хорошихъ построекъ ⁸⁾—разнообразіе и польза пиній, пальмъ, капштановъ, орѣшниковъ ⁹⁾), огромное количество воды, какое рѣки изливаютъ въ море ¹⁰⁾),—все это перечисляется съ изумленіемъ, по хозяйственный интересъ становится выше эстетического, даже когда авторъ, говоря объ Эспаньоль (Гаити) на-

¹⁾ *De rebus oceanicis et novo orbi Decades tres Petri Martiris ab Angleria Mediolanensis, Coloniae, 1574.*

²⁾ *Dec. I, lib. I, p. 3 fin.*

³⁾ *76. p. 8, quae varietas parit delectationem.*

⁴⁾ *ib. p. 19.*

⁵⁾ *Dec. I, III, p. 30.*

⁶⁾ *p. 41.*

⁷⁾ *p. 57.*

⁸⁾ *ib. p. 158.*

⁹⁾ и ¹⁰⁾ *p. 190.*

зываетъ ее страной болѣе счастливой, чѣмъ Италія ¹). Въ этихъ описаніяхъ нельзѧ открыть никакого слѣда извѣстнаго настроенія въ передачѣ новыхъ впечатлѣній; за исключеніемъ хозяйственнаго отношенія къ природѣ или воззрѣнія на пейзажъ во всемъ его цѣломъ; авторъ нигдѣ не поднимается выше отдѣльныхъ подробностей, которыя приковываютъ его глаза, хотя по большей части его занимаетъ ихъ материальная польза.

Искренняя радость, доставляемая красотою природы вновь открытыхъ странъ, выступаетъ и въ отчетѣ образованнаго венецианскаго дворянинѣ Алонзѣ да Мосто о путешествіи къ Зеленому мысу, предпринятіемъ по порученію Генриха Мореплавателя ²): «Зеленый мысъ называется такъ отъ зеленыхъ деревьевъ, которыя находятся тамъ и кажутся цѣлый годъ зелеными. Его нашли португальцы и назвали такъ отъ зеленыхъ деревьевъ, такъ же какъ Бѣлый мысъ отъ бѣлаго песку. Но Зеленый мысъ высокъ и пріятенъ на видъ; онъ стоитъ въ срединѣ между двумя горами и распространяется въ море, окруженнный многими хижинами и жилищами черныхъ мавровъ, весьма выдѣвгающимися къ морю. Надо знать также, что у Зеленаго мыса берега сближаются и образуютъ заливъ, весьма пріятный на видъ; онъ окруженнъ множествомъ прекрасныхъ деревьевъ; на нихъ остаются листья, покуда выростутъ другія, и они всегда зелены. И хотя они стоятъ отъ моря далѣе, чѣмъ на выстрѣль изъ арбалета, но издали кажется, что они стоятъ у моря. Это чрезвычайно пріятно видѣть. Я много путешествовалъ и на восходѣ и на закатѣ солнца, но не видѣль ничего прекраснѣе».

По этому поводу справедливо замѣчаетъ Руге: «Восхищеніе красотой тропическаго пейзажа не отражается въ перевода умѣреннаго, благоразумнаго страсбургскаго бургера XVI вѣка, но оно ясно чувствуется въ подлинникѣ» ³). По-

¹) р. 282.

²) Нѣмецкій переводъ его содержится въ пазванной выше книжѣ «Die Neu Welt» (Ruge, op. cit., 93); самый текстъ находится въ «I viaggiodi Giovan Leone e de Navigazioni Di Aloise da Mosto, Di Pietro di Cintra, di Anxone, Di un Piloto Portoghes e di Vasco Di Gama Qualli si leggono nella raecolta di Giovambattista Ramusio, Volume unico Venezia 1837.

³) Прилагаю слѣдующую выписку изъ Рамузіо (см. назв. выше сочиненіе, 190): E la costa è tutta terra bassa, copiosa di bellissimi e

этому Колумба нельзя признать первымъ, какъ полагаетъ А. Гумбольдтъ, кто краснорѣчиво выразилъ волшебное впечатлѣніе береговъ Нового свѣта; тѣмъ не менѣе, оставляя даже въ сторонѣ его исключительное значеніе, онъ можетъ служить для насъ типичнымъ представителемъ воззрѣнія на природу путешественниковъ того времени. Гумбольдтъ замѣчательно вѣрно оцѣнилъ эту сторону знаменитаго мореплавателя въ своихъ критическихъ изысканіяхъ по истории XV^о и XVI^о столѣтій, и указалъ какимъ глубокимъ чувствомъ природы былъ одаренъ великий путешественникъ, какъ онъ открывшися его взорамъ новую землю и новое небо описалъ съ прелестью и простотою выраженія, которыхъ могутъ быть вполнѣ доступны только тому, кто знакомъ съ силою языка того времени ¹⁾.

Въ исторіи поэзии природы Колумбъ служить поучительнымъ подтвержденіемъ факта, что вмѣстѣ съ внутреннимъ ростомъ человѣка возрастаѣтъ впечатлительность его къ произведеніямъ природы. Никто не будетъ отрицать, что и необразованные моряки и даже крестьяне или другие простые люди, если только въ нихъ заключается искра высшаго чувства, могутъ съ живостью воспринимать впечатлѣніе величественнаго и въ особенности чуждаго имъ пейзажа. Но выразить словомъ свои ощущенія для нихъ является непреодолимымъ затрудненіемъ. Наоборотъ, какъ замѣчаетъ Гумбольдтъ, при усиленіи внутренней жизни, чувства облагораживаются языкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаѣтъ изобразительная способность.

Мы обязаны почтенному Фернандесу де-Наваррету мастерскимъ изданіемъ дневника великаго человѣка, въ которомъ мы можемъ прослѣдить возрастающую восприимчивость его къ впечатлѣніямъ природы, поднимающуюся до «глубо-

grandissimi arbore verdi che mai non pardono fuglia tutto l'anno, civi che mai non seccano, come le nostre di qua; ma prima nasce una foglia avantichѣ gettano l'altra: e vansiene questi arbori fino sulla spiaggia ad un trarre di balestra, che pare che beano sul mare; ch'è una bellissima costada vedere, e secondo me, che pur ò navigato in molti luoghi in Levante e in Ponente, mai non vidi la piú bella costa di quel che mi parse questa? la quale è tutta bagnata da molte riviere e fiumi piccoli, non da conto, perch  in quelli non potranno entrare nivili grossi.

¹⁾ Examen critique etc; Kosmos II S. 56.

каго и поетического ощущенія величія творенія»¹). 8-го октября 1492 года онъ пишетъ въ своеемъ дневнике: «Море, благодаря Бога, также прекрасно, какъ рѣка въ Севильѣ; воздухъ также мягокъ, какъ въ Андалузіи; вдыхать его доставляетъ удовольствіе, потому что онъ наполненъ бальзамическими благоуханіями». Различія въ силѣ и въ физіономіи растительности, первобытная роскошь природы, обширныя устья рѣкъ, берега, отѣненные лѣсами и покрытые птицами, охотящимися за рыбой, чистая, прозрачная вода, стекающая съ горъ, пространная даль, открывающаяся съ нихъ, ароматическій запахъ, наполняющій воздухъ,—все это становится предметомъ его описанія, когда передъ нимъ открываются берега Кубы, острововъ Лукайскихъ и Харданильсь. Каждая новая страна кажется ему прекраснѣй той, которую онъ описалъ раньше; онъ скорбитъ о томъ, что онъ не въ силахъ измѣнить формы выраженія, чтобы передать королевѣ неоцѣненныя впечатлѣнія, какія доставляютъ ему берега Кубы.

Было бы полезнымъ и достойнымъ трудомъ ближе пр
слѣдить этотъ дневникъ, такъ какъ Гумбольдтъ разматри-
ваетъ только краткія и разрозненныя извлеченія изъ него;
кромѣ того, не передавая его подстрочно, не могло не яв-
ляться искушенія прибавить къ нему пѣчто современное, слад-
ить и отѣвать его выраженія, что однако равносильно не-
намѣренному искаженію. Такъ, напр., у Пешеля выходитъ
весьма красиво, но пѣсколько преувеличено, когда онъ гово-
рить: «Колумбу недостаточно прислушиваться къ соловы-
чнымъ трелямъ, сравнивать теплый вестъ-индскій воздухъ съ
андалузской весной и любоваться роскошной дикостью травя-
нистыхъ, влажныхъ береговъ и богатствомъ растительныхъ
формъ въ тропическихъ лѣсахъ, оживленныхъ стаями попу-
гаевъ... Воспиримчивый ко всякой мягкой прелести природы и
ко всемъ красивымъ чудесамъ творенія, онъ всматривается въ
великолѣпіе тропиковъ, почти также, какъ пѣжій отецъ въ
сияющіе глаза ребенка»¹).

¹⁾ У меня въ рукахъ второе изданіе: «Coleccion de los viajes y descubrimientos que hicieron pir mar los espanoles desde fines del siglo XV con varios documentos ineditos... coordinada e illustrada Por Don Martin Fernandez de Navarrete, Tomo I, Viajes de Colon: Almirantazgo de Castilla, Madrid 1858.

²⁾ Peschel, Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, 1858, S. 204.

Въ дневнико отъ 3-го ноября говорится: «Онъ ничего не могъ видѣть за густотой лѣса; деревья были очень свѣжы и благоуханны, почему онъ и сказалъ, что не сомнѣвается въ томъ, что тамъ есть ароматическая травы, и все видимое имъ было такъ прекрасно, что у него не уставали глаза, глядя на такую прелестную картину и слушая пѣніе птицъ» ¹). 14-е ноября онъ выражаетъ удивление, видя столь многочисленные острова, столь большія пальмы, столь высокія горы и полагаетъ, что на свѣтѣ нигдѣ нельзя найти горъ прекраснѣе и выше, безъ снѣга и тумана... Однако, онъ скромно прибавляетъ отъ 25-го ноября къ своему восхваленію прекрасныхъ водъ, текущихъ съ горъ, увѣнчанныхъ лиственницами, и прекрасныхъ рощъ, что эти деревья были бы особенно хороши для кораблестроенія. Тѣмъ не менѣе, у него постоянно прорывается восторгъ по поводу свѣжести деревьевъ, чистоты воды и красоты птицъ и всего изумительно прекраснаго и привлекательнаго; онъ говорить, что хотѣлъ бы никогда не уходить оттуда и для того, чтобы дать отчетъ королевѣ обо всемъ, что они тамъ видѣли, подостаточно было бы тысячи языковъ и его рука не въ силахъ описать видѣніаго имъ, настолько онъ этимъ очарованъ ²).

Отъ 13-го декабря разсказывается онъ, какъ посланные имъ удивлялись красотѣ и плодородію страны и объясняли, «что прекраснѣйшія страны Кастиліи не могутъ выдержать сравненія съ открытыми ими по привлекательности и богатству, что онѣ различны какъ ночь и день; даже страна Кордовы стоять ниже ихъ; они говорили, что всѣ эти страны обработаны и что посреди ихъ, въ долинахъ, протекаетъ рѣка. Всѣ деревья были зелены и полны плодовъ, а травы — цвѣ-

¹) Navarrete, p. 199: Dice... que todo era tan hermoso lo que via, que no podia, cansar los ojos de ver tanta lindezza, y los cantos de los aves y pajaritos.

²) p. 220: Dice maravillas de las lindezza de la tierra y de los arboles donde hay pinas y palmas y de la grande vega... y bajos, la mas hermosa cosa del mundo, y salan por ella muchas riberas de aguas que descienden destas montañas... Andando por ella fue cosa maravillosa ver las arboledas y fresuras y el agua clarisima y las aves y amenidad, que dice due le parecia que no quisiera salir de alli. Iba diciendo a los hombres que llevaba en su compagnia, que para hacer relacian a los Reyes de las cosas que vian no bastaran 1000 lenguas a referillo ni su mano para lo escribir que le parecia questabo encantado.

туши и очень высоки; воздухъ былъ теплый какъ въ Кастилии въ апрѣль; пѣли соловьи и другія птички, какъ въ томъ же мѣсяцѣ въ Испаніи, и какъ, они говорили, ничего въ мірѣ не могло быть пріятнѣе. По ночамъ сладко пѣли какія-то маленькия птички и слышно было множество сверчковъ и лягушекъ» ¹⁾.

Все это указываетъ добродушное, наивное наслажденіе природой, одинаково далекое какъ отъ всякой рефлексіи и сентиментальности, такъ и отъ индивидуального взгляда на природу или возврѣнія на страну, какъ на отдѣльный пейзажъ, какъ на одно цѣлое, составленное изъ красокъ, линий и состоянія неба и погоды. Въ письмѣ Колумба, которое Гумбольдтъ приводить въ своихъ изслѣдованіяхъ ²⁾, мы читаемъ: «Островъ Куба содержитъ въ себѣ горы, которыя достигаютъ до неба; со всѣхъ сторонъ ихъ орошаютъ обильные водою и полезные для здоровья потоки; всѣ эти страны представляютъ многообразные виды; наполненные деревьями различныхъ породъ, частью осыпанныхъ цветами, частью обремененныхъ плодами, они выказываютъ величайшую красоту и соразмѣрность; тамъ есть семь или восемь различныхъ пальмъ, превосходящихъ наши пальмы какъ красотой, такъ и величиной; пинии тамъ достойны удивленія; равнины и луга весьма обширны». Гумбольдтъ справедливо замѣчаетъ по поводу этого письма: «Я долженъ обратить здѣсь вниманіе, насколько эти, пожалуй, слишкомъ частыя выраженія восторга свидѣтельствуютъ о живомъ чувствѣ красоты природы, какъ какъ оно касается только тѣней и листвы, а не обозначенія драгоцѣнныхъ металловъ». Дѣйствительно, способ-

¹⁾ p. 238: Dijeron tambien de la hermosura de las tierras que vieron, que ninguna comparacion tienen los de Castilla las mejores en hermosura y en bondad... ni la campina Cordoba llegaba aquella con tanta diferencia como tiene el dia de la noche. Decian que todas aquellas tierras estaban labradas y que por medio de aquel valle pasabo un río muy ancho y grande que podia regar todos las tierras. Estaban todos los arboles verdes y llenos de fruta, y las yerbas todas floridas y muy altas; los caminos muy anchos y buenos; los aires eran como en Abril en Castilla; cantaba el ruiseñor y otros pajaritos como en el dicho mes en Espana, que dicen que era la mayor dulzura del mundo. Las noches cantaban algunos pajaritos suavemente, los grillos y ranas se oian muchas.— Подобное тому записано въ дневникѣ отъ 21-е декабря.

²⁾ Kosmas, II, 159.

ность находить живое выражение для впечатлений природы, хотя бы пробуждающихъ только восторженное изумление, все растеть у Колумба, какъ это можно видѣть въ величественномъ изображеніи природы въ «*Lettera rarissima*» отъ 7 июля 1503 года: «Я оставался пятнадцать дней въ гавани, такъ какъ этого требовала жестокая погода. Потомъ, когда я прошелъ четыре мили, буря вернулась опять и такъ меня измучила, что я, съ своей стороны, не видѣлъ никакого спасенія; моя рана открылась вновь, и я не надѣялся на сохраненіе моей жизни; глаза мои никогда не видали моря столь высокимъ, страшнымъ и съ такой пѣной. Вѣтеръ не давалъ возможности ни идти дальше, ни пристать къ какому-либо мысу. Онъ держалъ меня въ этомъ морѣ, превращенномъ въ кровь и кипѣвшемъ какъ котель на большомъ огнѣ. Никогда не видали небо столь страшнымъ; цѣлый день и ночь оно пыпало, какъ печь, и таково было пламя молній, что мы удивлялись, какъ онѣ не истребили мачты и парусовъ; ужасные волны пеились съ такою яростью, что мы все думали, что онѣ потопятъ корабли. Во все это время вода не переставала литься съ неба; можно было сказать, что это не дождь идетъ, а опять наступасть потопъ. Люди были такъ измучены, что желали смерти для избавленія отъ такихъ страданій. Корабли уже два раза теряли шлюпки, якоря и канаты и стояли открытыми безъ парусовъ» ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ Колумбѣ мы видѣмъ живого представителя чувства природы, какое развивается и въ необразован-

¹⁾ Navarrete, 449: «Detureme alli quince dias que asi lo quiso el cruel tiempo... y llegado con 4 leguas revino la tormenta y me fatigó tanto a tanto que y a no sabia de mi parte. Alli se me refrescó del mal la llaga: nueva dies andudo perdido sin esperanza de vida: ojos nunca vieron la mar tan alta, fea y hecha espuma. El viento non era para in adelante, ni daba lugar para correo hacia algun cabo. Alli me detenia en aquella mar fecha sangre, harbiendo como caldera por gran fuego. El cielo jamas fue visto tan espantoso: un dia con la noche ardió como forno; y asi echaba la llama con los rayos, que cada vez miraba yo si me habia llevado los mastebs y velas; venian con tanta furia espantables que todos creiamos que me habian de fundir los navios. En todo esto tiempo jamás cesó agua del cielo, y no para decir que llovia, salvo que resegundaba otro diluvio. La gente estaba ya tan molida que des estaba ia muerte para salir de tantos martirios. Los navios ya habian perdido dos veces lots barcas, anclas, cuerdas, y estaban abiertos, sin velas...»

лыхъ умахъ и поднимается выше обычной точки зреяния радости при видѣ полезнаго до благоговѣйнаго удивленія предъ чудесами міра, развертывающимися передъ глазами. У Колумба это чувство не находитъ соотвѣтственныхъ словъ передъ величествомъ и силой разнообразныхъ, поражающихъ его впечатлѣній, но у него является своего рода краснорѣчіе и энергія изображенія, когда, какъ въ приведенномъ описаніи морской бури, стихіи привлекаютъ и возбуждаютъ воображеніе и душу. Правда, Колумбу недоставляло физическихъ и метеорологическихъ, ботаническихъ и зоологическихъ знаній, но, не говоря уже о величайшей энергіи и рѣдкой глубинѣ чувства, разительнымъ доказательствомъ которой служить описание ночного видѣнія въ «*Lettera rarissima*»¹⁾), онъ превосходилъ другихъ путешественниковъ въ новыя страны острою взгляда для наблюденія явлений природы. Какъ мы видѣли, онъ отличаетъ въ Кубѣ семь или восемь видовъ пальмъ, которыхъ ему кажутся прекраснѣе и выше финиковыхъ пальмъ; онъ сообщаетъ своему другу Ангверѣ, что видѣлъ на одной и той же равнинѣ собранными вмѣстѣ ели и пальмы, «*palmeta*» и «*pineta*», удивительно перемѣшанными между собой; онъ наблюдаетъ растительность съ такой проницательностью, что замѣчаетъ первый пиній на горахъ Сибао, приносящія, въ видѣ плодовъ, не шишки, какъ хвойныя деревя, а ягоды, какъ ахарафскія маслины близъ Севильи²⁾). Отчеты о путешествіяхъ Веснуччи, въ особенности его письма къ Медичи, содержать, по большей части, только картины нравовъ и обычаевъ и описанія путевыхъ событій, но у него менѣе умственной оригинальности, чѣмъ у Колумба, рѣчь котораго оживляютъ внезапные порывы того одушевленія, которое вызывается созерцаніемъ великихъ картинъ природы Колумбъ возмѣщалъ не-

¹⁾ Когда онъ тяжко скорбитъ по поводу всѣхъ испытанныхъ имъ неизгодъ и имъ овладѣваетъ жестокое отчаяніе, до его слуха доходитъ сострадательный голосъ: «Малодушный, почему ты медлишь и не возлагаешь своего упованія на Бога? ...Богъ вручить тебѣ ключъ отъ могучихъ узъ океана, отъ тяжелыхъ нѣбъ, которыхъ связывали его какъ бы крѣпкимъ замкомъ (*de los atamientos de la mar Oceana, que estaban cerrados con cadenas tan fuertes, te diò las llaves*), и ты витѣлъ исполненіе Его воли въ громадныхъ пространствахъ земли, и почетная слава твоего имени останется для тебя въ христіанскомъ мірѣ».

²⁾ *Kosmos*, II, p. 56.

достатки своего умственного образования силою и глубиною чувства, и поэтому ему должно быть отведено определенное место на пути развития поэзии природы.

Шумъ моря и свистъ вѣтра, ликующій энтузіазмъ по поводу великихъ открытій, показывающихъ новые міры, звучать въ величественной португальской поэмѣ «Лузіадѣ» Камоэнса. Въ ней высказывается чувство природы, вытекающее изъ личнаго наблюденія отдаленныхъ частей свѣта, такъ какъ поэтъ сражался, въ качествѣ воина, и у подножія Атласа, и на Красномъ морѣ, и въ Персидскомъ заливѣ, два раза обогнувъ мысъ Доброй Надежды и, въ теченіе шестнадцать лѣтъ, на берегахъ Индіи и Китая созерцалъ жизнь океана¹⁾). Вслѣдствіе того, ему удаются какъ нельзя лучше прекрасныя, полныя красокъ картины моря—идетъ-ли дѣло о жестокой бурѣ на открытомъ океанѣ, или объ электрическихъ явленіяхъ, или о водяномъ смерчѣ, или объ очаровательныхъ островахъ. Все это проникнуто той жизненной теплотой, какая дается только личнымъ наблюденіемъ. Поэтической силой и величественностью замысла онъ нерѣдко напоминаетъ Данта, а наглядностью и полнотою описанія отдаленныхъ частей свѣта — одушевленныя картины первыхъ и нѣкоторыхъ послѣдующихъ путешественниковъ въ неизвѣстныя страны. Поэма Камоэнса мѣстами — дневникъ Колумба, поэтически обработанный, превращенный въ художественное эпическое произведение: въ ней тогъ-же пламенныи духъ, та же сила и свѣжесть наблюденія, но все это выступаетъ въ несравненно большихъ размѣрахъ, благодаря порыву поэтической фантазіи и техники. Сравненія изъ жизни природы или животныхъ попадаются не часто, но въ нихъ всегда бываютъ виолинъ жизненные детали, какъ, напр., въ 23-й строфѣ II пѣсни, гдѣ говорится о муравьяхъ: «Какъ стая муравьевъ, съ жизнью стремлениемъ, прячеть въ землю бремя высоко насыпанной кучи зеренъ и тѣмъ, съ веселой, трудовой бодростью, отражаетъ враждебныя силы зимы, — такъ и нимфы»... или о лягушкахъ (II, 27): «Какъ лягушки... въ озерахъ влажныхъ лѣсовъ, когда онѣ безопасно лежать на сушѣ и, завидя подходящаго путника, прыгаютъ такъ, что шумить тростникъ, спѣшать спастись отъ угрожающей бѣды и тайно укрыва-

¹⁾ Kosmos, II, p. 59.

ются въ извѣстныя имъ мѣста и только поднимаютъ головки изъ воды,—такъ бѣжали мавры»...

Въ другомъ мѣстѣ посіѣшное бѣгство мавровъ сравнивается съ лѣснымъ пожаромъ (Ш, 49): «Подобно тому, какъ пламя вспыхиваетъ въ сухомъ хворостѣ и—когда Борей внезапно поднимается со свистомъ,—наполнившись дыханьемъ вѣтра, обхватываетъ сухой лѣсъ отненными руками; и пастухи, испуганные и оглушенные, среди сладкаго отдыха, шумомъ пожара, который съ трескомъ бѣжитъ дальше и дальше, собираются стадо и спѣшатъ къ деревнѣ,—такъ и мавры»...

Въ 134-й строфиѣ III пѣсни блѣдиющій мертвѣцъ сравнивается съ увядашей розой: «Какъ у цвѣтка, плѣняющаго своей прекрасной бѣлизной, когда его безвременію сорвѣть прелестная дѣвушка, отдѣливъ его быстрыми руками отъ вѣтки, и украсить имъ грудь или чело, исчезаетъ благоуханіе и блѣдиютъ краски,—такъ и на блѣдномъ лицѣ умершаго розы щекъ поблекли и исчезли, и, вмѣстѣ съ дыханіемъ, улетѣли краски жизни».

Душевное настроеніе сравнивается также съ явленіями виѣшняго міра, съ такимъ глубокомысліемъ, которое напоминаетъ изысканныя сравненія Аполлонія Родосскаго ¹), напр., VIII, 87: «Какъ отраженіе драгоцѣннаго кристалла въ стали зеркала возвращаетъ его блескъ, который, усиливаясь солнечнымъ лучемъ, бродить по другимъ предметамъ, и когда кристалла коснется, играя, дѣтская рука, и сверкающій образъ его пошлетъ отблескъ, который колеблется и беспокойно блуждаетъ по стѣнѣ и по потолку,—такъ и въ немъ колеблется... непостоянное сужденіе»...

Очарованію женской красоты, силѣ любви покоряются даже небо и звѣзды, какъ это показываетъ 34-я строфа II пѣсни, восхваляющая Діану: «Отъ далекаго пути горятъ красиѣ ея щеки, и такъ лучезарна прелестъ ея божественнаго лица, что воздухъ и небо дрожать отъ желанія и ее обступаетъ кругомъ влюбленный хоръ звѣздъ».

Гангъ и Индъ выступаютъ, какъ живыя лица, въ 74-й строфиѣ IV пѣсни, о мысѣ Доброй Надежды—въ 50-й строфиѣ

¹) См. Biese, «Entwickelung des Naturgef黨ls bei den Griechen und Römer», S. 81.

У пѣсни. Обозначенія времени бываютъ обыкновенно проникнуты античной миѳологіей, какъ, напр., въ 59-й строфи I пѣсни: «Когда Аврора, съ сіяніемъ свѣта, распустила по небу прекрасныя курдри и отверзла красивыя врата для Гипериона, поднявшагося отъ границъ моря, весь флотъ началъ приготовлять паруса»..., или въ 13-й строфи II пѣсни: «Когда солнце, поднявшись вновь, далеко разило по долинѣ великолѣпіе своихъ лучей и дочь Титана отклонилась отъ Эоира и показала свое чело, пылающее краснымъ пламенемъ,—тогда»...

Но съ осыбымъ удовольствиемъ перо поэта останавливается на изображеніяхъ моря; такъ, онъ переносится въ настроеніе мореплавателей, когда они въ первый разъ увидали передъ собой обширный океанъ (I, 19): «Они плыли уже по широкой поверхности моря и направляли свой бѣгъ чрезъ беспокойныя волны; вѣтры дышали тихо и мягко и слегка вздували полыя паруса. Кругомъ показывался съ бѣлой пѣной великий океанъ, гдѣ верхъ киля раздѣлялъ плещадь священныхъ водъ»... Въ 3-й строфи V пѣсни описывается, какъ постепенно передъ ихъ глазами блѣднѣютъ родныя горы, и они видятъ передъ собой только воздухъ и морскія волны: «Вскорѣ мы открыли врата тѣхъ морей, на которыхъ никогда не появлялись люди, увидѣли другіе пояса, увидѣли гавани острововъ, куда открылъ путь благородный Генрихъ» (Мореплаватель).

Поэтъ прекрасно передаетъ впечатлѣніе тихой лунной ночи на морѣ (I, 58): «Ясно на серебристыхъ волнахъ Нептуна рисуется мѣсяцъ въполномъ блескѣ своихъ лучей, и поле, покрытое золотыми цвѣтами,—небо, гдѣ властуетъ звѣздное войско; колесница бурь покойится, водворенная въ темные, дальние гроты; такъ было тихо»...

Но поэту знакомъ и таинственный ужасъ опасности, какую порождаетъ морское путешествіе, причемъ замѣчаетъ, что слова безсильны для изображенія ея (V, 16): «Наговорить тебѣ много словъ для описанія мрачной опасности моря, какую не испыталъ ни одинъ человѣкъ, страшный шумъ громовыхъ раскатовъ, молній, какъ будто зажигающихъ воздухъ, проливного дождя, громовъ, съ дикимъ ревомъ разсцепляющихъ землю, темноту посылающей ихъ ночи,—это было бы глупымъ, тщетнымъ стремлениемъ, если-бы даже я обладалъ стальнымъ языкомъ». Съ благоговѣйнымъ трепетомъ видѣть онъ свѣченіе электрическихъ огней и скручиванье водяного

смерча на морѣ (V, 18): «Свѣтъ, живой свѣтъ я видѣлъ ясно, который моряки считаютъ священнымъ, когда непогода темнѣеть и опасно разражается буря и раздается ея вой. Не меньшимъ, необъяснимымъ чудомъ, отъ которого настъ про-никаетъ трепетъ, было видѣть, какъ морское облако обширной дугой всасываетъ поднявшіяся волны океана. ...Онъ (паръ) клубится и носится на волнахъ, и на немъ нагромождается тяжесть облака... И когда оно вполнѣ насытится, втянувъ въ себя воду, оно вытаскиваетъ свою лапу назадъ изъ моря и улетаетъ къ небу водяной дугой, опираясь на волны, съ массою волнъ».

Большая сила изобразительности выказывается въ картинахъ бурь (VI, 74): «Вѣтры такъ свирѣпствуютъ, что уже не могутъ обнаружить большей ярости и моши, если-бы они пришли со всѣми ужасными силами, отъ которыхъ трескается и обращается въ развалины высочайшая вавилонская башня... То подъемлютъ они воду выше облаковъ, съ дикимъ ревомъ, изъ пропасти, то опять бросаютъ ее, и корабли скользятъ внизъ въ открытую пасть глубины. Сѣверный, восточный, западный и южный вѣтры, соединяясь, стремятся сдвинуть съ основанія зданіе міра; темная, ужасная ночь сверкаетъ, освѣщена огнями, воспаменяющими весь полюсъ... Но, уже сияя, шествуетъ по горизонту звѣзда любви, которая восходитъ передъ солнцемъ, вѣстникъ дня, и скользить кругомъ земли и глядѣть съ яснымъ челомъ на море»... Здѣсь всѣ детали задуманы въ высшей степени поэтично и изображены съ эсхиловскимъ величиемъ. Умѣя, какъ очевидецъ, наглядно рисовать всѣ ужасы моря, онъ знаетъ и восторгъ, какой испытываютъ тѣ, кто, послѣ долгаго, утомительного плаванія, видятъ нѣжныя береговыя линіи суши и очертанія возвышеностей (V, 25): «Уже вырѣзываются, какъ воздушная одежда облаковъ, передъ пами горы въ свѣтломъ блескѣ». Въ 90 стр. VI, слѣдующимъ образомъ привѣтствуется берегъ Индіи съ Калькутой: «Но уже свѣтъ яснаго утра озарилъ высоты, черезъ которыхъ съ шумомъ протекаетъ Гангъ, когда съ верху высокой мачты матросъ отчетливо различилъ материкъ. Вѣтеръ молчитъ, спокойна морская волна; изъ каждого сердца исчезаетъ напрасный страхъ»...

Всѣ прелести новооткрытыхъ міровъ и южноевропейской растительности поэтъ соединяетъ въ одинъ роскошный букетъ, изображая волшебный островъ, Ilha de Venus; это—очарова-

тельный пейзажъ, хотя и созданный, а не взятый изъ дѣйствительности (IX, 52): «Они увидѣли островъ, свѣжий и прекрасный, издалека, подобный бѣлому парусу, наполняемому вѣтромъ... гдѣ море поглощается заливомъ мирнымъ, закругленнымъ... Три холма, прекрасные и привлекательные, возносились къ небу въ волшебномъ великолѣпии, оплетенные пестрымъ нарядомъ цвѣтовъ и травы. На этомъ островѣ вѣтъ свѣтлая радость: потоки ключей, свѣтлыхъ и чистыхъ, ни- спадаютъ съ вершинъ, улыбающихся въ пышной зелени, и тихо, полные мелодіи, спускаются внизъ, прыгая черезъ бѣлые кремни»... Ручьи соединяются въ долинѣ; надъ ними свѣшивается листья деревьевъ и отражаются въ хрустальной чистотѣ потока; возвышаются тысячи деревьевъ, обремененныхъ плодами—«великолѣпныя дыни, испускаюшія благоуханіе, закругляются, какъ красивая женская грудь»; холмы одѣваютъ пышныя вѣтви тополей, лавровъ, кипарисовъ, миртъ и гранатъ, а сучья вязовъ огибаютъ веселыя лозы съ красными и зелеными гроздями. И въ этихъ изображеніяхъ образы античной миѳологии усиливаютъ и оживляютъ краски: «Ковры, нѣжнымъ и свѣжимъ покровомъ которыхъ тамъ украшается земля, не создавала Ахеменія въ такой великолѣпной крѣсль, какой они восхищаются въ темной долинѣ... Трудно было бы решить тому, кто видѣлъ здѣсь одинаково яркіе цвѣта, на землѣ и на небѣ—дала-ли Аврора цвѣтамъ отѣнки ихъ красокъ, или цвѣты ссудили ей свой блескъ? И разрисовали-ли Зефиръ и Флора нѣжными красками любви красу фіалокъ? Шурпурныя лилии и молодыя розы блестятъ, какъ прелестныя щечки молодой дѣвушки... Бѣлый лебедь, отдыхая, поетъ на берегу, и соловей отвѣчаетъ ему изъ-за вѣтвей... Здѣсь несетъ птичка кормъ къ любимому гнѣзду для его маленькихъ гостей»...

Этого достаточно: мы видимъ берегъ, «окруженный наслажденіемъ», островъ, какой могла задумать и создать только фантазія, обогащенная созерцаніемъ чуждыхъ странъ, и живое чувство природы истиннаго поэта. То, что первые великие путешественники могли выражать лишь простою, хотя часто весьма одушевленною прозой, съ скромнымъ убѣжденіемъ, что у нихъ нѣтъ достаточно словъ для передачи могучихъ впечатлѣній этихъ новыхъ мировъ, искусство поэта осуществило въ возвышенныхъ стихахъ.

Субъективное чувство природы въ лирикѣ отражается

болѣе, чѣмъ въ эпохѣ, и въ XVI вѣкѣ изъ всѣхъ лирическихъ поэтовъ Пиринейскаго полуострова самымъ характернымъ является для насъ испанскій монахъ Луисъ де Леонъ. Онъ—типичный представитель мягкой католической мечтательности, возбуждаемой природой, и мистико-теософического возврѣнія на природу, какое болѣе или менѣе выступало во всѣ времена.

Какая, напр., возвышенная искренность религіознаго благоговѣнія передъ природой жила въ душѣ св. Франциска Ассизскаго! Она заставляла его брата Эгидіо, въ упоеніи своей любви къ Создателю, покрывать поцѣлуями и слезами деревья и скалы ¹⁾), а въ солнечномъ гимнѣ или пѣснѣ «о братѣ-Солнцѣ» (de Io Frate Sole) Франциска Ассизскаго, братъ Солнце, сестра Луна, братъ Вѣтеръ, сестра Вода, мать Земля и, наконецъ, сестра Смерть, другъ за другомъ, служить мотивами для прославленія Творца: «Да будетъ славенъ Господь мой Богъ, со всѣми Его созданіями, и всего болѣе съ благороднымъ братомъ Солнцемъ, который даетъ намъ день и освѣщаетъ своимъ свѣтомъ; прекрасенъ онъ и лучезаренъ въ великолѣпномъ блескѣ. Будь славенъ, Господь мой, за сестру Луну и за Звѣзды; Ты создалъ ихъ на небѣ свѣтыми и прекрасными» и т. д.

Его ученикъ Бонавентура, въ своихъ поэтическихъ опытахъ, не менѣе выказалъ искусства «взирать на мельчайшія созданія, какъ на братьевъ и сестеръ, и призывать сѣмена, виноградники, деревья, цвѣты и звѣзды для восхваленія Господа». Основнымъ правиломъ Бернарда Клервоскаго было «учиться по землѣ, по деревьямъ, по сѣменамъ, цвѣтамъ и травѣ»; онъ писалъ въ своемъ посланіи къ Генриху Мурдаху (Ep. 106): «Повѣрь мнѣ, я это испыталъ самъ: ты болѣе найдешь въ лѣсахъ, чѣмъ въ книгахъ; деревья и камни научатъ тебя тому, чего ты не услышишь ни отъ одного наставника». Всѣ явленія для него — «лучи божества», и отраженія возвращаютъ его къ первоначальнымъ образамъ. Его современникъ Гюго де С.-Викторъ пишетъ: «Весь видимый міръ подобенъ книгѣ, написанной перстомъ Господа; онъ созданъ божественной силой, и всѣ творенія суть образы, произведенные не человѣческимъ произволомъ,

¹⁾ Ср. Zoekler, Geschichte der Beziehungen zwischen Theologie und Naturwissenschaft, I, 1877, d. 317 и слѣд.

а поставленные божественной волей, какъ выраженіе ея и въ то же время, какъ видимый признакъ невидимой мудрости Божіей. Такъ же, какъ тотъ, кто, глядя сверху въ открытую книгу, видитъ лишь общія очертанія, не распознавая буквъ, глупый и чувственныи человѣкъ, не ощущающій духа Божія, въ видимыхъ тваряхъ видитъ лишь вѣнчаную сторону, не понимая ея болѣе глубокой основы». Тѣмъ же путемъ идутъ и нѣмецкіе мистики, какъ, напр., французскій проповѣдникъ Бертгольдъ Регенсбургскій (ум. 1272), «проповѣди котораго на поляхъ и лугахъ привлекали и трогали многія тысячи слушателей, чмъ не мало содѣствовала необыкновенная свѣжесть и жизненность его благочестиваго чувства природы, несмотря на напыщенные добавленія символическихъ образовъ и сравненій, которыя появляются вновь у мистиковъ XV вѣка, какъ, напр., у Эккарпа и въ особенности у Таулера, Сузо и Рѣнсбрука. Сѣверная пророчица и основательница ордена, Бригитта (ум. 1373) признаетъ во всѣхъ видимыхъ предметахъ вѣяніе всепроникающаго дыханія Творца. «Мы чувствуемъ въ ея видѣніяхъ, говорить Гаммерихъ¹⁾), вѣяніе таинственного духа изъ шумящаго ручья, изъ покрытыхъ снѣгомъ елей; онъ сопровождается настъ, когда настъ вводятъ въ средину шхеръ шведскихъ береговъ и ихъ вздымающихся волнъ, когда мы, вмѣстѣ съ св. Бригиттой, спускаемся въ шахты рудниковъ, или прогуливаемся въ тихій вечерній часъ по винограднику среди розъ и лилій, между тѣмъ, какъ роса ниспадаетъ на землю и кругомъ настъ колокола звонятъ къ вечерней молитвѣ (Ave Maria)». И этого мало: мы находимъ даже попытку спекулятивной эстетики прекраснаго въ природѣ на мистико-созерцательныхъ основахъ. Уже Винцентій де Бове (ум. 1264) отмѣчаетъ, въ своемъ «Зеркалѣ природы» («Speculum naturae, VI, 23, de spectaculis naturae»), религіозно-нравственное значеніе благоговѣнаго созерцанія красоты природы въ отдельныхъ проявленіяхъ ея, и тоже проводить еще систематичнѣе генералъ Картезіанскааго ордена Діонисій ф.-Рикель (ум. 1471) въ своемъ сочиненіи «О красотѣ міра и величіи Бога» (De venustate mundi et de pulchritudine Dei). Все прекрасное въ сотворен-

¹⁾ Hammerich, «St. Brigitta, die nordische Prophetin und Ordensstifterin», deutsch von Michelsen, 1872, S. 198 и слѣд.

номъ мірѣ, говорится у него въ 22-й главѣ, есть лишь отблескъ первообразный красоты Божіей; какъ особенно чудные образцы красоты въ мірѣ твореній, приводятся тамъ розы, лили и другіе красивые и благоуханные цвѣты, тѣнистыя дубравы, стройныя деревья, прелестныя поля, высоко вздымающіяся горы, источники, ручьи, рѣки и широкіе заливы неизмѣримаго моря... «и все это завершается сіяніемъ звѣздъ, ихъ дивнымъ блескомъ и величественнымъ порядкомъ ихъ движений на свѣтломъ небѣ». Испанецъ Раймундъ де Сабіуде, изучавшій въ Тулузѣ медицину и философию и написавшій тамъ въ 1436 г. свою «Theologia naturalis», съ своей мистическо-схоластической точки зрѣнія, подобно Ёомѣ Аквинскому, видѣлъ въ природѣ лѣстницу созданій, ведущую отъ низшихъ къ высшимъ, и прославлялъ съ крайнимъ одушевленіемъ природу, какъ главный источникъ познанія Бога: «Двѣ книги даѣтъ намъ Богъ — книгу совокупности созданій или природу и книгу Священнаго писанія. Первая дана была человѣку съ самаго начала, была создана, какъ совокупность всѣхъ предметовъ; каждое существо творенія есть лишь буква, начертанная перстомъ Божіимъ, и эта книга составляется изъ многихъ созданій, такъ же, какъ всякая книга составляется изъ буквъ... Главная буква этой книги — человѣкъ. Первая книга, такъ же, какъ и вторая, правдива и всѣмъ доступна и понятна, она внушаетъ человѣку радость, скромность и покорность, ненависть къ пороку и любовь къ добродѣтѣмъ». Поэтому въ основѣ его чувства природы, не лишенаго нѣкоторой жизненности, лежитъ болѣе размыщенія, чѣмъ наблюденія, болѣе стремленія къ правдѣ, чѣмъ наслажденія чувственно-прекраснымъ. Повсюду выказывается у него сочетаніе благочестивой души, видящей въ природѣ книгу Божію, и духа изслѣдованія природы, напоминающаго отчасти Бэкона. И между учеными эпохи Возрожденія, которые, еще ранѣе Бэкона, проводили индуктивное направленіе въ естествознанії, мы находимъ обратное выраженіе религіознаго чувства природы ¹⁾; такъ испанецъ Луисъ Вивесь (1540) предостерегаетъ отъ бесполезныхъ измышеній по поводу тайнъ природы въ духѣ алхимиковъ и астрологовъ; «здѣсь нужны не диспуты, а молчаливое созерцаніе природы»; естествовѣдѣніе

¹⁾ Zoekler, op. cit., I, 571.

должно вести къ пользѣ тѣла и души, къ насажденію и укрѣпленію благочестія.

Все это служить исторической основой иѣжной религіозной лирики мистика Луиса де Леонъ¹⁾. Его жизнь, протекшая между 1529 и 1561 гг., его измѣнчивая судьба вызываетъ передъ нашими глазами страшное время Инквизиціи; даже и онъ, добросовѣстный изслѣдователь и превосходный наставникъ, долженъ былъ цѣлые годы томиться въ тюрьмѣ за толкованіе Св. Писанія въ свободномъ духѣ; тѣмъ не менѣе, онъ сохранилъ крѣпкую мужественность дѣйствій и трогательную некренность чувства. Онъ уходилъ отъ душныхъ аудиторій Саламанки, отъ шума и суеты университета, и спасался отъ дурного воздуха и дурныхъ людей въ деревнѣ²⁾. Ему давало приютъ помѣстье, принадлежавшее монастырю. Оно лежало у подножія холма, на зеленомъ, прохладномъ берегу свѣтлой рѣки, образовавшей неподалеку небольшой, лѣсистый островъ. Домъ былъ окружены садомъ, безъ всякихъ искусственныхъ украшений, но съ красою старыхъ, великолѣпныхъ деревьевъ; виноградники сплетались въ манящія подъ свою сѣнь аллеи. Садъ перерѣзывался свѣтлымъ ручьемъ, съ шумомъ спѣшившимъ къ рѣчной запрудѣ. Длинная тополевая аллея открывала видъ на ближайшіе луга; ея шумъ смѣшивался съ мѣрнымъ стукомъ и шумомъ нѣсколькихъ мельницъ. По цѣлымъ часамъ Леонъ могъ сидѣть на лугу въ своемъ любимомъ мѣстѣ подъ тополемъ, у самаго ручья, не слыша ни звука. Онъ особенно любилъ тополь, дерево, воспѣваемое романсами, одиночно растущее на невоздѣланномъ пескѣ, дающее отдыхъ птицамъ, посягнувшимъ подъ небомъ. Подъ тополемъ наслаждается онъ очаровательнымъ уединеніемъ, цѣлительно дѣйствовавшимъ на его печаль. Это мутившее его чувство убаюкивалось то жалобнымъ, то обнадѣживающимъ шепотомъ деревьевъ. Вполнѣ справедливо замѣчаетъ его бiографъ: онъ обладаетъ свойственною испанцамъ восприимчивостью къ красотѣ природы, источнику своихъ наслажденій. Ему понятенъ ея языкъ, ея тайны; его можетъ

¹⁾ Ср. цитируемое Цѣклеромъ крайне интересное небольшое сочиненіе — «Wilkens», Fray Luis de Leon, Eine Biographie aus der geschichte der spanischen Inquisition und Kirche im 16 Jahrhundert, Halle, 1866.

²⁾ Ср. Wilkens, op. c., 129.

тронуть до слезъ скрытое величие ея тоновъ, игры красокъ, формъ.

Когда онъ такимъ образомъ спокойно слѣдить за образованіемъ облаковъ, за переходами ихъ красокъ, онъ чувствуетъ себя возвышенno: все ему кажется мелкимъ въ сравненіи съ человѣческимъ духомъ, котораго и ангелы удовлетворить не могутъ, въ владѣніяхъ которыхъ солнце никогда не заходить, и облака, и туманъ не омрачаютъ ихъ. Движенія и колебанія своей мысли онъ сопровождаетъ разговоромъ съ самимъ собою о красотѣ неба и прелести земли. Даlѣе онъ просить облака, во время своего спокойнаго, свободнаго полета по небу, унести его вздохи въ своихъ волнахъ. Раннимъ утромъ онъ видитъ такъ часто, какъ только это возможно, возвращеніе солнца; онъ чувствуетъ, что душа его погружается въ пѣнѣ птицъ и благоуханіе цвѣтовъ, и что въ ней поднимается нечто божественное. Лежа на лугу, окруженному тысячами полевыхъ цвѣтовъ, онъ наблюдаетъ спокойную жизнь пчелъ и прислушивается къ пѣнѣ птицъ; онъ слушаетъ, что разсказываетъ ему ключъ, и слѣдить, какъ двигаются, играютъ, исчезаютъ и высекаютъ на поверхность рыбы. Всѣ виды свѣжей чистой жизни природы доставляютъ ему наслажденіе; ничто въ природѣ не лишено для него значенія; въ книгѣ природы онъ всматривается въ каждую букву,—не говорить ли она о чёмъ-либо вышшемъ, не изображаетъ ли она какой-либо чертой величие и благость Божію? Поля, луга, источники, пастбища напоминаютъ ему объ областяхъ истинной, вѣчной красоты. Онъ все объясняетъ символически: яркий свѣтъ утренней зари для него—свѣтлая любовь Бога, безпредѣльное зрѣлище неба и земли—отраженіе истинной свободы, небесные круги-лучи вѣнца ихъ Властителя, заходящее солнце—никогда не угасающій свѣтъ, небо, усыпанное звѣздами—лучезарные цвѣты вѣчной весны. Онъ любить деревенскіе луга, какъ противуположность городской суетѣ и испорченности, но безъ всякой излишней настущеской чувствительности и наивности тогдашней пасторальной поэзіи. Его описанія проникнуты выраженіемъ самыхъ нѣжныхъ ощущеній, чувствомъ мира, какой сельская природа даетъ горожанину. Но природу онъ изображаетъ не ради нея самой: человѣкъ остается ея господиномъ ¹⁾); въ легкомъ штрихѣ, иногда въ самомъ за-

¹⁾ Wilkens, op. c., 149.

ключений, выступает онъ и прислушивается къ тому, что говоритъ ему виѣшій міръ. Онъ немногими чертами набрасываетъ рисунокъ и часто старается созвучіемъ словъ придать изображенію и фонетическую наглядность.

Сердечное, идиллическое чувство природы отражается въ его одѣ «Спокойная жизнь» ¹⁾: О лугъ, о гора, о ключъ! О вѣрныя, дружественныя, отъ всѣхъ скрытыя мѣста! Какъ отъ волнъ кораблекрупенія, въ вашу пристань я спасаюсь изъ этого моря, ложа бурь. У самой границы горы лежитъ садикъ, который обрабатывается моими руками, гдѣ уже дружелюбно на лугу изъ пышныхъ цвѣтовъ готовящеяся плодъ привѣтствуетъ надежду. И какъ будто влекомый желаніемъ видѣть и насладиться этимъ прелестнымъ мѣстомъ, несется къ нему съ своей свѣтлой волной съ высокаго пригорка веселый источникъ. Но посрединѣ его, между деревьями, онъ замедляетъ свой шагъ, и дарить онъ почвѣ, которую поетъ его волна, траву въ пышномъ изобилии, и пестрые цвѣты. Свѣжай воздухъ сада доноситъ до меня тысячи благоухаій; онъ пробуждаетъ легкою игрой щопотъ въ вѣтвяхъ»...

Возвышенныи энтузіазмомъ и благочестивымъ умиленіемъ передъ природой проникнуто стихотвореніе «Звѣздное небо» ²⁾ «Когда я устремляю взоры къ небесному куполу, усѣянному искрами звѣздъ, и потомъ обращаю его къ землѣ, на которую теперь спустилась ночь, которая упоена теперь сномъ и забвениемъ,—въ моей груди просыпаются тогда любовь, страданіе, жгучее желаніе... Посмотрите, какъ мудро сложны ряды вѣчныхъ звѣздъ... Какъ мѣсяцъ передвигаетъ свое серебряное колесо... Какъ послѣднимъ вращается Сатурнъ, отецъ этого золотого времени. Затѣмъ стоитъ хоръ звѣздъ, безчисленный, во всѣ стороны распространяя свой свѣтъ и свои сокровища. Кто можетъ, созерцая это, и чувствуя тщету земли, не скорбѣть, не вздыхать и не томиться, не сбрасывать съ себя все, что облекаетъ душу и завидуетъ этому величію? Здѣсь выказывается безгранично вѣчна красота; взоръ видѣтъ блескъ самаго чистаго свѣта, передъ которыемъ всегда убѣгаетъ ночь. Здѣсь цвѣтетъ вѣчно юная весна. О, луга блаженныхъ желаній! О, поля истинно прекрасныя и восхити-

¹⁾ Wilkens, 150.

²⁾ Wilkens, 155.

тельныя! О, обильные водою кладези! О, освѣжающіе источники! Спокойныя долины, украшенныя тысячами прелестей!».

Въ стихотвореніи «Одиночество» онъ прославляетъ вѣрную пристань, которой достичь послѣ долгаго блужданья: «Ты, низенькая соломенщая хижина, гдѣ никогда забота не гложетъ тихаго счастья... Ты, гора, которой вершина возносятся до облаковъ и гдѣ живеть покой, невѣдомый землѣ, гдѣ слѣпота все искашетъ и слѣпая страсть пожираеть сердце. Пусть твоя вершина приметъ меня!.. Гдѣ чаще воютъ вѣтры, дай мнѣ тамъ сѣсть, чтобы извлечь ядъ изъ моихъ ранъ... Тамъ я останусь, смотря на море подъ моими ногами. съ трепетомъ передъ опасностями, въ которыхъ носятся несчастныя, вѣроятющіе себя солеными волнамъ... О, пріятная, спокойная гавань, еще разъ и сто разъ привѣтствуя тебя...»¹).

Вообще аллегорія въ примѣненіи къ явленіямъ природы испанской литературѣ болѣе свойственна, чѣмъ другимъ литературамъ того времени. Какъ справедливо замѣчаетъ Тикъ²): «У Кальдерона и у его современниковъ, въ размѣрахъ романсовъ и канцонъ, мы находимъ осѣдлительно прекрасныя описанія моря, горъ, садовъ и лѣсистыхъ долинъ; но въ нихъ почти всегда замѣтно аллегорическое отношеніе, на нихъ лежить какой-то искусственный блескъ, который не даетъ намъ чувствовать свободнаго воздуха природы, настоящихъ горъ, тѣней долины, но въ гармоническихъ, благозвучныхъ стихахъ дается намъ остроумное описание, повторяющееся съ небольшими измѣненіями». У Кальдерона это чаше встрѣчается, чѣмъ у Леона, какъ и должно быть по самой сущности драмы. Но и у первого, несмотря на то и несмотря на склонность его къ описаніямъ, на его условность и на исключительно-католическую точку зреія и форму выраженія, неистощимость фантазіи, яркость въ изображеніи природы и индивидуальный, новѣйшій моментъ въ его воззрѣніяхъ не могутъ быть оспариваемы. Его герои чувствуютъ свое «я», сознаютъ самостоятельность своего внутренняго міра и наблюдаютъ за своими ощущеніями «въ волнахъ яростнаго движенія», какъ, напр., Авреліанъ въ «Зенобії» (XI, I). Мы находимъ тамъ довольно сентиментальное отношеніе къ жизни,

¹) Wilkens, 165.

²) Humboldt, «Kosmos», II, 62.

когда Деций, съ большимъ обилемъ сравнений, высказывается: «Онъ о томъ не размышляетъ, какъ часто измѣняется дѣйствіе счастья, какъ жизнь походитъ на вѣнчикъ цвѣтка, который уничтожается ядовитымъ червемъ въ его иѣдрахъ, или на миндалевое дерево, покрытое цвѣтами, которое, гордясь своей красотой, при вѣтъ полуночного вѣтра, теряетъ красу и гордость... Или на пламя, которое во мракѣ свѣтить, какъ блестящій метеоръ, но свѣтъ и блескъ его теряется при легкомъ движении вѣтра».

Смѣлымъ полетомъ мыслей и характернымъ многословіемъ отличается слѣдующее изображеніе гордаго самомнѣнія: «Не давай честолюбію такъ высоко поднять тебя, что ты, измѣря сферы собственнымъ тщеславіемъ, почувствуешь, что голова твоя кружится отъ высоты. Вѣнчашная свѣтомъ, встаетъ Аврора рано, и золотыя ризы солнца опускаетъ на кругъ земли, осушая жемчужныя слезы. Быстро оно достигаетъ зенита, еще быстрѣе идетъ внизъ и суровая ночь показывается, обернувшая траурнымъ покровомъ на тризнѣ солнца. Вѣтрами гонимый, легко окрыленный, по волнамъ летить корабль и цѣлое море кажется ему лишь малой сферой, и въ одно мгновеніе вырывается вѣтеръ; море, поднимаясь, реветь, какъ будто хотятъ его волны погасить блестанье звѣздъ. Однако, ночь боится дня, и приходить свѣтлая погода вслѣдъ за бурей: радость скрывается позади страданья».

Какъ мы видимъ, на этой строгой католической почвѣ вырастаетъ мягкое, меланхолическое міровоззрѣніе, находящее противоположеніе жизни въ темной, бурной ночи. Въ драмѣ «Жизнь-сонъ» контрастъ темничного заключенія и лишенія свободы съ безграницной свободой другихъ живыхъ существъ и стихій глубоко трогаетъ принца Сигизунда: «Даже и хищный звѣрь, едва красивыя пятна, подобныя созвѣздіямъ, покроютъ его шкуру (хвала кисти природы!) уже ищетъ слѣдъ своей добычи свирѣпыми прыжками; потребность заставляетъ его наслаждаться жестокостью. А я долженъ съ благороднѣйшимъ стремленіемъ пользоваться меньшою свободою». Онъ повторяетъ то же, сравнивая себя съ рыбой и ручьемъ. Клотальдъ разсказываетъ (во II актѣ той-же пьесы), какъ онъ принца, содержимаго въ уединеніи, научилъ серьезной наукѣ, нознаніе которой «ему сообщила молчаливая природа неба и горъ и чуднымъ путемъ научила простая риторика птицъ и лѣсныхъ звѣрей».

Изображения временъ дна и пейзажей отличаются большою пышностью. Для образца, достаточно указать описание Дециемъ царства Зенобии (въ I дѣйствіи): «Гдѣ, вскормленный на рукахъ матери Авроры, распуская сѣть, рано появляется молодой день, небесный фешикъ, для которого въ прохладныхъ волнахъ соединяются сафирная колыбель и серебряный гробъ, такъ какъ онъ отъ свѣта къ свѣту, на дугѣ эфира, возраждается вновь, думая умереть, оставаясь солнцемъ, пламенемъ, жизнью»... Съ идиллической прелестью описывается мирная жизнь въ помѣстьѣ Менона, въ «Дочери воздуха» (часть I, дѣйствіе II): «Здѣсь, на этомъ тихомъ лугѣ, гдѣ хочетъ раскрасить май картины пейзажа, который апгрѣль лишь набросалъ въ контурахъ... Останься на этомъ мѣстѣ... вблизи горы, покрытой цвѣтами, чело которой покрыто облакомъ, и въ одѣждѣ поселянина, украсивъ её цвѣтами, порадуйся на эти луга. «Менонъ оттѣняетъ прелесть сада контрастомъ его съ дикостью окружающей мѣстности: «прекрасный садъ, опоясаный кругомъ дикимъ лѣсомъ, тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ ближе соприкасается онъ съ тѣмъ, что ему противоположно».

Краски повсюду ярки у Кальдерона, но такъ же, какъ и все его католическое, суровое, даже инквизиторское міровоззрѣніе, эта пышность не трогаетъ насъ и кажется намъ холодной въ своей жесткости и манерности. Насколько въ драмѣ того времени можетъ выступать съ полной жизненностью истинно симпатическое, индивидуальное чувство природы, съ несравненно большей теплотой и глубиной показываетъ намъ Шекспиръ. Гёте говоритъ: «Шекспиръ протягиваетъ намъ полные спѣлые гроздѣи прямо изъ виноградника; мы можемъ, по нашему желанію, сѣѣдать ягоду за ягодой, выжимать ихъ, пить ихъ сокъ или перебродившее вино; во всѣхъ видахъ они освѣжаютъ насъ. Кальдеронъ, напротивъ, ничего не предоставляетъ на нашъ выборъ; мы отъ него получаемъ перегнанный, очищенный винный спиртъ, острота которого усиlena пряностями и смягчена сладостями; мы или должны принять напитокъ такимъ, каковъ онъ есть, какъ вкусное, дорогое возбуждающее средство, или оттолкнуть его». Рядомъ съ возмутительнымъ фанатизмомъ, съ суевѣрнымъ смѣшениемъ символовъ и понятий и отданіемъ религіи отъ нравственности, которое даже преступлѣніе оправдываетъ приверженностью къ вѣшней обрядности, у него можно найти, какъ, напр., въ превосходно-задуманномъ «Поклоненіи кресту», истинно-хри-

стіанское благоговѣйное отношеніе къ природѣ и мистическую искренность: «Богъ, жизни и мудрости духъ и источникъ, Создатель всего, царствуетъ надъ природой!.. Богъ говоритъ въ ней, въ звукахъ пѣсни, раздающихся изъ лѣса и изъ моря, сладкихъ, и печальныхъ, проникающихъ въ человѣческое сердце и дающихъ ему языкъ неба, въ которомъ оно слышитъ творца; поэзія, небесный пламень, къ намъ сошла со звѣздъ, и лишь Богъ поднимаетъ ея свѣтъ... Онъ—начало всякой человѣческой мудрости, отъ него исходитъ источникъ всякой красоты и все, что вѣчино въ преходящемъ мірѣ».

Подобныя же лирическія признания можно во множествѣ собрать изъ сочиненій аскетовъ, монаховъ и монахинь того времени ¹⁾). Даже о такомъ кровожадномъ фанатикѣ, какъ испанскій францисканецъ Педро де Алькантаро (ум. 1562 г.) біографы разсказываютъ, что несмотря на его полное отреченіе отъ міра и самобичеваніе, онъ обладалъ теплымъ и искреннимъ чувствомъ къ красотамъ природы: «То, что онъ видѣлъ въ свободной природѣ, поднимало и окрыляло его молитвенное настроеніе. Глядя на звѣздное небо изъ своего монастырскаго садика, онъ часто на цѣлые часы погружался въ глубокія размышленія; созерцаніе красивыхъ цветовъ и растеній, въ которыхъ отражались могущество и величіе Творца, такъ усиливало его благочестивыя чувства, что онъ почти забывалъ все окружающее». Грегоріо Лопесъ (ум. въ 1596 г.), обладавшій обширными познаніями въ самыхъ различныхъ областяхъ природы, отвѣтилъ на вопросъ—какъ онъ не теряется въ такомъ разнообразіи: «я нахожу Бога во всѣхъ вещахъ, какъ въ самыхъ великихъ, такъ и въ самыхъ малыхъ». Подобныя же мысли приписываются и другимъ лицамъ того времени.

Рядомъ съ Луисомъ де Леонъ можетъ занять мѣсто знаменитая Тереза де Авала (ум. 1582 г.); она отличается пламеннымъ одушевленіемъ и возвышеннымъ мистицизмомъ, что у нея въ особенности выражается восторженными, прекрасными образами и сравненіями, которыми она пользуется для изображенія внутреннихъ процессовъ благочестивой христіанской души ²⁾.

¹⁾ Zoeckler I S. 575.

²⁾ Zoeckler въ томъ же сочиненіи указываетъ на «Le Saint Soli-

Однако, всѣ эти проявленія мистического поклоненія природѣ не выказываютъ чистаго, самостоятельнаго, свободнаго интереса къ ней; они исходятъ, болѣе или менѣе, изъ религіознаго настроенія, внушаются полнымъ вѣры погружениемъ въ божественное начало, отраженіе котораго въ величествен-ной природѣ вызываетъ у авторовъ удивленіе и любовь. Это мистическое чувство природы проникнуто строго-христіанскимъ духомъ и высочайшей искренностью; оно не лишено даже и нѣкоторой мягкой сантиментальности. Однако, повидимому, протестантизмъ и пантезмъ, обнаруживающійся въ особенности у позднѣйшихъ нѣмецкихъ и итальянскихъ мистиковъ, каковы Брюно, Кампанелла и Якобъ Бёме, въ большей степени содѣйствуютъ усилению субъективности и индувидуальности въ воззрѣніи на природу.

Такъ, протестантскій свободно-мыслящій драматургъ Шекспиръ выказываетъ болѣе теплое, интенсивное чувство природы, чѣмъ католически-клерикальный Кальдеронъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Поэзія природы у Шенспира.

Драмы индусовъ могутъ служить для насъ мѣриломъ, на сколько вообще природа можетъ играть роль и находить для себя выражение въ этомъ родѣ поэтическихъ произведений. Въ индусскихъ драмахъ мы находимъ изобиліе сравненій и одушевленій; сердечное и искреннее сочувствіе человѣка растеніямъ и животнымъ и даже послѣднихъ по отношенію къ нему, выступаетъ тамъ въ разнообразныхъ и краснорѣчивыхъ формахъ. Въ греческой трагедіи природа сперва отходитъ на задній планъ; она не слишкомъ часто берется для сравненій и не часто тамъ можно встрѣтить метафору, взятую изъ природы, и одушевленіе природы; только постепенно, въ осо-

taire des Indes ou la Vie de Gregoire Lopez, de la traduction de M-r Arnould d'Andilly, Cologne 1717; Goerres, Die christliche Mystik, II 205; Arnold, Leben der Glaubigen; Miss French, The Life of St. Teresa, London 1875, Zoeckler in Herzog's Real—Encykl. XX, 227 ff.

бенности у Софокла и Эврипида, человѣкъ преимущественно въ пѣсняхъ хора и монологахъ приимаетъ личное участіе въ природѣ, привѣтствуетъ свѣтъ и небо, обращается съ рѣчью къ землѣ и морю, относится къ нимъ съ любовью и состра-даниемъ, или съ ненавистью, и ищетъ утѣшения въ тихомъ уединеніи природы, не находя его среди людей. Средніе вѣка представляютъ пробѣлъ въ драматической литературѣ; прѣвѣт-шее время французской трагедіи вызываетъ только холодную декламацію, ледяную риторику, подражавшую паѳосу Сенеки, и въ ней даже шѣтъ рѣчи о сердечной, взаимной симпатіи между человѣкомъ и природой.

Кальдеронъ можетъ считаться переходной ступенью къ Шекспиру. Но лишь послѣдній достигаетъ вновь высоты древ-нихъ грековъ и въ то же время, благодаря своему болѣе по-вому духу, дѣлаетъ, въ сравненіи съ ними, крупный даль-шѣйшишій шагъ. Шекспира можно назвать величайшимъ драма-тургомъ новѣйшаго времени, не только въ качествѣ изобра-зителя человѣческихъ дѣйствій и страстей и тонкаго изобра-зителя характеровъ, но и въ качествѣ геніального истолко-вателя природы ¹⁾.

Если старинные драматурги держались еще въ узкихъ границахъ, то Шекспиръ обнаруживаетъ уже расширенное поле зрѣнія, зрѣлое міросозерцаніе новѣйшаго человѣка въ нашемъ смыслѣ слова; если шодузы часто переступали пре-дѣль прекраснаго, впадая въ излишства и преувеличенія, то Шекспиръ, несмотря на свой языкъ, полныъ могущества, энер-гии и жизни, нигдѣ не переходитъ въ простое изображеніе и описание, какъ это не рѣдко случается съ Кальдерономъ.

Шекспиръ еще въ большей степени выказываетъ ту субъективность, какую ввела въ новое искусство эпоха Воз-рожденія. Это замѣчается уже въ его сравненіяхъ и мета-форахъ и всего болѣе въ законченшомъ умѣніи вводить при-роду въ дѣйствіе драмы. Она не только составляетъ соотвѣт-ственный задній планъ для послѣднаго и придастъ ему свѣт-лый или темный колоритъ: явленія ея принимаютъ участіе въ судьбѣ человѣческой.

¹⁾ О возврѣніи Шекспира на природу высказываетъ много интерес-наго Гензѣ (Hense) въ IV гл. своихъ «Shakespeare-Studien» (Halle 1884), но я придерживалась моего собственнаго мнѣнія на этотъ предметъ.

Какъ говорить Кэрриеръ¹⁾: «Въ томъ періодѣ, когда живопись была руководящимъ искусствомъ, посредствомъ извѣстнаго настроенія и живописнаго освѣщенія своихъ произведеній, онъ достигъ эффекта, чуждаго древнимъ. Уже Гердеръ замѣтилъ, что Шекспиръ даетъ краски и запахи тамъ, где греки намѣчаютъ только абрисы. Во всемъ этомъ у него бѣлье характерной правдивости, чѣмъ этого требуетъ формальная красота, и какъ великий пейзажистъ, онъ заставляетъ всю природу сочувствовать человѣку; мы чувствуемъ ужасъ и призрачность ноябрьской ночи въ «Гамлѣтѣ», мы дышемъ рѣзкимъ воздухомъ горнаго мѣста въ «Макбетѣ» и лѣснымъ благоуханіемъ въ «Какъ вамъ угодно»; буря въ степи шумитъ въ взрывахъ безумія Лира, соловей поетъ съ гранатнаго дерева передъ окномъ Джульетты. Какъ кротко дремлетъ сіяющіе мѣсяцы на холмѣ, когда любовь разрѣшаетъ всѣ разногласія въ «Венецианскомъ купцѣ». Напротивъ, вороны направляются къ лѣсу, летучая мышь посится около башни, волкъ завываетъ и сова кричитъ въ тотъ вечеръ, когда Макбетъ задумываетъ убіеніе Дункана. Если нѣкоторые изъ его характеровъ обнаруживаютъ себя такъ, что мы не видимъ разумнаго основанія ихъ дѣйствій, то поэту всегда удается усилить и соотвѣтственно освѣтить драматизмъ каждой сцены. Это вполнѣ выражено прекрасными словами Гете: «все, что при великому міровомъ событии таинственно носится въ воздухѣ, моменты происшествій громадной важности, таится въ сердцѣ человѣка, все это высказывается здѣсь; все, что душа боязливо прячетъ и замыкаетъ въ себѣ, здѣсь свободно и легко выступаетъ на божій свѣтъ; мы узнаемъ правду жизни и не знаемъ, какъ это дѣлается». Для всего этого природа составляетъ соотвѣтственный задній планъ; именно она даетъ окраску настроенію драмы и служитъ противоположеніемъ лирическому чувству».

Любовь для поэта является образной истолковательницей природы. Такъ онъ говоритъ своей возлюбленной въ первомъ сонетѣ, или (въ 4 сонетѣ) сравниваетъ ее съ моремъ, которое не можетъ утолить жажду жаждущаго; въ 130—29 сонетѣ онъ призываетъ:

Лицомъ моя любовь на солнце не похожа,

¹⁾ Op. cit. IV, S, 522.

Кораллы ярче, чѣмъ уста ея, горячѣ,
Когда снѣгъ бѣлъ, то грудь прекрасной съ нимъ не схожа,
А волосы есть шелкъ — у ней ихъ не каскадъ.
Я видѣлъ много розъ въ садахъ, хранимыхъ строго,
Но имъ подобныхъ нѣть у милой на щекахъ,
А благовоній вокругъ найдется лучшихъ много,
Чѣмъ тѣ, что на ея покоятся устахъ...
И все-же для меня она стократъ милѣе
Всѣхъ тѣхъ, кого сравнить возможно-бѣ было съ нею.

Его возлюбленная для него зеркало, въ которомъ отражается цѣлый міръ (сон. 29).

Не удивлялся я лилейной бѣлизнѣ
И розы не хвалилъ пурпурового цвѣта,
Затѣмъ что прелесть ихъ — красы весны и лѣта —
Лишилъ кошѣй твоей являлась всюду мнѣ.

Когда она разлучается съ нимъ, онъ чувствуетъ зимнюю
пустоту на душѣ (сон. 33 и 34), даже и тогда, когда ему
улыбается весна, цвѣтутъ цвѣты и весело поютъ птицы.

Также какъ и въ драмахъ ¹⁾, въ сонетахъ «Ром. и Джул.» I, 1; «Генрихъ» VI, II: III, 1. «Буря» I, 2, въ видѣ часто
встрѣчающагося мотива жизненныи противоположности противопоставляется нѣчто подобное въ природѣ; мы находимъ это въ 35 — 38 сонетѣ:

Въ какую прелесть ты свой облекаешь грѣхъ,
Который, точно ядъ, что розу отравляетъ,
Святую чистоту любви твоей пятнаетъ?
Въ какой пріютѣ его ты прячешь ото всѣхъ?

И въ сонетѣ 35—50:

Довольно о своемъ проступкѣ сожалѣть:
На розѣ есть шипы — и грязь въ ручье сребристомъ;
И солнцу и лунѣ слuchается тускнѣть;
Живетъ-же и червякъ въ вѣнцѣ цвѣтка душистомъ.

Въ обратномъ смыслѣ, въ силу котораго единичное явленіе, вслѣдствіе контраста, выигрываетъ и получаетъ настоящее
освѣщеніе, говорится въ сонетѣ 70 — 87:

¹⁾ «Гамлетъ» I, 3.

А подозрѣніе вокругъ румяныхъ щекъ витаетъ,
Какъ стая воронять, летящихъ въ вышину...
...Вѣдь хитрый червячекъ
Умѣеть заползти въ прелестнѣйшій цѣѣтокъ.

Здѣсь нельзя не отмѣтить индивидуальности возврѣнія на природу: полетъ черныхъ воронъ только усиливаетъ свѣтлую синеву неба!

Прекрасны также начальныя строки 7—103 сонета:

Когда свѣтило дnia вѣдьмаеть на востокѣ
Свой лучезарный ликъ,—восторгъ у всѣхъ въ глазахъ,
И каждый на своемъ привѣтствуетъ порогъ
Приходъ его, предъ нимъ склоняясь во прахъ.

А въ сонетѣ 18—114 онъ спрашиваетъ:

Какъ я сравню тебя съ роскошнымъ лѣтнимъ днемъ,
Когда ты во сто кратъ прекраснѣй, другъ прекраснѣй,
То пѣжные листки срываетъ вихрь ненастный,
И лѣто за весной спѣшитъ своимъ путемъ...
...но твоє-жъ все не увиаетъ лѣто
И не утратить то, чemu нельзѧ не быть,
А смерть не скажетъ, что все въ тѣнь въ тебѣ одѣто,
Когда въ стихахъ моихъ ты вѣчно будешь жить.

Но онъ чувствуетъ, что время бѣжитъ: даже и блаженѣйшія минуты—только волны въ обширномъ морѣ (сон. 60—150):

Какъ волны къ берегамъ стремятся чередой,
Такъ и минуты вслѣдъ одна другой стремятся,
Становятся въ ряды одна вслѣдъ за другой
И силятся впередъ пробиться и умчаться.

И когда приходитъ старость, онъ посвящаетъ своей любви великолѣпныя строки (сон. 73—94):

Ты видиши—я достигъ поры той поздней года,
Когда на деревахъ по нѣсколько листковъ
Лишь бѣтъся, но и тѣ ужъ щиплетъ непогода,
Тогда какъ прежде тѣнь манила соловьевъ.
Во мнѣ ты видиши, другъ, потемки дnia такого,
Въ которомъ солнце ликъ свой клонитъ на закатъ,
А ночь уже спѣшитъ надъ жизнью сурово
Распространить свой гнетъ, изъ черныхъ выйдя вратъ.
Ты видиши, милый другъ, что я едва пылаю,
Подобно ужъ давно зажженному костру,

Лишенному того, чѣмъ жилъ онъ по утру,
И, не доживъ, какъ онъ, до ночи, потухаю.
Ты видишь, и сильнѣй горитъ въ тебѣ любовь
Къ тому, что потерять придется скоро вновь.

Дѣйствительно, для изображенія упадка силъ, постепен-
наго приближенія старости и смерти не можетъ быть болѣе
удачнаго образа, какъ увядшая, дрожащая на вѣтру листва,
какъ сумеречный свѣтъ заходящаго солнца, какъ угасающее
пламя! И въ драмахъ оригинальны и своеобразны почти всѣ
сравненія изъ жизни природы, хотя они не такъ часты, какъ
дѣйствующія, подобно молни, остроумныя метафоры. Нерѣдко
сравненія коротки, какъ поговорки: «Земляника растетъ среди
краливы» («Генрихъ V» I, 1); «Гдѣ ручей глубокъ, вода »
течетъ гладко» («Генр. VI», 2: III, 1); «Воды вздуваются
передъ бурей пустыни» («Ричардъ III», II, 3); иногда ихъ
бываетъ нѣсколько, какъ у Кальдерона; такъ любовь («Сонъ
въ Лѣтнюю Ночь» I, 1) «мгновенія будто звукъ; кратка какъ
сонъ; какъ призракъ, прѣходяща; какъ молния среди глубокой
ночи, она быстра—блеснетъ и озарить предъ взорами и не-
беса, и землю, но прежде чѣмъ успѣеть человѣкъ сказать
«смотри», ужъ снова бездны мрака все поглотятъ». Въ отли-
чие отъ гомеровскихъ сравненій, шекспировскія гораздо смѣ-
лѣе; иногда въ нихъ поражаетъ игра комбинирующей фанта-
зии; если у античнаго поэта пачь привлекаетъ наивная про-
стота и естественность, то у новаго дѣйствуетъ ослѣпительно
блестящій эффектъ остроумія и ума, геніальная проницатель-
ность. Возьмемъ только короткія сравненія ¹⁾. «Открытый,
какъ день: глухой, какъ море, бѣдный какъ зима, обнажен-
ный, какъ воздухъ, чистый, какъ снѣгъ, до котораго не ка-
салось солнце» и т. д.

Шекспиръ привлекаетъ всѣ области природы, ради нагляд-
ности въ формѣ сравненія. Для характеристики его возарѣнія
на природу, могутъ служить слѣдующіе примѣры.

Небо съ солнцемъ и облаками часто противу поставляется
человѣческой жизни и притомъ съ высшимъ, индувидуаль-
нымъ одушевленіемъ природы; такъ въ «Ричардѣ II» III, 3:

¹⁾ Ср. Henkel, Das Goethe'sche Gleichnis, Halle 1886, S 19, Heinr. IV, 2: IV, 4, 4, Rich. II, I, 1, Oth. III, 3, Joh. II, 2, Cymb. II, 2, ср. Haml. III, 1, Tempest IV, 1, Oth. V, 2.

Смотрите! вотъ самъ Ричардъ появился,
Какъ гнѣвное, краснѣюще солнце
Является изъ огненныхъ воротъ
Востока, вдругъ замѣтивши, что тучи,
Изъ зависти желаютъ омрачить сіяніе его и бросить тѣнь
На путь его къ закату.

Нѣжнѣе прекрасное сравненіе въ «Титѣ Адронникѣ» II, I.

Подобно солнцу золотому, когда оно, встрѣчая юный день,
Все море обдаѣтъ чудеснымъ блескомъ
И въ огненной катится колесницѣ
Надъ высями необозримыхъ горъ.

Это говорится о Таморѣ; въ «Ричардѣ III» I, 2, сказано:
«Миѣ жизнѣ и свѣтъ — краса твоя; какъ міру и жизнѣ, и
свѣтъ въ лучахъ веселыхъ солнца»; и въ «Безплодныхъ уси-
ліяхъ любви» IV, 3:

Не такъ плѣнительно лучъ солнца золотой
Розъ листья влажные въ часъ утренній лобзаетъ,
Какъ на щекахъ моихъ, окропленныхъ росой,
Лучами свѣжими твой чудный взглядъ играетъ.
Не такъ луна въ лучахъ серебряныхъ своихъ,
Сквозь грудь прозрачную морской волны сверкаетъ.
Какъ красота твоя сквозь рѣки слезъ моихъ!
Ахъ, у меня она во всѣхъ слезахъ блестаетъ.

Какъ это сравненіе чувствительно въ новѣйшемъ смыслѣ слова; какъ оно остроумно и эффектно во всѣхъ своихъ по-
дѣлостяхъ. Даже при сопоставленіи съ самыми глубокомыс-
ленными сравненіями древности, касающимися отраженія свѣта
и проч., мы видимъ здѣсь несравненно болѣе индивидуаль-
ности: солнце цѣлуясь росу цвѣтовъ, передъ взглядомъ воз-
любленной убѣгаеть печаль сердца, исчезаютъ слезы, какими
онъ ее оплакивалъ, въ которыхъ она отражается, какъ се-
ребряный мѣсяцъ въ кристальныx водахъ. И ручей и море
привлекаются для сравнений. «Какъ въ бурный день серебря-
ныя рѣки вздуваются и топятъ берега, какъ будто міръ въ
слезахъ готовъ растаять, такъ поднялась и вышла изъ гра-
ницъ безумная свирѣпость Болинброка» «Ричардъ II», III, 3,
а въ «Двухъ Веронцахъ», II, 7, говорится:

И тихій ручеекъ, когда преграду
Себѣ найти, неистово кипитъ;

А если нѣтъ преградъ его теченью,
Гармоніей звучитъ по гладкимъ камнямъ
И ласково лобзаетъ онъ осоку,
Которую встрѣчаетъ на пути.
Такъ мчится онъ, по нивамъ извиваясь
И весело играя, въ океанъ.
Оставь же и меня въ моемъ теченьи.

«Генрихъ VI», ч. 2: III, 1:

Какъ дождь весной, такъ мысль бѣжитъ за мыслью
Но все онъ стремится къ главной цѣли.

Образы смѣло перемѣщиваются въ жалобѣ Тита («Т. Ан-
дроникъ», III, 1):

Когда бы смыслъ въ моихъ бѣдахъ я видѣлъ,
Въ себѣ я скорбь съудѣлъ бы обуздать,
Когда въ пепастье плачутъ небеса,
Не всяль земля затоплена бываетъ?
Не воетъ-ли, при вѣтре, океанъ?
Не яростно-ль вздыхается онъ къ небу?
А ты—ты требуешь, чтобъ я молчалъ!
Я—оceanъ; она—дыханье вѣтра.
Ты слышишь вздохи дочери? Лавинъ—
Рыдающее небо, я—земля.
Мой океанъ вздыхаетъ эти вздохи,
Моя земля затоплена отъ слезъ!
Не въ силахъ грудь вмѣстить все эти вздохи...

и «Генрихъ VI», ч. 3: II, 5:

Сраженіе это, что война зари,
Гдѣ борется туманъ съ растущимъ свѣтомъ,
Когда пастухъ себѣ въ ладони дуетъ,
Не знаю, день или ночь еще царитъ.
Да, этотъ бой, какъ море прибываетъ,
Когда въ борьбу вступиль съ приливомъ вѣтеръ:
То также вдругъ отхлынетъ, словно море,
Предъ возрастающимъ напоромъ бури,
То волны перевѣсь берутъ, то вѣтеръ,
То этотъ, то другой одолѣваетъ,
Обнявшись, борятся изъ-за побѣды.
Нѣтъ побѣдителя, нѣтъ побѣжденныхъ,—
Такъ равны силы въ этой злой войнѣ.

Въ этихъ послѣднихъ сравненіяхъ достойно вниманія ихъ
чисто эпическое развитіе и то обстоятельство, что образный

поэтъ, какъ мы это увидимъ еще дальше, не можетъ обойтись безъ одушевленій: кроткій, журчацій ручей, то мелодически шумящій, то нетерпѣливый и бурный, цѣлуясь членокъ, бредетъ далѣе, какъ пилигримъ, забавляется веселой игрой, бурный вѣтеръ шумитъ, море реветъ, воздухъ плачетъ, облако умираетъ, вѣтеръ и море борются грудь съ грудью. Такой же силой и наглядностью являются сравненія, взятыя изъ жизни животныхъ, львовъ, вепрей, быковъ и оленей. Такъ «Цезарь» (III, 1) сравнивается съ убитымъ оленемъ, который былъ гордостью лѣса, а чудовище «Ричардъ III» (V, 2) называется: «злымъ кабаномъ, что рылъ сады и гадилъ земли ваши, пиль вашу кровь и внутренности ваши клыками рвалъ изъ вѣси; проклятый звѣрь залегъ въ срединѣ острова» и II, 4: «Тигръ ухватилъ иѣжину серну». Изъ сравненій не исключаются и самыя мелкія созданія; такъ Глостеръ говорить «Лиръ» (IV, 1): «Для боговъ мы то же, что для ребятишекъ мухи; насть мучить — имъ забава».

Полоцкъ идиллическаго и иѣжинаго симпатического чувства діалогъ Тита Андроника и Марка (III, 2), гдѣ послѣдній говоритъ: «Любезный братъ, убилъ я только муху», а Титъ отвѣчаетъ ему: «А если у нея отецъ и мать? Съ какой то ской на крыльяхъ золотистыхъ, они по воздуху носиться станутъ. Невинное, прекрасное созданье, она такъ рѣзво, весело надѣя нами съ своей игривой пѣсenkой летала, лаская слухъ. И ты ее убилъ!»

Подобные идиллическіе миниатюры, соотвѣтствующіе вкусу, выступающему во всѣхъ литературахъ того времени, нерѣдко встречаются у Шекспира. Въ только что названной драмѣ (II, 3), Тамора говорить:

О чѣмъ грустишь ты, мплый Ааронъ,
Когда вокругъ все радостю дышитъ?
Какъ весело щебечутъ пташки въ чащѣ,
Подъ деревомъ раскинулась змѣя,
Блаженствуя на солнцѣ золотистомъ,
И отъ вѣтвей, колеблемыхъ прохладой,
На дернѣ ложится сѣтчатая тѣнь.

И Валентинъ признается въ «Двухъ Веронцахъ» (V, 4):

Глухой, безлюдный и пустынныій лѣсъ
Мнѣ лучше людныхъ, пышныхъ городовъ.
Здѣсь я могу сидѣть въ уединеніи,

И къ жалобнымъ напѣвамъ соловья
Подлаживать тоску мою и горе.

Какая сентиментальная элегія! Такой же одинокій мечтатель — Ромео, въ своей любовной тоскѣ, который уже (I, 1) прежде, чѣмъ священное солнце выглянетъ изъ золотого окна, прибалияетъ къ свѣжей росѣ свои слезы». Особенно богаты идиллическими чертами «Какъ вамъ это исправится», «Цимбелинъ» и «Зимняя сказка»: извращенной придворной культурѣ противопоставляется въ нихъ сильная, здоровая природа. Въ первой изъ этихъ шэсъ, меланхолический Жакъ любить лежать, протянувшись подъ дубомъ, старые корни котораго спускаются въ ручей, бѣгущій съ шумомъ вдоль лѣса; и въ пѣсняхъ воспѣвается необманчивое счастье, какое даютъ лѣсныя лужайки:

Кто подъ зеленою листвою
Желаетъ отдыхать со мною,
И хору птичьихъ голосовъ
Кто вторить весело готовъ—
Пусть придетъ, пусть придетъ, пусть придетъ!
Здѣсь на лонѣ природы
Онъ враговъ не найдетъ,
Кромѣ зимней, суровой погоды!
Кто честолюбья избѣгаетъ,
Подъ солнцемъ жить предпочитаетъ,
Пусть придетъ, пусть придетъ, пусть придетъ!
Здѣсь на лонѣ природы
Онъ враговъ не найдетъ,
Кромѣ зимней, суровой погоды ¹⁾.

Возвращаясь къ сравненіямъ, мы встрѣчаемъ заимствованія изъ царства птицъ, въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ. Такъ въ «Ричардѣ III» I: «Не хорошо, когда орлы по клѣткамъ, а ястреба и копчики на волѣ» — V, 2: «Надежда быстра и летить на крыльяхъ ласточки»; «Сонъ въ Иванову ночь» III, 2:

Какъ дикий гусь, который встрѣтилъ взоръ
Ползущаго охотника; какъ галки,
Которые отъ выстрѣла вспорхнувъ,

¹⁾ Эти букалико-идиллическія черты особенно внимательно прослѣжены Гензѣ въ его названномъ выше сочиненіи.

Всѣ каркаютъ и, воздухъ разѣккая,
Летятъ спастись по разнымъ сторонамъ.

Необыкновенно красивы и нѣжны образныя заимствованія изъ міра растеній и цвѣтovъ: «Щеки увлажнились, какъ зелень во время дождя». («Ричардъ III», I, 2): «Развѣ цвѣтутъ вѣтви, когда стволъ погибъ? Развѣ не увядаетъ листва, къ которой нѣтъ доступа соку?». (Тамъ-же II, 2). Губы маленькихъ сыновей Эдуарда называются четырьмя розами на одномъ стеблѣ, которыя цвѣлются въ своей лѣтней красѣ. (IV, 3); о нихъ же говорится (IV, 4): «Мои нѣжные мальчики нерасцвѣтшія почки, милые ростки!» И Ромео (I, 1) «такъ скрытенъ, недоступенъ, какъ почка, гдѣ сидитъ уже червякъ, когда она еще не развернула на воздухѣ прекрасныхъ лепестковъ и красоты не посвятила солнцу».

Нельзя не удивляться, насколько въ сравненіяхъ Шакспира вѣрность природѣ соблюдается до самыхъ мелочей, какъ взглядъ его распространяется даже на самое нѣжное и незначительное въ ней, и вездѣ находитъ для себя поэтическое и образное выражение. Джульетта называется прекраснѣйшимъ цвѣткомъ на лугу Вероны; Офелія («Гамлетъ» I, 3)—«фіалка расцвѣтшая въ порѣ весеннихъ лѣтъ, но не надолго, сладкая на мигъ, краса и запахъ одного мгновенія».

Слѣдующее сравненіе, тамъ же, изображаетъ, какъ всему грозитъ гибель:

Дѣтей весны не рѣдко истребляетъ
Червякъ, когда еще закрыта почка;
И въ молодости утра на росу
Опасно вѣтъ ядовитый вѣтеръ.

Самымъ мрачнымъ колоритомъ окрашенъ извѣстный монологъ Гамлета (I, 2):

Какъ пошло, пусто, плоско и ничтожно
Въ глазахъ моихъ житѣе на этомъ свѣтѣ!
Презрѣнныи міръ: ты—опустѣлый садъ,
Негодныхъ травъ пустое достояніе—

и II, 2: «Съ недавнихъ порѣ, не знаю отчего, я утратилъ всю мою веселость, оставилъ обычныя занятія, и точно—въ душѣ моей такъ худо, что это прекрасное созданіе, земля, кажется мнѣ безплодною скалою; этотъ чудесный небосклонъ, эта величественная кровля, сверкающая золотымъ огнемъ—

что же, она мнѣ кажется — только смышениемъ ядовитыхъ паровъ».

Но еще гораздо болѣе, чѣмъ въ своимъ сравненіяхъ и идиллическихъ картинахъ, Шекспиръ выказываетъ значительный успѣхъ своего воззрѣнія на природу симпатическимъ искусствомъ вводить природу въ дѣйствие драмы и оживлять послѣднее при помощи первой. Уже много разъ высказывали изумліе его умѣнію изображать настроеніе природы соотвѣтственно дѣйствію драмы и отмѣтить гармонію между обстановкою природы и судьбою человѣка. Блестящія лунныя ночи вполиѣ подводятъ къ кроткому, блаженному любовному сну Ромео и Джульетты: тогда вся природа, и садъ, и мѣсяцъ, и звѣзды, также отдаются любви. «Мечтательного, грустнаго Гамлета, говорить Берне, Шекспиръ помѣщаетъ въ страну тумана и длиныхъ ночей, подъ мрачнымъ небомъ, гдѣ день — только безсонная ночь; въ этой трагедіи мы охвачены сѣверомъ, сырой темницей природы». Какъ суроно и сумрачно настроеніе природы въ мрачномъ «Макбетѣ»! О Лирѣ Якоби говорить: «Какое зрѣлище! Посмотрите: вся природа, одушевленная и неодушевленная, подпимается и несется, какъ нагроможденныя другъ на друга облака — черная, тяжелая, нѣмая ночь, и только тамъ и здѣсь блескъ божіихъ очей разрываетъ облака»!

Для того, чтобы подобныя выраженія восторга не были простыми фразами, мы должны изслѣдовать, въ чёмъ именно заключается искусство Шекспира производить такое глубокое вездѣ выражющееся впечатлѣніе. На самомъ дѣлѣ основою такого симпатического воззрѣнія на природу является одушевленіе ея. Изученіе этой стороны творчества у различныхъ поэтовъ составило бы одинъ изъ интереснѣйшихъ отрывковъ сравнительной теоріи поэзіи; особенно благодарный материалъ въ этомъ родѣ даетъ намъ Шекспиръ.

Эстетическое одушевленіе природы достигаетъ у него такой степени искренности и глубины, какой до него ни одинъ поэтъ не достигалъ и не могъ достигнуть. Правда, у грековъ можно прослѣдить постепенный переходъ отъ миѳическаго къ чисто поэтическому одушевленію, и это послѣднее значительно индивидуализируется въ эпоху эллинизма; но только Шекспиръ открываетъ намъ совершенно новую область, благодаря своей блистающей, все освѣщающей и связывающей геніальной фантазіи. «Это — пластическое олицетвореніе, спра-

ведливо замѣчаетъ Гензѣ¹⁾), когда Эсхилъ называетъ горы сосѣдями звѣздъ, но мы видимъ больше индивидуальнаго чувства, когда Шекспиръ говоритъ о горахъ, что онъ цѣлуютъ небо; весьма пластичны слова Эсхила, что огонь и море, всегдашніе враги, примирились и, связавъ себя клятвою, остались вѣрны другъ другу, когда истребляли несчастное войско аргивянъ; вполнѣ индивидуально выраженіе Шекспира, что море и вѣтеръ, старые спорщики, на минуту заключаютъ между собою перемиріе. Когда тотъ же поэтъ называетъ вѣтеръ любовникомъ воздуха, необузданнѣмъ сыномъ пустыни, когда онъ говоритъ о времени, что у него—на спинѣ сумка, изъ которой онъ выбрасываетъ метлу для забвенія, когда онъ съ новымъ для насъ возврѣніемъ называетъ время звонаремъ, лысымъ пономаремъ, — то это таія олицетворенія, какихъ нѣть у древніхъ и какихъ не можетъ быть у нихъ».

Чѣмъ богаче душевная жизнь отдельнаго человѣка, чѣмъ его чувства индивидуальнѣе, тѣмъ интенсивнѣе онъ надѣляетъ природу своей духовной жизнью. Фантазія Шекспира изобилуетъ образами; все новыя и новыя отношенія между вѣнчнимъ и внутреннимъ міромъ открываются передъ нимъ, все новыя метафоры вытекаютъ изъ неистощимаго источника его воображенія. Любовь становится для него волшебнымъ жезломъ, который раскрываетъ самыя скрытыя глубины между жизнью души и природы. Правда, еще Ивикъ жаловался, что вѣнѣ его — улыбающаяся весна, а его сердце Эротъ опустошилъ еракійской зимней бурей, и вслѣдствіе того его душа вполнѣ противуположна великоклинической весенней природѣ; правда, у Теокрита, благодаря красотѣ пастушкі, возрастаетъ плодородіе поля и стада, и прекрасная всю природу увлекаетъ за собой; и у Каллимаха Оконтій высказываетъ, что если бы деревья знали страданія и радость любви, они должны были бы потерять свою листву. Справедливо, что подобныя идеи выражались уже въ древности и по своей сущности были новы въ нашемъ смыслѣ слова; но легко видѣть глубокое различіе между этими античными идеями и мыслями, какія мы находимъ у Шекспира въ его 97 сонетѣ:

Какъ было на зиму похоже это время,
Которое провелъ съ тобой я не вдвоемъ!

¹⁾ Poetische Personifikation in griechischen Dichtungen, I, Halle 1868, S. XXXII.

Что за морозъ и мракъ спускалися, какъ бремя,
И какъ все вдругъ въ глаза глядѣло декабрь!
Однако, время то—благое было лѣто
И осень съ золотой кошницею своей...
И тѣ дары небесъ казались мнѣ, въ томленьи,
Несчастными дѣтими, не знавшими отцовъ,
Затѣмъ, что у тебя и лѣто въ услуженъ,
И птицы не поютъ, не вслушавшись въ твой зовъ;
А если и поютъ, то съ грустью такою,
Что листья блекнутъ вкругъ,—ну, точно предъ зимою.

Или въ 98 сонетѣ:

Я далеко, мой другъ, былъ отъ тебя весной,
Когда апрѣль въ цвѣтахъ своей одежды новой
Всему передавая пыль юношескій свой,
При чёмъ съ нимъ ликовалъ и смерти богъ суровый,
Но ни пернатыхъ хоръ, ни ароматъ цвѣтовъ,
Чьихъ вѣнчиковъ весной намъ видѣ всего дороже,
Не возбуждаются думъ во мнѣ, ни свѣтлыхъ сновъ,
Ни жажды тѣ цвѣты срывать на пышномъ лонѣ...
Но все же сныѣ кругомъ лежавшимъ мнѣ казался,
И имъ я, какъ своею тѣнью, забавлялся.

Къ кинарисамъ Теокрита, свидѣтелямъ любовнаго союза, и къ молчаливымъ птичкамъ нѣмецкаго средневѣковаго поэта Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде примыкаютъ голубыя фіалки въ «Венерѣ и Адонисѣ» (Строфа 21): «Онъ не болтаютъ, не понимаютъ, что мы дѣлаемъ». Сравненія красивыхъ женскихъ губъ съ розами можно найти и у старинныхъ поэтовъ, но насколько современнѣе для нась слѣдующее одушевленіе въ 99 сонетѣ:

И я фіалкѣ такъ съ укоромъ говорилъ:
Гдѣ ты могла добыть свой ароматъ небесный,
Какъ не изъ вздоховъ той, кому мой отданъ пыль...
Я липлю кориль въ покражѣ бѣлизны
Прекрасныхъ рукъ твоихъ, а макъ—волость каскада;
Что-жъ до трехъ розъ, то—въ прахъ стыдомъ изложены,
Онѣ чуть рдѣли вкругъ, не подымая взгляда:
Одна, пылая вся, другая—поблѣднѣвъ.
А третья, всѣмъ даря чужкіе ароматы...
Повѣрь, что я цвѣтка такого не видаль,
Который съ устъ твоихъ свой запахъ бы не бралъ.

Какъ грандиозны его одушевления и въ 33 сонетѣ:

Какъ часто видѣлъ я прекрасную Аврору,
Когда златились вокругъ луга, холмы и лѣсъ,
Шокорные ея ласкающему взору...
Но тучамъ вслѣдъ она покорно позволяла
Топтать въ пути свое небесное лицо —
И, нисходя съ небесъ, позорно укрывала
На западѣ во тьмѣ лучей своихъ кольцо.

Эта великолѣбная картина природы противуполагается его собственному душевному состоянію:

Увы, такъ и мое свѣтило дня сначала
Побѣдно надо мной горѣло и блестало,
Ивишись лишь на мигъ восторженнымъ очамъ,
Теперь-же блескъ его вновь туча затмевается.
Но страсть моя за то его не презираетъ;
Пусть меркнетъ солнце здѣсь, коль нѣть его и тамъ.

Въ 89 строфѣ «Венеры и Адониса» онъ рисуетъ ночь въ темной облачной одеждѣ:

Смотри: вселеній другъ, усталое свѣтило,
Заходить, тяжкій трудъ вседневный одомѣвъ;
Сова уже кричить, и мгла поля покрыла,
Всѣ птицы въ гнѣздашки укрылись, овцы въ хлѣвѣ,
Ужъ тучи черныя небесный сводъ застлали,
И доброй ночи намъ спокойной пожелали

Въ «Ромео и Джульеттѣ» мы находимъ прекрасныя строки, олицетворяющія въ высоко поэтической формѣ утро, мракъ и ночь (II, 3):

Съ улыбкою на сумрачную ночь,
Пестря востокъ, глядяты глаза денницы;
Пятнистый мракъ, спѣша, уходить прочь
Отъ огненной Титана колесницы.
Покуда взоръ свѣтила огневой
Не выплянулъ, чтобы встрѣтить день привѣтомъ,
Покуда онъ еще росы ночной не осушилъ своимъ горячимъ свѣтомъ,
... мнѣ нужно торопиться... и т. д.

Множество одушевленій разсыпано по всѣмъ драмамъ съ такимъ богатствомъ блестящихъ мыслей, какого въ новѣйшее время достигли вновь только Гете, Байронъ и Шелли.

Особенно часты обороты, какъ, напр., яростное, бушующее

море; гордо поднимающееся или устало склоняющееся къ по-кою, или глядящее изъ золотого окна солнце, привѣтствующее день съ его утренними лучами; или стоящая на небѣ, подобно серебряной дугѣ, озаряющая тихую ночь, или блѣдная отъ гибѣва, луна; ручей, гордо вздувшийся благодаря туманамъ и водопадамъ, разрушающей плотины или крадущейся съ тихимъ журчаніемъ¹⁾); или плющъ, обвивающей вязь, какъ говорить Титанія («Сонъ въ Иванову ночь», IV, 1): «Вокругъ тебя я обовьюсь руками! Такъ жимолость или сладкій каприфолій высокій вязъ съ любовью обвиваются; такъ нѣжный плющъ кольцами огибаетъ покрытые корою пальцы вяза. О, я тебя люблю...»

Цвѣтамъ даются блестящіе, смѣющіеся глаза; роса изображается въ видѣ слезъ—«роса стояла въ глазахъ нѣжнаго цвѣтка, какъ слезы» (тамъ же); небо плачеть, бурный вѣтеръ злится и угрожаетъ съ свирѣпымъ лицомъ; анемоны привлекаютъ къ себѣ мартовскій вѣтеръ своею красотой; подснѣжники блѣдны: «они умираютъ, не зналъ брака, прежде чѣмъ увидѣть могучіе лучи золотого Феба («Зимняя Сказка» IV, 3).

Волны и вѣтеръ Гете называетъ соединенными любовью (вѣтеръ любимый спутникъ волны); Шекспиръ заставляетъ выступать вѣтеръ нарушителемъ спокойствія моря въ «Троилѣ и Крессидѣ» (I, 3):

Пока спокойно море, сколько беспомощныхъ и утлыхъ членковъ
Рѣшается отважно плыть по лону
Широкому его—и плыть бокъ-о-бокъ
Съ надежными судами. Но Борею
Свирѣпому лишь стоять въ гибѣ привѣсть
Ѳетиду кроткую—и что-жъ мы видимъ?
Бока судовъ громадныхъ водяные хребты своимъ напоромъ раз-
сѣваютъ
И, словно конь Персея, быстро скакутъ средь влажныхъ двухъ
стихій.

Тамъ же говорится:

О сколько бѣдъ чудовищно-мятежныхъ является тогда: земле-
трясеній,

И бурь морскихъ, и стокновеній грозныхъ,
И перемѣнъ, и ужасовъ, и страховъ...

¹⁾ Henri IV. 2: III, 1, Richard III, V, 3; Romeo I, 1, Tit. Andron. II, 1; Midsummernightsdream, I, 1, II, 1, Veron. II, 1.

Полумиоическимъ кажется одушевленіе рѣки въ «Генрихѣ IV», ч. I: I, 3: ¹⁾

Въ «Антонии и Клеопатрѣ» даже вѣтеръ и волны изумляются великолѣпию царскаго корабля (II, 2): «Блистала на водѣ, какъ свѣтлый тронъ, галера Клеопатры; ея корма изъ золота была, а паруса пурпурные такъ были пропитаны благоуханьемъ чуднымъ, что вѣтры къ нимъ любовью томились; серебряныя весла били въ тактъ, подъ звуки флейтъ, и заставляли воду бѣжать быстрѣй за ними вслѣдъ, какъ будто въ удары ихъ влюбилась она ²⁾); и Маркъ Антоній, одиноко сидѣлъ среди торговой площади на тронѣ и свисталъ въ пустынныи воздухъ, который самъ готовъ былъ улетѣть, чтобы созерцать царицу, еслибъ могъ онъ произвести въ природѣ пустоту ³⁾.

Но еще интереснѣе, чѣмъ подборъ такихъ вполнѣ новыхъ, индивидуальныхъ и, по большей части, естественныхъ одушевленій, является вопросъ, какимъ образомъ во многихъ великихъ драмахъ Шекспира природа служить не только заднимъ планомъ дѣйствія и придаетъ ему характерную окраску, но какимъ образомъ она принимаетъ участіе въ этомъ дѣйствіи, вслѣдствіе чего получаются самыя величественные одушевленія. Въ началѣ 3-го акта въ «Лирѣ» Кентъ спрашиваетъ: «Кто здѣсь? Кто бродитъ въ такую непогоду? — Джентльмэнъ. Тотъ, въ чьей душѣ таکая-жъ непогода. — Кентъ. «Гдѣ нашъ король теперь? — Джентльм.. Въ отчаяніи онъ бродитъ подъ грозою; онъ молить вѣтеръ, чтобы навѣки землю онъ въ море сдуль: чтобы волны, взгромоздившись, залили шаръ земной, чтобы міръ погибъ. Свои сѣдины рвѣтъ онъ съ головы, а рѣзкій вѣтеръ въ ярости безумной, ихъ подхвативъ уносить вдалъ. Онъ хочетъ одинъ противустать дождю и вихрю».

¹⁾ Who then affrighted with their bloody looks, Ran fearfully among the trembling reeds, And hid his crisp head in the hollow bank, Blood-stained with these valiant combatants.

²⁾ Purple the sails and so perfumed, that The winds were lovesick with them: the oars were silver, Which to the tune of flutes Kept stroke, and made The water, whicht hey beat, to follow faster As amorous of their strokes.

³⁾ Whistling to the air, which, but for vacancy, Had gone to gaze on Cleopatra too, And made a gap in in nature.

Въ пустынной, безотрадной мѣстности, въ ночную бурю, бѣдный, безпрютный старикъ находитъ въ борьбѣ съ стихіями отъликъ своему внутреннему возбужденію; неблагодарность, даже противуестественная жестокость и грубость его дочерей представляеть такое возмущеніе въ нравственномъ мірѣ какъ хаотической безпорядокъ въ физическомъ. Онъ высказываетъ это въ слѣдующихъ словахъ: ¹⁾.

«Злись, вѣтеръ, дуй, пока не лопнутъ щеки! Вы, хляби воду, стремитесь ураганомъ, залейте башни, флюгера на башняхъ! Вы, сѣрные и быстрые огни, предвѣстники громовыхъ тяжкихъ стрѣлъ, дубовъ крушители, летите прямо въ голову мою сѣдую! Громъ небесный, все потрясающій, разбей природу всю, расплюсни разомъ толстый шаръ земли и разбрасай по вѣтру сѣмена, родящіе людей неблагодарныхъ!.. Рази всѣхъ животомъ, дуй, лей, греми и жги! Чего щадить меня? Огонь и вѣтеръ, и громъ, и дождь — не дочери мои! Въ жестокости я въасъ не укоряю» и т. д.

Какъ переплетаются здѣсь одушевленная и неодушевленная природа, разумный нравственный и неразумный стихійный міръ, — какъ поэтъ умѣеть оживить безжизненное, одушевить бурю и дождь, молнию и громъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать страдающему человѣку силу чувства и страсти, которая почти такъ же стихійна, какъ грохочущій громъ и воющая буря. И въ «Отелло» природа выступаетъ въ страшномъ возмущеніи (II, 1): ²⁾.

Взгляните-ка на пынящійся берегъ.

Ревущіе валы какъ будто бьются съ толпою тучъ...

Да, признаюсь, такого возмущенія

Я не видалъ еще на бурномъ морѣ.

Но даже и необузданная стихія бережно относятся къ прелестной Дездемонѣ:

¹⁾ Blow winds and crack your cheeks! rage! blow! Lou cataracts and hurricanes, spour Till you have drench'd our steeples, drown'd the cocks. Lou sulphurous and tought-executing fires Vaunt couriers of oak-cleaving thunderbolts, Singe my white head! And thou, all-shaking thunder, strike flat the thick rotundity o'the world! Crack nature's monlds, all germens spill at once, That made ingrateful man!

²⁾ The chidden billow seems to pelt the clouds, The windshall'd surge, with high and monstrous mane — I never did like molestation view on the enchafed flood.

Самъ ураганъ и бѣшеное море, ревущій вѣтъ, подводные утесы
И отмели песчаныя—враги, измѣнники, сокрытая преграда
Безвинному килю—теперь, какъ бы уразумѣвъ всю силу красоты,
Губительный характеръ свой смирили, позволивъ путь свершить бла-
гополучно

Божественно—прекрасной Дездемонѣ.

Кассіо описываетъ «великую борьбу неба и моря»; но
когда Отелло встречается съ Дездемоной, онъ высказывается
въ радостныхъ восклицаніяхъ:

О счастіе души моей, когда бъ за каждымъ ураганомъ наступало
Спокойствіе такое—пусть бы вѣтры ревѣли такъ, чтобы даже смерть
проснулась.

И пусть суда взирались бы съ трудомъ на горы волнъ, не ниже горъ
Олимпа,

И съ нихъ опять летѣли въ самый низъ, въ глубокія, какъ самый адъ
пучины!

Когда бъ теперь мнѣ умереть пришлось,
Я счелъ бы смерть блаженствомъ высочайшимъ!

Въ свидѣтельство своей вѣрности, Яго призываетъ стихіи
(III, 3):

Васъ, въ вышинѣ горящія свѣтила,
Васъ, вокругъ людей бродящія стихіи,
Въ свидѣтели того беру, что Яго
Радъ посвятить умъ, сердце, руки—все
На службу оскорбленному Отелло.

Счастье Отелло непродолжительно; демонъ ревности овла-
дѣваетъ имъ; даже природа должна чувствовать отвращеніе къ
такому вѣроломству возлюбленной (IV, 2):

Небо отъ дѣлъ твоихъ посѣ зажимаетъ свой.
И мѣсяцъ жмурится, и наглый вѣтеръ
Цѣлующій все встрѣчное, и тотъ
Въ подземныя скрывается пещеры,
Чтобъ дѣлъ твоихъ негодныхъ не слыхать ¹⁾.

и въ его ужасномъ душевномъ смятеніи у него вырываются,
какъ стоны (V, 2):

О, тяжело! О страшный часъ, о часъ невыносимый!

¹⁾ Heaven stops the nose at it and the moon winks: The bawdy wind, that kisses all it meets Is hush'd within the hollow mine of earth And will not hear it.

Ми^й кажется, сейчас луна и солнце
Затмится совершенно, и земля
Отъ ужаса подъ нами затрасется.

Несчастная Дездемона поетъ (IV, 3):

Бѣдняжка сидѣла въ тѣни сикоморы, вздыхая, —
О, пойте зеленую иву!
Склонившись къ колѣнамъ головкой, грудь ручкой сжимая,
О, пойте ми^й ившкѣ, ившкѣ, иву!
Ручки тамъ бѣжали и стоны ея повторяли —
О, пойте ми^й ившкѣ, ившкѣ, иву! ¹⁾.

Въ пѣснѣ, введенной въ «Цимбелина», встрѣчается прелестное одушевлѣніе, относящееся къ цвѣтамъ (II, 3):

Чу, жаворонка пѣснѣ звучить, и Фебъ ужъ въ путь готовъ:
Коней росою онъ поитъ изъ вѣнчиковъ цвѣтовъ.
Страхнувши сонъ свой, ноготки глядѣть на небеса, ²⁾
И улыбаются цвѣтки, вставай, моя краса,
Вставай, вставай.

Въ «Макбетѣ» мы находимъ симпатическое воззрѣніе на природу выраженнымъ съ особенной ясностью. Не одинъ разъ тамъ проведена мысль, что природа должна ужасаться передъ страшнымъ преступленіемъ, какое задумывается Макбетъ, такъ какъ она сама омрачается и даетъ зловѣщія предзнаменованія. Макбетъ говоритъ самъ (I, 4):

Померкните, свѣтила, въ небесахъ!
Не озарите замысловъ моихъ!
Пускай ударъ мой ниспадетъ въ потьмахъ!

и леди Макбетъ (I, 5):

И воронъ охрипъ, закаркавъ на прѣездъ Дункана.
Скорѣй, глухая ночь,
Спустись на мѣръ и въ мрачномъ дымѣ ада
Укрой мой ножъ! Пусть онъ не видѣть раны,
Пусть небо не пронзитъ покрова тьмы
Словами: «стой, остановись!».

Съ этимъ зловѣщимъ настроеніемъ, которое проникаетъ всю трагедію и съ которымъ гармонируетъ окружающая при-

¹⁾ Sing all a green willow... The fresh streams rau by her and mur-mur'd her moans...

²⁾ And winking mary—buds begin To ope their golden eyes...

рода, мирное описание замка, куда беззаботно вступает Дунканъ, составляетъ потрясающій, поразительный контрастъ. Дунканъ говоритъ (I, 6): «Прекрасный видъ! Какъ чистъ и легокъ воздухъ! Какъ нѣжно онъ ласкаетъ наши чувства!». Какимъ удивительнымъ контрастомъ представляется идиллическое, прелестное описание невинныхъ ласточекъ, гнѣзда которыхъ расположены на верху кровли! Банко распространяется въ изображеніи этихъ милыхъ гостей, символовъ небеснаго міра:

А вотъ и ласточка, весенний гость,
Присутствіе ея намъ говоритьъ,
Что мирно здѣсь дыханье неба вѣеть.
Взглядните: нѣтъ ни уголка, ни фриза,
Гдѣ бѣ не висѣть птенцовъ воздушный домикъ.
А гдѣ они, замѣтиль я, гнѣздятся
Охотно такъ, тамъ воздухъ свѣжъ и чистъ ¹⁾.

Быть можетъ, мирный характеръ этихъ крылатыхъ обитателей дома никогда не представлялся нагляднѣе, и въ этомъ мѣстѣ ужасной трагедіи зла онъ выступаетъ, какъ свѣтлый солнечный лучъ на мрачномъ грозовомъ небѣ.

Во 2-мъ актѣ Макбетъ изображаетъ свой собственный ужасъ и ужасъ природы (сцена I):

Полмѣра спить теперь...
Не вслушивайся, прочная земля,
Не то—и камень, завопивъ, прогонить
Безмолвный ужасъ темноты..., ²⁾

Леди Макбетъ говоритъ:

Нѣтъ, то сова—зловѣщій сторожъ,
Желающій такъ зло «покойной ночи».

Ленокъ описываетъ эту ночь (II, 2):

Ночь бурная была: надъ нашей спальней
Снесло трубу; по воздуху носились—

¹⁾ This guest summer The temple-haunting marlot does approve, By his loo'd mansions. that the heaven's breath Smells wovingly here: no jutty, frieze, Buttres, nor coigne of vantage, but this bird Hath made his pendent bed and procreant cradle: Where they most breed and haunt, I haue observ'd The air is delicate.

²⁾ Thou sure and firm—set earth Hear not my steps, which way they walk, for fear Thy very stones prate of my where-about.

Унылый вопль и смертное хрипънье;
Ужасный голосъ предрекалъ войну,
Пожаръ и смуты. Филинъ, вѣрный спутникъ
Временъ злосчастныхъ, прокричалъ всю ночь,
Земля, какъ говорятъ, дрожала ¹).

Въ 3-й сценѣ II акта старикъ разсказываетъ: «Мнѣ восемьдесятъ лѣтъ; за это время я много страшныхъ пережилъ минутъ и видѣлъ много чудъ; но это все пустяки предъ тѣмъ, что было въ эту ночь!»

Россъ возражаетъ:

Вагляни-ка, дѣдушка, и небеса
Какъ будто хмурятся на домъ кровавый,
Гдѣ оскорбилъ ихъ человѣкъ! Теперь
Давно ужъ день, а надъ лампадой неба
Битаетъ ночь. Не царство-ль тьмы настало?
Иль стыдно дню лобзаніемъ обычнымъ
Лицо земное озарить? ²).

Такъ повсюду находитъ для себя потрясающее выражение симпатическое чувство природы, которое придаетъ ей способность сочувствія, почти человѣческій ужасъ передъ злымъ и преступнымъ; всего поразительнѣе оно выступаетъ въ словахъ преступнаго Макбета (III, 3):

Скорѣй, сльпая ночь, и мрачною завѣсой
Закрой глаза чувствительнаго дня!
Кровавою, невидимой рукой
Схвати и растерзай мои оковы—
Мнѣ душно въ нихъ! ³).

И въ «Гамлетѣ» людскія злодѣянія внушаютъ природѣ ужасъ (III, 4):

О, твой (королевы) поступокъ
Исторгъ весь духъ изъ брачнаго обряда,--
Горитъ чело небесъ, земли твердыни

¹) The earth was feverous, cp. «Корiolанъ» I, 4: thou madst thine enemies shake as if the world were feverous and did tremble.

²) Is't night's predominance or the day's shame, That darkness does the face of earth entomb, When living light should kiss it?

³) Come, seeling night, Scarf up the tender eye of pitifnl day, And with thy bloody and invisible hand, Canceel and tear to pieces that great bond Which keeps me pale.

При мрачной думѣ о твоихъ дѣлахъ
Грустна, какъ день передъ судомъ послѣднимъ ^{1).}

И другія одухотворенія встрѣчаются въ этой удивитель-
нѣйшей изъ всѣхъ трагедій, какъ, напр., величественное оду-
хотвореніе утра въ первой сценѣ 1-го акта:

А вотъ и Фебъ въ пурпуровой одеждѣ
Идеть на холмъ по жемчугу росы ^{2).}

Затишие передъ бурей такъ рисується декламирующій актеръ
во 2-й сценѣ II-го дѣйствія:

Какъ часто мы предъ бурей замѣчаемъ,
Притихъ зефиръ, безмолвны облака,
Улегся вѣтръ, земля, какъ смерть, недвижна... ^{3).}

Офелія погружается, обвитая цвѣтами, «въ плачущія
волны» (IV, 7), и Лаэртъ приказываетъ (V, 1): «Спустите
гробъ. Изъ дѣственного праха фіалки выростутъ...»

Изъ всего этого достаточно видно, какъ фантазія великаго
поэта оживляетъ и одушевляетъ всю природу въ ея отдель-
ныхъ явленіяхъ, какъ онъ не только посредствомъ изобра-
женія пейзажа даетъ настоящій фонъ основному содержанію
трагедій, но и душевное движение дѣствующихъ лицъ пере-
носить на природу, такъ что она и отражаетъ свѣтлое счастье,
и испытываетъ ужасъ передъ злодѣяніемъ.

Онъ умѣетъ индивидуализировать всѣ сферы природы,
извлечь всѣ ихъ характерные признаки и сообщить имъ оду-
шевленіе, нерѣдко съ той непосредственной поэтической си-
лой, которая такъ близко соприкасается съ миѳологической
фантазіей.

И онъ надѣляетъ сочувствіемъ и состраданіемъ не только
величественные стихійныя силы, каковы бура и непогода,
громъ и молнія и бушующее море, но и журчащій ручей, и
мирно дремлющій цвѣтокъ и золотой отрадный солнечный
свѣтъ. Отношеніе къ этимъ явленіямъ природы у него всегда

¹⁾ Heaven's face doth glow, Yea, this solidity and compound mass,
With tristful visage, as against the doom, Is taught—sick at the act.

²⁾ But look, the morn, in russet mantle clad, Walks o'er the dew
of yon high eastern hill.

³⁾ A silence in the heavens the ruck stand still, The bold winds
speechless and the orb below As hush as death.

и всюду интенсивнѣе, индивидуальнѣе, субъективнѣе, чѣмъ то, какое мы встрѣчали у предшествующихъ ему поэтовъ.

Идиллическое чувство природы своего времени Шекспиръ возводитъ на степень симпатического чувства.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Красота пейзажа въ живописи.

Необходимое условіе пейзажной живописи заключается въ способности составлять изъ отдѣльныхъ частей одно цѣлое, которое было бы проникнуто воззрѣніемъ художника. Для пейзажной живописи изображеніе природы становится цѣлью; она должна передавать извѣстную часть земной поверхности, отличающейся извѣстной красотою, и поэтому она съ такою же силою, какъ и литература, можетъ являться выраженіемъ живого чувства природы. Вслѣдствіе того, ландшафтная живопись невозможна въ тѣ времена и у тѣхъ народовъ, которые устремляютъ взглядъ только въ пространство и въ даль и хотя видѣть цѣлое, но безъ должнаго ограниченія, каковы, напримѣръ, были евреи¹). Съ другой стороны, она не могла развиться и у тѣхъ, которые видѣли только отдѣльные предметы, наблюдали только ручейки и цвѣточки, травку и капельки росы, безъ всякаго отношенія къ цѣлому въ пейзажѣ, замѣчали лишь передний планъ безъ перспективы, какъ это было въ поэзіи среднихъ вѣковъ да эпохи Возрожденія. Законы линейной и воздушной перспективы требуютъ опытнаго и остраго глаза и вообще нѣкотораго вниманія къ природѣ. Точно также и настроение пейзажной картины, ея душа, связывающая посредствомъ колорита отдѣльныя формы и фигуры въ одно цѣлое, прежде всего зависитъ отъ болѣе или менѣе живого чувства природы у художника. Поэтому ландшафтная картина должна быть не только вѣрнымъ изображеніемъ реальнаго, существующаго, но отраженіемъ идеи

¹) Cp. Woermann «Über den landschaftlichen Natursinn der Griechen und Römer, Vorstudien zû einer Archäologie der Landschaftsmalerei». München 1871, S. 6.

и настроения, какія художникъ усмотрѣлъ въ пейзажѣ, или родственаго духа, какой онъ въ немъ чуетъ и вызываетъ къ жизни. До тѣхъ поръ, пока природа пользуется однимъ вниманіемъ, любовью и изображается въ поэзіи только по отношенію къ человѣку, а не ради нея самой, пока возврѣніе на нее заключается лишь въ наивномъ восхищѣніи и поэтическія изображенія ея служатъ лишь рамками и арабесками, лишь отраженіемъ человѣческихъ настроений, — не можетъ быть никакой ландшафтной живописи, а только пейзажные фоны для человѣческихъ положеній и дѣйствій. Пейзажная живопись возникаетъ лишь во времена сантиментально-идиллическаго, элегического и симпатического чувства природы, которое испытываетъ непосредственное дѣйствіе природы и вполнѣ подчиняется очарованію вѣнчанихъ явлений. Именно тогда просыпается настояще влечение къ пейзажу въ природѣ, выражющееся въ поэзіи самостоятельными пейзажными картинами и соединяющее художественную композицію отдѣльныхъ вещей съ художественнымъ возврѣніемъ на цѣлое.

Мы видѣли, какъ путемъ Возрожденія въ Италии рушились грани и оковы догмы, традиціи и средневѣковой морали, и мѣсто средневѣковой подражательности и фантастичности заступицъ здоровый, свѣжій индивидуализмъ и реализмъ. Мы видѣли, какъ тогда были открыты новые люди и новые миры, какъ затѣмъ и у другихъ германскихъ народовъ развилось живое, частью идиллическое, частью религіозно-мистическое чувство природы и какъ, наконецъ, симпатическая форма его достигла драматического выраженія у Шекспира. И изученіе природы, начиная тогда освобождаться отъ односторонности католического возврѣнія и отъ античной традиціи, постепенно соединяло съ серьезнымъ стремленіемъ къ истинѣ не одно лишь поклоненіе Творцу въ природѣ, но и самостоятельный интересъ къ ней; вслѣдствіе того, съ любовью, даже съ страстнымъ одушевленіемъ изслѣдовались не только ея законы, но и наблюдалась ея красота. Долго продолжался тотъ процессъ развитія, который въ средніе вѣка достигъ того высокаго уровня эстетического возврѣнія на природу, на которомъ остановился древній миръ. Эпоха Возрожденія обозначала собой возвращеніе къ чувству природы эллинизма, но между тѣмъ какъ это послѣднее продолжало быть болѣе чувственнымъ и, несмотря на сантиментальность и пантегизмъ, болѣе наивнымъ, легкимъ и поверхностнымъ, христіанское чувство природы ста-

новилось глубже и отвлеченѣе, какъ вслѣдствіе большей умственной глубины, вырабатывавшейся схоластической наукой, такъ и вслѣдствіе большей теплоты христіанского чувства; благодаря тому, то единичное, то цѣлое, становилось субъективнымъ предметомъ изученія ¹⁾.

На сколько все происходитъ законообразно и органически въ развитіи человѣческаго духа, и какъ, повидимому, даже разрозненные явленія оказываются звеньями одной цѣпи, это вполнѣ выясняется, когда мы въ ходѣ нашего изслѣдованія встрѣчаемъ первую пейзажную картину и наблюдаемъ происхожденіе пейзажной живописи въ Голландіи. Средневѣковая живопись пользовалась пейзажемъ только какъ заднимъ планомъ, болѣе или менѣе соотвѣтствовавшимъ главному предмету картины. И живописцы итальянскаго Возрожденія, даже Рафаэль, Корреджіо и Тиціанъ не идутъ далѣе того, хотя нельзя не удивляться искусству, съ какимъ кисть Рафаэля набрасываетъ эти декоративные, пейзажные арабески. Какъ все это живеть, или, лучше сказать, оживаетъ передъ нашими глазами! Кажется, эти птички на нѣжныхъ вѣткахъ могли бы улетѣть: такъ онѣ легки и естественны. Эти линіи растительныхъ изгибовъ кажутся не нарисованными, а поднимающими отъ своего ствола: такъ полны внутренней жизнью, собственной силой всѣ ихъ изгибы, такъ же, какъ и находящійся среди нихъ раскрытый цвѣтокъ, въ яркій вѣнчикъ котораго мы смотримъ ²⁾). И какъ умѣеть Корреджіо представить колоритъ и настроеніе окружающаго, соотвѣтственно предмету картины; какою свѣжею прелестью оживлены купающіяся дѣвушки съ лебедями! А изъ темноты лѣса, подъ облакной тѣнью Зевса свѣтится, проникнутое страстью тѣло Io, и какой идиллической прелестью проникнуты миѳологическія картины Тиціана!

Въ нѣмецкомъ Возрожденіи великие мастера ограничиваются также подыскаваніемъ красивыхъ обстановокъ, нарядныхъ арабесокъ изъ жизни природы для ихъ Мадоннъ, Святыхъ

¹⁾ Cp. Schnaase, Geschichte der bildenden Künste im 15. Jahrhundert (Gesch. der bild. Künste Achter Band) herausgegeben von Willh. Lübke, Stuttg. 1879, S. 72.

²⁾ Falke, Geschichte des modernen Geschmacks, Leipzig 1880, S. 57.

Семействъ и т. д. Но, какъ говорить Любке¹⁾, легко видѣть, что у Дюрера гораздо менѣе потребности, чѣмъ у Гольбейна украшать свои картины архитектурными подробностями и задними планами. Онъ любить болѣе изображать свои сцены въ пейзажныхъ обстановкахъ. «Прелесть этихъ заднихъ плановъ такъ велика, въ нихъ настолько выражается искренность германского пониманія природы, что они имѣютъ сами по себѣ самостоятельное значение и ихъ творецъ можетъ считаться отцомъ съверной пейзажной живописи»²⁾. Если это слѣдуетъ понимать съ извѣстнымъ ограниченіемъ, то, во всякомъ случаѣ, у Дюрера соединяется «самое теплое и тонкое наблюденіе природы (въ самомъ обширномъ смыслѣ) съ мечтательнымъ глубокомысліемъ, стремящимся проникнуть въ сущность явлений»³⁾. Но особенно интересно, что это исходитъ у него изъ теоретическихъ воззрѣй на искусство и природу. Этотъ предметъ подробно изслѣдованъ А. фонъ-Цаномъ⁴⁾, на изложеніе котораго опирается и Любке. Воззрѣніе Дюрера, вслѣдствіе котораго онъ принацелитъ новому времени, есть глубокое почитаніе природы. Меланхтонъ разсказываетъ, какъ часто жаловался Дюреръ, что въ молодыхъ годахъ онъ увлекался болѣе пестрымъ и фантастичнымъ и только позже призналъ простую правду и красоту природы. При болѣе зрѣломъ сознаніи, природа казалась ему высшимъ образцомъ. Но, если въ этихъ художественно-теоретическихъ изѣясненіяхъ природа является не только въ смыслѣ пейзажа, но въ смыслѣ совокупности всѣхъ твореній, то съ не менѣшимъ интересомъ можно замѣтить, что и здѣсь глубоко религіозное чувство ведетъ къ поклоненію природѣ, какъ созданію Бога. Такъ, онъ говоритъ въ своемъ сочиненіи «О пропорціи»⁵⁾: «Справедливо, что искусство кроется въ природѣ; кто его можетъ оттуда вырвать, тому оно дается въ руки; никогда не полагай, что ты можешь или хочешь сдѣлать что-либо лучше, чѣмъ Богъ далъ силы созданной Имъ природѣ, потому что

¹⁾ Geschichte der deutschen Renaissance I, Stuttg. 1873, S. 72 (Gesch. der Baukunst von Franz Kugler, 5 Band, Erste Hѣlfte).

²⁾ Ср. также Каеммерер, op. cit., 81.

³⁾ Lübke, op. cit., 134.

⁴⁾ Dürer's Kunstlehre und sein Verhältnis zur Renaissance, Leipzig 1866.

⁵⁾ Proportion III B. T. III b, Nürnberg 1528.

твоя способность бессильна передъ творенiemъ Божиимъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что ни одинъ человѣкъ изъ собственнаго ума никогда не могъ создать болѣе прекраснаго образа (чѣмъ природа); дѣло въ томъ, что онъ многими кошими наполнилъ свой умъ, но это уже нельзя назвать его собственностью: это унаслѣдованное и изъученное искусство, которое было посѣяно, выросло и принесло плодъ. Такимъ образомъ вѣсъ накопленныя тайныя сокровища сердца открываются въ произведеніи, и новое созданіе, которое одинъ создаетъ въ своемъ сердцѣ, принимаетъ видъ уже извѣстнаго предмета».

Прекраснѣе и выше, прибавляетъ Любке, никогда не говорилось о созданіи художника; никогда образный міръ художника, извлеченный изъ множества явлений, не обозначался удачнѣе, какъ выраженіемъ «тайное сокровище сердца». И въ другомъ мѣстѣ Дюреръ говорить: «хорошій живописецъ внутри полонъ образовъ (фигуръ)»; но онъ нѣсколько разъ указываетъ на то, «что разумъ человѣка рѣдко можетъ постичь, какъ правдиво подражать прекрасному въ божихъ созданіяхъ значить мы, въ этихъ видимыхъ созданіяхъ, находимъ такую чрезмѣрную красоту, что никто изъ насъ не можетъ ее вполнѣ перенести въ свое произведеніе». Это то, что мы уже объяснили въ нашемъ введеніи, а именно, что тайна отношенія къ прекрасному въ искусствѣ или природѣ, заключается въ перенесеніи нашего внутренняго міра на виѣшній міръ, въ сочетаніи скрытаго въ нашемъ сердцѣ съ идеей, присущей вещамъ, какую мы въ нихъ угадываемъ и воспроизводимъ.

Только человѣкъ съ богатымъ душевнымъ міромъ можетъ постигать въ соотвѣтствіи извѣстному настроенію краски и линий пейзажа, признавать въ нихъ отлики собственнымъ душевнымъ движеніямъ и затѣмъ образно закрѣплять ихъ на полотнѣ.

Голландцы первые создали новѣйший пейзажъ, въ которомъ человѣкъ играетъ только роль посторонней фигуры. Этому народу было свойственно съ глубомысленной созерцательностью погружаться во виѣшній міръ, придавая значение самимъ мелкимъ явленіямъ его, тщательно изучая даже и то, что почти ускользаетъ отъ глазъ. Такая мирная жизнь, какую увѣковѣчили расцвѣть голландскаго искусства, была возможна только для скромнаго, довольно жизнью народа береговъ Мааса и Шельды; только въ странѣ Рейнеке-Лиса могли явиться, написанныя съ такой любовью, изображенія животныхъ, какими

ихъ создавали Поль Поттеръ, Адріанъ-фанъ-де-Вельде и др. Прекрасно высказывается Карріеръ объ этихъ мастерахъ жанровой живописи¹): «Они не только нашли привлекательное, индивидуальное выражение для духа своего народа, но они открыли сущность и силу души природы, почувствовали настроение въ пейзажъ, отражение въ немъ чувства собственного сердца и создали, такимъ образомъ, для новѣйшаго искусства произведения, которыя, въ этомъ родѣ, еще были чужды древнимъ. Греки видятъ все въ образѣ человѣка, германецъ угадываетъ духъ Божій въ формахъ всѣхъ вещей, онъ чувствуетъ свое единство съ ними и открываетъ въ нихъ свою собственную душу. Подобно тому, какъ тогда, исполненные оживленія изслѣдователи, изучали "природу не только въ ея вѣнчаныхъ отношеніяхъ къ человѣческому имѣцю, но и наблюдали ее, ради нея самой, такъ и иззажъ явился не только фономъ для историческихъ событий, но и самъ по себѣ получилъ важное значение. Животные и люди служатъ только опорой для неодушевленной природы, и когда они купаются въ рекѣ, лежать въ тѣни дерева, пасутся въ полѣ и охотятся въ лѣсу, то благодаря этому отношенію къ нимъ, вѣнчаній міръ выступаетъ, какъ нечто существенное. Величайшіе голландскіе мастера не ищутъ въ природѣ чего-либо необыкновеннааго и поражающаго—Альпъ, съ ихъ гигантскимъ великолѣпіемъ и ужасомъ ихъ пропастей, залитыхъ солнцемъ возвышенностей Италии, глядящихся въ море или озеро, или тропического, роскошнаго, растительнаго міра,—но изображаютъ только будничное и обыкновенное, но они овладѣваютъ тѣмъ, что скрыто въ нихъ, съ такою правдою и душевной глубиной, что они умѣютъ привлечь самымъ простымъ,—и въ самомъ мелкомъ даютъ угадывать жизнь, проникающую цѣлое. Такимъ образомъ народный духъ, создавшій жанровую живопись, мы опять находимъ и въ пейзажѣ²).

Окружающая природа въ такой же степени, какъ и свойство національнаго характера, благопріятствовала у нихъ ландшафт-

¹ У Лѣ. 373.

² Въ послѣдующемъ изложеніи я заимствую многое у Розенберга (*Lebensboten, Jahrg. 43 и 44, 1884—85*), и въ особенности у Шнаазе, Фальке и Карріера, такъ какъ я самъ могъ изучить описываемыхъ выше мастеровъ только въ Берлинѣ и Мюнхенѣ.

ной живописи. Сырость воздуха и производимый ею серебристый отблеск пейзажа, придающий цветнымъ поверхностямъ большую свѣжесть и густой свѣтлый тонъ, безъ сомнѣнія, оказывали сильное вліяніе на развитіе чувства красокъ у голландскихъ живописцевъ. Не менѣе дѣйствіе должны были оказывать простые, но полные своеобразнаго настроенія облачныя и туманныя образованія, серебристыя рѣки и ручьи, темные лѣса, сочные, зеленые луга и ровныя долины, составляющіе отличительные признаки тамошняго пейзажа, лишенаго рѣзкаго контраста линій. Въ духовной жизни здѣсь оказывается выгодное смышеніе германскихъ и романскихъ свойствъ; искренность, любовь къ природѣ и идеализмъ нѣмецкаго народа соединились здѣсь съ опредѣленной способностью къ порядку и изяществу, выработавшейся во Франціи, и со свойственной Гельтскому племени, точностью и рѣшительностью. (Шнаазе).

Церковныя картины были первыми художественными произведеніями, въ которыхъ выработался полетъ гenія голландской пейзажной живописи; прошло болѣе столѣтія, прежде чѣмъ ландшафтъ и картина нравовъ отѣлились отъ религіозныхъ изображеній и выступили самостоятельно. Въ миниатюрахъ XIV вѣка, впервые просыпается радостное отпошеніе сѣвернаго человѣка къ природѣ; тщательно и съ любовью выписываются пейзажные задѣ планы для сценъ изъ священной исторіи. Начало пейзажа можно указать уже въ томъ произведеніи, которое находится на порогѣ голландской школы: это картина въ Гентскомъ алтарѣ, исполненная братьями Фанъ Эйкъ въ 1432 году. Пейзажъ представляетъ самое точное наблюденіе природы; растенія, трава и цветы, розовые кусты, кустарники, виноградникъ и пальмы вѣрины дѣйствительности; богатая растительностью долина, со своими обнаженными, рѣзко поднимающимися вверхъ, скалистыми стѣнами, которыхъ увѣнчаны кустами и, черезъ которыхъ проѣзжаютъ поборники Христа и рыцари, напоминаетъ долину Мааса. Уже здѣсь испытывается впечатлѣніе, что очарованіе пейзажа открылось художникамъ; небо уже не золотое, а голубое, подернутое облачками, оживленное птицами; лугъ и лѣсъ нарядно выдѣляются сочною зеленью, мягко поднимающіеся холмы окаймляютъ равнину, видныются скалы фантастическихъ формъ. Художники утопаютъ въ наслажденіи природой, пьютъ полными глотками изъ вновь открытаго источника; они едва могутъ насытить свой молодой восторгъ и желали бы нарисо-

вать все листья и плоды на деревьяхъ, все цветы въ полѣ, даже капли росы въ травѣ. Они знаютъ уже дѣйствие перспективы: позади ближайшихъ, поросшихъ зеленою горъ, выступаютъ голубыя вершины или открывается видъ (какъ на картинѣ изображающей пилигримовъ) болѣе свѣтлой равнины, но у нихъ еще мало тоновъ; ихъ пейзажъ вслѣдствіе того изобилуетъ подробностями, которыхъ, до самой крайней дали, почти все переданы той же темной, свѣтящейся сильной зеленою, какъ и передний планъ; какъ будто они не могутъ достаточно удовлетворить своему наслажденію красотою собственныхъ красокъ. Успѣхъ, какой выказываютъ картины Яна фанъ-Эйка по отношенію къ пейзажной живописи, можетъ быть названъ громаднымъ. Старые мастера, для которыхъ природа была непонятнымъ хаосомъ частностей, а красота была только атрибутомъ священныхъ изображений, извлеченнымъ изъ церковныхъ преданий, ограничивались этими послѣдними, считая долгомъ сосредоточивать въ нихъ все благородное и возвышенное, создаваемое ихъ фантазіей. Поэтому они помѣщали свои изображенія на одноцвѣтныхъ, почти всегда позолоченныхъ фонахъ. И вдругъ было сдѣлано великое открытие, что природа есть одно цѣлое откровеніе и отраженіе Божества и отъ него она получила свою красоту! Янъ фанъ-Эйкъ придаетъ своимъ Мадоннамъ разнообразнѣйшій пейзажный задний планъ—черезъ открытое окно открывается видъ на обширный освѣщенный солнцемъ пейзажъ, съ полями и деревьями, городами и замками, оживленными дорогами и горами вдали. Если мы видимъ ее на открытомъ воздухѣ или съ открытымъ заднимъ планомъ картины, мы всегда находимъ широкий пейзажъ, оживленный безчисленными фигурами, украшенный великолѣпными зданіями.

Моланусъ, ученый изъ Лёвена, прославляетъ Дирика, жившаго тамъ же, какъ первого живописца, открывшаго ландшафтную живопись (*claruit inventor in describendo ritu*); первое начало ея должно быть рѣшительно приписано братьямъ фонъ Эйкъ; но названный живописецъ придалъ ей еще высшее значеніе, онъ лучше наблюдалъ дѣйствие воздушной перспективы, и обладалъ большою мягкостью переходовъ; пейзажъ, дѣйствительно, представляеть для него одно цѣлое и могъ пробуждать настроеніе, соотвѣтствующее предмету, какъ, напр., на боковыхъ картинахъ алтаря, гдѣ помѣщена картина Тайной Вечери. На переднемъ планѣ можно сдѣлать ботаническое

похвалу весны и проч., то этимъ безцѣльнымъ прославлѣніемъ онъ выдается то, что этотъ восторгъ вызывается не непосредственнымъ впечатлѣніемъ на душу, а старателльнымъ размышленіемъ, и показываетъ частымъ упоминаніемъ античныхъ божествъ, что онъ заимствовалъ у древняго міра не одни только выраженія. Съ исторической литературой, представителями которой, въ особенности, могутъ считаться Беатъ Репантъ (1485—1547) и Іог. Авентинъ, географія находилась въ тѣсной связи; ея развитіе содѣйствовало патріотическое направление и желаніе изобразить красоты нѣмецкой земли, ея плодородіе и богатства; на нее имѣли вліяніе и открытия того времени, но открытие Нового Свѣта не производило на нѣмецкихъ гуманистовъ такого могущественнаго дѣйствія, какое оно оказало на ученыхъ другихъ странъ, какъ, напр., Италии и Испаніи.

Тѣмъ не менѣе, въ ту эпоху въ Германиѣ процвѣтало мистико-теософическое направление чувства природы, или вѣрнѣсъ, магического постиженія его. Мы замѣчаемъ его у философовъ, оставшихся вѣрными католическому воззрѣнію, и у другихъ, примкнувшихъ къ протестантскому учению. Однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ мыслителей этого рода слѣдуетъ признать Корнелія Агриппу ф. Неттесгейма изъ Кельна¹⁾ (ум. 1535). Въ его міровой системѣ все основано на гармоніи и симпатіи; если затрагивается одна струна въ природѣ, вмѣстѣ съ ней звучатъ и другія; аналогическая соотвѣтствія имѣютъ въ то же время и магическое значеніе; символическое отношеніе предметовъ въ природѣ есть также и симпатическое. Между взломъ и виноградной лозой существуетъ настоящая любовная привязанность; солнце сообщаетъ человѣку жизнь, луна—ростъ, Меркурій—фантазію, Венера—любовь и т. д. Богъ отражается въ макрокосмѣ, сіяетъ своимъ свѣтомъ во всѣхъ созданіяхъ, оттѣняется микрокосмически въ человѣкѣ и т. п. Подобно Агриппу, между прочими и Филиппъ Авреоль Теофрастъ Бомбастъ Парацельсъ изъ Гагенгейма (ум. 1541) признаетъ высшими книгами для познанія Бога библию и природу; онъ однѣ правдивы и свободны отъ лжи. «Стихіи должно изучать, за природою слѣдить, переходя изъ одной страны въ другую, такъ какъ каждая отдельная страна

¹⁾ Zöckler op. cit. 578.

есть только листь великой книги творенія. Глаза, которые при такомъ настоящемъ опытеніи изученіи находять для себя удовольствіе, замѣняютъ этимъ настоящихъ профессоровъ и полезнѣе всѣхъ ученыхъ книгъ». Человѣкъ для него не столько подобіе Божіе, сколько микрокосмическое отраженіе природы, квинтэссенція всего міра. Другіе мечтатели высказываютъ подобные же взгляды. Такъ Себастьянъ Франкъ изъ Донауверта (ум. 1543) видѣтъ весь міръ, какъ открытую книгу и живую библію, по которымъ можно изучать силу и мудрость Божію и узнавать его волю; для него все — отраженіе Божіе: всѣ твари «выраженіе Бога и изученіе ихъ даетъ намъ познаніе истиннаго Двигателя и Творца всего». Многочисленные образы и сравненія его часто мѣткаго языка обнаруживаютъ теплое чувство природы ¹); многое у него даже звучитъ пантеистически. Однако, онъ даже и въ отдаленой степени не достигаетъ глубины великихъ итальянскихъ философовъ Джордано Бруно и Кампанеллы. Бруно познаетъ природу въ ея собственномъ развитіи; для него матерія, душа и духъ только ступени и моменты одного цѣлаго; онъ не только мыслитель, но и поэтъ: «Изъ собственныхъ первобытныхъ пѣдъ, матерія все изливается, такъ какъ природа работаетъ внутри самой себя: она живое искусство и одарена высшимъ смысломъ, который не образуетъ другой матеріи, но только свою собственную, который не останавливается и не взвѣшиваетъ обдуманно, но все изъ себя вѣрно и легко производитъ, какъ огонь горитъ и сверкаетъ, какъ безъ труда и свободно черезъ все распространяется свѣтъ; она никогда не раздробляется, всегда едина и спокойна, все распредѣляетъ и связываетъ въ порядкѣ» ²).

Кампанелла даже въ ужасной темницѣ воспѣваетъ хвалу всевѣдущему и вселюбящему Богу, отражающемуся въ природѣ; въ послѣдней все ему кажется одушевленнымъ, для него нѣтъ ничего безчувственнаго: на симпатіи и антипатіи основано движеніе звѣздъ, гармонія есть центральная душа всего существующаго.

Самымъ причудливымъ изъ немецкихъ мыслителей является

¹) Ср. Hase. Sebastian Frank von Woerd, der Schwarmgeist, Leipzig 1869, z. B. S. 212 ff.

²) Carriere op. снр., 689.

глава мистиковъ Якобъ Беме. Уловить смыслъ его «Авроры»¹⁾ весьма не легко. Онъ въ одно и то же время — и пантеистъ и теистъ, и вообще у него можно указать въ зародыши или въ разнообразномъ смысленіи самыя различныя системы. Для него Богъ есть сердце или родникъ природы (стр. 22); природа есть плоть Бога: «такъ же какъ духъ человѣка во всемъ тѣлѣ, во всѣхъ жилахъ господствуетъ и наполняетъ всего человѣка, такъ же и Св. Духъ наполняютъ всю природу и есть сердце природы и господствуетъ въ добрыхъ качествахъ во всѣхъ существахъ» (стр. 27); «небо есть убѣжище радости; тамъ находятся всѣ силы, такъ же какъ и во всей природѣ; небо есть сердце воды» (29). «Когда называютъ небо и землю, звѣзды и стихіи и все, что въ нихъ заключается, и все, что выше всѣхъ небесъ, тогда вмѣстѣ съ тѣмъ называютъ Бога который выразилъ себя во всѣхъ перечисленныхъ существахъ во всей своей силѣ, а; исходящей отъ Него» и т. д. (30) Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ Богомъ движущую силу въ деревѣ жизни, вѣти котораго составляютъ всѣ созданія; силы природы превращаются у него въ желанія, волю и любовь, при чемъ онъ прибѣгаєтъ иногда къ возвышеннымъ и прекраснымъ сравненіямъ. «Подобно тому какъ земля рождаетъ прекрасные цветы, травы и деревья, металлы и другія существа, и одинъ разъ производить ихъ величественіе, сильнѣе и прекраснѣе, чѣмъ въ другой разъ, и между тѣмъ какъ одно появляется, а другое исчезаетъ и такъ происходитъ вѣчно продолжающаяся работа — также совершается и вѣчное рождение священныхъ тайнъ въ великой силѣ и въ возобновленіи²⁾. Твореніе есть не что иное, какъ откровеніе вездѣсущаго, неисповѣдимаго Бога... оно подобно великой гармоніи множества лютней, которыя всѣ настроены гармонически». Въ этихъ мистико-теософическихъ мысляхъ нельзя не видѣть вмѣстѣ съ искренней любовью къ Богу и любовь къ природѣ.

Человѣкомъ, въ которомъ олицетворилось не только все XV-е столѣтіе, но въ нѣкоторомъ смыслѣ и весь духъ немецкаго народа, былъ Лютеръ. Мысль, которую Гете, столь родственныя съ нимъ, считалъ основнымъ правиломъ всякой пе-

¹⁾ Zweiter Band der Samtlichen Werke, von Schiebler herausgegeben, Leipzig 1832.

²⁾ Cp. Hubert, Kleine Schriften, Leipzig 1871, S. 71 f.

дагогики и этики, «радостность есть мать всѣхъ добротѣтелей»—можетъ считаться эпиграфомъ всей жизни Лютера. Лютеръ наполовину принадлежитъ среднимъ вѣкамъ; ему приходится силою воли и твердостью вѣры освобождать себя отъ оковъ духовнаго рабства, такъ же какъ Гете, провозвѣстникъ XIX вѣка, воплощеніе понятій новаго человѣка, сбрасываетъ съ себя искусственность и размягчающую сантиментальность XVIII столѣтія. Обоимъ имъ свойственна, какъ коренное начало жизни—здоровая радость бытія. Лютеръ всегда, какъ настоящій представитель своего народа, обладалъ открытой, воспріимчивой способностью видѣть красоту Божія міра; его любимою книгой была Псалтирь, оживленная великой радостью, доставляемой природой. Хотя Лютеръ, сообразно нѣмецкому характеру и глубинѣ нѣмецкаго духа, можетъ испытывать и глубокую печаль, но изъ его писемъ и застольныхъ рѣчей мы видимъ, что послѣ жены и дѣтей, онъ любить всего болѣе прекрасный Божій міръ, поле и лѣсъ, освѣщенные его веселымъ, безусловно здоровымъ міросозерцаніемъ. Онъ открываетъ новыя и новыя чудеса въ книгѣ природы—смотрѣть ли онъ на нее раннимъ утромъ, или видѣть вечеромъ небесный сводъ, свѣтящійся золотыми огнями; онъ не можетъ до-сыта налюбоваться величиемъ Божіимъ, выражющимся въ великому и въ маломъ. «По милости Божіей мы пачинаемъ познавать Его великия дѣла и чудеса, даже изъ маленькихъ цвѣточковъ, когда размышиляемъ, какъ Господь всемогущъ и благъ; поэому мы славимъ, и хвалимъ, и благодаримъ Его. Въ Его твореніяхъ мы познаемъ силу Его слова, какъ могущественно оно. Такъ бываетъ съ персиковымъ зерномъ; хотя оболочка его очень тверда, но она должна раскрыться въ свое время, благодаря мягкому ядру, заключающемуся въ ней»¹⁾). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Такъ Богъ присутствуетъ во всѣхъ своихъ созданіяхъ, даже въ малѣйшемъ листочкѣ и въ маковомъ зернышкѣ». Созерцаніе природы внушаѣтъ ему самую сердечную вѣру въ отеческую заботливость Божію. Онъ пишетъ канцлеру Брюкку отъ 5-го августа, 1530 года: «Я видѣлъ недавно два чуда: первое я видѣлъ изъ окна — звѣзды на небѣ и весь прекрасный Божій сводъ и не замѣчалъ никакъ

¹⁾ Приведено у Zockler'a (ib 584) см. также др. приложения с. 385 и слѣд. и Theologia naturalis, с. 60 прим.

кихъ подпорокъ, поставленныхъ строителемъ; и небо не падаетъ и такой сводъ стоять еще крѣпко. Есть суетные люди, которые ищутъ такихъ подпорокъ и хотѣли бы ихъ осязать и чувствовать; такъ какъ они этого не могутъ, они боятся дрожать, точно небо несомнѣнно должно упасть... Другое чудо, какое я видѣлъ—большія, густыя облака, носившіяся надъ нами, съ такою тяжестью, что ихъ можно бы сравнить съ большими моремъ, и не видалъ при этомъ никакого основанія, на которомъ бы они покоялись и опирались, и никакого суда, въ которомъ они были бы заключены; однако, они не упали на насъ, а поклонились намъ съ сумрачнымъ видомъ и убѣжали дальше. Когда они уже прошли, то засвѣтилась радугой и земля и небо которое оно поддерживало». Лютеръ часто рисуетъ энергичныя картины изъ жизни природы. Такъ онъ говоритъ: «Только зиму мы проводимъ въ землѣ, лежа разлагаясь; когда наступаетъ наше лѣто, наше зерно даетъ ростокъ. Къ тому подготавлияютъ насъ дождь, солнце и вѣтеръ, т. е. Слово, Таинство и Св. Духъ». Библія для него—богатый лѣсъ съ роскошными и разнообразными плодовыми деревьями; о хвалебныхъ и благодарственныхъ псалмахъ онъ говоритъ въ предисловіи къ Псалтири: «Ты видиши тамъ все святое въ сердцѣ, какъ въ прекрасномъ свѣтломъ саду, или какъ на небѣ, ты видиши какъ прекрасные, сердечные, радостные цвѣты поднимаются отъ прекрасныхъ, радостныхъ мыслей навстрѣчу Богу и Его благодати». И съ какою дѣтскою искренностью рисуетъ этотъ великий человѣкъ своему маленькому сыну Іоганну блаженство небеснаго рая! Онъ держится далеко въ сторонѣ отъ платонико-мистическихъ умозрѣній обѣя отношеній Бога къ творенію; это отношеніе внушаетъ ему только радость и благоговѣніе. Это благочестивое созерцаніе природы сохраняется у протестантскихъ теологовъ и въ послѣдующіе вѣка до эпохи рацionalизма и пѣтизма.

Такую же наивно сердечную, безъискусственную радость вызываемую природой, какъ у Лютера, мы встрѣчаемъ въ то время только въ народной пѣснѣ. Народная пѣсня во всѣ времена воплощаетъ въ себѣ простое и невинное чувство природы, которое основано на тепломъ, довѣрчивомъ отношеніи первобытнаго человѣка къ лѣсу и деревьямъ, къ цвѣтамъ и травѣ, къ ручью и рѣкѣ, но которое нерѣдко находить глубоко-трогательныя выраженія для этой тайной симпатии между человѣкомъ и природой. Нѣмецкая пѣсня, о которой

мы говоримъ, исходить изъ древне-германскаго отношенія къ природѣ, и ея воззрѣнія на природу и одухотворенія послѣдней во многомъ стоять еще на границѣ между миѳическимъ или аллегорическимъ и поэтическимъ періодомъ. Подобно тому, какъ у латинскаго поэта VIII и IX вѣка, весна съ вѣнками изъ цветовъ и старая зима съ обледенѣлыми волосами ведутъ большой споръ, а кукушку, возвѣщающую весну, прославляютъ или бранятъ, и въ пѣснѣ XIV вѣка, вѣроятно, изъ области нижняго Рейна ¹⁾), лѣто жалуется мужчинамъ и друзьямъ, что господинъ, обладающій большой силой, хочетъ его прогнать; это—зима, которая громко говоритъ и угрожаетъ лѣту, что приближающейся морозъ (her van Scoenvorst) его схватить и прибить; ледъ и градъ за одно съ зимою, буря (her Sturm), дождь, снѣгъ и рѣзкіе вѣтры, называется она своими спутниками и т. д.

Весна и лѣто привѣтствуются съ радостью: «Лѣто и солнечный свѣтъ пріятно оживляютъ и радуютъ мое сердце и я съ удовольствиемъ могу весело прыгать въ зеленой травѣ»... и: «Сердечно заставляетъ меня радоваться веселое лѣтнее время, всѣ мои цветы возвращаются, май доставляетъ много удовольствія» ²⁾), или: «Когда майскій вѣтерокъ вѣтъ, сходить въ лѣсу снѣгъ, тогда поднимаются голубыя фіалки головки вверхъ», или: «И когда маленькая лѣсная птички поютъ и цветочки изъ земли выростаютъ, радуются всѣ люди» ³⁾.) Напротивъ, о зимѣ тогда никто не хочетъ знать: «Зима, ты должна съ нами проститься, это я слышалъ ото всѣхъ; на то, что зима мнѣ сдѣлала дурнаго, я пожалуюсь лѣту» ⁴⁾.)

Маленькому птичemu миру съ большой образностью приписывается человѣческое чувство, состраданіе и участіе. Такъ жалуется щегленокъ: «Я бѣдный, маленький щегленокъ, сего-

¹⁾ Cp. Uhland, Schriften zur Geschichte deutseher Dichtung und Sage 3 Band, Stuttgart 1866, p. 21 ff. Alte hoch-und niederdeutsche Volkslieder in 5 Büchern, Stuttgart unb Tübingen 1844—45, S, 23 und 30, гдѣ различныя растенія олицетворяютъ собою зиму и лѣто.

²⁾ Alte hoch-und niederdeutsche Volkslieder S, 84 и 113.

³⁾ Wenn's Mailüfterl weht, Geht im Wald drausz der Schnee, Da heb'n blau Veigerlu Die K  pferl in die H  h.—Und wenn die Kleinen waldv  geleiu singen Und die bl  mlein ansz der erden springen; so freuen sich alle die leute. (Alte hoch-und niederd. Volksl. S. 389.)

⁴⁾ Ib. 96.

дня долженъ я улетѣть, ночью совсѣмъ одинъ, грустно черезъ лѣсъ. У меня ужъ нѣтъ вѣтки, на которой я могъ бы отдохнуть: зелень вся поблѣдѣла, мое сердце полно грусти.» Кукушка прославляется, какъ носительница добрыхъ вѣстей и пѣвица весны, или надъ ней подшучиваются, какъ напр.: «Кукушка собиралась лѣтѣть къ своему дружку» и т. д. Многоююю можно найти въ пѣсняхъ о животныхъ¹⁾ (Fabellieder) гдѣ описываются свадьбы животныхъ. Такъ описывается свадьба лисицы: «Будьте веселы, маленькая птички! я возьму себѣ невѣсту; скворецъ намъ осѣдлаетъ лошадей, потому что у него сѣрый плащъ; бобръ въ куньей шапкѣ будетъ нашимъ возницей; заяцъ съ легкими ногами поскакетъ впереди; соловей съ чистымъ голосомъ долженъ пѣть: сороки, которая всегда прыгаютъ, устроить для насъ танцы» и т. д. Изъ всѣхъ пернатыхъ сладкозвучный соловей пользуется наибольшей любовью и наибольшимъ уваженіемъ; его искренно и любовно называютъ: «милый, премилый соловей» и ему даютъ почетныя наименованія, напр. господинъ соловей (по-нѣм. *Frau Nachtigall*) и обращаются къ нему на «вы». Маленькая милая лѣсная птичка считалась вѣстникомъ любви, также какъ и облака, и вѣтеръ: «Ты, маленькая лѣсная птичка, ты порхашь по зеленому лѣсу туда и сюда, господинъ соловей, ты, маленькая лѣсная птичка, ты будешь моимъ гонцомъ.»²⁾ Соловей предостерегаетъ дѣвушку отъ невѣрной любви или бываетъ молчаливымъ свидѣтелемъ любовныхъ свиданій. Весьма часто выражаются въ пѣсняхъ желанія такого рода: «Если бы я былъ птичкой и имѣлъ два крыльышка, я бы полетѣлъ къ тебѣ, или если бы я былъ дикимъ соколомъ я бы вылетѣлъ отсюда, я бы опустился передъ домомъ богатаго бургера; тамъ есть дѣвушка» и т. д. «Ахъ, если бы моя возлюбленная была холоднымъ ключемъ бьющимъ изъ камня, а я быль-бы зеленымъ лѣсомъ, мое горе было бы мишище; зелень лѣсъ, холодень ключъ, стройна моя возлюбленная». Обманутая дѣвушка хочетъ унестику куда-нибудь далеко: «Если бы Богъ помогъ мнѣ сдѣлаться бѣлымъ лебедемъ! Я понеслась бы надъ горой и глубокой долиной и надъ бурнымъ моремъ, и отецъ и мать не знали бы, куда я при-

¹⁾ Uhland Schr. 3 ч. 52.

²⁾ Volksl. 47

летъя.» Цвѣты получаютъ значеніе различнаго рода символовъ. Розы, какъ и во всѣ времена, считаются цвѣтами любви хорошенъкихъ дѣвушекъ, и рвать розы признается счастливымъ предзнаменованіемъ: «Розы надо рвать около полуночи потому что тогда всѣ ихъ листья покрыты свѣжей росой» или: «Время рвать розы, поэтому рви ихъ сегодня. Кто не рветъ ихъ лѣтомъ, тому ужъ зимой ихъ не сорвать,» ¹⁾ и т. д. Сочин граціозенъ слѣдующій стихъ: «Посмотри на голубой цвѣточекъ похожій на голубое небо, онъ ростетъ на зеленомъ лугу, онъ называется незабудкой.» Слѣдующій діалогъ исполненъ тайного символического значенія: «Хотѣла дѣвушка идти танцевать, искала розы въ перелѣскѣ и что она нашла тамъ у дороги? зеленый орѣшникъ. Да благословить тебя Богъ, господинъ орѣшникъ, отчего ты такъ зеленъ? Да благословить тебя Богъ, прекрасная дѣвушка, отчего ты такъ прекрасна?... На меня падаетъ холодная роса, оттого я такъ зеленъ... И если листья мои пропадутъ зимой, я лѣтомъ опять зеленъ; если дѣвушка потеряетъ свой вѣнокъ, она уже не пайдетъ его никогда». Грустнѣе слѣдующая пѣсня: (стр. 68): «... Стоить липа въ этой долинѣ, о, Боже мой, что она тамъ дѣлаетъ? Она поможеть мнѣ горевать, что у меня нѣть возлюбленнаго или: «Ахъ вы горы и глубокія, глубокія долины, неужели я видѣла моего возлюбленнаго въ послѣдній разъ? Солнце, мѣсяцъ и весь небесный сводъ будуть грустить со мной до самой моей смерти!» Тамъ, гдѣ обнимаются любящіе другъ друга, выростаютъ цвѣты изъ травы, смѣются розы, смѣются цвѣты и трава, шумятъ деревья, поютъ птицы ¹⁾, гдѣ влюбленные разлучаются, увѣдаютъ листья и трава ²⁾. Но всего трогательнѣе одно представление, какое мы находимъ въ народныхъ пѣсняхъ всѣхъ народовъ: оно заставляетъ изъ могилы влюбленныхъ выростать цвѣты, розы и лилии или растенія переплетающіяся между собой, такъ что въ нихъ любовь продолжаетъ жить, преодолѣвая смерть.

Такихъ свѣжихъ и глубокихъ сердечныхъ звуковъ напрасно стали бы мы искать у мейстерзингеровъ XV° и XVI° вѣковъ: у здравомыслящаго Ганса Закса кое-гдѣ выступаетъ и лю-

¹⁾ Volksl. S. 63—65.

²⁾ Cp. Uhland, op. cit 420 и 511.

³⁾ Wunderhorn II, 33.

бовь къ природѣ; по всѣго граціознѣ выходить у него повторяющееся знаменитое сравненіе о виттембергскомъ соловѣѣ, «который теперь поетъ повсюду» (Лютеръ):

«Проснитесь, приближается день! Я слышу, какъ поетъ въ зеленої рощѣ слацкогласный соловей, его голосъ отглашаетъ гору и долину. Ночь склоняется къ западу, день поднимается съ востока, красногрудая утренняяя заря проходитъ черезъ сумрачныя облака, оттуда видно свѣтлое солнце, свѣтъ мѣсяца затмевается, онъ сталъ теперь блѣденъ и тусклъ. ¹⁾ Соловей возвѣщаетъ восхожденіе солнца». ²⁾ Даже и у Фишарта, когда онъ описываетъ вѣзѣдъ па Рейнъ въ своемъ «Счастливомъ караблѣ», мы замѣчаемъ мало чувства природы: «Обрадовались путники, когда они услышали шумъ Рейна и пожелала новаго счастья, чтобы счастливо ихъ Рейнъ понесъ дальше, и привѣтствовали его трубами: Намъ нужна твоя помощь, о Рейнъ, съ твоимъ свѣтлымъ теченіемъ: послужи намъ теперь нользу!..» ³⁾ Далѣе описывается, какъ Рейнъ встрѣчаетъ ихъ и принимаетъ ихъ какъ своихъ союзниковъ.

Это было безотрадное время, когда Германия была подавлена и обезсилена несчастнѣйшей изъ всѣхъ войнъ, отъ которой она должна была оправляться цѣлыхъ столѣтія. Однако и тогда свѣтится врожденная, наивная любовь къ природѣ въ стихотвореніяхъ Симплициссимуса, отражающихъ въ себѣ лучшіе всѣхъ другихъ литературныхъ памятниковъ культурное состояніе того времени. Кажды онъ, оторванный отъ своей деревенской идиллии, изгнанный изъ отцовскаго дома, въ уединеніи лѣса у пустынника паходитъ пріютъ и просыпается въ полночь, онъ слышитъ, какъ старикъ поетъ: «Приди утѣха

¹⁾ Wacht auf. es nahet gen der tag! Ich hör'singen im grünen hag,
Ein wunnkliche nachtigal, Ir stimm durchklinget berg und tal. Die
nacht neigt sich gen occident. Der tag get auf von orient, Die rot-
brüstige mosgenröt Her durch die trüben wolkeu get, Daraus die liechte
sunn tut blicken, Des mondes seheiut tut sich verdriicken. Der ist iez
worden bleich und finster.

²⁾ Deutsche Dichter des 16 Jahrhunderts von goedeke und Tittmann,
2 Teil, Hans Sachs, Leiprig 1870, J. 1fi.

³⁾ Da freuten sich die Reiszgeferten, Als sie den Rein de rauschen
hörten, Und wünschten auf ein neues Glück, Dasz glücklich sie der
Rein fortschick, Und grüszen in de mit Trommeten: «Nun han wir deiner
hilff vonnöten, O Rein mit deinem hellen flusz: Dien du uns nun
zur fürdernusz»!...

ночи, о соловей, пусть твой голосъ съ звукомъ радости раздается какъ можно пріятнѣе! Приди, приди и восхвали твоего Создателя, потому что другія птицы крѣпко спятъ и не могутъ больше пѣть... Звѣзды, которыя стоять на небѣ, показываются во славу Божію и заставляютъ поклоняться Ему... Теперь, моя милая птичка и мы не будемъ лѣнивы и не будемъ лежать и спать, но пока утренняя заря обрадуетъ эти пустынныя лѣса, будемъ славить Бога». Симплиціусъ продолжаетъ: «Во время этого пѣнія казалось мнѣ дѣйствительно, какъ будто соловей, а также сова и эхо вторили ему». И въ дальнѣйшѣй пустынной жизни этого любителя приключений, звучитъ иногда тоскливоѣ воспоминаніе по этой мирной лѣсной идилліи.

Посмотримъ теперь каково было общее направлѣніе поэзіи природы въ другихъ странахъ во второй половинѣ XVII вѣка. Мы уже знаемъ, что въ Голландіи появилась на свѣтѣ пейзажная живопись, въ Англіи драма Шекспира утвердила симпатическое чувство природы, въ Италии и Испаніи процвѣтало буколико-идиллическое и мистико-теософическое отношеніе къ природѣ и во Франціи Лесюерт и Клодъ Лорренъ создали великолѣпные пейзажи, полные самой образной поэзіи природы. Но идеалу, проявляющемуся въ этомъ направлѣніи искусства, также какъ и въ трагедіи, предстояло скоро выродиться въ собственную карикатуру, въ манерность и искусственность, въ безсодержательную внѣшность и въ пустую погоню за эффектомъ. Парижъ есть характерная эмблема вѣка Людовика XIV, а коса—XVIII столѣтія. И въ общемъ возврѣніи на природу, мы можемъ замѣтить подобныя же искаженія вкуса. Исторія вкуса имѣеть ту общую сторону съ исторіей чувства природы, что обѣ двигаются не по прямой линіи, а скорѣе по кривымъ, въ особенности, если мы будемъ разсматривать различные культурные народы одновременно и подъ однимъ угломъ зрѣнія. Кромѣ того, то, что одинъ народъ усвоилъ себѣ, долго еще не становится общимъ достояніемъ образованнаго человѣчества; точно также возврѣніе одного лица, хотя бы оно было ново, сильно и оригинально и даже прокладывало новую дорогу, никогда не проникаетъ сразу въ противодѣйствующіе ему слои, но пронизываетъ ихъ съ большой постепенностью. Вслѣдствіе того въ одно и то же время можно встрѣтить рядомъ величайшія крайности: новѣйшее мечтательное отношеніе къ природѣ, любовь къ свободной, неприкра-

шениой, не испорченной, не тронутой человѣкомъ дѣствен-
ной природѣ на ряду съ самыи манерныи, искусственныи
и неестественныи возврѣниемъ на нее. Лучшей иллюстраціей
послѣдняго можетъ служить стиль французскихъ садовъ. Са-
довыи стиль бываетъ всегда характерныи мѣриломъ отно-
шения человѣка къ природѣ—подчиняетъ ли онъ природу своей
волѣ по строгимъ архитектоническимъ законамъ, или щадить
и уважаетъ ея свободу. Толчекъ для новаго французскаго са-
дового стиля исходитъ изъ Италии. Тамъ соприкасались древ-
нее и новое время; вмѣстѣ съ Возражденіемъ тамъ произошло
возвращеніе къ стилю императорской эпохи, къ садамъ Пли-
нія ¹⁾). Сады начала XVI вѣка тѣсно примыкали къ этому
образцу. Вѣчно зеленыя изгороди лавровъ и буксовъ окру-
жаютъ ихъ; у ихъ стѣнъ поднимаются мраморныя статуи и
прерываютъ «привлекательными силуэтами однообразіе тем-
ной зелени; напрасно тамъ было бы искать дерна и цвѣтовъ;
даже деревья изгнаны на край сада въ наиболѣе дикія мѣста;
но повсюду видны, какъ лучшія украшенія всего сада, обширен-
ная перспектива на смыюющіяся равнины, украшенные ку-
полами города или сверкающе вдали море, на которомъ, въ
античное время, любили отдыхать взоры римскихъ влас-
тителей» ²⁾.

Старый французскій садъ, какимъ его создалъ Ленотръ
въ эпоху Людовика XIV при дворцахъ въ Версалѣ, С. Жер-
менѣ и С. Клу, строго подчиненъ архитектоническому началу.
Подобно тому, какъ у Плинія, этотъ садъ тѣсно примыкаетъ
къ отдѣльнымъ расчлененіямъ дворца: отрытыя галлереи, па-
вильоны и колоннады соединяютъ домъ и садъ. Простое рас-
пределеніе, симметрическій порядокъ господствуютъ повсюду,--
и въ дерновыхъ площадкахъ, окруженныхъ буксовыми бор-
дюрами передъ террасой дворца, въ красивыхъ арабескахъ
цвѣтовъ и цвѣтныхъ камней, въ двойныхъ рядахъ померан-

¹⁾ Ср. Biese, op. cit 165 и слѣд.

²⁾ Ferd. Cohn, Die Gärten in alter und neuer Zeit, Deutsche Rund-
schau, XVIII. 1879 р. 256. Вѣ XVI столѣтіи въ Италии произошла
перемѣна въ томъ смыслѣ, что формы природы оставались нетронутыми,
и садъ являлся переходомъ отъ дворца къ пейзажу, отъ неподвижныхъ
архитектурныхъ формъ къ свободныи образованіямъ природы; въ Гол-
ландіи и Германи преобладали сады съ украшеніями, со множествомъ
цвѣтовъ. (Falke 256).

цовыхъ деревьевъ и въ группировкѣ статуй и фонтановъ. Средоточиемъ всего является дворецъ, вовсе не прикрытый деревьями; уже гораздо далѣе тянутся аллеи, но аллеи, разбѣгающіяся лучами, расположены такъ, что дворецъ всегда остается «point de vue», также какъ и сами аллеи заканчиваются въ опредѣленномъ мѣстѣ, отмѣченномъ обелискомъ или храмомъ.

Здѣсь нѣть недостатка въ лиственныхъ нишахъ, въ величественныхъ бесѣдкахъ и водяныхъ поверхностяхъ, прорѣзывающихъ паркъ въ видѣ каналовъ. Но до самаго края парка прямая линія является господствующей: всѣ линіи, какія художникъ провелъ и какія открываютъ садъ со стороны дворца во всѣ его концы, проведены по шнуру. Все здѣсь дышало искусствомъ: «природа не должна была подавать своего голоса, а только доставлять материальную; свою образовательную силу она должна была приносить въ жертву этому вкусу и этому искусству». (Falke). Поэтому горы и лѣса служили препятствіемъ для художника и должны были исчезать передъ нимъ; только на равнинѣ могъ онъ проводить свои линіи деревьевъ и изгородей и размѣщать между зелеными стѣнами статуи и другія пестрыя украшенія. Холмы надо было сносить, и лѣса, которые допускались только, какъ нѣчто замыкающее цѣлое, въ пейзажныхъ требованіяхъ этого времени, совершенно отступали передъ искусственными парками. ¹⁾ Деревьямъ и вѣтвямъ не давалось

¹⁾ В. Г. Риль (W. H. Richl, «Kulturstudien aus drei Jahrhunderten», Stuttgart 1859, S. 57 и слѣд.) разсказываетъ, какъ топографическая описанія XVII вѣка представляютъ Берлинъ, Лейпцигъ, Аугсбургъ, Дармштадтъ, Мангеймъ, лежащими въ «прекрасной и веселой мѣстности», а самыя живописныя части Шварцвальда, Гарца и Тюрингервальда называются весьма некрасивыми, пустынными и однообразными, или, по крайней мѣрѣ, неособенно пріятными по своимъ пейзажамъ. Когда мѣстность была ровна и безлѣсна, тогда она давала надежду превратить ее въ очаровательный ландшафтъ. Гессенъ-Кассельскій лейбъ-медикъ Велькеръ разсказываетъ въ своемъ описаніи Шлангенбада, появившемся въ 1721 г., что этотъ городъ лежитъ въ пустынной и непривлекательной странѣ, гдѣ ничего не растетъ, кроме деревьевъ и травы, но посредствомъ искусной прямолинейной и кругообразной обрѣзки деревьевъ, этому мѣсту придали нѣкоторую живописность. Мы видимъ, что принціпъ французскихъ садовъ обратился въ далеко распространенное правило вкуса. Риль, въ виду гористыхъ задніхъ плановъ, которые любятъ средневѣковые живописцы, заключаетъ

позволенія жить и развиваться по своему. Они должны были подчиняться капризу или принципу садового художника, грубыя ножницы которого вырѣзывали изъ нихъ кубы, конусы, пирамиды и другія фигуры, даже фигуры животныхъ. Кипарисы поднимались на подобіе колоннъ въ вышину или обстригались въ видѣ сердца съ острыми концами вверхъ или внизъ. Это искусство создавало цѣлые охоты съ охотниками и собаками, съ оленями и зайцами въ полномъ движеніи на одной изгороди (FaIke 261). Дѣйствительно, о подобныхъ садовыхъ украшеніяхъ можно сказать виѣстѣ съ здравомыслящимъ Клаудіусомъ: «Это простая игра ножницъ и носитъ на себѣ ихъ слѣды; въ ней нѣтъ великаго полнаго сердца величественной природы». На самомъ дѣлѣ такой садъ представлялъ нѣчто совершенно противоположное свободной природѣ: онъ былъ зеленою архитектуры; ножницы вырѣзывали въ немъ стѣны, окна, своды, куполы, галлерей, театры со сценами и кулисами изъ зеленыхъ изгородей, на которыхъ мар-

объ ихъ склонности къ дикому и романтическому, противоположно тому, что было въ эпоху париковъ. Онъ говорить: «Въ средніе вѣка живописцы избирали причудливыя, зубчатыя формы горъ и скалъ для своихъ заднихъ плановъ; такимъ образомъ, дикая, обнаженная горная природа считалась тогда прототипомъ красиваго пейзажа, а черезъ пѣсколько столѣтій позже такія формы считались слишкомъ грубыми и неправильными для того, чтобы ихъ, вообще, можно было находить красивыми». Въ этомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ уважаемымъ авторомъ. Онъ и самъ ослабляетъ силу своего сужденія, говоря далѣе: «Ради своего вполнѣ фантастического и романтическаго идеала искусства, средневѣковые живописцы должны были придавать своему ландшафту рѣзкость и грубость; это не списанный съ натуры, не земной, а вымыщенный, священный пейзажъ, который поднимался предъ ихъ умственнымъ взоромъ». Но, мнѣ кажется, Риль впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, когда онъ прибавляетъ: «Это обратилось потому въ настоиній портретъ природы и опредѣлило отношеніе того времени къ пейзажу». Я держусь слѣдующаго мнѣнія: такъ какъ живописцы вовсе не знали альпійской природы, и пониманіе ей возникло уже гораздо позднѣе, эти гористые задніе планы могутъ быть всего проще объяснены тѣмъ, что художники старались дать возможно возвышенные задніе планы возвышеннымъ предметамъ, какіе они изображали и какіе стояли во всемъ ихъ величиі передъ ихъ благотестивымъ чувствомъ. Поэтому въ формахъ этихъ «героическихъ» горъ нельзя искать ихъ идеала красоты пейзажа и нельзя заключать изъ нихъ о «романтическомъ» чувствѣ природы, о склонности къ романтическому или о поразительной перемѣнѣ отношенія къ природѣ въ эпоху париковъ.

кизы въ длинныхъ парикахъ и кружевныхъ жабо, въ бархатныхъ и шелковыхъ кафтанахъ и нарядныя дамы съ фижами и высокими прическами, разыгрывали любительские спектакли. Если были аллеи изъ фонтановъ, то были и водяные театры, кулисы которыхъ состояли изъ падающей воды. Среди этой искусственности, манерной, искаженной природы размѣщалась вся соединенная греческая миѳология; весь аппаратъ Олимпа былъ приведенъ въ движение, чтобы наполнить зеленые ниши и стѣны; легенды о Даѳнѣ и Аполлонѣ, о Мелеагрѣ и о Атлантѣ были представлены здѣсь и поражали взоръ гуляющихъ по этимъ аллеямъ. Тогдашній человѣкъ, со своимъ костюмомъ и своими нравами, гармонировалъ съ этимъ садомъ: тогда во всемъ преобладала величественность стиля. Но за тѣмъ наступила эпоха Людовика XV, эпоха рококо и косы. Гордый, высокій парикъ скжился въ косу и величие Лепотра замѣнилось мелочнотою манерностью. «Искусственность осталась, а величественность исчезла и ея мѣсто заступила капризъ,» говоритъ Фальке, въ своей превосходной характеристикѣ этой эпохи¹⁾, и кокетливость, прибавимъ мы. Всѣ явленія искусства того времени носятъ на себѣ тотъ-же отпечатокъ. Это можно сказать и о живописи. Искусственны, неправдивы и слишкомъ прикрашены люди, небо и пейзажъ на картинахъ Ватто: эти картины—самостоятельное произведение художника, но онъ вполнѣ подходитъ къ «галантнымъ празднествамъ». «Сверкая въ солнечномъ блескѣ свѣжаго росистаго утра, или облитыя золотымъ свѣтомъ и душистыми цвѣтными тѣнями погасающаго вечера, эти картины привлекаютъ глазъ и наши чувства прелестью своего поэтическаго настроенія въ такой степени, что мы, погружаясь въ ихъ созерцаніе, забываемъ о себѣ.» Ватто «все-таки зналъ природу и любилъ ее, хотя и передавалъ съ опьяненной точки зрѣнія влюбленнаго, забывающаго все индивидуальное и старающагося удержать только общее впечатлѣніе просвѣтленной красоты: но Бушѣ не находилъ никакой гармоніи, никакой прелести въ природѣ, поэтому его розовато-голубые пейзажи, его небо, деревья, голубоватая трава, имѣютъ такой видъ, какъ будто онъ ихъ оригиналъ никогда не видѣлъ въ дѣйствительности. Его міръ не имѣетъ ничего общаго съ природой,

¹⁾ Falke ib. 270.

а съ дѣйствительностью только то, что своею чувственностью, игривостью, фальшивостью и прикрашенной кокетливостью служитъ отраженіемъ того лживаго времени.» Но одно лишь проступаетъ и у Ватто, и у Буша: это паклонность къ идеали, въ которой есть доля глубокой, смертельной тоски; въ самомъ свѣтломъ, любовномъ счастии Ватто чувствуется какое-то вѣяние меланхоліи. Здѣсь заключается въ зародышѣ то стремленіе къ наивному, пастушескому миру, т. е. къ утраченной природѣ и естественности, изъ котораго, послѣ долгаго блужданія въ области чувствительности, должна была возникнуть вновь сперва тоскливая, затѣмъ все болѣе и болѣе свободная, свѣжая и живая любовь къ природѣ.

Нѣмецкая литература XVII вѣка также стоитъ подъ знаменемъ парика или косы, она также манерна или напыщена. И чувство и форма въ ней искусственны; стихи въ ней точно выточены и потому склеены; они не рождаются возвышеннымъ возбужденіемъ поэта, а фабрикуются кропотливой работой. Тогдашней поэзіи задаегъ тонъ и стоитъ во главѣ ея Мартинъ Опіцъ¹⁾.

Несмотря на многочисленныя путешествія, онъ не выказываетъ въ своихъ стихотвореніяхъ истиннаго выраженія чувства природы. Онъ даетъ весьма немнога и едва-ли позволяетъ заключить, что онъ пошамаетъ наслажденіе далекой перспективой въ нашемъ смыслѣ, когда обращается къ горѣ съ слѣдующими словами²⁾: «Природа пазначила здѣсь удовольствіе для тѣхъ, которые поднимутся на тебя съ трудомъ, чтобы они были за это вознаграждены.» Уже теплѣе выступаетъ у него буколическій интересъ къ мирной сельской жизни; такъ онъ пишетъ: «Вы, мѣста полной радости вы, нѣжные миры, вы долины, горы, цвѣты и камни, вы приють всякаго спо-

¹⁾ Нѣкоторый матеріяль даётъ Винтеръ въ своей «Harburger Programm» (1883): «Beiträge zur Geschichte des Nuturgeföhls», въ которой онъ послѣ не совсѣмъ полнаго обзора литературныхъ произведеній имѣющихъ отношеніе къ чувству природы древняго и новаго времени, во II гл. (17—38), даётъ очеркъ развитія новѣйшаго чувства природы въ Германіи отъ Опіца до 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, на основаніи свидѣтельствъ изъ литературы того времени, причемъ опирается преимущественно на Гёдеке.

²⁾ M. Opitz, herausgegeben von Titmann (D. Dichter des 17 Jahrh.). Leipzig 1869, S. 53.

костей, около васъ хотѣлъ бы я находиться;» онъ противополагаетъ природу человѣческому сердцу, очевидно примыкаю къ античнымъ поэтамъ, какъ напр., къ Горацію, которого «Beatus ille» послужилъ ему образцомъ для стихотворенія «Златна.» Этотъ вполнѣ условный контрастъ встрѣчается въ весеннемъ стихотвореніи: «Морозный ледъ долженъ совсѣмъ пройти, спѣгъ не можетъ уже болѣе держаться, Фавоний, нѣжный вѣтеръ опять находится (!) на поляхъ, посѣвъ поднимается съ силою, трава зеленѣеть съ большою пышностью, деревья раскрываются, цветы показываются... Только ты скорбишь, мое сердце»¹). Болѣе тоски по родинѣ, чѣмъ настоящаго чувства природы, заключается въ слѣдующемъ обращеніе: «Вы березы и вы высокія липы, Вы пустыни и ты тихій лѣсъ, Простите съ глубокими низинами И зелеными лугами; моего утѣшенія и лучшаго приюта я долженъ искать не у васъ, а въ другомъ мѣстѣ». Но всего болѣе Опицъ отдалъ дань идеалистическому вкусу своего времени въ пастушескихъ стихотвореніяхъ, что, къ нашему удивленію, на замѣчено Винтеромъ. Тирады этихъ стихотвореній выказываютъ сантиментально-элегической колоритъ, свойственный той эпохѣ. Правда, еще иранѣе существовали нѣмецкія обработки иностранныхъ пастушескихъ стихотвореній, какъ напр. «Пастораль о прекрасной Юліанѣ» Монтре (1596); «Астрея» Урфе и «Діана» Мантемайера; появились въ 1619 г., а «Аркадія, графиня Пемброкъ» Сиднея десятью годами позднѣе, но Опицъ старался еще болѣе о распространеніи этого рода поэзіи и написалъ кромѣ множества маленькихъ пасторальныхъ стихотвореній, какъ напр. «Дафна», «Галатея», «Кориданъ», «Астерья», свою «Пастораль о нимфѣ Герциніи»²). Воззрѣніе на природу въ этихъ сочиненіяхъ также искусственно какъ и форма. Поэтъ разсказываетъ, какъ онъ «не просыпался, пока матъ звѣздъ—почь не поблѣдѣла и прекрасная утренняя заря не начала показываться, а вмѣстѣ съ ней и все остальное»... «я вскочилъ и привѣтствовалъ пріятные лучи солнца, которые

¹) «Das frostig Eis musz ganz vergehn, Der Schnee kann garnicht mehr bestehn, Favonius, der zarte Wind, Sich wieder auf die Felder findet (!), Die Saate (sic!) gehet auf mit Macht, das Grase gruht in voller Pracht, Die Bäume shlagen wieder aus, Die Blumen machen sich heraus... So stelle du auch Trauren ein, Mein Herz!»

²) Tittmann op. cit. 152,

блестѣли сверху горы и, казалось, утѣшали и меня.» Онъ приходитъ къ источнику, «который съ привлекательнымъ шумомъ и журчаньемъ, спадалъ внизъ съ утеса,» вырѣзываетъ длинное стихотвореніе на корѣ ели, разговариваетъ съ тремя пастухами о добродѣтели, любви и путешествіяхъ, пока ему является нимфа Герцинія и показываетъ источники силезскихъ рѣкъ. Одинъ изъ пастуховъ Бухнеръ, распространяется о влагѣ въ природѣ. «Особенно дочь Всеышняго, добрая Природа, показала себя въ морѣ, рѣкахъ и источникахъ и это ея лучшія произведения.»

И у лирика, стоящаго гораздо выше, у Флемминга мы не находимъ способности передавать словами впечатлѣній пейзажа, которыхъ онъ испыталъ такъ много въ теченіе своихъ путешествій. Пытаясь это сдѣлать, онъ приводить весь Олимпъ въ движение, призываетъ ореадъ и дріадъ, Кастро и Поллукса и т. д.

Рѣдко нападаетъ онъ на чистый, вѣрный тонъ, изображая свои чувства по отношению къ природѣ и къ своему сердцу, какъ это ему удается въ лучшемъ изъ его сонетовъ «Къ себѣ»; рѣдко проводить онъ такія параллели между ними, какъ въ слѣдующихъ стихахъ: «Сжалъся надъ моими мученіями, ты, старая, пустынная роща; Титану самые свѣтлые лучи не даютъ никакого блеска. Какъ мрачна твоя черная чаща, такъ темна и моя бѣдная душа». Евангелическая церковная пѣсня, которой посвящалъ свою лиру и Флеммингъ, въ эти времена упадка является представительницей настоящаго теплого чувства и неподражаемо умѣетъ воспроизводить тоны народной пѣсни. Изъ собранія «Стихотвореній современныхъ поэтовъ» Пауля Гергарда немногіе стихи не могутъ сравниться по своей красавой простотѣ съ «Вечерней пѣснью»: «Спокойны всѣ лѣса, скотъ, люди, поля и города. Весь міръ уже уснулъ», и далѣе: «День уже прошелъ, золотыя звѣздочки блестятъ въ голубомъ небесномъ покой». Къ такимъ простымъ поэтическимъ выраженіямъ ближе всѣхъ подходитъ Андрей Грифіусъ, когда онъ поетъ: «День прошелъ, усталыя толпы людей оставляютъ поле и работу; гдѣ были животныя и птицы, груститъ теперь уединеніе»... «Вы, свѣтила, на которыхъ я на землѣ не могу до-съты насмотрѣться... Какъ много у меня прекрасныхъ но-чей, когда я, смотря на васъ, не сплю».

Въ Гамбургской, Кенигсбергской и Нюренбергской поэтическихъ школахъ, было много писано о природѣ и ея величии,

но это, по большей части, праздный, лишенный чувства и вкуса наборъ словъ. Широковѣщательныя заглавія прикрываютъ эти ничтожныя произведенія стихоплетства. Такъ Филиппъ фонъ-Цезенъ въ своемъ стихотвореніи «Радость весны и поэтическая долина розъ и лилій», говоритъ: «Пропсыпайтесь, мои мысли, будьте веселы сердцемъ, въ этомъ пріятномъ радостномъ утрѣ, ахъ, смотрите, весна теперь об-~~л~~яется, земля открываетъ свои сокровищницы», и въ слѣдующихъ напыщенныхъ стихахъ: «Блистай, небо, окропляй пасъ, дождь, радуйтесь, наши лѣса и поля! Сверкайте, звѣзды, вѣйте, вѣтерки», и т. д. Если не интереснѣе, то иѣсколько оригинальнѣе произведенія Цезена. Онъ несомнѣнно исполненъ самыхъ лучшихъ намѣреній; противуоположно силезцамъ, онъ стремится къ простотѣ и ясности выраженія и не любить иностранныхъ словъ. Въ то же время, онъ рѣшительный другъ природы; онъ охотно ведеть нась въ сады, мечтаетъ о прохладныхъ аллеяхъ и цвѣтникѣ изъ тюльпановъ, объ эхо и иѣнніи птицъ. Въ это время процвѣтала склонность къ идиллической пастушеской жизни; знатные люди цѣлыми семействами уѣзжали въ деревню, надѣвали пастушескій костюмъ и сантиментально отдавались прелестямъ сельской жизни. Сообразно этому вкусу, Цезенъ вплѣстаетъ въ свой романъ «Адриатическая Розамунда» пасторальный эпизодъ ¹⁾). Розамунда, бракъ которой съ Маркгольдомъ отецъ ея связалъ различными условіями, дѣлается пастушкой: «Недалеко отъ Амстеля ложить очень веселое мѣсто, которое отъ множества липъ и ясеней, живущимъ вблизи пастухамъ и пастушкамъ, въ жаркие лѣтніе дни, служить для пріятной прохлады. Тѣнистые деревья, прекрасные луга, богатые водой овраги, которые кругомъ орошаютъ это веселое мѣсто, а также проходить среди нихъ, даютъ ему очень красивый видъ... На склонѣ горки, неземная Розамунда выбрала себѣ жилищемъ маленькую пастушескую хижину, которая стояла около воды и была окружена высокими липами для того, чтобы птицы на нихъ въ утренніе и вечерніе часы славили ее... Въ такомъ мѣстѣ и въ такомъ уединеніи живеть превосходящая всѣхъ людей Ро-

¹⁾ Die Adriatische Rosemund, eine Liebesgeschichte, von Ritterhold von Blauen, Amsterdam 1645, cp. Cholevius, Die bedeutendsten deutschen Romane des 17 Jahrhunderts, Leipzig 1866.

замунда»¹⁾. Среди этого мира и тишины, мысли Розамунды начинают успокаиваться; она мечтает о Маргольдѣ и неутомимо вырѣзываетъ его имя на деревьяхъ. Образцемъ возврѣнія того времени на природу во всей его искусственности и манерности, можетъ служить слѣдующее описание прогулки, которую совершаѣтъ возвратившійся Маргольдъ съ Розамундой и ея сестрой, Штильмуттъ: «День былъ прекрасенъ, небо ясно и погода чрезвычайно пріятна. Солнце освѣщало своими привлекательными лучами, которые были очень свѣтлы, радостный міръ съ такой любовью, что не было охоты оставаться въ домахъ. Они поднялись въ садъ, гдѣ прекрасныя розы уже раскрылись отъ теплоты солнца, и сѣли сперва у родника, а потомъ въ изящный гротъ, гдѣ Маргольмъ особенно забавлялся красиво расписанными и изящными раковинами. Когда это пріятное общество достаточно налюбовалось игрой воды и веселымъ журчаньемъ, оно отправилось, наконецъ, въ тѣнистую аллею, и тамъ Розамунда говорила различныя милыя рѣчи. Сначала она заговорила о разноцвѣтности тюльпановъ и сказала, что едва-ли какой-нибудь живописецъ можетъ подобрать и изобразить болѣе прекрасные цвѣта чѣмъ у тюльпановъ», и такъ далѣе въ томъ же родѣ.

Для восхваленія физической красоты Цезенъ привлекаетъ для сравненія все великолѣпіе природы; такъ напр. въ «Самсонѣ» онъ слѣдующимъ образомъ прославляетъ красавицу²⁾: «Такихъ прекрасныхъ лучей никогда не бываетъ у солнца, когда оно свѣтить всего лучше, какъ тѣ лучи, какіе испускали два солнца — ея глаза... такъ прекрасно, такимъ красивымъ краснымъ и такимъ пріятнымъ бѣлымъ цвѣтомъ не цвѣтеть ни одинъ цвѣтокъ, когда онъ цвѣтеть всего лучше, какъ цвѣло поле ея щекъ... Ни одна бѣлая роза, ни одна лілія, самая нѣжная и непорочная, и снѣгъ, когда онъ только что выпалъ и еще остался нетронутымъ, не могутъ быть такъ

¹⁾ «Unfärn von der Amstel lihgt ein überaus lustiger ort, dehr von wägen viler linden und erlen denen umhähr — wohnenden schähffern und schähfferinnen, in den heissen sammergarten zu einer angenähmen kühlung dinet. Di schattichten bäume, di lihblichen wisen, di wasser-reiche gräben, welche so wohl disen lust-platz ringst umhähr bewässern, als anch mitten durchhingähen, gälen ihm ein überaus schönes aus-sähen»... и т. д. S. 112 и слѣд., Cholevius S. 71.

²⁾ Cholevius, 115.

бѣлы, какъ было бѣло ея чела, замокъ ея ума». Ему не уступаетъ Г. Ансельмъ ф. Циглеръ Клиппгаузенъ въ своей извѣстной «Азіатской Ванисѣ» ¹⁾: «Солнца ея глазъ играли молниями; кудри ея волосъ, игравшія около ея головы, какъ волны, были скорѣе темны, чѣмъ свѣтлы; ея щеки представляли прекрасный рай, въ которомъ розы и лилии цвѣли вмѣстѣ и, казалось, сама любовь обитаетъ въ этомъ цвѣтнике розъ». Вообще этотъ высокопоставленный романистъ сообразно требованіямъ второй силезской поэтической школы любить пышные образы и сравненія и напыщенную риторику. Къ пейзажамъ еще болѣе величественнымъ стремится герцогъ Антонъ Ульрихъ Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскій, такъ, что Холевіусъ ²⁾ замѣчаетъ: «Нѣмецкое чувство герцога въ пріятной формѣ выражается въ той радости, какую ему доставляетъ природа. Рассказъ часто ведеть насъ въ лѣса и луга; тотъ, чье сердце уже (!) отягачаетъ тяжелый опытъ, идетъ со своими заботами и жалобами къ одиноко текущему ручью и къ камнямъ, поросшимъ мхомъ; счастливые влюбленные слушаютъ сладкую пѣсню соловья». Не смотря на темноту языка, его описанія отличаются нѣкоторымъ вкусомъ и широтой, каковы, напр., описанія королевскаго луга и грота около Арвера въ «Араменѣ» ³⁾: «Черезъ луга протекалъ по срединѣ очень холодный, кристальный ручеекъ, красивое теченіе котораго по каменистому ложу производило пріятный шумъ. Подобно тому какъ этимъ доставлялось удовольствіе слуху, и передъ глазами со всѣхъ сторонъ были чрезвычайно пріятные отдаленные виды: едва ли можно было бы найти болѣе веселую страну, въ которой все было собрано вмѣстѣ» и т. д. Онъ прославляеть журчація воды, пріятный шумъ водопада, красивый видъ изъ грота: «Черезъ многія отдушину можно было смотрѣть внизъ, въ глубокую долину, которая исчезала изъ глазъ; послѣдняя была окружена высокими горами, на которыхъ пастухи пасли свои стада: и если слышался звукъ пастушескихъ свирѣлей, посредствомъ эхо, онъ такъ часто удвоивался, что ничего не могло быть пріятнѣе». Слащавыя пасторали вплетены и здѣсь

¹⁾ Cholevius, 165.

²⁾ Cholevius, 215.

³⁾ S. 219 Aramena IV 22.

съ такого рода стихами: «(Рахиль): Ты, Хаврась, ты — рѣка любви, гдѣ уста Іакова дали мнѣ первый поцѣлуй... Ты, свѣтлый ручей, часто уносишь съ собою многія горячія слова моего Іакова... На многихъ листахъ изрѣзанной древесной коры найдутъ записанными мои страданія».

Но уже совершенно безвкусную пасторальную болтовню мы находимъ у Пегницкихъ поэтовъ Клая и Гарсдѣрфера. Ихъ искусство заключается въ подражаніи звукамъ природы, въ особенности пѣнію птицъ¹⁾. И все это заслуживало самаго живѣйшаго одобренія. Еще болѣе настъ должно удивлять, что манера Логенштейна въ теченіе почти 30 лѣтъ считалась образцовой, и тотъ, кто писалъ проще, чистосердечно извинялся за неспособность возвыситься до такого мастера. Трудно сказать въ настоящее время, что непріятнѣе у Гофмансвальдау и Логенштейна — напыщенность и неестественность или скрытая чувственность. Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать безсодержательнымъ, лишеннымъ всякаго истиннаго чувства начало стихотворенія послѣдняго изъ названныхъ авторовъ подъ заглавиемъ: «Хвала розъ, воспѣтая солнцемъ»²⁾: «Это царица цвѣтовъ и растеній, певѣста неба, сокровище міра, дитя звѣздъ, о которой вздыхаетъ любовь,—я, само солнце, ее ласкаю, потому что ея вѣнчикъ золото, листья бархать, стебель и ножка смарагдъ, а ея блескъ посрамляетъ рубины. Все, что творенія получаютъ въ отдѣльности, всѣмъ этими природы украшаетъ розу. Она сама стыдится, и краснѣютъ ея щеки, потому что передъ ней стоять пристыженными всѣ цвѣты». Въ томъ же родѣ его стихотвореніе «Любовь розы», гдѣ опь находитъ во всемъ отблескъ любви, и которое заканчиваетъ словами: «Развѣ роза не царица цвѣтовъ, чудное дитя солнца и земли».

Испуственность и напыщенность на столько выступаютъ у этихъ поэтовъ и ихъ картины природы на столько лишены всякаго чувства, что мы можемъ ограничиться этими немногими образцами ихъ поэзіи.

¹⁾ У Клая въ стихотвореніи *Wechselgesange* аисты въ гнѣзда «Klapfern, plappern и rappern»; жаворонокъ въ воздухѣ *tirililiret, tiliret* и т. д.; этими звукоподражаніями у него наполнены 48 стиховъ.

²⁾ *Daniel Lohensteins Blumen. Breslau 1689.*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Признаки возвращения къ живой природѣ.

Когда мы послѣ этой искусственной поэзіи, «сухой какъ мумія», обращаемся къ народной поэзіи, намъ она кажется водой изъ свѣжаго, чистаго источника. И въ описываемую нами эпоху потокъ народной поэзіи продолжаетъ течь, какъ всегда, «незатронутый современной модой, всегда юный и освѣжающій, пробиваясь изъ народной массы» ¹⁾). Уже изъ немногихъ, исполненныхъ своеобразнаго настроенія стиховъ этихъ пѣсенъ, мы можемъ видѣть, что старая, искренняя, простая любовь къ природѣ еще не совсѣмъ исчезла, и знакомыя сердечныя ноты еще не совсѣмъ заглохли. Такъ, передъ нами опять является первобытное одушевленіе, когда пѣсня говоритъ о Божьей Матери: «Марія шла черезъ лугъ, и плакали трава и цвѣты отъ горя, что она не нашла своего Сына». Юноша, отправленный въ монастырь, желаетъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ горевала вся природа: «Привѣтствую васъ всѣхъ, горы и долины... Листья и трава. И все, что зеленѣеть. Въ дикихъ лѣсахъ, о дерево, сбрось твою зеленую красу; жалуйся, умереть какъ мнѣ подобаетъ и тебѣ».

Какъ весело привѣтствуетъ странникъ прекрасную весеннюю природу:

«Въ широкій, широкій мірѣ мы теперь идемъ, съ сердечнымъ весельемъ и радостью. Луга зеленѣютъ, цвѣты цвѣтуть, лѣсь начинаетъ одѣваться... И что бы мы ни слушали и что бы мы ни видѣли, все радость и жизнь; почти не вѣришь глазамъ, какъ все поеть и порхаетъ», и въ другомъ мѣстѣ: «что можетъ быть лучше, какъ быть въ пути, въ такое молодое весеннее время, идти отъ одного мѣста до другого, при громкомъ весельи и радости? Развѣ не свѣтить ясное солнце, и птички съ восторгомъ не поютъ вездѣ»...

Охотникъ, выходящій на «раннюю охоту», поеть, ощущая вполнѣ все скрытое и явное въ этотъ ранній часъ: «когда я

¹⁾ Freih. v. Ditzfurth, Deutsche Volks-und Gesellschaftslieder des 17 und 18 Jahrhunderts, 1872; къ сожалѣнію, я знаю это сочиненіе только изъ цитатъ у Винтера.

прихожу въ лѣсъ, тамъ все тихо и молчитъ,—и все, что ви-
дишь, все спитъ. Только воздухъ прохладенъ и свѣжъ; теперь
вершину самой высокой ели Аврора расписываетъ золотомъ,
тамъ сидитъ зябликъ, и его пѣсня раздается, какъ благодар-
ность за эту ночь, отъ которой міръ просыпается вновь. Ти-
хонъко набѣгаешь утренній вѣтеръ, качается въ верхнихъ
вѣткахъ, и онъ, какъ благочестивыя дѣти, кланяются точно въ
молитвѣ. И роса, какъ жертва, падаетъ съ ихъ зеленыхъ во-
лосъ. О, какъ пріятно это видѣть, это слышать въ лѣсу ¹)...

Здѣсь уже нельзя не замѣтить искренняго чувства, хотя
оно и звучить еще въ скрытой мелодіи: «тихонъко набѣгаешь
утренній вѣтеръ, качается въ верхнихъ вѣткахъ»; въ немъ
уже отчасти слышится будущій молодой Гете. Одушевленіе
молодыхъ вѣтвей, наклоняющихся, какъ молящіяся дѣти, тро-
гательно, наивно и наглядно.

Но уже и въ искусственной поэзіи, рядомъ съ широкимъ
русломъ многочисленныхъ поэтическихъ школъ, можно видѣть
иѣкоторое боковое теченіе, уклоняющееся отъ напыщенности
и неестественности, въ особенности отличающихся силезскую
школу. Справедливо указываетъ Виштеръ, что уже сатирики
Монтеронъ и Логау способствовали болѣе здоровому направ-
ленію или болѣе здоровому чувству природы, бичуя тогдаш-
нее жалкое искаженіе языка. Дѣйствительно, эпиграмма Логау,
въ которой говорится о маѣ, что «этотъ мѣсяцъ — поцѣлуй,
какой небо даетъ землѣ, чтобы она, теперь его невѣста, въ
будущемъ сдѣлалась матерью», превосходить всю поэзію при-
роды Гарсдѣрфера и Цезена.

Даже рядомъ съ Опицомъ и Флеммингомъ, мы во всякомъ
случаѣ, находимъ одного поэта, которому его стихи диктуетъ
настоящее чувство, Фридриха Ф.-Шнѣе ²). Съ мистико-пѣти-

¹) Wenn ich komm nun in den Wald, Da ist alles stumm und stille,
Schlummrig auch nun von Gestalt, Nur die Luft ist frisch und kühle...
Jetzt die höchste Tannenspitz Thut Aurora güldig malen, Drauf das Fien-
klein hat sein Sitz Und sein Lobgesang lässt schallen Als ein Dank vor
diese Nacht, Davon neu die Welt erwacht. Zeislich kommt der Morgen-
wind, Wieget in den oberst Zweigen, Dasz sie, wie die frommen Kind,
Als zum Beten sich verneigen. Auch ein Tau als Opfer dar, Fällt aus
ihrem grünen Haar...

²) Goedeke-Tittman tsche Sammlung, XIII, Trutz-Nachtigal, herausge-
geben von G. Balke, Leipz. 1879.

ческими воззрѣніями у него соединяется сердце, открытое для величавой и привлекательной стороны природы. Какъ говоритъ Шеберъ ¹⁾, «презрѣніе къ міру и напыщенное восхваленіе природы, смертельная тоска и потоки слезъ сокрушенія о грѣхахъ и дѣтская игра чувствами и словами, пластическая олицетворенія и расплывающаяся мечтательность переплѣтаются у него между собой». Если его пѣсни о природѣ нѣрѣдко переходятъ въ чувствительныя гимны и бываютъ проникнуты превыспреннимъ восхваленіемъ благъ творенія, то они содержать многія своеобразныя черты образной поэтической миниатюры. Даже море, рѣдко встречающееся въ поэзіи того времени, привлекаетъ поэта: «свирипое море то шумитъ и жестоко бушуетъ, то опять утихаетъ... Съ любовью освѣщаетъ его солнце съ пѣжнымъ тепломъ, когда оно часто въ немъ отражается».

Все нѣжное и дружелюбное, весна, солнечный блескъ, пѣніе птицъ, въ особенности, говорять его душѣ, какъ напр.: «Скучная зима уже прошла, журавли возвращаются, поднимается птичій крикъ, число гнѣздъ увеличивается... Какъ змѣи извиваются, текутъ кругомъ прохладные ручейки въ лѣсахъ», или: «въ зеленомъ лѣсу я недавно сидѣлъ у каменной глыбки, и чрезъ пѣжную листву и траву пронесся тихій вѣтерокъ. Свѣтлый родничекъ былъ рядомъ, онъ брызжетъ свѣжо и радостно, и чистый ручеекъ, такой-же прелестный, сочится съ высокой скалы».

Вмѣстѣ съ нѣжными уменшительными, эти мотивы часто возвращаются у него. Многія изъ его олицетвореній смѣлы и поэтичны. Солнечные лучи называются «пурпуровыми волосами»; мѣсяцъ добрый пастырь, выгоняющій своихъ овечекъ, звѣзды, на голубое пастище и скликающій ихъ въ сладко-звукій рогъ; весною чистое солнце наряжается, падѣваетъ корону, опоясывается розами, наполняетъ свой колчанъ стрѣлами и летить на своихъ коняхъ по гладкому, какъ мраморъ, пространству; вѣтеръ летаетъ кругомъ, отряхаетъ свои крылья и удаляется опять въ свой домъ, когда ужъ налетается до усталости; ручей Кедронъ сидѣтъ, опираясь на деревянный сосудъ, въ ущельи, съ плечами, покрытыми травой и листьями

¹⁾ Scheber, Geschichte der deutschen Litteratur, Berlin, 1883, S. 334.

водяныхъ растеній; своей «водицѣ» насвистываетъ онъ колыбельную пѣсню или гонитъ ее отъ себя и т. п.

Но самыемъ талантливымъ поэтомъ этой группы и самыемъ серьезнымъ противникомъ Логенштейновской напыщенности былъ несчастный Христіанъ Гюнтеръ ¹⁾). Онъ испытываетъ внутреннюю, глубоко живущую въ его сердцѣ потребность дать своему чувству излиться въ стихахъ, найти для него выраженіе. Въ его стихахъ уже предчувствуется лирика Гете; они текутъ, какъ будто для того, чтобы освободить отъ бремени отягченіе сердце, и слова ихъ сплетаются какъ бы сами собой. Перелистывая книгу его пѣсень, среди жалобъ и любовной тоски, мы находимъ проблески сердечнаго чувства природы. Когда онъ вновь посѣщаетъ мѣста, гдѣ онъ нѣкогда проводилъ счастливые часы со своей возлюбленной, онъ обращается къ нимъ (I, 4): «Вспомните вмѣстѣ со мною, цвѣты, деревья и тѣни, о вечерней отрадѣ, испытанной здѣсь съ Флавией! Здѣсь ея голова часто прилегала къ моему плечу; умолчите, липы, о томъ, чего я не долженъ говорить. Здѣсь она бросила въ меня цвѣтами, и я рвалъ ихъ и осыпалъ ее ими. Тогда было хоропое время!» Въ 28-мъ стихотвореніи говорится: «Разскажите вы, холодные сѣверные вѣтры, о моихъ вздохахъ моей пастушкѣ! Извѣстите оставленное дитя, что я все тотъ же»...

Онъ восхваляетъ зимнія ночи (9): «Я люблю больше сіяніе мѣсяца и звѣздъ, чѣмъ самый привлекательный день; тогда я часто, находясь въ моей комнатѣ, подымаю къ небу мою голову, очи, сердце и духъ; тогда мое удивленіе едва умѣщается въ этомъ обширномъ пространствѣ.» Своей красавицѣ изъ Борау онъ сообщасть (II, 28): «Мѣстность, гдѣ я теперь пишу, одинока, тѣниста, прохладна и зелена, я слышу, сидя у стройной сосны, какъ легкій вѣтерокъ тянетъ въ Швейдницъ, и всегда сердечно поручаю ему тысячи горячихъ поцѣлуевъ для тебя.» Находясь тамъ, онъ поетъ (III, 2): «Тысячу разъ привѣтствуя васъ, поля, кусты и деревья; вы хорошо знаете того, отъ кого слышали столько риомъ, столько пѣсень, видѣли столько поцѣлуевъ; вспомните о наслажденіи свѣтлыхъ лѣтнихъ ночей!» Подобные симпатические мотивы у него повто-

¹⁾ Guenther's Gedichte, herausgegeb. von I. Tittman, (Deutsche Dichter des 17 Jahrhunderts, Bd. 6), Leipzig. 1874.

ряются и въ другихъ мѣстахъ¹) Такъ (III, 6) онъ пишетъ Элеонорѣ: «Весна уже не очень далеко. Гуляю въ зеленомъ уединеніи, въ вашихъ прекрасныхъ ясеневыхъ аллеяхъ и думаю... объ урокахъ, которые я здѣсь часто выслушивалъ... Тамъ крикъ молодыхъ птицъ долженъ дать вѣсть о моемъ желаніи; и, если западный вѣтеръ играетъ въ твоей одеждѣ и на твоихъ щекахъ, то знай и несомнѣнно вѣрь: онъ дастъ мнѣ знать о твоемъ горячемъ желаніи и цѣлуетъ тебя тысячу разъ за меня.»

Отчаяніе внушиаетъ ему слѣдующій крикъ боли (III, 20): «Бушуйте, рвите и ревите вы, вѣтры несчастія, покажите всю вашу злую власть, крутите, раздирайте и вѣтви и кору и сломите пополамъ дерево надежды! Эта непогода поражаетъ стволъ и листья; корень остается, пока буря и дождь успокоятъ свою ярость!» Онъ желаетъ для себя безлюднаго уединенія: «Я буду блуждать въ лѣсахъ, я убѣгу отъ людей, я буду ворковать съ осиротѣлыми голубками, буду скрываться съ гонимыми животными, пока горе отниметъ у меня жизнь, пока силы измѣнятъ мнѣ, и тогда могила, покрытая зеленью, будетъ мягче твоего сердца».

Какъ истинный лирикъ, онъ отводить природѣ мѣсто во всѣхъ своихъ ощущеніяхъ и находить у нея утѣшеніе, сожалѣніе и сочувствіе, но «онъ не съумѣлъ обуздать себя и этимъ разрушилъ и свою жизнь, и свою поэзію», какъ превосходно выражается Гете объ этомъ прекраснѣмъ, даровитомъ, но нравственно неустойчивомъ поэту.

Къ числу тѣхъ, которые искали болѣе достойныхъ предметовъ для поэзіи, чѣмъ силезскіе стихотворцы, прежде всего принадлежитъ Бартголдъ Броккесъ; онъ избралъ природу исключительнымъ предметомъ своей поэзіи. Но это побужденіе не было у него самостоятельнымъ: начало его слѣдуетъ

¹) Ср. также IV, 5: «Вы, которые все слышите и говорите, проѣзжаете воздухъ, лѣсъ и море—эхо, солнце, мѣсяцъ и вѣтеръ, скажите же мнѣ, гдѣ скрывается мое дитя?» (*Die ihr alles hrt und saget, Luft und Forst und Meer durchjaget, Echo, Sagt mir doch, wo steckt mein Kind?*). Красиво одушевленіе въ вечерней пѣснѣ (258): «Торжественный вечеръ совершился, работа спитъ, сны бодрствуютъ, солнце ведеть поить своихъ лошадей; земной кругъ склоняется къ полуночи, ночь закрываетъ ему глаза, которые уже смыкаются сладкимъ сномъ.»

искать въ Англіи. Между тѣмъ какъ изъ Франціи распространялся вкусъ, выражавшійся въ искусственности и вычурности и находившій многочисленныя подражанія въ Германии, гдѣ мелкія владѣтельныя особы повторяли у себя жизнь Версаля, — переворотъ въ возврѣніи на природу исходитъ изъ Англіи. Слѣдующія цифры несомнѣнно имѣютъ культурно-историческую связь: въ 1748 г. умираетъ Уильямъ Кентъ, великий художникъ по разведенію садовъ, въ томъ же году — Томсонъ, годомъ раньше Броккесъ и въ то же время появляется безчисленное множество подражаний безсмертному произведенію Даніэля Дефо.

Въ драмѣ Шекспира мы отмѣтили происхожденіе симпатизирующего чувства природы; но уже англійская лирика XV и XVI вв. выказываетъ пониманіе привлекательнаго въ природѣ, сердечное участіе къ идиллическимъ сценамъ; съ некоторой чувствительностью впѣшия природа, выражающаяся въ ней зажѣ, приводится въ связь съ душевнымъ міромъ. Джоффрея Чаусеръ (ум. 1400 г.), восхваляетъ въ «From the floure and the leafe» пѣніе соловья: «Я былъ пѣніемъ такъ сильно восхищенъ, что на долгое или на короткое время лишился чувствъ и мыслей... И съ дерева доносилось такое благоуханіе, что отлично подходило къ пѣнію... Я думалъ, что пѣніе птички прекраснѣе и болѣе мнѣ по душѣ, чѣмъ Ѣда и питье за богато убраннымъ столомъ» (!).

Томасъ Уайтъ (ум. 1542 г.) не находить въ природѣ ничего подобнаго жестосердю его возлюбленной: «Такъ жестоко скала не отталкиваетъ волни, которыя ежечасно на нее набѣгаютъ, какъ она мои мольбы...»; въ подобной же любовной тоскѣ Робертъ Соутвелль (ум. 1595 г.), сравниваетъ любовь съ апрѣлемъ: «Май — не мѣсяцъ любви: онъ такъ богатъ цвѣтами; это апрѣль съ измѣнчивой погодой: любовь богата бурями... Она безвременна, подобно зимнимъ розамъ, а наслажденіе ея походитъ на лѣтній ледъ: сперва надежда, потомъ раскаяніе, сперва прекрасное, потомъ безобразное въ заключеніе».

Эдуардъ Спенсеръ (ум. 1598 г.) изображаетъ природу въ союзѣ съ искусствомъ, отводя, впрочемъ, мало мѣста послѣднему — какъ идеалъ красоты въ описаніи райскаго сада въ «The Fearie Queen»: «Кругомъ цвѣты! какъ пышно поднялись деревья! здѣсь тѣнистыя долины, тамъ свѣжіе, душистые холмы, шумитъ роща, кристальные ручьи текутъ и —

что прекрасное дѣлаеть вдвойнѣ прекрасныи: повсюду парствуетъ искусство, но такъ, что его почти невидно».

Дикую горную природу рѣдко изображаютъ въ то время. Мичель Дрейтанъ (ум. 1631 г.) говорить о шотландской возвышенности: «я могъ бы и тамъ жить высоко на горѣ, гдѣ сиѣгъ и дождь проносятся черезъ черныя скалы, и гдѣ въ свободные часы нельзя найти много забавъ»; онъ болѣе всего любить жизненныя удобства и къ своимъ восхваленіямъ купалья въ Бекстонѣ и серебряныхъ краевъ ручья, стъ простымъ реализмомъ прибавляеть: «и хорошее пиво и ѿда заставляютъ забывать уныніе зимы». Томасъ Керью (ум. 1639 г.), находить отраженіе всего прекраснаго, что даетъ природа, въ своей возлюбленной: «О, когда прошелъ юнь, не спрашивай, гдѣ цвѣтетъ умершая роза; оболочка, въ которой покоятся цвѣточкѣ, есть утреннее тепло твоей красоты; о не спрашивай, когда день прошелъ, гдѣ движутся золотыя солнечныя пылинки, небо изъ любви къ тебѣ осыпало тебѣ волосы этимъ золотымъ украшеніемъ». Соловей поеть въ голосѣ его возлюбленной, звѣзды блестятъ въ ея глазахъ. Благочестивый Уильямъ Друммондъ (ум. 1649 г.), въ противу-положность городской и въ особенности придворный жизни, называетъ (сонетъ 4) трижды счастливымъ того, «который вдали отъ суеты свѣта, въ тѣнистомъ лѣсу живеть на собственной землѣ, въ уединеніи, но не одинъ въ своемъ убѣжищѣ, такъ какъ онъ поднимается до вѣчной любви... Насколько пріятнѣе пѣніе птичекъ, чѣмъ разговоры при дворѣ... На сколько пріятнѣе жизнь на свободѣ, чѣмъ пустыя почести»... Въ 5 сонетѣ онъ воспѣваетъ счастье маленькой птички: «Ты, пѣвецъ беззаботный и довольный, и передъ зимой и послѣ зимы, полной грудью наслаждающійся радостью веселаго зрелища: голубому небу, почкамъ, душистымъ цвѣтамъ, ты разсказываешь въ своихъ пѣсняхъ такъ, что скалы, ключи и журчащи ручей это слышать, какъ благъ твой Господь, какъ многимъ онъ надѣлилъ тебя къ стыду грѣшной человѣческой души,—твое пѣніе заставляетъ забывать всякое земное страданіе». Онъ привѣтствуетъ весну въ 6 сонетѣ: «О прелестная весна! ты приходишь въ роскошномъ нарядѣ, въ яркомъ, какъ огонь, головномъ уборѣ, въ пестрой цвѣточной мантии; зефиры завиваются кудри розъ, и облака роняютъ внизъ жемчужины отъ радости».

Удовольствіе, доставляемое идиллическимъ спокойствіемъ

лѣса, соединяется въ привлекательной формѣ съ воспоминаніемъ о потерянномъ спутникѣ у Роберта Блэра (ум. 1646 г.), въ стихотвореніи «Могила»: «О, когда я по густому лѣсу весело блуждалъ съ другомъ, когда мы, скрытые отъ людской толпы, покоились на склонѣ, гдѣ цвѣли подснѣжники, тамъ, гдѣ скользилъ чистый, свѣтлый потокъ, черезъ низкие кустарники съ легкими изгибами и пріятнымъ журчаньемъ; тамъ пѣлъ сладкогласный дроздъ свою любовную пѣсню еще прекраснѣе; мягче звучала свирѣль малиновки; полевые цвѣты пахли слаше, роза рдѣла темнѣе, каждый цвѣтокъ соперничалъ съ соѣдними растеніями».

Этимъ поэтамъ нельзя отказать въ искренней любви къ природѣ, въ способности погружаться въ спокойную прелестъ ея, но первымъ крупнымъ живописцемъ природы слѣдуетъ признать Джемса Томсона. Правда, онъ не первый вступаетъ на этотъ путь: онъ слѣдовалъ толчку, данному Попе, который въ своемъ «Виндзорскомъ лѣсѣ» и пасторальныхъ стихотвореніяхъ уже обрисовалъ времена года въ сухомъ дидактическомъ тонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Томсонъ слѣдовалъ вкусу своего времени, когда издалъ свою «Зиму». Искренняя любовь къ природѣ, сантиментальная мечтательность, религіозность и злegersкая моралистика сходятся вмѣстѣ въ его произведенияхъ. Онъ самъ довольно ярко характеризуетъ себя въ одномъ изъ писемъ къ своему другу Петерсону: «Уединеніе и природа все болѣе и болѣе становятся моей страстью, а теперь именно приближается прекрасное время. Небо запято теперь подготовленіемъ зеленої одежды для земли. Уже слышны соловиные звуки въ нашихъ рощицахъ... Вы должны знать, что я очень увеличилъ мое помѣстье; къ садику при соединенъ теперь и отгороженъ вмѣстѣ съ нимъ клочекъ поля, который удвоилъ его размѣры; вы можете себѣ представить мое хозяйство! Здѣсь прогуливаюсь я каждый день, иногда даже ночью»; а въ заключеніе письма онъ называетъ жизнь Бориційскаго садовника у Виргиля совершеннѣйшимъ образцомъ истинно счастливой жизни. Дѣйствительно, уединеніе и природа были его страстью. Цѣлые дни и недѣли проводилъ онъ въ блужданіи среди сельской природы, обращая вниманіе на все, что видѣлъ, прислушиваясь къ каждому звуку; до послѣднихъ мелочей простирается его наблюдательность, изъ всего извлекаетъ онъ одушевленіе, во всемъ видитъ образъ красоты и благости Божіей. Такъ во «Временахъ года»

у него возникает сцена за сценой. За этими поэтическими пейзажами нельзя не признать правдивости и точности; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, взятыхъ въ отдѣльности, содержится высокая прелестъ и нѣжное, мягкое настроеніе, но слишкомъ часто изображеніе является только описаніемъ, срисовываніемъ природы, безъ того необходимаго внутренняго отношенія къ духовному началу, которое только и сообщаетъ живую душу мертвому ландшафту и влагаетъ въ него божественное дыханіе. Безъ промежутковъ, прерываясь лишь патетическими проповѣдями морали, развертывается у него одна картина за другой, монотонно, какъ въ галлереѣ, состоящей изъ однихъ пейзажей; люди, которыхъ онъ вводить туда — только мертвые фигуры. Основной аккордъ отдѣльныхъ мелодій есть похвала Всевышнему; надъ всѣми другими впечатлѣніями природы бѣрутъ перевѣсь пріятныя и мирныя впечатлѣнія тихой жизни въ полѣ и въ лѣсу. Но онъ описываетъ и дикую, горную природу и волнующееся море; такъ онъ говорить съ высоко нагроможденныхъ горахъ Каледоніи, «въ романтической красотѣ, поднимающихся надъ волнистой сушей, окруженныхъ рѣзко распредѣляющимся небомъ, дышащимъ на душу сильнымъ дыханіемъ, съ густыми лѣсами, не обработанными, могучими и громадными, издавна посаженными рукою природы, съ лазурными облаками между ними и глубоко извидающими долинами и сверкающими водами». ¹).

И въ «Веснѣ» онъ призываетъ къ поклоненію Творцу не только блестящій, улыбающейся весенний міръ, но и «вздымающейся съ безумной смѣлостью горы и тебя, могучее море, ты — новый міръ, полный чудесъ въ себѣ самомъ». Интересъ «Временъ года» часто слабѣетъ при описаніяхъ, такъ какъ описываемые предметы слишкомъ часто бывають лишены индивидуальной жизни и изображаются въ утомительномъ дидактическомъ тонѣ или просто перечисляются. Эти описательные поэмы не захватываютъ отдѣльныхъ моментовъ, полныхъ пластической наглядности, но вообще описываютъ все, что

¹) The poetical works of James Thomsen, illustrated, edited by Charles Cowden Clarke, Edinburgh 1869, Autumn 877: The Muse... Sees Caledonia, in romantic view: Her airy mountains, from the waving main, Invested with a Keen diffusive sky, Breathing the soul acute; her forests huge, Incult, robuste and tall, by Nature's hand Planted of old; her azure lakes between... winding deep and green, her fertile vales...

часто случается или может случиться. Поэтому впечатлѣніе, оказанное книгою Томсона на людей того времени, не было значительнымъ и не пробудило любви къ природѣ; но, безъ сомнѣнія, эта книга содержитъ множество прекрасныхъ частностей ¹⁾). Однако, его высокая, полнозвучная рѣчь не достижима для всякаго другого языка, между прочимъ, и для нѣмецкаго. Это можно сказать и о переводѣ Браккеса, названаго выше поэта, нѣмецкаго переводчика Томсона ²⁾).

Томсонъ въ его переводѣ, въ слѣдующихъ стихахъ призываетъ весну: «Пріиди, прелестная весна, съ эфирной мягкостью, пріиди, и изъ груди изливающагося каплями облака, въ то время, какъ музыка пробуждается кругомъ, спустись на наши равнини подъ сѣнью темнѣющихъ розъ» ³⁾). Всего живописнѣе описание «Зимы», откуда мы заимствуемъ слѣдующія строки: «Когда теперь, съ блѣднаго горизонта спускается солнце подрумяненное въ разныхъ мѣстахъ, которая преобладаютъ несомнѣнно на его рѣзкомъ дисѣ—тогда поднимаются огненные, красные какъ кровь, полосы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, колеблется своею легкою тяжестью скользящее облако, не зная за какимъ господиномъ оно должно слѣдоватъ, такъ какъ медленно, блѣдный мѣсяцъ поднимается на свинцовемъ востокѣ. Дрожащимъ свѣтомъ блестятъ тусклыя звѣзды... ко-

¹⁾ Hettner, Litteraturgeschichte des 18 Jahrhunderts I 1868 S. 534: «Всѣ его описанія свѣжі и жизненны, полны теплого одушевленія и часто поразительной красоты. Какъ цвѣтеть и благоухаетъ его весна, подобно ковру луга, усыпанаго цвѣтами; какъ чувствуется надъ его лѣтомъ жаркое небо и зеленая пышность прекраснаго августовскаго дня; какъ поникаютъ осенняя поля, деревья и виноградныя лозы своими отягченными головами; какъ мы чувствуемъ и слышимъ непріятный трескъ зимнаго льда, какъ будто умирающая природа еще разъ собираетъ свои силы, чтобы помолодѣть для зародышей новой весны».

²⁾ Herrn B. H. Brockes, Sam. Palat. Caes. unb Rahts-Herrn der Kayserl. freyen Reichs-Stadt Hamboerg, aus dem Englischen übersetzte des Herrn Thomson, Zum Anhange des Irdischen VergnÃ¼gens in Gott. Mit Kupfern. Hamburg. 1745.

³⁾ Come, gentle Spring, ethereal mildness, come; And fram the bason of yon drapping cloud, While music wakes around, veil'd in a shower Of shadowing roses, on aur plains descend. Браккесъ переводить: «Кomm, holder Lenz, des Himmels Milde, komm, kamm, erscheine, kehre wieder Aus jenes tröpfelnden Gewolks gefülltem Busen, sichtbarlich! Und da ein tönen Misiciereu um uns erwachet, senke dich, Gehüllt in einen Rosen-Regen, auf uns rer Felder Tlache niedet!»

роткими кругами играетъ увядшій листъ, и прыгая несется перо по рѣкѣ, реветь молодая телица, чуя воздухъ бури... Черноватая стая громко кричащихъ воронъ улетаетъ съ того мѣста, гдѣ въ теченіе цѣлаго дня клевала свой скудный кормъ, и направляетъ тяжелый полетъ къ защитницѣ рощѣ; тоскующее племя совъ завываетъ изъ чащи похороннымъ плачомъ...¹).

На ряду съ такими картинами природы у Томсона слѣдуетъ отмѣтить тонкое пониманіе величавыхъ, возвышенныхъ явлений природы, образованія облаковъ, свѣтловыхъ эффектовъ, контрастовъ красокъ, лѣсныхъ тѣней, свѣтлыхъ луговъ, всего идиллическаго, мѣра животныхъ и мѣра растеній въ ихъ единичныхъ явленіяхъ. Онъ восклицаетъ въ искреннемъ, ликующемъ одушевленіи: «Природа, великая мать, неутомимая рука которой катить кругомъ времена измѣнчиваго года! Какъ могущественны, какъ величественны твои творенія! Съ какимъ сладкимъ страхомъ они поднимаютъ душу, которая смотрить въ удивленіи и въ удивленіи поетъ²).

Броекесь находится надъ прямымъ вліяніемъ Попе и Томсона, «Времена года» котораго онъ, наконецъ, перевелъ и въ свое мѣсто сочиненіи «Наслажденіе божественнымъ на землѣ», въ девяти томахъ. Это громадное и для насть, въ своемъ полномъ объемѣ, вполнѣ недоступное произведеніе, всетаки представлять собою литературный подвигъ, значительный вслѣдствіе важности предмета и высоты и серьезности намѣренія, вполнѣ противуположный безсмыслиности и безсодержательности тогдашней поэзіи. Въ немъ совершенно отсутствуетъ величественная скорбь Томсона: это—описательно религіозное, въ высшей степени прозаически трезвое изложеніе явлений природы, стремящееся выяснить въ нихъ мудрость, благость и цѣлесообразность Творца. Во многихъ мѣстахъ это—риемованная ботаника и физика: въ 138 строочныхъ строфахъ у него рѣчъ идетъ объ огнѣ, въ 79—о воздухѣ, въ 78—о водѣ, въ 74—о землѣ, и т. д.; цвѣты разлагаются

¹) «По нѣмецкому переводу Гарриса. (Uhersetzung in deutschen Iamben von Harries, Altona 1796). Thomson «The Winter» v. 168 и слѣд.

²) Ib: v. 106, S. 136: Nature! great parent! wohse unceasing hand rolls round the Seasons of the changeful year! Haw mighty, haw majestic are thy woorks! With what a pleasing dread they swell the soul, That sees astonish'd—and astouish'd siug!

на свои составные части — чашечку, вѣнчикъ, тычинки и т. д.; при этомъ отдельные явленія связаны у него, по большей части, весьма поверхностнымъ образомъ. Тѣмъ не менѣе, мы видимъ у него теплую, хотя преимущественно религіозную и морализирующую любовь къ природѣ; какъ онъ самъ признается¹), онъ избралъ своимъ сюжетомъ природу сперва для препровожденія времени, а затѣмъ, «съ большимъ прилежаніемъ посвятилъ себя «*studio poetico*», не только потому, что «красота природы его трогала», но и потому, что она представляеть предметъ, «на которомъ людей можно поучать, доставляя имъ въ то же время дозволенное развлеченіе». Поэтому продолжаетъ онъ «я рѣшился воспѣть Творца природы въ радостномъ созерцаніи и возможно подробнымъ описаніемъ ея; къ чему я считалъ себя тѣмъ болѣе обязаннымъ, что держался большой невнимательности и неблагодарности къ Творцу, достойной высшаго наказанія и совершенно недостойной христианина. Я изготошилъ затѣмъ, сперва въ весеннее время, различные отрывки и старался въ нихъ описать, по возможности, красоту природы, для того чтобы и себя и другихъ побудить собственнымъ удовольствіемъ къ прославленію мудрости Творца, изъ чего, наконецъ, образовалась первая часть моего «Земного наслажденія» 1721. Тамъ гдѣ онъ хочетъ иллюстрировать теологическія доказательства на примѣрѣ птицъ, деревьевъ и животныхъ, онъ совершенно лишенъ вкуса и даже смѣшонъ; это можно видѣть въ его часто цитируемомъ описаніи козы, гдѣ онъ говорить по поводу пользы, доставляемой ея мясомъ и кожей, о мудрости, всемогуществѣ и благости Творца. Но мы приведемъ слѣдующій отрывокъ, могущій служить характернымъ образцомъ его описательной манеры и, во всякомъ случаѣ, дѣлающій честь его тщательному стремленію отмѣтить всѣ прелести лѣса²): «Когда я недавно сидѣлъ на зеленой травѣ, въ тѣни липового дерева, сидѣлъ и читалъ, я поднялъ глаза и увидалъ различныя деревья то тамъ то здѣсь, то далеко, частью въ полуслѣдѣ, частью

¹⁾ Его автобиографію приводить Lappenberg въ *Zeitschrift fü Hamburgische Geschichte*, II, S. 167, 1867, ср. 119 и слѣд. и Hettner ib. S. 334.

²⁾ Brockes, *Irdisches Verguügen in Gott*, Hamburg 1743, 2. Teil., S. 314.

совсѣмъ освященные, частю въ полути, частю совсѣмъ въ тѣни; они стояли съ нагнувшимися отъ листьевъ вѣтвями. Я смотрѣлъ, какъ покрытые цветами луга, были чудесно украшены и увѣичаны на воздухѣ. Для того, чтобы описать ихъ зеленую красу и происходящій отъ нея столь веселый видъ ландшафта и этимъ продлить удовольствіе, я вынулъ вмѣстѣ съ листкомъ бумаги маленький свинцовый карандашъ и постарался во славу Божію изобразить въ риомахъ созданіе Творца въ образахъ прекрасныхъ деревьевъ. Безъ сомнѣнія, изъ всего, что міръ показываетъ намъ прекраснаго, нѣтъ ничего, что не уступало бы украшенію зеленыхъ вѣтвей, нѣтъ ничего, что уподоблялось бы лѣсу нѣжной красой; видишь съ облегченной грудью даль, полную зеленыхъ покрововъ, и во славу Бога и намъ на радость растilaющіяся живые ковры... Я часто видѣлъ сквозь тѣнь многихъ деревьевъ ярко освѣщенное дерево. Человѣческій глазъ едва можетъ повѣрить, какъ пріятны—здѣсь полусвѣтъ, тамъ свѣтъ, тамъ тьма среди деревьевъ, покрытыхъ листвою. На нихъ смотришь съ удовольствіемъ и находишь, видя съ той стороны одни лишь освѣщенные листья, какъ золото солнца въ нихъ почти видимо соединяется съ нѣжною зеленою, такъ что сквозь массы видишь иѣчто прекрасное, зеленое, смѣшанное съ золотомъ, прозрачное, искренно трогающее душу».

Такимъ же образомъ въ 20 послѣдующихъ стихахъ описывается красота лѣснаго освѣщенія съ искреннимъ наслажденіемъ и съ возрастающей шириной взгляда для того, что бы продлить удовольствіе зрѣлища и закончить хвалой Богу. Но, иногда, Броккесъ съ Мильтонаўскимъ паѳосомъ поднимается до замѣчательной высоты мысли или, лучше сказать, погружается въ мистическое созерцаніе природы. Мы можемъ видѣть это въ его вступительномъ стихотвореніи «О небесномъ сводѣ»: «Когда недавно мой взоръ погружался въ сафирную глубину, которую не ограничаетъ ни основаніе, ни потокъ, ни цѣль, ни конецъ,—въ неизвѣдное море высокаго небеснаго пространства и мой поглощенный взглядъ посыпался то здѣсь, то тамъ, и погружался все глубже, ужаснулся мой духъ, иомеркъ мой взоръ, душа моя смущилась безконечными, неизмѣримыми глубинами, которая справедливо зовутся образомъ вѣчности, такъ какъ опѣ исходить отъ Бога, неимѣющаго ни начала ни конца; какъ тяжелая волна бездоннаго моря поглощаетъ падающее желѣзо, такъ это бездонное простран-

ство въ одно мгновеніе поглотило мою душу, громадная глубина темнаго свѣта, свѣтлой тьмы безъ начала, безъ границъ, поглотила міръ, подавила мои мысли: все существо стало пылью, точкой, ничѣмъ, и я уже терялся: это повергало меня ницъ... Но, о, цѣлительное ничто, о, счастливая утрата: вездѣ сущій Богъ, въ Тебѣ я опять нашелъ себя!» Но такая высота созерцанія, навѣянная религіознымъ одушевленіемъ Мильтона, рѣдко поднимаетъ благонамѣренный и трезвый духъ гамбургскаго совѣтника: риѳмованная проза вездѣ беретъ перевѣсь въ его описаніяхъ.

Такимъ образомъ, англійская поэзія съ ея подражаніями у нѣмцевъ, является признакомъ противодѣйствія искусственному вкусу того времени; и въ науку нерѣдко замѣчается тогда выраженіе теплаго одушевленія по поводу порядка и красоты въ природѣ; и философы, не смотря на перевѣсь нравственныхъ условій и ученія о сознаніи, иногда прославляютъ природу съ высокимъ душевнымъ подъемомъ, какъ мы это видимъ у Шефтсбери (род. 1671, ум. 1713) въ его гимнѣ къ «природѣ», переведенномъ Гердеромъ ¹⁾. Возвращеніемъ къ природѣ можно признать освобожденій отъ оковъ искусственности принципъ англійскихъ садовъ въ первой половинѣ XVIII вѣка ²⁾. Исторія садовъ наглядно показываетъ,

¹⁾ «Примите меня, луга, священные лѣса, примите странника, убѣжавшаго отъ городского шума, который здѣсь, въ вашей тѣни ищетъ покоя и освѣженія. Будьте ласковы къ нему, привѣтствую васъ, зеленые, отрадныя поля! Привѣтъ вамъ жилища тихаго благополучія! И вамъ дали, увѣнчанныя прелестью и красотою! Привѣтъ вамъ и всему, что живеть въ тебѣ убѣжищѣ счастливыхъ людей, которые вдали отъ зависимости здѣсь живутъ невинно, тихо, радостно и весело и созерцаютъ тебя, великая природа! Природа, прекраснѣйшая изъ прекраснѣйшихъ, благодѣтельная! Всес любящимъ, достойнымъ, любимымъ всѣми, божественнымъ, полнымъ мудрости, полнымъ чувства, вмѣщающимъ все возвышенное, ты создала меня для того, чтобы тебя познавать, вѣчная красота, сердечно тебя любить, страстно приближаться къ тебѣ, — ты дала мнѣ движеніе и волю, о, дай мнѣ теперь силы, будь моей опорой! Когда я изслѣдую лабирантъ творенія, веди испытывающаго, котораго ты надѣлила душою и любовью, веди любящаго къ себѣ самой!».

²⁾ Ср. прекрасную и поучительную статью Якоба ф.-Фальке «Англійскій садъ» (Jacob v.-Falke, «Der englischen Garten» Nord und sud. November 1884) и его Geschichte des modernen Geschmacks, S. 313 и слѣд.,

насколько проявление вкуса предпочтительно движется по кривой линии. Ленотръ придалъ садамъ чисто архитектоническую искусственную форму; но когда въ Англии, среди эпохи париковъ, фижмъ, менуэта и мушекъ, корсетовъ и румянъ обнаружилось возвращеніе къ природѣ и естественности, тамъ виали въ другую крайность и захотѣли уже изгнать изъ сада всякое искусство. Мы это видимъ у Аддиссона и Попе: первый хотѣлъ чтобы все росло въ первоначальной дикости, а Попе внушалъ: «стройте, сажайте все что хотите, воздвигайте колонны или сгибайте арки, возвышайте террасы, или углубляйте гроты, но во всемъ этомъ не забывайте природы» ¹⁾.

Уильямъ Кентъ слѣдовалъ этимъ основнымъ правиламъ, но въ то же время, онъ былъ живописецъ и смотрѣлъ на природу глазами художника; онъ уразумѣлъ характерную красоту своей родины и заимствовалъ принципъ искусства разведенія садовъ у свободной природы, т.-е., у англійского ландшафта, съ его слегка волнистой мѣстностью, свѣжей зеленью и великолѣпными экземплярами деревьевъ. Прямая линія была изгнана и была замѣнена обширными дерновыми пространствами съ разсѣянными группами деревьевъ, различными по формѣ и цвѣту, то темными елями и темнолистенными ольхами, то свѣтлыми березами и вязами и сѣрыми серебристыми тополями, которые перемежались лугами съ серебристыми ручьями, вырывавшимися изъ сумрака древестной тѣни; все это открывалось въ холмистую, окруженную изгородями мѣстность, безъ гладкихъ стѣнъ, балюстрадъ, террасъ, статуй и т. д. Все это, однимъ словомъ, указываетъ на принципъ возвращенія къ простой природѣ: садъ долженъ быть не произведеніемъ искусства, а частью природы; паркъ не долженъ представлять ничего противуположнаго окружающему его свободному, открытому пейзажу. Мало того, садъ долженъ быть на небольшомъ пространствѣ, совокупностью различныхъ картинъ представляемыхъ Англіей; поэтому путникъ то по извилистой тропинкѣ проходилъ мимо шумящаго ручья, падающаго съ утеса, то мимо освѣщенныхъ солнцемъ луговинъ, то попадалъ въ густую лѣсную чащу, то въ свѣтлую рощу. Но и Кентъ

¹⁾ To build, to plant, whatever you intent, To rear the column or the arch, to bend, To swell the terras or to sink the grot, In all let Natur never be forgot.

старался придать еще более характера и настроения этой мозаикѣ отдельныхъ картинъ, посредствомъ руинъ и павильоновъ. Принципъ, въ силу которого однообразіе должно было замѣняться возможной измѣнчивостью, подвергся дальнѣйшему развитію, благодаря знакомству съ китайскими садами, которое можно было почерпнуть изъ сочиненія архитектора Чемберса о нравахъ, жилищахъ и пр., у китайцевъ¹). Китайский садъ представлялъ общую идею съ англійскими садами Кента: онъ былъ такою-же частью ландшафта, но настолько былъ богаче естественными картинами, насколько природа Срединнаго царства богаче природы Англіи. На неизмѣримыхъ пространствахъ Небесной Имперіи встрѣчаются рядомъ самыхъ дикихъ горныхъ страны и скалы, и болота, обширныя пустыни около очаровательныхъ луговъ, и все это разнообразіе китайцы отразили въ своихъ садахъ. Къ несчастію, однако китайщина, имѣвшая такъ много сходства съ рококо, именно тогда начала распространяться, когда стремились освободиться отъ этого послѣдняго: изъ огня да въ полымя. Такъ какъ, однако, нельзя было найти такого разнообразія пейзажныхъ картинъ, то вскорѣ ограничились группированиемъ самыхъ различныхъ зданій, помѣщая ихъ въ ландшафтъ и преслѣдуя при этомъ практическую пользу, такъ что павильоны, кюски и храмы служили жилищами садовниковъ, конюшнями, погребами и т. п.

Чѣмъ болѣе мечтательное отношеніе къ природѣ возрастало какъ реакція противъ искусственности ракоко и сантиментальность давала свободу чувствамъ, чѣмъ болѣе грустное и трогательное настроеніе, поддерживаемое чувствительными романами Ричардсона и др., преобладало въ тогдашнихъ умахъ, тѣмъ болѣе и стиль садовъ пріобрѣталъ трогательный, мягко-меланхолический характеръ. И на немъ отразилось общее направление культуры, такъ какъ всегда даже мало замѣтное и побочное носить на себѣ печать всей эпохи, если только въ этой эпохѣ есть что-нибудь оригинальное и индивидуальное. Чувствительные, слезливые, дружескіе союзы находить для себя достойное мѣсто въ этихъ садахъ съ храмами дружбы, любви, меланхоліи, уединенія, добродѣтели, сви-

¹) *Dessins des édifices, meubles, habits, machines et ustensils des Chinois, 1757.*

определение каждого растения, каждого цветка: такъ характерно и тщательно написаны каждый стебель, каждый листъ, каждый цветокъ, даже и животныя, ползущія въ зелени ¹⁾).

У брабантскаго художника Рогера фонъ деръ-Вейдена встѣ чаются рѣчныя долины, замкнутыя зубчатыми горами и скалами, луга съ сочию зеленью и отдаленныя деревья, которые ясно указываютъ на этюды съ натуры; надъ ними распространяется равномѣрный свѣтлый воздухъ, на поверхностихъ передняго плана лежитъ яркій, зеленый отблескъ, который постепенно, ближе къ заднему плану, переходитъ въ голубоватый паръ ²⁾). У его ученика Мемлинга находимъ мы ту же тонкую постепенность тоновъ. Хотя живописцу въ его лучшей картинѣ «Обручение Св. Екатерины» полная содержанія композиція, въ которой смѣшиваются пріятное и сурое, не даетъ простора для полной пейзажной картины, но появление линий лѣса и поля, какъ только открывается просвѣтъ, ясно выказываетъ единство всеобъемлющей, все заключающей въ себѣ природы ³⁾.

Іоахима де Патенира, выступившаго въ 1515 году, современники называли уже пейзажистомъ, такъ какъ онъ, священныя лица изображалъ въ уменьшенномъ размѣрѣ, а пейзажъ распространялъ до самой дальшей перспективы и всю отдаленныя части его обрабатывалъ съ величайшей любовью и стараниемъ. Ему еще далеко до того, чтобы видѣть пейзажъ какъ одно цѣлое: онъ синтетически соединялъ въ немъ рѣчныя долины, деревья и кусты въ большомъ множествѣ, причудливыя формы скалъ, живописныя и фантастическія съ замками на берегу, но на первомъ планѣ у него можно пересчитать каждый листокъ. Индивидуальная жизнь, душа ландшафта, еще не открывается для него. Къ нему близко подходитъ Герри де Блесъ, хотя и уступаетъ ему въ точномъ изученіи природы; говоря о немъ, какъ и вообще обо всѣхъ другихъ живописцахъ XVI вѣка въ Брабантѣ и Фландріи также не можетъ быть рѣчи о цѣльномъ воззрѣніи на природу, о настроеніи.

Частности пейзажа выписывались тогда съ самой мелоч-

¹⁾ Ср. Kaemmerer po. cit. 55.

²⁾ Ср. Kaemmerer ib. 49.

³⁾ Ср. Kaemmerer ib. 53.

ной точностью, въ особенности растенія. Стремленіе къ правдѣ, къ вѣрности природѣ въ отдѣльныхъ частяхъ, выше всего ставили фланандцы, между тѣмъ какъ у галландцевъ все подчишалось красотѣ. Если уже Петеръ Брюгель старшій выполнилъ пейзажи въ своихъ картинахъ съ самой заботливой точностью и въ изобилии наполнялъ ихъ скалами, рѣчками, мельницами и грушами деревьевъ, вблизи и позади танцующихъ крестьянъ, то Янъ Брюгель, въ своихъ миниатюрахъ, довѣль подражаніе природѣ до мельчайшаго воспроизведенія всѣхъ отпушений, встрѣчающихся въ пейзажахъ, которые могутъ быть оцѣнены только съ помощью лузы. Въ качествѣ новаго элемента имъ внесена въ искусство живопись цвѣтовъ и плодовъ. Рубенсъ, знаменитый глава антверпенской школы писалъ многія фигуры въ пейзажахъ Брюгеля, а тотъ, — пейзажные планы въ картинахъ Рубенса; вирочемъ, послѣдній былъ и самъ превосходнымъ пейзажистомъ, самымъ разностороннимъ и полнымъ поэзіи, какого только произвела фланандская школа. И этого еще мало! Хотя тѣ художники, во главѣ которыхъ стоять Янъ Брюгель, выказываютъ величайшее терпѣніе, тщательное трудолюбіе, искреннюю любовь къ выполнению деталей, какъ все-таки далеко они стоять отъ правдиваго отношенія къ природѣ! Этотъ голубовато-зеленый ландшафтъ, съ выдуманными деревьями, съ неизмѣримой долиною и безконечнымъ множествомъ подробностей, имѣть много прелести и привлекательности, но это еще не природа, не истинная великая, свободная природа. Въ этомъ смыслѣ ее понимали только Рубенсъ и его послѣдователи; только у нихъ пейзажъ становится самостоятельной, законной вѣтвью искусства. И они брались за него со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Между тѣмъ какъ Рубенсъ относился къ ландшафту со свойственной ему широкой манерой, другие отдавались по преимуществу привлекательному, спокойному и простому, обращаясь то къ дикимъ и романтическимъ явленіямъ, то къ обширнымъ равнинамъ, то къ лѣсу и ущельямъ; третьи изучали море, но всѣмъ имъ природа открывала свой покровъ и обнаруживала свои тайны; они всѣ видѣли ее такою, какова она въ дѣйствительности (Фальке). Рубенсъ творилъ съ геніалью свободою взгляда, направленного на природу во всемъ ея цѣломъ, и тѣмъ не менѣе, вѣрою оцѣнивающаго и всѣ ея мелочи. А Брюгель, въ суровую зиму, долженъ былъ прерывать рисование цвѣтовъ и просить терпѣнія у своихъ заказ-

чиковъ въ ожиданіи болѣе теплой погоды. Онъ не останавлялся передъ хлопотами поѣзди въ Брюссель, чтобы срисовать тамъ цвѣты, какихъ нельзя было достать въ Антверпенѣ. Весьма характерно его объясненіе въ письмѣ, сопровождавшемъ картину, предназначавшуюся для архіепископа Миланскаго: «Посылаю вашему высокопреосвященству картину съ цвѣтами, которые всѣ написаны съ натуры. Въ этой картинѣ я исполнилъ все, что вообще въ состояніи исполнить. Я думаю, что никогда не было написано столько рѣдкихъ и разнообразныхъ цвѣтовъ и съ такимъ тщаніемъ. Зимою это будетъ представлять прекрасный видъ: нѣкоторые цвѣта почти сходны съ природными. Среди цвѣтовъ я написалъ сосудъ съ медалями искусной работы и съ морскими рѣдкостями. Предоставляю на судъ вашего высокопреосвященства, что эти цвѣты превосходятъ своими красками золото и драгоценные камни». Во всякомъ случаѣ, онъ уже пытѣтъ ландшафты, въ которыхъ люди служатъ только фигурами, веселыя, озаренные солнцемъ долины, прозрачные лиственные лѣса, золотыя хлѣбные поля, роскошные луга и танцующихъ поселянъ или жнецовъ въ полѣ. Рубенсъ, на котораго югъ съ своимъ яркимъ свѣтомъ и солнечнымъ блескомъ оказалъ не меньшее дѣйствіе, чѣмъ на его современниковъ, посѣтившихъ Италию, тѣмъ не менѣе заимствовалъ задніе планы и индивидуальные черты физиономіи у своей родины, у окрестностей Антверпена, Мехельна и Брюсселя. Лиственный лѣсъ, вода и волнистая мѣстность были необходимыми составными частями его картины; въ нихъ, до извѣстной степени, онъ воплощалъ то настроеніе, какое хотѣлъ дать картинѣ. На самомъ дѣлѣ Рубенсъ уже можетъ быть названъ живописцемъ настроения, такъ какъ онъ умѣетъ передавать всѣ ощущенія, всѣ движения души природы съ никогда неизмѣняющимъ ему мастерствомъ. Между тѣмъ, точка зрѣнія Брюгеля, по отношенію къ природѣ, была все еще дѣтски-наивной, радующейся каждой детали и чувствующей гордое удовлетвореніе, воспроизводя мельчайшія явленія природы съ вѣрностью, обманывающею глазъ. Съ Рубенсомъ впервые выступаетъ смѣляя, всеподчиняющая себѣ субъективность пейзажной живописи. Онъ раскрываетъ великую книгу природы не для того, чтобы разбирать отдаленныя слова буква за буквой, но для того, чтобы допытаться у природы ея тайнъ, проникнуть въ самую сокровенную глубину ея души и извѣдание имъ вос-

произвести, сообразно впечатлѣніямъ, отразившимся въ его великой душѣ. Рубенсъ вполнѣ сознавалъ высшую задачу пейзажиста — соединить полноту отдѣльныхъ явлений въ одно гармонически законченное цѣлое и въ этомъ цѣломъ отразить извѣстное настроеніе. Въ пятидесяти ландшафтахъ, какіе сохранились отъ него, мы находимъ всѣ переходы отъ состоянія идиллическаго покоя до высшаго драматического напряженія. Въ великолѣпномъ вечернемъ ландшафтѣ съ радугой, находящемся въ Луврѣ, удивляются тонкимъ переходамъ воздушныхъ тоновъ, а въ изображеніи могучей грозовой бури, въ вѣнскомъ Бельведерѣ — высшей силѣ воспроизведенія дѣбаго смятенія стихій. Среди сѣриисто-желтыхъ молний разражается ливень надъ горнымъ ландшафтомъ. Горный потокъ вздулся до размѣровъ широкой рѣки, которая, гонимая ураганомъ, срываетъ все, что можетъ унести — деревья, скалы, животныхъ и людей. Изъ новѣйшихъ мастеровъ, пѣтъ что подобное создавали только Баламъ и Андрей Ахенбахъ. На «Охотѣ Мелсагра» и «Встрѣчѣ Одиссея съ Навзикаемъ», ландшафтъ выказываетъ полное величие героического стиля. Ничего возвышеннѣе не дали ни Пуссенъ, ни Клодъ Лорренъ (Розенбергъ).

Во французской литературѣ со временемъ миннезенгеровъ, даже въ классической поэзіи Корнела и Расина, нельзя найти почти ни одного цвѣтка; идиллическія черты встрѣчаются въ «Телемакѣ» Фенелона, Ронсаръ заимствуетъ у древнихъ мотивы съ извѣстнымъ настроеніемъ, но здѣсь, какъ и въ Италии и въ Испании, распускаетъ лишь великосвѣтскіе цвѣты пастушескія поэзіи Опоре Дюрфе написалъ тогда знаменитую, много переводившуюся «Астрею», по его пастухи вовсе не люди и пейзажъ не имѣтъ ничего общаго съ живой природой; отъ всего этого вѣтъ придворнымъ благоуханіемъ, салонной любезностью, съ примѣсью какихъ-то сантиментальныхъ желаній. Совершенно иное мы видимъ въ живописи. Оба Пуссена проекаютъ въ тайны самой природы, возсоздаютъ ее сообразно своему художественному чувству, но остаются вѣрными ея правдѣ. Никола Пуссенъ (1594—1665) направляетъ свое вниманіе на серьезное и торжественное въ пейзажѣ: группа деревьевъ на переднемъ планѣ, возвышенность съ античнымъ зданіемъ въ серединѣ, составляютъ у него одно цѣлое, причемъ для него имѣтъ болѣе значенія легкость линій, чѣмъ прелесть колорита. Болѣе жизни и движенія у его зятя, Ка-

спара Дюге, также называвшагося Пуссеномъ: трава у него сочище и свѣжье, вѣтеръ шумитъ въ деревьяхъ или бурая и пригибаетъ вѣтви, рветъ листву и гонитъ облака. Большой искренностью и теплотою обладаетъ Ле-Сюерь (1617—1655); но Клодъ Лорренъ (1600—1682) завершаетъ идеальный стиль пейзажа. Грубый материалъ лѣсовъ, воды и облаковъ про-
никнуть у него душою и чувствомъ; долины, лѣсь и моря для него только оболочка, въ которой открывается духъ Божій, орудіе, въ второмъ отзываются небесные звуки. Все некрасивое, болѣзненное или искаженное надѣляется внутреннимъ свѣтомъ и винувающимъ уваженіе достоинствомъ. Ничего печального, ничего подавляюще-госкливааго не выказывается въ его созданіяхъ, а лишь спокойная, ясная, удовлетворенная красота, безъ всякой вычурности, безъ всякаго на-
мѣренаго контраста или неумѣстнаго блеска. Тихое духовеніе вѣтерка играетъ въ прелестной, роскошной листвѣ его могучихъ деревьевъ, золотистый свѣтъ пронизываетъ ихъ и увлекаетъ взоръ въ душистую, ясную долю; «небо такъ торжественно, какъ будто оно хочетъ открыться: это день Господа!» скажемъ мы вмѣстѣ съ Уландомъ, такъ какъ это дѣйствительно праздникъ природы—такъ все полно ясности, утренней свѣжести или вечерняго покоя. Художественное чувство природы у Клода Лоррена превращается въ благоговѣніе передъ природой.

За Лорреномъ, какъ за центральной звѣздой, голландцы слѣдуютъ съ благороднымъ соревнованіемъ, съ возрастающимъ стремлениемъ воспроизвести кистью всѣ явленія природы сами по себѣ въ самостоятельномъ изображеніи съ индивидуальной прелестью и съ субъективнымъ настроениемъ. Поэзія воздуха, облаковъ, освѣщенія, прохладная свѣжесть утра, влажная тяжесть полудня, теплый блескъ вечера—все это дышетъ и живеть въ картинахъ Кейна и Вишанта; Аартъ фанъ-деръ-Мееръ по преимуществу изображаетъ зимний снѣгъ и лунный свѣтъ, а Янъ фанъ-Гойенъ — мрачное, меланхолическое настроение облачнаго освѣщенія. Онъ умѣетъ нѣсколькими деревьями, отражающими въ водѣ, однимъ песчанымъ холмомъ и пр., произвести известное впечатлѣніе, но въ этомъ искусствѣ пробуждать немногимъ опредѣленное впечатлѣніе никто не превосходилъ Яакоба Рюисдая (ум. 1681 г.). Вся поэзія природы, все таинственное очарование заключающееся въ тихомъ лѣсѣ, въ шумящемъ морѣ или въ пустынномъ

перелѣскѣ, получаетъ у него формы и краски. Ему нужно столь немногое для того, чтобы заставить насъ думать и чувствовать то, что думалъ и чувствовалъ великий мастеръ и выразилъ въ краскахъ и линіяхъ. Сѣверная суровость и сѣверная грусть заключена въ большей части произведений этой живописной поэзіи природы; тяжелыя облака и дождевой туманъ висятъ надъ темными деревьями, мрачныя тѣни окружаютъ развалины. Онъ давно уже изобразилъ въ живописи, говорить Карріеръ, мирное уединеніе лѣса, прежде чѣмъ Тикъ нашелъ это слово. Намъ слышится утренній гимнъ въ его буковомъ лѣсѣ, отраженномъ въ спокойной и ясной рѣкѣ, или въ прозрачныхъ облакахъ, освѣщенныхъ восходящимъ солнцемъ; мы читаемъ цѣлую элегію въ краскахъ и формахъ, когда мелкій дождь окутываетъ развалину церкви на заднемъ планѣ, а на переднемъ планѣ вновь образовавшейся ручей, падая съ высоты, прокладываетъ себѣ дорогу между могилами, на которыхъ, среди сумерекъ, блестить послѣдній приѣхать заходящаго солнца.

Въ Рюисдалѣ достигаетъ высшей точки процессъ развитія, который отъ простыхъ пейзажныхъ заднихъ плановъ отъ тщательнаго списыванія отдѣльныхъ явлений природы, хотя бы только цвѣточныхъ или травяныхъ стебельковъ, ведетъ къ композиціи пейзажа, проникнутой однимъ настроениемъ, однимъ духомъ. Въ такой композиціи не преобладаетъ ничто единичное и даль и перспектива не отвлекаютъ отъ отдѣльныхъ частей; то и другое взаимно проникаютъ другъ друга и порождаютъ чудныя произведенія искусства, которыя незначительными средствами, немногими штрихами и красками изображаютъ цѣлый маленький міръ и возбуждаютъ цѣлый міръ ощущеній въ воспріимчивой душѣ. Кто передастъ ту прелестъ, какая заключается въ картинахъ его послѣдователей, въ лѣсной мельницѣ или крестьянскомъ дворѣ Гоббемы, въ величественныхъ норвежскихъ горныхъ ландшафтахъ АльдERTA фанъ Эффердингена, съ мрачными соснами, острыми утесами и свѣтящимся и гѣняющимся водопадомъ, или въ мирныхъ, и въ то же время мрачныхъ маринахъ Бакгейзена и фанъ-де-Фельде?

Всѣ эти великие голландцы далеко опережаютъ поэзію своего времени; горы и море только черезъ сто лѣтъ послѣ того находятъ поэтовъ, одушевленно изображающихъ ихъ словомъ

и полный настроения, законченный лирический пейзажъ появляется въ немецкой поэзии лишь въ концѣ XVIII вѣка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Искусственная природа въ эпоху гуманизма и рококо.

Длинный рядъ десятильтій долженъ былъ пройти, прежде чѣмъ Германія достигла высоты, на какую поднялось чувство природы итальянского Возрожденія и пейзажная живопись голландцевъ. Въ средніе вѣка церковная догма отношения человѣка не только къ Богу, но и къ католической церкви поглощала весь интересъ къ наукѣ и искусству. Великимъ дѣломъ XV вѣка была реформація, пробужденіе религіозной свободы совѣсти; приходилось словамъ и оружиемъ считаться съ тысячелѣтней традиціей и деспотизмомъ пашства. Новое время появилось на свѣтѣ съ тяжелыми предзнаменованиями. Но оно привело съ собой умы съ отпечаткомъ индивидуальности, какихъ Германія не знала до того времени, характеры головы съ рѣзко выраженными своеобразными физіономіями. Тѣмъ не менѣе, существенными вопросами, какими тогда занимались, были вопросы церковные, религіозные, имѣвшіе въ виду свободу христіанской совѣсти. Для подвижныхъ и дѣятельныхъ людей, одицаково искусно владѣвшихъ и словомъ, и оружиемъ, почти не оставалось времени для тихаго погружения въ себя и въ природу. Если умственная жизнь усилилась тогда новымъ течениемъ и проснулась новая жизненная радость, то, все-таки, въ то время нельзѧ найти никакихъ слѣдовъ интенсивнаго чувства природы, которые мы видѣли у Петрарки и у Энео Сильвіо.

Мы вполнѣ согласны съ Гейгеромъ¹⁾, что не справедливо считать гуманистическое движение въ Германии, хотя на немъ и отразилось значительно итальянское Возрожденіе, какимъ-то «занесеннымъ извнѣ, совершенно несамостоятельнымъ явленіемъ». Скорѣе всего зародыши этого великаго освободитель-

¹⁾ Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland, Berlin 1882.

наго движения въ общемъ направлении того времени, которое стремилось освободиться отъ средневѣковыхъ оковъ, не только догматическихъ, но и нравственныхъ и образовательныхъ. Нѣмецкій гуманизмъ есть по преимуществу движение ученыхъ, полемической борьбы, исполненной задора. Хотя жизненная радость и стремление къ наслажденію въ это «наивно-чувственное» время отличаютъ собою сочиненія нѣмецкихъ гуманистовъ, но въ нихъ нечего искать скрытаго, искренняго чувства природы, и ни одинъ поэтъ и ни одно поэтическое произведение той эпохи не можетъ быть поставлено въ уровень съ сонетами Петрарки.

И естественные науки находятся еще подъ гнетомъ схоластической мудрости; только постепенно изъ средневѣковыхъ искажений высвобождается настоящій Аристотель. Такъ, физикъ Конрадъ Зуммегартъ ¹⁾ (1450—1501) выказываетъ величайшее легкомысліе, придерживаясь еще различныхъ безсмысличныхъ басней: появление кометы есть для него вѣрное предвѣщеніе четырехъ событий—зноя, вѣтра, войны, смерти какой-либо изъ выспшихъ особъ. Но онъ уже не суетѣренъ и держится въ сторонѣ огъ ложи—науки астрологии и связанныхъ съ нею обмановъ; даже какъ наблюдатель природы, или скорѣе, какъ посыдователь и продолжатель схоластико-аристотелевскаго естествознанія, онъ промыкаетъ къ учению о развитіи, въ силу которого существа высшей организации образовались изъ пизшихъ, а эти послѣднія изъ неорганическихъ элементовъ, подъ влияниемъ метеорическихъ и космическихъ условій.

Настоящимъ поэтомъ является уже «поэтъ лауреатъ» Конрадъ Цельтесъ (род. 1459 г.), шѣвецъ любви, авторъ четырехъ книгъ «Amores». Онъ постоянно бродить повсюду, рѣдко остававшись подолгу, почти никогда не избирая себѣ прочнаго приюта. Это блужданіе составляеть для него потребность, такъ какъ онъ стремится видѣть новое, желаетъ наслаждаться природой, но еще болѣе потому, что своимъ появленіемъ въ различныхъ мѣстахъ онъ надѣется снискать себѣ славу. Но, какъ замѣчасть Гейгеръ, для того чтобы быть пѣвцомъ природы, ему недостасть восприимчивости и паинности первобытной поэзии; если онъ пишетъ гимны въ

¹⁾ Geiger, ib. 422.

данія, смерти. Къ этой обстановкѣ подходили чувствительные мечтатели, какихъ намъ представляютъ англійскіе писатели, подходили и нѣмецкіе идеалистические поэты и пѣвцы луннаго свѣта. Тамъ бродили они, нѣжно обнявшись, проливая слезы и обмѣниваясь поцѣлуями; надписи напоминали имъ о томъ, что они испытывали на томъ или на другомъ мѣстѣ. Тамъ путникъ долженъ быть смѣяться, тамъ плакать, тамъ проплакаться трепетомъ благоговѣнія. Повсюду возникали «эрмитажи»; въ гротахъ можно было видѣть пустынниковъ, живыхъ или сдѣланныхъ изъ дерева. Горделивые замки на опушкѣ или въ чащѣ лѣса были переименованы въ эрмитажи или «sans souci» и предоставлены простому, свободному отъ этикета, обращенію. Различныя зданія, въ античномъ и романтическомъ вкусѣ, опять получили право господства въ архитектоническихъ паркахъ; они созидались то въ чисто- античномъ духѣ, въ видѣ коринѣскихъ, іоническихъ или дорическихъ храмовъ, то получать преобладаніе готическій стиль вмѣстѣ съ духомъ романтическихъ среднихъ вѣковъ съ его замками и руинами. И эти фазы развитія пережили не только англійскій паркъ; образцы того-же вкуса, съ небольшими уклоненіями, представляютъ сады всей остальной Европы, такъ какъ вообще нѣтъ болѣзни, болѣе заразительной, какъ болѣзнь моды. Только въ концѣ XVIII вѣка наступила благодѣтельная реакція въ Англии, когда Рептонъ вернулся къ основному принципу Кента и освободилъ сады отъ всѣхъ противуестественныхъ прибавленій; «садъ долженъ быть сдѣлаться художественнымъ воспроизведеніемъ ландшафта, произведеніемъ искусства, которое пользовалось его естественными частями въ его естественныхъ формахъ—лучами, цветами, кустами, деревьями, водами и всѣмъ прочимъ, что можетъ оказаться пригоднымъ въ мѣстности для художественныхъ цѣлей». Такъ былъ созданъ впервые новѣйший пейзажный садъ.

Но и тѣ другой области обозначался поворотъ отъ искусственности стиля рококо къ болѣе естественному образу мыслей; въ тысячахъ впечатлительныхъ умовъ пробудилось страстное стремленіе къ болѣе простому и здоровому естественному состоянію: это произошло благодаря Робинзону Крузе почтенного Дефо. Правда, въ драгоценной книжѣ, одно имя которой уже напоминаетъ каждому прелестные волшебные дни дѣтства, природа не служить предметомъ эстетического созерцанія, эстетического наслажденія, также какъ и въ безчис-

ленныхъ подражанихъ ей того времени. Тѣмъ не менѣе, «Робинзонъ» означаетъ собою замѣчательный моментъ въ исторіи развитія чувства природы. Онъ приводить идиллическія стремленія того времени къ ихъ естественному источнику. Онъ отражаетъ въ жизни одного человѣка общее для всего человѣчества развитіе отъ дикаго состоянія до культурнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрываетъ контрастъ, заключающійся во всѣхъ областяхъ жизни между невиннымъ и мирнымъ далѣкимъ прошлымъ и искашеннымъ настоящимъ временемъ. Нѣмецкій Симилипсиссимусъ заканчиваетъ робинзонадой: много блуждавшій герой его находитъ, наконецъ, покой и миръ на одинокомъ островѣ въ океанѣ, гдѣ онъ одинъ съ самимъ собой и съ природой. То-же случилось и съ читателями Робинзона. Это произведеніе не только истиннаго художника, но и мягкаго, неиспорченнаго, благороднаго и терпимаго ума, дѣйствовало, какъ полезное лѣкарство на больныхъ: оно учило возвращенію къ природѣ и естественности и порождало страстную тоску по утраченной дѣтской невинности человѣчества. Быть можетъ, ни одна книга не подѣйствовала сильнѣе на Ж. Ж. Руссо, который былъ также ревностнымъ сторонникомъ англійскаго садоваго стиля и искреннимъ противникомъ французскихъ садовъ: «Робинзонъ» — первая книга, какую Руссо даетъ своему Эмилю, какъ образецъ естественности и неиспорченнаго вкуса.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Чувствительно-элегическое направленіе въ поэзіи.

Мы уже видѣли, что даже среди манерности вкуса рококо оказывались признаки возвращенія къ природѣ. Сознаніе необходимости освободиться отъ его неестественности и испорченности выразилось въ страстномъ, тоскливомъ желаніи вернуться къ утраченному раю, возстановить, во что бы то ни стало, первоначальную невинность и простоту человѣчества. Однако и это стремленіе выродилось постепенно въ чувствительность и меланхолію, въ эпидемическую міровую скорбь, столь-же неестественную, какъ и то направленіе, съ которымъ боролось новое настроеніе. Сердце вновь вступило въ свои утраченныя права и потребовало для себя абсолютнаго

господства. Скорбь по поводу того, что оно такъ долго было лишено свободы, вызвала слезливое направление, выражавшееся желаніемъ какого-то подъема духа, нѣсколько сходное съ выздоровлениемъ послѣ тяжелой болѣзни. Но лѣкарство было не менѣе опасно, чѣмъ болѣзнь: явилась другая противуположная крайность.

Морализирующая чувствительность Ричардсона, романы котораго вовсе не касались природы, меланхолія Юнга и др., описательная поэзія природы Томсона, а съ другой стороны, пасторальная идиллія, смѣшанная съ анакреонтической эротикой, какая разрабатывалась французами, служили главыми вліяніями, опредѣлявшими направление нѣмецкой поэзіи природы въ первой половинѣ XVIII вѣка. Болѣе всего мѣста въ ней принадлежитъ описательному и дидактическому элементу.

Въ 1729 г. появились «Альпы» Галлера. Этому произведению должно быть вмѣнено въ заслугу, что оно обратило взоры Европы на красоту альпійской природы и на нравственные качества ея скромнаго населения; но о романтической прелести, о подавляющемъ, дикомъ величіи горной природы тамъ говорится лишь весьма мало. Это поэма описательнаго, живописнаго характера, но она лишена наглядности и теплоты; картины идутъ въ ней одна за другой и передаются съ достаточнымъ паѳосомъ; это въ особенности можно сказать объ изображеніи нравовъ тамошнихъ обитателей. Настоящія пейзажная описанія, безъ примѣси моральной или утилитарной точки зрѣнія, встречаются, сравнительно, весьма рѣдко. Мы находимъ тамъ слѣдующее описание С. Готтарда: «Здѣсь, гдѣ глава Готтарда поднимается за облака, и солнце кажется ближе къ возвышеному міру, капризная природа соединила на небольшомъ пространствѣ то, что въ другихъ мѣстахъ земли является, какъ рѣдкость. Правда, Ливія даетъ намъ еще больше новаго, и каждый день ея пески видятъ новое чудовище; но небо полюбило больше эту землю, гдѣ нѣть недостатка ни въ чемъ необходимомъ, и гдѣ процвѣтаетъ только все цолезное: даже ледъ, растущій на горахъ, крутыя стѣны скалъ—тамъ приносить пользу и погнать эту страну. Когда первый лучъ Титана позолотить высоты скалъ, и его просвѣтленный взоръ разгонить туманъ, тогда можно видѣть съ горы съ новымъ наслажденіемъ все, что природа создала наиболѣе великолѣпнаго... Пріятное смѣщеніе горъ, скалъ и озеръ, спускаясь, постепенно блѣднѣеть, но видно достаточно ясно;

голубая даль замыкается въщомъ блестящихъ возвышенностей, гдѣ черный лѣсь дробить послѣдніе лучи. То ближняя гора показываетъ отлого поднимающійся холмъ, откуда громкій звонъ разносится въ долинѣ; то появляется широкое озеро-зеркало въ иѣсколько миль длиною, на гладкой поверхности котораго бродить дрожающій огонекъ; то открывается рядъ зеленыхъ долинъ, которыя, извивалсь въ разныя стороны, съуживаются въ отдаленіи... Здѣсь, крутая гора выказываетъ вершины, похожія на стѣны; черезъ нихъ спѣшить лѣсной потокъ, и пизвергается водопадъ за водопадомъ. Покрытая густою пѣной рѣка проникаетъ черезъ расщелины скаль и убѣгаетъ съ дикой силой далеко за ихъ стѣну; тонкая струйка воды дѣлить поспѣшность глубокаго водопада, и въ сгущенномъ воздухѣ носится подвижная, съraigая мгла, радуга свѣтится черезъ превращенные въ пыль частицы и отдаленія долина орошается постоянной росой. Путникъ видить съ изумленіемъ потоки, текущіе въ небѣ, которые бѣгутъ изъ облаковъ и изливаются въ облака» ¹⁾.

Послѣ такого-же живописнаго описанія алжійской флоры, онъ продолжаетъ: «Однако, даже и тамъ, куда никогда не заглядываетъ прекрасное солнце, гдѣ безпрепятственно морозъ отнимаетъ зелень у пустынной долины, пещеры голой скалы украшаются съ великодѣліемъ, не сокрушаляемъ временемъ и не похищаемъ зимою... О богатство природы! Алмазъ Европы здѣсь цвѣтеть и выростаетъ въ горы».

Когда Фрѣй ¹⁾ по поводу этого отрывка замѣчаетъ: «Эти немногія строфы могутъ служить достаточнымъ доказатель-

¹⁾ Denn hier, wo Gotthardt's Haupt die Wolken übersteiget Und der erhabnen Welt die Sonne nãher scheint, Hat, was die Erde sonst an Seltenheit gezeuget, Die spielende Natur in wenig Land's vereint. Wahr ist's dasz, Lybien uns noch mehr Neues giebet, Und jeden Tag sein Sand ein neues Untier sieht; Allein der Himmel hat das Land noch mehr geliebet, Wo nichts, was nötig (!), fehlt und nur was nützet (!), blüht: Der Berge wachsend Eis, der Felsen steile Wände, Sind selbst zum Nutzen da und tränken das Gelände. Wenn 'Titau's erster Strahl der Felsen Höh'vergildet Und sein verklärter Blick die Nebel unterdrückt, So wird, was die Natur am prächtigsteu gebildet, Mit immer neuer Lust von einem Berg erblickt... и т. д.

¹⁾ Frey, Die Alpen im Lichte verschiedener Zeitalter, Sammlung wissenschaftliche, Vorträge von Virchow und Holtzendorf, Heft 274, Berlin. 1877, S. 30.

ствомъ того, что поэма Галлера по интенсивной силѣ и не-посредственной наглядности въ нынѣшней, безконечно разросшися, альпийской поэзіи до сихъ поръ не имѣеть себѣ со-перниковъ, вслѣдствіе чего легко забывается нѣкоторая (?) неловкость его выраженій», — мы съ нимъ никакъ согласиться не можемъ. Поэма Галлера совершенно лишена пластики изображенія, хотя въ ней и нельзя не признать влеченія къ свободной природѣ, чувства, враждебнаго городской жизни и симпатизирующей жизни среди величественныхъ явлений природы и простыхъ, первобытныхъ людей. Первъ этой первой альпийской поэмы — не романтическій, а идеаліческій элементъ, проникнутый элегическимъ колоритомъ. Этотъ характеръ поэзіи Галлера выступаетъ и въ поэмѣ его «О происхожденіи зла» (кн. I): «На тѣхъ тихихъ высотахъ, откуда нѣжный ручей вытекаетъ изъ неизсякаемыхъ источниковъ, мягкий вечерній вѣтеръ засталъ меня стоящимъ среди кустовъ; у ногъ моихъ лежала обширная мѣстность, не ограниченная ничѣмъ, кроме своей собственной величины. Холмы покрывались зелеными лѣсами, между которыми проникалъ съ пріятнымъ блескомъ мягкий свѣтъ полей; насколько доступно глазу, вездѣ царить покой и изобиліе... Кто можетъ быть недоволенъ въ томъ лѣсу? Тамъ съ краснымъ блескомъ горятъ полуобнаженные буки, и густая зелень елей оттѣняетъ блѣдный мохъ: тамъ на его тьму свѣтлые лучи бросаютъ дрожащій свѣтъ черезъ узкие просвѣты и, смотря по густотѣ лѣсной чащи, зеленая ночь соединяется съ золотымъ днемъ. Какъ пріятна тишина кустарниковъ... Все, что я вижу — дары судьбы; самъ міръ созданъ для счастья его жителей, общее благо оживляется природу, и все носить слѣдъ высшаго добра».

И Фридрихъ фонъ-Гагедорнъ прославляетъ «сельское наслажденіе» ¹⁾ и тихую, мирную природу въ «Ощущеніи

¹⁾ «Я нахожу здѣсь въ тишинѣ противоядіе отъ душевной тяжести... Порхаетъ, движется и играетъ зелень на каждомъ кустѣ, и каждое растеніе чувствуетъ дыханіе теплого зефира. То, что у меня передъ глазами, все падаетъ, прыгаетъ и поетъ, и все, все живеть и все кажется помолодѣвшимъ. Вы, долины и высоты, украшенныя прелестью и лѣтомъ, беззаботно видѣть васъ — вотъ то, что освѣжаетъ мнѣ сердце. Прелестъ свободныхъ полей превосходитъ великолѣпіе садовъ, и въ открытыхъ лѣсахъ можно смыться безъ принужденія... Ежегодно въ новыхъ сокровищахъ является счастье земледѣльца, и свобода и веселье

весны»: «Прелестъ пестрыхъ луговъ, ты, вновь зазеленѣвшиій лугъ, будьте всегда прославлены мнай, ты, прелестъ зеленыхъ луговъ! Тебя украшаютъ весна и природа. Ты, тишина полная радостей. Ты, очарованіе пріятнаго воздуха, какъ надо за-видовать тебѣ, ты, тишина полная радостей!»

То-же идиллическое влечение къ сельской жизни свойственно всѣмъ поэтамъ того времени и въ особенности, такъ называемымъ, анакреонтикамъ. Такъ Глеймъ въ «Похвалѣ сельской жизни» поетъ: «Благодареніе Богу, что я бѣжалъ отъ суеты свѣта и подъ свободнымъ небомъ опять принадлежу себѣ». Или въ «Земледѣльцѣ»: «Какъ блаженъ тотъ, кто безъ заботы обрабатываетъ свое отцовское наслѣдіе! Солнце улыбается каждое утро тому лугу, на которомъ онъ лежитъ». Подобно этому Іог. Фридр. фонъ-Кронегкъ поетъ: «Бѣги отъ низменной заботы и отъ гордаго шума города... Здѣсь въ мирной долинѣ охотно шутить скромная мудрость, здѣсь улыбающаяся музя украшаетъ себя росистыми розами». Въ этомъ идиллическомъ чувствѣ мира, прелестной тишины и полезнаго изобилия природы, въ значительной степени отражается и религіозное чувство, что, впрочемъ, вполнѣ естественно. Такъ, Глеймъ прославляетъ «Благость Божію»: «Для кого Твоя благость, Господи, создала этотъ міръ столь прекраснымъ? Для кого растенія и цвѣты въ долинахъ и на высотахъ?.. Намъ Ты даъ способность понимать красоту», и еще болѣе здравомыслящій Геллерть, который говорить въ началѣ одного стихотворенія: «Небеса прославляютъ величіе Вѣчнаго... Его славить земной кругъ, Его славятъ моря», или: «Какъ велика благость Всемогущаго», или: «Когда я, о Творецъ, о Твоемъ могуществѣ, о мудрости Твоихъ путей... благоговѣйно размышляю... О тебѣ проповѣдають солнечный свѣтъ и буря, Тебя прославляетъ песокъ въ морѣ». Тѣ-же ноты слышатся и у другихъ штистическихъ слагателей церковныхъ пѣсень.

Эвальдъ фонъ-Клейстъ настолько-же стоить выше ихъ, насколько Гамгерь въ описательной поэзіи превосходить Броккеса. Вполнѣ справедливо замѣчаетъ Юліанъ Шмидтъ ¹):

оживляютъ его взглядъ... Для него наряжается богатое пастбище и росистый лугъ, для него зеленѣеть веселье и радость, для него рисуетъ красками природа».

Littera urgeschichte I, 1886. S. 226.

«Описательная поэзия поэднѣе вошла въ славу, чѣмъ дидактическая, но тогда вниманіе къ мелкимъ явленіямъ въ жизни природы необыкновенно благотворно подѣйствовало на воображеніе. Изображенія природы у Клейста полны мысли и чувства». Въ болѣе обширныхъ произведеніяхъ этого поэта замѣтны прилежаніе, трудъ, стараніе, почти неизбѣжные при всякомъ описаніи, между тѣмъ, какъ настоящая пѣсня выливается изъ груди свѣжо и свободно, почти такъ-же безсознательно, какъ ключъ изъ скалы. За то общее міросозерцаніе Клейста сильнѣе и глубже, и чувства его высказываются легче и свободнѣе, чѣмъ у многихъ его современниковъ, хотя и у него также какъ и во всей литературѣ XVIII вѣка, можно встрѣтиться съ избыткомъ греческихъ нимфъ, боговъ вѣтровъ и греческихъ дѣвичьихъ имёнъ. У Клейста была чувствительная натура, которой неудавшаяся военная жизнь придавала еще болѣе мечтательности и впечатлительности къ уединенію и тихимъ прелестямъ природы. Онъ пишетъ Рамлеру въ своемъ стихотвореніи «Сельская Жизнь»: «О другъ, какъ счастливъ человѣкъ, у котораго никакая суета не отнимаетъ сна... Какъ только Аврора, когда посвѣтлѣть небо, поднявшись изъ моря, любовно взглянетъ внизъ, бѣжитъ онъ со своего ложа»... Большимъ чувствомъ проникнуто начало стихотворенія «Къ Дорисѣ»: «Теперь согрѣваетъ весна безоблачный воздухъ, небо опять можетъ отражаться въ ручье: пастухъ уже купается въ благоуханіи цвѣтовъ... Стебель уже поднимаетъ своюувѣнченную голову, и зефиръ плаваетъ по нивамъ, какъ по волнамъ; луга развертываютъ свою одежду, молодой тростникъ окаймляетъ край серебряныхъ ручьевъ, любовь ищетъ зеленаго сумрака лѣсовъ, и синѣются—и воздухъ и море, и земля и небо».

Настоящую искреннюю симпатію къ природѣ выказываютъ слѣдующіе стихи въ поэмѣ «Иринъ»: «Солнце уже погрузилось въ море, и вода и небо, казалось, сверкали огнемъ. О, какъ прекрасна теперь эта мѣстность, сказала съ восхищениемъ мальчикъ, котораго Иринъ училъ замѣчать все прекрасное въ природѣ. Какъ пріятно шепчать тамъ, въ дубровѣ, на берегу робкая зелень стройныхъ ясеней. О, какой прелестью дышать теперь и берегъ, и море, и небо. Какъ все прекрасно, и какими радостными и счастливыми дѣлаетъ насть природа! Старецъ, изображаемый въ этой поэмѣ, возводить въ жизненный принципъ ту истину, что благочестивый и

добродѣтельный человѣкъ не только пользуется счастьемъ, но для него природа всегда остается прекрасной.

«Желание покоя» сливается съ желаніемъ мира среди природы въ тихой долинѣ: «О серебрянныи ручей, который прежде утѣшалъ меня, когда ты прошумиши мнѣ тихую колыбельную пѣсни? Счастливъ, кто лежитъ на твоихъ берегахъ, которые слушаютъ полныхъ прелести пѣвцовъ, скрытыхъ кустами... О дубрава, о душистая долина фіалокъ, о милый вѣнецъ далекихъ голубыхъ холмовъ! О тихое озеро, въ которомъ я тысячу разъ видѣлъ отраженіе розового лица Авроры; росистый лугъ, таѣ часто восхищавшій меня! Когда я увижу твою неструю красу?»

Но печаль его становится мрачнѣе, она ищетъ своего отраженія въ природѣ: «Плодовое дерево груститъ, стебли склоняются, виноградная лоза умираетъ отъ злодѣйскихъ ударовъ... Да, міръ, ты могила истинной жизни. Часто прельщаетъ меня горячее влеченіе къ добродѣтели; отъ грусти ручей катится по щекамъ; настоящій человѣкъ долженъ быть далеко отъ людей.

Клейсть также возвышается въ благочестивомъ порывѣ до сердечнаго прославленія Творца: «Великъ Господь, небеса безъ числа суть покой Его дворца, Его колесница — буря и громовое облако». Самое знаменитое изъ его стихотвореній, заслуживавшее всего болѣе восторга въ его время «Весна» есть проникнутое любовью описание прогулки горожанина, который бѣжитъ изъ душной комнаты, глотаетъ дыханіе весны полными глотками и наблюдаетъ жизнь въ лѣсу и въ полѣ, на озерѣ и на лугу. Хотя и это стихотвореніе страдаетъ монотонностью въ изображеніи положеній, лишенныхъ дѣйствія, но отъ него вѣтъ, какъ выражается Геттиеръ, «нѣжной, освѣжающей, едва зарождающейся весенней жизнью»: «Примите меня священныя тѣни! Вы, жилища сладкаго восхищенія, вы, высокіе своды, полные листвы и темныхъ дремлющихъ утѣхъ... Примите меня, наполните мнѣ душу кроткимъ желаніемъ и покоемъ... И вы, вы, смѣющіеся луга, вы, миная долины, полныя розъ, вы, лабиринты ручьевъ, я хочу вдохнуть въ себя сладость вмѣстѣ съ вашимъ душистымъ дыханіемъ; скрытый въ тѣни, я буду воспѣвать на золотыхъ струнахъ радость, которая въ васъ обитаетъ!.. На облакѣ, окрашенномъ розами, увѣнчанномъ тюльпанами и лиліями, весна недавно спустилась съ неба... Воздухъ былъ мягче, пестрый коверъ покрывалъ поля, подъ

листвой появлялись тѣни, пробуждалась сладкая музыка и кружилася въ дубравѣ, полная зеленоватаго сумрака. Ручьи окрашивались серебромъ, въ воздушномъ пространствѣ носились благоуханія, и эхо отзывалось вдалекѣ на ранию свирѣль пастуха»... Но и въ этомъ весеннемъ желаніи дрожитъ скорбь его сердца: «Ахъ, еслибы мнѣ было дано среди васъ, милыя поля, распростершись въ колеблющихся тѣняхъ, на берегу болтливыхъ ручьевъ жить съ самимъ собою... Ты, море любви, о небо, ты вѣчный источникъ исцѣленія, неужли твой потокъ не утолить меня, неужли мои жизненные цвѣты, забитые сорными травами, увянутъ?..»

Все болѣе оживляющійся и возбуждающійся интересъ къ природѣ, хотя и въ узкихъ предѣлахъ, отражается и во многихъ пѣсенкахъ Іоганна Петера Уца, котораго, вслѣдствіе его сладкости, цѣнить не совсѣмъ правильно. Слѣдующія заглавія его стихотвореній показываютъ, какую роль играютъ для него природа и пастушеская жизнь¹⁾: «Весна», «Утро», «Утренняя пѣснь пастуха», «Муза у пастуховъ», «Мудрецъ въ деревнѣ», «Сборъ винограда», «Вечеръ», «Май», «Лѣтняя листва», «Роза», «Лѣто и вино», «Зима», «Ночь», «Чувство въ весеннемъ утровъ», «Желаніе весны» и т. д. Многое у него искренно и свѣжо, въ особенности его весенняя пѣсни: «Посмотрите, какъ цвѣтеть весна! Неужели она уйдетъ безъ наслажденія? Развѣ вы не чувствуете весенняго влеченія? Друзья, оставьте все сурое и печальное! Въ радостное время цвѣтовъ да царствуетъ Вакхъ и любовь!» или: «О лѣсь, о тѣни зеленыхъ аллей, прелестный лугъ, полный великолѣпія весны! Счастливый случай изъ городской тѣсноты привель меня къ вамъ!» или «Прелестный май, иаконецъ, побѣдилъ и Борей долженъ уступить теплому западному вѣтру: теплый западный вѣтеръ вѣздѣ, гдѣ онъ пролетитъ, манить цвѣты, чтобы они съ сердечнымъ смѣхомъ выползали вслѣдъ за нимъ»; или: «О, какой свѣжій воздухъ вѣсть съ покрытыхъ кустами холмовъ! Какой пріятный западный вѣтеръ проносится на шумящихъ росистыхъ крыльяхъ по этой прелестной долинѣ, гдѣ все зеленѣетъ и цвѣтеть!» Еще большими одутшевленіемъ проникнуты слѣдующіе стихи: «Ты намъ послалъ весну въ ея сверкающей одеждѣ и розами окружилъ ея голову. Прелест-

¹⁾ Samtliche Poetische Werke von I. P. Uz, Bd. I, Leipzig 1768.

ная, смыющаяся, она уже идетъ! Она восходитъ, о Боже, на свой престоль изъ цвѣтовъ. Она проходить черезъ кусты, и они зацвѣтаютъ; на луга проходить свѣжая зелень и въ лѣсахъ опять ростуть ихъ тѣни; западный вѣтеръ ласково потрясаетъ своими росистыми перьями, и каждая птица радостно поетъ. Ты восхитительной красотой украсилъ лицо природы! О неистощимый источникъ всякой красоты... Чистѣйшая любовь поднимаетъ все мое сердце къ тебѣ».

Въ такихъ строкахъ нельзя не замѣтить правдиваго, теплаго чувства, возвышающагося до благоговѣнія и искренняго восторга передъ красотой природы. Правда, все въ нихъ узко и однообразно, многое искусственно и многое, благодаря повтореніямъ, монотонно и скучно. Клейсть весыма остроумно отозвался о нихъ въ письмѣ къ Глейму ¹⁾: «Оды Уца нравятся мнѣ все больше, чѣмъ больше я ихъ читаю. За исключеніемъ нѣсколькихъ, въ нихъ нѣть другихъ погрѣшностей, кромѣ того, что въ нихъ лавровые лѣса слишкомъ много зеленѣютъ; выберите ихъ немногого оттуда, вырвите оттуда майоранъ: онъ лучше въ хорошей колбасѣ, чѣмъ въ хорошемъ стихотвореніи».

Къ тому-же кружку поэтовъ, который сосредоточивался, главнымъ образомъ, около Глейма, принадлежитъ также Іог. Георгъ Якоби, стоящій выше его во многихъ отношеніяхъ; по его собственному сознанію ²⁾, онъ подражаетъ французамъ гораздо менѣе другихъ, напр., Гагедорна. Анакреонитический элементъ играетъ у него большую роль, но онъ становится выше его и приближается къ настоящей поэтической пѣсни чувства. Въ своей жизни, которую одинъ изъ его друзей описалъ съ благоговѣніемъ, онъ представляетъ намъ образецъ чувствительного человѣка той сентиментальной эпохи ³⁾, но

¹⁾ Smtliche Werke, herausgegeben von Wilhelm Koerte, I, Berlin. 1803, S. 65.

²⁾ I. G. Iacobis smtliche Werke, VIII Band, Zrich 1882.

³⁾ «Въ саду, который былъ расположенъ на обширномъ пространствѣ передъ домомъ и который на различныхъ террасахъ все соединялъ, что могли представить Флора и Помона, были устроены собственныхъ любимыхъ мѣстъ для поэта. Такъ, на возвышеніи, подъ Каролинскимъ тополемъ, находилась скала изъ туфа, созданная искусствомъ, на которой для него было приготовлено сидѣніе, покрытое мохомъ. Въ углубленіяхъ скалы были посажены лавровыя деревья и мицтовыя кусты, вѣтви которыхъ спускались сверху на его голову. Бѣлый и желтый жасминъ распространяли также свои благоухающіе запахи. Іоганнъ, пройдясь по

въ немъ было много здоровыхъ и привлекательныхъ чертъ, и иѣжная любовь къ природѣ находила у него свѣжее и правдивое выраженіе. Такъ, напоминая своему брату о родинѣ, онъ изображаетъ прелестную долину Заала около Галле. «На томъ мху, у того ручья, гдѣ среди братскихъ поцѣлуевъ мое сердце говорило съ твоимъ сердцемъ, ты сядешь опять, когда придетъ молодая весна... Захочешь-ли ты увидѣть, въ ихъ тихой простотѣ, маленький садъ, прелестныя высоты? О другъ, здѣсь говорить природа въ далекомъ лѣсу, на близкомъ лугу, въ безъискусственныхъ аллеяхъ, на моемъ холмѣ, покрытомъ клеверомъ... Слышишь-ли ты шумъ, мой милый другъ, съ которымъ рѣка перерѣзываетъ лугъ?»

Якоби принадлежитъ къ числу тѣхъ, сердце которыхъ, какъ огъ говорить о Глеймѣ (III, 10), принимаетъ участіе въ судьбѣ всего, что дышетъ, даже и фіалки, и во всемъ твореніи ищетъ всего, что ему сродно, для того, чтобы соединиться съ нимъ и чувствовать вмѣстѣ съ нимъ. Многое даетъ понять, что онъ уже приближается къ гѣтевской эпохѣ. Такъ онъ говоритъ въ своей «Утренней пѣснѣ»: «Посмотри, какъ просыпается дубрава, какъ съ озаренныхъ высотъ, при тихомъ вѣяніи вѣтра, въ свѣжихъ кустахъ смѣется утренняя сладость!.. Здѣсь, гдѣ дрожитъ цвѣтокъ, гдѣ извиваются ручьи, услышишь шопотъ любви, который проносится мягко чрезъ поля, какъ дыханіе весны». Въ «Лѣтнемъ днѣ» говорится: «Какъ поле и лугъ блещутъ росой! Какъ отягчены жемчугомъ растенія кругомъ! Какъ въ дубравѣ чисты вѣтерки! Какъ громко поютъ въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ сладко-гласныя птицы!» Онъ заставляетъ сочувствовать всю природу, когда цѣлуетъ Хлою: «Тамъ шумѣли дубравы, ручьи одобряли меня и довѣрчивѣй журчали, жаворонки громче пѣли «я люблю тебя», даже растенія двигались, цвѣты цѣловались,

саду, въ полномъ солнечномъ сіяніи, обыкновенно отдыхалъ на этомъ скалистомъ сѣдалищѣ. Тамъ, по лѣвой руку отъ него, находился по-росій мокомъ небольшой жертвенникъ, составленный изъ сложенныхъ безъ всякаго искусства кусковъ скалы... На этомъ жертвенникѣ поетъ класть свою книгу, смотрѣть черезъ видимый оттуда изгибъ далекаго Рейна па Богезскія горы и пикѣмъ не тревожимый, отдавался своимъ мыслямъ... Это мѣсто называлось «уголкомъ поэта». Это другъ разсказываетъ о пребываніи поэта въ его домѣ, около Фрейбурга (стр. 131 и 106 прим.).

и звѣзды смотрѣли, смѣясь, и кивали: «я люблю тебя». Онъ пользуется мотивомъ желанія, весьма обыкновеннымъ уже у древнихъ: «Если-бъ весною я былъ на лугу вѣтеркомъ, который она чувствуетъ, только капелькой росы, которая освѣжаетъ цвѣты около нея, только деревцомъ у источника, который ее защищаетъ и радуетъ, и маленькой серебряной волной, которая орошаетъ прелестныя ножки... Если-бъ я шептать со стѣнъ, покрытыхъ розами, какъ вечерний вѣтерокъ, или быть въ ея рукахъ посохомъ пастушки, покрытымъ цвѣтами»... Его душа и природа находятся въ извѣстиомъ соотношениіи въ стихотвореніи «Въ полночь»: «Мертвая тишина покрываетъ долину при яркомъ свѣтѣ мѣсяца, вѣтры шепчутъ глухо и робко при ночной пѣснѣ сторожа... Тише, глушѣ звучить въ моей робкой душѣ; свѣти мнѣ лучъ надежды, также какъ мѣсяцъ тамъ за облакомъ». Онъ привѣтствуетъ «Лицу на кладбищѣ» въ прекрасныхъ строкахъ: «Ты, которая такъ скромно вѣшь на меня привѣтъ вечеромъ, возносишься до облаковъ и упираешься въ холмы мертвыхъ! О лица, много слезъ здѣсь оросили почву и человѣческое горе блѣдное и тусклое поставило на ней свои кресты». Насколько природа на все отзыается и все отражаетъ, что происходит въ человѣческомъ сердцѣ, выражено въ стихотвореніи «Къ природѣ»: «Листья падаютъ, туманы встаютъ, и къ зимнему сну уже склоняются деревья на увядшемъ лугу; прежде чѣмъ хлопья окутаютъ тебя, поговори со мной еще разъ въ тишинѣ, дружественная природа... Ты отраженіе и отзвукъ самыхъ тайныхъ нашихъ влечений; ты даешь образъ и звукъ надеждѣ, любви, радости и страданію и пѣснѣ печали и утѣшенья».

Общее направленіе поэзіи природы того времени заключается въ идиллическомъ, чувствительномъ и симпатическомъ настроеніи, ограничивающемся, впрочемъ, весьма узкими воззрѣніями; все поэты идутъ по стопамъ греческихъ и латинскихъ буколическихъ поэтовъ и забавляются съ Дамономъ, Мирилемъ, Хлоей, Дафнисомъ и т. п. Но элегическая пасторальная поэзія достигаетъ настоящей специальности у Соломона Гесснера. Онъ былъ болѣе живописецъ-пейзажистъ, чѣмъ поэтъ; иллюстраціи карандашомъ къ его идилліямъ гораздо лучше этихъ послѣднихъ, замѣчательно полны настроеніемъ, напр., картина лѣса въполномъ смыслѣ ревосходна, между тѣмъ, какъ мягко-слащавая поэзія во вкусѣ рококо, въ которой

больше чувствуется духъ Лонга¹⁾ нежели Теокрита, и видно прямое подражаніе французамъ, совершенно лишеня индивидуальной жизни. Хотя любовь къ природѣ у него сердечна и тепла элегически-сантиментальная изліянія ея по своей монотонности почти невыносимы для нынѣшняго читателя. Весьма характерно его вступлѣніе «Къ читателю»²⁾: «Эти идилли — плоды нѣкоторыхъ изъ моихъ пріятѣйшихъ часовъ, такъ какъ это одно изъ лучшихъ состояній, какое намъ можетъ доставить сила воображенія и спокойный духъ, когда мы, при посредствѣ ихъ, отъ нашихъ обычаевъ переносимся въ золотой вѣкъ. Всѣ картины тихаго покоя и кроткаго, невозмутимаго счастья должны нравиться людямъ благороднаго образа мыслей; и еще болѣе нравятся намъ сцены, какія поэты извлекаютъ изъ неиспорченной природы, такъ какъ онъ часто имѣютъ видимое сходство съ блаженными часами, какіе мы когда-либо переживали. Часто отрываюсь я отъ города и убѣгаю въ пустынныя мѣстности; тамъ красота природы отвлекаетъ мой духъ отъ непріятныхъ впечатлѣній, какія меня выгнали изъ города; въ величайшемъ восхищѣніи, вполнѣ чувствуя ея красоту, я тогда «счастливъ, какъ пастухъ въ золотомъ вѣкѣ и богаче, чѣмъ король». Эти слова вполнѣ изображаютъ настроеніе того времени. Человѣчество почувствовало себя больнымъ; люди избѣгали близости другихъ людей и городскихъ стѣнъ, удалялись въ уединеніе природы, грезили на ея груди о блаженномъ прошломъ и воссторгались невинностью и чистотой, которыми вѣяло на нихъ изъ поля и лѣса, какъ воздухомъ, цѣлительнымъ для больныхъ.

Блѣдный мѣсяцъ со своимъ магическимъ свѣтомъ начинаетъ оказывать свое очарованіе. Такъ, Миртиль находитъ своего отца «сладко покоящимся при мѣсячномъ сіяніи»; «долго стоялъ онъ тамъ, и взоры его были пристально устремлены на старца; но онъ взглянулъ черезъ блестящую виноградную зелень на небо, и радостныя слезы потекли изъ глазъ у сына: о, ты отецъ!» и т. д. Восхищѣніе природой выражается пламенными восклицаніями. Такъ, ликуетъ Дафна: «Какъ величественно блещетъ мѣстность! Какъ ярко свер-

¹⁾ Греческій поэтъ IV или V в. по Р. Х., авторъ *Pastoralia*.

Ред.

²⁾ Gessner's *Schriften* III, Teil, Zürich 1770.

каеть синева неба черезъ разорванное облако — они бѣгутъ эти облака — посмотри, какъ тѣнь пробѣгаетъ черезъ долину надъ цвѣтистыми лугами!» Адаманъ говоритъ: «Какой неисчерпаемый источникъ восхищенія! Отъ оживляющаго солнца до мельчайшаго растенія — все чудно! О, какъ увлекаетъ меня восторгъ, когда я съ высокаго холма озираю широко раскинувшуюся мѣстность или когда я, распростертый въ травѣ, созерцаю разнообразные цвѣты и травы и ихъ мельчайшихъ обитателей, или когда я въ ночные часы созерцаю звѣздное небо!» Дафна выражается еще слѣдующимъ образомъ: «О, дай въ нѣжномъ объятіи увидѣть приближающееся утро, блескъ вечерней зари и тихое сіяніе мѣсяца, дай намъ увидѣть эти чудеса и, прижимаясь къ трепещущей груди, пролепетать нашъ восторгъ! О, какая невыразимая радость, когда къ этому восхищенію примѣшивается еще восторгъ нѣжнѣйшей любви!»

Насколько въ половинѣ XVIII вѣка для чувствительныхъ душъ было обычно обращеніе къ природѣ, показываютъ намъ прозаической сочиненія совершенно другого направленія. Такъ, эстетикъ Зульцеръ написалъ въ 1750 г. сочиненіе «О красотѣ природы»; духовныя лица мистического или штилистического склада повсюду въ природѣ видѣли присутствіе Бога, что лучше всего выражено въ религіозно-нравственной книжѣ Кругота «Христосъ въ уединеніи» (1761), весьма распространенной въ то время. Шпальдингъ, главный представитель рационализма, въ своей книжѣ «Назначеніе человѣка»¹⁾ выказываетъ свою любовь къ природѣ въ изліяніяхъ, близко напоминающихъ Гесснера. Мы находимъ у него слѣдующія мѣста: «Природа содержитъ неисчислимое наслажденіе, которое, посредствомъ болѣе тонкой чувствительности доставляетъ пищу моему духу... Когда я вмѣстѣ съ мыслью открываю глаза и уши, черезъ эти входы притекаютъ удовольствія съ тысячи сторонъ къ моей созерцающей душѣ. Цвѣты, расписанные рукою природы, полны мелодіи лѣсъ, ясный свѣтъ дня — все это жизнь и свѣтъ, какіе она повсюду изливаетъ кругомъ меня»¹⁾, и еще: «Какъ ничтоженъ, безвкусенъ и мертвъ для меня искусственный, фантастический блескъ пышности и

¹⁾ Spalding, *Die Bestimmung des Menschen, neue verbesserte Auflage, Leipzig 1768.*

великолѣпія въ сравненіи съ живымъ сіяніемъ истинно-прекраснаго міра, въ сравненіи съ впечатлѣніями радости, спокойствія и восторга передъ цвѣтующимъ полемъ, передъ шумящимъ ручьемъ, передъ сладкимъ ужасомъ ночи или передъ величественнымъ выступленіемъ безчисленныхъ міровъ? Даже ближайшія и обыденнѣйшія явленія природы трогаютъ меня тысячекратнымъ наслажденіемъ, когда я ихъ испытываю душою, настроеною къ радости и восхищению... Я погружаюсь съ искреннѣйшимъ удовольствіемъ въ размыщеніе объ этой всеобщей красотѣ, неискаженной частью которой я считаю и самого себя» ²⁾.

Религіозное чувство немало содѣйствовало также подъему того духа, назначениемъ которого было освѣтить путь послѣдующимъ великимъ поэтамъ Германіи. Подобно тому, какъ утренняя заря возвѣщаетъ день, Кlopштокъ открываетъ новую эпоху въ нѣмецкой литературѣ, высшую точкой которой является Гёте. Какъ это часто бываетъ въ развитіи человѣческаго духа, въ половинѣ XVIII вѣка реакція противъ испорченаго вкуса и стремленіе къ болѣе совершенному привели сперва къ противуположной крайности: гармоническая соразмѣрность всегда пріобрѣтается постепенно. Кlopштоку выпала доля сдѣлаться реформаторомъ литературы, прежде всего благодаря пламенному одушевленію и высокому полету фантазіи. Эти качества помогли ему овладѣть жесткой формой еще не послушнаго поэтическаго языка и привести его къ ритмическому движению, къ мелодической звучности, которой ему не доставало до тѣхъ поръ. Правда, онъ могъ удерживать этотъ юношескій огонь, уносившій его за облака, къ звѣздамъ, только искусственнымъ образомъ, вслѣдствіе чего въ «Мессіадѣ» не мало манерности и неподвижности формъ, но тѣмъ не менѣе, возбужденіе, какое исходило отъ него, имѣло неоцѣнимое значеніе. Кlopштокъ — одинъ изъ ичтеснѣйшихъ представителей своего времени; онъ во многихъ отношеніяхъ типиченъ для этого времени, самаго богатаго изъ всѣхъ другихъ эпохъ, — чувствительностью, слезливостью и радостными поцѣлуйами. Несмотря на напыщенность своихъ чувствъ и идеаловъ, на возвышенность мыслей и языка, Кlopштокъ остается че-

¹⁾ Ib. 14.

²⁾ Ib. 39.

ловѣчно — впечатлительнымъ ко всему доступному органамъ чувствъ даже въ немалой степени къ глазкамъ и губкамъ красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя могли отвлечь его отъ величественнѣйшаго пейзажа, впервые представившагося его взорамъ.

Возвышенное одушевленіе, какое доставляетъ ему природа, исходить уже изъ всего его образа мыслей, направленного ко всему высокому, великому и прекрасному. Его индивидуальность въ этомъ направленіи выступаетъ всего яснѣ въ письмахъ, въ которыхъ говорится о немъ, или въ которыхъ онъ самъ говорить о себѣ. Эти письма проливаются яркій свѣтъ на всю тогдашнюю эпоху.

Только съ трудомъ можемъ мы перенестись теперь въ то настроеніе, какое «Мессиада» вызывала въ современникахъ: даже свободно-мыслящіе люди проливали благоговѣйныя слезы и наслаждались блаженными минутами при чтеніи этого произведения, въ этомъ сходились и старики и юноши. Какую мечтательность вызывалъ Клоштокъ, мы ясно можемъ видѣть изъ письма къ нему Августы (Густхенъ) Штольбергъ. Оно помѣчено: «Ютерсенъ 25 апрѣля 1776 г., въ саду»: «Да въ саду, любезнѣйшій Клоштокъ! Я ходила кругомъ него, было такъ хорошо, птички пѣли, фіалки и цѣѣты благоухали передо мною, и я думала тогда съ чувствомъ обо всемъ, что я люблю, очень люблю и скоро стала думать о моемъ добромъ, миломъ Клоштокѣ, у котораго, конечно, нѣть другой подруги, которая была-бы ею болѣе, чѣмъ я, хотя многія ему, быть можетъ, говорятъ гораздо больше... Благодарю, благодарю за ваше милое, милѣйшее, маленькое письмечко; какъ оно мнѣ было мило, я вамъ не говорю — не могу сказать»¹). У Клоштока былъ пламенныій панегиристъ въ лицѣ К. Фридриха Крамера²). Въ своей книжѣ онъ сообщаетъ о частной жизни и особыхъ склонностяхъ своего благоговѣйно почитаемаго друга; но эта книга еще болѣе замѣчательна пріемомъ, къ какому прибѣгаешь авторъ, настроениемъ, съ какимъ вы-

¹) Klopstock's Briefe, herausgegeben von Lappenberg, Braunschweig 1867, S. 270.

²) Болѣе подробное сочиненіе его мнѣ неизвѣстно; у меня въ рукахъ только: Klopstock. In Fragmenten aus Briefen von Tellow an Elisa». Hamburg 1777.

сокообразованный человѣкъ того времени относится къ поэту. Въ ней говорится (стр. 43): «Книги его (Клопштока)—не человѣческія книги, а сама природа и само общество. Онъ долженъ рисовать и именно рисовать природу. Поэтому, онъ долженъ познавать ее. Поэтому, онъ ее такъ любить. Поэтому, онъ бродить у ручья и плачеть. Поэтому, онъ идетъ весною на цвѣтущиа поля, и изъ глазъ его льются слезы. Все твореніе наполняетъ его грустнымъ и сладостнымъ чувствомъ. Онъ бродить кругомъ, какъ во снѣ, съ горы въ долину. Гдѣ онъ видить ручей, онъ слѣдить его теченіе; гдѣ возвышается увѣнчанный лѣсомъ холмъ, онъ долженъ подняться на него. Рѣка... ахъ, если-бъ онъ могъ унести съ нею въ океанъ! Скала... о, если-бъ онъ могъ взглянуть съ ея зубчатыхъ вершинъ на лежаще внизу луга! Соколь носится надъ нимъ... ахъ, если-бы у него были крылья, и онъ могъ носиться такъ, близко къ звѣздамъ! По цѣлымъ часамъ стоитъ онъ, молча, около цвѣтка, созерцаеть мохъ, ложится въ траву, увѣнчиваетъ свою шляпу полевыми цвѣтами и дубовыми листьями. Онъ прогуливается при лунномъ сіяніи и посѣщаетъ могилы. Тогда онъ размышляетъ о смерти, о бессмертіи и вѣчной жизни. Ничто не останавливаетъ его въ его созерцаніи. Ничто не лишено для него значенія. Каждый образъ, всякая видимая вещь сопровождается для него невидимыми спутниками; онъ чувствуетъ все кругомъ себя такъ тепло, такъ цѣльно, такъ близко!»

Это описание, взятое изъ самой жизни, раскрываетъ для насъ болѣе, чѣмъ цѣлый томъ стихотвореній; въ немъ содержится все существенное тогдашняго чувства природы—чувствительность, мечтательность, элегичность. Вѣрный другъ поэта разсказываетъ далѣе (88): «Онъ охотно и много гуляетъ, но ищетъ обыкновенно солнечныхъ мѣстъ; онъ идетъ очень тихо во время прогулки, что для меня очень трудно, такъ какъ я не хожу, а бѣгаю, когда гуляю... часто онъ останавливается, будучи какъ-будто не въ силахъ связать узелъ своего созерцанія. Несомнѣнно, въ чувствѣ бываютъ такія-же бездонныя пропасти, какъ и въ мышлѣніи» (127). Въ другомъ мѣстѣ: «Онъ вышелъ изъ дома и наслаждался великой сценой неизмѣримой природы. Орионъ и Плеяды восходили надъ его головой, и милый мѣсяцъ стоялъ надъ нимъ. Когда онъ его увидалъ такъ прямо въ его небесное, дружественное лицо, онъ посыпалъ ему привѣтствіе за привѣт-

ствиемъ. Луна, луна! подруга мыслей! Не спѣши! Останься! Дорогая луна, какъ зовешься ты? Даура? Цинтия? Силлена? Или я долженъ назвать тебя прекрасной, небесной Бетти?» (149). «Онъ охотно выходитъ въ поле... Мы искали тамъ одинокихъ мѣсть, мрачныхъ, наполняющихъ ужасомъ кустарниковъ, одинокихъ, никѣмъ не посѣщаемыхъ тропинокъ; влѣзали на каждый холмъ, рассматривали каждый видъ и, наконецъ, легли подъ тѣнистымъ дубомъ (305)... Жизнь Клоштока—безпрерывное наслажденіе. Онъ даетъ волю всевозможнымъ чувствамъ и наслаждается за трапезой природы... Самымъ радостнымъ временемъ года для Клоштока было, когда дыханіе ночи блестѣть на неподвижной рѣкѣ. Всѣдь за плаваніемъ на лодкахъ, онъ ставилъ всего выше искусство Тіальфа¹). Катанье я конькахъ проповѣдуетъ онъ съ рвениемъ миссіонера и иногда производить чудеса... Лунная ночь на льду есть для него праздникъ боговъ. Пусть будетъ для насъ закономъ, говорилъ онъ, что мы не оставимъ рѣки, пока мѣсяцъ на небѣ не склонится къ закату».

Клоштокъ самъ изобразилъ это высокое наслажденіе въ стихотвореніи «Катанье на конькахъ»: «О юноша, умѣющій вложить душу въ водяной котурнъ, предоставь городу его каминъ. Пойдемъ со мною, куда манить тебя кристальная равнина!.. Какъ мягко освѣщаетъ озеро начинающейся день зимы! Блестящій иней, подобный звѣздамъ, ночь разсыпаетъ надъ нимъ! Какъ молчитъ кругомъ насы бѣлое поле! Какъ звучитъ дорога отъ молодого мороза!.. Лети-же скорѣе мимо меня!».

Крамеръ сообщаетъ, какъ поэтъ часто переживалъ въ воспоминаніи прекрасные дни, проведенные имъ у графа Бернштрафа въ замкѣ Штингенбургѣ, «который имѣлъ великолѣпнѣйшее романтическое положеніе въ одной изъ очаровательнѣйшихъ мѣстностей Мекленбурга; онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, полнымъ священнаго ужаса, на большомъ озерѣ, въ серединѣ котораго маленький островъ восхищаетъ взоръ, и громкій возгласъ повторяется эхомъ; Клоштокъ весьма любить эхо и когда бродить по лугамъ, всегда старавшися его открыть» (33). Этотъ разсказъ даетъ объясненіе одѣ «Штингенбургъ»: «Островъ радостнѣйшаго уединенія, любезный товарищъ отзыва и озера, которое то ширится,

¹) См. оду того-же имени «Die Kust Tialfs» и «Winterfreuden».

то скрывается какъ рѣка, шумя кругомъ лѣсистыхъ холмовъ». Въ этой одѣ, какъ и во многихъ другихъ простое, личное ощущеніе заслоняется «поэзіей бардовъ». Зоре въ Зеландіи, принадлежащее, дѣйствительно, къ прекраснѣйшимъ пунктамъ великолѣпнаго острова, поѣть¹⁾ находитъ «необычайно пріятнымъ мѣстомъ» и «у священнаго дерева на круглой, возвышенной луговинѣ, въ 200 шагахъ отъ большой аллеи и отъ вида на Фриденсбургское озеро, и въ особенностіи противъ маленькаго, густо заросшаго острова на озерѣ», является ему «Фани, надъ вершинами деревьевъ, въ серебряномъ вечернемъ облакѣ». Но «однимъ изъ пріятнѣйшихъ дней во всей его жизни «былъ тотъ, когда онъ написалъ оду «Цюрихское озеро»; «онъ часто разсказывалъ мнѣ,—говорить Крамеръ (461),—съ живѣйшей теплотой юноши, о блаженныxъ дняхъ того времени и исторію этой поѣздки въ блестящихъ краскахъ. Лодка, наполненная веселымъ обществомъ; по большей части молодые люди, миляя дѣвушки, Гирцель, его жена, прекрасное майское утро, поѣздка по озеру»... Гирцель разсказываетъ²⁾: «Клоштокъ, повидимому, былъ менѣе тронутъ красотой нашей земли, чѣмъ красотой нашихъ дѣвушекъ»: Молодая дѣвушка привлекала его болѣе, чѣмъ альпійскій міръ. Онъ пишетъ самъ³⁾: «Какъ скоро я увидалъ ее на разстояніи 20 шаговъ, сердце у меня забилось, и когда она выслушала новыя вещи, передъ которыми ея прекрасные черные глаза опустились съ любезною почтительностью, она сказала восхитительно, какъ высоко она цѣнитъ меня... Я долженъ сдѣлать замѣчаніе, что я хотѣлъ осыпать доброе дитя множествомъ поцѣлуевъ».

Но во всякомъ случаѣ, въ одахъ Клоштока восхищеніе природой, молодая веселость и любовь привлекательно соединяются между собою, или, какъ выражается Крамеръ: «У Клоштока сіяетъ отовсюду возвышенная, нравственная душа! Каждый предметъ, природа, любовь, вино, слава, разсматриваются съ такой точки зреінія, съ какой они улучшаются, облагораживаются, дѣлаютъ умѣніе и счастливѣе». Извѣстная

¹⁾ Briefe S. 94.

²⁾ Julian Schmidt op. cit I, 244.

³⁾ См. также его письма изъ Швейцаріи (49 и слѣд.); онъ не находитъ ничего замѣчательнаго, хотяѣдетъ по Цюрихскому озеру и направляется къ Щугскому и Люцернскому.

величественность чувствуется въ слѣдующемъ вступлениі, въ которомъ прославляются красота природы, Творецъ и преклоняющійся передъ нимъ человѣкъ: «Прекрасно, о мать природа, чувство твоего величія, разсѣяннаго на лугахъ; но еще прекраснѣе веселое человѣческое лицо, на которомъ отражаются великия мысли твоего творенія». Для него вѣтъ радостью «отъ виноградныхъ береговъ блистающаго озера». При видѣ горъ, покрытыхъ виноградниками, «вдали открылась за облакомъ серебряная высота Альпъ, и сердца юношей забились съ большимъ чувствомъ». Но все относящееся къ человѣку, чувствуется имъ сильно, чѣмъ красота природы; богиня-Радость важнѣе для него альпийскихъ высотъ. «Мы чувствовали, какъ Гегедорнъ, богиня-Радость, тебя мы чувствовали, тебя!» Но все-таки весна вызываетъ въ немъ радостное одушевленіе; она манить его къ любви: «Пріятно манить вино, очаровательно звучить зовущій серебряный звукъ славы... и бессмертіе—великая мысль... Но еще слаше, прекраснѣе и очаровательнѣе чувствовать себя другомъ въ объятіяхъ друга!...» Его мысли устремляются къ родинѣ; «среди вѣтерковъ лѣса, съ взоромъ опущеннымъ на серебряную волну», думаетъ онъ о далекомъ предметѣ своей любви, пріисутствіе котораго «тѣнистый лѣсъ обратило-бы въ храмъ». Послѣднее стихотвореніе весьма характерно; Клопштокъ стоять на возвышенномъ мѣстѣ, высшіе идеалы расширяютъ его душу, онъ знаетъ, что его любить и даже удивляются ему; при этомъ видно, какъ прелестный пейзажъ отражается въ его сердцѣ и усиливаетъ его настроеніе.

На самомъ дѣлѣ, объ его искренней любви къ природѣ мы узнаемъ не только отъ его панегириста, но и изъ многихъ его стихотвореній. Кому случалось бродить въ чудныхъ буковыхъ лѣсахъ страны озеръ, кто наслаждался волшебнымъ видомъ Фреденсборга въ прекрасный августовскій день, тотъ вполнѣ отзовется сердцемъ на слѣдующія поэтическія строки Клопштока: «Здѣсь остановилась природа, когда она обильною рукой изливала живую красу на холмъ и долину, остановилась, замедливъ шагъ, чтобы украсить эти долины. Взгляни на покоющееся озеро, какъ его берегъ, густо покрытый лѣсомъ, мягко повышается, и сіяющій вечеръ прячется въ зеленоватомъ сумракѣ»... И еще опредѣленіе опущеніе природы и душевное настроеніе въ одѣ, воспѣвающей сіяніе луны и озаглавленной «Раннія могилы»: «Привѣтствуя тебя, о се-

ребряный мѣсяцъ, прекрасный, тихій товарищъ ночи! Ты убѣгаешь? Не спѣши, останься, другъ мыслей! Посмотрите, онъ остается, только облако пробѣжало надъ нимъ. Пробужденіе мая еще прекраснѣе, чѣмъ лѣтняя ночь, когда роса, яркая какъ свѣтъ, струится съ его кудрей, и онъ восходить, краснѣя, на холмы. Вы, благородные, надъ вами уже ростетъ суровый мохъ! О, какъ я былъ счастливъ, когда я съ вами видѣлъ, какъ алѣлъ день, какъ блестала ночь».

Это—настоящая лирика чувства, безъ всякаго вынужденнаго одушевленія. Так же, какъ многія мѣста «Мессіады», многія изъ его одѣ проникнуты возвышенно-религіознымъ чувствомъ природы. Какой полетъ фантазіи чувствуется въ его прославленіи весны: «Ни въ океаны всѣхъ міровъ хотѣль-бы я низвергнуться»... Въ этомъ стихотвореніи чувствуется величественность воззрѣнія, напоминающая псалмы и пророка Исаю. Съ высоты созерцанія шумящаго потока свѣта, восторженныхъ, ликующихъ хоровъ, фантазія поэта обращается къ самымъ ничтожнымъ твореніямъ: «Но, весенний червячокъ, золотисто-зеленый, играющій около меня, ты живешь и, увы, не безсмертенъ»... Все,—буря и вѣтеръ, громъ и молнія, шумящіе лѣса, медленно плывущія облака соединяются въ грозѣ посыпаемой всемогущимъ Богомъ; но, «смотри, Іегова приближается уже, Іегова идетъ уже въ тихомъ, кроткомъ вѣтеркѣ, и передъ нимъ склоняется радуга міра!» Въ другой одѣ—«Міры», онъ называетъ звѣзды «каплями океана» и почти не находить словъ для подавляющаго чувства близости Божіей. «Серафимъ безмолвствуетъ и безконечность трепещетъ всѣмъ кругомъ своего пространства въ высокой хвалѣ Тебѣ, о Сынъ!»—восклицаетъ онъ въ обращеніи къ Спасителю». Все славить Бога: «Хвалою ему звучить лѣсъ и поле, долина и гора, отзыается берегъ, глухо шумитъ море хвалой Безконечному» («Созвѣздія»). Къ изумленному благоговѣнію передъ величіемъ Божіимъ у него примѣщивается, какъ у еврейскихъ пѣвцовъ, чувство собственнаго ничтожества: «О зрѣлище блистающей ночи, звѣздныхъ полчищъ! Какъ ты возвышаешь! Какъ восхищаешь ты, созерцаніе величественнаго міра! Богъ, мой Творецъ! Какъ радуется, видя надъ собой звѣздное войско тотъ, кто чувствуетъ, какъ онъ малъ, какая онъ ничтожная пылинка и чувствуетъ, что Богъ—его Богъ! О, пусть это чувство восторга будетъ со мною, когда я умру!» («Смерть»).

Несомнѣнно, въ исторіи поэзіи природы за Клопштокомъ остается заслуга не только болѣе высокаго поэтическаго настроенія, т. е. сильнаго и возвышеннаго языка, но и возвышеннаго выраженія любви и поклоненія природѣ. Пусть Альпы привлекали его менѣе, чѣмъ прелестныя дѣвушки,—его чувство природы сильнѣе, серьезнѣе, благовѣйнѣе, чѣмъ у анакреонтиковъ и элегико-идиллическихъ современниковъ его; въ этомъ чувствѣ много благородной субъективности и глубокой искренности, хотя и не мало напыщенности, какъ и во всей его поэзіи.

Идиллическая поэзія съ усиленной искренностью и сердечностью разрабатывалась въ особенности Геттингенскимъ поэтическимъ союзомъ. Искусственное, условное, здѣсь начинаетъ уже уступать мѣсто чистымъ, естественнымъ звукамъ души. Какъ глотокъ чистой воды освѣжаютъ насъ пѣсни добродушнаго Клаудіуса ¹⁾.

Какъ просты и вполнѣ народны его крестьянскія пѣсни, какъ напр., «Утренняя пѣсня»: «Вонъ, идеть опять милое солнышко, оно опять идеть сюда. Оно не дремлетъ и не устаетъ, хотя и бѣгасть много»... и «Вечерняя пѣсня»: «Прекрасное, великое, небесное свѣтило оканчиваетъ свой ходъ... Приди, сотри потъ съ моего лба, милая жена, и потомъ накрой столь... За нашимъ ужиномъ предсѣдательствуетъ мѣсяцъ, чистый какъ серебро и смотритъ сверху въ чашку и на все наше благополучіе». У Клаудіуса мы находимъ то дѣтски сердечное воззрѣніе на природу, которое сближаетъ поэта съ милымъ солнцемъ и милымъ мѣсяцемъ и которое изъ новѣйшихъ поэтовъ встрѣчается только у Гебеля. Все рефлективное и искусственное ему противно: «Простое наслажденіе природой, безъ всякихъ причудъ, пріятно, какъ сердечный поцѣлуй доброго человѣка». Особымъ расположениемъ его пользуется мѣсяцъ; наивнымъ юморомъ вѣтъ его чистая «Колыбельная пѣсня при лунномъ свѣтѣ»: «Спиже ты малютка, о чемъ ты плачешь? Легко и сладко спать въ мѣсячномъ сияніи. И сонъ приходитъ скорѣе и гонить за-

¹⁾ Справедливо высказывается Штормъ въ своемъ превосходномъ предисловіи къ прекрасно составленному сборнику нѣмецкой поэзіи: «Сборникъ открывается Клаудіусомъ, который въ то время, когда поэтическая и музыкальная лирика въ Германіи терялась въ пѣсенкахъ, исполнявшихся на вечеринкахъ, впервые нашелъ опять непосредственное выраженіе чувства, и именно, чувства природы».

боту; мѣсяцъ радуется на дѣтей и любить ихъ. Онъ любить и мальчиковъ, а дѣвочекъ еще больше. Онъ посыаетъ имъ славные подарки оттуда сверху... Онъ старъ, какъ воронъ, видеть много странъ. Мой отецъ, когда былъ мальчикомъ, его уже знать»... Но лучшее изъ его стихотвореній «Вечерняя пѣсня», несравненная по своей простотѣ и производящая трогательное впечатлѣніе грустной музыкой стиха и искреннимъ сочетаніемъ міра, природы и человѣка: «Мѣсяцъ поднялся, золотыя звѣздочки красуются на небѣ свѣтло и ясно; лѣсь стоитъ черный и молчитъ, и съ луговъ чудно поднимается бѣлый туманъ. Какъ міръ спокоенъ и подъ покровомъ сумерекъ, какъ дружественъ и милъ! Точно тихая комната, гдѣ вы должны позабыть всѣ дневныя бѣды и уснуть»¹⁾.

Подобныя же ноты слышатся намъ и въ «Вечерней пѣснѣ» Бойе, оживленной искреннимъ чувствомъ природы: «Какъ тихъ теперь воздухъ! Какъ вѣтры пріятны и легки! Съ мягкимъ шопотомъ играетъ листва липы, и еще мягче шепчетъ эхо. Серебряный ручей течетъ между дѣвствъ; волна, едва слышная уху, омыаетъ съ жалобнымъ шумомъ край мрачнаго грота; и все темнѣе становится покровъ земли, сотканный твою рукою, крѣпче тишина, въ которую все погружается понемногу... Она идетъ, ночь, и все прислушивается; ни одна звѣзда не свѣтится на ея одеждѣ, ея медленное, тяжелое крыло шелестить, освѣжаетъ и пугаетъ робкую землю». Въ этомъ стихотвореніи сильнѣе и осмысленнѣе, чѣмъ во всей лунной поэзіи того времени, изображены тихіе голоса ночи, постепенное исчезновеніе свѣта; здѣсь чувствуется, какъ богиня ночи распрастираетъ свой покровъ надъ землей, свѣвавъ со своихъ темныхъ крыльевъ и мирный, и пугающій мракъ.

Мы находимъ идилическое удовлетвореніе въ «Деревенькѣ» Бюргера: «Я прославляю мою деревеньку» съ лѣсами въ голубой дали, съ хлѣбными полями, съ бурыми терновниками, съ высокими тополями, съ свѣтлымъ ручьемъ, который «съ кроткимъ журчаньемъ тихо крадется здѣсь по серебрянымъ

¹⁾ Der Mond ist aufgegangen, Die goldenen Sterlein prangen Am Himmel hell und klar; Der Wald steht schwarz und schweiget, Und aus den Wiesen steiget Der weisze Nebel wunderbar. Wie ist die Welt so stille Und in der Dämmerung Hülle so traulich und so hold! Als eine stille Kammer, Wo ihr des Tages Jammer Verschlafen und vergessen sollt.

кремнямъ... течеть внизу вѣтвей, которая, какъ сводъ склоняются надъ нимъ, какъ-будто боясь его... Прекрасенъ лугъ, но только Элиза обращаетъ его для меня въ рай». Такую-же мягкость и мечтательность выказываетъ Гельти, хотя у него больше тоскливо-элегического настроенія, какъ онъ самъ признается въ томъ: «Я имѣю величайшую склонность къ сельской поэзіи и къ сладкимъ, меланхолическимъ мечтаніямъ: хижина, лѣсъ, при этомъ лугъ съ серебрянымъ ручьемъ и женщина въ моей хижинѣ, — это все, чего я желаю на землѣ». Онъ прославляетъ сельскую жизнь: «Блаженъ человѣкъ, бѣжавшій изъ города! Каждый шелестъ дерева, каждый шумъ ручья, каждый блестящій камешекъ проповѣдуютъ ему добродѣтель и мудрость». Какъ видно изъ этихъ словъ, поэты того времени еще не перестаютъ морализировать. Гельти охотно погружается въ созерцаніе природы; онъ восхваляетъ ее въ «Майской пѣснѣ» и въ «Весеннихъ пѣсняхъ»: «Небо сине, долина зелена, маленькие майскіе колокольчики цвѣтутъ и буквица съ ними... Приходи-же тотъ, кому нравится май, и радуйся на прекрасный міръ и на отеческую благость Божію». Онъ умѣетъ сочетать любовь и природу, какъ напр., въ нечайномъ обращеніи къ фіалкѣ: «Скрой, о фіалка, въ твоемъ голубомъ вѣнчикѣ, скрой слезы грусти, пока Розаура постить этотъ источникъ! Если дѣвушка сорветъ тебя на лугу, чтобы украсить тобою грудь, о, прильни тогда къ ея сердцу и скажи ей, что капли въ твоемъ голубомъ вѣнчикѣ выились изъ души вѣрнаго ей юноши, который оплакиваетъ свою жизнь и желаетъ смерти».

Гельти самый сантиментальный изъ поэтовъ этой группы; болѣе ясности и твердости духа выказываетъ прямодушный Іог. Генрихъ Фоссъ. Его лирическія стихотворенія менѣе содержательны, чѣмъ болѣе крупныя поэмы. Въ своемъ стихотвореніи «Семидесятый день рождения» онъ съ остроумными подробностями рисуетъ день изъ мирной жизни сельского священника сѣверной Германіи; еще шире онъ раскрываетъ ту же картину въ своей превосходной поэмѣ «Луиза»; добрые люди, выведенныя въ ней обладаютъ впечатлительнымъ, благочестивымъ чувствомъ ко всему прекрасному и благородному; поэтому, они чувствуютъ тихую прелесть деревенскаго и лѣснаго пейзажа. Когда они, «пройдя чечевичное поле и поле съ бородатымъ ячменемъ, приблизились къ холму надъ озеромъ, увѣнчанному темными елями и поникшему зеленью бѣлыхъ

березъ, Луиза взглянула на берегъ, покрытый кустарникомъ»... Затѣмъ, они легли въ тѣни старого фамильнаго бука: «Здѣсь мягкий, какъ подушка, мохъ, здѣсь кротко дышащая прохлада, здѣсь въ шумѣ волнъ и тростника насы пльняетъ видъ надъ озеромъ, на деревню и на изгибы плодородныхъ береговъ»...

И у братьевъ Штольбергъ встрѣчаются тѣ-же идиллические мотивы, та-же склонность къ мирной тишинѣ, выраженные съ достаточной индивидуальностью. Такъ, въ «Элегіи къ Гаугвицу» Христіана Штольберга, мы читаемъ: «Слаще благоухаетъ лугъ и прохладнѣе дышеть вечеръ; только блѣдный румянецъ держится на лазурномъ западѣ; тихо спускается роса»; онъ желаетъ, чтобы вернулось время, когда они бродили оба «счастливые весеннимъ покоемъ, сплетясь рука съ рукой, по цвѣтующимъ долинамъ; ложились на ишистыхъ берегахъ ручья, и къ ихъ сладкой бесѣдѣ дружески прислушивался мѣсяцъ. О, какъ у насы тогда таяло сердце въ кроткомъ чувствѣ!» Фридрихъ Штольбергъ болѣе одушевленный пѣвецъ природы; такъ, въ одѣ «Природа» онъ говоритъ: «Тотъ мнѣ не другъ, кто не любить божественной природы! Чувства ангеловъ ему неизвѣстны... Только для чистыхъ сердецъ благоухаетъ вечерняя роса пестраго весенняго луга: только для нихъ священна тѣнь дуба! Твою благодать, уединеніе, только они могутъ переносить!» Девизомъ того времени можетъ служить его молитва: «Нѣжная, священная природа! Дай мнѣ пойти по твоимъ слѣдамъ! Веди меня твоей рукой, какъ дитя на помочахъ! Когда я устану, я склонюсь къ тебѣ на грудь и буду вдыхать небесную отраду, приникнувъ къ груди матери! Ахъ, какъ мнѣ хорошо съ тобою! Я хочу нещемѣнно тебя любить! Позволь мнѣ пойти за тобою, нѣжная, священная природа!»

И онъ воспѣваетъ луну и идиллическія «Вѣянія у Геттингена», но онъ производить впечатлѣніе, какъ-будто одушевленіе поэзіи Клоштока у него дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ, и его возврѣніе на природу обладаетъ болѣе высокимъ и энергичнымъ полетомъ, чѣмъ у большинства его современниковъ. Дикое и величественное въ природѣ также входитъ въ область его поэзіи и притомъ въ сильныхъ, одушевленныхъ выраженіяхъ, между тѣмъ, какъ море и горы до того времени почти не играютъ никакой роли въ нѣмецкой поэзіи. Ф. Штольбергъ такъ обращается «къ морю»: «Священное, широкое море, какъ твое зрѣлище для меня величественно! Какъ ты дорого для

меня въ раннихъ лучахъ, которые, дрожа, цѣлюютъ твои уста. Я счастливъ тѣмъ, что, близкій тебѣ, видѣлъ тебя ты-сячу разъ! Мой взоръ всегда съ искреннимъ чувствомъ воз-вращался къ тебѣ». «Потокъ, свергающійся со скалы» воз-вышенно изображается имъ и служитъ символомъ неодолимаго стремленія къ свободѣ у человѣка: «Бессмертный юноша! Ты исходишь изъ расщелины скалы. Ни одинъ смертный не ви-даль колыбели могучаго... Какъ ты прекрасенъ въ серебря-ныхъ кудряхъ! Какъ ты страшенъ въ громѣ окружающихъ скалъ! Передъ тобою дрожитъ ель; ты низвергаешь ее съ кор-немъ и вершиной! Передъ тобою бѣгутъ скалы! Ты ненавидишь ихъ и, смыаясь, смываешь ихъ, какъ камушки. Тебя одѣваетъ солнце въ лучи славы... Юноша, ты силенъ, какъ Богъ! Свободенъ, какъ Богъ!» Онъ прославляеть Гарцъ, свои родныя горы: «Сердечно привѣтствуя тебя, дорогая земля херусковъ!.. Тебѣ мать природа дала изъ урны изобилія мужественную красу, простоту и достоинство! Тебѣ она дала вершины, взды-мающіяся надъ облаками, громозвучные потоки!.. Какъ запи-щающій лѣсь отѣняетъ твое возвышенное темя... Привѣтъ тебѣ Херускія! Твоя слава остается страшной и вѣчной, по-добно Броккенской».

Здѣсь уже слышатся ноты, напоминающія Гёте; къ па-ѳосу Клопштока Ф. Штольбергъ присоединяетъ пониманіе воз-вышенного и величественного въ природѣ, что въ ту санти-ментально-идиллическую эпоху остается исключительнымъ яв-леніемъ. Впрочемъ, одинъ швейцарецъ еще ранѣе того от-крылъ романтическую красоту горной природы. Это былъ Жанъ Жакъ Руссо, который, не менѣе Клопштока, можетъ считаться типическимъ представителемъ своего времени. Его авторскую дѣятельность можно сравнить съ бомбой, упавшей среди тогданий элегико-идиллической пасторальной поэзіи.

ГЛАВА X.

Романтизмъ въ поэзіи природы.

Руссо принадлежитъ къ числу людей, не часто встречаю-щихся въ исторіи литературы, которые вносятъ полный пе-реворотъ въ настроеніе и въ воззрѣнія своего времени. Бы-

ваютъ умы, которые въ собственномъ сознаніи, такъ сказать, начинаютъ собою міровую исторію сначала; они отвлекаютъ себя отъ всего существовавшаго прежде, возстаютъ противъ господствующаго вкуса и образа мыслей и всѣ свои заключенія заимствуютъ только изъ самихъ себя. Для такихъ умовъ весьма естественно если они, возвышая себя въ собственныхъ глазахъ, ставятъ себя общимъ мѣриломъ, цѣня всего выше собственную субъективность, съ болѣзнейной страстью софиста и съ жаромъ убѣжденія пророка. Такая самостоятельность и впечатлительность въ соединеніи съ упорствомъ уничтожающимъ все существующее безъ сдерживающей нравственной дисциплины, съ наклонностью къ крайнимъ преувеличеніямъ, выступаетъ въ исторіи въ первый разъ въ образѣ Руссо. Эллинизмъ, императорская эпоха и возрожденіе были для него только предшествующими ступенями; то, что у Петрарки было только обѣщаніемъ, у Руссо становится исполненіемъ; «acedia» достигаетъ у него своей высшей точки; онъ безпрестанно разсуждаетъ и прислушивается къ самому себѣ; въ его внутреннихъ процессахъ для него все феноменально и все имѣеть неоцѣненную важность; онъ постоянно чувствуетъ раздвоеніе въ себѣ самомъ, постоянно колеблется между идеаломъ, обязанностями передъ всеобщимъ единствомъ и своеоліемъ себялюбиваго, чувственного «я». При всей суровости его характера на него оказываетъ примиряющее вліяніе мечтательная, страстная любовь къ природѣ; если въ немъ многое кажется не совсѣмъ правдивымъ, его любовь къ природѣ носить на себѣ печать первоначального, коренного свойства его: она самое симпатичное выраженіе его индивидуальности и того «идеализма сердца», верховные права которого онъ проповѣдывалъ въ то искусственное, манерное время. Вполнѣ вѣрно замѣчаетъ Геттнеръ ¹⁾), что это—не «пустыя слова», когда онъ, въ своемъ третьемъ письмѣ къ Мальзебру, пишетъ: «Какъ полагаете вы, какое время вызываю я всего охотнѣе въ моемъ воспоминаніи? Это не удовольствія моей юности: они были слишкомъ рѣдки, слишкомъ соединены съ горечью, они уже слишкомъ далеки отъ меня; это наслажденіе моей отрѣщенностью отъ людей, это мои уединенные прогулки, это тѣ быстро пролетѣвшіе, но драгоцѣнныя дни, ко-

¹⁾ Hettner, op. cit. II, S. 207.

торые я проводилъ вполнѣ одинъ съ самимъ собою, съ моей доброй, простой Терезой, съ моей любимой собакой, моей старой кошкой, природой и ея непостижимымъ Творцомъ. Когда я вставалъ съ солнечнымъ восходомъ для того, чтобы видѣть пробужденіе дня, моимъ желаніемъ было, чтобы ни письма, ни посыщенія не могли смутить моего кроткаго наслажденія. Я поспѣшилъ уходить въ лѣсъ. Какъ я ликовалъ тогда! Я искалъ гдѣ-либо дикаго мѣста, гдѣ ничто не указывало руки человѣка, гдѣ никто третій не становился между мной и природой. Золото дрока, пурпуръ солнечныхъ лучей наполняли мнѣ сердце и взоры трогательнымъ восхищеніемъ; величественность деревьевъ, покрывавшихъ меня своей тѣнью, нѣжность кустовъ, окружавшихъ меня, поразительное разнообразіе травъ и цветовъ, склонявшихся подъ моими ногами, поддерживали мой духъ въ непрерывномъ напряженіи и восторгѣ. Возвращеніе къ природѣ имѣть для него серьезное, священное значеніе; это у него не теоретическій догматъ: его сочиненія и проповѣдуютъ и изображаютъ повсюду красоту свѣжей, чистой, нетронутой природы, осуждаютъ вычурность садового стиля и салонной моды того времени и ставятъ на мѣсто манерности и неестественности свободныя права сердца и разумное, радостное наслажденіе природой. Руссо былъ первымъ, кто открылъ романтическую красоту альпійской природы. Но прежде, чѣмъ должнымъ образомъ оцѣнить этотъ фактъ, мы должны въ краткихъ чертахъ, въ связи съ сказаннымъ выше, представить отношеніе предшествовавшихъ вѣковъ къ альпійской природѣ ¹⁾.

Хотя въ XV вѣкѣ альпійскія страны и были предметомъ мирныхъ и военныхъ предприятій, но интересъ къ изученію новыхъ мѣстностей принадлежалъ по преимуществу поѣздкамъ съ цѣлью открытій отдаленныхъ странъ; Альпы почти совершенно отсутствуютъ на тогданихъ картахъ. Чтобы не быть несправедливыми къ тому времени, мы должны помнить, что существеннымъ условиемъ современного пристрастія

¹⁾ Много поучительнаго заимствовалъ я изъ поименованныхъ уже выше статей въ приложениі къ «Allgemeine Zeitung»: «Ueber die geographische Kenntniss der Alpen im Mittelalter», 3—11 Januar 1885 и «Ueber die Alpine Reiselitteratur in fr黨erer Zeit», тамъ-же September 1885.

ко всему романтическому служить безопасность и удобства путешествия, о чём въ средніе вѣка не могло быть и рѣчи. Тогда было слишкомъ много трудностей и опасностей и слишкомъ мало средствъ для ихъ устраненія, чтобы пользоваться путешествиемъ по Альпамъ, какъ удовольствиемъ и развлечениемъ; тогда съ трусливой поспешностью перебѣжали страны, въ которыхъ угрожали опасностью не только стихіи, но и разбойничіи шайки, и гдѣ дороги были такъ дурны и мѣста остановокъ такъ малочисленны. Вмѣстѣ съ тѣмъ и естественныя науки находились тогда еще только въ зародыши; изученіе ботаники, геологии и геогнозіи было распространено крайне недостаточно, о теоріяхъ ледникъ и т. п., никто еще не догадывался тогда. То, что въ Альпахъ напоминало путникамъ родину, служило для нихъ предметомъ удивленія: они бывали поражены, находя что-либо подобное между покрытыми снѣгомъ колоссами; контрастъ еще усиливаль то впечатлѣніе, какое идеаллическія долины производили на путешественниковъ. Такъ, мы находимъ слѣдующія строки въ «Evagatorium» ульмскаго проповѣдника - монаха Феликса Фабри, который въ 1480 и 1483 гг. посѣтилъ Востокъ и въ описаніи своего второго путешествія съ живою наглядностью изображаетъ свое возвращеніе черезъ Альпы ¹⁾: «Хотя альпійскія горы кажутся весьма страшными и безжизненными отъ холода, снѣга или отъ солнечнаго жара и простираютъ свою высоту до облаковъ, но долины между ними привлекательны, плодородны и изобилуютъ утѣхами всего міра, подобно раю.

¹⁾ *Evagatorium* III, p. 443, *Bibliothek des litterar. Vereins zu Stuttgart*, Bd. 4, 1849: *Quam vis autem ipsi montes sint horribiles et rigidi gelu nivium aut ardore solis et usque in nubes sua altitudine protendantur, ipsae tamen valles sub eis sunt amoena, fertiles et omnium mundi deliciarum abundantes, sicut paradisus. Ibi homines et iumenta in maxima habitant multitudine, et omnia quasi metalla de Alpibus effodiuntur, maxime argentum. In tantis deliciis vivunt in montanis homines et ita mundus ibi floret ac si Venus, Bacchus Ceresque ibi principarent. Nunquam ille crederet, qui a longe aspiciat Alpes, tam deliciosos vivere paradisos sub perpetuis uivibus et in montibus aeterna hieme et glacie irresolubili rigescientibus. Tam horribilis est enim Alpium aspectus ut procendes contra eas, nisi expertus sit, pavescat et intrare formidet. Magnae profecto audaciae fuit Hannibal Poenus... Вообще, онъ даетъ весьма образное представление о трудностяхъ и опасностяхъ, какія ему пришлось испытать самому.*

Тамъ живутъ люди и животныя въ большомъ множествѣ и почти всѣ металлы извлекаются оттуда, а болѣе всего серебро. Въ такихъ утѣхахъ живутъ люди въ горахъ, и міръ цвѣтетъ тамъ какъ-будто Венера, Вакхъ и Церера царствовали въ немъ. Никто, видѣющій Альпы издали, не повѣрить, чтобы тамъ жили въ постоянномъ раю, подъ вѣчнымъ снѣгомъ, на горахъ, гдѣ постоянная зима, и ледъ никогда не таетъ. Такъ ужасенъ самый видъ Альпъ, что приближающійся къ нимъ, не имѣя опыта, страшится войти туда. Много смѣлости было у Ганнибала» и т. д. Такимъ образомъ, здѣсь заключается довольно условное восхваленіе Альпъ, ка-сающеся только мирной и привлекательной стороны ихъ.

И въ XVI вѣкѣ отчеты тѣхъ, которые проходили Альпы въ рядахъ войскъ, какъ напр., Адама Рейсснера сообщаютъ объ «ужасномъ» впечатлѣніи, какое они испытывали, заглядывая въ долины; точно также путешествовавшіе черезъ Альпы въ Италию и на Востокъ, рассказывая о своихъ тяжелыхъ странствованіяхъ, выражаютъ радость, что они уже окончились для нихъ. Ученые даютъ скучныя описанія своихъ путешествій или прибѣгаютъ къ перехватымъ стихамъ, въ которыхъ нѣть ни малѣйшаго слѣда поэзіи Альпъ. «Ужасающій» и «устрашающій» — эпитеты, всего чаще прилагаемые тогда къ этимъ горамъ¹⁾). Но если мы даже примемъ въ разсчетъ трудности и неудобства перехода черезъ Альпы въ то время, то все-таки для насъ остается несомнѣннымъ обнаруживающейся въ этихъ описаніяхъ недостатокъ къ наслажденію природой или господствовавшіе тогда отношенія къ прекрасному въ природѣ. Эстетическое чувство еще недостаточно развило для того, чтобы постигнуть величие горнаго міра, чтобы подойти ближе къ высокимъ снѣговымъ великанамъ, чтобы эстетически овладѣть ими. Не изумленный восторгъ, а только страхъ и ужасъ выражаютъ эти путешественники; одни лишь идеаллическія долины кажутся имъ веселыми и привлекательными. Слогъ этихъ описаній, при всей своей скучности, уже болѣе развитъ, какъ мы видѣли, у другихъ путешественниковъ по Востоку, но сущность ихъ

¹⁾ Cp. Sebastian Münster, Cosmographie 1544; Friedlaender, Ueber die Entstehung und Entwicklung des Gefühls für das Romantische in der Natur, Leipzig 1873, S. 5.

остается все та-же: понятіе о прекрасномъ въ природѣ было въ то время весьма ограничено; для большинства образованныхъ людей оно заключается въ плоской, широкой мѣстности, какъ мы видимъ это у Кихеля ¹⁾ (1585), который, оставивъ альпийскую область, привѣтствуетъ Лехфельдъ (низменные высоты между Лехомъ и Вертахомъ въ Швабско-Баварской плоской возвышенности), какъ «прекрасный, возвышенный» пейзажъ. Кихель постоянно жалуется на біене сердца, какое вызываетъ у него восхожденіе на высокія горы; другой—Шикгартъ откровенно признается: «съ радостью оставили мы страшныя и скучныя горы», и съ неменьшимъ остроуміемъ замѣчаетъ о знаменитомъ альпійскомъ проходѣ Бреннерѣ; переводя это слово буквально (зажигатель, зажигающій): «Онъ не очень насъ зажегъ, такъ какъ мы, вслѣдствіе льда и очень глубокаго снѣга, а также ужасно холднаго вѣтра, не чувствовали никакого жара». Самое одушевленное изъ описаній того времени мы имѣемъ въ описаніи Комскаго озера Павла Іовіа († 1552), который съ теплымъ чувствомъ изображаетъ великолѣпіе горнаго выступа Белуціума (Велладжіо) ²⁾.

Но въ XVII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, вызываетъ удивленіе колоссальность Альпъ въ связи съ прелестью долинъ; такъ, Иоаннесъ Якобъ Грассеръ ³⁾ разсказываетъ о Ретіи: «Тамъ возвышаются мраморныя массы горъ, подобныя стѣнамъ и башнямъ и походящія на самыя чудныя зданія. Въ долинахъ лежать разсѣянныя деревни; тамъ и здѣсь—плодоноснѣйшая почва. Тамъ царствуетъ изобиліе рядомъ съ сухостью, пріятность среди ужасовъ и жизнь среди единенія. Здѣсь живописецъ можетъ тѣшить свой взоръ, и все-таки природа превосходитъ все мастерство художника. Даже скалистыя ущелья, извиающіяся тропинки, мѣняющаяся яростъ или скучность водопадовъ, согнутыя дуги мостовъ, волны озеръ, пестрая одежда луговъ, могучій ростъ деревьевъ, короче все, что земля и небо позволяютъ здѣсь видѣть новаго, прельщающіе взоры странника, доставляя ему удивленіе и забаву». Но эта забава заключается, главнымъ образомъ, въ контрастѣ

¹⁾ Bibliothek des litterar. Vereins, Stuttgart, LXXXVI.

²⁾ Descriptio Larii lacus Milano 1558.

³⁾ Itinerarium Basile. 1624.

съ ужасающимъ характеромъ горъ. Іозефъ Фурттенбахъ (род. 1591), описывая ту-же мѣстность, рассказываетъ о «мостикѣ, подъ которымъ можно слышать Рейнъ съ великимъ шумомъ и при этомъ случаѣ видѣть нѣчто грубое и отвратительное по своей дикости».

Въ самой Швейцаріи уже въ XVI вѣкѣ раздался громкій, хотя и одинокій голосъ, съ одушевленіемъ и благоговѣніемъ прославлявшій величественность альпійскаго пейзажа. Мы видимъ это изъ обращенія Конрада Гесснера къ его Гларнерскому другу въ «De admiratione montium» (1541) ¹⁾. «Пока Господь даруетъ мнѣ жизнь, рѣшился я ежегодно подниматься на нѣсколько или, по крайней мѣрѣ, на одну изъ горъ, частью для того, чтобы изучать горную флору, частью для того, чтобы укрѣплять тѣло и освѣжать духъ. Какое наслажденіе доставляетъ созерцать громадныя горныя массы и поднимать голову въ облака!! Какъ это настраиваетъ къ благоговѣнію, когда видишь себя окруженымъ горными куполами, которые великий Строитель міра создалъ въ одинъ длинный день творенія! Какъ пуста жизнь, какъ низменно стремленіе тѣхъ, которые ползаютъ по землѣ только для того, чтобы приобрѣтать и мѣщански наслаждаться! Для нихъ земной рай остается закрытымъ». Но такъ какъ даже послѣ Руссо, даже въ нынѣшнемъ столѣтіи путешественники находили Альпы «отвратительными» (я напоминаю слово *hideux* у Шатобріана), то это восхваленіе Альпъ осталось никѣмъ неуслышаннымъ.

Однако, XVIII вѣку предстояло внести перемѣну въ это направлѣніе. Между тѣмъ, какъ прежде путешественники преслѣдовали исключительно практическія цѣли,—изученіе учрежденій, обычаевъ и занятій въ чужихъ странахъ,—теперь появилось новое научное движение; геологи и физики отважились, наконецъ, проникнуть въ области вѣчнаго снѣга и ледниковыхъ массъ и постепенно ужась передъ устрашающими пустынями уступаю мѣсто восторгу и, наконецъ, любви. Рядъ новѣйшихъ писателей обѣ Альпахъ открываетъ собою Шейхцеръ (1672—1733) своимъ «Itinera Alpina». Онъ прошелъ всѣ альпійскіе проходы: Сплюгенъ, Готгардъ, Фурка и др. и посвятилъ разнообразныя описанія водамъ, расте-

¹⁾ Osenbrüggen, Wanderungen in der Schweiz, 1867, I. Entwicklungsgeschichte des Schweizreisens; Friedlaender, ib. S. 7.

ніямъ и животнымъ, минераламъ, рудамъ и ископаемымъ, глетчарамъ и лавинамъ. Галлеръ былъ не только историкъ, теологъ и поэтъ, но и ботаникъ, какъ показываютъ его стихи, но лишь преувеличенныя похвалы могутъ приписывать ему пониманіе романтической прелести альпійской природы. На-противъ, Броккесъ стоитъ ближе, по крайней мѣрѣ, къ признанію красоты горъ. Онъ описываетъ Гарцъ въ IV части своего «Земного блаженства» и говоритъ въ «Созерцаніи Бланкенбургскаго мрамора»: «Во многихъ мѣстахъ суровыя высоты горъ громадно прекрасны. Ихъ величина можетъ возбуждать въ насъ удовольствіе и ужасъ»; изобразивъ смѣнну дикости полезностью или пріятностью въ горной природѣ, онъ заключаетъ: «Размысли объ этомъ съ отрадой и благоговѣніемъ, мой умъ! Столь-же суровыя, сколько и прекрасныя высоты горъ показываютъ намъ подобіе земныхъ превратностей» ¹⁾). Ужасъ и страхъ еще долгое время привѣтствуютъ къ ощущеніямъ очевидцевъ, изображавшихъ Альпы. Такъ въ «Грандисонъ» (III, 39) Ричардсона, противуположность между красивой Франціей и скалистой Савойей выставляется къ невыгодѣ послѣдней ²⁾). «Мы оставили позади себя цвѣтущую весну, которая зеленью деревьевъ и изгородей оживляла нашъ путь, и намъ уже улыбались луга своими цвѣтами... Каждый предметъ, который показывается здѣсь, вызываетъ крайнее сожалѣніе (excessively misérable)... Савойя—одна изъ отвратительнѣйшихъ странъ на землѣ». Аддисонъ ³⁾, напротивъ, говоритъ объ Альпахъ, лежавшихъ передъ нимъ (въ Рипайлѣ), что онъ разорваны крутыми выступами и пропастями и что онъ наполняютъ душу пріятнымъ родомъ ужаса; онъ прославляется даже дико-романтическіе берега Инна, ради красоты пейзажа (a fine landskip). Леди Монтегю ⁴⁾ находитъ «чудеснымъ», на Монъ-Сени видъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ,—облаковъ, лежащихъ глубоко подъ ногами и водопадовъ, низвергающихся съ глухимъ шумомъ со

¹⁾ Ср. прекрасное сочиненіе Эриха Шмидта о Ричардсонѣ, Руссо и Гёте (Erich Schmidt: Richardson, Rousseau und Goethe, Jena 1875 S. 183, прим.).

²⁾ Schmidt, lb. 173.

³⁾ Remarks on several parts of Italy... London 1761, p. 258 и слѣд.; Friedlaender ib. 12.

⁴⁾ Letters of L. M. 25 Sept. 1718; Friedlaender S. 13.

скаль; но приятности (entertaining) этой картины мѣшалъ необычайный холодъ. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ XVIII вѣка Швейцарія была еще мало извѣстна, и многіе путешественники могли подобно Кейсслеру¹⁾ пользоваться только мѣриломъ полезности и плодородія оцѣнивая, напр., прекрасно обработанную равнину около Мантуи противополагая ее дикимъ, безполезнымъ горамъ Тироля или пустыннымъ мѣстностямъ Люнебурга и Вестфаліи; такъ Мозеръ²⁾ послѣ прочтенія «Элоизы» и «Эмиля» вспоминаетъ Аббту (1763) съ иѣкоторой ироніей «знаменитыя Альпы, которымъ теперь придаютъ такое важное значеніе». И такъ, Руссо, первый обнаружилъ въ личайшее одушевленіе передъ дикой красотой высокихъ горъ, благоговѣйный восторгъ передъ ихъ романтической стороной. Немногія признанія прежняго времени представляютъ собою только отдѣльныя настроенія, голоса одиночно стоящихъ людей; Руссо, внеся вполнѣ сознательно новое отношеніе къ природѣ, поднялъ на высшую ступень романтическій характеръ разнообразныхъ явленій ея красоты. Правда, Руссо не открылъ новѣйшаго чувства природы, какъ это предполагаютъ иѣкоторые, въ томъ числѣ и Дюбуа-Реймонъ: его предшественниками были великие люди Возрожденія, даже поэты эллинизма, но онъ, несомнѣнно, направилъ чувство природы на новый путь. Ольстоить одиночко въ особенности въ исторіи французской литературы; въ послѣдней, его время отличается лишь пейзажными изображеніями, заимствованными у древнихъ или сантиментально-эротическими насторальными стихотвореніями, какъ мы уже видѣли выше³⁾.

1) Friedlaender ib. S. 14.

2) Schmidt S. 174, прим.

3) И Лапрадъ не можетъ привести ничего значительнаго изъ того времени въ своей книгѣ «Le sentiment de la nature» deuxième édition, Paris 1870. Первый томъ его сочиненія («О чувствѣ природы у древній») я охарактеризовалъ въ другомъ моемъ труде «Die Entw. d. Naturgef. bei den Gr. u. Rom.» 135. Хотя Лапрадъ единственный писатель, обработавшій эту тему въ обширныхъ размѣрахъ и съ исторической точки зрѣнія, но я въ немногомъ схожусь съ нимъ. Онъ держится исключительно клерикально-католической точки зрѣнія: онъ не отдаляетъ чувства природы отъ «божественной идеи» (idée divine), «идеи безконечнаго». Отдѣльныя мѣста у него осторожны, вся книга написана прекрасно, но многое у него поверхностно и перемѣшано съ непужными подробностями. Основной взглядъ его

Онъ первый открылъ своимъ соотечественникамъ, затерявшіяся въ безвкусіи и искусственности, чувства поля и лѣса, солнечнаго и луннаго свѣта, идиллической и возвышенной красоты природы. Чего стоили всѣ манерныя, пасторальныя картишки и сказки прежнихъ литературныхъ эпохъ въ сравненіи съ первобытной свѣжестью, съ настоящими сердечными звуками мечтательной любви Руссо къ сельской жизни и сельской идилліи, куда онъ спасался отъ крайности культуры! «Исповѣдь» Руссо открыла французской литературѣ не только глаза, но и сердце.

Руссо былъ швейцарецъ и выросъ въ странѣ, которая причисляется къ прекраснѣйшимъ странамъ Европы. И какъ онъ любилъ свою непосредственную родину—Женевское озеро! Еще въ дѣтскомъ возрастѣ для него было наслажденіемъ уйти

излагается въ слѣдующемъ положеніи (р. 38). «Настоящее чувство природы единственно поэтическое, единственное плодоносное и могущественное, единственно свободное отъ всякой опасности, есть такое чувство, которое никогда не отдѣляетъ идеи о видимыхъ предметахъ отъ мысли о Богѣ». Для классического периода французской литературы за недостаткомъ какихъ-либо выражений чувства природы, онъ принимаетъ слѣдующій девизъ: «Гений Франціи есть гений дѣйствія» и «Человѣческая душа есть цѣль поэзіи». Даже о Фенелонѣ, у котораго, покрайней мѣрѣ, чтеніе древнихъ авторовъ вызываетъ картины природы, онъ высказываетъ: «Природа остается въ его глазахъ простой декорацией драмы, какую человѣкъ играетъ въ ней; поэтъ въ немъ никогда не смотритъ съ мистической точки зрѣнія». Объ одушевленной природѣ въ басняхъ Лафонтена онъ говорить: «Это не называется живо писать природу, это называется изгонять ее» и приходитъ къ заключенію: «Чувство безконечнаго отсутствуетъ въ поэзіи XVII вѣка, также какъ и чувство природы», и далѣе: «Общий духъ XVIII вѣка есть отрицаніе самой поэзіи: любовь къ природѣ была тогда ничто иное, какъ скрытая ненависть и объявление войны обществу и религіи. Тамъ нѣтъ слѣда законнаго и глубокаго чувства, привлекающаго художника и поэта къ величию творенія, открывавшаго міръ невидимаго. Не требуйте отъ XVIII вѣка поэзіи природы также какъ и поэзіи сердца». Бюффонъ означаетъ собою «поэтическое состояніе наукъ о природѣ»; но его блестящимъ прозаическимъ картинамъ недостаетъ «присутствія Бога, открывенія безконечнаго; гармоніи души и природы не существуютъ для Бюффона... у него болѣе риторики, чѣмъ истиннаго чувства природы». Въ этомъ случаѣ съ нимъ нельзѧ не согласиться. Тогда еще не пришло время, когда познаніе природы въ естественно-научныхъ сочиненіяхъ должно было сочетаться съ теплотой и искренностью чувства, съ эстетическимъ пониманіемъ.

изъ города и мечтательно бродить вдалекъ отъ него. Въ одно изъ воскресеній 1728 г. случилось такъ, что онъ вышелъ изъ города и совсѣмъ забылъ и время и самого себя: «Шередо мной были поля, деревья, цвѣты; это прекрасное озеро, эти холмистыя мѣста, эти высокія горы величественно развертывались передъ моими глазами. Я наслаждался прекраснымъ зрѣлищемъ, такъ какъ солнце отходило на покой. Наконецъ, замѣтилъ я, но слишкомъ поздно, что ворота города были уже заперты» ¹⁾). Съ того времени онъ почувствовалъ свое сродство съ природой и свою близость съ нею болѣе, чѣмъ съ людьми. Любовь къ родинѣ и чувство природы прекрасно сливаются у него въ IV книжѣ «Исповѣди», когда онъ (въ 1732 г.) пишетъ: «Видъ Женевскаго озера и его чудныхъ береговъ всегда имѣлъ въ моихъ глазахъ особую прелестъ, которую я не могу изъяснить и которая заключается не только въ красотѣ зрѣлища, но и въ нѣкоторомъ невыразимомъ интересѣ, возбуждающемъ и трогающемъ меня.... Во время этого путешествія въ Веве, я предался, слѣдя по прекрасному берегу, самой сладкой меланхоліи; мое сердце погружалось, пламенѣя, въ тысячи невинныхъ, блаженныхыхъ чувствъ; я сдѣлался безпричинно мягокъ и вздыхалъ и плачалъ, какъ ребенокъ». Съ очарованіемъ озера у него соединяется воспоминаніе объ его отцѣ, о т-те де-Варансъ, однимъ словомъ, о прошломъ. Онъ желаетъ только имѣть садъ на этомъ озерѣ, друга, жену, корову, маленькую лодку—и тогда счастье его было-бы полнымъ. Любовь къ природѣ у Руссо имѣть всегда отрицательную, даже болѣзненную изнанку: это — желаніе уйти отъ людей. Всего искрениѣ онъ привязывается къ природѣ, когда люди его преслѣдуютъ. Самое живое свидѣтельство этого чувства мы находимъ въ лучшей (въ V) изъ его «Rêveries d'un Solitaire». Онъ убѣжалъ на одинъ изъ острововъ (Peter insel) Бильскаго озера. Насколько ему извѣстно, ни одинъ путешественникъ не думалъ прежде объ этомъ островѣ и, тѣмъ не менѣе, онъ считаетъ вполнѣ естественнымъ чувство, заставляющее его восторгаться имъ. Послушаемъ его самого: «Берега озера болѣе дики и романтичны, чѣмъ берега Женевскаго озера, такъ какъ скалы и лѣса непосредственно окаймляютъ его поверхность, но они

¹⁾ Oeuvres XII, 358.

не менѣе привлекательны. Если тамъ менѣе обработанныхъ полей и виноградниковъ, менѣе городовъ и домовъ, за то больше природной зелени, болѣе луговъ, убѣжищъ, отѣненныхъ деревьями, частыхъ контрастовъ и неправильностей. Такъ какъ на этихъ счастливыхъ берегахъ нѣть большихъ проѣзжихъ дорогъ, то страна мало посѣщается путешественниками; но они привлекательны для внимательныхъ пустынниковъ, которые любятъ спокойно погружаться въ прелести природы и размышлять въ тишинѣ, ненарушенной никакимъ другимъ звукомъ, кромѣ крика орла, прерывистаго щебетанія нѣкоторыхъ птицъ и шума низвергающихся съ горъ водопадовъ» ¹⁾. Здѣсь переживаетъ онъ счастливѣйшую робинзонаду. Единственными людьми, которыхъ онъ тамъ видѣлъ, были бернскій промышленникъ и его семья. Онъ считаетъ два мѣсяца своего пребыванія тамъ прекраснѣйшими въ своей жизни; онъ хотѣлъ-бы даже навсегда остатся тамъ. Но, какъ человѣкъ съ развитымъ чувствомъ, онъ вполнѣ сознаетъ, въ чёмъ заключается удерживающее его тамъ очарованіе. Прежде всего это *dolce far niente*, уединеніе, отсутствіе книгъ и принадлежностей для письма, общеніе съ простыми людьми, здоровое движеніе на открытомъ воздухѣ, полевая работа и, въ особенности, близкое общеніе съ величественной природой. Послѣднее у него двоякаго рода: онъ изучаетъ природу и наслаждается ея великолѣпіемъ и красотой. Его охватываетъ настоящая страсть къ собиранию растеній; онъ раздѣляетъ весь островъ на участки для того, чтобы постепенно отыскать и опредѣлить всѣ растенія и травы; онъ задумываетъ всеобъемлющую «*Flora petrinsularis*»; онъ называется неописаннымъ восхищеніе проникать такимъ образомъ въ тайны растительного міра, слѣдить за работающими въ тиши силами природы ²⁾). Или онъ поспѣшно уходить одинъ на берегъ, вскаиваетъ въ лодку и направляетъ ее, при небольшомъ

¹⁾ Mais il est intéressant pour des contemplatifs solitaires qui aiment à s'enivrer à loisir des charmes de la nature et à se recueillir dans un silence que ne trouble aucun autre bruit que le cri des aigles, le ramage entrecoupé des quelques oiseaux et le roulement des torrens qui tombent de la montagne.

²⁾ Rien n'est plus singulier que le ravissement, les extases que j'éprouvais à chaque observation que je faisais sur la structure et l'organisation végétale etc.

волненіи, на середину озера; «и тамъ, вытянувшись въ лодкѣ во всю длину, съ глазами, обращенными къ небу, я отдавался волнѣ волнъ, часто въ теченіе иѣсколькихъ часовъ, погруженный въ тысячу смутныхъ, но неоцѣненныхъ мечтаний; часто только захожденіе солнца напоминаетъ мнѣ о времени возвращенія и, видя себя далеко отъ острова, я долженъ быть работать изо всѣхъ силъ, чтобы достигнуть до него ранѣе наступленія ночной темноты; иногда я не удалялся отъ острова, а проѣзжалъ вдоль его зеленыхъ береговъ, восхищаясь блескомъ воды и тѣнистой прохладой, которая манила меня къ себѣ. Когда взволнованное озеро не позволяло катанья на лодкѣ, я проводилъ послѣ-обѣденное время въ блужданьяхъ по острову, ботанизируя или мечтая въ самыхъ скрытыхъ и плѣнительныхъ мѣстахъ или на террасахъ и возвышеніяхъ, гдѣ взоръ могъ окидывать великолѣпную и восхитительную панораму озера и его береговъ, которые съ одной стороны увѣнчиваются близайшими горами, а съ другой простираются богатыми и плодородными равнинами, сзади которыхъ виднѣются дальняя, голубыя горы».

Когда приближается вечеръ, онъ спускается съ вершины и садится на берегу озера; «тамъ шумъ волнъ и движение воды приковываютъ мои чувства и изгоняютъ изъ моей души всякое другое волненіе, погружая ее въ прелестную мечтательность; приливъ и отливъ этой воды, ея сдержаный, но усиливающійся по временамъ шумъ, непрерывно дѣйствую на мой слухъ и мое зрѣніе, поддерживали внутреннія движенія, которые мечта заглушала во мнѣ, и давали мнѣ чувствовать съ отрадой мое бытіе, не заставляя меня думать»... Движеніе воды является для него отраженіемъ человѣческой жизни: «Здѣсь нѣть ничего прочнаго, къ чему сердце могло-бы привязаться; едва-ли въ самыхъ живыхъ нашихъ радостяхъ бываетъ минута, когда сердце могло-бы, дѣйствительно, сказать намъ: я-бы хотѣло, чтобы эта минута продолжалась всегда»¹⁾.

¹⁾ Là le bruit des vagues et l'agitation de l'eau fixant mes sens et chassant de mon âme toute autre agitation, la plongeaient dans une rÃ©verie dÃ©licieuse; le flux et le reflux de cette eau, son bruit contenu, mais renflÃ© par intervalles frappant sans relâche mon oreille et mes yeux, supplÃ©aient aux mouvement internes que la rÃ©verie éteignait en moi et suffisaient pour me faire sentir avec plaisir mon existence, sans prendre la peine de penser... il n'y a rÃ©u lÃ de solide Ã quoi le coeur

Кто при этомъ не вспомнить о Фаустѣ: «О мгновенье, по-
медли, ты такъ прекрасно!» Въ заключеніе, онъ признается,
что часто испытывалъ такія минуты — существование безъ
желаній и страха и безъ пустоты въ душѣ — когда даваль
нести себя красивому потоку, или сидѣть на краю берега
или у шумящаго ручья.

Чувство природы возбуждается въ немъ любовью къ уединенію и усиливается наукой, изученіемъ природы; впослѣдствіи міръ растеній дѣлается для него единственнымъ убѣжищемъ, гдѣ его не тревожатъ фуріи манія преслѣдованія. Трогательно разсказываетъ онъ въ VII «Reverie», сколько счастья доставляетъ ему ботаника¹). Онъ рисуетъ прелестное впечатлѣніе, какое производить на него земля въ свободномъ уборѣ съ тысячами цветовъ и растеній, среди быстро бѣгущей воды и поющихъ птицъ. Сладкая и глубокая мечтательность овладѣваетъ его чувствами при созерцаніи гармоніи и красоты природы; онъ забываетъ въ упоеніи передъ безконечностью прекраснаго мірового цѣлаго, чувствуя свое единство съ нимъ; всѣ отдельные предметы исчезаютъ для него: онъ видѣтъ и чувствуетъ только всю совокупность ихъ. «Убѣгая отъ людей, ища уединенія, не разсуждая и не размысливая болѣе, началь я заниматься всѣмъ, что меня окружаетъ и выучился оцѣнивать самые очаровательные предметы... Блестящіе цветы, украшеніе луговъ, прохладныя тѣни, ручьи, изгороди, очищають мою душу! Привлекаемый прѣнитительными предметами, которые меня окружаютъ, я разсматриваю ихъ, испытываю, сравниваю, учусь, наконецъ, подраздѣлять ихъ и сразу становлюсь ботаникомъ, такъ какъ чувствую потребность изучать природу, чтобы непрерывно находить новыя причины любить ее». Растенія кажутся ему «въ избыткѣ разсѣянными по землѣ, какъ звѣзды на небѣ, чтобы своей прелестью побуждать человѣка къ изученію природы; но звѣзды такъ далеко отъ насъ, а растенія поднимаются подъ нашими ногами, расстутъ, такъ сказать, у насъ въ рукахъ». Удовольствіе науч-

se puisse attacher, à peine est-il dans nos plus vives jouissances un instant où coeur puisse véritablement nous dire: «Je voudrais que cet instant durât toujours».

¹) У меня вѣтъ въ рукахъ книги Янсена; (Jansen «Rousseau als Botaniker») я пользовуюсь только статьей Ферд. Коня въ Deutsche Rundschau, Iuni 1886, s. 364, и слѣд.

наго изучения растений становится у него страстью; онъ укрывается въ глубокую долину, и ему кажется, что онъ забыть въ тѣни лѣса, что онъ свободенъ и спокоенъ, какъ будто у него нѣтъ болѣе враговъ. Такъ онъ разсказываетъ обѣ одной незабвенной ботанической прогулкѣ, когда онъ терялъ дорогу среди непроходимыхъ кустарниковъ, оказывался на краю пропастей, куда заглядывалъ съ ужасомъ; лишь немногія птицы смягчали ужасъ этой пустыни; къ пріятному чувству безопасности и уединенія у него примѣщивается гордость Колумба, попадающаго впервые въ никому неизвѣстную страну. Но взоръ его внезапно встрѣчаетъ находящуюся вблизи фабрику. Какъ молнія, пронизываетъ его чувство радости, сознаніе присутствія людей въ этой пустынѣ; но у него тотчасъ-же выступаетъ другое, болѣзненное чувство, что онъ нигдѣ, даже въ ущельяхъ Алыгъ, не можетъ избавиться отъ грубыхъ людей, которые находять для себя удовлетвореніе въ томъ, чтобы мучить его. Но пропасти многихъ лѣтъ, когда онъ знаетъ, что онъ уже никогда не увидѣть прекрасной мѣстности, лѣсовъ, озеръ, скалъ и горъ, которымъ принадлежитъ его сердце, перелистываніе гербарія переносить его опять въ это счастливое время.

До Руссо никому не было извѣстно такое мечтательное отношеніе къ природѣ съ такой индивидуальной силой ощущенія и съ такимъ индивидуальнымъ предпочтеніемъ ко всему уединенному и отдаленному, но въ его любви къ природѣ, какъ темная изнанка, выступаетъ страхъ передъ людьми, болѣзненная ненависть ко всякой культурѣ. Весьма естественно, что подобное непосредственное обращеніе съ природой, подобное сердечное проникновеніе въ ея спокойное очарованіе, и въ то-же время усиленное отвращеніе ко всему искаженному цивилизацией, должны были повести Руссо къ возмущенію противъ прикрашенныхъ французскихъ садовъ и къ открытому восхищению англійскими парками. Всякую вычурность въ садовомъ искусствѣ онъ отвергаетъ съ негодованіемъ, даже культивированныя розы кажутся ему уродствомъ и привитыя плодовыя деревья противуестественными; онъ понимаетъ и любить только свои родные цвѣты и растенія, выросшіе свободно въ полѣ или въ лѣсу¹⁾. То обстоятельство,

¹⁾ Ср. «Новая Элоиза» IV, письмо 11, гдѣ подробно описывается

что не только во Франции, но и в Германии возникло болѣе здоровое направление въ садовомъ искусствѣ, во многомъ обязающее увлечению Руссо английскими садами. И въ его чувствѣ природы также, какъ и въ его философии и педагогикѣ, высший принципъ заключается въ томъ, что хорошо все, вышедшее изъ нѣдръ матери-природы или, вѣрнѣе сказать, изъ рукъ Творца, и что все зло происходит только отъ человѣка съ его культурой. Природу онъ ставить на пьедесталъ, молитвенно обращаясь къ ней; созерцаніе ея есть для него поклоненіе, служеніе Творцу, живущему надъ звѣздами. Такимъ образомъ, онъ былъ первымъ, кто въ созерцаніи природы,—въ особенности мѣра растений,—призналъ важный образовательный элементъ для дѣтской души.

Его «Исповѣдь», эта вѣрнѣйшая фотографія человѣческой души, не имѣющая себѣ подобной, отражаетъ въ себѣ впечатлительность автора, прислушивающагося къ каждому внутреннему процессу, какъ къ явленію большої важности; въ то-же время она отражаетъ его искреннюю, даже болѣзненно искреннюю любовь къ природѣ. До Руссо никто не чувствовалъ себя въ такой степени индивидуумомъ, особью, т. е., существомъ, которое въ своей обособленности существуетъ только однажды и поэтому имѣть не только относительное, но и абсолютное значение; онъ не только знаетъ и цѣнитъ эту свою обособленность, но и любуется и наслаждается ею. «Эту чувствительность сердца, которая, дѣйствительно, заставляетъ насъ наслаждаться самими собой (cette sensibilité de coeur qui nous fait vraiment jouir de nous) и этотъ «романтический умъ» (esprit romanésque)¹⁾ онъ изучаетъ какъ нѣчто, находящееся въ немъ его, прислушиваясь къ смѣнѣ настроеній, къ двойственной природѣ своего существа, которое то поднимаетъ его до идеала, то опускаетъ опять до низменнаго и обыденнаго. Самое идеальное благо для него—его отношение къ природѣ»²⁾. Когда онъ въ первый разъ въ жизни чувст-

«елисейскій садъ», гдѣ не замѣчается ни малѣйшаго слѣда искусственной культуры, гдѣ не видно даже человѣческихъ слѣдовъ, ничего возмущающаго, намѣченнаго циркулемъ «природа не сажаетъ по шнурку».

¹⁾ Ср. «Confessions» I р. 37, II р. 202, III р. 275 изданія «Les Confessions de J. J. R., suivis des rÃ©veries d'un promeneur solitaire. 4 vol. Gén. 1782—90.

²⁾ Лапрадъ разсуждаетъ болѣе о религіи Руссо, его деизмѣ, болѣз-

вуетъ себя счастливымъ у т-те де-Варансъ, это ощущеніе украшаетъ всю природу кругомъ него; то-же происходитъ съ нимъ и послѣ разлуки съ нею, во время путешествія въ Туринъ¹). Когда онъ опять возвращается къ ней изъ тѣсныхъ стѣнъ города, какъ онъ радуется, глядя изъ своего окна на сияющую зелень, на сады, ручей и равнину²). Разсѣянныя въ различныхъ мѣстахъ «Исповѣди», описанія природы полны юношеской свѣжести; таково, напр., очаровательное приключение съ двумя милыми дѣвушками Г., которыхъ онъ встрѣчаетъ въ лѣсу и сопровождаетъ въ замокъ³): «Утренняя заря показалась мнѣ однажды столь прекрасной, что я быстро одѣлся и поспѣшилъ выйти въ поле, чтобы видѣть восхожденіе солнца. Я пользовался этимъ наслажденіемъ со всей его прелестью; земля была въ своей высшей красѣ, покрытая травами и цвѣтами; соловьи передъ концомъ своихъ пѣсенъ, казалось, увлекались ими и усиливали ихъ; всѣ птицы согласнымъ хоромъ посыпали свое «прости» веснѣ и прославляли рожденіе прекраснаго лѣтнаго дня». Съ одушевленіемъ рисуетъ онъ всегда Женевское озеро съ его чудными берегами, прелестъ которыхъ очаровываетъ его и вызываетъ у него сладостное волненіе⁴). Бродить по горамъ и долинамъ для него настояще наслажденіе; тогда ему приходятъ новыя мысли, тогда расширяются его грудь и сердце⁵). Такъ онъ мечтаетъ ночью за стѣнами

ненномъ душевномъ строѣ и о меланхоліи его, чѣмъ о личномъ отношеніи къ природѣ. Онъ не приводить ви одной цитаты, ни одного слова изъ его *Reveries*, ни слова не говорить о томъ, что Руссо былъ первымъ, кто отдалъ должное романтическому элементу въ природѣ. Однако, и онъ замѣчаетъ: «Чувство природы въ его современной формѣ въ первый разъ появляется въ сочиненіяхъ Руссо; онъ первый возбудилъ въ нась стремленіе къ полямъ, извлекъ нась изъ городовъ и гостинныхъ; но за то отъ него-же исходить это нравственное расположение, эта болѣзнь, если можно такъ сказать, которая заставляетъ нась искать уединенія и любить его». Онъ отзывается съ похвалой о симпатичности его языка съ величественными звѣлищами и съ искренностью въ описаніяхъ; но и здѣсь онъ повторяетъ свое положеніе. «На самомъ дѣлѣ, пейзажу Руссо недостаетъ присутствія Бога, чувства безконечнаго».

¹) Conf. II, p. 154.

²) Conf. III, p. 279.

³) Conf. IV, p. 361.

⁴) IV, p. 110.

⁵) IV, p. 140.

города, когда онъ, напр., находится въ Ліонѣ¹⁾; онъ описываетъ эту прелестную ночь (*nuit delicieuse*); «День былъ жаркий, и наступилъ великолѣпный вечеръ; роса увлажнила увядшую траву, не было ни малѣйшаго вѣтра, ночь была тиха, воздухъ свѣжъ, но не холоденъ; солнце послѣ заката оставило на небѣ красныя, прозрачныя полосы, отраженіе которыхъ окрашивало воду въ розовый цвѣтъ; возвышенные уступы были полны соловьевъ, которые отвѣчали одинъ другому. Я шелъ туда въ пѣкотораго рода экстазѣ, отдавъ умъ и сердце наслажденію; въ упоеніи восторга я прилегъ въ нишѣ стѣны; сводъ моего ложа былъ образованъ лишь вершинами деревьевъ; соловей убаюкивалъ меня; мой сонъ былъ сладокъ и еще болѣе сладко—пробужденіе; былъ уже ясный день, мои взоры видѣли воду, зелень—дивный пейзажъ (*un paysage admirable*)». Весьма знаменательное признаніе относительно его возврѣнія на красоту пейзажа мы находимъ въ концѣ IV книги р. 462: «Я люблю идти по своему желанію и останавливаться, гдѣ вздумается, проходить пѣшкомъ черезъ красивую мѣстность въ хорошую погоду, имѣя пріятную цѣль передъ глазами. Вообще, извѣстно уже, что я понимаю подъ красивымъ пейзажемъ. Къ нему относятся рѣки, скалы, сосны, темные лѣса, горы, круто поднимающіяся и опускающіяся горныя тропинки, пропасти по обѣимъ сторонамъ, внушающія мнѣ настоящій страхъ. Вблизи Шамбери я пользовался этимъ удовольствіемъ и наслаждался имъ во всей его прелести. Недалеко отъ обрыва, называемаго *Pas de l'Echelle*, внизу большой, проведенной черезъ скалу дороги, на томъ мѣстѣ, которое называютъ *Chailles*, низвергается и клюкаетъ въ ужасныхъ ущельяхъ рѣчка, которая, надо полагать, употребила тысячу столѣтій, чтобы прорваться здѣсь. Дорога снабжена перилами, чтобы избѣжать несчастій: я могъ поэтому смотрѣть внизъ, сколько мнѣ хотѣлось, и сдерживать свое головокруженіе; на самомъ дѣлѣ, при моей страсти къ крутымъ подъемамъ, всего смѣшилъ, что они вызываютъ у меня головокруженіе, и я весьма люблю это состояніе, насколько чувствую себя въ безопасности. Крѣпко прижавшись къ периламъ, стоялъ я по цѣлымъ часамъ и вытягивалъ голову, чтобы увидать отъ времени до времени пѣну и голубую

¹⁾ IV, р. 451.

воду, шумъ которой мнѣ слышался среди карканья вороновъ и хищныхъ птицъ, перелетавшихъ со скалы на скалу и съ куста на кустъ въ ста туазахъ ниже меня». Такъ возбужденная, дикая природа заставляетъ биться его страстное сердце; высокія горы вызываютъ въ немъ впечатлѣніе, смѣшанное со страхомъ и ужасомъ, и ему пріятно сознаніе, что онъ иначе, чѣмъ другие люди, чувствуетъ время и наслаждается имъ. Но мягкая сила любви украшаетъ его бурную душу, и его наполняетъ восхищеніемъ идилическій, простой, сельскій пейзажъ, съ простыми, близкими къ природѣ людьми; онъ блаженно проводитъ дни въ Шарметъ, помѣстивъ не далеко отъ Шамбери, съ т-те де-Варансъ, въ концѣ 1736 г.¹⁾ «Я поднимался съ солнцемъ и былъ счастливъ, я бродилъ кругомъ и былъ счастливъ, я видѣлъ мать и былъ счастливъ, я оставлялъ ее и былъ счастливъ, я пересѣкалъ перелѣски, холмы, долины, я читалъ, я работалъ въ саду, я рвалъ цвѣты, и счастье повсюду слѣдовало за мной». Онъ читаетъ свою утреннюю молитву на возвышенности; онъ не только произноситъ слова: сердце его искренно возносится къ Творцу величественной природы, красоты которой находились передъ его глазами²⁾. Когда влюбленные бродятъ вмѣстѣ съ холма на холмъ, все, повидимому, гармонируетъ съ ихъ счастьемъ: «воздухъ такъ чистъ, небо безоблачно, веселье царствовало на небѣ и въ нашихъ сердцахъ»³⁾. Когда онъ идетъ, онъ цѣлуетъ землю⁴⁾ и деревья, и его взоръ не покидаетъ этихъ мѣстъ, гдѣ протекло столько счастливыхъ часовъ, пока они не скроются вдали.

Именно въ этомъ, проникнутомъ чувствомъ, тѣпломъ описаніи сельской идиліи съ ея возвышенными, мирными впечатлѣніями, выступаетъ та симпатія, какую онъ замѣчаетъ между собою и природой; онъ находить гармонію между своимъ, то страстно волнующимся, то одушевленнымъ страстью любви, сердцемъ и чертами величественной природы то суровыми, то мягкими. Подобную-же идилію онъ переживаетъ сть Терезой въ Эрмитажѣ.

¹⁾ VI, p. 144.

²⁾ p. 175.

³⁾ p. 272.

⁴⁾ p. 161.

Новый путь въ воззрѣніи на природу былъ всего болѣе проложенъ его «Новой Элоизой» (1761). Она исполнена жаромъ его любви къ родинѣ и его мечтательнымъ восторгомъ передъ великолѣпнымъ пейзажемъ, привлекающимъ къ голубому Женевскому озеру. Такъ, С.-Прѣ признается ¹). «Чѣмъ болѣе я приближался къ Швейцаріи, тѣмъ болѣе усиливалось мое внутреннее волненіе. Мгновеніе, когда я съ высотъ Юры увидалъ внизу Женевское озеро, было минутой восторга и восхищенія. Видъ моей родины, этой столь искренно любимой страны, гдѣ рѣки радости заливали мое сердце, здѣсовый и чистый альпійскій воздухъ, сладкій воздухъ дорогой родины, болѣе сладкій, чѣмъ благоуханія Востока, жесткая, плодородная почва, единственный, въ своемъ родѣ, пейзажъ, прекраснѣйшій, на какомъ когда-либо покоился человѣческій взоръ, восхитительная страна, подобной которой я не находилъ нигдѣ, обѣхавъ кругомъ всего свѣта, зрѣлище счастливаго и свободнаго народа, пріятность времени года, безоблачное небо, тысячи безцѣнныхъ воспоминаній, пробуждавшихъ вновь всѣ чувства, пѣкогда наполнявшія меня—все это приводило меня въ шумный восторгъ, не поддающійся никакому описанію и, казалось, давало мнѣ испытывать разомъ наслажденія всей моей жизни». «Новая Элоиза» Руссо показала міру въ совершенно новомъ свѣтѣ прежде всего пламенныій внутренній міръ любящихъ сердецъ, признающихъ свою чувствительность за «неизрѣченный небесный даръ» ²) и «возвращающихъ чувству его права» ³), потомъ любовь къ уединению («всѣ благородныя страсти всегда образуются въ уединеніи») ⁴) и связанныю съ ней любовь къ дикой красотѣ, къ романтическому въ природѣ ⁵), которая впервые была пока-

¹) Отд. IV, письмо 6.

²) Отд. I, письмо 26.

³) Письмо 48.

⁴) I, 33.

⁵) Въ XVII столѣтіи слово «romanesque» обозначало «причудливый»; еще Кантъ пишетъ «романическій» (romanisch), примѣняя его къ соединенію возвышенного съ ужаснымъ въ пейзажѣ; впослѣдствіи слово «романтическій» произошло изъ англійскаго «romantic». То и другое встрѣчается рядомъ. Софи Ларошъ говоритъ о «величественныхъ горахъ» въ Швейцаріи, которые, однако, опасны для юношества, потому что возбуждаются «романтическое» чувство. Гердеръ, говоря о Ваадскомъ кантонѣ, называетъ его «romanesque»; Руссо пишетъ «roman-

зана міру въ блестящихъ описаніяхъ. Подобно приведеній выше характеристиکѣ красиваго пейзажа, было неслыханной новизной, когда С.-Прѣ писалъ ¹⁾: «Я сдѣлаю все, какъ можно скорѣе, чтобы опять быть свободнымъ, имѣть возможность бродить по своему желанію въ пустыняхъ, которыя, въ моихъ глазахъ придаются этой странѣ высшую прелѣсть», или ²⁾). «Я убѣждаюсь все болѣе и болѣе, что эта, до сихъ поръ мало извѣстная страна вполнѣ заслуживаетъ вниманія людей и ей, для должной оцѣнки, недостаетъ лишь зрителя, глаза котораго умѣли-бы постигать красоту природы», и ³⁾) «Природа, повидимому, хотѣла скрыть отъ глазъ человѣка свои настоящія красоты, такъ какъ люди мало понимаютъ и искашаютъ ихъ; она бѣжитъ отъ большихъ проѣзжихъ дорогъ; на высотахъ горъ, въ лѣсной чащѣ, на уединенныхъ островахъ развертывается она свои очаровательныя прелести».

И дѣйствительно, съ одушевленіемъ пророка, возвѣщающаго новую истину, онъ умѣеть показать, что онъ постигъ въ чудесахъ природы. Величайшей поэзіи исполнено описаніе, какое С.-Прѣ, въ 23 письмѣ даетъ своей Юліи, гдѣ изображается страна, «достойная того, чтобы ее изучали дѣллые годы». Здѣсь находятся всѣ элементы высоко возвужденного романтическаго чувства природы, пониманія, отрѣшенного отъ міра, величественно возвышенаго, поднимающагося до мысли о вѣчности, пониманія ужаса пустыни и измѣненій въ формѣ облаковъ и освѣщенія. Онъ поднимается вверхъ по дикой тропинкѣ; новыя, неожиданныя зрѣлица безпрестанно прерываютъ его грѣзы: «то громадныя скалы въ обломкахъ свѣшивались надъ моей головой, то орошала меня тонкая водяная пыль, низвергающицся съ высоты водошадовъ, то падалъ близко около меня въ пропасть вырывающійся горный потокъ, и взоръ отвращался съ ужасомъ отъ его зіяющей глубины. Однажды я заблудился во мракѣ густолиственнаго лѣса, затѣмъ, при выходѣ изъ ущелья, мои взоры видѣли опять пѣнко-зеленый лугъ».

тиque», говоря о пейзажѣ на Бильскомъ озерѣ: «Его берега были дики и романтичны» и т. д.

¹⁾ Отд. I, письмо 118.

²⁾ Письмо 21.

³⁾ IV, 11.

Его привлекает «чудное смѣшеніе дикой природы и тру-
долюбивой обработки», по всего болѣе—освоеобразное чарованіе
поразительныхъ противоположностей, представлявшихся ему:
«на восточной сторонѣ—весеніе цвѣты, на полуденной—осен-
ніе плоды, на сѣверѣ зимній ледъ и притомъ горныя вершины,
блѣстающія въ разнообразномъ освѣщеніи, свѣтовые эффекти,
вызываляемыя солнечнымъ сияніемъ и тѣнью, и всѣ туманные
оттѣнки, проникнутые свѣтомъ, какіе оттого происходятъ». Онъ
поднимается на самыя высокія горы, за облака и отрывается, раз-
мыкая о себѣ самомъ и о дѣйствіи вѣнчавшихъ предметовъ на свое
душевное настроеніе, истинную причину своего возвышенного
чувства; «въ дѣйствительности, говорить онъ, всѣ люди мо-
гутъ замѣтить, хотя не всѣ на это обращаютъ особое вни-
маніе, что на высокихъ горахъ, гдѣ воздухъ чистъ и тонокъ,
дышится свободнѣе и чувствуется тѣлесная легкость и душев-
ная веселость. *Мнѣ кажется, какъ будто самыя мысли при-
нимаютъ оттѣнокъ величія и возвышенности въ соотвѣтствіи*
съ предметами, являющимися нашему взору; какъ будто, когда
мы поднимаемся надъ жилищами смертныхъ, всѣ низменныя,
земныя чувства оставляютъ насъ, и какъ будто душа, при-
ближаясь къ эфирнымъ областямъ, воспринимаетъ ихъ вѣч-
ную чистоту»... Онъ не находитъ словъ для изображенія «ве-
личественности и красоты этихъ тысячекратныхъ чудесъ»:
«удовольствія видѣть совершенно иную природу и находиться
въ новомъ мірѣ», какъ-бы «волшебномъ, неописуемомъ (напр.,
далекій видъ), что восхищаетъ духъ не менѣе, чѣмъ чувства; при
этомъ забываешь все, даже самаго себя и не знаешь болѣе,
гдѣ находишься». Даже въ позднѣе время года, когда скалы
стоятъ безъ зелени, съ обнаженными деревьями и по своему
настроению гармонируютъ съ ледянымъ сѣвернымъ вѣтромъ,
который все одѣваетъ снѣгомъ и льдомъ, С.-Прѣ пишетъ
своей Юліи «на мощной каменной глыбѣ», «въ дикомъ мѣстѣ,
которое онъ особенно полюбилъ». Страстное движеніе, преоб-
ладающее въ первой части романа, находитъ для себя выра-
женіе и въ настроении природы, причемъ дикость окружаю-
щей обстановки служитъ для него контрастомъ: «неустанно
я бѣгаю и лазаю, поднимаюсь на скалы, брошу по окрестно-
стямъ и находжу, что все, на чемъ покоятся мой взоръ отра-
жаетъ ужасъ, наполняющій мою душу». Онъ чувствуетъ пол-
ную симпатію съ окружающей его мѣстностью; «пигдѣ зелень
не представляется уже взору, желтымъ и увядшимъ кажется

лугъ, деревья лишены красы своихъ листьевъ; изсушающей съверо-восточный и ледяной съверный вътеръ все облекаетъ въ снѣгъ и ледъ; въ моихъ глазахъ вся природа мертвa, также какъ надежда умерла въ глубинѣ моего сердца. (Письмо 26). Юлія, въ свою очередь, мечтаетъ о мѣстахъ, гдѣ ни искусство, ни человѣческая рука не оставили слѣдовъ своей тревожной работы, и лишь выступаетъ любвеобильная, попечительная рука нашей общей матери—природы ¹⁾). Чувствуя, что онъ любить, С.-Прѣ въ чисто симпатическомъ воззрѣніи на природу, переносить свое счастье на вѣнчаній міръ: «Лугъ миѣ кажется веселѣе, зелень свѣжѣе и оживленѣе, воздухъ чище, небо яснѣе. Въ пѣніи штицъ мнѣ представляется болѣе нѣжности и любовной радости; журчанье ручьевъ наполняетъ меня страстью тоской, тайное очарованіе украшаетъ всѣ предметы или обольщаетъ мои чувства... пусть вся природа опять оживетъ для насъ (ощущеніемъ наслажденія), такъ какъ безъ пламени любви она мертвa и неподвижна».

Дикую прелесть горнаго ландшафта С.-Прѣ изображаетъ во всей ея полнотѣ въ описаніи Мелльери, гдѣ онъ пользовался грустнымъ счастьемъ сопровождать свою утраченную возлюбленную; это живое описание всего болѣе указывало читателямъ «Элоизы» величіе вновь открытаго альпійскаго міра ²⁾). Они поднялись на вершину горы на Савойской сторонѣ озера. «Эти одинокія мѣста были настоящей пустыней, но вслѣдствіе того они были полны такими красотами, которыя нравятся впечатлительнымъ душамъ, а на всѣ прочія производятъ ужасающее впечатлѣніе». Онъ указываетъ здѣсь дикую пустынность скалъ, какъ источникъ высшаго наслажденія природой для впечатлительныхъ душъ, съ полнымъ сознаніемъ своеобразности своего воззрѣнія. Въ чемъ-же состоялъ романтическій характеръ этого мѣста? «Шагахъ въ 20 отъ насъ съ шумомъ низвергалась мутная, смѣшанная съ иломъ, пескомъ и камнями вода образовавшагося отъ тающаго снѣга горнаго потока. Позади насъ тянулась цѣль недосягаемыхъ скалъ съ громадными ледниками; темные еловые лѣса закрывали отъ насъ видъ въ правую сторону, а на лѣвой сторонѣ, по ту сторону водопада, распространялся большой дубовый

¹⁾ Письмо 36.

²⁾ Кн. IV. Письмо 17.

лъсъ. Подъ нашими ногами, въ нѣдрахъ Альпъ, простиралась необозримая водяная поверхность озера, которая отдѣляла насть отъ богатой береговой области Ваадского кантона, а сзади него, прекрасную картину обрамляли величественные вершины Юры».

Руссо оказалъ на чувство и на отношеніе къ природѣ своего времени такое дѣйствіе, какое можно назвать необычайнымъ; онъ вывелъ на естественный путь настоящаго сердечнаго чувства тогдашнее элегико-идиллическое и симпатическое отношеніе къ природѣ, положивъ въ основаніе его субъективность индивидуальной души. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ раскрылъ прелести возвышенного горнаго міра. Все то, что находилось въ зародыши въ эллинизмѣ и въ Возрожденіи, онъ довелъ до полнаго развитія; не смотря на болѣзненную меланхолію, которая, какъ сладкій ядъ, проникала въ души читателей, вмѣстѣ съ очарованіемъ страстнаго одушевленія къ новому міру ощущеній, его идеализмъ ни индивидуализмъ придали чувству природы лишь большую интенсивность и универсальность.

Его любовь къ природѣ пробудила самый живой отголосокъ. Не однихъ французскихъ читателей научилъ Руссо, что утромъ гораздо пріятнѣе наслаждаться росистою свѣжестью, чѣмъ спать въ тѣсныхъ стѣнахъ; и лугъ и поле, берегъ ручья или моря болѣе освѣжаютъ сердце, чѣмъ пропитанный духами будуаръ; въ свободномъ лѣсу, въ безыскусственномъ паркѣ веселѣе бродить, чѣмъ между подстриженными изгородями или прямолинейными полосами дѣрна; слаще мечтать, видя надъ собой облака и небо, подъ ногами траву и около себя сверкающій свѣтъ и поющіхъ птицъ и шумящія волны; сознавать природу утѣшительницей притѣсненныхъ и преслѣдуемыхъ, подругой, изливающей бальзамъ; находить зрелище ея тѣмъ болѣе возвышающимъ, чѣмъ менѣе прикасалась къ ней рука человѣка, чѣмъ она свободнѣе и величественнѣе; испытывать могучее, непрѣходящее впечатлѣніе красоты ослѣпительныхъ глетчеровъ и дикой пустынности горъ. Если Руссо самъ не проникъ еще до ледниковъ, то онъ указалъ къ нимъ путь, и вскорѣ многіе пошли туда за нимъ. Соссюръ открылъ въ научномъ смыслѣ области Альпъ; смѣлый изслѣдователь съ 1760 года неутомимо изучалъ Швейцарію, съ одушевленіемъ и самопожертвованіемъ путешественника, открывающаго новыя страны, и въ 1787 г.

поднялся на Монть-Бланъ; затѣмъ слишкомъ скоро тихія и мирныя долины Шамуни наполнились любопытными путешественниками и спекулирующими промышленниками. Возбужденный направлениемъ Руссо, его пламенной любовью къ природѣ и уединенію и величественными описаніями, появились, вслѣдъ за «Элоизой», произведенія Бернардена д-С.-Пьерра, въ особенности его прекрасныя описанія Иль-де-Франса. Такимъ образомъ, одного толчка, даннаго Руссо, было достаточно, чтобы во французской литературѣ появился ревностный живописецъ природы. Кто не вспоминаетъ съ наслажденіемъ о тѣхъ часахъ, когда онъ въ дѣтствѣ читалъ эту популярнѣйшую книгу для юношества и восторженно переносился въ чуждый тропический міръ, въ тихую бухту съ далекой перспективой, съ глубокимъ уединеніемъ, которая, окруженнная лѣсомъ и скалами, только въ одномъ мѣстѣ позволяетъ видѣть открытое море, «гдѣ царствуетъ величественное молчаніе, и гдѣ все такъ мирно, и воздухъ, и вода, и сѣть, гдѣ эхо едва повторяетъ шумъ листьевъ пальмъ, которые волнуются на возвышенныхъ берегахъ, и длинныя вершины которыхъ видныются всегда колеблющимися отъ вѣтра; ясный день освѣщаетъ бухту, но въ ея глубины солнце проникаетъ только въ полдень; лучи утренней зари касаются только вершинъ, увѣнчивающихъ ее деревьевъ, которая, поднимаясь надъ тѣнями горъ, кажутся золотыми и пурпуровыми противуположно лазури неба»,—и тамъ, около разрушенныхъ хижинъ, старецъ разсказываетъ поэту трогательную исторію ихъ обитателей, исторію Павла и Виргиніи съ романтико-идиллическими картинами природы, облеченными волшебнымъ колоритомъ невинной Робинзонады. Во всемъ этомъ слышится тотъ-же основной аккордъ, какъ и у Руссо, то настроеніе, какое въ самой дикой и уединенной странѣ указываетъ утѣшительное убѣжище для несчастной, обиженней міромъ души: «Это инстинктъ, общій всѣмъ чувствительнымъ и страдающимъ—укрываться въ самыя дикия и въ самыя пустынныя мѣста, какъ будто скалы могутъ служить оплотомъ противъ несчастія, и какъ будто, спокойствіе природы можетъ утишить несчастныя тревоги души» ¹⁾). Но здѣсь

¹⁾ Oeuvres de Jacques Bernardin Henri de Saint-Pierre, Tome hui-jième, Paris 1793, p. 7: C'est un instinct commun à tous les êtres sen-

больше, чѣмъ у Руссо, любви къ природѣ ради нея самой, а не ради ея противоположности культуры и ненавистному миру людей; здѣсь уже говорить истинный поэтъ въ роскошныхъ, яркихъ образахъ, а не декламирующій философъ, проповѣдующій новую, естественную нравственность ¹⁾). Съ того времени поэзія природы открывается для французской литературы.

Красота тропического міра отразилась не только въ поэтическомъ произведениі Б. де-С.-Пьерра; и описания путешествій, благодаря направлению, указанному Руссо для поэзіи природы, съ того времени начинаютъ выказывать живое чувство природы. Мы можемъ видѣть это всего лучше въ отчетѣ о путешествіи вокругъ свѣта Георга Форстера ²⁾). Между этимъ описаніемъ и описаніями крестоносцевъ и путешественниковъ, открывавшихъ Новый Свѣтъ, оказывается уже громадное разстояніе; здѣсь говорить уже высокообразованный, крайне восприимчивый ко всѣму добромъ и прекрасному человѣкъ XVIII вѣка, который каждое новое впечатлѣніе—на морѣ или на сушѣ, въ мірѣ растеній или животныхъ, грозовыхъ явленій, свѣченія моря, метеоровъ, облаковъ, освѣщенія, видовъ горъ или обширнаго кругозора съ моря на близь лежащія земли—не только чувствуетъ съ большой живостью, но и изображаетъ съ величайшей привлекательностью. Георгъ Форстеръ—отецъ тѣхъ научныхъ и художественныхъ описаній странъ и народовъ, которыя Александръ Гумбольдтъ до-

sibles et souffrants de se refugier dans les lieux les plus sauvages et les plus dѣserts, comme si les rochers etaient des remparts contre l'infertilité et comme si le calme de la nature pouvait appaiser les troubles malheureux de l'âme.

¹⁾ Лапрадъ говорить (р. 204): «У Бернардена де-С.-Пьерра болѣе, чѣмъ у Руссо, настоящихъ способностей пейзажиста, любви къ живописному, живаго вниманія къ мѣстоположеніямъ, животнымъ и растеніямъ, красокъ и извѣстнаго, специальнаго волшебства кисти». Но онъ повторяетъ тотъ-же упрекъ: «Его религіозная мысль ниже его художественнаго таланта и понижаетъ его уровень».

²⁾ Joh Reinhold Forster's Reise um die Welt 1772—75 auf dem von dem Kapitn Cook gefhrten Schife, beschrieben und herausgegeben von dessen Sohn und Reisegefhrten George Forster; erster Band, Berlin 1778.

вель до высокой законченности, а новѣйшіе ученые, какъ, наприм., Геккель въ своихъ «Индійскихъ письмахъ», продолжаютъ довольно удачно и искусно. Если мы прослѣдимъ за Форстеромъ во время его великаго шуты, мы должны будемъ признать, что онъ обладалъ чувствомъ, открытымъ для всего прекраснаго въ природѣ, для всего живописнаго, привлекательнаго и величественнаго.

Такъ, на стр. 10 онъ разсказываетъ: «Городъ Санта-Круцъ на Мадерѣ въ 6 часовъ по-полудни открылся прямо передъ нами. Здѣсь увидали мы горы, перерѣзанныя множествомъ глубокихъ ущелій и долинъ, и на хребтѣ ихъ различные загородные дома, привлекательное положеніе которыхъ между виноградниками и высокими кипарисами придавало странѣ весьма романтическій видъ». «Рано утромъ, 29-го, мы были пріятно поражены живописнымъ видомъ города Фунча». Въ октябрѣ 1772 г. онъ наблюдаетъ великолѣпное свѣченіе моря вблизи береговъ Южной Африки (42): «Едва настала ночь, какъ море вокругъ насъ представило величественный, достойный удивленія видъ. Насколько можно было видѣть, весь океанъ казался въ огнѣ. Каждая разбивающаяся волна освѣщалась на своей вершинѣ яркимъ блескомъ, походившимъ на свѣтъ фосфора, а вдоль боковъ корабля набѣгающія волны образовывали яркую, огненную линію... Въ этомъ явленіи было нечто особое и величественное, такъ что нельзя было воздержаться, чтобы не думать съ почтительнымъ восторгомъ о Творцѣ, всемогущество которого производило это зрѣлище. Океанъ по всѣмъ направленіямъ былъ покрытъ тысячами миллионовъ этихъ маленькихъ животныхъ. Всѣ они организованы для жизни, всѣ одарены способностью двигаться, блестѣть по желанію и освѣщать другія тѣла простымъ прикосновеніемъ... Эти соображенія поднимались изъ глубины нашего сердца и заставляли насъ почитать Творца въ его мельчайшихъ твореніяхъ; при настоящемъ случаѣ, сообщаю это ощущеніе всѣмъ моимъ читателямъ». Въ бухтѣ Дѣски его привлекаетъ живописный контрастъ красокъ, вызываемый разнообразными оттѣнками растительности (93): «Легкій вѣтеръ заставлялъ насъ проходить постепенно мимо многихъ скалистыхъ острововъ, поросшихъ деревьями и кустарниками, темная, вѣчная зелень которыхъ живописно перемѣшивалась съ различными осенними оттѣнками прочей листвы и пріятно выдѣлялась на нихъ. Цѣлья стаи водяныхъ птицъ оживляли

скалистые берега, и земля оглаждалась всюду дикимъ пѣніемъ пернатыхъ обитателей лѣса... Взоръ упивался дикимъ характеромъ пейзажа, который и Сальваторъ Роза не могъ-бы нарисовать прекраснѣе». Съ тою-же воспріимчивостью къ живописному и величественно-дикому прославляетъ онъ (III) красоту бухты Каскадовъ на Новой Зеландіи. Они поднялись на гору; оттуда открывается обширный, великолѣпный видъ; водяной столбъ съ разрушительной яростью обрушивается съ вертикально стоящей скалы, съ высоты почти 300 футовъ. Цѣна потока, его паденіе, брызги, которыми онъ обдаётъ скалы, проникая въ нихъ, прекрасное зрѣлище радуги и призматического окрашиванія водяного столба — все это находитъ для себя живое, теплое выраженіе. «Съ лѣвой стороны этой величественной картины поднимались отвѣсныя, бурыя скалы, вершины которыхъ были увѣнчаны свѣщающими кустарниками и деревьями; раздававшееся со всѣхъ сторонъ очаровательное пѣніе птицъ довершало красоту этой дикой, романтической мѣстности». На стр. 44 онъ изображаетъ водяной смерчъ: «Вдругъ ужасающее величіе явленія, соединившаго море и облака, привело въ смущеніе старѣвшихъ изъ нашихъ моряковъ». Особенно замѣчательно его описание Таити; въ августѣ 1773 г. онъ такъ начинаетъ свой дневникъ: «Было утро! — ни одинъ поэтъ не могъ-бы изобразить его болѣе прекраснымъ, чѣмъ оно было, когда мы увидали островъ Таити въ 2-хъ миляхъ передъ собой. Восточный вѣтеръ, до тѣхъ поръ сопровождавшій нась, улегся; вѣтерокъ, вѣявшій съ твердой земли, доносилъ до нась самыя освѣжающія и прекрасныя благоуханія и рябиль поверхность моря. Увѣнчанныя лѣсомъ горы поднимали свои горделивые вершины въ различныхъ величественныхъ образахъ и сверкали въ первыхъ утреннихъ лучахъ солнца... Все казалось еще въ глубокомъ спѣ; едва только разсвѣтало, и тихія тѣни еще носились надъ пейзажемъ». Какъ прекрасно, какъ живописно придана здѣсь полная наглядность каждой прелести пейзажа; настоящее поэтическое утреннее настроеніе заключено въ этихъ немногихъ и въ то-же время глубоко проникающихъ въ душу строкахъ! Полный энтузіазма онъ пишетъ на стр. 219: «Это была одна изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей, какія я видѣлъ въ моей жизни. Столь прекрасной ее не могъ-бы нарисовать ни одинъ поэтъ. Мы смотрѣли сверху на плодородную, повсюду обработанную и обитаемую равнину и на рasti-

лавшееся за нею обширное голубое море... Здѣсь мы лежали на мягкому дѣрнѣ при торжественномъ, однообразномъ шумѣ водопада, и отъ времени до времени здѣсь раздавалось пѣніе птицъ... Мы могли провести цѣлый день въ этой плѣнительной пустынѣ... Еще разъ обозрѣли мы романтическую мѣстность и вернулись потомъ на равнину».

Въ такихъ красавыхъ, яркихъ, теплыхъ описаніяхъ Гумбольдтъ нашелъ для себя привлекательный образецъ. Его «Картины природы» и «Космосъ» служатъ доказательствомъ, насколько близкое знакомство съ природой и способность чувствовать ее обусловливаютъ и углубляютъ другъ друга, и насколько описательная проза можетъ быть проникнута своеобразной поэзіей, если она написана рукой такого мастера, какимъ былъ Гумбольдтъ.

Вызванный примѣромъ Форстера путевыя описанія этнографического и естественно-научнаго характера вскорѣ поднялись на высокую ступень и представили много образцовъ поэтической чувствительности. Типическимъ описаніемъ этого рода можетъ служить изображеніе дня подъ экваторомъ, какое находится въ «Путешествіи въ Бразилию въ 1817—1820 гг.» Спикса и Марціуса (III, 889): «Три часа утра; я оставляю мой гамакъ, потому что сонъ бѣжитъ отъ меня при моемъ возбуждѣніи; я открываю ставни и смотрю въ темную, величественную ночь. Торжественно сіяютъ звѣзды, и рѣка блеститъ передо мной въ отраженіи заходящаго мѣсяца. Какъ вокругъ меня все таинственно и тихо! Я выхожу съ потайнымъ фонаремъ на прохладную веранду и смотрю на моихъ вѣрныхъ друзей: деревья и кусты, которые окружаютъ мое жилище. Многіе изъ нихъ спятъ съ плотно сложенными листьями; другіе, спящіе днемъ, теперь спокойно раскрываясь, смотрятъ на тихую природу... День брезжетъ; неописанная торжественность заключена во всей природѣ: земля ожидаетъ своего жениха, и вотъ онъ является! Какъ красныя молнии свѣтится край солнца, наконецъ, сно поднимается, оно уже надъ горизонтомъ, вышлываетъ изъ огненныхъ волнъ и уже бросаетъ горячіе лучи на землю. Волшебный сумракъ убѣгаетъ и передъ восхищеннымъ зрителемъ земля встаетъ кругомъ въ свѣжемъ блескѣ росы, праздничная, юношески-веселая, прекрасная невѣста... Лѣсь стоитъ въ блескѣ своихъ лавровыхъ листьевъ; другіе цвѣты развертываются, иные уже сохищены быстрой радостью любви... Прошелъ полдень; смутно,

тяжело, меланхолически подавляютъ природу эти часы; все глубже проникаешьъ напряженіемъ, и чувствуется тоска, вызванная наслажденіемъ дня... Пришла буря... и прошла. Уже небо улыбается землѣ темно-голубыми глазами, и она скоро забываетъ свой страхъ... Солнце опускается и удаляется, окруженнное смѣшненіемъ самыхъ пестрыхъ красокъ, исходящихъ изъ западныхъ воротъ небеснаго свода; оно оставляетъ живымъ существамъ покой и любовь; вмѣстѣ съ сумракомъ вечера, растеніями и животными овладѣваютъ новыя ощущенія, и дружественный шепотъ и свистъ оживляютъ тѣни лѣса; обновленное любовное желаніе дышетъ въ сладострастныхъ ароматахъ, которые льются изъ раскрывшихся цветовъ... Тогда, въ тихой прохладѣ, надъ темнымъ лѣсомъ встаетъ спокойный, нѣжный, призрачный, блѣдый, какъ серебро, мѣсяцъ, а всѣ образы преобразуются въ новыя, мягкия формы. Приходить ночь; природа погружается въ сонъ и грезы, и эфиръ, покрывая землю, въ таинственной безпредѣльности блестя безчисленными вѣстниками отдаленного величія, проливаетъ смиреніе и довѣріе въ сердце человѣка: даръ Божій послѣ дня созерцанія и наслажденія». Мы находимъ здѣсь цѣлую градацію сантиментальнаго восхищенія природой—отъ первыхъ минутъ утра до наступленія ночи изображаются впечатлѣнія, затрогивающія чувство, но не могущія найти для нихъ настоящей художественной формы.

Весьма характерно, что морскія путешествія въ далекія страны вызываютъ болѣе наслажденій и болѣе описаній, чѣмъ сухопутныя; можно даже предположить, въ виду молчанія путешественниковъ, которые въ прошломъ вѣкѣ проѣзжали Европу или, по крайней мѣрѣ, Германію, что у нихъ совершенно недостаетъ какого-либо чувства природы, но нельзя не принять во вниманіе, что сто лѣтъ тому назадъ путешествіе по Германіи было еще крайне неудобно и едва-ли могло содѣйствовать чистому наслажденію природой. Такъ, напр., для леди Монтиго въ 1716 г. красота, такъ называемой, Саксонской Швейцаріи была еще недоступна и она писала¹⁾: «Мы приѣхали при лунномъ свѣтѣ къ страшнымъ пронастямъ, которыя отдѣляютъ Богемію отъ Саксоніи и у подошвы которыхъ

¹⁾ E. Boll, «Das Reisen in Deutschland vor 100 Jahren», Globus von Andree Braunschweig 1867 Bd. XII S. 142.

протекаетъ Эльба; во многихъ мѣстахъ дорога такъ узка, что «не могла замѣтить между колесами и краемъ пропасти даже про-странства въ одинъ дюймъ»; и ея мужъ подтверждаетъ, что даже въ Альпахъ онъ не знаетъ болѣе опасной дороги. Шерръ въ своей «Исторіи нѣмецкой культуры» приводить слѣдующій случай: Поздней осенью 1721 г. одинъ бургерь отправился въ Эльван-генъ, находившійся въ 8 часахъ разстоянія; передъ тѣмъ онъ заказалъ обѣдю въ церкви Св. Иоанна «за счастливый исходъ предстоявшаго путешествія»; онъ пользовался (съ женой и служанкой) парной повозкой; въ понедѣльникъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ проѣхать одинъ часъ, экипажъ застрялъ въ грязи, такъ что вся компанія должна была выйти и «по колѣно въ грязи» вытаскивать повозку. Среди деревни Бѣбингена кучерь «неосторожно попалъ лѣвымъ переднимъ колесомъ въ навозную яму, такъ что экипажъ опрокинулъся, и почтенная жена бургера больно ушибла себѣ носъ и щеку». Отъ Мѣттингена до Аалена пришлось запрѣть трехъ лошадей впереди, и все-таки на перѣѣздѣ понадобилось шесть полныхъ часовъ и пришлось тамъ переночевать. На слѣдующее утро путники выѣхали на разсвѣтѣ и къ полудню счастливо достигли деревни Гофена. Но здѣсь путешествіе разомъ окончилось, такъ какъ за 100 шаговъ до деревни повозка упала и притомъ въ лужу, такъ что «всѣ отвратительно перепачкались, дѣвушка сломала себѣ правое плечо, а кучерь вывихнулъ себѣ руку». Въ то-же время оказалось, что одна изъ осей была сломана, и одна изъ лошадей «совершенно повредила себѣ лѣвую переднюю ногу». Такимъ образомъ, пришлось переночевать еще разъ, оставить въ Гофенѣ лошадей и повозку, кучера и служанку, и на-нять телѣгу, на которой путники, наконецъ, «до жалости разстроенные» въ среду, во время вечерни, достигли воротъ Эльвангена.

Когда невѣста Лессинга, Ева Кенигъ, въ февралѣ 1772 г.ѣхала изъ Брауншвейга въ Нюренбергъ, она писала Лессингу изъ деревни Раттельсдорфъ (въ 2 миляхъ къ сѣверу отъ Бамберга), отъ 28 февраля: «Слыхали-ли вы когда-нибудь въ вашей жизни о деревнѣ, которая называется Раттельсдорфъ? Мы сидимъ въ ней уже почти 24 часа, и кто можетъ ска-зать, что намъ не придется просидѣть еще четверо сутокъ? Дѣло зависитъ отъ Майна—пропустить-ли онъ настѣ, въ та-комъ видѣ, каковъ онъ теперь, черезъ него перѣѣхать нельзя, хотя-бы и отважившись на это. Столько препятствій, какъ

я встрѣтила на этомъ пути, связанныхъ съ такими затруднѣніями и опасностями, я никогда не испытывала въ моей жизни. Можно придумать только немного бѣдъ, которыхъ съ нами еще не было». Она сообщаетъ еще, что они въ теченіе 36 часовъ сломали двѣ оси и два дышла, какъ одна лошадь оступилась и околѣла, и т. д.; 2-го марта она все еще сидѣла въ несчастной деревенькѣ. Еще въ 1750 г. въ одинъ день пути проѣзжали обыкновенно пять миль, по одной милю въ два часа; «и когда въ юлѣ 1750 г. Клопштокъ съ Глеймомъ въ легкой повозкѣ, четверней, проѣхали по дорогѣ изъ Гальберштата въ Магдебургъ 6 миль въ шесть часовъ, Клопштокъ нашелъ эту быстроту столь необычайной, что сравнилъ ее съ бѣгомъ на Олимпійскихъ играхъ. Кто обладалъ какими-либо претензіями, тотъ боялся путешествія пѣшкомъ—дурныхъ дорогъ, нѣкоторой опасности пути, неопрятныхъ постоянныхъ дворовъ и грубаго обращенія; хорошо одѣтые пѣшеходы, восхищающіеся мѣстностью, были совершенно неизвѣстны» (Густавъ Фрейтагъ).

Лишь послѣ распространенія шоссе, изобрѣтенія пароходовъ (первый пароходъ появился на Везерѣ въ 1827 г.) и желѣзныхъ дорогъ (съ 1835 г.), путешествія сдѣлались чаще и стали содѣйствовать расширенію и углубленію чувства природы. Когда для путешественниковъ открылись Альпы, въ Германии усилился интересъ и къ отечественнымъ горамъ. Путь на Гарцъ проложилъ Э. А. В. Циммерманъ, напечатавшій въ 1775 г. «Наблюденіе во время путешествія на Гарцъ» и за нимъ Гаттерфѣ, который въ 1785 г. издалъ въ 5 томахъ «Руководство къ путешествію по Гарцу»; въ 1777 г. появились путешествія въ Исполинскія горы И. Т. Фолькмара, а въ 1806 г. «Путеводитель по Саксонской Швейцаріи» Николаи. Прошло немного времени, и каждая маленькая страна или провинція открыла «Швейцарію» въ своихъ предѣлахъ, хотя бы эта веймарская, франконская или мекленбургская Швейцарія относилась къ Альпамъ, «какъ хорошенъка, маленькая дѣвочка къ громадному великану».

Тогда въ Германии были открыты и романтическія мѣста. Такъ, цѣлью путешественниковъ—любителей природы все чаще и чаще бывалъ островъ Рюгенъ, тогда еще принадлежавшій Швеціи. Онъ привлекалъ къ себѣ голубыми бухтами, великолѣпными буковыми лѣсами и величественными мѣловыми скалами, ослѣпительная бѣлизна которыхъ составляла живо-

шисный цветовой контрастъ съ зеленою листьевъ и синевой моря; эти поѣздки въ особенности усиливались, когда была сдѣлана удобная дорога изъ Загарда въ романтическій Штуббенкамеръ ¹⁾). Уже въ 1805 г. жалуется Грюмбке, что многие прѣѣзжаютъ туда не для наслажденія природой, а для кутежей: «Ты знаешь, что я не врагъ удовольствій и не хуже всякаго другого чувствую освѣжающее наслажденіе Ѣды и питья послѣ утомительного тѣлеснаго напряженія; но дѣлать изъ нихъ главную цѣль это—святотатство по отношенію къ этому мѣсту, которое предназначено служить иному богу, кромѣ чрева. Въ этой ужасающе-прекрасной пустынѣ, подъ этими зелеными боковыми сводами, на зубцахъ этого исполинскаго храма, передъ необозримой лазурной поверхностью моря, въ груди друга природы должны возникать только важныя и высокія мысли. Все это мѣстоположеніе, носящее на себѣ печать достоинства, возвышенности и таинственности, кажется назначеннымъ для того, чтобы сосредоточивать свои мысли, прислушиваться къ своимъ внутреннимъ глубинамъ и проникать въ скрытую жизнь безкощечнаго міра: необходимыми условіями для того должны быть уединеніе и спокойствіе и потому Штуббенкамеръ надо посѣщать одному или, самое большее, въ обществѣ близкихъ, одинаково настроенныхъ друзей». Какъ мы можемъ видѣть изъ этого, пониманіе сурою кра-

¹⁾ Уже въ 1597 г. Пауль Лемпнусъ уроженецъ Рюгена, бывши студентомъ въ Ростокѣ, напечаталъ «Похвалу Рюгену» (Laudes Rugiae); Козегартенъ, отъ 1777—1779 домашній учитель въ Бергенѣ, 1792—1808 г. проповѣдникъ въ Альтенкирхенѣ, прославлялъ съ Оссіановской возвышенностью красоту, опоясанную моремъ острова; въ 1799 г. появилась «Поѣздка на о-въ Рюгенъ» Рельштаба, въ 1800—«Странствованія по о-ву Рюгену» Нафеста; въ 1805 «Indigena», «Поѣздка на Рюгенъ» д-ра Грюмбке; уже въ 1762 г. пейзажистъ Гаккертъ, изъ Пренцлау, дѣлалъ тамъ этюды, а грейфсвальдскій живописецъ Фридрихъ работалъ тамъ-же 30 лѣтъ спустя; справедливо говорить Грюмбке: «Художникъ, который хочетъ изучить воздушную перспективу и оттенки колорита фоновъ, мягкое сияніе тоновъ и волшебную дымку, застилающую даль, кто хочетъ подсмотрѣть все это у самой природы,—тотъ пусть поднимется на волнистые холмы Рюгена». Въ 1816 г. было открыто первое купальное мѣсто на Рюгенѣ (Путбусь—Лаутербахъ); за нимъ последовали Бинцъ, Крампассъ, Засницъ. Ср. E. Boll op. cit. и globus, XII, S. 308 и E. Boll Die Insel Rügen, Reiseerinnerungen, Schwerin 1858.

соты природы, ея романтическаго характера во всей таинствен-
ной возвышенности и важности проснулось и на крайнемъ
съверѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Представители современной поэзіи природы.

I. Гёте.

Восемнадцатое столѣтіе, не смотря на горделивое название
вѣка воинственнаго Фридриха и Маріи Терезіи, вѣка Канта
и Лессинга, Руссо и Вольтера, вѣка просвѣщенія, даже революціи,
во всемъ направлениі своихъ вкусовъ и чувствъ мо-
жетъ считаться самымъ сантиментальнымъ временемъ, какое
когда-либо появлялось въ исторіи. И поэзія природы носить
ту-же печать элегической сантиментальности, хотя правдивыя
ноты искреннаго энтузіазма передъ природой звучать не только
у Клоштока, но и у многихъ анаkreонтиковъ и геттинген-
цевъ. Но кругъ ихъ созерцанія оставался, относительно, уз-
кимъ; у нихъ повторяются все тѣ-же восхваленія лунного
свѣта и звѣздной ночи, идиллической пастушеской жизни, ве-
сенней радости и зимнихъ удовольствій на льду; Фрицъ Шталь-
бергъ воспѣвалъ, кромѣ того, море и свои родныя горы.
Только въ лице Руссо явился впервые провозвѣстникъ роман-
тической красоты величественныхъ альпийскихъ картинъ. Но
и онъ, не смотря на свою сердечную и глубокую любовь къ
природѣ, бывшею самой привлекательной чертой въ его ха-
рактерѣ, оставался сыномъ своего сантиментального, отражаю-
щагося въ самомъ себѣ и обоготворяющаго себя вѣка; самое
чувство природы у него имѣетъ подкладкой болѣзненное ду-
шевное настроеніе, какъ-бы его не называли—міровой скорбью,
бѣгствомъ отъ міра, мизантропіей или меланхоліей. Только
Гёте, послѣ тяжелой внутренней борьбы, вполнѣ отрѣшился
отъ несчастнаго проклятія, тяготѣвшаго надъ міромъ. Юный
Гёте выступилъ въ эпоху «прекрасныхъ душъ», поэтовъ
лунного свѣта, энтузіастовъ природы, элегико-идиллической
пасторальной поэзіи, въ эпоху «Элоизы», переполненной чув-

ствомъ и природой; влияніе всѣхъ перечисленныхъ моментовъ на него неоспоримо, но какъ онъ ихъ облагородилъ, какъ онъ очистилъ ихъ отъ лживыхъ примѣсей призрачности и условности, какъ онъ поднялъ ихъ до свободной, естественной, универсально-идеальной человѣчности! Онъ занялъ мѣсто величайшаго лирика въ свѣтѣ, благодаря геніальной способности находить поразительно удачныя выраженія, единственно соответственную форму для всего, что приводило въ движение его высоко-впечатлительное и неизмѣримо-глубокое сердце. Все, что опь переживалъ внутри себя, превращалось у него въ стихотворенія, все, что онъ видѣлъ извнѣ, превращалось у него въ образы. Наблюденіе и творчество совпадаютъ у него. Большинство его предшественниковъ искусственно переносились въ область извѣстныхъ ощущеній, работали съ цѣлымъ аппаратомъ греческаго Олимпа, съ нимфами, ореадами, съ Хлоями, Филладами, Дамонами, съ Авророй, Эхомъ и Зефиромъ или съ тяжелымъ оружіемъ сѣверно-германской миѳологии. Въ сущности, у нихъ повторяются лишь съ большей или меньшей живостью однѣ и тѣ-же мысли о природѣ, о лунѣ, о маѣ, о сельской жизни и т. д.; рѣдко настоящая жизнь сердца даетъ правдивую окраску ихъ лирикѣ; описание, списываніе пейзажныхъ картинъ слишкомъ часто застуپаетъ у нихъ мѣсто ума и настоящаго чувства. Какъ у Гёте сразу все является въ иномъ видѣ! Впрочемъ не сразу... И этотъ великий гений «образовался», и онъ долженъ быть пройти путь возрастающаго развитія, и для него дорога была расчищена двумя великими предшественниками—Лессингомъ и Гердеромъ.

Лессингъ обладалъ не лирической, а критико-дидактической натурой; поэтому, его значеніе въ исторіи поэзіи природы можетъ быть только существенно отрицательнымъ. Установливая въ «Лаокоонѣ» границы между поэзіей и живописью, онъ въ то-же время возстаетъ противъ заблужденія своего времени—рисовать въ стихахъ, принижать поэзію до описательнаго изображенія временъ года, странъ, растеній и т. д. Это его основныя положенія, когда онъ говорить: «Симонидъ называлъ живопись нѣмой поэзіей, а поэзію говорящей живописью, но многие изъ новѣйшихъ критиковъ искусства изъ этого совпаденія живописи и поэзіи вывели самыя странныя заключенія. Они то втискиваютъ поэзію въ узкіе предѣлы живописи, то заставляютъ живопись занимать всю обширную область поэзіи... Такая критика породила въ поэзіи стремленіе

къ описаніямъ, а въ живописи наклонность къ аллегорії, именно, первую хотѣли превратить въ говорящую картину, не зная въ точности, что она можетъ и должна изображать, а послѣднюю въ иѣмое стихотвореніе, не разсудивъ о томъ, въ какой мѣрѣ она можетъ изображать общія понятія, не удаляясь отъ ихъ значенія, и не переходя въ совершенно произвольный способъ выраженія... Такъ какъ художникъ у вѣчно измѣняющейся природы можетъ заимствовать не болѣе, какъ одно отдѣльное мгновеніе, а живописецъ можетъ пользоваться этимъ единственнымъ мгновеніемъ только съ одной, извѣстной точки зреянія, то несомнѣнно, что это мгновеніе и эта точка зреянія не могутъ быть избраны съ достаточно плодотворнымъ результатомъ. Только то можетъ быть названо плодотворнымъ, что оставляетъ полный просторъ силѣ воображенія. Чѣмъ болѣе мы видимъ, тѣмъ болѣе мы должны думать объ этомъ. Чѣмъ болѣе мы обѣ этомъ думаемъ, тѣмъ болѣе мы предполагаемъ въ этомъ видѣть». Возставая въ особенности противъ заблужденій описательной поэзіи, онъ высказываетъ: «Гораций говорить (*Ars poetica*, v. 16—18), что, когда стихокропателю больше сказать нечего, онъ начинаетъ изображать рощу, жертвенникъ, ручей, змѣящійся по прекрасному лугу, шумящій потокъ, радугу. Попе выражалъ опредѣленное требование, чтобы тотъ, кто хочетъ быть достоинъ имени поэта, какъ можно ранѣе, отказался отъ страсти къ описаніямъ, и называлъ чисто описательное стихотвореніе приглашеніемъ на подливку, оставшуюся послѣ обѣда».

Какъ ни остроумно отдѣленіе поэзіи—искусства, изображающаго дѣйствія въ послѣдованіи времені, и живописи—искусства, изображающаго тѣла въ пространствѣ, но это воззрѣніе отводить слишкомъ мало мѣста лирикѣ чувства и пейзажной живописи ¹⁾). Обѣ эти области душевной жизни были чужды этому проницательному, критическому, разсудочному уму. По его твердо установленнымъ основнымъ положеніямъ, виѣшнее, тѣлесное, пейзажное, т. е., мертвая природа въ ея формахъ и образахъ, сама по себѣ, не можетъ быть цѣлью поэзіи, какъ мы видимъ это у Томсона, Броккеса, Галлера и др.; поэтъ долженъ представлять виѣшний міръ во внутренномъ движеніи, долженъ подчинять его настроенію и чувству.

¹⁾ Ср. Gottschall, *Poetik*, Breslau 1853, S. 38.

Правда, лирическое стихотворение может изображать краски и формы внешнего мира, но надъ всѣмъ этимъ долженъ носиться душевный ароматъ, природа и духъ должны быть сплетены въ одно и то-же, что должно быть сродно и пейзажной картинѣ. Гёте достигъ въ этомъ отношеніи наибольшаго совершенства и именно въ краткихъ, проникнутыхъ извѣстнымъ настроениемъ изображеніяхъ.

Относительно господствовавшаго тогда направлениія чувства, критика Лессинга оказала оздоравливающее и освобождающее вліяніе; по гораздо болѣе положительныхъ элементовъ заключало въ себѣ возврѣніе Гердера, отличавшееся тонкимъ эстетическимъ чувствомъ. Въ этомъ возврѣніи было пламенное предпочтеніе народной поэзіи, которая такъ долго оставалась непонятой, всего естественнаго и живого, всего свѣжаго, бьющаго ключомъ изъ внутренняго источника народнаго сознанія въ поэзіи старого и нового времени, одушевленное отношеніе къ Псалмамъ, Гемеру, Шекспиру, а также и Оссіану. Все это дѣйствовало оживляющимъ и возбуждающимъ образомъ, открывая новые, плодотворные пути, и это вліяніе всего сильнѣе отражалось на Гёте. Гердеръ призналъ, что чувство, долго сдерживавшееся оковами противоестественнаго вкуса, перешло къ другой крайности, открыло сердце у молодыхъ поэтовъ и развязалъ имъ языки для свободнаго, простого, естественнаго образа мыслей и чувствъ; онъ достигъ этого тѣмъ, что обнаружилъ драгоцѣнное сокровище истинной народной поэзіи и показалъ зеркало, въ которомъ каждый могъ видѣть самого себя. Это имѣло не только отрицательное значеніе, уничтожая возможность искусственнаго и условнаго, такъ долго преобладавшаго въ лирикѣ—онъ разработалъ эти сокровища положительной, производительной работой, посредствомъ сбиранія и изученія ихъ. Если ему и не удалось осуществить болѣе обширные планы, захватывавшіе всю исторію поэзіи, то его слѣды въ послѣдующемъ времени замѣтны всюду, и сѣмена, посѣянныя имъ, принесли богатые плоды.

Народныя пѣсни кажутся еще, наравнѣ съ растеніями и цветами, дѣтьми той-же матери-природы: «Всѣ пѣсни такихъ дикихъ народовъ, говорить онъ ¹⁾), придаютъ жизнь на-

¹⁾ Über Ossian und die Lieder alter Völker, Sämtliche Werke, Teil 7, S. 40, Cotta 1828.

стоящимъ предметамъ, дѣйствіямъ, событиямъ. Какъ богаты и разнообразны тамъ обстоятельства, черты времени, частные случаи! И все это прошло передъ глазами! И душа все это представляеть себѣ! Пусть это порождаетъ скачки и прыжки. Между частями пѣсни нѣтъ другой взаимной связи, какъ между деревьями и кустарниками въ лѣсу; между сценами самого событія этой связи столько-же, сколько между скалами и пещерами въ пустынѣ». Въ другомъ мѣстѣ¹⁾ онъ даетъ въ нѣсколькихъ словахъ очеркъ исторіи чувства природы: «Несомнѣнно, что изученіе природы дѣлаетъ мягче человѣческій духъ. Чего-же желали древніе въ своихъ «георгикахъ», какъ не того, чтобы сдѣлать человѣка человѣчнѣе въ различныхъ превращеніяхъ его и постепенно привести его къ наблюденію природы, порядку, трудолюбію и благосостоянію?.. Поэтому, когда въ среднихъ вѣкахъ поэзія опять ожила, всѣ вспомнили обѣ ея прежніемъ, настоящемъ мѣсторожденіи среди растеній и цвѣтовъ. Провансальскіе и романскіе поэты любили описанія ихъ; у Спенсера, напр., постоянно встрѣчаются прелестные стансы, которые изображаютъ прекрасныя, пустынныя мѣста вмѣстѣ съ ихъ водами и цвѣтами. Съ необычайной любовью и избыткомъ фантазіи написаны шесть книгъ Коулея о растеніяхъ, цвѣтахъ и деревьяхъ, а о нашемъ ста-ромъ Брокесѣ Гесснеръ справедливо выразился: «Онъ съ точностью наблюдалъ природу въ ея разнообразныхъ красо-тахъ до мельчайшихъ деталей; его нѣжное чувство растрогивалось ничтожнѣйшими обстоятельствами; травка съ каплей росы на солнцѣ воодушевляла его; его картины часто слишкомъ напыщены, слишкомъ искусственны, но его стихотворенія, все-таки,—галлерея картинъ и образовъ, прямо взятыхъ изъ природы». «Альны» Галлера, стихотворенія Клейста и Гесснера говорятъ сами за себя. Гердеръ одушевляется «Гим-номъ къ природѣ» Шефтсбѣри, въ которомъ прославляется красота и благость природы съ высокимъ поэтическимъ порывомъ, и переводить его²⁾; въ его произведеніяхъ мы видимъ даже подготовленіе къ эстетикѣ прекраснаго въ природѣ. Со времени моралистическихъ толкованій Поне, Адисона, Шефтсбѣри и др. англичанъ, и въ Германіи, какъ мы уже

¹⁾ Teil 15, S. 145.

²⁾ Zur Philosophie und Geschichte 2 Teil, S. 283.

видѣли раньше сдѣлалось любимой темой и шѣтистическихъ и раціоналистическихъ кружковъ разсматривать красоту и по-
рядокъ природы въ ихъ нравственномъ вліяніи на человѣка¹⁾.

¹⁾ Какъ типическое сочиненіе въ этомъ смыслѣ, я назову книгу Зульцера, уже упомянутую выше. (T. G. Sulzer «Unterriedungen über die Schönenheit der Natur nebst desselben moralischen Betrachtungen über besondere Gegenstände der Naturlehrer»). Предисловіе экземпляра Лейпцигской университетской библиотеки, находящагося у меня въ рукахъ, помѣчено 1869 годомъ; предыдущія изданія были посвящены Бодмеру: пѣроятно, автору показалось, что эта книга недостойна такого великаго человѣка. На этомъ экземплярѣ находится характеристическая надпись, сдѣланная г-жею фонъ-Шталь-Гольштейнъ, красивымъ женскимъ почеркомъ: «Взглядъ на природу поднимаетъ къ религіознымъ мыслямъ, которыя служатъ связью между ею и безконечнымъ и крѣпче привязываютъ насъ къ ея чудесамъ и красотамъ». Эта книга весьма интересна, какъ изображеніе вкуса того времени. Она описываетъ, какъ вѣкто, будучи человѣкомъ мало впечатлительнымъ къ красотамъ природы, подъ руководствомъ друга сдѣлался ея ревностнымъ поклонникомъ. Харить разсказываетъ, какъ Эвкратъ разбудилъ его раннимъ утромъ и повелъ его на ближайшій холмъ, когда солнце только что восходило. Чистый воздухъ, согласное пѣніе птицъ, обширный видъ съ лѣсами, деревнями и прудами «трогаетъ» его, и Эвкратъ объясняетъ ему, что созерцаніе природы есть «естественнѣшее удовольствіе», что оно заставляетъ земледѣльца забывать свое горе и свое рабство и, наполняя его духъ отрадой, позволяетъ ему пѣть среди тяжелой работы. «Это удовольствіе всегда для насъ ново, и наше сердце всегда для него открыто, насколько оно свободно отъ суетности и отъ бурныхъ наклонностей. Развѣ ты не знаешь, что огорченные и, въ особенности, влюбленные находятъ въ немъ для себя лучшее утѣшеніе? Развѣ болѣго освѣжаетъ и ободряетъ что-либо болѣе, чѣмъ отрадный солнечный свѣтъ?... Онъ обращаетъ вниманіе своего спутника на «измѣнчивость въ красотѣ природы», на «прелестную гармонію столь многихъ тысячъ цвѣтовъ», на «мягкость природы, которая такъ доступна для души» и совѣтуетъ избѣгать «бурности страстей»: «Каждый ручеекъ есть образъ нашей души; пока онъ тихо бѣжитъ въ своихъ берегахъ, вода его чиста; прекраснѣшша трава и тысячи цвѣтовъ окаймляютъ его; но когда онъ надувается и бѣжитъ бурно, это украшеніе уносится, и вода дѣлается мутной. Духъ нашъ долженъ быть свободенъ, если мы хотимъ чувствовать кроткое удовольствіе природы. Она—святынище, доступное только для невинныхъ душъ... Подобно тому, какъ вода, будучи бурной, не показываетъ уже на своей поверхности ни образа неба, ни образа ближайшей мѣстности, а лишь тихій потокъ позволяетъ видѣть эту прекрасную картину, точно также и кроткіе образы природы отражаются лишь въ тихихъ душахъ!!» Краснорѣчиво изображаетъ онъ сладкое восхищеніе, какое доставляютъ ему журчаніе ручья, разнообразное пѣніе птицъ, запахъ цвѣтовъ, какъ онъ по цѣлымъ часамъ бродить въ лѣсу, и «тогда всѣ чувства откры-

Но эстетического раздѣленія и расчлененія разнообразныхъ впечатлѣній природы мы здѣсь почти вовсе не встрѣчаемъ; значительнѣйшія изъ этихъ раздѣлений мы находимъ ни у кого другого, какъ у Канта въ его «Наблюденіяхъ надъ чувствомъ прекраснаго и возвышеннаго»¹), относящихся къ 1764 г. Онъ различается въ болѣе уточненомъ ощущеніи отъ впечатлѣнія природы, впечатлѣнія двоякаго рода — возвышеннаго и прекраснаго. «То и другое пріятно затрогиваются насть, но весьма различнымъ образомъ. Видъ горъ, сиѣжнага вершины которыхъ поднимаются за облака, описание бури... нравятся намъ, но съ примѣсью ужаса; напротивъ, видъ цвѣтистыхъ луговъ, долинъ съ змѣящимися ручьями, покрытыхъ пасущимися стадами, описание Элизіума... также вызываютъ пріятное ощущеніе, но оно весело и радостно. Для того, чтобы первое впечатлѣніе могло дѣйствовать на насть съ достаточной силой,

ваются прелестнымъ впечатлѣніямъ природы», и она кажется ему «лучами блаженнаго отблеска той первоначальной красоты, зрѣлище которой должно рано или поздно доставить блаженство нашему духу». Они вступаютъ на великолѣпный лугъ, надъ которымъ «амфитеатромъ» возвышается лѣсъ; Харитъ объясняется на растеніяхъ гармонію въ многообразіи, а на животныхъ, — «какъ уклоненія одного вида отъ другого почти незамѣтны» и т. д. Эвкратъ вскорѣ признаетъ, что «нельзя достаточно прославить природу, и что ея искусство, дѣйствительно, безконечно велико». Однажды вечеромъ, онъ разсказываетъ (3 Unterr., S. 70): «Мы вышли изъ небольшого лѣса на открытое поле, когда солнце только что сбиралось закатиться. Мѣстность и красота вечера казались созданными именно для того, чтобы ласкать сердце пріятнѣйшими ощущеніями. Мы созерцали въкоторое время на концѣ лѣса заходящее солнце, которое бросало на насть послѣдніе лучи черезъ вѣтви бука. Вскорѣ мы увидѣли, какъ все готовилось къ покою. Земледѣлецъ медленно возвращался съ тяжелой работы въ свою хижину, пастухъ гналъ свое блеяющее стадо въ хлѣбъ. Птицы съ полей перелетали въ кусты, и вся природа, казалось, подготовлялась къ ночному покою. Все, что мы видили, могло пробуждать въ насть лишь самую чувствительную отраду». Его сердце вздрогиваетъ отъ благоговѣнія передъ Творцомъ; ему кажется, что онъ находится среди величественнаго храма, — «въ которомъ вся созданія лежатъ въ глубокомъ молитвенномъ преклоненіи». Его грудь такъ полна мыслей и ощущеній, что онъ не можетъ ихъ выразить; «по цѣли земныхъ существъ онъ поднимается до безконечнаго»; полный благоговѣнія и смиренія онъ преклоняется передъ великимъ Творцомъ величественной природы.

¹) Smtliche Werke herausgegeben von Rosenkranz, 4 Teil. Leipzig 1838.

мы должны обладать чувствомъ возвышенаго, а для того, чтобы вполнѣ наслаждаться послѣднимъ,—чувствомъ прекраснаго»¹). Высокіе дубы, одинокія тѣни въ священныхъ рощахъ и ночь, онъ называетъ возвышенными; день и цвѣточный коверъ, низкія изгороди и деревья, вырѣзанныя фиgурами (!)—прекрасны. «Умы, обладающіе чувствомъ возвышенаго, въ спокойной типинѣ лѣтняго вечера, когда дрожащій свѣтъ звѣздъ проникаетъ черезъ тѣни ночи и одинокій мѣсяцъ стоять передъ глазами, постепенно приходятъ къ высокимъ мыслямъ о дружбѣ, о презрѣніи къ миру, о вѣчности. Блестящій день вливается въ насъ дѣловую ревность и чувство веселости. Возвышенное трогаетъ, прекрасное восхищаетъ». Но и въ сферѣ возвышенаго онъ указываетъ еще различные формы. «Чувство его сопровождается иногда пѣкоторымъ ужасомъ или грустью, въ другихъ случаяхъ — спокойнымъ восторгомъ, а въ иныхъ—возвышеннымъ пониманіемъ красоты. Первое я называю устрашающе—возвышеннымъ, второе—благороднымъ и третье—великолѣпнымъ. Полное единеніе имѣть возвышенный, но и устрашающій характеръ. Поэтому, большія, пространныя пустыни, какъ напр., огромная пустыня Гамо (Гоби) въ Татаріи, во всѣ времена давали поводъ помышлять туда страшные призраки, и оборотней. Возвышенное, во всякомъ случаѣ, должно быть большимъ и простымъ; прекрасное можетъ быть и малымъ и прикрашеннымъ». Онъ старается опредѣлить и романтическое въ природѣ, хотя еще весьма неопределенно: «Свойство ужасающе—возвышенаго, когда оно вполнѣ неестественно, есть причудливость. Насколько возвышенность или красота переходитъ за извѣстную среднюю мѣру, ихъ обыкновенно называютъ романтическими».²).

¹⁾ Ib. 400.

²⁾ S. 107. «Романтическій» и причудливый для него еще тождественные понятія; такъ, (462) онъ говорить о странномъ вкусѣ среднихъ вѣковъ, который породилъ «странный родъ героическихъ фантастовъ, которые себя называли рыцарями и искали приключений, турнировъ, поединковъ и романтическихъ поступковъ». Подобно тому, какъ Кантъ называетъ романтическое «неестественнымъ» и превосходящимъ извѣстную среднюю мѣру, Ж. П. Рихтеръ называетъ это «прекраснымъ безъ ограниченія»; Гёте гораздо ближе къ нашему возврѣнію, когда онъ въ «Изрѣченіяхъ въ прозѣ» (Трет. отд.) говоритъ: «Такъ называемое ро-

Онъ привѣтствуетъ жаворонка, онъ прославляетъ радугу: «Прекрасное дитя солнца... Образъ надежды надъ черными облаками... Надежды — краски, преломленные лучи и дѣти слезъ, правда — солнце»¹). Съ какимъ чувствомъ проведено здѣсь сліяніе человѣческой жизни съ жизнью природы! Въ стихотвореніи «На морѣ у Неаполя» онъ восхищается окружающимъ его величиемъ: «Утомленный тяжелымъ зноемъ лѣта, я сѣлъ внизу у прохладнаго моря. Волны катились, цѣлую край сѣраго берега... И надо мною высоко, въ струяхъ голубого эфира, шептало дерево... Стойная, прекрасная царица деревьевъ Пинія, уносила меня въ область золотыхъ грезъ». Въ «Воспоминаніи о Неаполѣ» онъ жалуется: «Да, исчезли они, они исчезли, тѣ короткіе, тѣ прекрасные часы, какіе и я пережилъ въ Позилиппо. Прелестное сновидѣніе изъ гrotовъ, скалъ, холмовъ, острововъ, прекраснаго отраженія солнца, озеръ, моря — ты отлетѣло отъ меня». Очарованіе величественнаго вечера на морѣ кажется ему неподдающимся выраженію: «Когда

мантическое извѣстной страны есть тихое чувство возвышеннаго въ формѣ прошлаго, или, — что равносильно, — уединеніе, отрѣшенность», хотя здѣсь недостаточно выяснено специфическое впечатлѣніе величественнаго горнаго пейзажа въ отличіе отъ уединенія и отрѣшенности неизмѣримыхъ пустынныхъ пространствъ или пустынь. На Канта опирается Шиллеръ въ своемъ превосходномъ разсужденіи «О возвышенномъ», гдѣ онъ высказываетъ: «Чувство возвышеннаго есть смѣшанное чувство. Это — соединеніе большеннаго чувства, высшая степень котораго есть ужасъ и радостнаго чувства, которое можетъ подниматься до восторга, и хотя оно не есть настоящее удовольствіе, но утонченными душами предпочитается всѣмъ другимъ удовольствіямъ. Видъ неограниченныхъ далей и необозримыхъ высотъ, обширный океанъ подъ ногами и еще болѣе обширный океанъ надъ головою, отвлекаютъ духъ, воспріимчивый къ возвышенному, отъ узкихъ сферъ дѣйствительнаго и отъ давящаго рабства физической жизни». Такимъ образомъ, романтическое есть только усиленіе возвышеннаго.

¹) Гёте пишетъ (Der junge Goethe von Bernays I, 53): «Свѣтъ есть правда, но солнце не есть правда, откуда вытекаетъ свѣтъ. Ночь есть неправда. И что такое красота? Она не свѣтъ и не ночь. Сумерки, гдѣ рождаются правда и неправда. Нѣчто среднее». Прекрасныя, глубокія слова. Въ прекрасномъ сливаются вмѣстѣ противоположенія идеи и дѣйствительности, какъ свѣтъ и тѣни въ сумеркахъ. Въ то-же время эти слова могутъ служить девизомъ романтиковъ, идеаломъ красоты которыхъ также былъ сумракъ, т. е. мистическое сочетаніе грезы и жизни, фантазіи и разума, вслѣдствіе чего сумракъ ведетъ къ туманной полутьмѣ и ночной неопредѣленности всѣхъ очертаній.

въ тихое море кротко погружалась вечерняя заря и, мъсяцъ съ сопромъ своихъ звѣздъ, все свѣтлѣе, поднимался на небо, ахъ, тогда текли съ новымъ желаніемъ невинныя юношескія слезы; только вздохъ говорилъ, а все молчало». Настоящее поэтическое воззрѣніе на природу выказываетъ онъ въ стихотвореніи «Ночь», въ которомъ прославляетъ ее, священную, спокойную мать созвѣздій: «Тебя ожидаетъ уже жаждущая земля, и ея цвѣты устало склоняютъ голову, чтобы насладиться изъ твоей чаши хотя-бы только двумя каплями небесной росы; а вмѣстѣ съ ними склоняется устало и моя переполненная образами душа». Ужасъ передъ безконечностью проникаетъ его пѣсню и сообщасть ей возвышенный полетъ: «Звѣздами усыпанная, золотомъ вѣнчанная богиня, ты, на черной, широкой одеждѣ которой сверкаютъ тысячи міровъ... Священное молчаніе, наполняющее теперь міръ, тихій потокъ, который торжественно катится въ вѣчныхъ берегахъ безконечнаго творенія... Моря безконечности обнимаютъ мой духъ, небо всѣхъ небесъ! Тихое, какъ ночь, море свѣтлыхъ картинъ, какъ океанъ, полное огненныхъ искръ... Въ «Ночи Св. Іоанна» онъ восклицаетъ также: «Безконечна ты, неисчерпаема ты, прекрасная мать-природа»!

Но и Гердеръ не былъ свободенъ отъ чувствительности своего времени, какъ это видно изъ переписки его съ его невѣстой Каролиной Флаксландъ¹⁾; въ перепискѣ замѣтно, какое вліяніе оказывалъ на него Руссо. Гердеръ (59) пишетъ: «Лучшіе часы для меня, когда я безъ всякаго общества брожу по красивому лѣсу, плотно примыкающему къ Бюккебургу, или лежу на насыпи вала, въ тѣни моего сада, или, наконецъ,—такъ какъ уже три дня у нась превосходный, а вчера былъ прекраснѣйшій въ мірѣ лунный свѣтъ,—то въ эти часы прекраснай, дремлющей ночи, наслаждаюсь пѣніемъ соловья», и въ другомъ мѣстѣ: «Я не знаю болѣе сладкихъ часовъ, какъ тѣ, которые я провожу въ зелѣномъ уединеніи,—я живу и въ лѣсахъ, и въ церкви такъ романтично—одиноко, какъ могутъ жить только поэты, влюбленные и философы». А его невѣста признается: «Во мнѣ и около меня—все радость; каждый цвѣтокъ, растеніе, или что-бы то ни было въ природѣ, ка-

¹⁾ Aus Herder's Nachlasz, herausgegeben von Duntzer und Ferd. Gotter. v. Herder, 3 Bd., Frankfurt a. M. 1857.

жется мнъ прекраснымъ съ тѣхъ поръ какъ я знаю тебя, мой возлюбленный» (38)... «Я рано ушла въ мою комнатку,—мѣсяцъ почти совсѣмъ затмевался облаками, и ночь, отъ кваканья лягушекъ, казалась столь меланхоличной, что я долго не могла отойти отъ окна; вся моя душа была въ облакахъ и во мракѣ, я думала о тебѣ, мой возлюбленный, милый; и эти мысли и вздохи довели меня до слезъ»¹), и: «Нравятся-ли вамъ также добрые и милые хлѣбные ко-

¹) Слезы, вообще, у нихъ играютъ большую роль. Ср. S. 66, 113 и др. Выраженія: «Моя плачущая душа, ваша прекрасная душа, ваша чувствительная душа, вашъ чувствительный взоръ», встречаются очень часто. «Чувствительный» считается почетнымъ определениемъ, напр., стр. 91: «Меркъ сдѣлалъ что-то для Лили; Лила — дѣвица фонъ-Циглеръ,—необыкновенно чувствительная дѣвушка; Меркъ въ полномъ восторгѣ отъ нея»; (с. 181): «Эта дѣвушка — чувствительнейшее, благороднейшее, прекраснейшее сердце»; (182): «О, прекрасная душа! Она — кроткая, мечтательная дѣвушка; она выстроила для себя гробницу въ свою саду»... Каролина проводила «блаженные утренніе часы» за одами Клоиштока, (154), что не должно пачь удивлять: для нея «отъ небесное царство, онъ позволяютъ ей заглянуть въ Элизумъ». И Вертеровская Лотта все вздыхаетъ о «Клоиштокѣ», и этого достаточно, чтобы выразить ея чувствительность. Чувствительность превращается въ меланхолію у несчастнаго Ленца, что можно видѣть изъ его писемъ къ Зальцману въ книжѣ Штебера (Stoeber: «Lenz und Friederike von Sesenheim», Basel 1842); я заимствую оттуда (S. 68), слѣдующее мѣсто, характеризующее его чувство природы: «Кроткая меланхолія весьма легко мирится съ нашимъ благополучиемъ, и я надѣюсь, даже уѣхрѣнъ, что она, рано или поздно, разрѣшится въ чистую и продолжительную радость, какъ сумрачное лѣтнее утро разрѣшается въ безоблачный полдень. И я не терплю теперь недостатка въ частыхъ солнечныхъ взорахъ... Я приликаю теперь къ груди природы съ удвоеннымъ жаромъ; обвивають-ли ея чело солнечные лучи или холодные туманы, ея материнскій обликъ всегда улыбается мнъ, и часто я покушаюсь, вмѣстѣ съ старымъ Юніемъ Бруттомъ, повергнуться на землю и нѣмымъ попѣлуемъ възблагодарить ее за ласку. На самомъ дѣлѣ, я нахожу на лугу около Ландау ежедневно новые красоты, и самый холодный сѣверный вѣтеръ не можетъ заставить меня отступить отъ нихъ. Если-бы я обладалъ кистью божественнаго живописца, я тотчасъ-же нарисовалъ бы вамъ нѣкоторыя стороны этого превосходнаго амфитеатра природы: такъ живо отпечаталъся онъ въ моемъ воображеніи — съ горами, поддерживающими небо,—съ долинами, наполненными деревьями у ихъ подножія, какъ-будто спящими тамъ, подобно Іакову у подножія своей небесной лѣстницы.

лосья? Я никогда не прохожу мимо поля безъ того, чтобы не погладить колосья рукой».

Гёте, какъ въ фокусѣ, собираетъ въ себѣ отдѣльные лучи того чувства природы, какое выражалось лирикой до него и въ эпоху современную ему; но онъ поднялся выше всего неестественнаго и болѣзненно чувствительнаго, лежавшаго въ направленіи тогдашняго вкуса и, на первыхъ порахъ, оказавшаго и на него свое вліяніе и, такимъ образомъ, явился освободительнымъ, спасительнымъ геніемъ новѣйшей культуры. Нѣмецкая лирика достигаетъ въ немъ своей вершины, но и нѣмецкое чувство природы нашло въ немъ самаго жизненнаго, правдиваго, индивидуальнаго и, въ то-же время, универсальнаго истолкователя. Онъ соединяетъ наивность Гомера и симпатизированіе Шекспира съ мечтательностью Руссо и меланхоліей Оссіана; величайшія противоположности онъ превращаетъ въ универсальную гармонію силою своей оригинальности, которая воспринимаетъ въ себя самые разнообразные моменты направленія того времени; хотя она сама, отчасти, направляется ими, но лишь для того, чтобы проникнуть ихъ собственнымъ духомъ, переработать и очистить отъ всякихъ примѣссей. Сколько лживаго, притворнаго, пустого и сантиментально-мечтательнаго было въ любовной лирикѣ его времени, и какъ она была бѣдна тѣми симпатизирующими сравненіями и метафорами, которыхъ приводить въ соотношеніе или тѣсно сливаются внутренний міръ и жизнь природы. А у Гёте все—жизнь и природа. «Природа хотѣла знать, какой у нея видъ и создала Гёте», т. е. другими словами, въ микрокосмѣ Гёте отражается макрокосмъ новѣйшаго времени. Онъ универсально новый человѣкъ, какимъ никто не былъ до него, и, какъ у величайшаго лирика въ свѣтѣ, у него есть взглядъ и сердце для природы, какіе послѣ него были лишь у немногихъ. Онъ не жилъ жизнью фантастическихъ грѣзъ, какъ многие элеги ческіе и идиллическіе поэты XVIII вѣка; онъ чувствовалъ себя свѣжо и крѣпко на почвѣ дѣйствительности и отъ самаго дѣйства въ немъ жило «живое чувство ко всему существующему», какъ онъ самъ говорить въ «Поззіи и Правдѣ».

Ни одинъ поэтъ, не исключая и Клопштока не выказываетъ такого богатства новыхъ выражений въ своемъ языке; всякое опредѣленіе, какое онъ въ новомъ значеніи придаетъ

существительному, заимствовано изъ собственныхъ наблюдений природы и отличается пластической вѣриностью. Сколько прелести и силы, сколько истинно-поэтическаго возврѣнія заключается въ его прилагательныхъ и причастіяхъ, когда онъ полевой шиповникъ называетъ «прекрасныи какъ утро», весенюю погоду «розовой», горы «облачно-пебесными». Когда онъ называетъ день «всесвѣтящимъ», листья «зелено-свѣтлыми», октябрьскій туманъ «дымящимся», облака «катящимися», молніи «благословляющими», розы и лиліи «утренне-росистыми», когда онъ придаетъ западному вѣтру «влажныя крылья» и заставляетъ высокія ели «мелодично шумѣть», а водопадъ «мелодично сбѣгать внизъ». Какое искреннее и вмѣстѣ съ тѣмъ кристаллизированное возврѣніе на природу заключается въ такихъ сочетаніяхъ: «волнодышащий», «буре-дышащий», «влажно-ясный», или въ существительныхъ: «сладкая кротость неба», «паръ цвѣтовъ», «шурпурныя облака», «любовный взглядъ солнца», «лунныя сумерки», «золотыя облака», «облачный паръ», «долина тумана», «долина тѣни», «жизненныя волны» и т. д. Каждое изъ нихъ дѣйствуетъ непосредственностью поэтическаго вдохновенія и пробуждаетъ рядъ образовъ и мыслей, какъ-будто въ немъ заключается цѣлое стихотвореніе. Какъ характерно изображается сѣверная атмосфера немногими строками съ мѣткими опредѣленіями: «Тамъ на Сѣверѣ меня встрѣтилъ сѣроватый день, небо мутно и тяжело опускалось надъ моей головой, міръ безъ красокъ и образовъ лежалъ вокругъ усталаго». Особенную жизненность и богатство такихъ живописныхъ опредѣленій выказываетъ Вертеръ: «Когда я лежу въ высокой травѣ у падающаго ручья, когда милая долина дымится около меня и т. д... Гдѣ-то гремитъ въ сторонѣ и величественный дождь шумитъ по землѣ, а освѣжающее благоуханіе поднимается къ намъ въ совершенно тепломъ воздухѣ», или: «Былъ великолѣпнѣйшій солнечный восходъ! Роняющій капли лѣсь и освѣженная долина лежали около меня... Когда тихая рѣчка скользила между шепчущими тростниками и отражала прелестныя облака, которыя легкій вечерній вѣтеръ убаюкивалъ на небѣ... Когда ты поднимешься на гору въ прекрасный лѣтній вечеръ, тогда взгляни по направлѣнію къ кладищу, на мою могилу!.. Какъ вѣтеръ качаетъ высокую траву въ свѣтѣ закатывающагося солнца» и т. д. Сколько

жизни и движений въ тихую, мирную картину вносятъ глаголы «шумѣть», «ронять капли», «убаюкивать», «качать»!

По самому характеру пѣсни, ей не свойственны сравненія въ видѣ распространенныхъ предложенийъ съ формами «подобно тому» или «какъ», но и въ этомъ случаѣ, Гёте, въ своихъ стихотвореніяхъ даетъ много прекрасныхъ образцовъ, взятыхъ изъ природы. Свою возлюбленную называетъ онъ «золотисто-прекрасной, какъ утренняя облака на тѣхъ высотахъ», и говорить ей: «Я такъ привыкъ тебя видѣть, какъ видѣть звѣзды, какъ смотрѣть на мѣсяцъ, радуются на нихъ и внутри, въ спокойной груди не шевелится даже самаго отдаленнаго желанія обладать ими»; «какъ весна даетъ мнѣ цвѣты, такъ я даю поцѣлуи»; «подобно тому, какъ зимой сѣмья медленно проросаетъ, а лѣтомъ поднимается полное жизни и зреТЬ, также и моя привязанность къ тебѣ»... Близко подходитъ къ сравненіямъ слѣдующіе обороты: «Нѣжное стихотвореніе, это—радуга, которая показывается только на темномъ фонѣ»... «Что отличаетъ боговъ отъ людей? То, что отъ первыхъ стремится много волнъ, вѣчный потокъ, а нась поднимаетъ волна, поглощающа волна и мы погружаемся». А въ «Стеллѣ» (актъ 3): «Ты не чувствуешь, что такое—небесная роса жаждущему, который изъ пустого, песчанаго мѣра возвращается на твою грудь»;—или тамъ-же (актъ 5): «У меня было свободно на душѣ, чисто, какъ весеннее утро». Въ «Фаустѣ» жизнь символизируется слѣдующимъ образомъ: «водопадъ, шумящій по утесу отражаетъ человѣческое стремлѣніе: въ его радужномъ отблескѣ мы видимъ жизнь». И когда Вертеръ чувствуетъ, что все его существо колеблется между бытіемъ и небытіемъ и ему кажется, что около него все погибаетъ, и міръ исчезаетъ вмѣстѣ съ нимъ, тогда «прошлое блеститъ, какъ молнія, надъ темной бездной будущаго». (II, 15 ноября). Какой грандиозный образъ! Какой поразительный взглядъ, истолковывающій разомъ и прошлое и настоящее!

Чаще сравненій онъ употребляетъ метафоры, сконцентрированныя сравненія, какъ напр., «море мечты», «море благоуханій», «волна борьбы», «потокъ генія», «тигровые когти отчаянія», «солнечный лучъ прошлаго»; «О, дай чистому дыханію любви повѣять тихой прохладой на жаръ твоей груди», говорить Ифигенія Тоасу; а Элеонора жалуется, говоря о Тассо: «Пусть онъ уйдетъ! Но, какой сумракъ падаетъ передо мной; потокъ на легкихъ волнахъ безъ весла принесъ насть

сюда». Но лирика Гёте особенно богата исполненными определенного настроения, истинно поэтическими одушевлениями природы. Более, чьм у кого-либо, у Гёте можно видеть, какъ внутренняя жизнь, переполняющая грудь, выступаетъ, чтобы и мертвую природу одушевить полнотой жизни, въ особенности, когда сердце полно любовью, которая показываетъ мръ въ новомъ свѣтѣ, облекаетъ его розовымъ ореоломъ и, также какъ въ собственной груди, повсюду предполагаетъ или угадываетъ такое-же чувство, такую-же любовь. Такъ, все живеть и смеется и все вмѣстѣ, и въ отдельности полно жизни и любви, все блестить и ликуетъ отъ радости въ удивительной «Майской пѣснѣ» и въ «Ганимедѣ». Въ стихотвореніи «На озерѣ» онъ поетъ:

«Какъ сладко, мать-природа, вновь
Упасть на грудь твою!
Волна ладью въ размѣръ весла
Качаетъ и несетъ...
Прочь, ты сонь, хоть золотой!—
Здѣсь любовь и жизнь со мной!
На волнахъ сверкаютъ
Тысячи звѣздъ, сотрясенныхъ,
Въ дымномъ небѣ таютъ
Призраки горъ отдаленныхъ.
Вѣтерокъ струится
Надъ равнинного водѣ,
И въ заливѣ глядится
Дозрѣвающій плодъ.»

(перев. Фета).

Въ стихотвореніяхъ Гёте можно указать прекраснѣйшія олицетворенія изъ всѣхъ сферъ природы: то солнце гордо царить на небѣ, то раскаленное солнце выглядываетъ надъ крутой вершиной или манить огненной любовью или купается въ морѣ, какъ мѣсяцъ, то солнце, какъ мать, согрѣваетъ своимъ тепломъ ягоды винограда. Утро поэтъ воспѣваетъ такъ: «Утро пришло, его шаги спутнули тихій сонь, молодой день поднялся съ восторгомъ». О мѣсяцѣ: «надъ моимъ полемъ мягко распространяется твой взглядъ», про облачную ночь,—«вечеръ уже убаюкивалъ землю, и на горахъ висѣла ночь, мѣсяцъ съ холма облаковъ жалостно выглядывалъ изъ тумана», или звѣзды,—«высокія звѣзды обращаютъ ко мнѣ свои свѣтлые глаза». У него даже скала живеть: «твѣрдая скала раскрываетъ свою грудь» и т. д., ручей: «Ты спѣшишь съ радостнымъ, легкимъ

чувствомъ внизъ»... «Когда съ неприступной, Гранитной стѣны
Струится лучъ чистый кристалла — чудесно Катится тогда
онъ По гладкой скалѣ, То въ искрахъ алмаза Летя къ обла-
камъ... Вода свирипѣеть И, шѣною мутной Кипя по ступе-
ньямъ, Ввергается въ бездну.» (перев. Арефьева). Буря: «Но
изъ мрачной и туманной дали Злая буря грозно налетаетъ,
Быются птицы, рѣя надъ водою; Предъ порывомъ бури без-
пощадной Мудрый кормчій паруса спускаеть». (перев. Н. Хо-
лодковскаго).

Даже и цвѣты у него одушевлены: «Тамъ киваютъ ко-
локольчики, бѣлые, какъ снѣгъ, и подспѣжники гордо подни-
маютъ бѣлые носики» ¹).

Но все это только отрывки. Попытаемся составить себѣ
наглядное представление о возврѣніяхъ Гёте на природу изъ
всей совокупности его произведеній — и прослѣдимъ для этого
отдельныя фазы его умственчаго развитія и, сообразно послѣд-
нему, тѣ измѣненія, какія представляеть его поэтическое отно-
шеніе къ природѣ. Уже въ раннюю пору его душевной жизни,
когда она еще только развертывалась, мы находимъ самое
сердечное отношеніе къ природѣ. Еще въ 1766 г., онъ пи-
шетъ изъ Лейпцига ²): «Вы прѣятно живете въ М. Я также
живу здѣсь. Одиночно, одиночно, вполнѣ одиночно. Величайшій
изъ великановъ, уединеніе, положило отпечатокъ въкоторой
грусти на мою душу. Мое единственное удовольствіе, когда я
вдали отъ всѣхъ, могу лежать у ручья около кустовъ и ду-
матъ о моихъ милыхъ»; полный печали онъ продолжаетъ:
«Тогда мое сердце наполняется грустью, мой взоръ мутится
все больше, бурно шумитъ передо мною ручей, который не-
давно журчалъ такъ кротко. Ни одна птица не поетъ въ кус-
тахъ, зеленое дерево засыхаетъ, зефиръ, который, освѣжая
меня, недавно вѣялъ, стала бурнымъ, превратился въ сѣвер-
ный вѣтеръ и разносить оторванные листья». Такимъ обра-
зомъ, его душа и природа симпатизируютъ другъ другу, на-
ходятся въ тѣсномъ взаимномъ отношеніи. Изъ его раннихъ
стихотвореній только немногія ³) отдаютъ дань господствую-

¹) Da wanken Glöckchen So weisz wie Schnee
Primeln stolzieren so naseweisz... и. т. д.

²) «Der junge Goethe» von Bernays, I, 13.

³) Такъ напр., Die Spröde. Die Bekehrte: «Bei dem Glanz der Aben-

щему вкусу и еще не носять на себѣ своеобразной печати его генія; такъ, въ пѣснѣ «Ночь» первая строфа съ «Луной» и «Зефирами», но уже слѣдующія строки имѣютъ чисто гѣтевскій характеръ: «Страхъ, который наполняетъ сердце, отъ котораго таетъ душа, шепчетъ по кустамъ въ прохладѣ»...

Любовь и природа—дѣвъ струны, которыя у молодого Гёте звучать неподражаемъ согласіемъ. Гдѣ находится возлюбленная «тамъ любовь и благо, тамъ природа»; онъ думаетъ о ней, и когда «блескъ солнца отражается отъ моря, и когда сверканье мѣсяца рисуется въ потокахъ». Страстное чувство природы прорывается въ радостной пѣснѣ Зезенгеймскаго периода въ «Майской пѣснѣ»: «Какъ великолѣнио сіяеть для меня природа! Какъ блеститъ солнце, какъ улыбается лугъ»¹! Любовь всего болѣе распираетъ грудь поэта и ея отраженіе онъ повсюду замѣчаетъ въ природѣ: «Вырываются цвѣты изъ каждой вѣтки, И тысячи голосовъ изъ кустарника, И радость, и блаженство изъ каждой груди. О земля, о солнце, о счастье и веселье! О любовь, о любовь.—Ты изливаешь дивное благословеніе на освѣженныя поля, На весь міръ, въ благоуханіи цвѣтовъ.

Уже въ старческомъ возрастѣ, въ воспоминаніяхъ о прошломъ, воображенію его предстаетъ не только иѣжный образъ Фридерики изъ счастливой поры юности, но и природа, которая ее окружала. Какъ тепло рисуетъ онъ это совмѣстное воспоминаніе въ «Поэзіи и Правдѣ» (III): «Ея фигура, ея образъ никогда не выступали плѣнительнѣе, чѣмъ тогда, когда она поднималась по возвышенной тропинкѣ; ея привлекательность, казалась мнѣ, соперничаетъ съ усыпанной цвѣтами землей, а ясность ея лица, съ голубымъ небомъ». Онъ съ восторгомъ говорить о наслажденіи, какое доставляютъ различныя времена дня и года въ прекрасной эльзасской странѣ: «Нужно было только отдаваться настоящему, чтобы наслаждаться этой ясностью неба, этимъ блескомъ богатой земли, этими мягкими вечерами, этими теплыми ночами, вблизи воз-

dröte Giug ich still den Wald entlang, Damon sasz und blies die Flöte,
Dasz es von den Felsen klang, So la la! » März; Lnst und Qual; Lnna;
Gegenwart.

¹) Wie herrlich leuchtet Mir die Natur! Wie glänzt die Sonne! Wie lacht die Flur!

любленной». Когда онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Съroe сумрачное утро покрываетъ мое любимое поле, глубокого скрытъ въ туманѣ лежить около меня міръ», онъ знаетъ, что глаза милой дѣвушки придутъ на помощь природѣ: «Въ одномъ твоемъ взгляда и солнечный блескъ и счастье».

Какая свѣжая, ценоисредственная жизнь чувствуется въ прощальной пѣснѣ: «Мое сердце былое; скорѣй на коня»... Ощущеніе вглядывающагося въ ночь, скачущаго ночью пѣвца такъ сильно, сердце его такъ переполнено, что это ощущеніе сообщается природѣ; все около него получаетъ движеніе, жизнь, ощущеніе; даже у темноты являются глаза, мѣсяцы придаются прощальное настроеніе поэта, и вѣтеръ представляется его воображенію въ видѣ крылатаго существа:

«Ужъ ночь на высяхъ горъ сиуется,
Въ объятьяхъ ветера земля,
И вѣтра дубъ расстирая,
Какъ исполнѣнъ во мглѣ стоять,
И изъ-за листьевъ мгла густая
Глазами черными пглядѣть,
Весь окруженнѣй облаками,
Печально мѣсяцъ внизъ смотрѣлъ,
И вѣтеръ тихими крылами
Миѣ въ уши жалобно свистѣлъ,
И стая призраковъ ходила,
Но чувства веселы мои.
Въ моей груди какая сила!
Какой огонь въ моей крови!»

(пер. М. Каткова).

Подобное-же чувство звучитъ въ другомъ стихотвореніи, но въ болѣе грустномъ тонѣ, внушаемомъ разлукой: «Нѣжное, юношеское горе ведетъ меня въ пустынное поле; мать-земля лежить въ тихой утренней дремотѣ. Съ шумомъ качаетъ холодный вѣтеръ оцѣпенѣвшія вѣти. Потрясающей мелодіей втормить онъ моей пѣснѣ, полной страданія. И природа робко тиха и уныла, но въ ней больше надежды, чѣмъ въ моемъ сердцѣ» ¹).

¹) Ein zartlich jugendlicher Kummer Führt mich ins öde Feld; es liegt In einem stillen Morgenschlummer Die Mutter Erde. Rauschend wiegt Ein Kalter Wind die starren Aeste. Schauernd Tönt er Melodie zu meinem Lied voll Schmerz. Und die Natur ist ängstlich still und trauernd, Doch hoffnungsvoller als mein Herz.

Гете разсказывает самъ, какъ онъ во Франкфуртѣ находилъ утѣшеніе для своей любовной тоски. «Всѣдѣствіе моего блужданія по окрестностямъ, меня обыкновенно называли странникомъ; этому успокоенію моего духа, какое доставляли мнѣ ясное небо, долины, высоты, поля и лѣса, содѣствовало мѣстоположеніе Франкфурта...» и «новый міръ открывался для наасъ при наступлѣніи зимы съ бѣганьемъ на конькахъ». Онъ чувствуетъ это наслажденіе подобно Клюшитоку: ему было недостаточно проходить на льду весь солнечный день. «Мы продолжали наше движеніе до поздней ночи. Полный мѣсяцъ, выступающій изъ облаковъ надъ ночными обширными, превратившимися въ ледяныя поля, лугами, ночной воздухъ, шумящій навстрѣчу нашему бѣгу, страшный трескъ льда, опускающагося отъ отступающей воды, странный отзвукъ нашихъ собственныхъ движеній, вполнѣ осуществляли для наасъ оссіановскія картины».

Ни на одномъ языкѣ нельзя найти книги, которая была-бы такъ проникнута самой искренней симпатіей къ природѣ, такъ наполнена любовью и благоговѣніемъ къ ней, такъ согрѣта теплымъ чувствомъ и общеніемъ съ ея таинственною жизнью, какъ «Вертеръ». ¹⁾ Гете объясняетъ самъ въ «Поэзіи и Правдѣ» «чудесный элементъ, въ которомъ «Вертеръ» былъ задуманъ и написанъ: я стремился внутренно освободиться отъ всего чуждаго, созерцать съ любовью вѣшній міръ и отдаваться

¹⁾ Лапрадъ исполненъ удивленія къ «несравненному художнику и поэту, вдохновленному чувствомъ природы; онъ въ высшей степени обладаетъ искусствомъ изображать вѣшній міръ и внутренний міръ человѣка; онъ такъ соединяетъ образы видимаго міра съ выражениемъ внутреннихъ чувствъ, что они изображаютъ одну общую ткань... Всѣ элементы какого-либо предмета или положенія, этому несравненному уму являются разомъ въ ихъ существенной гармонии...» Онъ удивляется замѣчательному символизму въ «Вертерѣ». «Каждое письмо соответствуетъ времени года, когда оно написано... Идея и образъ отожествляются въ высшемъ дѣйствіи; между внутреннимъ движениемъ и вѣшнимъ впечатлѣніемъ является полное слияніе». (Ср. V. 323) Хотя авторъ и видѣтъ въ поэзіи Гете греческое язычество и пантеизмъ, но онъ признаетъ (336): «Имя Гете означаетъ собой одну изъ величайшихъ эпохъ, одну изъ величайшихъ революцій въ поэзіи, величайшую, какъ мы полагаемъ, со временемъ Гомера» и (346): «Гете есть высочайшее поэтическое выраженіе стремленій нашего вѣка къ вѣшнему міру и къ философіи природы».

впечатлѣнію всѣхъ существъ, начиная отъ человѣческихъ до самыхъ низшихъ, какія только доступны намъ. Отсюда возникло чудное средство съ отдѣльными предметами природы и внутреннее созвучіе, согласіе въ цѣломъ, такъ что каждая перемѣна мѣстности и странъ или временіе дня и года, или всякихъ возможныхъ случайностей, какъ нельзя глубже затрагивала меня. Взглядъ живописца присоединился къ взгляду поэта; прекрасная сельская мѣстность, оживленная привлекательной рѣчкой, увеличивала мою склонность къ уединенію и благопріятствовала моимъ спокойнымъ, распространявшимся во всѣ стороны наблюденіямъ».

Если вліяніе, оказанное «Новой Элоизой» Руссо на «Страданія Вертера» было несомнѣнно и глубоко¹⁾, то именно въ ощущеніи природы здѣсь является замѣтное различіе. Правда мы видимъ у Руссо «взглядъ живописца», но взглядъ поэта далеко не имѣеть такой глубокой проницательности, какъ въ романѣ Гете. Въ послѣднемъ повсюду выступаетъ національно-нѣмецкій духъ, глубина чувствительного нѣмецкаго сердца; вицѣній міръ, пейзажъ не изображается лишь въ видѣ рамки, но всегда сплетается съ настроеніемъ героя. У Руссо всегда преобладаетъ противуположеніе культуры и природы, а въ религіозномъ отношеніи—деизмъ; у Гете природа превращается въ ощущеніе и его поклоненіе, есть пламенный пантеизмъ. И такъ какъ Вертеръ, въ противоположность Элоизѣ, есть, по преимуществу, сочиненное произведеніе искусства, то Гете понялъ какъ нельзя лучше, въ самомъ искусствѣ, какъ страдающій долженъ относиться къ природѣ, какъ въ ней должны отражаться колебанія и смѣна настроений; онъ съумѣлъ особенно тщательнымъ изображеніемъ отдѣльныхъ мелкихъ чертъ обозначить угрожающее несчастіе и возбуждаемую имъ тревогу. Въ этомъ мастерствѣ изъ новѣйшихъ поэтовъ до нѣкоторой степени, къ нему приближается только Теодоръ Штормъ.

Возрастающая склонность изображается какъ стихійная сила, и дѣйствительно—революціонное начало, проникающее это произведеніе, заключается въ могуществѣ этой страсти, отстаивающей естественное право всякаго сильнаго, теплого

¹⁾ Лучше всего этотъ вопросъ, между прочимъ, и относительно чувства природы паслѣдованъ Эрихомъ Шмидтомъ въ его превосходной книжѣ «Richardson, Rousseau und Goethe, Jena 1875, S. 173 и слѣд.

истинного чувства. Все искусственное, прикрашенное, условное въ мысли, чувствѣ и дѣйствіи—а въ то время все было условно и прикрашено—противно Вертеру; для него всего пріятнѣе міръ дѣтей и простые, бѣдные люди во всей ихъ первобытности («меня раздражаетъ всего больше, когда люди мучать другъ друга и въ особенности, когда молодые люди въ расцвѣтѣ жизни, будучи доступны всѣмъ радостямъ, портить свои немногіе хорошие дни и только слишкомъ поздно убѣждаются въ своей невознаградимой потерѣ») и уединенная, богатая тайными чудесами и прелестями природы. Передъ этимъ истолкованіемъ ея таинствъ, передъ такой интенсивной, совмѣстной жизнью съ ней, передъ такимъ сердечнымъ сляніемъ духа и природы должно было отступить все, что до того времени въ мѣцкіе поэты воспѣвали въ пѣсняхъ и идилляхъ. Надо замѣтить, что въ романахъ вообще, даже у чувствительныхъ англійскихъ писателей, природа, до тѣхъ поръ не играла никакой роли, а для Вертера она—самая сердечная и вѣрная подруга.

Вертеръ чувствителенъ, сантименталенъ и эта сантиментальность, по мѣрѣ движенія романа, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе мрачный характеръ оссіановской скорби, юнговской меланхоліи, но въ ней всегда выражается сердце, полное однимъ ощущеніемъ, крайне оригиналный и сознающій себя таковыиъ характеръ; хотя онъ и погибаетъ отъ мягкости и грусти, но насколько во всѣхъ его изліяніяхъ больше силы и ума, чѣмъ во всѣхъ лунныхъ тирадахъ предшествовавшаго времени! Въ немъ говоритъ цѣлый поэтъ въ пламенной силѣ лучшей поры своей юности.

Подобно Руссо, Вертеръ всего лучше чувствуетъ себя въ уединеніи. Уединеніе въ «райской странѣ» есть «драгоценный бальзамъ» для его чувствительного «чувствующаго сердца», съ которымъ онъ обращается, «какъ съ больнымъ ребенкомъ», но «теплая небесная фантазія въ его сердцѣ» согрѣваетъ и освѣщаетъ природу около него, его «любимою долину», «милое весеннеѣ утро», «невыразимую красоту природы». «Вполнѣ погруженный въ живописное ощущеніе», онъ не могъ закрѣпить свои впечатлѣнія карандашомъ: «теперь я не могъ рисовать, не могъ сдѣлать ни одного штриха и никогда не былъ такимъ великимъ живописцомъ, какъ въ эту минуту». И какъ все у него изображено! Онъ не рисуетъ отдельно одинъ предметъ за другимъ; все находящееся передъ его глазами сли-

вается съ его ощущеніемъ; онъ чувствуетъ въ одно и то-же время біеніе сердца природы, движеніе жизни въ ней и отзвукъ этой жизни въ своей груди: «когда любимая долина дышится около меня, и высокое солнце покоятся на поверхности непроницаемой тьмы моего лѣса и только отдѣльные лучи его прокрадываются внутрь этого святынища, я лежу тогда въ высокой травѣ у ниспадающаго ручья и вблизи земли, тысячи разнобразныхъ травинокъ становятся для меня достойными вниманій; тогда я чувствую ближе къ моему сердцу маленькой міръ, кишащий между стеблями, безчисленный, необъяснимый формы червячковъ и мешекъ, я чувствую присутствіе Всемогущаго, создавшаго нась по своему образу, въяніе Всемилостиваго, доставляющаго намъ вѣчную радость! Мой другъ, когда въ то время у меня меркнетъ въ глазахъ, и міръ около меня и небо покоятся въ моей душѣ, какъ любимый образъ, тогда я тоскую и думаю: ахъ, если-бъ ты могъ это выразить, могъ вдохнуть въ бумагу то, что такъ полно, такъ тепло живеть въ тебѣ, чтобы оно стало зеркаломъ твоей души, какъ твоя душа есть зеркало безконечного Бога! Мой другъ! Но я теряюсь отъ этого, я подавленъ силою величія этихъ явлений». (I, 10-го мая).

«Все дивное чувство, которымъ его сердце обнимаетъ природу», также не поддается выражению. Въ чемъ-же заключается тайна этой симпатической любви къ природѣ? Только въ слѣдующемъ: «Когда онъ возвращается въ себя» онъ также находитъ «міръ», т. е., міръ мыслей и чувствъ, который онъ можетъ привести въ извѣстное отношеніе къ міру явлений и который даетъ языкъ нѣмой природѣ; онъ приподнимаетъ покровъ, скрывающій ея формы и чувствуетъ въ природѣ духъ своего духа; онъ въ ней чувствуетъ не только его, но и нѣчто Вѣчное, что сродно его душѣ, онъ чувствуетъ присутствіе «Всемогущаго, Всемилостиваго», «самымъ истиннымъ чувствомъ природы» онъ называетъ любовь. И «потокъ его генія» съ любовью изливается на природу и она становится ему «дорогой, родной, милой», т. е., вся мѣстность, долина, родникъ, величественные орѣшники у почтенного пастора и т. д. Также какъ его превлекаетъ наивный дѣтскій міръ, съ которымъ онъ соприкасается «въ невинномъ наслажденіи», его притягиваетъ простая и въ то-же время прекрасная страна: «Удивительно, какъ только я пришелъ сюда и взглянулъ съ холма на прекрасную долину, все кругомъ мнѣ показалось

привлекательно. Тамъ лѣсокъ! Ахъ, если-бы я могъ вмѣшаться въ его тѣни! Тамъ вершины горъ! Ахъ, если-бы я могъ обозрѣть оттуда обширную страну! Тамъ перекрещивающіеся холмы и прелестныя долины! О, если-бы я могъ потеряться въ нихъ!» Онъ вполнѣ отдается очарованію этой деревенской идилліи: онъ выходитъ изъ дома утромъ, съ восходомъ солнца, сидѣть въ саду своего хозяина, самъ рветъ его горошекъ, въ промежуткахъ читаетъ своего Гомера, выбираетъ себѣ кухонный горшокъ, ставить стручки на огонь и т. д.

Съ возрастаніемъ его любовной привязанности, возрастаетъ и «теплое участіе къ природѣ». Отъ 24 юля онъ пишетъ: «Никогда я не былъ счастливѣе, никогда я не чувствовалъ природу до малѣйшаго камушка, до мельчайшей травинки полнѣе и искрѣннѣе». Но со временеми приѣзда Альберта любовь превращается для него въ муку и природа становится его мучительницей. 18 августа онъ пишетъ: «Неужели такъ должно быть, что то, что доставляетъ людямъ счастье можетъ дѣлаться источникомъ ихъ бѣдствія. Полное, теплое чувство моего сердца къ живой природѣ, заливавшее меня такимъ блаженствомъ, что окружающій міръ превращался для меня въ рай, становится для меня теперь нестерпимымъ мучителемъ, истязающимъ духомъ, который преслѣдуєтъ меня на всѣхъ путяхъ. Когда я недавно смотрѣлъ со скалы на плодородную долину черезъ рѣку до тѣхъ холмовъ, я видѣлъ, какъ все въ ней растетъ и бѣсть ключомъ; когда я видѣлъ дальняя горы, одѣтыя отъ подошвы до вершины высокими, густыми деревьями, долины отѣненныя прекраснѣйшими лѣсами въ ихъ разнообразныхъ изгибахъ, и тихую рѣку, скользившую между шепчущими тростниками и отражавшую прелестныя облака, которая легкій вечерній вѣтеръ убаюкивалъ на небѣ; когда я слышалъ птицъ, оживляющихъ лѣсъ около меня, и миллионы мошекъ весело играли въ послѣднемъ красномъ лучѣ солнца, и его послѣдний, сверкающій взглядъ освободилъ жужжащаго жука изъ его травы, и движеніе и жизнь около меня обращали мое вниманіе на то, что было подъ моими ногами; и мохъ, извлекающій свою пищу изъ этой твердой скалы, и дрокъ, растущій внизу сухого, песчанаго холма, открывали миѣ внутреннюю, пламенную, священную жизнь природы, — я обнималъ все это моимъ теплымъ сердцемъ, чувствовалъ себя какъ-бы обоготвореннымъ въ этой чрезмѣрной полнотѣ, и величественные образы безконечнаго міра все-

оживляюще двигались въ моей душѣ! Отъ недоступныхъ горъ, черезъ пустыню, къ которой не прикасалась ничья нога, до конца неизвѣстнаго океана, вѣеть духъ Вѣчнотворящаго, и радуется каждая пылинка, которая Его слышитъ и славитъ». Великолѣпная сцена лѣтняго вечера въ «Фаустѣ» заключается въ зародышѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Ахъ, тогда какъ часто желалъ я на крыльяхъ журавля, пролетавшаго надо мною, перенестись на берегъ неизмѣримаго моря, выпить кипучаго жизненнаго наслажденія изъ пѣнища кубка безконечности и, ограниченный силой моей груди, лишь на одно мгновеніе ощутить каплю блаженства того существа, которое все проникаетъ собою». А теперь онъ видѣть въ природѣ только «бездну вѣчно раскрытої могилы», «пожирающую силу, которая лежитъ скрытою во всемъ», «вѣчно глотающее, вѣчно пережевывающее чудовище». Тихое, грѣюще пламя въ его груди превратилось въ пожирающій огонь. Его внутреннее беспокойство заставляетъ его уѣхать изъ дому: «Я тогда далеко брошу кругомъ по полямъ; мнѣ доставляетъ радость карабкаться на крутую гору, прокладывать тропинку чрезъ непроходимый лѣсъ, черезъ изгороди, царящія мнѣ меня, черезъ терновые кусты, раздирающіе мнѣ платье! Тогда мнѣ становится нѣсколько легче»... Онъ хочетъ уйти оттуда и съ мыслью, что овь въ послѣдній разъ видѣть себя въ любимыхъ мѣстахъ, вполнѣ сознаетъ симпатію, связывающую его съ этой мѣстностью: «Я ходилъ взадъ и впередъ по аллеѣ, которую я такъ любилъ; тайное симпатическое влеченіе часто удерживало меня здѣсь»; сіяніе луны, поднимающейся изъ-за холма покрытаго кустарникомъ, усиливаетъ его тоску. Лотта высказываетъ, подобно Клоштоку: «Я никогда не гуляю при лунномъ свѣтѣ, никогда безъ того, чтобы меня не посѣщала мысль о моихъ умершихъ, чтобы у меня не являлось чувство смерти будущаго» (10 сен.). И въ своемъ страданіи Вертеръ понимаетъ его значеніе: «Такое сердце только у одного меня»; онъ знаетъ *хѣріс ѹбоу* Эврипида *dolendi voluptas* Петrarки, «сладость грусти».

Во второй книгѣ отъ 4-го сентября онъ пишетъ исполненный искренней симпатіи къ природѣ: «Да, это такъ. Также какъ природа склоняется къ осени,—и во мнѣ и кругомъ меня осень. Мои листья желтѣютъ и листья сосѣднихъ деревьевъ уже опали». Соответственно этому осеннему настроению, «Оссіанъ вытѣсняетъ Гомера изъ его сердца»: туманна».

богатая образами и поэтическими сравнениями мечтательная поэзия Оссіана замыщает чистого, дружески ясного, наивного Гомера. Теперь ему говорить только міръ «пустынной мѣстности, обвѣваемой вѣтромъ бури, приносящимъ въ клубящіхся туманахъ духи отцовъ въ сумеречномъ свѣтѣ мѣсяца, при шумѣ лѣсного потока», т. е. бурная ночь съ бѣгущими облаками, жалобно журчацій лѣсной потокъ, съ трескомъ и стономъ горныхъ елей. Душевная боль одолѣваетъ его: «Это сердце теперь мертвое, такъ какъ я потерялъ то, что было единственной отрадой моей жизни—священную, оживляющую силу, благодаря которой я создавалъ около себя міры». И когда онъ смотритъ изъ окна и видитъ утреннее солнце, пронизывающее туманъ надъ холмомъ и освѣщающее тихое пространство луга и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣку, кротко извивающуюся среди обнаженного лѣса, то эта величественная природа кажется ему только картинкой, покрытой лакомъ».

Оссіановское настроение выказываются и его строки отъ 30-го ноября: «Я хожу къ водѣ въ часы полудня; у меня не было никакой охоты ютиться. Все было пустынно; сырой, холодный, вечерний вѣтеръ дулъ съ горы, и сѣрыя вечернія облака неслись къ долинѣ». Въ страшную ночь, когда воды рѣки затопили мѣстность, онъ видитъ въ яростныхъ, возбужденныхъ стихіяхъ отраженіе своего волнующагося сердца, эхо, зовущее его въ глубину: «Ночью, около 11 часовъ, я выѣжалъ изъ дома. Страшное зрѣлище — видѣть какъ со скалы, при лунномъ свѣтѣ, кружатся и падаютъ бушующіе потоки на поля, луга, изгороди и все прочее, и на обширную долину, превращенную въ бурное море, со свистомъ и вѣтромъ. И когда мѣсяцъ выступилъ опять и остановился надъ чернымъ облакомъ, и передо мною рѣка въ страшномъ, величественномъ отраженіи катилась и стонала, тогда на меня напала ужасъ и потомъ желаніе. Ахъ, съ распростертыми руками я сидѣлъ надъ пропастью и шепталъ: туда, туда!» Къ своему прощальному письму онъ прибавляетъ: «Горюй-же природа: твой сынъ, твой другъ, твой возлюбленный, приближается къ своему концу».

Какъ мы видимъ, воззрѣніе Вертера на природу въ его искренней симпатіи со всѣми отдельными явленіями живого міра, окружающаго его, не смотря на постепенное возрастаніе мечтательного и сантиментального настроенія, основывается, по преимуществу, на настоящемъ поэтическомъ пантеизмѣ. Оно

поднимается еще выше въ первой части «Фауста», и въ немъ усиливается высота и глубина мистико-философского созерцанія. Фаустъ всегда видитъ міръ подъ знакомъ макрокосма:

«Какъ въ цѣломъ части всѣ, послушною толпою
Сливаясь здѣсь, творятъ, живутъ одна другою!
Какъ силы горнія въ сосудахъ золотыхъ
Разносятъ всюду жизнь божественной рукою
И чуднымъ взмахомъ крылья лазоревыхъ своихъ
Витають надъ землей и въ высотѣ небесной—
И стройно все звучить въ гармоніи чудесной!»

(пер. Холодковскаго).

И Духъ земли самъ признается:

«Въ бурѣ дѣяній, въ волнахъ бытія
Я подымаюсь, я опускаюсь...
Смерть и рожденіе—вѣчное море».

(пер. Холодковскаго).

Не только философская мысль, но и чувство проглядываетъ въ этихъ словахъ:

«При свѣтѣ дня покрыта тайны мглой,
Природа свой покровъ не сниметъ передъ нами!»

(пер. Холодковскаго).

Фаустъ живеть въ сердечной симпатіи съ природой; такъ, онъ грустно привѣтствуетъ мѣсяцъ:

«О, еслибъ нынѣ, лунный ликъ,
Ты видѣлъ мой послѣдній мигъ!»

(пер. Холодковскаго).

и величественнымъ, весеннимъ настроеніемъ дышать прекрасныя слова его во время прогулки:

«Умчалися въ море разбитыя льдины;
Живою улыбкой сіяеть весна;
Весенней красою блестають долины,
Сѣдая зима ослабѣла: въ тѣснинѣ,
Въ высокія горы уходитъ она».

(пер. Холодковскаго).

и идиллическое вечернее настроеніе, проникнутое спокойствіемъ закатывающагося дня:

«Взгляни: ужъ солнце озаряетъ
Сады и хижины прощальными лучами.
Оно уже зашло, скрываясь вдали,
И вновь взойдетъ, природу пробуждая».

(пер. Холодковскаго).

Оно достигаетъ до желанія, до потребности подчиться надъ предѣлами земли въ неизмѣримую высь и даль, идти по слѣдамъ солнца,—желанія, грустно прорывающагося въ этихъ словахъ:

«О, дайте крылья мнѣ, чтобы улетѣть съ земли
И мчаться вслѣдъ за нимъ, въ пути не уставая!
И я увидѣль-бы средь золота лучей
У ногъ моихъ весь міръ: и спящія долины,
И блескомъ золота горащія вершины,
И съ золотой рѣкой серебряный ручей...
О, духу такъ легко, отъ тѣла отрѣвшись,
Шарить свободными крылами!
Для всѣхъ людей бываетъ сладкій часъ,
И духъ нашъ чувствуетъ неясное волненіе,
Когда доносится до насъ
Весною жаворонка пѣніе,
Когда съ орлицею своей
Орелъ надъ темнымъ лѣсомъ вѣтается,
И быстро къ родинѣ несется
Надъ нами стая журавлей».

(пер. Холодковскаго).

Здѣсь пламенное чувство природы, которое заходящее солнце рождаетъ въ душѣ созерцающаго его, соединяется съ міровой жаждой, которая хотѣла-бы таинственную ширину, громадность и красоту міра охватить однимъ взглядомъ, обозрѣть въ смѣломъ полетѣ и измѣрить. Однако, сущность воззрѣнія Гете на природу не только въ эпоху «Вертера» и первой части «Фауста», но и вообще, обозначается всего лучше монологомъ, который, вѣроятно, былъ написанъ не ранѣе весны 1788 года:

«Могучій духъ, ты все мнѣ, все доставилъ,
О чѣмъ просилъ я...
Ты даль мнѣ въ царство чудную природу,
Обнять ее, вкусить мнѣ силы даль;
Не хладное познаніе даль ты мнѣ—
Дозволилъ ты въ ея святую грудь,
Какъ въ сердце друга, бросить взглядъ глубокій,
Ты ввелъ меня въ потокъ могучей жизни,
Ты научилъ меня родное что-то видѣть
Въ волнахъ, въ порывахъ вихря, въ тихой рощѣ.

(пер. Холодковскаго).

Чувство природы у Гете есть не только восторженное отношение или почтительное благоговѣніе: это — симпатія въ настоящемъ смыслѣ слова; все кругомъ него не чуждо, а

близко, родственно ему: все исходитъ изъ того-же божества, изъ котораго исходить и человѣкъ.

«Моря и горы, небо, рѣки!
Самъ я не ихъ-ли только часть?
Уже-ль во мнѣ, какъ въ человѣкѣ.
Не велика къ природѣ страсть?

(пер. Минаева).

спрашиваетъ Байронъ. Этотъ благоговѣйный поэтическій пантезизмъ выраженъ въ словахъ Фауста:

Кто-бѣ могъ, скажи, признаться и прямо не бояться
Сказать: «я вѣрю въ Него»? Онъ, вѣчный Промыслитель
И мира Вседержитель,
Не обнимаетъ-ли, любя, весь міръ — меня, тебя, Себя?
Не сводъ-ли тамъ вверху небесный? Подъ нами не Его-ль земля?
Не лютъ-ли звѣзды свѣтъ чудесный на землю, рощи и поля?

(пер. Холодковскаго).

Той-же искренней, симпатической или пантейстической любовью къ природѣ проникнуты стихотворенія, написанныя непосредственно послѣ ветцларскаго периода. Къ нимъ принадлежитъ «Пѣснь Магомета», величественная параллель между геніемъ, пробивающимъ себѣ путь, и потокомъ. Паѳосъ Пиндара и Псалмовъ горить въ этой пѣснѣ также, какъ и въ прекрасномъ сравненіи:

«Душа человѣка подобна водѣ:
Отъ тверди нисходитъ, восходитъ на небо
И, вѣчно мѣняясь, опять ниспадаетъ къ родимой землѣ».

(пер. Ф. Арефьева).

въ несравненномъ «Странникѣ», въ «Бурной пѣснѣ странника» и всего болѣе въ «Ганимедѣ»:

«Весна, моя милая, какъ озаряешь
Меня ты зарею своей предразсвѣтной!»

(пер. Кронеберга).

Грудь вздыхающаяся отъ весенней радости хотѣла-бы излиться въ величественный міръ, хотѣла-бы подняться до все-любящаго Отца. Вполнѣ вѣрно замѣчаетъ Лѣперъ ¹⁾: «Это стихотвореніе есть въ то-же время письмо Вертера (отъ 10-го мая) переложенное въ стихи. Пантейстическая основа его настроенія заключается уже въ «Бурной пѣснѣ странника»: это — не наслажденіе Броккеса, не благоговѣніе Клошитока,

¹⁾ Goethe's Gedichte II, 329.

не эстетическое наслаждение природой и не изслѣдованіе ея, какъ въ позднѣйшее время, но полное погруженіе въ природу, доходящее до полного слиянія съ стихіями, счастливое сочувствіе имъ».

На Цюрихскомъ озерѣ, 15 июня 1775 г., Гёте пишетъ слѣдующія теплія строки:

«И силу въ грудь, и свѣжестъ въ кровь
Дыханьемъ вольнымъ лью;
Какъ сладко, мать-природа, вновь
Упасть на грудь твою!»

(пер. Фета).

Также поетъ Эльмира въ «Эрвинѣ и Эльмирѣ»:

«Подъ кровомъ небосвода
Печаль тоску свою
Въ тебѣ, о мать-природа,
Я полной грудью пью»,

(пер. Холодковскаго).

Одинъ изъ прекраснѣйшихъ перловъ поэзіи Гете — его стихотвореніе той-же эпохи «Осеннее чувство». Была осень въ его любви къ Лили; печаль еще дрожитъ въ его сердцѣ — «вѣчно оживляющая любовь», властившая въ человѣческой груди, на не менѣе того и въ природѣ:

«Вась (гроздья винограда) грѣеть, какъ лоно матери,
Прощальный взоръ солнца; вась обвѣваетъ
Шлодотворящая ласка благого неба.
Вась освѣжаетъ прохладой волшебное дыханіе дружелюбнаго мѣ-
сяца».

Сильное впечатлѣніе, какое оставляетъ это маленькое стихотвореніе, лирическая душа его, заключается въ симпатическомъ слияніи впечатлѣнія природы съ минутнымъ душевнымъ настроениемъ; это стихотвореніе, какихъ самъ Гете создалъ немногі. Жизнь природы находитъ то звукъ въ его взволнованной груди и въ то-же время его собственное чувство изливается въ природу, одушевляя и оживляя ее. Насколько онъ подчинялся вліянію настроенія природы, онъ объясняетъ въ письмѣ къ г-жѣ Ф. Штейнѣ (1-го мая 1777 г.): «Я очень хорошо спалъ и вполнѣ бодръ, но у меня на душѣ тихій налѣтъ грусти... Погода вполнѣ соответствуетъ моему настроенію, и я начинаю вѣрить, что атмосфера, въ которой я живу, имѣетъ на меня непосредственное вліяніе, и великий міръ всегда проникаетъ мой малый міръ своимъ

настроениемъ». То-же мы видимъ въ тотъ вечеръ, весной 1778 г., когда онъ, одиноко размыслия шелъ по берегу Ильма, и мѣсяцъ бросалъ свой волшебный свѣтъ на окрестность и въ его страстно возбужденное сердце. Кротко и мягко начинаетъ онъ чудную пѣснь къ «Мѣсяцу»:

«Снова лѣсь и долъ покрылъ
Блескъ туманный твой:
Онъ мнѣ душу растворилъ
Сладкой типиной».

(пер. Жуковскаго).

Теченіе рѣки, возбуждая воспоминаніе о протекшихъ радостяхъ, грустно настраиваетъ его:

«Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь ужъ отпѣла.
Такъ надежды пронеслись;
Такъ любовь ушла».

(пер. Жуковскаго).

Но его грусть утихаетъ: его жизненный членокъ найдетъ для себя покой въ пристани дружбы. Нѣть надобности указывать, какъ гармонически картина природы и настроение поэта оттѣняютъ другъ друга, сколько наглядности, жизни и чувства въ его груди и въ проникнутой этимъ чувствомъ природѣ.

19-го января 1778 г. онъ писалъ г-жѣ Ф. Штейнъ по поводу несчастной судьбы Хр. Ф. Ласберга, утонувшагося въ Ильмѣ: «Эта заманчивая грусть имѣть въ себѣ что-то опасно влекущее, какъ сама вода и отблескъ звѣздъ неба, которыя свѣтятся намъ и изъ нея, изъ него, и притягиваются къ себѣ». Въ томъ-же году былъ написанъ «Рыбакъ»; эта великолѣпная баллада, въ которой каждое слово образъ и мелодія, изображаетъ ничто иное, какъ демоническое очарованіе, какое блестящая, привѣтливо манящая, коварная водяная поверхность, «влажно свѣтлая синева», производить на воспримчивую душу. Точно также написанный позднѣе «Лѣсной царь» воспроизводить ужасъ сѣрой осенней ночи, таящейся какъ призракъ въ деревьяхъ и кустахъ и заставляющей сердце дрожать печальными предчувствіями и тревогой.

Гете всегда любилъ путешествовать пѣшкомъ и въ семидесятыхъ годахъ много ходилъ около Франкфурта и Страсбурга по Рейну, по Тюрингіи и въ горахъ Гарца, («Harzreise», 1777): «Мы поднимались на высокія вершины и за-

ползали въ глубины земли, мы стучались во всѣ скалы». — говорить онъ. Вмѣстѣ съ усиливающимъ изученіемъ природы возрастаешь и наслажденіе ею; поэтическое выраженіе послѣдняго въ то-же время принимаетъ болѣе объективную форму; бурная, страстная, даже революціонная субъективность эпохи «Вертера» уступаетъ болѣе спокойному, хотя, въ то-же время, полному души и богатому мыслями возврѣнію на природу. Этотъ процессъ ясно отражается въ «Швейцарскихъ Письмахъ». Во время первого путешествія въ Швейцарію въ 1775 году, его духъ, только что высвободившій изъ себя «Вертера», былъ еще въ слишкомъ сильномъ внутреннемъ движеніи, чтобы спокойно и созерцательно наслаждаться природой. Несравненно значительнѣе, зрѣлѣе, даже законченнѣе письма изъ Швейцаріи отъ 1779 г.; они показываютъ намъ возврѣніе на природу глубокаго, внутренне-просвѣтленнаго, стоящаго на высотѣ своего времени и своего собственнаго развитія, цѣльнаго и великаго человѣка. Гете — первый изъ немецкихъ поэтовъ, на котораго романтическія, покрытые снѣгомъ и увѣнчанные ледниками горы оказали полное, возвыщенное впечатлѣніе, изображенное имъ съ неподражаемымъ мастерствомъ. Сознательно наслаждается онъ этими могущественными впечатлѣніями, какъ высшимъ и величайшимъ, что можетъ показать намъ природа въ нашихъ странахъ; онъ сознается самъ: «Эти возвышенныя, несравненныя картины природы будутъ всегда стоять передъ моимъ духомъ», и въ частномъ случаѣ, въ виду Савойскихъ и Валлісскихъ горъ, Женевскаго озера и Монблана онъ восклицаетъ: «Это было великое зрѣлище, почти недосягаемое для человѣческаго глаза».

Письма къ г-жѣ ф. Штейнъ обнимаютъ болѣе отдаленное время, чѣмъ тѣ, какія были включены въ его произведенія и какія отчасти сливаются съ его письмами изъ Швейцаріи. Его сердце со всѣми его движеніями открыто передъ женщиной-другомъ и мы видимъ, какъ онъ проницательно наблюдаетъ все, что находится передъ его глазами, какъ все его захватываетъ и приковываетъ, не исключая и идиллическихъ картинъ. Такъ, въ концѣ сентября онъ пишетъ изъ Зельца: «Необычайно прекрасный день; счастливая страна еще все зеленая: едва кое-гдѣ виденъ желтый листъ буквы или дуба. Ивы стоять еще во всей ихъ серебряной красотѣ; мягкое, привѣтливое дыханіе вѣять по всей

странѣ. Виноградныя гроздья съ каждымъ днемъ и съ каждымъ шагомъ становятся лучше и лучше. Каждый крестьянскій домикъ украшенъ виноградными лозами до самой кровли; съ каждого дворика свѣшивается обильная, густая зелень. Вѣтерокъ мяг cant, тепл cant, влаж cant; Рейнъ и ясныя горы вблизи, перемежающіеся лѣса, луга и поля, похожіе на сады, отрадны для человѣка и даютъ мнѣ то пріятное чувство, какого я давно желалъ».

Междѣ тѣмъ, какъ Вертеръ вносилъ въ пейзажъ всю свою мечтательную душу и находилъ въ немъ отраженіе всѣхъ своихъ измѣнчивыхъ ощущеній, Гете созерцаетъ теперь картины швейцарской природы съ спокойствіемъ окрѣпшаго міровоззрѣнія; онъ изображаетъ ихъ перомъ поэта и въ то-же время анализируетъ свое впечатлѣніе, также какъ старается объяснить себѣ въ научномъ смыслѣ образованіе горъ, ледниковъ и горныхъ породъ.

Подавленный зреющимъ водопадомъ у Лаутербруннена, онъ пишетъ отъ 9-го октября 1779 г.: «Облака въ высотѣ разошлись, и черезъ нихъ просвѣчивало голубое небо. На скалистыхъ стѣнахъ облака еще держались, даже глава, откуда ниспадаетъ водопадъ, была слегка окутана. Это весьма возвышенное зреющіе. Передъ вимъ испытывается тоже, что и передъ всѣмъ великимъ; пока видишь его изображеніе, не знаешь, чего именно желаешь отъ него; но когда находишься передъ нимъ, когда уже нельзя ни изображать, ни описывать, тогда только получаешь настоящую точку зреенія. Теперь облака спустились въ долину и покрываютъ всѣ свѣтлые углубленія. Съ правой стороны еще выступаетъ высокая стѣна, съ которой спускается водопадъ. Наступаетъ ночь.... Въ долинѣ Мюнстера, черезъ которую мы прошли, предметы весьма возвышенны, но соразмѣрнѣе съ понятіями человѣческой души, чѣмъ тѣ, къ какимъ мы теперь приближаемся. Передъ слишкомъ великимъ мы всегда слишкомъ малы»¹⁾. Когда онъ посѣтилъ изъ Туна Бернерскіе ледники и «наслаждался замѣчательными областями совершенно чистыми, въ небесномъ свѣтѣ», онъ пишетъ (14 октября): «Послѣ всего этого трудно писать... Первый взглядъ съ горы въ долину Гасли поразителенъ; мѣстность удивительно обширна и прі-

¹⁾ Briefe an Frau v. Stein I, 188.

ятна... Красота дороги выше всякаго выраженія.... Видъ съ (Бріензскаго) озера на горы Гасли и на снѣговыя горы величественъ». Величавыя скалы и обломки скаль, зеленая озера съ носящимся надъ ними паромъ, съ ихъ отраженіемъ и волненіемъ при различномъ освѣщеніи солнца и луны, движение облаковъ, однимъ словомъ, все производить на него впечатлѣніе возвышенаго, великаго, прекраснаго. Всего краснорѣчивѣе анализируетъ онъ его въ письмѣ отъ 3-го октября изъ Мюнхенской долины¹).

«Переѣзжъ черезъ эти тѣснины вызвалъ во мнѣ величавое, спокойное чувство. Возвышенное даетъ душѣ прекрасное спокойствіе; она вся наполняется имъ, чувствуетъ себя столь великой, насколько это возможно для нея, и рождаетъ чистое чувство, которое поднимается до краевъ, не переливается. Мой взоръ и моя душа могли воспринимать эти предметы и, такъ какъ я былъ чистъ, и это ощущеніе нигдѣ не отражалось фальшиво, то они дѣйствовали такъ, какъ должно. Когда сравниваешь такое чувство съ тѣмъ, какое мы испытываемъ, когда кропотливо вращаемся въ чемъ-либо мелкомъ и стараемся всѣми силами, чтобы его, по возможности, скрывать и собственнымъ созданіемъ доставлять нашему духу радость и пищу, тогда видишь, какъ мы бѣдны душой». Его душа расширяется, и «это даетъ болѣзненную отраду, переполненіе, волнующее душу и вызывающее сладкія слезы... Если-бы судьба принудила меня жить въ великой странѣ, я каждое утро питалъ-бы себя ея величіемъ, извлекая его изъ нея, какъ извлекаю терпѣніе и спокойствіе изъ моей любимой долины». И когда онъ думаетъ о томъ, какъ и въ какое время возникли эти скалистыя массы, какіе перевороты ихъ двигали, раздѣляли и раздробляли, онъ высказываетъ: «Глубоко чувствуется, что здѣсь нѣтъ ничего произвольнаго, но медленнодвигающей, вѣчной законъ».

На Женевскомъ озерѣ онъ вспоминаетъ о Руссо и восторгается «безконечно прекрасными» берегами, а когда онъ поднимается на Доль и видѣтъ подъ собой весь Ваадскій кантонъ, и передъ нимъ постепенно появляются озеро, Веве и

¹) См. Briefe an Frau v. Stein. I, 196 и слѣд., совпадающія съ началомъ 2-го отд. «Писемъ изъ Швейцаріи», а также и слѣдующее письмо отъ 5-го ноября.

Лозанна, онъ сознается: «Нѣть словъ для величія и красоты этого зрѣлища; рядъ блестящихъ ледяныхъ горъ все болѣе и болѣе приковывалъ къ себѣ взоръ и душу». Въ Клюзѣ онъ наслаждается очаровательнымъ вечеромъ: «Воздухъ былъ теплый, какъ въ началѣ сентября, и страна весьма красива; многія деревья еще зелены, большая часть ихъ буровато-желтаго цвѣта, немногія вполнѣ обнажены, посвѣтѣ ярко зеленый, горы въ красномъ вечернемъ свѣтѣ розовыя съ фиолетовымъ оттѣнкомъ, и тѣ же краски на великихъ, прекрасно—плѣнительныхъ формахъ пейзажа». Такъ-же какъ здѣсь яркость красокъ, въ Шамуни его восхищаются воздушныя явленія: «Легкіе шары прозрачнаго воздуха, какъ волнистая шерсть, расчесанная воздухомъ, это—нѣчто прозрачное, сотканное изъ свѣта». Поэзія тумана въ горахъ, которымъ онъ особенно любовался съ Коль-де-Бальма (6-го ноября), еще въ сильнѣйшей степени привлекаетъ его въ Лейкербадѣ, у подножія прохода Гемми; онъ пишетъ тамъ отъ 9-го ноября: «Облака, сталкивающіяся въ этомъ мѣшкѣ, то покрывающія громадныя скалы и поглощающія ихъ въ непроницаемомъ пустынномъ сумракѣ, то показывающія нѣкоторыя части ихъ какъ привидѣнія, придаются этой картинѣ печальную жизнь. Эти дѣйствія природы наполняютъ насъ какимъ-то предчувствіемъ... Чувствуется, какъ вѣчна, внутренняя сила природы таинственно движется по каждому нерву».

Ужасъ, вищаемый горнымъ уединеніемъ охватываетъ его при переходѣ черезъ Ронскій глетчеръ къ Фурке: «Это былъ странный видъ... въ самой безлюдной странѣ міра, въ громадной, однообразной, покрытой снѣгомъ горной пустынѣ, гдѣ впереди и назади на три часа разстоянія, нѣть ни одной живой души, гдѣ съ обѣихъ сторонъ нѣть ничего кромѣ обширныхъ пропастей перекрещивающихся горъ—видѣть рядъ людей, изъ которыхъ одинъ вступаетъ въ глубокіе слѣды другого и гдѣ на гладкомъ, пройденномъ пространствѣ ничего не попадается на глаза, кромѣ сдѣланной шагами борозды. Глубины, изъ которыхъ выходишь, кажутся позади въ туманѣ сѣрыми и безконечными. Облака проносятся надъ блѣднымъ солнцемъ, крупные хлопья снѣга носятся въ глубинѣ и затягиваютъ все вѣчно-подвижнымъ, легкимъ покровомъ». Сумму величественныхъ впечатлѣній, какія производить на него альпійская природа онъ выражаетъ такъ: «Чувство столькихъ

связанныхъ между собою чудесъ природы возбуждаетъ глубокое и неизрѣченное наслажденіе».

Самый рѣшительный переворотъ въ умственной жизни Гете произошелъ послѣ его путешествія въ Италию, въ 1786—87 гг. Въ его поэтическомъ развитіи этотъ періодъ обозначенъ «Ифигеніей», въ которой отражается его собственный процессъ просвѣтленія, внутренняго подъема къ идеалу античнаго міра. И его возврѣтие на природу въ это время направилось на другіе пути. Мечтательность Вертера, вызываемая природой, высокій полетъ Фауста надъ предѣлами земнаго міра, прежнее пантеистическое погружение въ впечатлѣнія природы уступаетъ болѣе трезвому взгляду на нее; человѣкъ чувства все болѣе и болѣе превращается въ естествоиспытателя и проницательнаго наблюдателя всего реальнаго міра. Самъ Гете сознается въ этомъ въ одномъ изъ писемъ своего «Путешествія по Италии»: «Въ послѣднее время я вижу только предметы, а не то, что около нихъ и вмѣстѣ съ ними, какъ прежде (30 іюля 1787 г.).

Онъ уже не придаетъ картинамъ природы своихъ ощущеній; онъ даже не изучаетъ и не изслѣдуетъ болѣе впечатлѣнія, какое эти картины оставляютъ въ его душѣ. Онъ изображаетъ природу съ объективнымъ спокойствіемъ, такъ-же какъ и все, что онъ видитъ и переживаетъ; почти схематически набрасываетъ онъ свои наблюденія надъ погодой и облачками, расчлененіемъ горъ и горными породами, пейзажами и общественными условіями; въ этихъ замѣткахъ дневника, по известнымъ рубрикамъ, отсутствуетъ почти всякое художественное созданіе; при наблюденіи природы метеорологія, геология и ботаника берутъ перевѣсъ надъ эстетическимъ отношеніемъ къ ней. Составу почвы изъ глины или образованію горъ изъ кварца, известняка, слюдистаго сланца, гнейса и т. п. отводится болѣе мѣста, чѣмъ красотѣ страны; вопросъ о первичной растительной формѣ болѣе занимаетъ его, чѣмъ зрѣлище великолѣпныхъ древесныхъ группъ. Какъ-же могло произойти, что этотъ юношески-пламенный духъ, создавшій «Вертера», первую часть «Фауста» и столько величественныхъ пѣсенъ, заставилъ себя самъ ограничиться одними «чувственными впечатлѣніями», поставивъ ихъ впереди душевныхъ впечатлѣній? Прежде всего, онъ хотѣлъ «разглядѣть морщины, образовавшіяся и отпечатлѣвшіяся въ его душѣ» и потомъ Веймарская эпоха съ ея практическою дѣя-

тельностью и постепенно усиливавшимися занятіями естество-
знаніемъ придавали всему его міровоззрѣнію болѣе реалистич-
ескій, положительный, объективный характеръ; какъ онъ
говорить самъ въ своемъ разсужденіи о гранитѣ, онъ пере-
шелъ «отъ наблюденія и изображенія человѣческаго сердца,
этой самой новой разнообразной, подвижной, измѣнчивой и
непрочной части творенія, къ наблюденію самого древняго,
твѣрдаго, глубокаго, непоколебимаго произведенія природы.

Субъективный, мечтательный идеализмъ бурной юности
уступилъ свое мѣсто соразмѣрному объективному реализму
зрѣлаго мужества. Поэтому, письма изъ Италии уже другого
содержанія, чѣмъ письма изъ Швейцаріи 1779 г.; тамъ со-
вершилась его внутренняя метаморфоза: «Между Веймаромъ
и Палермо, я испыталъ много перемѣнъ», говоритъ онъ. Все
это не исключаетъ, однако, восхищенія той красотой, какая
въ Италии развертывалась передъ глазами Гете. Онъ самъ
замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ: «Въ моей природѣ заключается
свободное и радостное почитаніе великаго и прекраснаго и раз-
вивать эту способность въ виду величественныхъ предметовъ
день за днемъ, часъ за часомъ, есть блаженѣйшее изъ
всѣхъ чувствъ».

Онъ наслаждается съ величайшей отрадой «драгоцѣнными»
днями, величественностью странъ, открывающихъ его взору
совершенно новый міръ. Могущественное впечатлѣніе произ-
водить на него море. Онъ описываетъ свой выѣздъ на Лидо:
«Я услышалъ сильный шумъ: это было море, и вскорѣ я
увидалъ его; оно высоко поднималось на берегъ, въ тоже время
отступая отъ него: это было время полуденного отлива. Такъ я
увидалъ море своими глазами и слѣдовалъ за нимъ по тому кра-
сивому мягкому руслу, какое оно оставляеть». Однако, далѣе
онъ ограничивается немногими словами: «Море есть великое
зрѣлище! ¹». И въ другомъ мѣстѣ онъ довольствуется корот-
кимъ сообщеніемъ: «Я оставилъ Церуджію въ великолѣпное
утро и чувствовалъ блаженство вновь быть однимъ. Положе-
ніе города прекрасно; видъ моря въ высшей степени отрад-
ный». Именно въ Римѣ въ его душу тѣснится такъ много

¹) Ср. также изданные нѣсколько лѣтъ тому назадъ «Гётеискимъ обще-
ствомъ» (Т. II.) «Tagebücher und Briefe Goethe's aus Italien an Frau
v. Stein und Herder» von E. Schmidt, Weimar 1886, S. 150.

новыхъ впечатлѣній, и интересъ, возбуждаемый развалинами, картинами, дворцами, церквами, народной жизнью и проч., такъ разнообразенъ, что онъ едва успѣваетъ перерабатывать его внутри себя, и это, въ особенности, потому, что плодо-творное дѣйствие окружающаго вызываетъ въ его груди все болѣе и болѣе роскошную жизнь. Онъ много рисуетъ; такъ онъ пишетъ въ Фраскати (15 ноября 1786 г.): «Страна весьма привлекательна; это мѣсто лежитъ на холмѣ или скорѣ на горѣ, и каждый шагъ представляется живописцу великолѣпнѣйшія мѣстности. Видъ отсюда безграницный: видиши Римъ, лежащимъ передъ собою, а еще далѣе—море; на правой сторонѣ горы Тиволи»¹⁾ и т. д.

Въ самомъ Римѣ онъ пишетъ, отъ 2-го февраля 1787 г.: «Какъ красивъ Римъ, когда по немъ идешь при лунномъ свѣтѣ,—нельзя имѣть понятія, не видавши его», или во время карнавала 21-го февраля: «Небо столь безконечно-чистое и прекрасное смотрѣло такъ благородно и невинно на эти забавы»; или во время переѣзда въ Сицилію: «Въ полдень мы взошли на корабль и наслаждались, при великолѣпной погодѣ, прекраснѣйшимъ зрѣлищемъ. Недалеко отъ Моло корветъ стоялъ на якорѣ. При ясномъ солнцѣ атмосфера была наполнена парами; отъ этого отѣненныя, скалистыя стѣны Сорренто казались прекраснаго голубого цвѣта. Освѣщенный, оживленный Неаполь блестѣлъ всѣми красками». И отъ 1-го апрѣля: «Яркій лунный свѣтъ при мутноватомъ небѣ даетъ безконечно-прекрасное отраженіе на морѣ».

Въ остальномъ, Италия и въ особенности Римъ, по крайней мѣрѣ, относительно пейзажа, неба, воздуха, линій и красокъ производили на него такое-же впечатлѣніе, какъ и на многихъ другихъ, пріѣзжавшихъ туда съ сѣвера: онъ только постепенно привыкаетъ и обживается тамъ. Такъ онъ пишетъ во время второго посѣщенія Рима, 16 июня, 1787 г.: «Еще одно замѣчаніе. Только теперь деревья, скалы, самій Римъ начинаютъ мнѣ нравиться; до этого времени я всегда ихъ чувствовалъ чужими себѣ; напротивъ, меня радовали незначительные предметы, которые имѣли сходство съ тѣми, какіе я видѣлъ въ юности». Это весьма поучительная мысль. Въ жизни духа все основано на воспріятіи; то настроеніе, ту душу,

¹⁾ Schr. der Goethe-Gesellschaft. Bd. II, S. 220.

какую мы придаємъ вещамъ, то родственное, что органически связывается съ чуждымъ намъ, требуетъ посредства внутрен-
няго роста, расширения и углубленія внутренняго міра. Еще
18 августа 1787 г. Гете пишеть: «Вчера я поѣхалъ передъ
солнечнымъ закатомъ въ Аква Ачетоза; можно прийти въ ве-
личайший восторгъ при видѣ ясности, разнообразія, прозрач-
ности и небеснаго колорита ландшафта, въ особенности, да-
лѣй». Но, когда онъ, испытывая сильное влечение къ одной
красивой миланкѣ, вдругъ узнаетъ, что она уже невѣста, онъ
обращается въ своей скорби къ «оставленной въ пренебреже-
шіи пейзажной природѣ», онъ старается живописать ее и
«полнота тѣлесности, какую показываетъ намъ каждый пред-
метъ въ скалахъ и деревьяхъ, подъемахъ и спускахъ, тихихъ
озерахъ, оживленныхъ ручьяхъ, была чувствительнѣе моему
глазу, чѣмъ прежде, и я не могъ отнестишь непріязненно къ
страданію, которое могло въ такой степени обострить мое
внутреннее и внѣшнее чувство». (Начало октября 1787 г.).

И когда онъ долженъ разстаться съ Римомъ, въ послѣдніе
дни онъ чувствуетъ красоту неба сильнѣе и отчетливѣе, чѣмъ
когда-либо: «Три ночи передъ тѣмъ стоялъ полный мѣсяцъ
на чистѣйшемъ небѣ, и очарованіе распространяющееся вслѣд-
ствіе того надъ громаднымъ городомъ, столь часто испытанное
мною, до нельзя глубоко проникало меня. Большая свѣтовая
массы, чистыя, освѣщенныя точно въ мягкой день, со своими
контрастами глубокихъ тѣней, разнообразно освѣщенныхъ отра-
женіями, какъ предчувствіе цѣлага, приводятъ насъ въ такое
состояніе, какъ будто мы видимъ другой, болѣе простой и ве-
ликій міръ».

Позднѣйшіе путевые дневники, состоящіе изъ краткихъ
эскизовъ, еще болѣе объективны и лаконичны; напр.: «Шаф-
гаузенъ 18 сентября: Выѣхалъ рано, въ половинѣ седьмого,
чтобы видѣть Рейнскій водопадъ. Зеленый цвѣтъ воды. При-
чины этого. Высоты были покрыты туманомъ. Глубина была
ясна, и замокъ Лауфенъ былъ видѣнъ на половину въ туманѣ.
Мысли объ Оссіанѣ. Пристрастіе къ туману при сильныхъ
внутреннихъ ощущеніяхъ»; точно также около Бруннена: «Зе-
леный цвѣтъ озера, крутые берега, ничтожные размѣры плов-
цовъ въ сравненіи съ громадными скалистыми массами. Видѣ-
лись склоны, поросшіе лѣсомъ, вершины окутанные обла-
ками. Солнечные лучи ложились полосами надъ мѣстностью;
чувствовалось лишенное образъ величіе природы». Тѣмъ не

менѣе, не смотря на сжатость,—какая во всемъ полнота мысли и какая проницательная наблюдательность! Какъ все передано пластично, паглядно, съ полнотою впечатлѣнія! Но онъ самъ ясно чувствуетъ, что въ немъ произошла рѣшительная перемѣна съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ видѣлъ эти страны. Такъ, онъ пишетъ Шиллеру (14 окт. 1797 г.): «Я вспоминалъ объ эффеќтѣ, какой эти предметы 20 лѣтъ тому назадъ производили на меня; въ общемъ, впечатлѣніе осталось, иѣкоторыя части его угасли, и я чувствовалъ странное желаніе опять повторить и исправить ощущенія того времени. Я сталъ другимъ человѣкомъ, и поэтому предметы должны были также мнѣ казаться иными».

Гѣте и послѣ того много путешествовалъ по Гарцу, въ Карльсбадъ, въ Теплицъ, по Майну, въ Мариенбадъ и т. д. Послѣ смерти своихъ лучшихъ друзей: Шиллера и Карла Августа, онъ становился все болѣе и болѣе одинокимъ; все его мышленіе и чувство, по мѣрѣ приближенія старости, становились объективнѣе, а его воззрѣніе на природу научнѣе и абстрактнѣе. Однако, его письмо изъ Гейдельберга, отъ 4-го мая 1808 г. къ г-жѣ Ф. Штейнъ, показываетъ, что онъ и въ старости съ ясностью взора и съ чувствомъ юности наслаждался прекраснымъ въ природѣ: «Вчера вечеромъ, окончивъ работу, я пошелъ одинъ къ замку, гдѣ сперва забрался на развалины, а потомъ на возвышенность, откуда можно обозрѣть всю эту мѣстность. Это былъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ майскихъ вечеровъ и солнечныхъ закатовъ. Этого мало: такимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ я еще никогда не наслаждался! Представь себѣ, что отсюда была видна, покрытая съ обѣихъ сторонъ лѣсомъ, виноградниками и расцвѣтающими плодовыми деревьями, прекрасная, но узкая долина Неккара, въ которой Гейдельбергъ тянется къ Неккару. Даѣе долина расширялась, и Рейнъ величественно протекалъ въ отраженіи вечерняго солнца черезъ прекраснѣйшіе луга. Горизонтъ ограничивали, стоявшія какъ въ огнѣ отъ вечерняго солнца, Вогезскія горы, по ту сторону Рейна. Вся долина была покрыта свѣжей зеленью; около меня были громадныя, частью освѣщенныя развалины старого замка. Ты легко можешь представить себѣ, какъ меня это восхищало. Цѣлые полчаса я стоялъ поглощенный этимъ зрѣлищемъ, пока, наконецъ, меня пробудилъ отъ моихъ мечтаний восходящій мѣсяцъ».

Настоящей лирической эпохой Гете можно считать семидесятые годы, передъ путешествіемъ въ Италію; во время и послѣ него драма и эпосъ были поэтическими формами, которые всего болѣе соотвѣтствовали умственному развитію поэта, затѣмъ баллада и болѣе повѣстовательный родъ лирики. «Я опять нашелъ великолѣпные материалы для идилій, элегій и родственныхъ имъ родовъ поэзіи, какъ-бы они не назывались», пишетъ онъ изъ Швейцаріи въ 1797 г., посылая Шиллеру свое стихотвореніе «Юноша и мельничный ручей».

Лирическія стихотворенія, посвященные природѣ, становятся рѣдки во время путешествія въ Италію, также какъ и во время поѣздки въ Сицилію въ 1787 г. За это время можно назвать: «Морская типъ» и «Счастливое плаваніе». Но вѣнцомъ такихъ краткихъ пѣсень, проникнутыхъ настроениемъ природы и души, является удивительная «Вечерняя пѣсня», которую Гете написалъ въ одну сентябрьскую ночь 1780 г. на Гиккельганѣ, около Ильменау. Въ то-же время онъ пишетъ г-жѣ Ф. Штейнѣ: «Небо вполни чисто, и я иду радоваться на солнечный закатъ. Видъ величественъ и простъ. Солнце закатилось». Тогда къ нему пришли тѣ несравненные строки, полныя необычайной мелодіи и неподражаемо передающія вечернее настроеніе въ природѣ и въ человѣческой душѣ, которая чувствуетъ, какъ жизнь и все земное стремится къ одной и той-же цѣли:

Горыя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной,
Тихія долины
Полны свѣжей мглой.
Не пылитъ дорога,
Не шумятъ листы,
Подожди немнога —
Отдохнешь и ты! ¹⁾

«Тишина вечера, затишье желаній въ молчаніи лѣса, разрѣшеніе всѣхъ диссонансовъ въ законченной гармоніи природы, наивный и величественный пантеизмъ души, чувствующей свое единство съ міромъ — все это не имѣть особаго

¹⁾ Über allen Gipfeln Ist Ruh, In allen Wipfeln Spürest du Kaum einen Hauch; Die Vögelein schweigen im Walde. Warte nur, balde Ruhest du auch.

выраженія въ «Ночной пѣснѣ странника», но оно звучить въ ней, какъ сочетаніе голосовъ въ прекрасной симфоніи». (Шуре).

Въ этой краткой пейзажной картины, полной глубокаго одушевленія, объектъ вполнѣ теряется въ субъектѣ, также какъ этотъ послѣдній вполнѣ претворяется въ природѣ; его нельзя назвать элегически-сантиментальнымъ, хотя онъ и проинеутъ грустью, и нельзя назвать идиллически-чувствительнымъ, хотя отъ него и вѣтъ спокойствіемъ лѣса и вечера: прежде всего мы въ немъ видимъ особый гетеевскій пантеизмъ, благодаря которому субъектъ и объектъ, духъ и природа находятся не только въ символическомъ отношеніи между собой, но сливаются въ одно, взаимно проникая другъ друга. Этой «Вечерней пѣсни», «Рыбака» и пѣсни, посвященной лунѣ, было-бы достаточно, чтобы отвести Гете мѣсто величайшаго поэта природы; въ нихъ каждая отдельная подробность есть живописный образъ, каждое слово — музыка, и падъ всѣмъ вмѣстѣ лежитъ то очарованіе симпатіи, которое одинаково настраиваетъ природу и душу и проникаетъ пейзажъ душевнымъ чувствомъ.

Гете не только величайшій поэтъ, онъ величайшій и универсальнѣйшій мыслитель новѣйшаго времени. Мы видѣли, какъ въ немъ сливается чувство природы и познаніе ея; если первая, во времена кипучей и зрѣющей юности, достигала въ лирикѣ самого полнаго и высокаго тона, то послѣдніе умѣряло страстность чувства и вмѣстѣ съ возрастомъ, объективнѣе относившемся къ міру, заставляло эстетическое ощущеніе природы отступать передъ научнымъ воззрѣніемъ па нея. Какъ и все духовное развитіе Гете, развитіе его чувства природы вполнѣ гармонично; при всей своей недосягаемости, оно крайне типично для нашего времени; не смотря на рядъ столькихъ, отдѣляющихъ его отъ Гомера и Шекспира, въ своей поэзіи онъ ближе всего стоять къ нимъ, также какъ въ философскомъ міровоззрѣніи онъ всего ближе къ Спинозѣ. Но поэзія и философія у него одно, и поэтому гетеевскій пантеизмъ несравненно жизненнѣе, несравненно облагороженнѣе поэтическимъ созерцаніемъ, въ сравненіи съ строго математическимъ, абстрактнымъ пантеизмомъ великаго амстердамскаго мыслителя. И выводъ изъ этого поэтическаго пантеизма есть симпатія, созвучіе природы и духа. Гете чувствовалъ себя частью Всесодержащаго, Всеобнимающаго; образомъ Его была для него природа,

любовь къ природѣ была его религіей. Въ юности, въ эпоху «Вертера», «Ганимеда» и первой части «Фауста» этотъ пантеизмъ заключался въ невыразимомъ и неутолимомъ желаніи проникнуть въ общее единство, воспарить надъ облаками, съ любовью охватывающей міръ; въ тихомъ созерцаніи на груди природы, онъ слышитъ, какъ бьется общее сердце, въ высокой травѣ, у ниспадающаго ручья; онъ желаетъ имѣть крылья, чтобы подобно лучамъ солнца носиться надъ землей и моремъ въ неизмѣримой дали, и на швейцарскихъ горахъ чувствовать въ своей груди желаніе «ринуться въ безконечное воздушно-пространство, вознестиись надъ страшными проастіями и опуститься на неприступныя скалы». Послѣ путешествія въ Италию, мѣсто мечтательного попиманія пейзажа и всѣхъ измѣнчивыхъ впечатлѣній природы заступаетъ научное проникновеніе въ нее; любитель природы превращается въ естествоиспытателя; даже символизмъ вытѣсняется въ немъ болѣе абстрактнымъ реалистическимъ воззрѣніемъ. Но никогда не покидало его, даже и въ старческомъ возрастѣ, живое чувство ко всему существующему, теплое одушевленіе природы въ ея красивыхъ и возвышенныхъ формахъ; онъ оставался вѣренъ основнымъ идеямъ Спинозы о безконечности и незыблемости закоповъ природы, о всеединствѣ космоса и стремился дать научное основаніе этимъ идеямъ въ непрерывномъ послѣдованіи растительныхъ и животныхъ формъ, въ единеніи «образованіи и преобразованіи всякаго рода органической природы». Такъ, однажды онъ писалъ г-жѣ Ф. Штайнѣ: «Я не могу тебѣ выразить какъ ясна для меня становится книга природы. Я долго разбиралъ ее по складамъ, и это помогло мнѣ; теперь все выступаетъ разомъ, и я не могу высказать, какъ велика моя тихая радость. Хотя я нахожу много нового, я не нахожу ничего неожиданного; все подходитъ и все прымкаетъ одно къ другому, потому что у меня нѣть никакой системы, и я ничего не желаю кромѣ истины ради нея самой. Вскорѣ для меня будетъ все ясно относительно всего живущаго» ¹). Поэтическое и научное вдохновеніе совпадаютъ у Гете, и общую связью ихъ служитъ пантеизмъ.

Этотъ пантеизмъ означаетъ собою эпоху въ исторіи поэзіи природы. Гете обратилъ ложное воззрѣніе на природу, свойствен-

¹) Julian Schmidt ap. cit. III, 1886 S. 83.

ное его времени, въ свободное, естественное, здоровое и правдивое отношение къ ней; онъ обладалъ взглядомъ живописца на пейзажъ, способностью изображать его словомъ и вносить въ него душу въ такой степени, въ какой это не удавалось никому другому; онъ угадалъ и неподражаемо описалъ красоту альпийской природы, значительно превзойдя Руссо и всѣхъ послѣдующихъ изобразителей ея; онъ привелъ въ полное созвучіе чувство природы и познаніе ея; но всѣ эти величія заслуги не исчерпываютъ его значенія, какъ поэта природы. Онъ прошелъ всѣ фазы развитія предшествующихъ вѣковъ, своимъ необычайно воспріимчивымъ и преобразовательнымъ духомъ соединилъ въ себѣ все истинное и правдивое, и любовь къ природѣ возвѣль въ поэтически и философски единый, свободный и возвышенный пантеизмъ.

II. Байронъ и Шелли.

Также какъ Гете въ Германии, лордъ Байронъ въ Англіи направилъ чувство природы на новые пути силою своей демонической геніальности и своего пламенного пантеизма. Фантазія великаго Мильтона была слишкомъ пуританской и библейской для того, чтобы дать вѣнчальному миру самостоятельное значеніе въ поэзіи: природа имѣть для него цѣну только по отношению къ всемогущему Богу. Не находя себѣ мѣста и въ романѣ того времени, она выступаетъ лишь въ меланхолически сантиментальныхъ изліяніяхъ, каковы, напр., Ночные мысли Юнга¹). Стихотворенія Оссіана соединяютъ библей-

¹) «Богиня Ночь простираетъ теперь со своего чернаго престола въ темномъ величіи свой свинцовый скрипетръ надъ дремлющимъ міромъ. Какая мертвая тишина! Какая глубокая тьма! Ни зрѣніе, ни слухъ ничего не находить для себя. Все сотворенное спитъ. Какъ будто общий пульсъ жизни остановился, и природа дѣлаетъ остановку, страшную остановку, предвѣщающую ея конецъ. Ты, Который нарушилъ первую тишину, когда радостно манилъ утренняя звезды загорѣлись надъ поднявшимся земнымъ шаромъ, о Ты, слово Котораго изъ густой тьмы павлекло искру, солнце, зажги мудрость въ моей душѣ; чрезъ эту тьму природы и души, черезъ эту двойную ночь письши лучъ состраданія, чтобы просвѣтить, ободрить меня» и т. д. (По переводу Эберта—I. A. Ebert. Bd. I, Braunschweig 1760, S. 10).

ское обиліе образовъ и сравненій¹⁾ съ мечтательностью и грустью; облака, туманъ и вѣтеръ образуютъ призрачныя тѣни для воинственныхъ и страдающихъ героеvъ: «Опустились облака ночи на море, на склонѣ Кромлы собирается тьма; сіяніе звѣздъ съ сѣвера поднялось, отражаясь въ сверкающихъ волнахъ. Ихъ мягкое, красное пламя просвѣчивало сквозь дымку, облекавшую небо; вѣтеръ вылья въ лѣсистомъ ущельи; черно и тихо было поле смерти». (Шѣснѧ VI).

Другое направление даётъ чувству природы Вордсвортъ (род. 1770 г.). Правда, въ этомъ чувствѣ у него еще сохраняется пасторальная тенденціозность въ предпочтеніи идиллически простой, здоровой сельской жизни; онъ все еще проповѣдуетъ свободное общеніе съ природой и нѣсколько искусственно придастъ теистическую окраску своей проповѣди, но у него видна настоящая любовь къ природѣ и уже проглядываетъ несомнѣнныи пантегиазмъ. Онъ разсказываетъ самъ, какъ жизнь съ природой съ ранней поры очистила его духъ отъ страстей: «И это дружеское общеніе не было мнѣ скучно отмѣreno. Въ ноябрьский день, когда туманъ, сползая внизъ по долинѣ, дѣлаетъ пустынью еще пустыннѣе, въ полдень въ чащѣ лѣса и въ тихомъ покой лѣтнихъ ночей, когда я, на берегу слегка движущагося озера, подъ темными холмами, шелъ домой въ уединеніи—я могъ говорить съ природой. И въ холодную пору года, когда солнце купалось въ морѣ и сквозь сумракъ окопки хижинъ свѣтились за цѣлую милю, я не пренебрегалъ этимъ призываюмъ»...²⁾.

Съ Клошитоевскимъ энтузіазмомъ прославляется онъ поэтическую прелестъ катанья на конькахъ: «На востокѣ звѣзды сверкали ярко, между тѣмъ какъ на западѣ золотое облако вечера тихо потухало». Но еще характериѣе признаніе поэта

¹⁾ «Его копье было какъ ель па расщелинѣ горы; какъ поднимаютъся мѣсяцъ, таковъ быль его щитъ; онъ сидѣть на берегу на утесѣ, какъ туманъ, остановившися надъ горою... Какъ лѣсной потокъ съ шумомъ выбѣгаеть изъ дикой долины, такъ повернуль со склона горъ рядъ витязей въ горделивомъ движениѣ... Ты, какъ снѣгъ горы, твои русыя кудри завиваются прекраснѣе чѣмъ туманъ Кромлы на холмѣ при яркомъ сіяніи вечерняго солнца... Поднялись мужи, брацая оружіемъ, какъ высится голубой хребетъ волны, когда океанъ бушуетъ подъ ураганомъ» и т. д.

²⁾ Brandes op. ср. IV, S. 69.

въ «Tintern Abbey»: «Послѣ того какъ миновали грубыя радости моего отрочества и его веселыя игры, однимъ и всѣмъ сдѣлалась для меня природа. Я не могу описать, чѣмъ я былъ тогда. Шумящій водопадъ очаровывалъ меня, какъ страсть; высокая скала, гора, густой, тѣнисто-темный лѣсъ, ихъ видъ, ихъ краски были для меня прелестью, любовью, чувствомъ, которое не требовало чтобы его выманивать рядами мыслей, и не было интереса, который исходилъ-бы отъ чего нибудь, кромѣ зреяня ¹⁾».

Здѣсь слышатся уже звуки, которые только сильнѣе звучать у Байрона, и при томъ открытый пантеизмъ души, чувствующей свое единство со всѣмъ что окружаетъ ее въ природѣ. Такоже какъ В. Скоттъ ²⁾ Шотландію, Муръ—Ирландію, и Вордсвортъ старался изобразить сторону и людей Англіи съ возможной вѣрностью природѣ. Этимъ онъ отличается отъ Байрона и Шелли, которые бѣжали отъ тѣснаго горизонта родины и стремились въ далекія страны, и отъ Соути (род. въ 1774), котораго «Талаба» начинается величественнымъ изображеніемъ ночи въ пустынѣ: «Какъ величественна ночь! Росистая свѣжесть наполняетъ тихій воздухъ; его не мучить нигдѣ туманъ, нигдѣ облачко не прерываетъ ясности неба. Въ своемъ великолѣпіи катится полный мѣсяцъ тамъ, въ голубой глубинѣ. Въ его лучахъ покоится бурый кругъ пустыни, окруженій небомъ, какъ океанъ! Какъ величественна природа!» ³⁾.

Все, что предшествовавшая англійская поэзія даетъ въ отношеніи изображенія природы, кажется дѣтски невиннымъ, въ сравненіи съ революціонными звуками лиры Байрона. Въ немъ проповѣдь Руссо превращается въ поэзію. Бѣгство отъ людей, меланхолія, стремленіе къ неограниченной свободѣ, къ полному возвышению своего «я» были свойственны этимъ обоимъ умамъ, которые никогда не могли выработать до гѣтевской гармоніи. Ихъ страстному сердцу болѣе всего соответствуетъ возмущенная, дикая, пустынная природа. Даже тамъ, гдѣ они отдаются мягкой прелести идилическаго пей-

¹⁾ Brandes op. cit. S. 71.

²⁾ Всего болѣе его «Дѣва озера» проникнута дыханіемъ лѣса и горъ безъ морализированія Вордсворта и безъ Байроновской страсти.

³⁾ Brandes S. 69.

зажа, по большей части примѣшивается у нихъ горькое чувство противоположности злому и грубому человѣческому миру, отъ котораго они бѣжали. Байронъ такъ и не пережилъ бурнаго настроенія юности; происходившее въ немъ броженіе не пришло къ гармоническому просвѣтленію; его любовь къ природѣ, являющаяся страстью любовью ко всему миру съ самымъ пламеннымъ пантеизмомъ, всегда была отравлена мизантропіей и пессимизмомъ, горькой міровой скорбью, подобно сладкому плоду, источившему червемъ. Природа служитъ единственной утѣшительницей для Байрона, когда онъ отворачивается отъ людей. Онъ сдѣлалъ это сперва изъ гордости, изъ себѧлюбія, а потомъ, когда лондонскій свѣтъ оттолкнулъ и проклялъ его, вмѣсто того чтобы лежать у его ногъ, его нелюдимость обратилась въ отвращеніе и ненависть, а желаніе слиться съ природой — въ меланхолію. Но «хотя то сердце, въ которомъ отражается все, поражено болѣзнью, оно остается неизмѣримо глубокимъ; душевная жизнь, которая все одушевляя, привлекаетъ къ себѣ, усиливается и считаетъ и чувствуетъ все только частью самой себя». (Беттгеръ).

Основная черта поэзіи природы Байрона есть возмущеніе, стихийная страсть. И эта страсть субъективности и индивидуализма, какой міръ еще не зналъ до него, соединялась у него съ безпредѣльнымъ могуществомъ поэтическаго гenія, который, точно играя, выбрасывалъ одну благозвучную строфу за другою. Усталое общество Лондона было точно оглушено мелодіей словъ и нового рода чувствомъ, когда появились первыя пѣсни «Чайльдъ-Гарольда» этого первого, вполнѣ современаго странника-мечтателя. Лирика природы, изобразительность и сила ощущеній, сливающіяся въ этой поэмѣ не имѣютъ себѣ равной. Какъ шумъ волнъ звучать для читателя великолѣпные стихи ироніанія съ родиной 1, 12:

«Надулись паруса; какъ будто вторя
Его желаньямъ, вѣтеръ рѣзче сталъ—
(пер. П. А. Козлова).

«Когда-же солнце скрылось въ море,
Герой нашъ въ руки арфу взялъ
Которой радости и горе
Въ уединенны повѣрялъ» —

(пер. Д. Минаева).

«Прости! Родимый берегъ мой
Въ лазури тонетъ волнъ;
Бушуетъ вѣтръ, реветь прибой;

Крикъ чайки грусти польтъ.
Въ пучинѣ солнце гаситъ свѣтъ;
За нимъ намъ вслѣдъ идти;
Обоимъ вамъ я шло привѣтъ!
Мой край родной, прости!» ¹⁾

(пер. П. А. Козлова).

Онъ восхищается красотой Лузитаніи, наслаждаясь обширными видами и ихъ разнообразиемъ, 15:

«О Боже! благодатными дарами
Ты этотъ край волшебный надѣлилъ!
Въ садахъ деревья гнутся подъ плодами,
Въ его горахъ ты міръ сокровищъ скрылъ.....
Крутой утесь съ красивымъ рядомъ келій;
Сожженыій солнцемъ можъ на скатахъ кручь;
Лѣсь, выросшій надъ бездной; мракъ ущелій,
Куда не проникаетъ солнца лучъ;—
Лазурь морской волны, что сладко спить;
Здѣсь виноградъ, тамъ возлѣ рѣчки ивы,—
Все это тѣшить взоръ, сливаясь въ чудный видъ». ²⁾

(перев. П. А. Козлова).

Но, какъ ни красива страна, гдѣ
«бродя по горамъ, мѣстностью быть очарованъ онъ», ³⁾
(пер. Козлова).

его влечетъ дальше:

«такъ вѣкъ порхать для ласточки законъ»
(пер. Козлова).

безъ цѣли онъ стремится дальше. Онъ вполнѣ чувствуетъ красоту иѣжнаго, идилическаго въ природѣ, I, 33:

«Между нами пробѣгасть
Едва замѣтный ручеекъ.....»

(пер. Минаева).

¹⁾ The sails were fill'd, and fair the light winds blew, As glad to waft him from his native home—But when the sun was sinking in the sea He seized his harp, which he at times could string—Adieu, adieu, my native share Fades o'er the waters blue; The night — winds sigt, the breakers roar And shrieks the wild sea-mew. To Sun that sets upon the sea We follow in his flight. Farewell awhile to him and thee My native land—Good night!

²⁾ Mix'd in one nightly scene, with varied beauty glow.

³⁾ c. 30: O'er, vales that teem with fruits, romantic hills.

«Со стадомъ является пастухъ порою тамъ,
Презрительнымъ окидываю взглядомъ
Мѣста, принадлежащія врагамъ».

(пер. Козлова).

Онъ наслаждается красотою темно-голубого моря, прохладнымъ свѣжимъ воздухомъ, прекрасной ночью съ борта своего корабля, II, 21:

«Взошла луна. Клянусь, иѣть мочи
Миѣ не хвалить такую ночь!...
Геката блѣдными лучами
Теперь равно насы серебрить...
Испанскій берегъ одинокій
Открылся взорамъ, и луна
Лѣса и скалы освѣщала. ¹⁾

(перев. Минаева).

Онъ мечтательно прислоняется къ борту,
«смыкаемому пѣной морской, любуясь
луною въ сияни волить»,

вполнѣ забываясь и созиная въ тихомъ, мирномъ уединеніи
этого часа, какъ одинокъ и оставленъ всѣми тотъ

«Кто въ шумномъ вихрѣ свѣта
Никѣмъ не знаемъ, не любимъ,
Не вѣдаль теплаго участья...
Лишь только тотъ
Сказать-бы съ тайнымъ вздохомъ могъ,
Что онъ на свѣтѣ одинокъ».

(пер. Минаева).

Въ его гордости, въ его гнѣвѣ всего болѣе ему говорить природа; онъ вполнѣ чувствуетъ себя ея сыномъ II, 37:

«Природа матъ! ты намъ дороже
Всего... Мѣня часто видѣ,
Ты каждый разъ встаешь моложе,
И образъ твой къ себѣ манитъ.
Своимъ величіемъ умѣла
Сердца людей тревожить ты,

¹⁾ The moon is up; by Heaven, a lovely eve! Long streams of light o'er dancing waves expand; c. 22: How softly an the Spanish shore she plays, Disclosing rock, and slope, and forest brown, Distinct...

Когда искусство не посмѣло
Тревожить дикой красоты.
Ты миѣ перѣдко улыбалась
Въ глухую ночь, при блескѣ дня,
Но больше тѣшило меня,
Когда ты бурей разражалась ¹⁾...

Ночью или днемъ, при блескѣ солнца или при «священномъ свѣтѣ мѣсяца», въ лѣсу или на морѣ, Гарольдъ повсюду умѣеть подмѣтить всѣ оттѣнки красоты природы; то волна шумитъ для него «меланхолически» подъ кормой корабля, то восторгается онъ магической прелестью, одинаково облекающей скалы, лѣсъ, горы и потокъ (II, 48):

«Чу! звучный ропотъ водопада
Дробится звономъ серебра....
Эти скалы, эти горы —
Какъ ни отвѣсны, ни страшны, —
А все-жъ манить къ себѣ должны.

(пер. Минаева).

Его пѣсня исполнена поэтической наблюдательности и одушевляющаго созерцанія, когда онъ говоритъ (II, 70):

Онъ видитъ бухту. Въ ней лѣниво
Смиряеть ропотъ свой волна;
Тамъ, на холмѣ, вблизи залива,
Темиѣть зелень.... Ночь темна;
Кустарникъ вѣтеръ чуть колышетъ
И, пробѣгая по волнѣ,
Въ нее съ любовной лаской дышитъ,
Къ ней льнетъ въ полночной тишинѣ.
Гарольдъ глядитъ. Картина эта,
Гдѣ все въ дремотѣ сладкой спить,

¹⁾ Dear Natur is the Kindest mother still, Though alway changing,
in her aspect mild; From her bare broom let me take my fill, Her ne-
verwean'd, though not her favour'd child. Oh! she is fairest in her fea-
tures wild, Where nothing polish'd dores pollute her path: To me by
day or night she ever smiled, Taugh J have merk'd her when none,
other hath, And sought her more and more, and loved her best in
wrath.

(пер. Минаева).

Въ немъ въслажденъе шевелитъ
И шопотъ тихаго привѣта.

(пер. Минаева ¹⁾).

Море—это конь, который его несетъ; ему доставляетъ наслажденіе, когда этотъ конь становится на дыбы, онъ хотѣлъ-бы приласкать гривы волнъ; на голубомъ, струящемся морѣ онъ чувствуетъ себя дома, потому что все болѣе и болѣе сознаетъ онъ, отверженный, что онъ «не годится для сношенія съ людьми», (III, 12), и свое переполненное ненавистью къ людямъ сердце кладетъ на грудь природы, чувствуетъ, какъ въ ней бьется такая-же жизнь, чувствуетъ въ глубинѣ души свое родство съ ней. Онъ пантеистически сознаетъ свое единство съ священной матерью природой, сознаетъ себя братомъ всѣхъ ея созданий въ лѣсу и въ полѣ (III, 13):

«Его друзьями были скалы,
Отчизной — гордый океанъ;
Гдѣ небо ясное сверкало,
Тамъ онъ любилъ скитаться пынѣ,
Исполненъ страсти и огня.
Лѣса, пещеры и пустыни,
Напѣвы волнъ, сверканья дна, —
Его друзьями только были,
И ихъ таинственный языкъ
Онъ понялъ лучше многихъ книгъ, —
И въ блескѣ тающихъ озеръ
Онъ забывалъ весь книжный вздоръ».

(пер. Минаева ¹⁾).

¹⁾ Where lone Utraike forms its circling cave, And weary waves
retire to gleam at rest, How brown the foliage of the green hill's grove,
Nodding at midnight o'er the calm bay's breast, As winds came lightly
whispering from the west, Kissing, not reffling, the blue deep's serene....
Cp. «Островъ» II, 6.

¹⁾ Where rose the mountains, there to him were friends; Where
roll'd the ocean, thereon was his home; Where a blue sky and glowing
clime extends, He had the passion and the power to roam; The desert,
fairest, cavern, breaker's fram, Were unto him companionship; they
spake A mutual language, clearer than the tame Of his land's tongue,
which he would oft forsake For Nature's pages glass'd by susbeams an
the lake.

Онъ признается также с. 72.

«Я самъ — ничто; я есть частица
Того, что вижу лишь вокругъ;
Миѣ шепчутъ сказки, горы, лугъ...
Лишь пробуждаетъ содроганье
Во миѣ жизни въ шумныхъ городахъ.
Нѣть въ мірѣ злѣе наказанья,
Какъ быть овцой въ людскихъ стадахъ,
Тогда какъ духъ свободный рвется
Къ слянью съ небомъ, съ цѣнью горъ,
Его влечетъ полей просторъ,
Къ полночнымъ звѣздамъ онъ несется, —
И хотеть — власти не дано —
Съ природой жить онъ заодно».

(пер. Минаева).

А III с. 75 онъ спрашиваетъ:

«Моря и горы, небо, рѣки!
Самъ я не ихъ-ли только часть?
Уже-ль во миѣ, какъ въ человѣкѣ,
Не велика къ природѣ страсть?» ¹⁾

(пер. Минаева).

Любовь къ природѣ, искренняя симпатія со всѣми стихийными существами становится у него священной страстью. На горахъ его наполняетъ чувство свободы:

«Да, это зло людской судьбы!
Смотрю я съ ужасомъ вокругъ
На заселенные равнины,
Какъ на ирѣютъ скорбей и мукъ».

(III. 73. пер. Минаева).

На снѣговыхъ фирнахъ Альпъ ему кажется престоль вѣчности. Онъ прославляетъ и Рейнъ,

«Гдѣ роскошная природа не весела и не мрачна,
Хотя дика, но не страшна»...
«Но предо мною Альпы встали —
Природы вѣчные дворцы —

¹⁾ Are not the mountains, waves and skies, a part Of me and of my soul, as I of them? Is not the love of these deep in my heart With a pure passion? should I not contemn All objects, if compared with these?

И облака отъ глазъ скрывали
Вершинъ ихъ снѣжные гѣнцы.
Откуда лавина спадаетъ,
Какъ громъ все руша впереди.
Чтѣдухъ людей живить, смущаетъ, —
Все есть въ ихъ каменной груди,
Они какъ будто тѣмъ гордятся,
Что близко къ небу подошли; —
И до предѣловъ тѣхъ высотъ
Никто изъ смертныхъ не дойдетъ» ¹⁾.

(пер. Милаева),

На Женевскомъ озерѣ ему представляется, что съ звѣздъ спускается роса любви —

«Вы небо поэзія, звѣзды!»....
«Земля и небо молчаливы,
Чуть дышатъ, но еще не спятъ.
Такъ, затаивъ свои порывы,
Глядимъ и мы. Они молчатъ,
Какъ мы въ минуту размыщленія».... ²⁾

(пер. Минаева).

Онъ видитъ какъ эти войска звѣздъ вѣютъ полною жизнью на скалы и на волны:

«Ни одного нѣть дуновенія,
Луча иль липеняго листка,
Гдѣ-бѣ жиань природы не сказалась,
Одно-бы имя не шепталось;
Не повторялось безъ конца:
То имя Вѣчнаго Творца.

(пер. Минаева).

На молчаливомъ берегу онъ чувствуетъ дыханье того-

¹⁾ But these recede. Above me are the Alps, The palaces of Nature, whose vast walls, Have pinnacled in clouds their snowy scalps, And throned Eternity in icy halls Of cold sublimity, where forms and falls The avalanche — the thunderbolt of snow! All that expands the spirit, yet appals, Gather around these summits, as to shaw How Earth may pience to Heaven, yet leave vain man below. (c. 62).

²⁾ Ср. «Кайнъ» II, 1: «О, ты, прекрасный и неизрѣченный эфиръ, вы, безчисленныя толпы звѣздъ — какъ вы прекрасны! Какъ тихи и обширны эти миры!

же духа, который живетъ въ его груди и ликуетъ, въ могу-
чую морскую бурю, которая такъ сурово - строга и величе-
ственno-прекрасна» вмѣстѣ съ родственными стихіями (III, 93).

И это ночью! Не дана ты
Для сна плѣнительная ночь!
Позволь ловить твои раскаты,
Съ тобою слиться! Сонъ мой прочь!
Вотъ волны вспыхнули при блескѣ,
Дождь крупный каплетъ по землѣ, —
А пѣсни горѣ все такъ-же рѣзки,
Громъ разсыпается во мглѣ,
Какъ гулъ неистового сѣха, —
И пробѣгая по холмамъ,
То раздается здѣсь, то тамъ,
И славно радуется эхо,
Какъ будто-бы оно съ высотъ
Землетрясеніе ведеть.....
Куда-жь вы бури, мчитесь? Или
Вы тѣ-же, что въ людской груди
Живутъ всегда? Иль вы открыли
Себѣ пріюты, какъ орлы
Въ вѣнцѣ заоблачной скалы.

(пер. Минаева).

И когда просыпается росистое утро,
«Его улыбка прогоняетъ
Съ небесъ туманъ и облака»,
«Въ немъ столько счастія и силы,
Какъ будто на землѣ у насть
Ужъ не единой нѣтъ могилы».

(пер. Минаева).

Въ Кларансѣ (99), онъ чувствуетъ, какъ въ воздухѣ дро-
житъ дыханіе любви, даже, какъ побѣгъ дерева исходить отъ
любви:

«Кларанс! пріютъ любви священной!
Твой воздухъ ею напоенъ,
Твой снѣгъ, на скалахъ неизмѣнныи,
Ея румянцемъ поглощенъ,
И солнца розовыя краски
Ему приносятъ съ высоты
Одну печать любовной ласки....

Тамъ звучно рошаетъ водопадъ,
Шумятъ зеленя дубравы;
Тамъ почки алыхъ твердятъ
О красотѣ природы вѣчной
И славятъ вѣчную весну....
Все составляетъ мысль одну
Въ картинѣ этой безконечной,
Одну гармонію чудесъ
Земли цвѣтущей и небесъ.

(пер. Минаева).

Но его сердце полно ранъ и рубцовъ, напесенныхъ скорбью;
все пробуждается въ немъ прежнія страданія (IV, 23):

«Но муки вѣчныя, безъ стона
Надолго сдержаныя въ насъ,
Какъ боль отъ жала скорпиона,
Къ намъ возвращаются не разъ.
Одинъ намекъ, пустое слово.....
Звукъ, пота пѣсни музыкальной
Юльскій вечеръ, ночь, луна,
Букетъ, цвѣтовъ, зефиръ, волна,
Бесѣдный видъ и видъ печальный —
Все можетъ рану въ пась раскрыть
И скорби цѣпь зашевелить».

(пер. Минаева).

«Среди руинъ живой руиной» онъ стоитъ въ Римѣ, «гдѣ подъ землей почила сила и рядъ имперій».... не смотря на то «самой природой ты (Италия) хранима! Искусства — твой священный кладъ! Ты всѣхъ дивишь еще понынѣ безсмертной прелестью своей.... Ты велика въ своемъ падены»....

Угадывая въ бурѣ ту-же стихійную силу страсти, какую онъ чувствуетъ въ своей груди, онъ замѣчаетъ муку и тревогу своего сердца повсюду въ природѣ; даже маленькое озеро Неми кажется ему затихшимъ, какъ сдержанная ненависть, а Caduta delle marmore въ Велино, недалеко отъ Сполето и Терни, онъ описываетъ такъ (IV, 69):

«Но чу! ревъ водъ. Съ вершинъ Велино
Спадая въ бездну, водопадъ,
Реветь и пѣнится. Картина
Совсѣмъ нова: то водный адъ,

Гдѣ волны, словно въ адской мукѣ,
Со стономъ прядуютъ, кипять,
И брызги бьютъ изъ-за громадъ —
(То Флегетона слышны звуки)
И составляютъ скалы кругъ, —
Откуда кверху бьютъ каскады,
Наводятъ страхъ и ужасъ вдругъ
И въ бѣшенствѣ, ломя преграды,
Ихъ пѣнистый кипучій валъ
На волю рвется изъ-за скаль
И брызги къ облакамъ бросаетъ,
Откуда падаетъ дождемъ....
Волна неистово-дика
Бѣ скачкахъ гигантскихъ. Вотъ бѣлѣть
Рядъ скалъ, раздавшихся предъ ней
Среди недвижимыхъ камней
Волна пробила въ нихъ ущелья
И, прорываясь сквозь гранитъ,
Такою массою бѣжитъ....
Вотъ новый видъ открылся взглѣдамъ:
Съ одной вершины до другой,
При блескѣ солнца, надъ каскадомъ
Явилась радуга дугой —
Подобна радостной надеждѣ
Надъ смертнымъ ложемъ — и горитъ
Въ свой сияющей одеждѣ».

Ужаснымъ скелетомъ представляется ему Италия съ разрушенными стѣнами, храмами, дворцами, галереями и городами; но въ то-же время онъ наслаждается поэзіей, облекающей эти руины; въ особенности,

«Когда луна надъ этими сводомъ
Глубокой полночью всплыветъ,
Заблещутъ звѣзды хороводомъ,
И вѣтерокъ ночной пахнетъ».

(144).

Основной аккордъ всѣхъ его настроеній въ ихъ пестрой измѣнчивости остается однимъ и тѣмъ-же.

«Ты природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать

И то, чѣмъ бытъ, какъ бытъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ стала подъ холодомъ годовъ».

(пер. Батюшкова).

Языкъ моря слушаєтъ онъ охотнѣе, чѣмъ шумъ городской сути; онъ понимаетъ таинственную, ужасную мелодію бури, которая бичуетъ море и разбиваетъ волны въ пыль; разрушительная стихія соотвѣтствуетъ его собственному возмущенному чувству. (IV, 179):

«Вѣгите-жъ, волны океана!
Васъ бороздили корабли,
И человѣкъ, гроза земли,
Робѣлъ предъ вами: громъ, бураны,
Крушенье гордыхъ кораблей, —
Вотъ чѣмъ встрѣчали вы людей!
И человѣкъ, какъ капля въ морѣ,
Терялся въ водяномъ просторѣ,
Въ волнахъ безслѣдно пропадалъ,
Потративъ безполезно силы,
И въ океанѣ умиралъ
Безъ погребенія, безъ могилы,
Безъ скорбныхъ почестей земли,
Отъ милой родины вдали».

(пер. Минаева).

Море, на струнахъ котораго вѣтеръ играетъ, какъ на Эоловой арфѣ¹⁾ или по струнамъ котораго буря бѣжитъ, какъ звукъ органа, высокое небо со своими звѣздами и облаками кажутся ему прекраснѣе земли («Сарданапаль V, I), и онъ страстно любить горы, которыя возвышенно поднимаются къ небу надъ земной скорбью свои спокойно-прекрасные сиѣжныя вершины. Еще въ юности природа лѣсистыхъ возвышеностей Шотландіи вдохнула въ него любовь къ величественному горному миру. Онъ самъ признается въ этомъ въ тепломъ воспоминаніи («Островъ» II, 12):

«Что-бы настъ не отдаляло отъ счастья дѣтства, всегда оглядываешься охотно на это время; кто уже ребенкомъ вос-

¹⁾ Ср. «Островъ» II, 18: «Ночной воздухъ, который, звуча какъ арфа, разбивается о скалы и деревья, струны природы, лучшей гармоніи луговъ, которой, какъ хоръ, вторить эхо....

хищался синевой Гаэланда, тотъ любить каждую возвышенность, укращенную такимъ-же цвѣтомъ, привѣтствуетъ каждую скалу горячо, какъ друга и обнимаетъ гору любящей душой» ¹).

Байронъ отчетливо выражаетъ происхожденіе всякаго рода одушевленія природы, когда онъ тамъ-же (16) сводить его къ дѣйствію того-же духа, который живеть во всемъ и проявленія котораго принимаютъ лишь различные образы въ лѣсу и горахъ, въ звѣздахъ и на небѣ, въ растеніи и въ человѣкѣ: «Какъ часто мы забываемъ время въ уединеніи, въ восторгѣ передъ величественной природой, когда изъ лѣса, воды, луга и свѣта ея духъ такъ мощно говорить намъ: развѣ не живеть гора, звѣзда, и развѣ волны не одушевлены? Развѣ сводъ пещеры не имѣтъ чувства, когда изъ него проступаютъ тихія слезы? Бездѣ сомнѣнія онъ зовутъ насъ въ свои сферы, освобождаютъ отъ пыли времени и погружаютъ душу въ нѣдра мирового цѣлага».

Такимъ образомъ, какъ у Гете въ «Вертерѣ» и «Фаустѣ» чувство природы у Байрона основано на пантеистической симпатіи. Но, въ міросозерцаніи обоихъ поэтовъ есть основное различіе: между тѣмъ какъ Гете пережилъ бурный періодъ и достигъ гармонической ясности и зрѣлости духа, у Байрона къ каждому ощущенію примѣщиваются меланхолія и мизантропія; онъ можетъ быть названъ отцомъ современной мировой скорби.

Байрона сравниваютъ съ блестящимъ метеоромъ, который свѣтилъ только недолгое время и затѣмъ внезапно угасъ; это сравненіе, пожалуй, еще болѣе подходитъ къ Шелли, самому впечатлительному изъ всѣхъ новѣйшихъ лириковъ. Его сердце полное чувства, должно было оживлять и одушевлять все, что онъ видѣлъ — облака и вѣтры на небѣ, цвѣты и растенія на землѣ, волны въ морѣ; именно, съ отдаленнѣйшими явленіями съ воздушными образами онъ чувствуетъ на-

¹) Ср. «Небо и Земля» I, 3, гдѣ Іафетъ обращается къ Кавказу: «Вы, пустыни, столь безконечныя, вы, пропасти, кажущіяся неизмѣримыми и вы, горы, ужасныя въ своей красѣ, сюда въ сурое величіе скалъ и деревьевъ, которыя глубоко коренясь въ камняхъ висятъ надъ крутымъ склономъ, гдѣ дрогнула-бы нога человѣка, онъ могъ пропикнуть....

и большую близость и умѣть неподражаемо истолковывать ихъ возвышенную красоту.

Видъ природы опьяняетъ его; какъ листья мимозы дрожать фибрь его души; вѣяніе всепроникающаго духа прикасаясь къ нему, электризуетъ его; всѣ впечатлѣнія онъ воспринимаетъ съ крайнею нервною чувствительностью: ему-бы хотѣлось разлиться, разойтись, разсѣяться, подобно пару въ дыханіи вѣтра. Его фантазія, возбужденная природой, имѣть пантейстический, даже космический характеръ; подобно тому, какъ настроенію Байрона отвѣчаетъ всего болѣе величественное и вмѣстѣ съ тѣмъ дикое, разрушающее — море во время бури, водопадъ съ бѣшено-хлещущими, точно гонимыми страхомъ водяными массами — и Шелли приковываетъ къ себѣ великое, обширное, отдаленное, но, прежде всего, своей благодорной возвышенностью, своей священной простотой, своей спокойной величавостью ¹⁾.

Со всѣмъ жаромъ своей души любить онъ море, въ особенности въ его величественномъ покой. Такъ онъ поетъ: ²⁾ «Солнце тепло и море тихо; съ улыбкою смотритъ небо; синеву острововъ, синѣгъ горъ, увѣнчиваеть золотой блескъ вчера.... Какъ звѣздный потокъ, синева волнъ тихо плещеть въ край берега.... Приливъ блестить искрами, какъ свѣтящаяся руда, и въ вечернемъ пожарѣ искры поднимаются къ берегу.... Да, здѣсь даже отчаяніе мягко, какъ шумъ вечера, море и рѣка; какъ усталое дитя, хотѣль-бы я выплакать эту жизнь полную досады, которую я переносилъ и долженъ пести пока смерть приведеть ко мнѣ дремоту, пока въ тепломъ потокѣ вѣтерка мой духъ сольется съ міромъ, и море убаюкаетъ мой слухъ своимъ послѣднимъ пѣвучимъ ропотомъ».

Такъ и должно было случиться. Ему суждено было умереть въ объятіяхъ моря, и на морскомъ берегу Байронъ сжегъ бренныя останки великаго поэта. Природа была его возлюбленной, его богиней. Въ прекрасныхъ словахъ выражаетъ онъ непреодолимое влечение человѣка къ симпатии и говорить

¹⁾ Такъ Брандесъ говорить (тамъ-же 341): «Свою близостью съ великими образами и движеніями природы Шелли походитъ на Байрона, но опъ походить на него, какъ свѣтлокудрый гений на темноволосаго, какъ Аріэль походить на пламеносящаго ангела утренней звѣзды.

²⁾ Brandes op. cit 339.

по собственному горькому опыту, что весьма естественно «для насть, оставленныхъ, окруженныхъ несочувствующими намъ людьми, любить цветы, свѣжую зелень, воду, небо, краснорѣчіе вѣтра и мелодію волнъ, съ восхищеніемъ, подобнымъ тому, съ какимъ мы слушаемъ голосъ возлюбленной, пѣніе которой звучитъ только для насть однихъ». Растенія и животныхъ онъ называетъ своими возлюбленными братьями и сестрами; «его пульсъ бьется въ таинственной симпатіи съ пульсомъ природы» (Брандесъ). На его памятниѣ въ Римѣ, его жена надѣя именемъ ея возлюбленнаго поэта помѣстила только слова «*Cor cordium*». Это вполнѣ справедливо для его отношенія къ природѣ. Онъ чувствовалъ единство своего сердца съ сердцемъ міра, съ духомъ всей природы.

Между тѣмъ, какъ современные ему поэты (Вордсвортъ, Кольриджъ, Борнсъ, Муръ и др.), мечтаютъ о лѣсахъ и поляхъ, о розахъ и ліліяхъ, о ручьяхъ и рѣкахъ, фантазію Шелли волнуютъ исполниские образы мірового цѣлага. Его чувство природы хочется назвать космическимъ, когда читаешь его удивительное стихотвореніе «Облако», гдѣ онъ съ величавой силой и наглядностью олицетворенія придаетъ облаку все свойства человѣческой души. Мягко и дружественно рождаетъ оно росу на цветы, бросаетъ легкія тѣни на дремлющіе луга и колеблетъ крыльями, чтобы принести утренний привѣтъ птицамъ, спящимъ на груди матери; оно гордо проѣзжаетъ на бѣломъ конѣ черезъ зеленое поле, смѣясь посыпаетъ дождь въ сопровожденіи грома или сѣть снѣжными хлошьями на кудри горъ, такъ что сосна содрогается и трещитъ («охваченная рукою вѣтра на снѣжно-бѣломъ ложѣ я спала цѣлую ночь») или набрасываетъ мостъ отъ одного мыса до другого и шумитъ надѣя бушующимъ моремъ: «Я крѣпко передъ стрѣлами солнца и—колоннами окружаю горы. Боги воздушнаго царства, снѣгъ, огонь и вѣтеръ стелятся подъ моей колесницей, и я вступаю черезъ почетную арку, исполненную самаго пестраго великолѣпія, въ которой свѣтила сферъ блестятъ своими красками, между тѣмъ какъ смѣется опьяниенная земля. Я—дитя воды и земли и питаюсь небеснымъ свѣтомъ».

Мы видимъ здѣсь не болѣзнико возбужденную рефлексію, какъ это часто бываетъ у Байрона, а геніальную наивность наглядно творящей фантазіи, въ которой столько-же великаго и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтскаго, какъ и въ первобытной, видя-

щей только образы и говорящей только образами, миёологической фантазии. Справедливо говорить Брандесъ: «Когда облако говоритъ о той дѣвѣ, облеченной въ бѣлое пламя, которую смертные называютъ луной, которая скользить по косматому ковру, и незримыя ноги которой легкими шагами, слышимыми лишь ангеламъ, разрываютъ ткань своей тонкой палатки, или когда оно поетъ о кровавомъ солнечномъ восходѣ, тогда поэтъ, силою первобытной свѣжести своей фантазии, переносить читателей въ то время, когда явленія природы только-что превращались въ миёы».

И въ самъ величественному изъ стихотвореній Шелли въ «Одѣ къ западному вѣтру» выступаетъ тоже настроеніе, столь родственное миамъ, когда поэтъ обращается къ западному вѣтру: «Ты, чье теченіе на темно-непогодливомъ небѣ несетъ разорванныя облака, листья съ вѣтвей мірового дерева», и когда онъ говоритъ о кудряхъ бури, которая развѣваются по воздушному, лазурному полю, какъ свѣтлые волосы, поднимающиеся на головѣ разгневанной Менады. Онъ называетъ его вздохомъ осени, возницей, который сметаетъ мертвые листья, красныя, черныя, желтые толпы добычи лихорадокъ и чумы, — и прикрываетъ ихъ какъ маленькие трупы. Онъ взыываетъ къ нему: «Услышь меня, о, услышь того, кто тебя зоветъ!» Онъ чувствуетъ себя родственнымъ и близкимъ оживляющему и разрушающему духу вѣтра: «Если-бѣ я былъ мертвымъ листомъ, который ты можешь унести; если-бы я былъ быстрымъ облакомъ, которое могло-бы улетѣть съ тобою; или волной, которая уступаетъ твоей силѣ и раздѣляетъ порывъ твоей мѣщи, будучи менѣе свободна чѣмъ ты, о, неукротимый... О подними меня, какъ волну, какъ листъ, какъ облако! Я поверженъ на тернія жизни, я истекаю кровью! Тяжесть времени сковала и согнула подобного тебѣ—непокорного, порывистаго и гордаго» ¹⁾). Какой образной поэзіей, какой скорбью проникнуты заключительныя строфы: «Сдѣлай изъ меня свою лиру, какою служитъ для тебя лѣсь: пусть и мои листья

¹⁾ If I were a dead leaf thou mightest bear; If I were a swift cloud to fly with thee; A wave to pant beneath thy power, and share. The impulse of the strength, only less free The thou, O uncontrollable!.. Oh! lift me as a wave, a leaf, a cloud! I fall upon the thorns of life!.. I bleed! A heavy weight of hours has chained and bowed One too like thee: tame less and swift and proud.

также упадутъ, какъ и его. Шумъ твоихъ могучихъ мелодій извлечетъ изъ нась обоихъ низкій осеній тонъ, сладостный, хотя и печальный. Будь-же яростный духъ моимъ духомъ; пусть я буду тобой, неудержимый! Разнеси мои мертвыя мысли по свѣту, какъ увидшіе листья, чтобы они вызвали новую жизнь; развей мелодіей этого стиха, какъ пепель и искры изъ незагасшаго очага, мои слова среди человѣчества! Будь черезъ посредство моихъ устъ трубой пророка для непроснувшейся земли! О вѣтерь, если идетъ зима, весна вѣдь не можетъ быть далеко» ¹⁾).

Такъ Шелли наполняетъ каждую стихію душевной жизнью и вдыхаетъ въ нихъ свое чувство, свой духъ, угадывая всюду любовь и симпатію. Так же какъ облако въ объятіяхъ своей возлюбленной бури покоится на снѣжномъ ложѣ, какъ западный вѣтеръ, бывшій осенюю могильщикомъ, весною полный любви, вызываетъ новую жизнь въ деревьяхъ и на лугу, такъ (въ другихъ стихотвореніяхъ) мѣсяцъ поетъ восторженныя любовныя пѣсни землѣ, и озера любятъ рѣки, которыя исчезаютъ въ ихъ ложѣ; земля жалуется осенюю и весною на похоронныя процесіи природы—однимъ словомъ, во всемъ господствуетъ любовь, и во всемъ поэты чувствуютъ любовь. «Я любилъ всегда, говорить онъ, землю въ зеленой весенней одеждѣ, ночь въ сверканий звѣздѣ, осенний вечеръ и золотой сумракъ молодого утра. Я люблю снѣгъ и образы возникающіе на льду, волны, вѣтеръ, силу бури,—все что исходить отъ природы и не сбито съ пути бѣдствиемъ человѣка» ²⁾).

Любовь ко всему миру, симпатія со всеми явленіями природы и пантезизмъ составляютъ сущность возврѣнія на природу у Гете, Байрона и Шелли. Послѣдніе рано сошли въ могилу, не достигнувъ полной гармоніи между мыслью и чув-

¹⁾ Make me thy lyre, even as the forest is: What if my leaves are falling like its own! The tumult of thy mighty harmonies Will take from both a deep autumnal tone, Sweet though in sadness. Be thou, spirit fierce, My spirit! Be thou me, impetuous one! Drive my dead thoughts over the universe Like Withered leaves to quicken a new birth; And, by the incantation of this verse scatter, as from an unextinguished hearth Ashes and sparks, my words among mankind! Be trough my lips to unawakened earth The trumpet of a prophecy! O wind, If Winter comes, can Spring be far behind.

²⁾ Brandes op. cit. 352.

ствомъ, и нѣкоторая примѣсь горечи осталась въ ихъ пѣсняхъ о природѣ. Они были величайшими лириками Англіи. Теперь мы перейдемъ къ Франціи.

II. *Ламартинъ и Викторъ Гюго.*

Руссо указалъ Франціи красоту въ пейзажѣ, а Б. де-С. Пьеръ поэтически изобразилъ ее не только въ «Павлѣ и Виргиніи», но и въ «Індійской хижинѣ» и въ «Этюдахъ природы». Если послѣдніе не доставало теоретической глубины, естественно-научнаго познанія природы, то, съ другой стороны, у Бюффона, вполнѣ обладавшаго этимъ познаніемъ не было гармонического сліянія изображенія природы съ выражениемъ возбужденного чувства; какъ говорить Гумбольдтъ, «ему почти совсѣмъ недостаетъ того, откуда вытекаютъ таинственные аналогіи между душевными движеніями и явленіями чувственного міра»¹). Это свойство въ законченной современной формѣ представляеть намъ Шатобріанъ. Свое «я» онъ выдвигаетъ на первый планъ передъ природой, но всякая пейзажная картина проникнута у него индивидуальнымъ чувствомъ. Однаково съ Руссо, мы видимъ у него меланхолію, внутреннее беспокойство, частью неутомимое стремленіе къ безконечному, частью міровую скорбь, но его не привлекаетъ романтическая красота высокихъ горъ, которыя онъ называетъ «давящими массами», за единственнымъ исключениемъ, когда горы составляютъ задній планъ пейзажа. Однако, онъ мечтає о пустынной дѣятельной природѣ, какая встрѣтила его въ Америкѣ въ первобытныхъ лѣсахъ, на исполненномъ потокѣ Миссисипи, и въ особенности, о морѣ. Его Рене, этотъ настоящій французскій романтикъ, этотъ отчасти страстный, отчасти разочарованный, неудовлетворенный философъ, считающій себя мѣриломъ всѣхъ вещей, этотъ «измѣденный культурный человѣкъ», котораго бросаетъ всюду «волна страстей», относится къ морю, къ природѣ вообще, какъ къ возлюбленной²). Онъ говорить: «Созерцая волны, я не видѣлъ Бога въ величіи Его твореній. Я видѣлъ незна-

¹) Humboldt Cosmos II, 66.

²) Laprade 370.

комую женщину, и чудеса ея улыбки, красоты неба казались мнѣ исходящими отъ ея дыханія: я отдалъ-бы вѣчность за одну ея ласку. Я представлялъ себѣ, что она трепещетъ за этой міровой завѣсой, скрывавшей ее отъ моихъ взоровъ. О, зачѣмъ было не въ моей власти разорвать завѣсу, чтобы прижать этотъ идеалъ женщины къ моему сердцу, чтобы сгрѣть на ея груди въ этой любви, источникѣ моихъ вдохновеній, моего отчаянія и моей жизни!»

Междудѣмъ какъ субъективность и мечтательное отношеніе къ природѣ и у Шатобріана, и у Ламартина напоминаютъ намъ пѣмецкихъ романтиковъ, основной аккордъ послѣднихъ составляетъ пантеизмъ, а у французскихъ романтиковъ—теизмъ. Послѣ бурь французской революціи, которая старалась также радикально пизвергнуть религию, какъ и все прочее, существовавшее до нея, наступила реакція; христианство съ новой силой и теплотой пробудилось въ сердцахъ и вызвало усиленную внутреннюю жизнь, которая восторженно и неустанно прославляла природу какъ отраженіе творческихъ идей Бога. Такъ Шатобріанъ говорить въ своемъ «*Génie du Christianisme*»¹⁾: «Истинный Богъ вступая въ Свои творенія далъ природѣ Свою безконечность... Въ человѣкѣ есть инстинктъ, который приводить его въ связь съ картинами природы²⁾».

Ламартинъ—сантиментальный мечтатель, почти не находящій словъ, чтобы передать свои возвышенныя мысли, теряющіяся въ туманномъ чувствѣ. Онъ съ благоговѣніемъ и грустью погружается въ природу: вечеръ, лунная и звѣздная ночь составляютъ самые священные часы для его «Размышленій» («*Méditations*»). Онъ ищетъ отрѣшенности, уединенія³⁾, оставляя свой взоръ блуждать по равнинѣ: «Здѣсь шумить прекрасная рѣка съ бѣлыми, пѣнистыми волнами; она шумить и шумить, теряясь въ темной дали; ея текущее серебро привлекло тихое озеро туда, въ ту мѣстность, где блестѣть въ синевѣ вечерняя звѣзда. Горы, украшенныя чер-

¹⁾ Laprade 384.

²⁾ Le vrai Dieu, en entrant dans ses œuvres, a donné son immensit      la nature... il y a dans l'homme un instinct, qui le met en rapport avec les sc  nes de la nature.

³⁾ L'isolement.

ными лъсами, едва освѣщены однимъ лучомъ въ полумракѣ; царица тѣней въ своей туманной колесницѣ уже поднимается, и край горизонта блѣднѣеть». Подобная-же картина рисуется въ IV стихотвореніи: «Приближается вечеръ въ глубокомъ молчаніи; уже я вижу какъ загорается Венера, звѣзда любви, облитая нѣжныемъ, таинственнымъ блескомъ, какъ бѣлое покрывало на зеленой травѣ. Я слышу, какъ живутъ здѣсь нѣжныя вѣтки темно-лиственаго бука, такъ мягко, тихо, почти неслышно, какъ носятся тѣни надъ могилами».

Звѣздный свѣтъ въ темнотѣ почи кажется поэту единственныймъ товарищемъ, и онъ относится къ нему какъ къ божьему послу: «Спускаешься ли ты изъ воздушныхъ высотъ, чтобы утѣшить глубокую тоску въ груди, раскрыть загадку сферъ, куда день опять отзываетъ тебя?»

XIII стихотвореніе полно скорби воспоминаній о прекрасныхъ протекшихъ часахъ; онъ спрашиваетъ у озера—помнить-ли оно, какъ онъ со своей возлюбленной плавалъ въ тишинѣ по его волнамъ? «Такъ тихо было кругомъ на далекомъ пространствѣ, и даже звукъ весла, которое проводило на тебѣ свою колею, былъ почти не слышенъ... О, озеро, нѣмая скалы, гроты, темные лѣса!.. Вы, которыхъ время щадить и опять обновляетъ, сохраните обѣ этой почи, сохрани, прекрасная пропрода, по крайней мѣрѣ воспоминаніе!.. Пусть шумящій вѣтеръ, вздыхающій тростникъ, легкія благоуханія твоего наполненного воздуха, все что слышинь, видинь, чѣмъ дышенъ, пусть все скажетъ: они любили!» ¹⁾).

Настоящее религіозное чувство природы выказывается въ XVI «Méditation», «Молитва»: «Властитель дня находится въ своемъ блескѣ; онъ медленно спускается съ побѣдной колесницы; блистающее облако укрываетъ его отъ нашего взора, золотыми полосами обозначается его слѣдъ». Всплываетъ мѣсяцъ, его блѣдные лучи покоятся на лугу, и покрывало почи душисто растягивается надъ землею: «Это часъ, когда природа отдается на минуту духовному созерцанію, между спускаю-

¹⁾ O lac, rochers muets! grottes! forests obscurs!.. Gardez de cette nuit, gardez, belle nature Au moins le souvenir!.. Que le vent qui gémît, le roseau qui soupira, Que les parfums légers de ton air embaumé, que tout ce qu'on entend, l'on voit ou l'on respire, Tout dire: ils ont aimé.

щейся ночью и убывающимъ днемъ, поднимается къ Творцу для и ночи и какъ-будто приносить Богу, говоря съ нимъ своимъ блескомъ, величественную жертву творенія. Это громадная, всемирная жертва! Миръ есть храмъ, земля—алтарь, небеса—купольъ» ¹⁾.

Поэть сознаеть, что только человѣческій умъ дастъ душу природѣ: «Голосъ міра есть мое собственное мыслящее существо, которое съ солнечнымъ лучомъ и съ полетомъ вѣтра поднимается къ Богу». Въ другомъ мѣстѣ (XXI), вечерній часъ располагаетъ его къ меланхоліи; онъ переносить ее и въ настроеніе природы: «Тихая волна умираетъ у края берега; уже опускаются тѣни плотнѣ и плотнѣ надъ далекимъ моремъ, вездѣ и кругомъ глубокое молчаніе. Это часъ, когда погружалась въ себя, грусть въ тихомъ размышеніи сидить на одинокомъ берегу». Осенью въ умирающей природѣ, въ умирающей листвѣ онъ видѣть отраженіе страданія, грусти своего собственного сердце (XXIX). Онъ любить природу какъ друга; ея смерть — для него разлука съ другомъ: «Природа умираетъ... Это прощеніе друга, это послѣдняя улыбка усть, которая смерть закрыла навсегда» ²⁾.

Звѣзды особенно любимы товарищи его уединенія (XXXIV); онъ старается въ мерцающихъ лучахъ, падающихъ въ его сердце угадать, что они чувствуютъ сами. Въ Искii (XXXIX) онъ видѣть, какъ мѣсяцъ заливаетъ волны своимъ серебрянымъ свѣтомъ, и лучи его покоятся въ долинахъ; рокотъ волнъ кажется ему иѣжнымъ, какъ дыханіе спящаго ребенка: «Приди сюда, чтобы окунуться въ этотъ потокъ жизни, упиться каждымъ чувствомъ, прелестью ночи».

Мысли о скоротечности, составляющей удѣль всего земного, проникаютъ и природу; обѣ этомъ вздыхаютъ и волна, и тростникъ на берегу (XLVI): «Волна, цѣляющая этотъ берегъ, на что она жалуется ему? Почему тростникъ на берегу, почему ручей подъ тѣнью листьевъ издаются такие печальные

¹⁾ C'est l'heure, oñ la nature, un moment recueillie, Entre la nuit qui tombe et le jour qui s'enfuit, S'élève au créateur du juor et de la nuit Et semble offrir à Dieu; dans sa brillant langage, De la cr閏ation le magnifique hommage. Voilà le sacrifice immence, universel! L'univers est le temple et la terre est l'autel, Les cieux en son le dome.

²⁾ La nature expire... c'est l'adieu d'un ami, c'est le dernier sourire des lèvres que la mort a ferm s pour jamais.

звуки? О чём стонеть горлица? Все рождаются, все проходят»¹⁾). Море любить онъ, какъ подругу юности (L), какъ върную возлюбленную; онъ отдаётъ себя укачивать его волнамъ; онъ любить, когда подъ дыханиемъ зефира, берегъ какъ будто смеется и «когда буря гладить твою поднимающуюся грудь».

Такое мечтательное созерцаніе природы, такое мягкое, грустное погружение въ доставляемыя ею впечатлѣнія, такая искренняя жизнь съ природой были совершено неизвѣстны прежней французской литературѣ; но Руссо открылъ для нея новый путь, и теплая струя, полная жизни и чувства, пробилась и во французской поэзіи природы. Подобно пантейстическимъ поэтамъ—Гёте, Байрону и Шелли и теистической Ламартинъ живеть въ общеніи съ природой, въ особенности, съ звѣздами и съ моремъ, какъ съ другомъ или возлюбленной. То-же міровоззрѣніе выказываетъ и Викторъ Гюго, но его поэзія пластичнѣе и яснѣе, чѣмъ мягкая, мечтательная поэзія Ламартина. Мы можемъ здѣсь только вкратцѣ коснуться сборника его лучшихъ стихотвореній, «Les feuilles d'automne».

Викторъ Гюго—настоящій лирикъ, знающій тайный языкъ природы и человѣческое страданіе. Чисто фаустовскимъ душомъ вѣеть отъ прекраснаго стихотворенія (V) «Ce qui on entend sur la montagne». Поэтъ видить и слышитъ болѣе, чѣмъ обыкновенные смертные; онъ разсказываетъ здѣсь, какъ онъ поднялся однажды на вершину горы и съ одной стороны отъ него была земля, а съ другой море. Тамъ онъ слышалъ голосъ, какой никогда не исходить изъ человѣческихъ устъ; въ мѣшкомъ шумъ онъ различаетъ два звука: «Одинъ исходилъ отъ моря, пѣсня славы! Гимнъ счастія! Это былъ голосъ волнъ, которыя говорили между собою... Величественный океанъ издавалъ голосъ радостный и мирный, пѣль какъ арфа въ храмахъ Сиона и восхвалилъ красоту творенія». Напротивъ, другой голосъ былъ «Плачь и крики! оскорблѣнія, проклятія... Это были плачущіе земля и человѣкъ! Одинъ голосъ гово-

¹⁾ L'onde qui baise ce rivage De quoi se plaint elle à ses bards?
Pourquoi le roseau sur la plage, Pourquoi le ruisseau sous l'ombrage
Rendent, ils de tristes accords? De quoi gémit la tourtourelle? Tout
nait, tout passe.

риль — Природа, а другой — Человечество!!» ¹⁾ Въ этой мысли много возвышенности и глубины и здѣсь-же мы находимъ прекрасныя одушевления волнъ и моря, въ которомъ сосредоточивается красота природы. Гюго, также какъ Ламартину, море и звѣздное небо кажутся всего возвышенїе въ природѣ, возвѣщающими всего яснѣ величіе Творца. Онъ вспоминаетъ объ Августинѣ, который болѣе, чѣмъ во всей природѣ, видѣлъ Бога въ морѣ и въ небѣ. Вотъ эти прекрасныя строфы, трудно поддающіяся переводу:

«Я былъ одинъ взблизи волнъ, въ звѣздную ночь: ни облака въ небѣ, ни паруса въ морѣ; и лѣса, и горы, и вся природа, казалось, вопрошали смутнымъ шепотомъ волны моря, огни неба. И золотыя звѣзды, бесконечные легіоны, то громкимъ, то тихимъ голосомъ съ тысячью мелодій говорили, склоняя свои огненные вѣнцы, и голубыя волны, пленяя и неудержимыя говорили, сгиная свой пѣнистый хребетъ: Это Господь Богъ, Господь Богъ!» ²⁾.

Когда все спить, онъ сидѣть благоговѣйно подъ звѣзднымъ небомъ, подъ могучимъ сводомъ (XXI) и слышитъ голоса, доносящіеся съ вышины, изъ далѣкихъ, чуждыхъ міровъ; его восхищаетъ блестательное зрѣлище свѣтящагося неба, какое ночь даетъ миру, и такъ какъ человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ того, чтобы не относить все къ самому себѣ, онъ признается: «Часто тогда я думалъ... что это я ничтожная

¹⁾ L'une venait des mers, chaut de gloire! hymne heureux! C'etait la voix des flots qui se parlaient entre eux — Or... l'océan magnifique Etendait une voix joyeuse et pacifique. Chantait comme la harpe aux temples de Sion Et louait la beauté de la création... Pleurs et cris! L'injure, l'anathème... C'etait la terre et l'homme qui pleuraient! L'une disait: Nature! et l'autre: Humanité!!

²⁾ J'étais seul près de flots par une nuit d'étoiles,
Pas un nuage aux cieux, sur les mers pas de voiles,
Et les bois et les monts et toute la nature
Semblaient interroger dans confu murmure
Les flots des mers, les feux du ciel.
Et les étoiles d'or, légions infinies,
A voix haute, à voix basse, avec mille harmonies
Disaient en inclinant leurs couronnes de feu
Et les flots bleus, que rien gouverne et n'arrête,
Disaient en recourbant l'écume de leur crête:
C'est le Seigneur Dieu le Seigneur Dieu!

тънь, темная и молчаливая—тайственный царь ночного великолѣбія, что небо зажигалось для меня одного!» ¹⁾

Онъ и самъ сознаеть, что не всѣ поэты умѣютъ такъ истолковывать природу, какъ онъ; онъ обращаетъ ихъ (XXXIII) къ этому вѣчно струящемуся источнику красоты и необыкновенно удачно выражаетъ основное условіе всякой радости, всякаго наслажденія, доставляемаго природой, а именно, что наши идеи и духъ, наша душа и настроеніе должны находиться въ извѣстномъ отношеніи къ природѣ для того, чтобы заставить говорить нѣмое и оживить мертвое: «Если въ васъ живыхъ и возбужденныхъ есть внутренній міръ образовъ, мыслей, чувствъ, любви, горячей страсти, чтобы ощутить этотъ міръ, обмѣнивайтесь имъ безпрестанно съ другимъ видимымъ міромъ, который васъ поражаетъ! Смѣщайте всю вашу душу съ твореніемъ... Пусть подъ нашими могучими перстами изливается природа, этотъ громадный музикальный инструментъ» ²⁾.

Это какъ нельзя болѣе справедливо. Поэтъ долженъ располагать цѣлымъ міромъ идеи по отношенію къ міру явлений, и тогда всѣмъ звукамъ его души вторить эхо природы. Великий Строитель міра настроилъ нашу душу и природу на одинъ и тотъ-же тонъ и подъ волшебнымъ жезломъ поэта струны той и другой звучать въ величественной гармоніи. Хотя въ лирикѣ Виктора Гюго не мало пышныхъ образовъ, горделивыхъ и въ то-же время холодныхъ, развертывающихся въ великолѣбіяхъ периодахъ, но такъ какъ онъ повсюду чувствуетъ душевную, божественную жизнь и раскрываетъ ее своимъ поэтическимъ вдохновеніемъ, то онъ стоитъ близко къ тому поэтическому пантеизму, какой мы видѣли у величайшихъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ нашего времени ³⁾

¹⁾ Souvent alors j'ai cru... Que j'étais, moi, vaine ombre obscure et taciturne, Le roi mystérieux de la pompe nocturne, Que le ciel pour moi seul s'était illuminé!

²⁾ Si vous avez en vous, vivantes et pressées, Un monde intérieur d'images, de pensées De sentiments, d'amour, d'ardente passion, Pour féconder ce monde, échangez le sans cesse Avec l'autre univers visible qui vous presse! Méllez toute votre âme à la création... Que sous nos doigts puissants exhale la nature, Cet immense clavier!

³⁾ Даже Лапрадъ говоритъ (419): «Его религіозная формула есть вопросъ; его мысль есть сомнѣніе... Художникъ обожествляетъ каждую

и который составляетъ также основу настроенія нѣмецкихъ романтиковъ.

III. Нѣмецкіе роматики.

Шиллеръ не обладалъ тѣмъ коренящимся въ глубинѣ души лирическимъ гениемъ, какъ Гёте; его сила заключалась не въ пѣснѣ, но вмѣстѣ съ драмой въ эпико-дидактической поэзіи, не въ лирикѣ чувства, а въ лирикѣ мыслей; поэтому, его чувство природы выражается преимущественно теоретически или въ случайныхъ картинахъ среди эпическихъ и драматическихъ произведеній. Впрочемъ въ его сантиментальномъ періодѣ природа заставляетъ его мечтать не менѣе, чѣмъ его чувствительныхъ современниковъ; такъ, въ стихотвореніи «Вечеръ» ¹⁾ онъ говоритъ: «Ахъ, какъ усталые вечерніе лучи раскрашиваются волнующіяся облака! Какъ вечернія облака рисуются тамъ въ нѣдрахъ серебряныхъ волнъ! О, какъ это зрѣлище меня восхищаетъ» ²⁾! Въ любовномъ восторгѣ онъ находитъ «Жаръ солнечнаго восхода, горящимъ въ золотыхъ взорахъ» его Лауры.

Такая восторженная напыщенность нисколько не походитъ на замѣчательно удачное изображеніе природы, полное объективной, настоящей жизни, въ болѣе крупныхъ поэмахъ, каково напр., изображеніе пучины въ «Кубкѣ», гдѣ неподражаемо нарисованъ крутящійся водоворотъ, или—безконечнаго дождя, который заставляетъ вздуваться рѣки и ручьи,—серебристо-свѣтлаго ручейка, который утоляетъ жаждущаго, или вечера въ «Bürgschaft», также какъ пейзажныхъ картинъ въ «Теллѣ» и въ «Прогулкѣ», гдѣ разнообразно мѣняющаяся обстановка «становится рамкой для извѣстнаго рода феноме-

подробность. Его пантезизмъ прилагается не только къ совокупности всѣхъ; Богъ въ дѣйствительности вмѣщается для него въ каждомъ клочкѣ вещества, въ самомъ нечистомъ животномъ... Это религія столь-же старая, какъ и падшее человѣчество; она ясно и просто называется фетишизмомъ (!).

¹⁾ Въ Balth. Hang's Schwѣb. Magazin 1776; другое стихотвореніе подъ тѣмъ-же заглавіемъ, въ клоштоковскомъ родѣ, гораздо нагляднѣе.

²⁾ Ha, wie die mûden Abendstrahlen Das wallende Gewölk bemalen! Wie dort die Abendwolken sich Im Schatz der Silberwellen malen! O Anblick, wie entzückst du mich!

иологи човѣчества», какъ выражается Юланъ Шмидтъ. Интересъ Шиллера къ природѣ основывается болѣе на размышленіи, чѣмъ на наблюденіи и имѣть, въ сущности, философско-моральное направление ¹⁾). Природа для него равносильна естественности; поэта близкаго къ природѣ онъ называетъ наивнымъ, а такого, который прилагаетъ къ ней искусство, — сантиментальнымъ, но онъ не замѣчаетъ того, что древній міръ не всегда оставался наивнымъ, и что не все поэты сантиментальны. Какъ ученикъ Руссо, Шиллеръ ясно чувствуетъ противоположеніе природы и искусства, и для него всего пріятнѣе уединеніе, куда не «приходитъ човѣкъ со своей мукой»: «Хорошо тому, блаженнымъ долженъ я считать того, кто въ тиши деревенского луга, далеко отъ запутанныхъ круговъ жизни, какъ дитя, лежить на груди природы».

Самымъ сантиментальнымъ поэтомъ природы въ шиллеровскомъ смыслѣ слѣдуетъ признать Жана Поля Рихтера. Идиллический поэтъ соединяется въ немъ съ юмористомъ и сатирикомъ; пейзажи его романовъ всегда имѣютъ идиллический, простодушный характеръ: это — всегда горы, деревни и долины, но какихъ замѣчательныхъ результатовъ онъ умѣеть достигать съ помощью простыхъ, ежедневно повторяющихся

¹⁾ Въ своемъ разсужденіи о стихотвореніяхъ Маттиссона, онъ говоритъ: «Пейзажная природа должна служить для выраженія идей. Тогда мертвые буквы природы становятся живымъ языкомъ духа и вѣшній и внутренній взоръ читаютъ одинаковыя письмена явленій совершенно различнымъ образомъ. Та пріятная гармонія образовъ, звуковъ и свѣта, которая восхищаетъ эстетическое чувство, въ то-же время удовлетворяетъ и нравственное». Въ стихотвореніяхъ Маттиссона онъ находитъ выполненными всѣ существенные условия пейзажной поэзіи: правдивость и наглядность, музыкальную красоту и духовность. «Характеръ его музы есть кроткая грусть и нѣкоторая созерцательная мечтательность, къ которымъ уединеніе и прекрасная природа такъ легко располагаютъ чувствительного човѣка... Для этого нужно сердце, сдружившееся съ высшей красотой, нужно сохранить среди всѣхъ вліяній утонченѣйшей культуры ту простоту чувствъ, безъ которой не можетъ быть никакого достоинства». Шиллеръ ставитъ Маттиссона слишкомъ высоко; его стихотворенія — простое изображеніе, срисовываніе вѣшніхъ предметовъ, скорѣе длинное, расплывчатое описание, чѣмъ внутреннее проникновеніе образомъ и чувствомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно сравнить стихотвореніе Гете «Къ мѣсяцу» съ стихотвореніемъ Маттиссона «Лунные картины».

процессовъ природы. У него все исполнено горячаго чувства; повсюду выступаетъ восточная пышность образовъ, безумно смылое богатство метафоръ, самое пестрое смѣщеніе понятій: почти нигдѣ пейзажъ у него не изображается помимо дѣйствія ромаша; каждый солнечный восходъ или закатъ («созвѣзіе волшебствомъ освѣщенія», какъ выражается Готшалль)¹⁾ проникнуть глубиною ощущенія, исполненныхъ чувства героевъ. Эти послѣдніе одушевлены самымъ живымъ отношеніемъ къ природѣ; всѣ чувства ихъ отражаются въ ией; вселенная и человѣческая душа составляютъ для нихъ нѣчто единое и находится въ постоянномъ взаимодѣйствіи между собою. Въ этомъ и заключается пантеистическая черта мировоззрѣнія Ж. П. Рихтера. Каждому человѣку, говорить онъ, во «Введении въ эстетику»²⁾ является другая природа, и все дѣло въ томъ, кому она кажется прекраснѣе; природа для человѣка находится въ процессѣ постояннаго очеловѣченія; вѣнчаная природа въ каждомъ внутреннемъ мірѣ становится другою». Во всякомъ случаѣ для Жана Поля она другая, чѣмъ для прочихъ смертныхъ, но становится-ли она оттого прекраснѣе? Выраженіе его крайне интенсивнаго чувства природы также изысканно, какъ и весь его стиль; богатство мыслей, глубина ощущенія, сверкающая геніальность, разсыпаны повсюду, но въ такой причудливой и замысловатой оболочкѣ, что ея вычурность и туманность доходятъ до крайнихъ предѣловъ. Для этого достаточно немногихъ примѣровъ. Въ «Цвѣтахъ, плодахъ и тернѣахъ адвоката для бѣдныхъ, Зибенкеза»³⁾ мы читаемъ: «Тогда я появился вновь въ послѣдній вечеръ 1794 года, на красно-окрашенныхъ волнахъ котораго было унесено въ море вѣчности столь много увѣнчанныхъ цвѣтами труповъ». «Между тѣмъ, какъ хоботокъ Зибенкеза, подобно хоботку бабочки, находилъ въ каждомъ голубомъ цвѣтѣ чертополоха судьбы открыты медовые сосуды въ достаточномъ количествѣ»... (24) «Когда они очутились за воротами, т. е. за ихъ развалинами, неимѣвшими ничего общаго съ развали-

¹⁾ Die deutsche Nationallitteratur des 19 Jahrhunderts, I, 1875, S. 153.

²⁾ Aufl. Berlin Reimer 1827, S. 42, ср. S. 35: «Каждый гений создаетъ для насъ новую природу, такъ какъ онъ еще болѣе раскрываетъ старую».

³⁾ Samtl. Werke 11, 1826, S. 15.

пами Пальмиры, кристальный, сияющий гротъ августовской ночи стоялъ открытымъ и свѣтилъ на темнозеленую землю, и морская тишина природы противорѣчила бурѣ человѣческой груди; ночь протягивала небесный кровъ полный молчаливыхъ солнцъ, безъ малѣйшаго вѣтерка надъ землей и подъ землей; срѣзанные посѣвы лежали безъ шума въ спопахъ и однозвучные кузниччики, повидимому обитали одни въ обширномъ мракѣ». Подобно тому какъ осень и печаль заключаются въ груди героя, онъ являются и въ природѣ: «Надъ лугами безъ цвѣтовъ, надъ нивами безъ колосьевъ носились блѣдные, прозрачные образы прошлаго; надъ лѣсами и горами висѣлъ разѣдающій туманъ, какъ будто поколебленная, превращающаяся въ прахъ природа распускалась въ его дымкѣ... Но свѣтлая мысль превратила темный, мелкій дождь природы и души въ бѣлый туманъ». Зибенкезъ вспомнилъ о своемъ другѣ! По мѣрѣ того, какъ его супружеская жизнь становится все пустыннѣе, «у бѣднаго Фирміана на желтыхъ пожарищахъ природы—въ декабрѣ—дѣлается все грустнѣе на сердцѣ», а когда приходить весна, ему кажется, «какъ будто его жизнь заключается не въ твердомъ сердцѣ, а въ теплой, мягкой слезѣ, и его обремененный духъ высвобождается изъ тѣсной тюрьмы и разливается въ звуки въ голубой эѳирной волнѣ»¹). Титанъ (I, 1) выражаетъ внутреннее освобожденіе, какое природа доставляетъ человѣку, слѣдующимъ образомъ: «Высокая природа! Когда мы тебя видимъ и любимъ, мы теплѣе любимъ наше человѣчество, а когда мы его оплакиваемъ или должны позабыть, ты остаешься съ нами и покидаешь предъ нашимъ влажнымъ взоромъ видѣ зеленѣющей, окрашенной вечернимъ солнцемъ горы. Ахъ, для души, передъ которой утренняя роса идеала обезцвѣтилась въ сырый холодный дождь... оставайся, освѣжающая природа съ твоими цвѣтами, горами и водопадами вѣрной подругой и утѣшительницей. Истекающій кровью Сынъ Божій роняетъ молча капли страданія изъ Своихъ очей, для того, чтобы онъ упали свѣтло на твои вулканы, на твои весны, на твои солнца».

¹) Bd. 13, S. 39 и 72, ср. живописно напыщенное описание солнечного восхода S. 97, солнечного заката S. 192, S. 165: ...«Блистающее золото вечерней зари отбрасываетъ матовое золото на востокъ и падаетъ розовыми цвѣтами на порхающую грудь встревоженного жаворонка, возвышенного вечерняго колокола природы».

Вследствие крайней чувствительности и чрезмѣрного изобилия величественныхъ мыслей и образовъ Ж. П. Рихтеръ никогда не могъ придти къ гармонично-художественному выражению своего искренняго чувства природы.

Романтики, которымъ границы, начертанныя Гете и Шиллеромъ и непосредственно примыкавшія къ нормамъ античнаго искусства, казались слишкомъ тѣсными, нашли свой девизъ въ слѣдующихъ характерныхъ словахъ Жана-Поля: «Пластическое солнце свѣтить однообразно, какъ бодрствованіе, романтическій мѣсяцъ сияеть разнообразно, какъ сновидѣніе». Еще характернѣе въ томъ-же родѣ выражается Гиперіонъ: «О, человѣкъ—богъ, когда онъ грезить, и ницѣй, когда онъ мыслить!» Геніальная простота, спокойная пластика, объективное спокойствіе, празаичная ясность мысли и выраженія были идеалами, осуществленіе которыхъ Винкельманъ и Лессингъ находили у древнихъ и которыя великие немецкие поэты старались слить съ современнымъ духомъ. Напротивъ того, романтикамъ нравилось безпокойно измѣнчивое, пестрое, яркое, фантастическое, произвольное, гдѣ образы появляются и исчезаютъ оиять. Гармонія у нихъ была разрушена ироніей; они проповѣдывали безпредѣльное господство своего «я», крайний субъективизмъ, безотчетный произволъ разнузданной фангазіи; они хотѣли вынести на свѣтъ тайну души, скрытую въ темнотѣ сердца, хотѣли истолковать то, что не поддается слову, освѣтить все сумеречное, туманное въ человѣческой душѣ. Они избѣгали всего реальнаго, нагляднаго, рѣзко очерченнаго, такъ какъ это мѣшало безпредѣльности и глубинѣ созерцанія: вездѣ они хотѣли видѣть ироніи, отъ которыхъ кружится голова. Вследствие того романтизмъ кажется намъ какимъ-то тяжелымъ, смутнымъ сномъ. Тѣмъ не менѣе, онъ послужилъ необходимой реакцией противъ классицизма Гете. Какъ ни нестро было въ немъ смышеніе разнородныхъ элементовъ, такъ какъ онъ, то обращался къ романтическимъ среднимъ вѣкамъ, то переходилъ въ періодъ «бурь и порывовъ», то, возвращался къ Гердеру, Гете и Винкельману и стремился къ еще большему углубленію чувства, но кто будетъ отрицать, что въ бродящемъ винѣ, опьяняющемъ напиткѣ, какой создавали мастера романтической поэзіи, заключается сладкій ядъ, который долженъ быть дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на чувство и въ то-же время содержать безконечно богатыя, способныя къ

развитию съмена, которыя въ наши дни мы видимъ въ полномъ цвѣтѣ?

Чувство природы у романтиковъ, сообразно всему ихъ міросозерцанію, отличается крайнимъ субъективизмомъ и фантастичностью, мистической мечтательностью и глубокимъ сказочнымъ символизмомъ. Отношеніе романтизма къ природѣ выражается въ слѣдующихъ извѣстныхъ стихахъ:

Mond beglänzte Zauberacht,
Die denn Sinn gefangen hält,
Wundervolle Märchenwelt,
Steig' auf in der alten Pracht. ^{1).}

Любовь къ природѣ у романтиковъ въ сущности пантеистична. Ихъ чувства сплетаются съ жизнью природы, въ болѣзнистой тоскѣ по далекомъ идеалѣ или нѣкогда существовавшей порѣ невинности и естественности. Они бросаются на грудь природы, «въ объятія незыблемой, тихой и прекрасной» (Гиперіонъ), изливаютъ въ нее свою грусть или опьяняются ея видомъ, находятъ во всемъ отраженіе своего душевнаго настроенія и не знаютъ другого существа столь родственнаго и близкаго имъ какъ нѣмая и тѣмъ не менѣе на все отзывающаяся природа. Человѣческій духъ и природа соединяются въ одно, проникая другъ друга; пантеизмъ превращается въ загадочный мистицизмъ, не знающій никакихъ границъ. Кромѣ «Вертера», быть можетъ, ни въ одномъ изъ новѣйшихъ романовъ природа не выступаетъ въ такой музикальной и вмѣстѣ съ тѣмъ живописной формѣ, какъ въ «Гиперіонѣ» Гельдерлина. Онъ разочарованъ и ожесточенъ мрачной дѣйствительностью, такъ мало соотвѣтствующей его идеалу, но онъ находить себѣ утѣшеніе: «Вѣдь ты еще свѣтишь, солнце неба! Ты еще зеленѣшь, священная земля! Еще несутся съ шумомъ потоки въ море, и въ полдень шелестятъ тѣнистыя деревья. Радостная пѣснь весны убаюкиваетъ мои смертныя мысли. Полнота все оживленнаго міра питаетъ и опьяняетъ мое бѣдствующее существо». ²⁾ Этотъ

¹⁾ Месяцемъ озаренная волшебная почь, плѣняющая гаше чувство, полный чудесъ сказочный міръ, возстань опять въ своей прежней пышности».

²⁾ Какъ это напоминаетъ «Вертера» а также и слѣдующее изображеніе (S. H. Reclam): «И когда я часто лежалъ среди цвѣтовъ и

мистический пантеизмъ нигдѣ не выражается такъ ясно, какъ въ слѣдующемъ признаніи: «О блаженная природа! Я не знаю, что происходитъ со мною, когда я поднимаю взоры на твою красоту, но величайшая небесная отрада заключается въ слезахъ, которыми я плачу передъ тобой, возлюбленная изъ возлюбленныхъ. Все мое существо нѣмѣеть и внемлетъ, когда нѣжная воздушная волна порхаетъ около моей груди. Теряясь въ далекой синевѣ, часто гляжу я вверхъ на эфиръ и внизъ на священное море и мнѣ кажется, какъ будто родственныи духъ раскрываетъ мнѣ объятія, какъ будто страданіе и одиночество уничтожаются въ жизни Божества. Быть единымъ со всѣмъ, что живетъ въ блаженномъ самозабвеніи, возвращаться во всецѣлое природы, это — верхъ мыслей и радостей, это священная вершина горы, мѣсто вѣчнаго покоя, гдѣ полдень теряетъ свой зной, а громъ свой голосъ, и пѣнящееся море уподобляется зыби хлѣбнаго поля. «Эта тоска не имѣющая имени и мечта объ освобожденіи отъ дѣйствительности, крѣпкой цѣпью приковывающей къ себѣ, превращаются въ порывъ къ небу, къ Всеединому». О, если величественная природа есть дочь единаго Отца, развѣ сердце дочери не есть Его сердце? Развѣ ея душа не Онъ? Но близокъ-ли я къ Нему? Знаю-ли я его? Онъ «старается подслушать» душу природы; онъ слышитъ, какъ «мелодія утреннаго свѣта начинается тихимъ звукомъ»; онъ говорить цвѣтку: «ты мой братъ» и источникамъ: «мы одного рода»; каждое время дня и года находится въ извѣстномъ символическомъ и симпатическомъ отношеніи съ его сердцемъ.¹⁾ Онъ чувствуетъ красоту «райской страны», хотя онъ не очерчиваетъ ясно ни

меля нѣжно озарять весенний свѣтъ, и я смотрѣлъ вверхъ, въ ясную синеву, обнимавшую теплую землю, когда я сидѣлъ подъ вязами и ивами въ нѣдрахъ горы, послѣ освѣжающаго дождя, когда вѣтви еще дрожали отъ прикосновенія неба и надъ роняющими капли лѣсомъ двигались золотыя облака или, когда вечерняя звѣзда, исполненная духа мира, восходила вмѣстѣ съ древними юношами другими героями неба и я смотрѣлъ какъ жизнь двигалась въ нихъ въ вѣчномъ боззаботномъ порядкѣ въ эфирѣ, и спокойствіе міра окружало и радовало меня и я замѣчалъ и слушалъ, не зная, что происходитъ со мной, — «Любишь, ли ты меня, благой Отецъ въ небѣ!» спрашивалъ я тогда тихо, и чувствовалъ съ вѣрой и блаженствомъ его отвѣтъ въ моемъ сердцѣ. Весьма мелодичны и поэтичны признанія на стр. 20, 103 и 141.

¹⁾ Ср. S. 28, 48, 54.

одного пейзажа, ¹⁾ за исключением стихотворения «Гейдельбергъ»; онъ перенаполняетъ свои размышления величественными сравнениями, взятыми изъ природы. ²⁾ Онъ наслаждается ласками восхитительныхъ вѣтерковъ», прославляетъ «легкое, чистое, ласковое море», называетъ «священный воздухъ» — «братьемъ духа, который пламенно и мощно властвуетъ и жить въ насть, вездѣсущимъ, бессмертнымъ», землю — «однимъ изъ цвѣтковъ неба», небо — «безконечнымъ садомъ жизни» и «единымъ и всѣмъ», т. е. красотой ³⁾). Онъ мистически изображаетъ свою любовь ⁴⁾): «Мы были оба однимъ цвѣткомъ, и наши души жили одна въ другой, какъ цвѣтокъ, когда онъ любить и свои иѣжныя радости таитъ въ закрытомъ вѣнчикѣ... Ясная звѣздная ночь стала теперь моей стихіей; когда было также тихо, какъ въ глубинахъ земли, гдѣ таинственно растетъ золото, тогда поднималась прекрасная жизнь моей любви». Онъ находитъ прекраснымъ «пить съ возлюбленной изъ одной чаши наслажденіе міра». «Да, человѣкъ есть солнце, всевидящее и всеосвѣщающее, когда онъ любить, а когда онъ не любить — мрачное жилище, гдѣ горить дымящійся почникъ». Это изображеніе настроенія мягко и женственно, но исполнено самого сокровенного очарованія поэзіи. Прекрасно, хотя въ то-же время мрачно и печально изображается горький жребій несчастнаго въ стихотвореніи «Пѣсня судьбы»: «Намъ суждено ии въ одномъ мѣстѣ не находить себѣ покоя; исчезаютъ, падаютъ страдающе люди, незамѣтно съ часа на часъ. Какъ вода падаетъ съ утеса на утесъ,

¹⁾ На S. I лишь въ общихъ выраженіяхъ, а также S. 33.

²⁾ «Какъ въ молчаливомъ воздухѣ качается лилія, такъ волновалось передъ ней мое существо въ своей стихіи въ восхитительномъ сльѣ» (26); «также какъ бури, когда, онѣ ликуя, пепрестанно стремятся впередъ черезъ лѣса по горамъ, такъ вырывались наши души въ колоссальныхъ намѣреніяхъ» (30); «волна сердца не вспѣшивалась-бы такъ высоко и превращалась-бы въ духъ, если-бы ей не противостояла старая пѣмая скала — судьба» (46); «бываетъ для нашей души такая ночь, когда ей не свѣтить ни одна звѣзда, ни даже гнилое дерево» (47); «Какъ потокъ у безплодныхъ береговъ, гдѣ ни одинъ ивовый листъ не отражается въ водѣ, бѣжалъ мимо меня ничѣмъ не украшенный міръ; какъ волна океана обливаетъ берегъ блаженыхъ острововъ, такъ обливало мое беспокойное сердце спокойстїе божественной дѣвушки».

³⁾ Ср. S. 56 и 59.

⁴⁾ S. 69 и 79.

такъ въ теченіе годовъ они нисходять въ неизвѣстность». Его пантеизмъ находитъ для себя выраженіе и въ одахъ къ природѣ. Онъ видитъ вездѣ проникнутую духомъ, одушевленную природу; такъ, онъ признается въ стихотвореніи «Къ природѣ»: «Тогда къ солнцу опять обратилось мое сердце, когда услышало его звуки и назвало звѣзды своими сестрами, и божественная мелодія весны, дыханіемъ,двигающимъ рощи, подняла духъ, духъ радости въ тихой волнѣ сердца, тогда меня охватили золотые дни». Человѣкъ для него—прекраснѣйшее дитя отца Гелиоса; его первородные братья—острова и горы, деревья и цвѣты; его кормилица—священная лоза съ сладостными ягодами; горы—его хранители, волны рѣки—товарищи его игръ; его любовь—благороднѣйшее растеніе земли; его душа—ея струнныій инструментъ, на которомъ она играетъ тумапами и снами; мать и сынъ дѣлятъ горе и радость съ полнѣйшей симпатіей; она груститъ вмѣстѣ съ нимъ; живымъ шумомъ потоковъ, любовнымъ дыханіемъ цвѣтовъ она опять привѣтствуетъ его радость¹).

Тіекъ обнаруживаетъ также тональную восприимчивость къ впечатлѣніямъ природы. Онъ не только создаетъ слово «Waldeinsamkeit» (лѣсное уединеніе) въ «Бѣлокуромъ Экбертѣ»: «Лѣсное уединеніе, радующее меня и завтра и сегодня, и въ вѣчныя времена, о, какъ меня радуетъ лѣсное уединеніе»²), но онъ всею душой, съ мечтательнымъ упоеніемъ, даже съ «опьяненіемъ природой»³) вѣрить въ романтическое очарованіе, живущее и движущееся въ лѣсу съ эльфами и Кабальтами, съ призрачными тѣнями въ таинственныя лунныя ночи, какъ онъ ихъ обрисовываетъ въ «Пѣснѣ лунной ночи»:

¹) Ср. «Человѣкъ», «Къ эфиру», «Солнечный закатъ», «Вечерняя фантазія», «Скованный потокъ» ясно напоминаетъ гѣтевскій мотивъ: «Замкнутый въ себѣ, медленно течетъ въ холодныхъ берегахъ онъ, сынъ океана; тогда отецъ насыщаетъ вѣстяиковъ любви, дышащіе жизнью вѣтерки» и «уже звучитъ у него въ груди, онъ вздувается, пока еще играетъ въ нѣдрахъ полей и вспоминаетъ теперь свою силу, могущественный несется... смеется надъ оковами... и горы кругомъ пробуждаются голосомъ божественного сына, движутся лѣса, ущелья слышатъ призывъ, и вздрагивая опять шевелится радость въ груди земли...»

²) Waldeinsamkeit, Die mich erfreut, so morgen wie heut In ewiger Zeit O wie mich freut Waldeinsamkeit.

³) Ср. Tieck's Biographie von Koerke, I, 139, Brandes op. cit 181.

«Замѣтно выступаетъ и радостно движется дубрава и протягиваеть вѣтви навстрѣчу волшебному свѣту. Духи начинаютъ прыгать на волнахъ, раскрываются ночные цвѣты съ звенящимъ шумомъ, соловей просыпается въ густомъ деревѣ, поэтически разсказываетъ свой сонъ, звуки текутъ, какъ яркіе, ослѣпительные лучи, привѣтствуя эхо на склонѣ горы».

Во всѣхъ поэтическихъ произведеніяхъ Тикка бѣть че-резъ край это опьяненное чувство природы, это никогда не насыщаемое, никогда не утолимое желаніе раскрыть прелесть природы, проникнуть въ иѣдра ея дивнаго существа. Даже такой жалкій бѣднякъ, какъ Вильямъ Ловелль, доводящій романтическую субъективность, самораздирающую сантиментальность до преступшаго эгоизма, не признающій другого закона кроме безпредѣльного произвола своего «я», опьяняется природой; такъ, онъ пишетъ изъ Флоренціи (I, 125): «Природа освѣжаетъ мою душу своей безконечной красотой. Я чувствую перѣдко, какъ мое сердце расширяется, когда меня одушевляютъ безчисленныя прелести природы и искусства... Такъ удовлетворяется, наконецъ, мое стремленіе къ путешествіямъ, къ чуднымъ далямъ. Еще ребенкомъ, стоя передъ деревенскимъ домомъ моего отца, оглядывая дальшія горы и замѣтивъ на самомъ концѣ горизонта вѣтраную мельницу, я почувствовалъ, какъ-будто она манить меня своими движеніями; кровь быстрѣе устремилась къ моему сердцу, мой духъ летѣлъ къ далекой странѣ, новая тоска часто наполняла мои глаза слезами». И природа и его душа одинаково загадочны для него (II, 3): «Много разъ мнѣ казалось, какъ-будто загадка должна разрѣшиться въ насть, какъ-будто мы узнаемъ вдругъ превращеніе всѣхъ нашихъ чувствъ и странныхъ ощущеній. Ночь окружала меня сотнями ужасовъ; освѣщенное мѣсяцемъ, прозрачное небо округлялось надо мной какъ кристаль и отражало самыя страшныя ощущенія, какъ тѣни въ этотъ миръ». Мечтательно опьяненную симпатію къ природѣ испытываетъ также «Францъ Штернбальдъ» (II, 89): «Я хотѣлъ-бы наполнить весь міръ пѣснями любви, хотѣлъ разтрогать лунное сіяніе и утреннюю зарю, чтобы они отзывались на мое страданіе и счастіе, чтобы мелодія охватила деревья, вѣтви, листья и травы, которыя повторяли-бы мою пѣсню миллионами языковъ». Музыку и природу романтики страстно любятъ; они хотѣли-бы всю ощущенія обратить въ звуки, также какъ Байронъ хотѣлъ превратить ихъ въ мол-

нио, «такъ какъ мысли стоять слишкомъ далеко» ¹⁾). Ночь и лѣсъ, лунное сияніе и звѣздное мерцаніе составляютъ основной аккордъ въ мелодіяхъ ихъ пѣсень о природѣ. Въ «Странствованіяхъ Франца Штернбальда» пейзажъ служить неизмѣннымъ фономъ для дѣйствія и настроенія.

Еще въ нравственномъ романѣ XVIII вѣка, пейзажъ вовсе не находилъ для себя мѣста; Гермесъ только въ одномъ мѣстѣ описываетъ солнечный восходъ въ нѣсколькихъ строкахъ, извиняется за эту странность и просить читателей и критиковъ не думать, что онъ хотѣлъ только «наполнить листы» ²⁾). Руссо создалъ рѣзкую перемѣну въ этомъ отношеніи: Софи Ларошъ превращала развалины и лунный пейзажъ, долины и холмы, цвѣтущія изгороди, цвѣты и проч., въ маленькия картинки, исполненные извѣстнаго настроенія, въ своихъ «Дружескихъ письмахъ женщины» ³⁾); въ особенности въ «Вертерѣ» Гете, пейзажъ и человѣческая душа настроены на одинъ тонъ и находятся въ постоянномъ взаимномъ отношеніи другъ къ другу; въ своихъ позднѣйшихъ романахъ онъ уже не такъ часто изображаетъ природу, за то въ «Штернбальдѣ» Тикка, также какъ у Жана Поля, ни одинъ солнечный восходъ или закатъ не остается безъ описанія. Часто онъ умѣетъ дать опредѣленное настроеніе картинѣ немногими штрихами, подобно Теодору Шторму. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, онъ изображаетъ утро ⁴⁾): «Красный свѣтъ дрожалъ на концахъ колосьевъ, и утро колебалось въ нихъ и расходилось волнами», или полдень ⁵⁾): «Какъ освѣжительно было прохладное благоуханіе, вѣявшее навстрѣчу ему съ зеленыхъ листьевъ, когда онъ вступилъ въ лѣсокъ! Все было тихо, и только шумъ листьевъ раздавался многообразно въ пріятномъ уединеніи, и дальний ручей, протекавшій черезъ

¹⁾ Такъ говорится въ «Franz Sternbald» I, Berlin 1798. S. 38: «Сколько міровъ развивается въ душѣ, когда свободная природа смыслимъ языкомъ говорить намъ, когда каждый изъ ея звуковъ достигаетъ до нашего сердца и разомъ затрагиваетъ всѣ чувства». Новались говоритъ (II. 130): «Природа — золова арфа, музыкальный инструментъ, звуки котораго, какъ клавиши высшихъ струнъ заключаются въ насъ».

²⁾ Erich Schmidt op. cit S. 173 прим.

³⁾ Schmidt S. 59.

⁴⁾ Sternbald S. 6.

⁵⁾ Sternbald S. 23.

лѣсь», или вечеръ¹⁾: «Чѣмъ красиѣ становиша вечерь, тѣмъ грустнѣе дѣлалисѧ его грезы; потемнѣвшія деревья, тѣни, протягивавшияся на поляхъ, дымящіяся кровли маленькой деревеньки и звѣзды, одна за другой выступавшия на небѣ, все искренно трогало его, все побуждало его къ грустному сожалѣнію о себѣ». Интересно и характерно, какъ поэтъ обращаетъ своего героя въ пейзажиста²⁾: когда онъ бродилъ по лѣсу, «онъ наблюдалъ деревья, отражавшияся въ сосѣднемъ пруду. Онъ никогда еще не смотрѣлъ на пейзажъ съ такимъ удовольствіемъ; ему еще никогда не удавалось открывать въ природѣ разнообразныя краски съ ихъ оттенками, сладость пююя, эффектъ древесной листвы такъ, какъ онъ замѣчалъ ихъ теперь въ ясной водѣ; онъ никогда еще не нападалъ на мысль нарисовать пейзажъ; онъ всегда смотрѣлъ на него какъ на необходимое дополненіе ко многимъ историческимъ картинамъ, но никогда еще не чувствовалъ, чтобы безжизненная природа могла представлять собою иѣчто цѣльное и законченное и такимъ образомъ быть достойною изображенія». Какъ мы видимъ, пейзажъ, находящій свое отраженіе въ водяномъ зеркалѣ съ его таинственно расплывающимися въ глубинѣ очертаніями, съ магическимъ очерченіемъ свѣтовыхъ лучей, съ волшебно неопредѣленнымъ сліяніемъ дѣйствительного и отраженного образа, — это именно то, что по преимуществу привлекаетъ романтиковъ и возбуждаетъ въ нихъ мечтательное отношеніе къ природѣ.

Въ болѣе мелкихъ разсказахъ и сказкахъ Тикка встрѣчается такое чувство природы, какое стремится проникнуть въ ея таинственную сторону, какое заключается въ неопределенныхъ очертаніяхъ цвѣтовъ, облаковъ, горъ и звѣздъ; «оно сдѣлалось для него наиболѣе подходящимъ образомъ письмомъ для выраженія тѣхъ неопределенныхъ, певырази-

¹⁾ S. 34; Францъ объясняетъ S. 48: «Пусть на тебя, любезный Себастьянъ, повѣтъ добрая, дружественная природа, когда у тебя слишкомъ стѣснится грудь»; и ему самому, когда онъ груститъ объ отцѣ, становится покойнѣе на сердцѣ въ теплый вечеръ, S. 115: «Когда насталъ вечеръ и красное мерцаніе, дрожа, повисло на кустахъ, его чувство стало болѣе кроткимъ и прекраснымъ», или S. 169: «Не замѣчая того, онъ постепенно засыпалъ; типила, пріятный шумъ листьевъ, вода въ отдаленіи склоняли его къ тому».

²⁾ Sternbald S. 88.

мыхъ чувствъ, какія по преимуществу, сообщаютъ краски его душевной жизни» ¹⁾). Пантеизмъ Боме всегда привлекалъ его; въ Іенѣ его соблазняла философія Стефенса и натур-философія Шеллинга, который называлъ природу таинственнымъ стихотвореніемъ, грезящимъ духомъ. Открыть въ ней эту послѣдній было главнымъ стремленіемъ Новалиса и Тикка, столь тѣсно связанныаго съ напыщенными натуралистами. Въ своихъ сказкахъ Тикъ переходитъ отъ симпатическаго изображенія природы къ мистическому толкованію ея. Онъ старается проникнуть въ темную связь, заключающуюся между явленіями природы и силами, дѣйствующими стихийнымъ образомъ въ человѣческой груди. Если онъ стремится изобразить эту связь въ романахъ въ историко-психологическомъ смыслѣ, то въ сказкахъ онъ изображаетъ ее мистико-фантastически. Прежде всего онъ это сдѣлалъ въ «Бѣлокуромъ Эбертѣ». Онъ и здѣсь мастерски умѣеть подготовить впечатлѣніе: «Черная ночь смотрѣла въ окно, и деревья снаружи отряхались отъ сырого холода; мѣсяцъ поперемѣнно выглядывалъ черезъ пробѣгавшія мимо его облака» ²⁾), и затѣмъ Берта начинаетъ свой разсказъ, какъ убѣжавшую изъ дома, то охватываетъ въ горахъ ужасъ одиночества, то неопределеннное стремленіе въ даль и безумная радость наслажденія новыми впечатлѣніями ³⁾). Но всего полно выражаетъ «Руненбергъ» то непрѣятное очарованіе, какое подземныя силы производятъ на человѣка, заманивая и одуряя его, возбуждая стремленіе въ глубину, жажду золота. Демоническая сила горной природы, ея дикая сторона противополагается мирной идиллической равнинѣ. Разсказъ весь переплетается изображеніями природы, которыя въ дѣйствительности вызываютъ волшебно-сказочное настроеніе ⁴⁾.

¹⁾ Haym, *Die romantische Schule*, Berlin 1870, S. 631.

²⁾ *Phantasus I*, Berlin 1812, S. 166. Во вступлениѣ содержится общирное разсужденіе о садахъ и настоящемъ романтическомъ наслажденіи природой. причемъ все называется романтическимъ и стихотвореніе, и пѣсня, и гора и проч.

³⁾ S. 173.

⁴⁾ Такъ, на стр. 241, разсказывается какъ охотникъ въ темномъ лѣсу, ночью продолжаетъ свой невѣрный путь по темному ручью, и вырывается корень изъ земли; «вдругъ услыхалъ онъ со страхомъ глухой визгъ въ землѣ, который тянулся подъ землею въ жалобныхъ зву-

Но самого странного расцвѣта «романтическая душа» достигаетъ въ Новалисѣ. У него все расплывается въ загадочное, въ сумракъ и ночь; онъ старается проникнуть внутрь того, что безсознательно покоится въ груди; неопределенное стремление къ далекой чудесной цѣли, находить для себя сказочное выраженіе въ отысканіи «Голубого цвѣтка»; даже собственное сердце кажется ему цвѣткомъ, загадки котораго онъ не можетъ разрѣшить. Въ «Генрихѣ фонъ-Офтердингенъ» говорится ¹⁾: «Свѣтлое зрѣлище великолѣпнаго вечера убаюкивало его въ кроткихъ фантазіяхъ: цвѣтокъ его сердца показывался ему по временамъ какъ молнія». Воззрѣніе на природу имѣеть фантастический характеръ въ описаніяхъ ¹⁾ и мистический въ размышеніяхъ. «Я не утомился,—рассказывается тамъ-же Сильвестръ ²⁾—наблюдать самымъ тщательнымъ образомъ, въ особенности, различную природу растеній. Растенія—непосредственный языкъ земли; каждый новый листъ, каждый странный цвѣтокъ, есть какая-либо тайна, которая просится наружу и заключается въ томъ, что онъ отъ любви и наслажденія не можетъ двигаться, не находить словъ и остается нѣмымъ, спокойнымъ растеніемъ. Если такой цвѣтокъ встрѣчается въ уединеніи, не значить-ли это, что все проясняется кругомъ и маленькие, оперенные звуки всего охотнѣе держатся вблизи его? Можно-бы плакать отъ радости и, отрѣшившись отъ міра, погружать руки и ноги въ землю, чтобы извлечь оттуда корни и никогда не покидать этого счастливаго сосѣдства. По всему сухому міру раскинутъ этотъ зеленый, таинственный коверъ любви ³⁾). Такимъ образомъ,

кахъ и уныло отозвался вдали. Этотъ звукъ проникъ внутрь его сердца; онъ охватывалъ его, какъ будто онъ ненамѣренно коснулся ранъ, отъ которыхъ умирающій трунтъ природы долженъ былъ угаснуть въ страданіяхъ». S. 243: «Большая рѣка блестѣла какъ могучій духъ на лугахъ и поляхъ». На стр. 252 находится изображеніе мирной деревни.

¹⁾ Heinrich von Ofterdingen I Teil, Berlin 1802, S. 115.

²⁾ Ср. ib. S. 13.

³⁾ II Teil S. 31.

⁴⁾ Такъ Фр. Шлегель поетъ въ своей «Пѣснѣ»: «Когда соловьи звенятъ, зелень горитъ ярко, я тихо спрашиваю у себя: что говорять цвѣты? Когда я блуждаю по тихому лугу, тихо преслѣдую природу и чувствуя ее, учусь думать, я слѣдую только чувствамъ, потому что мысли слишкомъ далеко отъ меня». И Беттина пишетъ въ одномъ мѣстѣ: «Травяной стебель, колосья нивы, заботливо построенное птичье

жизнь людей и растений сливаются вмѣстѣ и сущность и бытие той и другой чередуются въ неестественно возбужденной фантазіи. Такая фантазія, конечно, находитъ всего болѣе для себя удовлетворенія въ ужасахъ ночи, «священной, невыразимой, таинственной ночи»: «Драгоцѣнныи бальзамъ струится изъ твоей руки, изъ связки мака; ты поднимаешь въ высь тяжелыя крылья души»¹). Ночь и смерть прославляются какъ наслажденіе, какъ сладострастіе. Послѣ мрачныхъ, граничащихъ съ безумiemъ размышеній, на читателя производить освѣжающее впечатлѣніе прелестная сказка о «Гіацинѣ и Розовомъ цвѣточекѣ»²). Какъ поэтично здѣсь сказочное одушевленіе, когда въ отвѣтъ на привязанность прелестныхъ дѣтей шепчутъ другія маленькия существа: «Фіалка сказала это по секрету землянки, а та сказала своей подругѣ кривонику, который не пропустилъ случая укнуть гіацинта, когда тотъ пришелъ; это узналъ скоро весь садъ и лѣсъ и когда гіацинъ ушелъ, слышалось со всѣхъ сторонъ: «розовый цвѣточекъ — моя возлюбленная». «И когда онъ идетъ въ даль искать страну Изиды, онъ спрашиваетъ дорогу у животныхъ, у источниковъ, у скалъ и деревьевъ, и цвѣты улыбаются ему, и источники предлагаютъ свѣжий напитокъ; а когда онъ возвращается, чудная музыка сообщаетъ ему «тайны любовнаго свиданія». «О, если-бы человѣкъ, — говорятъ слушатели сказки, — понималъ внутреннюю музыку природы!» Затѣмъ, изображается въ мистическихъ яркихъ краскахъ «сладостная страсть къ движению въ природѣ, ея восхитительныя таинства» и очарованіе поэтической фантазіи, которая все внутреннее находитъ во внѣшнемъ мірѣ и открываетъ во всемъ «чудную симпатію съ человѣческимъ сердцемъ», какъ напр., въ дыханіи вѣтра, который тысячами глухихъ печальныхъ звуковъ какъ будто превращаетъ тихое страданіе въ глубокій мелодическій вздохъ всей природы... «И что-же я, какъ не рѣка, когда я грустно смотрю въ ея волны и теряюсь мыслью въ ея движеніи?» Съ пламеннымъ экстазомъ восклицаетъ

гнѣздо, синева неба, все это трогаетъ и захватываетъ меня, какъ будто это было человѣческимъ»; ср. прекрасную статью Карріера въ «Nord und Sud», № 118 1886, S. 87.

¹) *Hymnen an die Nacht* S. 79.

²) S. 196 и слѣд. въ «Die Lehrlinge von Sais».

юноша: «У кого не волнуется сердце, вырываясь отъ радости, когда ему внутренняя жизнь природы во всей полнотѣ вступаетъ въ душу, когда, затѣмъ, то могучее чувство, для кото-раго языкъ не знаетъ другого имени, кромъ любви и сладо-страстія распространяется въ немъ, какъ мощный, всепогло-щающій паръ и онъ, дрожа въ сладостной тревогѣ, погру-жается въ темныя, манящія нѣдра природы, и его бѣдная личность уничтожается въ заливающихъ волнахъ радости». Здѣсь мы находимъ ключъ къ романтическому чувству при-роды, здѣсь ясно указываются пункты, въ которыхъ оно под-нимается всего выше, а именно невыразимое совмѣстное дви-жение человѣческой души и настроенія природы, то расплыв-чатое, туманное состояніе, какое является въ человѣческомъ сердцѣ при мечтательномъ погруженіи въ природу.

«Наблюденія природы во время путешествія по Швейцаріи» Гюльзена¹⁾ могутъ служить доказательствомъ того, что ром-антики мечтаютъ также о романтическомъ въ природѣ, въ собственномъ смыслѣ слова, о возвышенной красотѣ горнаго міра. Съ восторженнымъ паѳосомъ въ звонкой полуметриче-ской напыщенной прозѣ, Гюльзенъ восхваляетъ страну, «гдѣ богиня, преимущественно передъ всѣми другими странами, воз-двигла свой храмъ и гдѣ она въ каждомъ явленіи затроги-ваетъ глубину твоей души радостью и одушевленіемъ. Повсюду блуждаетъ твой взоръ, видя вѣчно вѣнецъ прекраснаго, ве-личественность и возвышенность и сладкую, небесную улыбку». Однако, эстетическое возврѣніе отходитъ у него на задній планъ передъ этико-философскимъ содержаніемъ. Это — мистический пантезизмъ²⁾, который во всемъ находитъ гармонію «искренно дружественной любви» и въ созерцаніи вѣчной богини чер-паетъ трогательныя и радостныя чувства, восторгъ и благо-говѣніе.

И лирика природы не вполнѣ безмолвствовала въ мистиче-скомъ опьяненіи романтизма. Эйхендорфъ умѣлъ извлекать изъ своей лиры сердечные, мягкие звуки. На читателя его «Бездѣльника» и прекрасныхъ пѣсень вѣтъ мечтательнымъ ароматомъ лѣса и его охватываетъ страстное желаніе стран-

¹⁾ Въ «Athenaeum» III, 1800 S. 34—58.

²⁾ См. напр. S. 50: «Туда стремится потокъ. Изъясни заключаю-щуюся въ немъ истину и восчувствуй вѣчную гармонію» и т. д.

ствовать по свѣту. Какъ здѣсь все поетъ и ликуетъ въ свободномъ божьемъ мірѣ, какъ шумятъ ручьи и мельничныя колеса, какъ все цвѣтеть и свѣтится въ величественно прекрасномъ божьемъ саду! Чего только не звучить въ вѣмѣцкомъ сердцѣ, когда оно обращается къ пѣснямъ столь любимымъ и близкимъ съ дѣтства, какъ напр., «Прощаніе»: «О, широкія долины, о, высоты, о, прекрасный зеленый лѣсъ, ты, благоговѣйный приютъ моей радости и моихъ стремлений».... или «Странникъ»: «Кому Богъ хочетъ оказать настоящую милость, того онъ посыпаетъ въ обширный міръ; тому онъ показываетъ свою мудрость въ горахъ, въ лѣсу, въ рѣкахъ и поляхъ», или въ «Ночной пѣснѣ»: «Развѣ ты не слышишь какъ шумятъ деревья, Развѣ тебя не манить съ балкона на землю посмотретьъ какъ бѣжитъ множество ручьевъ въ дивномъ сияніи луны»? или «Утренняя молитва»: «О, чудное глубокое молчаніе! Какъ пустынио еще въ мірѣ! Лишь лѣса тихо склоняются, какъ будто Господь проходитъ черезъ молчаливое поле»; или «Прекрасная чужбина»: «что говоришь ты мнѣ смутно, какъ въ грезахъ, фантастическая ночь? На меня сверкаютъ всѣ звѣзды горящими взоромъ любви. Мнѣ говорить даль, какъ будто опьяниенная будущимъ великимъ счастіемъ». Какой наивностью дышетъ стихотвореніе «Странствующій поэтъ»: «Я не знаю, что это значить! Едва схожу я съ порога, тотчасъ-же взлетаетъ жаворонокъ и ликуетъ вверху, въ синевѣ. Трава кругомъ, цвѣты стоять съ драгоценными камнями и жемчужинами въ волосахъ; стройные тополи, кусты и нивы склоняются въ свое мѣсто лучшемъ уборѣ. Какъ вѣстникъ, спѣшишь впередъ ручеекъ, и тамъ, гдѣ вѣтеръ раздѣляетъ вершины, лугъ украдкой взглядываетъ на меня, какъ будто бы это была моя милая невѣста».¹⁾ Это — звуки настоящей правдивой лирики природы, которой не коснулась мистическая рефлексія или болѣзньенная міровая скорбь и которая изливается въ свѣтлыхъ, радостныхъ пѣсняхъ, оживляя и одушевляя и от-

¹⁾ Ich weisz nicht, was das sagen will! Kaum tret'ich von der Schwelle still, Gleich schwingt sich eine Lerche auf Und jubiliert durchs Blau vorauf. Das Gras rings um, die Blumen gar stehn mit Juwelen und Perl'n im Haar, Die schlanken Pappeln, Busch und Saat Verneigen sich im groszten Staat Als Bot'vorauf das Bächlein eilt Und wo der Wind die Wipfel teilt, Die Au verstohlen nach mir schaut, Als wär'sie meine liebe Braut.

зыаясь на все, что прекрасная природа даетъ чувствительному человѣческому сердцу.

Такимъ образомъ, романтизмъ не смотря на сбивчивые пути на какіе онъ вступалъ, обманываемый блуждающими огнями напыщенной мистики чувства и необузданно распирявшейся фантазіи, сдѣлалъ расширенію, повышенію и углубленію жизни чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ чувства природы; современная литература до сихъ поръ еще тысячами нитей связана съ нимъ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Шути, которые мы прослѣдили, ведутъ разнообразными кривыми линіями на высоту нашего современного чувства природы. Развитіе, какое мы старались очертить, можетъ показать намъ также, что лишь тотъ понимаетъ современность, кто постигъ прошлое. То, что предшествовавшія намъ столѣтіядумали и чувствовали и то, что познали и создали великие мыслители и поэты XIX вѣла не носится по вѣтру, какъ пыль, но становится плодотворными сѣменами непрерывно прозябающими и процвѣтающими. Мы старались разобраться въ пестромъ сплетеніи чувствъ и настроений, но кто станетъ отрицать, что и нынѣ всѣ эти нити протягиваются еще далѣе, что мелодіи, нѣкогда звучавшія тихими аккордами, раздаются теперь болѣе полной гармоніей? Нашъ новѣйшій культь природы коренится въ прошломъ, но онъ никогда не достигъ-бы высоты современного созерцанія, безъ расцвѣта естествознанія. Правда, наше чувство, въ настоящее время, въ вѣкъ электричества и микроскопа, стало гораздо трезвѣе и реальнѣе, но любовь къ природѣ, вслѣдствіе усилившагося познанія ея, пріобрѣла лишь болѣе глубины, сдѣлавшись религіей для изслѣдователя. Стремленіе къ пантезму, какое мы указали у величайшихъ поэтовъ нашего вѣка, вообще проникаетъ все современное мышленіе и чувство, одинаково — сосредоточивается-ли оно вѣрующимъ сердцемъ въ идеѣ вездѣсущаго Бога или ищетъ объясненія жизни въ органическихъ силахъ, дѣйствующихъ въ веществѣ. Изслѣ-

дователи, неутомимо стремящиеся къ знанию, поднимаются на высокія ледниковые горы и проникаютъ въ глубины морей; духъ, жаждущій истины, стремится къ съверному полюсу, также какъ къ жаркимъ тропикамъ, въ Альпы, также какъ въ Анды, и путешественники даютъ намъ теперь не отрывочные дневники, а изображенія природы, полныя интуязма къ ней и глубокаго чувства. Я назову только «Картины природы» и «Космосъ» Гумбольдта, «Индійскія письма» Геккеля и прекрасную книгу Пауля Гюссафельдта «Въ высокихъ Альпахъ». ¹⁾ Опасная и утомительная восхожденія на горы, не смотря на теоретическое и практическое совершенство подготовленій и разумнаго раздѣленія силъ, не смотря на прирожденную способность и физическое здоровье, были-бы невозможны безъ восторженаго отношенія къ чуднымъ красотамъ, какія въ такой величественности природа показываетъ намъ только въ ея самыхъ недоступныхъ мѣстахъ. Но тамъ, гдѣ свѣтъ,—всегда бываетъ и тѣнь: и культура природы, и путешествія сдѣлались модой; самые разнообразные элементы смѣшиваются въ наслажденіи природой, какое даютъ нынѣшнія купальныя и лечебныя мѣстности.

Тѣмъ не менѣе, въ настоящее время ни одинъ человѣкъ, обладающій чувствомъ, не можетъ не подчиняться могучему впечатлѣнію, когда видитъ Съверное море, бичуемое бурей или красный, огненный шаръ солнца, опускающійся въ свѣтлое море, или сверкающіе ледники Альпъ.

Въ пейзажныхъ садахъ до сихъ поръ еще замѣтны колебанія, какія мы видѣли въ прошломъ столѣтіи; подобно архитектурѣ, нынѣшнее искусство планировки садовъ дѣйствуетъ эклектически. Однако, здравый принципъ англійскихъ парковъ всего болѣе удовлетворяетъ современное чувство — обширныя дерновыя площадки съ группами деревьевъ, свободный видъ на далекую окрестность или на море, постепенный переходъ искусственного насажденія въ открытое поле; вмѣстѣ съ тѣмъ значительно развивается культура чужеземныхъ растеній, деревьевъ и цветовъ. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть усиливающагося чувства природы. Но ничто въ такой степени не обнаруживаетъ частью общаго, частью индивидуального

¹⁾ Erlebnisse aus den Jahren 1859—85, Berlin Allgemeiner Verein fur Deutsche Litteratur 1886.

чувства природы, какъ пейзажная живопись. Каждый, посѣщающій картины галлереи, находитъ рядомъ со странными и фантастическими ландшафтами (Беклинъ), какіе могутъ существовать только въ фантазіи, а не въ природѣ, картины, проникнутыя поэтическимъ вѣяніемъ, самымъ ирочувствованнѣмъ настроениемъ природы. Каждая стихія, каждая область природы имѣть, въ настоящее время, своего геніального истолкователя: море, Альпы съ ихъ волшебными измѣненіями глетчеровъ и скалъ, прелестныхъ озеръ и водопадовъ, лѣсъ, съ его молчаливыми тѣнями и уединеніемъ, луга и болота, съ ихъ страшной пустынностью, Италия, со своей солнечной веселостью, Норвегія, со своими соснами и фіордами и т. д. Техника и вѣрность природѣ стоять на одинаковой высотѣ, также какъ и проникающее всюду любовное пониманіе и чувство каждой прелести, какъ малозамѣтной идилической, такъ и величественной, возвышенной картины.

Чувство природы находитъ для себя изящное выраженіе кромѣ живописи еще въ поэзіи. И здѣсь, на ряду съ правдивымъ, мы находимъ много искусственнаго, на ряду съ настоящимъ чувствомъ много насыщенности, безсодержательнаго разсужденія и фразы. Въ романѣ каждая глава почти обязательно начинается болѣе или менѣе отрывочнымъ изображеніемъ природы и изліянія герояевъ возобновляютъ сантиментальную мечтательность прошлаго вѣка. Всего далѣе отъ этого такие мастера какъ Фрейтагъ ¹⁾, Шпильгагенъ ²⁾, который выказалъ большую виртуозность въ изображеніи моря (около Рюгена и Помераніи) и Вильгельмина ф.-Гиллернъ ³⁾ самая характерная изъ нѣмецкихъ романистокъ. Въ повеллѣ выше всѣхъ стоитъ Теодоръ Штормъ ⁴⁾.

¹⁾ Въ видѣ примѣра, указываю только на послѣднюю часть. «Предкъ»: «Изъ маленькаго городка» (Aus einer kleinen Stadt, Leipzig 1880 3 Aufl.) см. S. 34, 37, 39, 49, 171, 175, 213 и 269.

²⁾ Въ особенности въ «Потопѣ», гдѣ соціальный приливъ ставится въ параллель съ стихійнымъ и этотъ послѣдній изображается весьма величественно.

³⁾ См. въ «Валли-Орлицѣ» изображеніе Мурцоля и пустыни (Гл. IX), изображеніе бурной ночи и первую главу второй книги.

⁴⁾ Именно въ его «Resignationsnovellen», колоритъ природы отѣненъ особенно эффектно; всего болѣе это можно сказать объ изображеніи тишины, мягкаго теченія ночи, легкаго шума, прерывающаго молчаніе, какъ напр., электрическаго треска листвы, чуть слышнаго шума

Но наибольшей неистощимостью отличается современная лирика природы. Впереди ея долженъ быть поставленъ почтенный Уландъ, о которомъ Гуцковъ весьма удачно замѣчаетъ: «Уландъ одѣлъ природу въ праздничную одежду радости и съумѣлъ пейзажную картину одухотворить въ пѣсни»; если его пейзажная лирика не обладаетъ большимъ разнообразиемъ тоновъ, то его пѣсни, въ особенности весення и путевые¹⁾ своею простотой напоминаютъ дивные, естественные звуки народной пѣсни, подобно Петеру Гебелю, который своимъ безцѣннымъ наивнымъ юморомъ воскрешаетъ мифологію первобытнаго времени. На ряду съ Уландомъ выдѣляется и Фридрихъ Рюккертъ²⁾: «Могучій исполинъ съ ширококостнымъ суровымъ лицомъ и вьющейся гривой» — такъ мѣтко изображаетъ его фонъ-Трейчке²⁾: «Никогда не чувствовалъ себя лучше какъ тогда, когда онъ въ шапкѣ и длинномъ грубомъ кафтанѣ франконскаго крестьянина, съ узловатой палкой въ руки, странствовалъ по любимой родной странѣ; онъ былъ также преданъ своей Франконіи, какъ Уландъ — Швабіи. Онъ действительно слышалъ, что пѣла ласточка, и что шептали листья деревьевъ. Въ немъ жило вѣчно принадлежавшее первобытному чувству природы, полуутемнаго прошлаго, когда германцы нѣкогда слѣдили за лѣсными звѣрями съ ихъ храбростью и хитростью, онъ превращалъ чувство природы въ поэтическое міровоззрѣніе, которое можно справедливо назвать христіанскимъ пантеизмомъ. Во всемъ соз-

насѣкомыхъ, дыханія вечерняго воздуха, вѣющаго черезъ деревья, нѣмого, беспокойнаго блестанія звѣздъ, паденіе листа, крика оленя, шороха змѣи и т. д. Ср. *Gesammelte Schriften* 2 Aufl., II. 50, 145; III, 118, 214; IV, 40, 45; V, 114, 174. О морѣ онъ говоритъ VIII, 201: «Странно, какъ нась заставляетъ грезить шумъ моря, тихое вѣяніе вѣтра». Мастерски изображаетъ онъ жизнь и движеніе на цвѣтущей, благоухающей равнинѣ III, 99, и прозрачный, сѣрый туманъ, носящийся надъ болотомъ, III, 212.

¹⁾ «Мягкіе вѣтерки проснулись, прелестный золотой весенний день; свѣтъ солнца едва только предчувствуется; я вѣзжаю въ темный лѣсъ» и т. д.; къ нимъ примыкаютъ также свѣжія и радостныя путевые пѣсни Мюллера.

²⁾ «Дайте подождать мнѣ еще часъ; тысячи соловьевъ въ моей груди, роза, море и солнце — образъ моей влюблennой; если-бъ я былъ воздухъ, чтобы расправить крылья» и т. д.

³⁾ «Deutsche Geschichte im XIX Jahrhundert III, S. 689.

данномъ онъ видѣлъ откровеніе любящаго, Всеединаго, и каждая пѣсня признательности, какая поднималась изъ жизнен-
ной радости этого блестающаго, благоухающаго, звучащаго
міра, была слышна его сердцу! «О, солице, я твой лучъ, о,
роза, я—твое благоуханіе; я твоя капля, о море; я твое ды-
ханіе, о воздухъ!»

Величайшимъ лирическимъ талантомъ послѣ Гете былъ Гейнс, но его поэзія напоминаетъ ундину, у которой волшеб-
но-прекрасная верхняя часть тѣла заканчивается рыбьимъ
хвостомъ. Разрушительная иронія, погоня за эффектомъ унич-
тожаетъ повсюду впечатлѣніе стихотвореній, которыхъ сами по
себѣ исполнены поэтическаго настроенія, какъ напр. въ сти-
хотвореніи «Сосна»—переходъ отъ порвежской сосны къ во-
сточной пальмѣ, кажется столь-же искусственнымъ, какъ и
самое одушевленіе. Настоящимъ перломъ можно назвать его
«Цвѣтокъ лотоса»; «Картины Сѣвернаго моря» проникнуты
грандознымъ возврѣщемъ па природу: въ нихъ слышится поэтъ,
создающій повѣи миѳы, подобно Байрону и Шелли. Въ поэзіи
Гейне всего болѣе очаровываетъ волшебство языка, мелодія; но
часто у него являются безвязные, бѣглые аккорды. У него
иѣть гетеевской пластики и объективности, и одушевленія при-
роды искусственны; правдивость природы никогда не оскорб-
ляетъ Гете, а Гейне искусственно подгоняетъ природу къ
своимъ субъективнымъ ощущеніямъ; онъ даже любить вы-
ставлять ихъ разнородность ради остроумной комбинаціи.

Правда, ему хорошо известно, какъ онъ высказываетъ
это въ «Шутешествіи по Гарцу», насколько «безконечно бла-
женно чувство, когда міръ явленій движется вмѣстѣ съ мі-
ромъ нашей души, и зеленая деревья, мысли, пѣніе птицъ,
грусть, небесная синева, воспоминанія и благоуханіе травъ
сплетаются въ прелестныхъ арабескахъ»; изъ своего чувства
природы онъ умѣетъ извлекать многія блестящія искры, но
нигдѣ не доходитъ до настоящаго, чистаго наслажденія ею.

Ленау сообщаетъ природѣ свою мрачную меланхолію; у
него являются безконечныя жалобы, вздохи и слезы дерева и
ручья, воздуха и волны; трудно найти поэта болѣе богатаго
метафорами и одушевленіями; многое у него искусственно;
но многое прекрасно, какъ напр. «Весна пришла на горы и
долины; ея радостный кликъ звучитъ въ воздухѣ; едва земля
услыхала ее во снѣ, она поднялась отъ своей грезы, кото-
рая тяжело и холодно давила ей грудь»; и «По лѣсу, по

темному идеть прелестный весенний утренний часъ; по лѣсу съ неба вѣеть тихая вѣсть любви». Трогательное впечатлѣніе производятъ «Просьба» и драматически оживленная картина природы «Миѳъ бури». Свойственное и новѣйшей поэзіи стремленіе къ уединенію выражено съ теплымъ чувствомъ у Платена: «Я хотѣлъ-бы остаться свободнымъ, скрытымъ отъ цѣлаго міра, чтобы плавать по тихимъ рѣкамъ подъ тѣнистымъ сводомъ облаковъ. Въ веселы лѣтніхъ итица я-бы хотѣлъ забыться отъ земныхъ заботъ, укачиваемый чистой стихіей, я-бы хотѣлъ уйти отъ запятнанныхъ порокомъ людей».

Ключъ поэзіи природы бьетъ изобильно и въ самой новѣйшей лирикѣ. Но, при ближайшемъ изслѣдованіи, немногое исходитъ въ ней изъ настоящей творческой силы; въ ней не мало искусственности, фразы и разсужденія. Правда, въ область ся наблюденія привлекаются всѣ сферы природы, даже и ужасное, какъ напр., въ описаніи болотъ у Аннеты Ф.-Дросте и пустынныхъ пространствъ у Геббеля. Къ великимъ лирикамъ прошлаго всего ближе примыкаютъ Мерике¹⁾ и Теодоръ Штормъ²⁾; въ настоящее время едва-ли можно найти лирику съ такой глубокой непосредственностью и съ такой ритмической мелодіей, какъ у этихъ поэтовъ. Лишь отдѣльныя прекрасныя мѣста можно найти у Гейзѣ, Келлера, Липпга и Іенсена; даже Гейбелю настоящая лирическая прѣсня удастся менѣе, чѣмъ эпическая и созерцательная; онъ болѣе декламируетъ и разсуждаетъ, чѣмъ поетъ. Но за то, какъ онъ владѣетъ благозвучiemъ языка! Ни одинъ изъ новѣйшихъ поэтовъ не передаетъ болѣе мѣтко сущности нынѣшняго чувства природы, чѣмъ Гейбелъ, въ слѣдующихъ строкахъ:

Nur zu rasten, zu lieben,
Still an sich selber zu bau'n,

¹⁾ Cp. Frühling läetzt sein blaues Band flattern durch die Lande; Hier lieg'ich auf dem Frühlingshügel; Futzreise; Besuch in Urach; Mein Flutz; Lied vom Winde; Die schöne Buche; Um Mitternacht; Am Walde; и т. д.

²⁾ Oktoberlied, Sommermittag, Die Stadt, Meeresstrand, Im Walde, Die Nachtigall, Mondlicht, Iuli, Im Herbste, In der Frühe, Waldweg и т. д. Cp. мою статью о Теодорѣ Штормѣ въ EX томѣ «Praessische Jahrbücher» S. 219—228.

Fühlt sich die Seele getrieben,
Und mit Liebe zu schaun.
Und so schreit ich im Thale,
In den Bergen, am Bach,
Jedem segnenden Strahle,
Jedem verzehrend nach.
Jedem leisen Verfärben
Lausch'ich mit stillem Bemühn
Jedem Wachseu und Sterben,
Jedem Welken und Blühn.
Selig lern'ich es spüren,
Wie die Schöpfung entlang
Geist und Welt sich berüren
Zn harmonischem Klang ⁴⁾.

КОНЕЦ Т

⁴⁾ «Только къ отдыху, къ любви, къ тихому созиданю себя, душа чувствуетъ влеченіе, на все взирая съ любовью. И я хожу по долинѣ, по горамъ, ручьямъ, за каждымъ благодѣтельнымъ, за каждымъ разрушительнымъ лучомъ. За каждымъ легкимъ измѣненіемъ слѣжу я съ тихимъ вниманіемъ, за каждымъ ростомъ и умираниемъ, за каждымъ увяданіемъ и расцвѣтомъ. Съ блаженствомъ учусь я наблюдать, какъ во всемъ твореніи духъ и міръ сливаются въ гармоническое созвучіе.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Введение	3
ГЛАВА I. Христіанско-теологическое и языческо-симпатическое чувство природы первыхъ десяти вѣковъ	23
ГЛАВА II. Наивное воззрѣніе на природу въ эпоху крестовыхъ походовъ	62
ГЛАВА III. Индивидуализмъ и сантиментальная поэзія природы въ эпоху Возрожденія	93
ГЛАВА IV. Воодушевленіе природой у путешественниковъ-от- крывателей и отношеніе католического мистицизма къ при- родѣ	138
ГЛАВА V. Поэзія природы у Шекспира	166
ГЛАВА VI. Красота пейзажа въ живописи	189
ГЛАВА VII. Искусственная природа въ эпоху гуманизма и ро- кою	203
ГЛАВА VIII. Признаки возвращенія къ живой природѣ	226
ГЛАВА IX. Чувствительно-элегическое направлѣніе въ поэзіи .	243
ГЛАВА X. Романизмъ въ поэзіи природы.	267
ГЛАВА XI. Представители современной поэзіи природы: Гете .	300
ГЛАВА XI (продолженіе) Байронъ и Шелли	342
ГЛАВА XI (продолженіе) Ламартинъ и Викторъ Гюго	361
ГЛАВА XI (продолженіе) Нѣмецкіе романтики	368
Заключеніе	385

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ЧУВСТВА ПРИРОДЫ.

(DIE ENTWICKELUNG DES NATURGEFÜHLs).

АЛЬФРЕДА БИЗЭ.

Переводъ Д. Коробчевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный складъ В. И. Губинскаго.

1891.